

Михайловский А.Б.

Крымский излом

Русский крест - Ангелы в погонах

Annotation

Аннотация:

Часть первая "Заря на Евпаторией". Соединение контр-адмирала Ларионова внезапно появляется в Чёрном море вечером 4 января 1942 года. В грядущую ночь советское командование планирует высадить в Евпатории тактический десант. Нет ни минуты сомнения, во исполнение присяги группировка из 21 века вступает в Великую отечественную войну. Моряки, лётчики, морская пехота, спецназ, все они будут приближать ту единственную Победу. Одной из первых задач соединения становится установить прямую связь с человеком, находящимся по адресу: Москва, Кремль, товарищ Иванов.

Часть вторая "Час истины". В штаб сводной бригады прибывает генерал-лейтенант Василевский с задачей разобраться в обстановке и наладить надёжную связь с неожиданными союзниками. Немецкие части, снятые с осады Севастополя безуспешно пытаются сбросить десант в море. За час до полуночи, когда противник окончательно выдыхается, морская пехота и такки из будущего наносят свой страшный удар. А до Симферополя всего пятьдесят километров. И вот уже роли поменялись 11-я армия находится в железном мешке, а фронт осады Севастополя прорван извне.

Часть третья "Процесс пошёл" повествует о том как была установлена постоянная и непрерывная связь между товарищем Сталиным и командованием соединения из будущего. О том какие изменения произошли на советско германском фронте в последующие дни. О ликвидации остатков 11-й армии вермахта и полном освобождении Крыма. Сводная бригада из будущего обретает официальное существование, боевое знамя и названия 1-я Отдельная Тяжёлая Механизированная Бригада ОСНАЗ РГК. В историю вовлекаются все новые люди первой величины, от генерала Рокоссовского, Лаврентия Берии и адмирала Кузнецова, до бригадкомиссара Л.И. Брежнева, и старшего лейтенанта Покрышкина.

Часть четвёртая "Мы вернулись, мама!" рассказывает как пополненная людьми и техникой бригада ОСНАЗ РГК готовится к будущим боям, а на Чёрном море своё веское слово говорит объединённый Черноморский флот. Уничтожены нефтепромыслы в Плоешти, в хлам разгромлена Констанца, а победители медленно дефилируют вдоль берегов

Болгарии и Турции, показывая миру невероятную эклектику из андреевских и советских военно-морских флагов. И в довершение всего, бомбардировочная эскадра люфтваффе направленная для уничтожения объединённого флота, сама становится жертвой новых технологий. И на все это побоище происходящее в виду входа в Босфор смотрят шпионы со всего мира. Турецкий президент в ужасе, Гитлер в истерике.

Том второй "Встречный удар"

Часть пятая "Операция "Полынь". Над заснеженными январскими степями между Днепром с Северским Донцом неожиданно встал призрак июня сорок первого. Только теперь в воздухе господствует советская авиация, а по немецким тылам рвётся вперёд мехбригада генерал-майора Бережного. Сокрушена спешно собранная из резервов кампфгруппа Гудериана. немецкие коммуникации, ведущие к группе армий "Юг" полностью перерезаны. Наконец удерживая за собой Лозовую и Павловград, бригада вскрывает советско- германский фронт у Изюма. А юго западным фронтом командует уже не туповатый маршал Тимошенко, а талантливый генерал-лейтенант Василевский. В этой истории не будет Сталинградского котла, но ровно на год раньше случится котел Сталинский. Сталино, так тогда именовался Донецк.

Часть шестая "Бросок на Север". Часть кораблей соединения из будущего должны быть переведены на север в Арктику. Судьба конвоев PQ, снабжение по ленд-лизу и необходимость парализовать деятельность так называемой Арктической эскадры, заставляют советское командование спешить. Из Америки вызван молодой Перспективный дипломат А.А. Громыко. Теперь после советских побед на земле и на море. После пропуска турками итальянского флота. Громыко должен вырвать у президента Инёню разрешение на проход русских боевых кораблей. Справится – заменит престарелого Молотова на самом высоком посту в советской дипломатии. Не справится – попадёт на Лубянку, как это и было заведено в те годы.

Часть седьмая "Обманчивая тишина". Гвардейская отдельная механизированная бригада готовится к новым подвигам и свершениям. Авиагруппа с «Кузнецова» осваивает аэродром ЛИИ в Кратово. Особая корабельная группа выходит в Атлантику смущая всех встречных сочетанием андреевского и советского военно-морского флагов. В глубине вод невидимая и неосязаемая мчится на 30 узловой скорости к побережью Венесуэлы АПЛ "Северодвинск". Пока все тихо, но это только пока.

Часть восьмая "Коврики для Алоизыча". Гвардейская отдельная механизированная бригада продолжает готовиться к новым подвигам и

свершениям. Все идёт своим чередом. Конструкторы конструируют, иностранные дипломаты строят версии, а немецкая разведка козни. Но "Большое Ухо" радиоразведки и опытные спецы ГРУ позволяют не один раз наказать заносчивых тевтонов за любовь к штампам и пиву. Близится эра новых годов...

- [Том первый. Крымский излом](#)
 - [Нигде и никогда, вне времени и пространства.](#)
 - [Часть 1. Заря над Евпаторией](#)
 - [Узел первый. День Д. 4 января 1942 года, Чёрное море, 200 километров юго-западнее Севастополя.](#)
 - [Тогда же и там же, тяжёлый авианесущий крейсер "Адмирал флота Советского Союза Николай Кузнецов"](#)
 - [Тогда же и там же, журналист Александр Тамбовцев.](#)
 - [4 января 1942 года 18:32, ТАКР "Адмирал Кузнецов", разведотдел штаба соединения подполковник СВР Николай Ильин.](#)
 - [4 января 1942 года 21:10, Чёрное море, Стрелецкая бухта Севастополя.](#)
 - [4 января 1942 года 21:31, Чёрное море, 55 километров западнее Евпатории. Тяжёлый авианесущий крейсер "Николай Кузнецов"](#)
 - [День Д. 4 января 1942 года 23:20, Чёрное море, 35 километров западнее Евпатории. Тяжёлый авианесущий крейсер "Николай Кузнецов"](#)
 - [5 января 1942 года. 03.00. Рейд Евпатории. Борт катера МО-4 \(бортовой номер СКА-042\). Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.](#)
 - [5 января 1942 года. 01:35. Корреспондент ИТАР-ТАСС Тамбовцев Александр Васильевич.](#)
 - [5 января 1942 года. 03:35. Евпатория. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.](#)
 - [5 января 1942 года. Евпатория, около 4 часов утра. Спецкор ИТАР-ТАСС, Александр Тамбовцев.](#)
 - [5 января 1942 года. 02:00. Лесная поляна неподалеку от пос. Сарабуз. Полковник ГРУ Бережной.](#)
 - [5 января 1942 года, 07:00. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.](#)

- 5 января 1942 года 14:00, воздушное пространство в окрестностях Новороссийска, борт транспортно-пассажирского самолёта ПС-84 (Си-47)
- 5 января 1942 года 16:05, аэродром Саки, борт транспортно-пассажирского самолёта ПС-84 (Си-47)
- Часть 2. Час истины!
 - 5 января 1942 года. 16:12. Аэродром Саки. Исполняющий обязанности командира сводной механизированной бригады Полковник ГРУ Бережной.
 - 5 января 1942 года. 16:47. Аэродром Саки. Капитан Александр Тамбовцев.
 - 5 января 1942 года, 17:35, аэродром Саки, штаб сводной механизированной бригады.
 - 5 января 1942 года, 19:00, аэродром Саки, штаб сводной механизированной бригады. капитан ПГУ КГБ Тамбовцев.
 - 5 января 1942 года. 21:20. пос. Червоное. НП сводной механизированной бригады Командир бригады полковник Бережной.
 - 5 января 1942 года. 21:35. окраина пос. Червоное. Позиции сводной мехбригады. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.
 - 6 января 1942 года. 06:25. 1-я рота батальона "Балтика". Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.
 - 6 января 1942 года. 06:05. Немецкие позиции в Бельбекской долине.
 - 6 января 1942 года. 07:15. 1-я рота батальона "Балтика". Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.
 - 6 января 1942 года, 6:35, аэродром Саки. Штаб сводной механизированной бригады.
 - 6 января 1942 года. 05:55. Позиции 8-й бригады морской пехоты Черноморского флота. Комбриг полковник Владимир Львович Вильшанский.
 - 6 января 1942 года. 09:05. 1-я рота батальона "Балтика". Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.
 - 6 января 1942 года. 09:42. окраина Бахчисарая. 1-я рота батальона "Балтика". Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.
 - 6 января 1942 года. Утро. Женский лагерь советских

военнопленных под Бахчисараем. Военврач 3-го ранга Алёна Лапина

- Тогда же и там же. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.
- Тогда же и там же. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.
- 6 января 1942 года. 12:15. пос. Дуванкой. Позиции 8-й бригады морской пехоты Черноморского флота. Комбриг полковник Владимир Вильшанский.

○ Часть 3. Процесс пошёл!

- 6 января 1942 года, 16:25. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.
- 6 января 1942 года, 17:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.
- 6 января 1942 года, 18:25. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.
- 6 января 1942 года, 21:05, Симферополь, аэродром Сарабуз. КП Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады ОСНАЗ РГК.
- 7 января 1942 года, 07:00. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.
- 7 января 1942 года, 15:15. Примерно на полпути между Констанцей и Севастополем:
- 7 января 1942 года, 15:35. Борт транспортно-пассажирского самолёта ПС-84. Фронтовой аэродром в пригороде Ростова.
- 7 января 1942 года. 16:05. Симферополь. пос. Сарабуз. КП ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады полковник Бережной.
- 7 января 1942 года, 17:05, Симферополь, аэродром Сарабуз. КП Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады ОСНАЗ РГК. Генерал-лейтенант Василевский Александр Михайлович
- 7 января 1942 года, 17:45. аэродром Саки. Старший лейтенант Покрышкин А.И. (Глава из книги "Небо войны" А.И. 1985 год)
- 7 января 1942 года, 18:35. Внешний рейд Евпатории, ТАКР "Адмирал Кузнецов". Адмирал Кузнецов Николай

Герасимович

- 7 января 1942 года, 20:05. Симферополь, пос. Сарабуз. КП ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК . Старший лейтенант СПН ГРУ Бесоев Николай Арсеньевич.
- 7 января 1942 года, 23:15, Севастополь, Северная бухта, лидер «Ташкент». Командир корабля, капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ерошенко
- 7 января 1942 года, 23:15. ТАКР "Адмирал Кузнецов". Старший лейтенант Покрышкин А.И. (Глава из книги "Небо войны" А.И. 1985 год)
- 8 января 1942 года, 00:45. Севастополь, Северная бухта, лидер "Ташкент". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович
- 8 января 1942 года, 08:25. На траверзе Ялты, лидер Ташкент. Командир корабля капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ерошенко
- 8 января 1942 года. Полдень. Евпатория. Госпиталь особого назначения (санаторий имени В.И. Ленина). Военврач 3-го ранга Алёна Лапина
- Часть 4. Мы вернулись, мама!
 - 9 января 1942 года, 10:05. Перекоп, станция Армянск. Майор Сергей Александрович Рагуленко
 - 9 января 1942 года. 12:05 СЕ. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.
 - 9 января 1942 года. 15:25. Перекоп. ст. Армянск. КП ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной.
 - 10 января 1942 года. 8:25. Перекоп. ст. Армянск. Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Поэт, писатель, журналист Константин Симонов. Из "Крымской тетради"
 - 10 января 1942 года, 12:45, Севастополь, Южная бухта. КП ЧФ. Адмирал Кузнецов Николай Герасимович
 - 10 января 1942 года, 15:40. Авиабазы авиагруппы особого назначения РГК Саки. Старший лейтенант Покрышкин Александр Иванович
 - 11 января 1942 года, 2:45. Авиабазы авиагруппы особого назначения РГК Саки. Старший лейтенант Покрышкин Александр Иванович
 - 11 января 1942 года, 03:55. Чёрное море, 35 миль на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

- [11 января 1942 года, 04:07. Чёрное море, 34 мили на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович](#)
- [11 января 1942 года, 04:15. Где-то западнее Евпатории. Позиции ракетной батареи комплекса "Искандер-М".](#)
- [11 января 1942 года, 04:15. Чёрное море, 33 мили на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович](#)
- [11 января 1942 года, 05:42. Внутренний рейд Констанцы, якорная стоянка. Танкер "Шипка" \(Болгария\). Старший помощник Николай Кайгородов.](#)
- [11 января 1942 года, 16:25. Чёрное море, 15 миль на траверзе Босфора. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович](#)
- [12 января 1942 года, 08:20. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.](#)
- [12 января 1942 года, 09:30. Анкара. Кабинет президента Турецкой Республики. Президент Турции Исмет Инёню и начальник военной разведки генерал Азим Гюндус.](#)
- [12 января 1942 года. 22:35. Перекоп, ст. Армянск. Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной.](#)
- [12 января 1942 года. Вечер. Окрестности Симферополя. Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.](#)
- [14 января 1942 года. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.](#)
- [Том второй. Встречный удар](#)
 - [Часть 5. Операция "Полынь"](#)
 - [16 января 1942 года. 05:25. Перекоп, ст. Армянск. Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной.](#)
 - [16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Командир танкового батальона майор Деревянко.](#)
 - [16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Генерал Гейнц Гудериан.](#)
 - [16 января 1942 года. 13:15. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Командир танкового батальона майор Деревянко.](#)

- [16 января 1942 года. 17:35. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Командир бригады генерал-майор Бережной.](#)
- [16 января 1942 года. 17:55. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Поэт, писатель, журналист Константин Симонов. Из "Крымской тетради"](#)
- [16 января 1942 года. 18:05. Северная Таврия, дорога на Каховку. Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.](#)
- [16 января 1942 года. 23:55. Северная Таврия, ст. Каховка. Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.](#)
- [17 января 1942 года. 8:15. Северная Таврия, ст. Каховка. Лейтенант РККА Семён Листьев.](#)
- [18 января 1942 года. 05:05. Северная Таврия, 50 км до ст. Запорожье. Командир бригады генерал-майор Бережной.](#)
- [18 января 1942 года. 08:15. Севастополь, Северная Бухта, ракетный крейсер "Москва". Командир корабля капитан 1-го ранга Остапенко.](#)
- [19 января 1942 года. Вечер. Лондон. Бункер премьер-министра Англии. Премьер-министр Уинстон Черчилль и глава SIS Стюарт Мензис.](#)
- [20 января 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.](#)
- [20 января 1942 года, Утро. Юго-Западный фронт, 5 км. севернее Изюма.](#)
- [20 января 1942 года, Вечер. США. Вашингтон. Белый дом. Президент Франклин Рузвельт и его помощник Гарри Гопкинс.](#)
- [21 января 1942 года. Ранее утро. Юго-Западный фронт, ст Лозовая. Командующий 6-й армией РККА генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский](#)
- [21 января 1942 года. Утро, 07:55. Окрестности посёлка Новоявленная. Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.](#)
- [21 января 1942 года. Вечер, 20:45. Разъезд Дружковка. Командир бригады генерал-майор Бережной.](#)
- [Тогда же и там же. Командир пулемётного взвода старший сержант Кукушкин Игорь Андреевич.](#)
- [22 января 1942 года. Ночь, 03:35. г. Сталино, штаб 1-й танковой армии вермахта](#)
- [Примерно в то же время. В районе станции Барвенково.](#)
- [Несколько минут спустя. г. Сталино, штаб 1-й танковой](#)

армии вермахта

- 24 января 1942 года. Поздний вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

○ Часть 6. Бросок на Север

- 26 января 1942 года, Утро. Севастополь, Северная бухта, крейсер "Молотов". Посол по особым поручениям Андрей Андреевич Громько
- 26 января 1942 года, Утро. станция Краматорск. Майор Сергей Александрович Рагуленко
- 26 января 1942 года. Полдень. Чёрное море, лидер "Ташкент". Командир корабля капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ерошенко
- 26 января 1942 года. Вечер. Куйбышев, здание НИИ ОС (особого назначения) №1. Инженер СПМБМ "Малахит" Алексей Петрович Малышкин.
- 27 января 1942 года. Полдень. Турция. Анкара. Площадь Кызылай. Дворец президента Турции "Чанкая". Президент Турецкой республики Мустафа Исмет Инёню.
- 28 января 1942 года. Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.
- Пять минут спустя, там же. Генерал-майор Бережной.
- Пять минут спустя, там же. Лицом к лицу со Сталиным. Генерал-майор Бережной.
- 28 января 1942 года, полдень. Станция Воронеж. Гвардии майор Сергей Александрович Рагуленко
- 29 января 1942 года. Утро. Восточная часть Средиземного моря, 100 миль на траверзе Латакии, пароход "Гаронна". бывший штабс-капитан ВСЮР Пётр Петрович Одинцов
- 29 января 1942 года. Вечер. Атлантика 100 миль западнее Лиссабона, АПЛ "Северодвинск".
- Там же, АПЛ "Северодвинск", шесть часов спустя.
- 30 января 1942 года. Утро, станция Кубинка-1. Командир ОТМБ ОСНАЗ РГК генерал-майор Бережной.
- 31 января 1942 года. 11:45 СЕ. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.

○ Часть 7. Обманчивая тишина

- 2 февраля 1942 года. Утро. Неподалеку от полигона Кубинка, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады

генерал-майор Бережной.

- 2 февраля 1942 года, Полдень. Гибралтарский пролив. Сводная эскадра особого назначения. Адмирал Кузнецов Николай Герасимович
- 3 февраля 1942 года. Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. Генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич.
- 3 февраля 1942 года, Полдень. Атлантический океан, 100 миль на траверзе Лиссабона. Боевая рубка линкора флота Его Величества "Родней".
- 3 февраля 1942 года. Вечер, Крым, Кача. Учебный центр отдельной механизированной бригады ОСНАЗ РГК. Гвардии майор Тамбовцев Александр Васильевич.
- 4 февраля 1942 года. Утро. Севастополь, Северная Бухта, пароход "Гаронна". Бывший штабс-капитан ВСЮР Пётр Петрович Одинцов
- 4 февраля 1942 года. Вечер. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.
- 4 февраля 1942 года. Поздний вечер, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной.
- 4 февраля 1942 года. 23.00. Москва. Посольство США в СССР. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.
- 5 февраля 1942 года. 08.05. Москва. Кремль. Кабинет Верховного Главнокомандующего вооружёнными силами СССР Иосифа Сталина. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.
- 5 февраля 1942 года. Утро, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной
- 6 февраля 1942 года. Утро. Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.
- 6 февраля 1942 года. Около полудня. Аэродром люфтваффе недалеко от Минска.
- 6 февраля 1942 года. 14:04. Штаб ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной
- 6 февраля 1942 года. 14:33. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово. Гвардии капитан Александр Иванович Покрышкин.

- 6 февраля 1942 года. 15:45. Смоленск. 3 км к западу от аэродрома "Северный". Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.
 - 6 февраля 1942 года. 18:05. Смоленск. Штаб группы армий "Центр". Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих и генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге
 - Часть 8. Коврики для Алоизыча
 - 6 февраля 1942 года. 21:35. Штаб ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной
 - Полчаса спустя, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Гвардии капитан ОСНАЗ РГК Бесоев Николай Арсеньевич.
 - 7 февраля 1942 года. 11:45. Где-то на шоссе между Рославлем и Юхновым. Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.
 - 7 февраля 1942 года. 15:05. Лесной массив на шоссе между Рославлем и Юхновым. Гвардии капитан ОСНАЗ РГК Бесоев Николай Арсеньевич.
 - 8 февраля 1942 года. Полдень. Москва, Кремль. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.
 - 8 февраля 1942 года. . Москва, Кремль. Кабинет тов. Сталина. Вскоре после ухода мистера Гопкинса, полковника Рэндолла и переводчика.
 - 9 февраля 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.
 - 10 февраля 1942 года. Полдень. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.
 - 11 февраля 1942 года, 02:00, Норвежское море, траверз Нарвика. Сводная эскадра особого назначения. РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович
 - 13 февраля 1942 года. 10:05. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово. Летное поле
 - 13 февраля 1942 года. 10:45. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово. Штаб авиагруппы ОСНАЗ РГК
 - 14 февраля 1942 года. Полдень. Полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной.
-

Том первый. Крымский излом

Нигде и никогда, вне времени и пространства.

ГОЛОС звучал, перекатываясь в головах людей громовыми волнами.

- Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

- Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента, сканирующая линза создана, процесс обнаружения, и локализации объектов запущен. – после длящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома ГОЛОС продолжил, – Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

- Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

- Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента, трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент – 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Второй доступный узел-реципиент – 3 марта 1917 года, координаты пятьдесят девять дробь двадцать один, имеется критическое предупреждение первого уровня об опасно низком соотношении силы матрицы и сопротивления среды. Третий доступный узел-реципиент – 5 июня 1877 года, координаты тридцать девять дробь двадцать пять. Четвёртый доступный узел-реципиент – 4 ноября 1854 года, координаты сорок два дробь тридцать... Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

- Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

- Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия – готово, копирование успешно...

Потом ГОЛОС хихикнул и в манере хорошо вышколенной стюардессы продолжил:

– Товарищи, наш рейс прибыл в 1942 год, за бортом 4 января означенного года по григорианскому календарю, двести километров юго-западнее Севастополя. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не

беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы.

ГОЛОС посуровел.

– Делайте что должно и да свершится что суждено! Привет Алоизычу.
Аминь!

Часть 1. Заря над Евпаторией

Узел первый. День Д. 4 января 1942 года, Чёрное море, 200 километров юго-западнее Севастополя.

День уже склонялся к вечеру, Хеншель-126, он же "Костыль", он же "Мотылек", прикомандированный к третьей группе семьдесят седьмой штурмовой эскадры, базировавшейся на аэродроме Саки, совершал свой последний за этот день разведывательный полёт. Через полтора часа сядет солнце и наступит долгая зимняя ночь. Высота полторы тысячи метров, наблюдатель до рези в глазах вглядывается в горизонт в поисках русских кораблей. Примерно месяц назад комиссары на двух катерах совершили хулиганский набег на Евпаторию, освободили из лагеря своих, разгромили полицейское управление и взяли пленных. Поэтому внимание и ещё раз внимание, в любой момент может повториться нечто подобное и в куда больших масштабах. Вот расслабились камрады на Керченском полуострове и пожалуйста, десять дней назад большевики высадили свои дикие орды и теперь продвигаются вперёд, грозя уничтожить на своём пути все живое. Внезапно самолёт ощутимо трянуло, будто под ним разорвался зенитный снаряд, но не было слышно грохота взрыва, не пробарабанили по обшивке осколки. Наблюдатель машинально бросил взгляд вниз и от удивления оледенел, прямо под ними на поверхности моря быстро расплзлось облако грязно-желтого тумана. Наблюдатель по внутренней связи вызвал пилота.

- Курт, глянь вниз, видел когда-нибудь такую штуку?

Несколько минут пилот вглядывался в расплзающийся туман.

- В первый раз вижу, Отто, но сдаётся мне, это слегка похоже на дымовую завесу. Да и цвет такой, специфический, обычный туман таким не бывает.

- Тогда давай посмотрим на это чудо поближе, – ответил Отто. – Если это дымовая завеса, то она должна прятать что-то чертовски большое...

- Яволь, камрад! – Курт сострил. – Конечно же Сталин прячет там подводную лодку в три километра длиной.

Герои люфтваффе отсмеялись, и маленький самолётик, заложив вираж, начал снижение. А туманный блин, достигнув примерно пятикилометрового диаметра прекратил расти, вздрогнул и, истончаясь, начал распадаться на клочья. Вот в прорехах между грязно-желтыми

ключьями показалась палуба громадного корабля.

- Иезус Мария, – пробормотал ошеломлённый Отто. – Что это, Курт? Авианосец?!

- Конечно, Отто, это авианосец, – огрызнулся Курт. – Немедленно докладывай!

Отто забормотал в рацию, а оберлейтенант люфтваффе Курт Зоммер уже прикидывал, как красиво будет смотреться на его парадном кителе железный крест за обнаружение русского авианосца, который парни из семьдесят седьмой штурмовой эскадры конечно же потопят.

В этот момент, там внизу, лейтенант Сергеев опустил бинокль и коротко бросил в переговорное устройство:

- Немец, – он достаточно чётко разглядел на крыльях белые кресты и не испытывал никаких иллюзий.

Поскольку, если ГОЛОС не лгал, и тут действительно сорок второй год, ни советские, ни немецкие самолёты не оборудованы ответчиками системы свой-чужой, и перед открытием огня требовалось визуально удостовериться, что перед ними враг. Что же, как говорится, бойтесь хотеть чего-нибудь, вы можете это получить.

В детстве Леха Сергеев хотел попасть на эту войну, чтобы, чтобы... Он и сам не знал для чего точно, но был уверен, что так было бы правильно. И вот он здесь, не на игрушечной войне своей детской мечты, а на самой настоящей, где каждую секунду гибнут люди, которые этой войны не хотели, но теперь вынуждены ценой своей жизни останавливать взбесившегося германского зверя. И вот, кажется, он уже убил своего первого немца.

Запрет на поражение цели отменен, и ожила одна из башен зенитного ракетно-артиллерийского комплекса "Кортик-М". По ползущему на высоте восьмьсот метров с заунывным воем "Костылю" не было истрачено ни одной ракеты, слишком жирно для такой мелюзги. Два шестиствольных автомата выбросили в его сторону по полусекундной очереди в сорок снарядов. Задача для автоматики детская, цель движется по прямой на очень небольшой скорости и высоте, не маневрирует... Доля секунды и во все стороны брызгами полетели изувеченные обломки, несчастный Хеншель будто пропустили через мясорубку. Герои люфтваффе умерли мгновенно, даже не успев ничего понять, также на полуслове оборвалась и передача в эфире. И правильно, никто их сюда не приглашал.

А на палубе "Адмирала Кузнецова" тем временем кипела работа. На стартовые позиции уже вытаскивали две Су-33 дежурного звена. Ещё в той жизни, когда соединение прошло траверз Александрии, контр-адмирал

Ларионов приказал держать дежурную пару с подвешенным вооружением воздух-воздух в полной готовности к взлету. Учения так учения. Вот, взревев двигателями, самолёт ведущего пары майора Коломенцева сорвался с места и, подпрыгнув на трамплине, начал быстро набирать высоту. Вслед за ним стартовал его ведомый, капитан Гордин.

Они успели... Даже если бы и не успели, то имея мощное ПВО, соединение могло отбиться от воздушной атаки и без помощи истребителей, но чем чёрт не шутит. Совместное отражение атак пикирующих бомбардировщиков ещё не было отработано, можно было при разборе целей случайно упустить какого-нибудь мерзавца и получить пятисоткилограммовый сюрприз в палубу. Ведь бомбами "Штуки" кидаются метко, да и манёвренность у них будь здоров.

Там временем на аэродроме в Саках царила бешеная суматоха. Выпустив в воздух дежурный штаффель, техники лихорадочно готовили к вылету ещё два. Командир первой авиагруппы обер-лейтенант Хельмут Брук доложил командиру семьдесят седьмой штурмовой эскадры майору графу Клеменсу фон Шёнборн-Визентхайду об обнаруженной разведчиком морской эскадре большевиков, включающей авианосец трёхсотметровой длины и вылетел на задание... Больше его никто не видел. Зимнее Чёрное море весьма сурово, в его водах живые завидуют мёртвым... Ещё примерно десять минут.

В штабе эскадры дежурный офицер услышав про русский авианосец, пробормотал под нос.

- Чего они там пьют, обормоты? Авианосец ему привиделся, а мне с этого славянского самогона пока только зелёные черти приходили.

Но орднунг есть орднунг, и про авианосец было доложено по команде. В ответ из штаба авиакорпуса потребовали перепроверить информацию. Но неумолимо спускалась ночь и до командующего авиакорпусом, генерала Лотара фон Рихтгофена информация дошла уже за полночь, когда события неслись вскачь.

Группа русских самолётов неизвестной конструкции, в течение ночи несколькими последовательными налётами вдребезги разнесла всю инфраструктуру люфтваффе в Крыму и его оперативных окрестностях. Кроме того был поражен железнодорожный мост через Сиваш и вдребезги разбита железнодорожная станция Перекоп. И все это ночью и на огромной скорости. Лишь когда дело уже сделано, в отблесках пожара нет-нет да и мелькнет странный стреловидный силуэт с красными звездами на крыльях. Штурмовому удару подверглись также аэродромы в Каче и Симферополе, прямо на земле сгорело более десятка новеньких Bf-109F. В русский

авианосец генерал Лотар фон Рихтгофен не верил, поэтому с утра был запланирован массированный налёт всем, что может летать, на Севастополь.

Но это будет позже, а пока дежурный второй штаффель, не ведая печали, приближался к указанному в сообщении квадрату. Всё будет как всегда, налётят и потопят. А если что-то и останется после них на плаву, то придётся на долю камрадов из первого и третьего штаффеля, которые вылетят к цели чуть попозже.

Внезапно небо перечеркнула белая, чуть кудрявящаяся линия и ведущий девятку "Штукас" превратился в огненный шар. Один из его ведомых, очевидно повреждённый разлетающимися обломками, выпустил жирный хвост дыма и неудержимо повалился вниз, в очерченные белыми барашками волны Чёрного моря. Асы люфтваффе даже не успели прийти в себя от шока, как заострённый предмет, оставляющий за собой чёткий белый след, молнией воткнулся в ведущего правого шварма. Ну не повезло парням, что поделаешь: от взрыва боевой части ракеты сдетонировала пятисоткилограммовая бомба на подвеске, что поставило жирную точку на всех трёх пикирующих бомбардировщиках. Ведущий левой тройки попытался связаться с командиром группы, предупредить... одновременно разворачиваясь на обратный курс, но эфир оказался заполнен каким-то хохотом, свистом, писком и мяуканьем.

Ракета Р-27ЭР чуть-чуть промахнулась, взорвалась десятью метрами выше строя ударающих со снижением "Штук". Но если у тебя в боевой части почти сорок килограмм мощнейшей взрывчатки и полторы тысячи готовых сверхтвёрдых элементов... то "чуть-чуть" не считается "промахнулась". Смертоносный вихрь готовых осколков прошёлся по плоскостям, кабинам, капотам, следом пришла ударная волна, отрывая хвостовые оперения и ломая плоскости. Все три "Штуки" рухнули вниз бесформенными комьями дюраля, будто никогда и не умели летать. Последний Ju-87, зависший в закатной синеве, майор Коломенцев снял с неба короткой очередью из пушки.

А впереди уже маячили чёрные точки юнкерсов двух следующих штаффелей. Ещё пять ракет Р-27ЭР, потом устранение недоделок пушками – и ещё восемнадцать "Штук" со специфическими красными хвостовыми оперениями присоединилось к своим приятелям на дне Чёрного моря. Последнее, что в своей жизни видел обер-лейтенант Хельмут Брук, это две краснозвёздных стрелы в пятнистой голубоватой раскраске атакующие по кривой петле с неумолимостью топора гильотины. Очередь из тридцатимиллиметровой пушки точно хлестнула по "Штуке" от капота до

кабины, милосердно отпуская обер-лейтенанта вместе с его стрелком ефрейтором Шмидтом на просторы Валгаллы. А внизу те несчастные, которым повезло выброситься с парашютом, болтались посреди ледяных волн в своих оранжевых спасжилетах. Море тоже возьмет свою долю арийских жизней, ибо их срок вышел.

А с севера, на помощь избиваемым "Штукам" вовсю спешили восемь Ме-109Ф с аэродрома подскока Кача под Севастополем. Они ещё не знали, что спасать больше некого. Заложив вираж, две сушки направились навстречу новым гостям, пир души продолжался.

Тогда же и там же, тяжёлый авианесущий крейсер "Адмирал флота Советского Союза Николай Кузнецов"

- Сорок второй год, январь!

В сознании у контр-адмирала что-то щёлкнуло, и он вдруг стал спокоен, как система наведения, направляющая боеголовку на цель. Только по краю мелькнула мысль – а ведь дед-то в Севастополе, ещё жив, пока... Внешне же контр-адмирал Ларионов являл собой пример хладнокровия и невозмутимости.

Первым делом звонок на ГКП, капитан 1-го ранга Андреев уже на боевом посту.

- Антон Иванович, доложите обстановку? Что, немецкий разведчик, визуально опознан и уже сбит! Молодцы! Запишите в журнал и от моего имени передайте на другие корабли, с этой минуты межфлотское корабельное соединение Военно-Морского Флота Российской Федерации находится в состоянии войны с фашистской Германией. С этого момента на кораблях действуют законы военного времени. Поднять в воздух дежурную пару. Что? Уже на старте?! Правильно. Если тут болтался разведчик, то скоро могут прилететь гости посерьёзнее.

И, немного помолчав добавил:

- Пошлите борт на "Смольный", пусть заберут группы полковника Антоновой, и полковника Бережного, нечего им там прохлаждаться... Журналисты пожалуй тоже пусть будут под рукой. Оперативному отделу выяснить обстановку на берегу и доложить. Связистам приступить к прослушиванию эфира и локализации каналов связи советской и немецкой группировок со своим командованием. И ещё, Антон Иванович, мне, точнее всем нам, срочно нужен прямой канал связи с Москвой. Передайте всем,

через час оперативное совещание штаба в расширенном составе. И Иванцова ко мне, срочно. Обязаны присутствовать командиры кораблей и приданных соединению частей. Все, исполняйте!

Повесив трубку, адмирал перевёл дух. Вот и пришло время, когда надо решать, брать на себя ответственность и отвечать за свои решения. Но эта война – дело святое, а значит, делай что должно, и да свершится что суждено.

Оперативное совещание собрали в адмиральском салоне. На плазменный экран вывели карту советско-германского фронта на четвёртое января тысяча девятьсот сорок второго года. Докладывал начальник штаба соединения капитан 1-го ранга Сергей Петрович Иванцов .

- Обстановка на 4 января 1942 года на советско-германском фронте складывается следующим образом. На северном участке фронта затишье, Тихвинская наступательная операция советских войск успешно завершена, угроза двойной блокады Ленинграда сорвана. Любаньская операция пока не начата. На центральном участке фронта продолжается контрнаступление советских войск под Москвой, которое вот-вот должно войти в стадию Ржевско-Вяземской наступательной операции. На южном участке фронта, в результате контрударов Красной Армии, освобождены Ростов-на-Дону и Керченский полуостров с Феодосией.

А теперь о стратегической обстановке, товарищи. Стратегическая обстановка на советско-германском фронте такова, что несмотря на завершившуюся мобилизацию и подтянутые резервы, фашистская Германия до сих пор обладает количественным и качественным перевесом в авиации. Из-за утраты стратегических запасов боеприпасов и эвакуации промышленности за Урал Красная Армия испытывает острый дефицит в вооружении и боеприпасах. У командиров всех уровней недостаточная квалификация, а у большинства бойцов Красной Армии отсутствует боевой опыт.

Теперь детально о положении в Крыму. 2 января сего года завершилась Керченско-Феодосийская наступательная операция. Войска вышли на рубеж Киет-Новая Покровка-Коктебель. Дальнейшему продвижению мешает плохое снабжение из-за неустойчивой погоды и действий вражеской авиации. В порту Феодосии люфтваффе потопило четыре крупных транспортных судна, и тяжело повредило флагман Черноморского флота крейсер "Красный Кавказ". Через несколько часов советское командование приступит к исполнению плана по высадке в Евпатории тактического десанта. Из-за шторма, который разыграется в ночь с 5 на 6 января и продлится три дня, десант окажется без помощи и будет

полностью уничтожен противником, – капитан 1-го ранга Иванцов вывел на плазменную панель схему Евпаторийского десантаю – Как видите, десантникам удалось захватить набережную и Старый Город. Морской порт, Курортная зона и Новый город остались в руках немцев. К десяти часам утра 5 января немцы подтянули резервы со стороны Севастополя и Симферополя и перешли в контрнаступление. Против десанта весь день 5 января активно действовала немецкая авиация...

- Подожди минутку, Сергей Петрович, – контр-адмирал подошёл к изображённой на плазменной панели схеме и задумался. – Времени на размышления очень мало, товарищи. Если верить истории, через сутки начнётся шторм, и тогда помочь десанту не сможет не только командование в Севастополе, но и мы тоже. Решать надо сейчас же! Сергей Петрович, записывайте, а вы, товарищи морские пехотинцы, подойдите к карте.

Из группы офицеров, стоящих чуть поодаль плазменной панели вышло два майора. Оба невысокие коренастые, чем-то неуловимо похожие. Только один брюнет, с намёком на предков с Кавказа, а второй типичный уроженец средней полосы.

- Майор Осипян, – продолжил контр-адмирал, – черноморский батальон высаживается вместе с бронетехникой в районе города Саки. Задача, захватить одноимённый аэродром и оседлать дороги Евпатория – Симферополь и Евпатория – Севастополь. Один взвод обязательно направьте вдоль Симферопольского шоссе в сторону Евпатории, с задачей сомкнуться с десантниками капитан-лейтенанта Бузинова и помочь им продвинуться вдоль Эскадронной улицы. Владимир Вазгенович, после занятия рубежа основным силам вашего батальона необходимо оборудовать оборонительные позиции из траншей нормального профиля. Рассчитывайте, что вам придётся отражать массированные атаки пехоты противника при поддержке артиллерии. Последний пункт мы у немцев постараемся аннулировать, но ты на это не очень-то и рассчитывай. Действуйте так, будто на вас поперет вся эта проклятая 11-я армия генерала Манштейна. "Адмирал Ушаков" прикрывает вашу высадку своей артиллерией. Основная задача вашего батальона на первом этапе операции – не пропустить к Евпатории немецкие подкрепления. Сергей Петрович, в нашей истории немецкие части подходили на помощь гарнизону организованно, или россыпью?

- Россыпью и как попало, товарищ контр-адмирал, – ответил начальник штаба. – Генерал Манштейн исполнял директиву Гитлера о "горизонтальной" переброске резервов к угрожаемому участку и снимал со "спокойных" мест линии осады – откуда роту, откуда батарею.

- Ну вот и хорошо, – адмирал повернулся к майору Осипяну. – Владимир Вазгенович, замаскируй позиции, в глубине обороны, на дороге, организуй засаду и первые мелкие группы ликвидируй, стараясь не поднять у немцев тревоги. Теперь о балтийском батальоне. Гвардии майор Юдин, твоя задача взять Морской порт и Курортную зону. Тебя будут поддерживать артиллерийским огнём крейсер "Москва" и БПК "Североморск". Обращаю особое внимание командиров боевых кораблей артиллерийской поддержки. Портовые сооружения в Евпатории и аэродром в Саках нужны нам в максимально неповреждённом состоянии. В Евпаторийском порту в течении дня 5 января нам необходимо постараться максимально разгрузить "Колхиду". Пока не начался шторм, на берегу должна оказаться вся тяжёлая техника с необходимым запасом боеприпасов. Антон Васильевич у тебя самая тяжёлая задача – уличные бои во взаимодействии с местными частями морской пехоты. Против тебя будут воевать, – контр-адмирал заглянул в текст в ноутбуке, который стоял на столе рядом с плазменной панелью, – смесь из немецких и румынских частей и жандармерии, набранной из числа изменников крымско-татарской национальности. Разрешаю, татар сотрудничавших с немцами уничтожать на месте, невзирая на пол и возраст. А то наше государство, вместе с товарищем Сталиным, добрые, ещё простят.

Ларионов не выдержал:

- Высылка в солнечный Узбекистан, млять, – не наказание! Ты же был в Чечне в 2002-м, так что поймёшь.

– Теперь дальше, – контр-адмирал снова заглянул в ноутбук. – Полковник Бережной. Вячеслав Николаевич, по вашему особому статусу я не могу вам приказывать, могу только просить...

- Приказывайте, товарищ контр-адмирал, сделаем, – полковник Бережной внимательно посмотрел на своих офицеров, стоящих в углу отдельной группой. – Любой из нас скажет вам, что всю жизнь мечтал, мечтал, а тут прямо как в рекламе "Газпром – мечты сбываются". Это куда лучше чем изводить бедных турок.

Командир роты, плотный мускулистый майор Гордеев кивнул.

- Ставьте задачу, товарищ контр-адмирал, и не беспокойтесь, все будет исполнено по высшему разряду. Голову Адольфа не обещаю, а вот все прочее...

- Голова Адольфа нам пока без надобности, пусть поживет, – в тон майору спецназа ответил контр-адмирал, – а вот все прочее... Значит так, ставлю вашей роте пока две ближайших задачи. В ночь с 4 на 5 января, за два часа до начала операции, скрытно высадиться с вертолётов на северной

окраине города, затем мелкими группами выдвинуться в сторону побережья, ликвидируя патрули, уничтожая командный состав немецких и румынских частей и дезорганизуя оборону города. Основная цель – здание гестапо. Этот гадюшник желательно захватить без лишнего шума. Местных деятелей связать, при подходе бойцов РККА скрытно покинуть здание, оставив пленных в подарок. В серьёзный бой не ввязываться, после выполнения задачи скрытно выходить навстречу батальону майора Юдина. Второе задание – авантюра из авантур: разгромить и уничтожить штаб 11-й армии. Всю осаду Севастополя он находился в одном и том же месте, в посёлке Сарабуз. В дальнейшем вы и ваша вертолётная группа будут дислоцироваться на аэродроме Саки. Задание понятно?

- Так точно, понятно, – майор Гордеев козырнул. – Товарищ контр-адмирал разрешите задать вопрос?

- Спрашивайте, – устало поднял глаза контр-адмирал.

- Что делать в случае контакта с командирами и бойцами Красной Армии? Им что про нас говорить? Не скажешь же, что мы из будущего?

- Говорите, что мы группа спецназначения, подчиняемся напрямую Ставке, – ответил контр-адмирал. – Надеюсь к вечеру пятого, самое позднее утром шестого это уже не будет враньём. Всё товарищи, все свободны. А вот товарищей журналистов я попрошу остаться.

Тогда же и там же, журналист Александр Тамбовцев.

Нас, журналистов, оказалось четверо. Ваш покорный слуга, специальный корреспондент ИТАР-ТАСС, и съёмочная группа телеканала "Звезда". Из них на оперативное совещание пригласили руководителя группы Сергея Викторовича Лосева, журналистку Ирину Олеговну Андрееву, и моего старого знакомого, оператора Андрея Владимировича Романова.

Задумавшись, контр-адмирал прохаживался перед нами, вразвалочку как настоящий моряк. Вот он остановился и обвёл нас взглядом,

- Товарищи журналисты, как известно, все современные войны ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве. Я не могу вам приказывать, вы люди штатские (во всяком случае, в большинстве своём). Я могу вас только просить. Вам надо идти и делать свою работу, показывать будни войны и рассказывать о них. Только вот должен предупредить, что эта война начисто лишена всяких признаков гуманизма и

политкорректности. На этой войне убивают всех – солдат, журналистов, медиков, раненых, женщин, стариков и детей. Адольф Гитлер освободил своих адептов от такого понятия как совесть. Я хотел бы просить о двух вещах.

Во-первых, нужна съёмочная группа, которая пойдёт в десант вместе с батальоном майора Юдина. Подумайте хорошенько, хотя мы и выделим вам в сопровождение отделение морской пехоты, всё равно это очень опасно.

Во-вторых, нужно, чтобы вы собрали все хранящиеся у вас материалы по плану "Ост" и зверствам фашистских захватчиков. Материал предполагается передать в Москву для использования в пропагандистских целях. Вот вы, товарищ Тамбовцев, не могли бы взять на себя эту задачу?

Я вздохнул.

- Товарищ контр-адмирал, я планировал отправиться на берег вместе с десантом...

- И сколько вам лет, товарищ капитан? – остановил меня контр-адмирал. – Отрывать немцам головы лучше получится у молодых. Доверим же им это ответственное дело. От вас, товарищ Тамбовцев, мне нужен журналистский опыт и талант, в сочетании с пониманием военно-стратегических перспектив происходящего.

Вы, в силу двойственности своего положения, можете не только увидеть и описать происходящее, но и определить его место и роль в складывающейся картине мира. Ну как, я вас убедил?

- Товарищ контр-адмирал, у меня на этот счёт есть своё мнение, но как человек военный, выполню ваше приказание. Разрешите идти?

- Погодите, Александр Васильевич, мы ещё не закончили, – адмирал повернулся к моим коллегам из "Звезды". – Ну что, товарищи телевизионщики, вы приняли решение?

- Да! – Ирочка Андреева тряхнула кудрями. - Я пойду с десантом и буду делать, что нужно.

Она повернулась к оператору.

- Андрей Владимирович, вы со мной?

Не успел мой старинный знакомый утвердительно кивнуть, как руководитель группы вскричал петушиным голосом.

- Ира! Что ты делаешь, это же опасно!

- А в Сирии было бы не опасно? – прищурилась журналистка. – Они же там такие же фашисты, им точно так же плевать на неприкосновенность прессы, только и того, что они мазаны другим цветом.

- Но работать на Сталина! Это невозможно! Господин контр-адмирал, как вы можете после всего, что было, даже подумать о сотрудничестве с эти

режимом...

Я тихонько шепнул на ухо Андрею:

- Общечеловек, что ли?

- Ага, – так же тихо ответил тот, – прислали в последний момент на нашу голову из министерства обороны.

- У кого режим, а у кого страна! – громко отпарировала Ирочка, задрал нос и топнув ногой. – Либераст недорезанный.

- Ах, ты... сучка путинская!

- Тихо! – рявкнул, контр-адмирал Ларионов. – Молчать!

Наступила гробовая тишина.

- Значит так, товарищ Тамбовцев, ваш первый материал я жду к завтрашнему утру. После налаживания канала связи будем передавать его в Москву. Вас, Ирина Олеговна и Андрей Владимирович, благодарю за содействие.

Адмирал черкнул пару слов на листке из блокнота.

- Соберите все, что вам надо для командировки на берег, найдите майора Юдина, и передайте эту бумагу, он вам поможет и поставит на довольствие. Думаю, борт на "Калининград" пока не ушёл. Да вот ещё... Никакого телеканала "Звезда", конечно, ещё не существует, вы корреспонденты газеты "Красная звезда", выполняете особое задание редакции. Понятно?

Взяв у адмирала листок из блокнота, Ирочка очаровательно улыбнулась.

- Спасибо за доверие, товарищ контр-адмирал, ну мы... разрешите идти?

- Идите! И вы товарищ Тамбовцев тоже.

- А я!? – пробормотал оставшийся в одиночестве руководитель съёмочной группы.

Вместо ответа адмирал нажал на столе какую-то кнопку и в дверях материализовался адъютант.

- Витя, вызови сюда кого-нибудь из людей Самарцева, пусть упрячет господина Лосева на гауптвахту. По российскому УК его деяние ненаказуемо, а по местному – статья пятьдесят восемь дробь один, тянет от пяти до пятнадцати. Ну, а в военное время... А посему при первой же возможности мы передадим его местным властям. Нам тут предатели не нужны.

И адъютант Витя с погонями старшего лейтенанта вывел из адмиральского салона некогда вальяжного, а теперь скукожившегося и потерянного господина.

Пробираясь к каюте, которую мне выделили на "Кузнецове", я наткнулся на подполковника Ильина. Тот был с красными от усталости глазами, но возбужден и даже весел.

- Васильич, где ты ходишь?! Тебя Антонова ищет, с ног сбилась! Идем! – он потащил меня куда-то в глубь "Кузнецова", туда, где чужие обычно не ходят.

В помещении, отведённом разведчикам, было шумно, накурено, вентилятор едва успевал разгонять клубы дыма. От такого неожиданного амбре я сначала даже закашлялся. Полковник Антонова в брючном костюме и рубашке защитного цвета с закатанными рукавами, дымила сигаретой как заправский ковбой.

- Нина Викторовна, привёл! – выдохнул Коля, втянув меня внутрь

От резкого поворота головы, полуседая коса мотнулась ударом кошачьего хвоста.

- Александр Васильевич, вы нам во как нужны! Я знаю, вы всерьёз занимались историей этой войны, а для нас сейчас любая информация бесценна. Короче, капитан Тамбовцев, наши спецы нащупали каналы связи, по которым общается с Москвой местное командование в Севастополе, и "сломали" их шифры. Каналов несколько, и нам не сразу удалось разобраться, кто есть кто. Но теперь более или менее поняли по содержанию сообщений. Есть каналы связи командования Приморской армии и севастопольского оборонительного района с Генштабом и Ставкой. Эти всё время ноют про тяжёлое положение и без конца просят денег, то есть подкреплений. Есть канал связи разведупра армии с ГРУ. Эти на связь выходят редко и только по делу. Управление НКВД по Севастополю имеет прямую связь с нашей родной конторой. Ну, и связь с командованием Кавказского фронта... Ужас, столько начальников. А ещё ведь и связь флотская! Как вы считаете, что мы должны предложить адмиралу, с кем в первую очередь связаться и что сообщить?

В это время в углу ожил громкоговоритель системы общего оповещения: «Всем сверить часы, точное местное время, восемнадцать часов тридцать две минуты, повторяю, восемнадцать часов тридцать две минуты».

**4 января 1942 года 18:32, ТАКР "Адмирал Кузнецов",
разведотдел штаба соединения подполковник СВР Николай
Ильин.**

Как только громкоговоритель прокаркал точное время, все присутствующие начали подводить свои часы. С минуты стояла полная тишина. Обнаружилось что к сожалению на компьютерах было невозможно выставить такую дату – сорок второй год, минимум тысяча девятьсот восьмидесятый, максимум две тысячи девяносто девятый. Ну не рассчитывали системные программисты в Штатах на наш случай.

- Так, Нина Викторовна, что вы там говорили про вскрытые каналы связи? – Александр Васильевич застыл в позе роденовского "мыслителя" перед картой Крыма, на которую была нанесена обстановка на сегодняшний день. – Наша контора, ГРУ, местные военные начальники, всё это отпадает в силу причин временного характера... Слишком много времени уйдёт на перепроверку, да и полномочия у них крайне невелики. Вы знаете, история – моё хобби. Так вот фамилии Октябрьский и Козлов до сих пор вызывают у меня стойкий приступ тошноты. С этими товарищами каши не сваришь и "большую музыку" не сыграешь. Необходимо выходить на самый верх.

- Вы имеете в виду, – полковник Антонова ткнула пальцем вверх, – на САМОГО...

- На Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина, – Александр Васильевич хитро прищурился. – Вы, уважаемая Нина Викторовна, сядьте и подсчитайте боевой потенциал нашего соединения. И при этом не забудьте всю ту стреляющую обновку, что спрятана в трюме "Колхиды". А как подсчитаете, то сами поймёте, что место нашего соединения в прямом подчинении у Ставки.

- Вы действительно так думаете, Александр Васильевич? – я обернулся на голос: в дверях стоял контр-адмирал Ларионов.

- Так точно, товарищ контр-адмирал, – ответил мой бывший коллега. – Только Верховный и только Ставка! Тем более, что на местных начальников надежды нет... Ещё те кадры.,

- Николай, – повернулся он ко мне, – вы сегодняшнее расположение немецких частей на карту уже нанесли, или это за вас Пушкин делать будет? Я вам Залесского зачем давал?

- Нанесли, товарищ капитан, – почему-то вдруг по старой привычке ответил я, разворачивая к нему ноутбук. В какой-то момент мне показалось, что этих двадцати лет словно и не было, и капитан Александр Тамбовцев снова мой начальник. – Как вы и сказали, мы начали с авиации...

- О! Шикарно! – Александр Васильевич взгляделся в экран.

- Товарищ полковник, посмотрите! – подозвал он командира авиакрыла

"Адмирала Кузнецова". – Вот радиус действия ваших Сушек...

Александр Васильевич наложил на карту круг с центром в Евпатории и радиусом в тысячу километров, в который попала вся группа армий "Юг" и часть группы армий "Центр".

- Сколько вылетов ваши парни успеют сделать за ночь?

- Ни есть не спать – то три... – полковник Хмелёв помял подбородок. – В крайнем случае четыре... Вы предлагаете устроить "птенцам Геринга" 22 июня, только наоборот?

В глазах полковника появилось понимание, сменившееся азартом.

- Ну-ка, дайте-ка... – он сел за ноутбук и начал набрасывать примерный график полётов.

- Товарищ контр-адмирал, по три вылета каждой машиной можно гарантировать точно. Из расчёта три тройки Сушек и две пары Мигов. Одну Сушку с самым опытным пилотом использовать для ведения воздушной разведки в обозначенном радиусе...

- Сергей Петрович, – контр-адмирал Ларионов склонился над плечом полковника Хмелёва, – оставьте в графике два окна. Одно, примерно часовое, для сборки и выпуска в воздух Ми-28, другое, в районе двух часов ночи, примерно на двадцать минут, для запуска Ка-52. Не забывайте, группе полковника Бережного этой ночью работать и по Евпатории и по штабу Манштейна.

Контр-адмирал повернулся к Тамбовцеву.

- Александр Васильевич, а не перейти ли вам в мой штаб, в оперативный отдел? У вас неплохо получается...

- Не стоит, товарищ контр-адмирал, – ответил Тамбовцев. - У вас достаточно молодых и талантливых офицеров. Зачем вам нужен пенсионер? Я просто выдвинул вполне очевидную идею, которую они тут же довели до рабочего состояния.

- Теперь смотрите, – продолжил он. – Мы дадим по каналу СОРа радиограмму в Ставку о своём присутствии и тут же начнём крушить немецкие аэродромы в пределах нашей досягаемости. Если мы не будем валять дурака, то завтра утром обстановка на южном участке советско-германского фронта может резко измениться. Германские панцерваффе за летне-осеннюю кампанию выработали практически весь моторесурс. Боеготовых роликов в танковых группах остались единицы. Советские контрудары парируются только за счёт превосходства в воздухе.

- И вы предлагаете это превосходство у немцев отобрать, – адмирал задумался. – Если сделать это хотя бы здесь и сейчас, то толк всё равно будет. Немцам придётся зашивать дыру резервами, а они у них и так

невелики. Теперь, товарищ Тамбовцев, насчёт радиোগраммы... Каковы у вас мысли на это счёт?

- С радиогограммой несколько сложнее, товарищ контр-адмирал. С одной стороны, если код вскрыли мы, то почему это не смогут сделать немцы или англичане? Но тут ещё один фактор... А сколько вообще времени мы сможем хранить тайну о своём происхождении? Я думаю, что не больше полугода, максимум – год. Когда мы начнём участвовать в Великой Отечественной войне на стороне СССР, – а мы, фактически, уже в ней участвуем, – и включимся в структуры РККА и РККФ, то будем вынужденно контактировать с тысячами людей. Утечки в таком случае просто неизбежны... Короче, если шифр продержится полгода, значит, он выполнил свою задачу. Теперь по тексту... Начать надо примерно так: «Товарищ Сталин. Мы, личный состав сводного соединения Военно-морского флота Российской Федерации, вышедшего на учения в Средиземное море в конце декабря 2012 года...»

- А может не надо про 2012 год и Российскую Федерацию? По крайней мере сразу, – засомневалась полковник Антонова. - А то как-то неудобно. Вот пришлёт Берия разобраться, кто тут дурака валяет...

- А вы, Нина Викторовна, попробуйте как-то иначе объяснить наши возможности и наш андреевский флаг, – отпарировал Тамбовцев. – Тут столько всякого накручено и наворачено, что в своей радиогограмме мы должны быть кратки и максимально близки к действительности, а всё остальное Ставке должна сказать та "ночь длинных ножей", которую устроит для люфтваффе полковник Хмельёв со своими орлами-пилотами... Ну – и Евпаторийский десант. Кстати, товарищ Сталин крайне не любит, когда его вводят в заблуждение или морочат голову. Так что, товарищи, давайте держаться фактов, яко путеводной нити. И ещё, наш с вами любимый нарком и так здесь будет. Не с первой партией визитёров, так со второй. Ведь он не только Нарком Внутренних Дел, но и куратор всех КБ, в которых разрабатывается почти весь местный хайтек. А наши корабли этим хайтеком как раз забиты от киля до клотика. Но сейчас это к делу пока не относится... А теперь давайте дальше, примерно так: «Случилось так, что мы переместились во времени и пространстве, и оказались в Чёрном море 4 января 1942 года.»

- Не стоит "Случилось так", – сказал я. – Можно подумать, что для нас такие перемещения в порядке вещей. Лучше написать «По независящим от нас причинам случилось событие, которое перенесло нас»...

- Да, а про "благодетелей-экспериментаторов" мы расскажем уже в личной беседе, если таковая состоится. Что называется, тет-а-тет, – контр-

адмирал задумался. – И обязательно надо вставить про самое совершенное и разрушительное оружие, ну и продемонстрировать его на наглядном примере. Например, станция Джанкой, ключ к крымской логистике. Если снести её ОДАБами, то это не только предотвратит манёвр силами со стороны противника, но и произведёт нужное впечатление среди своих...

- Не годится, товарищ контр-адмирал, – возразил начальник штаба соединения. - В качестве демонстрационной выберите другую цель. В случае благоприятного развития ситуации на второй-третий день Джанкой окажется в наших руках, и весь этот склад на колесах попадёт в распоряжение Красной Армии. На этом направлении мы с полковником Бережным сходимся на необходимости вывода из строя мостов на Чонгарском перешейке и одной из железнодорожных станций за линией Турецкого вала.

- Хорошо, тогда замените станцию Джанкой на железнодорожный узел Донецка, или, как его сейчас называют, Сталино, – контр-адмирал Ларионов посмотрел на часы. – Вы товарищи, пока составляйте своё послание. Товарищ Тамбовцев, я надеюсь, что оно будет вылизано и безупречно по форме и содержанию, как заявление ТАСС в старые добрые времена. Закончите, занесите мне, я подпишу. А сейчас товарищи Иванцов, Бережной и Хмелёв идут со мной.

Уже с порога контр-адмирал, пропустив вперёд полковников, обернулся.

- Товарищ Тамбовцев, моё предложение пока остаётся в силе...

4 января 1942 года 21:10, Чёрное море, Стрелецкая бухта Севастополя.

Началась погрузка десанта на корабли Черноморского флота. Для проведения операции флотское командование выделило из сил охраны водного района быстроходный тральщик Т-405 "Взрыватель", буксир СП-14 и семь катеров типа МО-4.

Каждый из катеров вмещал до пятидесяти человек десанта, остальные десантники, три противотанковые сорокопятки и два плавающих танка Т-37 были погружены на буксир СП-14.

В первый эшелон десанта входили: батальон морской пехоты – пятьсот тридцать три бойца под командой капитан-лейтенанта Бузинова. Отряд специального назначения разведотдела штаба Черноморского флота –

шестьдесят бойцов под командой капитана Топчиева. Отряд погранохраны НКВД – шестьдесят бойцов. Группа разведчиков капитан-лейтенанта Литовчука – сорок шесть бойцов. Группа разведчиков Панасенко – двадцать два бойца и отряд евпаторийских милиционеров во главе с капитаном Берёзкиным.

Всего в первой волне десанта должны были пойти семьсот сорок человек. Кроме того, в десанте участвовали партийные и советские работники, которые по прибытии в город должны были возглавить восстановленную советскую власть в Евпатории.

Ровно в 23.00 с тральщика "Взрыватель", флагмана десантной флотилии, был дан сигнал о начале движения. Корабли, выйдя из бухты, перестроились в кильватерную колонну – впереди тральщик, за ним пять катеров.

Позже к ним присоединился буксир СП-14 в охране ещё двух морских охотников. Корабли, миновав траверз Стрелецкого поста, легли на курс в Евпаторию.

Шли без огней, соблюдая полную светомаскировку. Погода была тихая, ветер слабый, направления норд-ост, волны почти нет, двигатели переведены на подводный выхлоп и работали приглушённо. Справа багровым заревом проплывает осаждённый Севастополь. Пока корабли шли к цели, начался инструктаж личного состава, подразделениям ставились конкретные задачи, например, разведгруппа капитан-лейтенанта Литовчука должна была захватить здание гестапо. Группе разведчиков Опанасенко была поставлена задача путём разведки боем выявить огневые точки и расположение сил противника. Батальон капитан-лейтенанта Бузинова после разгрома вражеского гарнизона должен был удержать город до подхода главных сил. Потом на кораблях начались митинги...

А в это время.

4 января 1942 года 21:31, Чёрное море, 55 километров западнее Евпатории. Тяжёлый авианесущий крейсер "Николай Кузнецов"

Самолётоподъёмник один за другим выталкивал на полётную палубу из глубины ангара хищные силуэты Ми-28Н, больше похожие на огромных стрекоз. Извлечённые на палубу ударные вертолёты спешно готовили к вылету. Пока прикомандированные с базы в Торжке техники монтировали к

ротору снятые на время транспортировки лопасти, вооруженцы подвешивали к пилонам блоки НАР Б-8 и вставляли в них длинные "карандаши" авиационных ракет. Охрану штаба 11-й армии Вермахта ожидало хитрый "коктейль" из осколочно-фугасных, объёмно-детонирующих и осветительных боеприпасов. А команду, готовящую вертолёты к вылету, чем дальше, тем больше трясло от возбуждения. Ведь подготовленные ими машины через пару часов пойдут в настоящий, а не учебный бой. А эти вот эти самые снаряды взорвутся не на полигоне в окружении мишеней, а среди лютых врагов, собрав с них обильную дань кровью.

Тем временем внизу, глубоко под палубой, спецназовцы готовились к рейду, надевали чёрную униформу без знаков различия, и эмблем, которые могли бы идентифицировать их государственную принадлежность. Бойцы подгоняли снаряжение, чистили и проверяли оружие и средства связи. Тут атмосфера была спокойней, разговоры вполголоса, перебиваемые лишь тихим лязгом и щелчками деталей при сборке оружия. Дело было даже не в том, что они не были возбуждены всем произошедшим. Нет, просто они были профессионалами, рабочими войны, и умели контролировать свои чувства. Здоровые, взрослые мужики, средний возраст бойцов двадцать восемь – тридцать лет. Они повевали в Чечне, Южной Осетии, были признаны медиками и психологами годными к спецоперациям в Сирии. Таких бойцов, с сопоставимым опытом Испании, Халкин-Гола и финской войны, в данный момент в РККА были единицы.

В соседнем помещении совещались командиры. Полковник Бережной скинул свой щегольский серый цивильный костюм, и теперь, с полуседой головой, одетый в полевую униформу, напоминал Акелу, возглавляющего Стаю перед Большой Охотой.

Он сам поведёт группу из двух усиленных взводов на захват штаба Манштейна. Рядом с ним, командиры взводов и адъютант: тот самый Бес, с которым Тамбовцев разговаривал, когда соединение проходило Гибралтар, а по совместительству, ещё и спарринг-партнёр и боевой напарник полковника. Впрочем, Бесу предстоит не менее трудная работа в Евпатории. На столе расстелили план села Сарабуз, где квартировал генерал, который никогда не станет фельдмаршалом. Полковник обвёл карандашом два объекта.

- Смотрите и запоминайте: вот здесь при советской власти была школа, а теперь там штаб 11-й армии. По ней работает третий взвод. Оттуда вы, капитан Зайцев, должны любой ценой вытащить все документы, все, до последней бумажки. Здание не поджигать и не взрывать. Насколько я знаю

товарища контр-адмирала, через пару дней там снова будет школа. Теперь, вот, правление плодоовощного колхоза. Тут немецкое офицерье устроило себе квартиры. Объект работает четвёртый взвод старшего лейтенанта Голикова. Товарищ старший лейтенант, задача такая... Обязательно надо взять живьём самого Манштейна, его начальника штаба и начальника армейского узла связи. Интенданта армии я от вас не требую, поскольку эта служба расположена в самом Симферополе, и здесь они бывают наездами. Но подвернутся под руку чины гестапо, СД, Абвера или других спецслужб – хватайте живьём не задумываясь. Сначала вертушки подвешат десяток осветительных "люстр", и лишь после того, как "ночные охотники" подавят проявившие себя огневые точки противника, повторяю, лишь только потом – десант. Всем всё понятно?

Офицеры дружно закивали. Полковник посмотрел на часы:

- Двадцать два сорок два, время минус тридцать восемь минут. Выводите личный состав на исходную.

Ровно в двадцать три пятнадцать четыре ударных вертолёт Ми-28Н и четыре транспортно-штурмовых Ка-29 поднялись с палубы "Адмирала Кузнецова" и ушли в направлении Симферополя. На полпути к цели они выберут тихую уединённую поляну, вышлют в сторону Сарабуза группу доразведки и будут ждать условленного сигнала. Первый ход сделан, началась операция под кодовым названием "Ночная гроза".

День Д. 4 января 1942 года 23:20, Чёрное море, 35 километров западнее Евпатории. Тяжёлый авианесущий крейсер "Николай Кузнецов"

Лишь только успели растаять в туманной полутьме силуэты вертолётной группы полковника Бережного, как на освободившейся палубе снова поднялось оживление. Сюда сразу же начали поднимать из ангара истребители-бомбардировщики Су-33.

Второй после уничтожения командования 11-й армии задумкой адмирала Ларионова была операция под кодовым названием "Длинная рука". Это была схема поэтапного уничтожения Люфтваффе на южном крыле советско-германского фронта путём регулярных ночных налётов на аэродромы противника. По информации, найденной в военно-мемуарной литературе, были установлены аэродромы немцев, на которых в течение войны базировались самолёты Люфтваффе. Для уточнения этой

информации в 23:55 в воздух поднялся первый Су-33, оснащённый подвесными топливными баками и контейнером с разведывательной аппаратурой. Говоря более понятным языком, эта машина, пролетая на семнадцатикилометровой высоте, видела по сто километров в стороны и три метра вглубь земли. Пилотировал самолёт-разведчик майор Коломенцев, пилот, уже открывший на этой войне свой боевой счёт.

Поднявшись в воздух, разведчик с набором высоты направился в сторону Севастополя. Адмирала Ларионова и оперативный отдел соединения хотели уточнить линию фронта вокруг города-героя. Особо ценными были съёмки германских позиций в инфракрасных лучах. В зимнюю погоду такие фото есть прямое целеуказание для нанесения бомбоштурмовых ударов с целью поражения живой силы противника, ибо чётко выявляют месторасположение окопов и блиндажей.

Сделав над Севастополем "круг почёта", Коломенцев направился далее по маршруту: Бахчисарай – Симферополь – Джанкой – Чонгар – Николаев – Херсон – Кривой Рог – Днепропетровск – Донецк – Мариуполь – Мелитополь – Джанкой – Херсон – Николаев – Симферополь и после более чем часового полёта должен был приземлиться обратно на "Кузнецове".

Не успел гул двигателей одиночной Сушки затихнуть вдали, а на старт уже начали выкатывать первую тройку бомбардировщиков. Из-за двадцати восьми БРК (Разовые бомбовые кассеты), боевые самолёты казались домохозяйками с переполненными авоськами, возвращающимися с рынка. Их цель – аэродром в Николаеве, на котором базировалась 3-я группа 51-й бомбардировочной эскадры люфтваффе, бомбардировщики Ju-88А, штаб эскадры и штаб 4-го авиакорпуса.

Но прежде чем Сушки поднимутся в воздух, в эфир была передана следующая радиограмма, зашифрованная шифром, используемым для связи Ставки Верховного Главнокомандования со Штабом Севастопольского Оборонительного Района.

"Хронос" – тов. "Иванову".

Отправлена 00:05 05.01.1942 г.

Принята, расшифрована и зарегистрирована 02:15 05.01.1942 г.

Верховному Главнокомандующему Вооружёнными Силами СССР товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Товарищ Сталин! Мы, личный состав сводного соединения кораблей Балтийского, Северного и Черноморского флотов

Российской Федерации, вышли на учения в Средиземное море в конце декабря 2012 года. По независящим от нас причинам мы переместились во времени и пространстве, оказавшись в Чёрном море в окрестностях Севастополя 4 января 1942 года.

Как ваши прямые потомки, мы считаем себя обязанными принять участие в тяжелейшей войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками и потому намерены оказать Советскому Союзу всю возможную помощь.

Наше соединение состоит из кораблей, оснащённых самым совершенным на наше время оружием. В том числе и таким, аналогов которого в вашем мире ещё нет, и долго не будет. Флагманом соединения является тяжёлый авианесущий крейсер, на борту которого базируется авиакрыло, состоящее из четырнадцати многоцелевых боевых самолётов и более двадцати вертолётов. В состав соединения входят четыре больших десантных корабля с двумя батальонами морской пехоты Балтийского и Черноморского флотов, оснащённые бронетехникой и средствами усиления. На грузопассажирском лайнере "Колхида" для участия в учениях по высадке десанта складировано большое количество сверхсовременного, даже по нашим временам, тяжёлого вооружения.

Сегодня в ноль часов тридцать минут командование Севастопольского оборонительного района начинает Евпаторийскую десантную операцию, которая в нашем прошлом закончилась тяжёлым поражением советских войск. Имея в своих руках такую мощь, мы не можем спокойно смотреть, как сражаются и погибают наши деды и прадеды. Мы пойдём в бой плечом к плечу с бойцами капитан-лейтенанта Красной Армии Бузинова. В операции примут участие палубная авиация, корабельное соединение и подразделения морской пехоты.

Кроме военной мощи и желания сражаться, мы обладаем информацией не только о текущих событиях этой войны, но и о планах немецкого и союзного командования на ближайшее время, и о многом другом, что мы, из-за конфиденциальности информации, не можем сообщить по радио даже в зашифрованном виде.

Мы просим Вас прислать своего представителя, которому Вы полностью доверяете, на флагманский корабль нашей эскадры для передачи сведений, имеющих Особую Государственную

Важность, и согласования дальнейших операций в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Командующий сводным соединением Контр-адмирал Ларионов В. С.

Передачик ещё отправлял в эфир последние группы цифр, а с трамплина "Адмирала Кузнецова" один за другим срывались в небо тяжёлые машины. Первым на взлёт пошёл майор Садыков со стартовой позиции номер два, за ним с позиции номер один в небо поднялась машина капитана Гордина. Пока он взлетал, газоотбойник на второй позиции успел опуститься, и через тридцать секунд с третьей позиции стартовал старший лейтенант Ганочкин, один из пилотов так называемого молодого пополнения.

Они ушли, растворились в темноте, а неугомонные техники готовили к вылету следующую тройку, которую возглавлял майор Хамбурдыкин. Её целью являлся аэродром в Херсоне, на котором базировалась 3-я группа 27-й бомбардировочной эскадры люфтваффе, бомбардировщики He-111H. Группа майора Хамбурдыкина начала взлёт ровно в полпервого, а в ноль часов тридцать пять минут последняя машина группы оторвалась от родной палубы.

Предпоследней в воздух была поднята тройка во главе с командиром авиакрыла полковником Хмелёвым. Её цель одна из самых ответственных: узловая железнодорожная станция Донецкого (Сталинского) узла, под завязку забитая эшелонами с горючим, боеприпасами, войсками. Задача – снести эту станцию с лица земли, ну а потом, в следующих налётах, и несколько её соседок. Пусть у Клейста тоже немного поболит голова, тем более, что он единственный, кто хоть что-то способен перебросить на выручку 11-й армии в Крыму. Простая мера предосторожности.

Под каждый самолёт подвешено по восемь полутонных объёмно-детонирующих боеприпасов. Они будут у цели примерно через двадцать минут после взлёта. Немецкие солдаты и офицеры, спящие в своих землянках, теплушках или стоящие на постах, ещё не знали, что они уже умерли. Их смерть была уже измерена, взвешена и висела под крыльями самолётов XXI века. Оставшиеся минуты жизни их – это не более, чем отсрочка исполнения приговора.

Вот тройка Су-33, снизилась до малых высот и, совершив пологий вираж, вышла на станцию вдоль железнодорожных путей. Автопилоты отработывают режим огибания местности. Немцы, стоящие у зенитных

орудий, абсолютно ничего не слышат. Их смерть мчится впереди собственного звука.

Вот он, рубеж атаки. Бомбы отделяются от самолётов, позади них раскрываются маленькие парашюты, и на станцию горной лавиной обрушивается страшный грохот. Но это не сама смерть, это всего лишь её герольд, возвещающий пришествие дамы в саване и с косой. А смерть бесшумно накрывает станцию ковром из длинных продолговатых предметов.

Немецкие зенитчики ещё трясут контужеными головами, но все уже кончено. Взрыв единого поля из синхронно сработавших двадцати четырёх ОДАБов был такой силы, что эту вспышку в полнеба видели даже советские бойцы на Миус-фронте. Следом громыхнули эшелоны с боеприпасами, предназначенные для 1-й танковой армии. Загоревшиеся эшелоны с горючим превратили станцию в настоящий ад. Полковник Хмелёв, обернувшись, посмотрел на полыхающее зарево, расплывающееся на том месте, где только что была железнодорожная станция, и которое стало братской могилой для сотен немецких солдат.

- Ну, с-суки, мы вам покажем, что такое НАСТОЯЩАЯ война!

Им ещё надо было вернуться на авианосец, заправить и осмотреть машины, подвесить бомбы и совершить ещё один вылет, а за ним ещё и ещё...

А на аэродромах Херсона и Николаева был настоящий ад. Если по-честному, то в январе 1942 года единственным врагом немецких солдат в этих краях был только "генерал Мороз". Советские самолёты давно уже туда не залетали, а партизанское движение ещё только начало развёртываться, и всех прелестей горящей под ногами земли немецкие солдаты ещё не успели узнать.

А этот русский мороз, щипал уши, хватал пальцами за нос, и холодными, б-р-р-р, руками лез под тонкую шинель из эрзац-сукна. Фельдфебеля на него нет, чтоб он пропал. Так что немецкие солдаты, поёживаясь, ходили вокруг выстроенных рядами самолётов с чёрными крестами на крыльях и паучьими свастиками на хвостовых оперениях. Расчёты зенитных пушек дежурили на своих постах. Хотя налётов советской авиации не было уже давненько, но орднунг есть орднунг!

Вот только и хваленый немецкий порядок не помог, когда над аэродромами Люфтвафе совершенно бесшумно появилось по три стреловидных краснозвёздных тени. Потом на лётное поле пал ГРОХОТ! А из-под крыльев нежданных ночных визитёров вниз посыпались бомбы, рассыпаясь по пути веером сотен маленьких боевых элементов. Секунду

спустя стоянки самолётов, позиции зенитных батарей, склады боеприпасов и ГСМ утонули в тысячах взрывов. На каждый аэродром было сброшено по двенадцать тысяч шестьсот килограммовых боевых блоков осколочно-фугасного действия. То, что осталось на стоянках от самолётов выглядело так, будто боевые машины тщательно пропустили через шредер, а местами и не по одному разу. Крики раненых заглушались гулом пожара и грохотом рвущихся боеприпасов.

В соседних частях завывали сирены воздушной тревоги, наводчики зенитных орудий внимательно вглядывались в тёмное небо. Но они ничего не заметили. А "сушки", обогнув горящие немецкие аэродромы по широкой дуге, легли на обратный курс. Тем более что в этом мире их никто не мог догнать.

5 января 1942 года. 03.00. Рейд Евпатории. Борт катера МО-4 (бортовой номер СКА-042). Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.

Как я попал в десант? Да вот так и попал, молча. Вызвали меня в штаб и сказали – пойдёшь в Евпаторию. Капитан Топчиев собрал нас, разведчиков, и сказал, что командованию Севастопольского оборонительного района поступил приказ – произвести высадку тактического десанта на Евпаторию, откуда в дальнейшем можно будет нанести удар на Симферополь, в тыл основной немецкой группировке. Какими силами, никто не знает, но наша задача – захватить Евпаторию и восстановить там советскую власть. Ну, а за нами должен пойти полк морской пехоты, который и доведёт дело до конца.

Скажу честно, стало как-то не по себе – высаживаться так далеко в тылу врага. Но по нашим разведданным, в Евпатории немцев не было, только румыны и татарские изменники. А вояки они ещё те.

Вечером 4 января началась погрузка на корабли десанта. Флагманом у нас там был БТЩ (быстроходный тральщик) "Взрыватель". На нём и шли основные силы. Ну, и ещё семь "мошек" (катеров МО) и один буксир. Всего десантников было человек семьсот. Были среди них и моряки с Дунайской флотилии, и пограничники, и наш брат-разведчик. Были даже милиционеры из Евпатории.

На буксир СП-14 погрузили две плавающие танкетки Т-37 и три 45-миллиметровые пушки.

Уже ближе к полуночи корабли с десантом вышли из Севастопольской бухты. Шли без огней, соблюдали светомаскировку. Да и за звукомаскировкой следили – катера шли с подводным выхлопом двигателей. Волнения практически не было. В районе Севастополя что-то гремело, взрывалось и горело.

Пока мы шли, командиры провели инструктаж, где каждой группе поставили задачу. Мы, разведчики, с приданными нам бойцами, должны были захватить и удержать Товарную пристань, а потом, продвигаться в город, захватить артиллерийскую батарею на мысе Карантинный и электростанцию. Ну, а потом, как сказал нам капитан Топчиев, мы броском продвинемся в сторону кладбища и освободим наших военнопленных, которых там в лагере охраняли румыны.

После был короткий митинг, где мы пообещали нашему народу и лично товарищу Сталину бить немецко-румынских захватчиков до последней капли крови.

Где-то в час ночи, когда мы были уже на полпути, на море опустился туманный кисель, видимость сократилась метров до ста. С неба посыпалась мелкая морось, не пойми что – не то дождь, не то снег.

В два часа сорок минут наш катер подошёл к точке развёртывания. Согласно плану буксир с танкетками, наш СКА-042 и ещё две "мошки" с десантом пошли налево. Тральщик "Взрыватель" с тремя МО пошёл по центру, а ещё два катера повернули направо.

Вот мы подошли к Торговой пристани. Сердце забило сильнее. «Сейчас начнётся высадка!», подумал я. Катер довольно мягко ткнулся в причал, и я, подхватив свою "светку", вместе с остальными товарищами бросился на берег. Что удивительно, по нам никто не стрелял. В центре высадки, на пассажирской пристани, кто-то сдуру выпустил в небо красную ракету.

И тут такое началось: на всех высоких зданиях города: минаретах мечети, колокольных церквей, крышах гостиниц "Бо-Риваж" и "Крым" зажглись прожектора. Стало светло как днём. Оглянувшись, я увидел, как с буксира выгружают пушки. Поскольку часть причала разрушена, наши бойцы, стоя по грудь в ледяной воде, руками придерживают мостки, по которым на берег артиллеристы спускали сорокопятаки.

Я аж зажмурился от обиды. Стало понятно, что немецкое командование ждало нашего десанта и основательно подготовилось. С минаретов и колоколен, из окон городских домов по улице Революции, из зданий гимназии, гостиниц по нам ударили вражеские пулемёты. Почти тут же к ним присоединились миномёты и артиллерийские батареи,

расположенные на мысе Карантинном, на улице Эскадронной, возле складов "Заготзерно", и на Пересыпи – улица Симферопольская. Но недолго музыка играла.

Позади нас в море раздался пульсирующий гром и рёв. Я оглянулся назад, и увидел, как сквозь туман пробиваются бело-оранжевые сполохи, будто там заработала грандиозная электросварка. Прямо на наших глазах румынскую батарею на мысе Карантинном, которая и была нашей целью, накрыл лес артиллерийских разрывов. Неизвестные корабли, накрыли артиллерийским огнём и миномётную батарею у складов "Заготзерна". По румынской батарее на Пересыпи ударили чем-то страшным, по сравнению с которым наши Раисы Степановны, действие которых я наблюдал в Одессе, это просто детская хлопушка. Пламя взрывов, казалось, поднималось до самых небес. От стоящего в воздухе грохота туман почти распался, и стали видны тёмные силуэты стоящих на рейде Евпатории крупных кораблей, ведущих беглый артиллерийский огонь по вражеским позициям.

«Какие ещё корабли, откуда они?!», подумал я. И тут, прямо над нашими головами со свистом и воем пронеслось нечто напоминающее большой винтокрылый автожир. Ещё до войны я читал о них в журнале "Техника-молодёжи". Почти над нами эта машина выпустила реактивный снаряд по румынскому прожектору на крыше гостиницы "Бо-Риваж", освещавшему пассажирскую пристань и буксир СП-14. Пламя ракетного выхлопа высветила на голубом брюхе винтокрылого аппарата большую красную звезду. Крыша гостиницы поднялась вверх, и обломки её, медленно кружа в воздухе, стали падать на стоящие рядом домики.

Другие винтокрылые машины обнаружили себя, выпустив ракеты и открыв огонь из пушек по немецким и румынским пулемётам, которые в этот момент обстреливали корабли десанта из окон жилых домов, гимназии, гостиницы "Крым". Мы все, сорок здоровых глоток единодушно заорали "Ура!", когда от каких-то удивительно точных, буквально снайперских попаданий эрэсов вражеские огневые точки стали замолкать одна за другой.

И в этот момент прожектора с пулемётами, расположенные на минаретах и церквях, вдруг развернулись в сторону опорных пунктов противника – зданий гимназии и гостиниц "Бо риваж" и "Крым", залили их как потоками света, так и перекрёстным пулемётным огнём. Уже после боя я узнал, что проникшие заранее в город осназовцы взяли в ножи расчёты этих румынских огневых точек и по команде открыли огонь по противнику.

Капитан Топчиев хлопнул меня по плечу:

– Шевелись, Борисов! Ишь рот открыл, как в цирке. Это товарищ Сталин для немцев с румынами такую баню устроил, чтоб мы не скучали. А у нас ещё одно задание есть, занять мыс Карантинный.

Бойцы тихо засмеялись, и отряд перебежками направился к подавленной артиллерией неизвестных кораблей румынской батарее.

Живых румын мы по дороге так и не встретили, так что и повоевать нам не пришлось. Сама батарея была разбита в хлам. Повсюду валялись обломки зарядных ящиков, разбитые станины и исковерканные стволы орудий. Дополняли картину изуродованные тела румынских артиллеристов. Ужас. Делать тут нам было уже нечего.

Правда, вид на эскадру стоящую на Евпаторийском рейде открывался великолепный. В сполохе разрывов и отблесках пламени было видно, как два больших корабля идут к берегу в сторону курортной зоны. Да так быстро, будто собираются его таранить. Но вот они сбросили ход, и неожиданно их носовые части стремительно раскрылись, словно ворота средневековых замков. А из внутренностей кораблей, рыча двигателями, окутанные сизыми клубами выхлопов, выехали танки неизвестной конструкции, с носами, похожими на острие стамески, и с приплюснутой маленькой конической башней. Я поднял к глазам бинокль. Интересно... Из башни торчали сразу два орудия – одно большое, второе поменьше. Или это у них накатник такой?

Нырнув в воду, танки поплыли в сторону ближайшего пляжа. За ними из подошедших к берегу кораблей вышли ещё несколько таких же машин. Когда с берега по ним ударила пара румынских пулемётов, в ответ загрохотала пушка головной машины калибром этак миллиметров восемьдесят пять, а может быть, и все сто. Пулемёты заткнулись и больше против высадки не возражали. Короче, на привычные нам плавающие танкетки Т-37 эти танки были похожи не больше, чем автомобиль ЗИС-5 на телегу.

Сняв фуражку, капитан Топчиев, провел рукой по коротко остриженной голове.

– Вечер перестает быть томным, товарищи, и в первую очередь для немцев. А мы с вами, продолжим выполнение нашего задания и попробуем найти того, кто сможет ответить нам на пару интересных вопросов.

Следующей нашей целью был захват электростанции. Когда мы уходили с разбитой береговой батареей, я оглянулся на пассажирскую пристань. Бой на улице Революции почти угас, здание гимназии и гостиница "Бо риваж", очевидно, уже были в наших руках, и только гарнизон гостиницы "Крым" продолжал вялое сопротивление. Неподалеку

разъярёнными осами крутились два винтокрыла, время от времени выпуская по обнаружившей себя огневой точке реактивный снаряд. Там все шло нормально. Было очевидно, что с такой поддержкой румынский гарнизон скоро додавят.

Нам беспрепятственно удалось дойти почти до самой электростанции. Но когда мы уже вплотную приблизились к её ограде, вдруг в голове колонны из темноты послышался срывающийся на фальцет голос:

– Стой, кто идёт?!

- Свои! – ответил наш командир. – Идет капитан Топчиев, разведка Черноморского флота.

Ответ часового был странным.

– Свои ночью дома сидят! Пароль? – не успел капитан Топчиев подумать о странном часовом и что-то ответить, как в разговор басом вмешался новый голос.

– Кто там шастает, Ерёмин?

- Моряки, товарищ сержант, местные... – ответил фальцет.

Тут у меня, знаете, от сердца и отлегло. А то тут наши бойцы успели договориться до того, что мол, беляки это, снова в Крыму высадились, а корабли у них из Америки, потому что у нас таких нет.

Так вот товарищи, ответственно заявляю, любому беляку наше слово "товарищ", как острый нож по языку, а этот Ерёмин так спокойно говорит – "товарищ сержант". Нет, наши это. Только вот как этот Ерёмин в такой темноте увидел, что мы моряки? И почему мы местные? А впрочем, действительно, местных, евпаторийских, среди нас немало.

- Чудак ты, Ерёмин! – продолжил сержантский бас. – Откуда они наш пароль знать могут? Спасибо что не стрельнул сдуру. Товарищ капитан, всё в порядке, идите сюда, с вами наш командир поговорить хочет.

В темноте вспыхнула ярко-синяя точка, указывающая нам путь.

Электростанция уже была захвачена бойцами, одетыми в невиданную нами ранее пятнистую полевую форму без знаков различия. Бойцы, что занимали посты по периметру, были вооружены незнакомыми нам короткими карабинами с длинным изогнутым рожком снизу. У ворот стоял давешний плавающий танк, возле него совещались командиры, разглядывая карту при свете таких же синих фонариков. Ещё два танка стояли в глубине двора. Во дворе, кое-где валялись мёртвые румыны, а также несколько трупов в гражданской одежде и с белыми повязками.

Капитан Топчиев резко остановился

- Кто это? – спросил он у сопровождавшего нас сержанта.

- Общество добровольных вооружённых татарских помощников

третьего рейха. Предатели, одним словом. – пожал плечами тот. – Перед операцией поступила команда эту сволочь в плен не брать.

- Понятно! – передёрнув плечами, капитан двинулся дальше, оглядываясь по сторонам.

Когда мы подошли к совещающимся командирам, сержант отрапортовал:

– Товарищ капитан, прибыла группа разведчиков черноморского флота во главе с капитаном Топчиевым.

От группы командиров отделился коренастый командир средних лет, странная круглая каска сдвинута на затылок, из-под расстегнутого на груди бушлата видна наша морская душа – тельняшка. Он был значительно старше нашего капитана и, очевидно, уже успел повоевать. Лицо его пересекал тонкий шрам, как от осколочного ранения, а в глазах было написано такое... Там можно было прочесть, в какой позе и сколько раз, он имел этих немцев, румын и татарских изменников Родины. Козырнув, он представился:

– Капитан Рагуленко, командир второй роты морской пехоты отдельной десантно-штурмовой бригады особого назначения. И не задавай лишних вопросов, капитан Топчиев, бригада подчинена напрямую Ставке Верховного Главнокомандования, и всё, что вам нужно о нас знать, вам расскажут уже после операции. А сейчас нам нужна прямая связь с командиром вашего отряда капитаном 2-го ранга Буслаевым Николаем Васильевичем. Нам необходимо согласовать дальнейшие действия, во избежание потерь от огня своих же.

- Товарищ капитан, – отрезал наш командир, – капитан 2-го ранга Буслаев находится на тральщике "Взрыватель" и прямой связи с ним у нас нет.

- Вот дерьмо! – выругался командир осназовцев. – Я так и знал, что где-то здесь зарыт каменный топор! Товарищ Топчиев, прошу вас!

Командиры осназа расступились, давая нам место возле карты города.

– Вот, смотрите. Тут, в центре высадился батальон капитан-лейтенанта Бузинова. Фронт высадки первого эшелона вашего десанта, фактически совпадает с Набережной и улицей Революции. Ваша группа находится на крайнем левом фланге высадки... – капитан Топчиев кивнул, и Рагуленко продолжил. – Наш батальон в составе двух рот морской пехоты с техникой и батареей плавающих самоходных гаубиц высадился на всём протяжении пляжей Курортной зоны. В центре, на набережных, наши машины просто не смогли бы выйти на берег.

Сейчас мы с вами на самом правом фланге нашего батальона. Наша

задача, взаимодействуя с вашим левым флангом, то есть с вами, капитан, занять Курортную зону, освободить лагерь военнопленных и в районе Нового города соединиться с третьей ротой, которая будет высаживаться в районе Пересыпи. Общая задача – захват и удержание Евпатории. И ни один пособник фашистов не должен уйти из города. Ну, если только под конвоем.

Как мне показалось, капитан Рагуленко явно что-то недоговаривал. Но услышав слова "отдельная бригада особого назначения", я решил не задавать лишних вопросов. У них служба такая. Сказано взаимодействовать, будем взаимодействовать, а об остальном, пусть у начальства голова болит.

В этот момент наш командир кивнул, он явно пришёл к тому же выводу. Товарищ Рагуленко махнул кому-то рукой, и моторы танков завелись, стрельнув в нашу сторону горячим соляренным выхлопом.

– Ну что же, товарищи, добро пожаловать на броню. И вперёд, на врага.

5 января 1942 года. 01:35. Корреспондент ИТАР-ТАСС Тамбовцев Александр Васильевич.

Я таки сбежал на войну. Произошло это следующим образом. Прикинувшись ветошью, я стал помогать своим коллегам из съёмочной группы канала "Звезды" подтаскивать кофры и баулы к вертолёту Ка-27ПС, который должен был доставить тележурналистов на БДК "Калининград". А потом, когда вертолёт уже был готов оторваться от палубы "Адмирала Кузнецова", по наглому забрался на борт "вертушки". Андрюха Романов, увидев мой рывок, жизнерадостно заржал, и похлопал меня по плечу. А Ирочка Андреева растерянно пробормотала:

– Александр Васильевич, и вы с нами?

– Ага, – коротко ответил ей я, устраиваясь поудобней на сиденье вертолёта.

Лететь было всего лишь пять минут. Вот мы уже зависли над палубой БДК. Бортмеханик распахнул боковой люк, и приготовил люльку. Поскольку на палубе десантного корабля нет места для посадки вертолёта, пусть даже такого маленького как Ка-27, то нам предстояла малоприятная процедура спуска.

Первой за борт, тонко пискнув, отправилась наша Ирочка. Я взглянул

вниз. Поднятый винтами смерч растрепал её иссиня-чёрные вьющиеся волосы. Я шёл вторым. Уж не помню, в каком году последний раз я так висел в воздухе. Кажется, это было в 2003 году, на Кавказе. Только тогда меня не спускали, а поднимали, и над головой у меня висел обвешанный вооружением Ми-8АМТ. Спустив Андрюху вместе с его драгоценной камерой, вертолёт наклонил нос и быстро ушёл в сторону крейсера "Москва". Кроме нас на борту были ещё пассажиры, только вот на "Москве" есть посадочная площадка, и они придут на место с определённым комфортом, как "белые люди".

Пока наша Ирина приводила в порядок свои растрепанные кудри, к нам подошёл офицер морской пехоты.

– Товарищи журналисты, командир роты морской пехоты, капитан Рагуленко Сергей Александрович. Прошу следовать за мной.

По крутым и узким трапам мы спустились в просторные недра этого железного монстра-танковоза. Воздух пах солярой, машинным маслом, и ещё чем-то неуловимым, отчего у настоящего мужчины начинает щекотать в носу, и ему хочется встать по стойке "смирно". Перед дверью одного из кубриков офицер остановился.

– Значит так, товарищи журналисты, согласно приказа нашего адмирала, я отвечаю за вашу жизнь, здоровье и безопасность. А как говорил в таком случае Христос, «Предохраняйтесь».

С этими словами он распахнул дверь кубрика, который оказался импровизированной ротной каптёркой. Чего там только не было: маскхалаты, каски, бронежилеты, и прочие необходимый бойцу для войны инвентарь.

Через пятнадцать минут мы были экипированы как настоящие морские пехотинцы: бронежилеты, береты, каски, маскхалаты... Угу, это мои спутники думали что они похожи на морпехов, но я-то прекрасно понимал, что все мы сейчас выйдем как ряженные на дешевом маскараде.

- Товарищ капитан, – пискнула Ирочка, когда мы вышли из каптёрки (бедняга, она задыхалась под тяжесть бронежилета и каски), – а когда это Христос велел предохраняться? Вроде там было написано "плодитесь и размножайтесь"? – мы с Андреем переглянулись – только философского диспута, до которых журналистка Ира Андреева была сама не своя, нам сейчас и не хватало. Но всё обошлось...

- А разве не он сказал «Бережёного бог бережёт»? (а не бережёного – конвой стережёт, – вспомнил я старую уркаганскую пословицу). Даже если и не он, то мне такие тонкости знать не обязательно.

Остановившись, капитан Рагуленко указал на трап который вёл ещё

ниже.

– В кубрик вам идти не обязательно – всё равно ребята уже грузятся на машины. Прошу!

Мы спустились на самое дно трюма и пошли вдоль ряда БМП.

– В бой пойдёте вместе со мной, на командирской машине есть свободные места.

Капитан повел нас дальше вперёд. Морские пехотинцы, мимо которых мы проходили, в своих камуфляжных комбезах и бронежилетах похожие на робокопов, занимались собственными, непонятными нам делами, лишь изредка бросая на нас любопытные взгляды. В основном они постреливали глазами в сторону симпатичной Ирочки.

Наконец мы пришли на место. Боевая машина с большим номером "100" на корме, стояла самая первая в ряду. Дальше неё были только плотно закрытые створки десантного люка. Внутри было темно и тесно, под потолком синеватым светом горела лампочка. Я глянул на часы. Два тридцать пять ночи – спецназ ГРУ уже действует в городе. Да и с Манштейном уже должны начать решать. До начала десанта осталось всего где-то тридцать-сорок минут.

Стараясь рационально использовать отпущенное время, я привалился головой к броне и задремал. Солдат на войне спит всё то время, когда ему позволяет противник и собственное начальство. А если он не стремится заснуть по любому поводу, значит, нагрузки недостаточны, и надо их добавить ещё.

Проснулся я от резкого рывка. Работал двигатель, и машина начала движение. Вот она наклонилась носом вперёд и нырнула. Ирочка взвизгнула, мне показалось, что мы вот-вот камнем пойдём ко дну. Но все кончилось хорошо. Выровнявшись, БМП погребла к берегу. Я приник к бортовому триплексу. Открывшаяся по левому борту панорама Евпатории светилась, как новогодняя елка. На улицах города вспыхивали огоньки разрывов, небо расчерчивали цепочки трассёров, кое-где ярко горели дома. Шел бой.

Вот несколько трассирующих пуль пролетели и над нашей головой. Свиста их я, конечно, не слышал... Но всё равно неприятно.

- Кандауров, – донесся голос капитана Рагуленко, – пулемётные гнезда видишь?

- Так точно, тащ капитан, – ответил из башни наводчик.

- Дай ему осколочно-фугасным прямо в лоб, чтоб не встал...

Их переговоры едва были слышны из-за шума двигателя, но я всё равно всё понял. Два раза бухнула стомиллиметровая пушка, и настырный

пулемёт оставил нас в покое. Ещё несколько минут, и гусеницы БМП зацепили дно Каламитского залива. Резко рванувшись, командирская БМП выскочила на пляж. Вслед за ней на берег вышли и остальные машины роты. Распахнулись десантные люки, и морпехи горохом посыпались на берег. Спешились и мы.

- Скала, я Слон, вышел на берег в точке "Д", "Прием", – капитан Ругуленко чуть склонил голову, видимо, слушая в наушниках ответ, – Так, точно, вас понял, действую по плану.

Отключив связь с командиром батальона, капитан вызвал своих взводных.

– Первый взвод со мной, остальные по параллельным улицам. Контакта друг с другом не терять, вперёд не вырываться, и не отставать.

Опустив на глаза ноктоскопы, бойцы короткими перебежками, от укрытия к укрытию, двинулись вперёд. Следом за ними тронулись с места и БМП.

Мне тоже выдали такой приборчик слегка похожий на театральный бинокль. Ночь в нём превращалась в мутные сероватые сумерки. Тихо урчащие на малых оборотах БМП ползли следом за нами. Следующим нашим объектом была портовая электростанция. Кривая улочка Старого города вывела нас, считай, к самым её воротам. Электростанцию охраняли румыны. Их легко было узнать по высоким кепи, похожим на недоделанные будёновки. Перед проходной из мешков с песком было сложено пулемётное гнездо, в котором в полной боевой готовности сидели три мамалыжника.

- Поехали! – выдохнул капитан, и взмахнул рукой.

На фоне артиллерийского обстрела, который вела "Москва" по каким-то целям в городе, выстрелы из "калашей" с ПБСами прозвучали совсем неслышно. Румыны бесформенными кулями осели в пулемётном гнезде. Первые две пары морских пехотинцев рванулись к воротам, словно призовые олимпийские спринтеры. Вот они уже под стеной проходной. В деревянной будке светилось окно. Очевидно, внутри находился парный пост.

Что было дальше, нам с Ириной рассказывали сами участники событий, потому что ни на какой штурм капитан, конечно, нас не отпустил. Это от адмирала можно удрать на войну, но не от такого волчары.

Убедившись, что всё спокойно, сержант Тамбиев тихонько подергал дверь проходной – заперто. Недолго думая, он постучал. И что вы думаете? Румыны открыли! Ну как же можно не открыть, ведь прямо перед дверью сидят их пулемётчики. И кругом было всё тихо, поблизости не было никакой стрельбы.

Увидев вместо боевого товарища размалёванное жутким ночным камуфляжем лицо уроженца далекой Бурятии, молоденький румынский солдатик с перепугу сомлел, словно институтка. Что, в общем-то, и спасло ему жизнь. Уже предназначенная ему пуля из пистолета с глушителем угодила в лицо толстому борову, сидящему за конторкой. По всей видимости, он был унтером или даже фельдфебелем – нижних чинов с такими габаритами не бывает ни в одной армии мира.

Ещё одна пуля досталась смуглому типу в штатском, с белой повязкой на рукаве, дремавшему в углу в обнимку с винтовкой. Сержант прислушался. Стояла тишина. За его спиной в помещение беззвучными тенями проникали товарищи. Полицая для "контроля" выстрелили в голову. Сомлевшему румынчику затолкали в рот его же кепи и стянули за спиной руки его собственным ремнем. Немного подумав, сержант расстегнул ему штаны и опустил их до колен. Теперь, если он очнется и попробует бежать, то со связанными руками и спущенными штанами далеко не уйдёт.

Ну, а дальше всё было делом техники. Бойцы рассыпались по плохо освещённому двору, убивая всех, кто был одет в румынскую форму или носил на рукаве белую повязку "шуцмана". Ночью, молча, без криков «Ура!», но с ледяной яростью людей, которые знают, что делают святое дело. Да и немного их там было: ещё один румынский офицер и пара солдат, а остальные полицей.

Особенно запомнился бойцам случай, который произошёл в машинном зале электростанции. Молодой татарин в поношенном немецком кителе с белой повязкой на рукаве, увидев ворвавшихся в зал морпехов в их устрашающем ночном гриме и направленный на него ствол "калаша", уронил на пол винтовку и заорал:

– Не убивай русский, жить хочу!

- Где-то я уже слышал эти слова? – покрутил головой капитан, и вздохнул. – Кажется, ничего не меняется под луною.

Быстрым движением он поднял на ноги вопящее тело предателя.

– Жить, говоришь, хочешь?! Значит так, сучонок! Ты награждаешься почётным званием предателя-юниора и в придачу – государственной премией в виде восьми граммов свинца с занесением её в черепную коробку. Сержант, выдай этому кадру его награду!

Сержант Тамбиев быстрым движением сунул полицейу ствол автомата под челюсть, и нажал на спуск. Крики о пощаде стихли.

Тем временем БМП взвода въехали во двор. Капитан Рагуленко обвёл взглядом собравшихся во дворе рабочих электростанции.

– Значит так, товарищи... Пункт первый – поздравляю вас с освобождением от оккупантов и с восстановлением советской власти. Пункт второй – организация отряда рабочей самообороны. Мы тут с бойцами немного намусорили. На территории вашего предприятия и в окрестностях валяется некоторое количество румынского и немецкого стрелкового оружия. Прошу собрать всё это стреляющее железо, среди которого имеются даже два пулемёта, и самостоятельно охранять электростанцию до полного восстановления советской власти. На этом торжественный митинг разрешите считать закрытым.

- Что, вот так просто взяли и освободили? – спросил высокий худой техник средних лет.

- Да, просто освободили! Нас, понимаете ли, сложно освободить не научили, – усмехнулся капитан. – Может ты, приятель, знаешь, как это – сложно освободить?

Двор грохнул дружным смехом.

– Так что, товарищи, разбирайте оружие и занимайте посты. У вас своя работа, у нас своя. По городу ещё не убитые немцы с румынами бегают, да предатели всякие. Да ещё жить хотят. А это совсем неправильно... Товарищи командиры и сержанты, собираемся у моей машины, маленький разбор полётов.

И в этот момент за забором послышался крик:

– Стой, кто идёт?

5 января 1942 года. 03:35. Евпатория. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.

Я подошёл к подрагивающей и тихо урчащей командирской машине. Кто бы знал, как на неё забираться? Но – была не была! Глянул, как ловко запрыгивают на броню "пятнистые" осназовцы, поставил ногу на гусеницу, уцепился за протянутую руку в странной кожаной перчатке с обрезанными пальцами, и... Вот я уже наверху, грею свою задницу на тёплой крышке моторного отсека. А приятно, чёрт побери, особенно в такую холодную ночь.

Рядом устраиваются бойцы осназа. Оказывается, они только кажутся такими широкоплечими, потому что на них надето что-то вроде противопульной кирасы и очень любопытные жилеты, без рукавов, со множеством карманов, набитых всякой всячиной. Но в основном они

нагрузились боеприпасами. Это какой же умный человек придумал такую удобную вещь? Ведь в подсумках на ремне много всякого не утащишь, а тут считай, вдвое-вчетверо носимый боекомплект увеличить можно. За такую выдумку и Сталинской премии не жалко.

Пригрелся я, сидя на теплой броне, и уже начал было кемарить, как слышу звонкий девичий голос:

– Товарищ командир, будьте добры, руку дайте!

Смотрю вниз, и что же вижу! Стоит красавица писаная, щёки румяные, глаза чёрные, каска эта круглая, чуть ли не на нос съезжает. И говорит она мне:

– Да, да, молодой человек, это я вам! Подайте, пожалуйста, руку девушке.

Тут мне краска в лицо бросилась, прижал я к себе свою "светку" левой рукой, чтоб не выронить, а правую подал красавице. Коротко пискнув, она взлетела наверх.

– Андреева Ирина, военный корреспондент, – представилась девушка и протянула мне свою узкую ладошку.

– Пётр Борисов, старший лейтенант, – я торопливо стянул с руки шерстяную варежку, чтобы пожать её руку. – Будем знакомы.

Я уже хотел было спросить, от какой газеты её командировали на фронт, но тут с оглушительным гулом над нами низко пролетел один из винтокрылых аппаратов. В этот момент кинооператор, который снимал своей камерой всё происходящее, опустил свой аппарат, в два прыжка добежал до нашей машины и запрыгнул на броню, усевшись рядом с корреспонденткой. Стало очень тесно, острый локоток Ирины упёрся мне в бок, прямо под ребро. Мотор взревел, машина дёрнулась и мы поехали...

Я огляделся. Кроме меня, на этой машине оказалось ещё восемь моих разведчиков, три корреспондента, и три осназовца. Остальные осназовцы быстрым шагом, иногда переходящим на бег, плавно, как кошки, перемещались вдоль заборов и стен домов. Я попытался вспомнить план города, который нам показывали перед операцией.

Точно, мы двигались к улице Революции, на соединение с главными силами десанта. Проехали мы так не больше двух кварталов, как нас обстреляла группа румын на перекрёстке. Кажется, со Школьной улицы. Мы все моментально спрыгнули с брони, укрывшись от огня за бортом машины. Я уже собрался было открыть огонь из своей "светки" в сторону врага, но не успел. Наш танк моментально развернул свою башню, и... То что я считал длинным накатником, оказалось скорострельной автоматической пушкой. Пульсирующее оранжевое пламя на срезе ствола,

бьющий в уши грохот. На моих глазах очередь из осколочных снарядов буквально вымела румынское пехотное отделение из подворотни, где они укрывались. Группа осназовцев перебежками, прикрывая друг друга, вдоль стен бросилась в сторону румын. В наступившей тишине прозвучало несколько одиночных выстрелов.

Тем временем я заметил, как метрах в двухстах от нас на следующий перекрёсток выехал ещё один такой же танк. Стало понятно, что бригада осназа методично, словно железной цепью отжимает фашистов от берега. Они всё делали вроде бы спокойно и не торопясь, но если присмотреться внимательнее, то получалось, что всё делалось быстро. Просто эти люди не суежились, так как каждый из них знал, что ему делать в данную минуту.

Внезапно стрельба в городском квартале впереди нас стала запыленной. Взрывы гранат перемежались с криками "Ура!" и "Полундра!". Капитан Рагуленко, стоявший рядом со мной, как-то странно наклонил голову, как будто к чему-то прислушивался, потом огляделся по сторонам.

– Так, товарищи, командиров ко мне, и сержантов тоже! – отдал он команду.

Через пару минут все командиры, включая и командира нашего отряда, собрались у головной машины.

– Значит так, товарищи, обстановка следующая. Впереди, на углу проспекта Ленина и улицы Дмитрия Ульянова, в капитальном доме закрепилось до взвода румын, а может даже и больше, кто их сейчас сосчитает. Наши уже несколько раз атаковали, но пока безрезультатно. Наши несут большие потери. У "Аллигаторов" БК на исходе, так что они пока нам помочь ничем не могут. Задача – выдвинуться к указанному перекрёстку и уничтожить опорный пункт противника. При этом часть второго взвода ударит вдоль проспекта румынам в тыл. Всё понятно?!

Он повернулся к капитану Топчиеву.

– Товарищ капитан, я конечно не могу вам приказывать, у вас своё начальство... Но есть просьба, – наш командир кивнул. – Не могли бы вы послать вперёд своих людей, чтобы некоторые ваши особо гордые орлы не открыли с перепугу по нам стрельбу?

– Конечно можно, – взгляд командира упал на меня. – Борисов, бери свою группу и пулей вперёд. Предупреди там кого надо, что мы идём на подмогу.

Когда я со своими разведчиками добежал до места схватки, там как раз захлебнулась очередная, третья уже по счёту атака. Лейтенант, командовавший штурмовавшей перекрёсток ротой, был тяжело ранен, его

замещал старшина первой статьи, очевидно из сверхсрочников. Увидев три моих кубаря, он весь приободрился и подтянулся, очевидно, рассчитывая, что я приму командование и сниму с него этот тяжкий груз.

– Товарищ старший лейтенант... – начал было он свой доклад, но у меня были совсем другие планы, хотя выяснить, что происходит, совсем не помешало бы.

– Представьте как положено и доложите обстановку! – одернул я его.

- Временно исполняющий обязанности командира роты старшина первой статьи Иван Антонов. Роте поставлена задача овладеть перекрёстком проспекта Ленина и Дмитрия Ульянова, и двигаться дальше в сторону Нового города. Противник оказывает сильное сопротивление, мы никак не можем взять этот дом. Румыны отбили уже три наших атаки. До половины личного состава роты убито и ранено.

- Атаки временно прекратить, сюда идёт подкрепление, осназ с танками, – ответил ему я.

- С какими такими танками, товарищ старший лейтенант? – не понял старшина, но в это время за нашей спиной раздался шум, лязг гусениц, и позади нас на улицу выползла первая машина. Вряд ли румыны что-то видели, и пулемётный огонь они открыли, скорее всего, больше на шум.

- Нашими танками, товарищ старшина, – мы оба прижались к стене, а над головами у нас засвистели пули, с противным визгом рикошетируя от стен. В ответ сверкнула оранжевая вспышка выстрела и грянул гром. Секунду спустя разрыв снаряда заставил пулемёт замолкнуть. Вслед за первым на перекрёсток выдвинулся второй танк, и они попеременно повели обстрел дома, превращённого во вражеский опорный пункт. Гремели артиллерийские выстрелы, взрывы снарядов проламывали в стенах сквозные дыры, а тем временем осназовцы под прикрытием артиллерийского огня и густых клубов известковой пыли своей плавной рысью, перебежками, не торопясь, приближались к зданию.

- Действительно же танки, наши танки, – старшина присел на корточки, опершись спиной на пыльную стену.

Я опустился рядом на одно колено, держа свою "светку" наизготовку, но моя помощь не понадобилась. Как раз в это время осназовцы сблизилась с домом метров на пятьдесят, после чего пушки замолчали. Наступила оглушительная тишина. Собравшиеся вокруг нас бойцы десанта заворожено наблюдали, как стремительным броском коренастые фигуры нырнули в клубы пыли. Потом из дома раздалось несколько коротких очередей и одиночных выстрелов. Опорный пункт был взят. После трёх минут обстрела и совсем без потерь. Я потряс старшину за плечо.

– Слышь, старшина, скажи своим бойцам, что кроме нашего десанта тут целая эскадра. В городе высажена кадровая штурмовая бригада осназа с плавающими танками. Румынам и немцам теперь полный каюк.

Тем временем пыль потихоньку осела. Через несколько минут из дома вышел осназовец и пошёл к нам. По чуть сдвинутой на затылок каске и расстегнутому бушлату я узнал капитана Рагуленко. Так это он, получается, сам повел в атаку штурмовую группу?! В этот момент мне отчаянно захотелось иметь такого же командира. Нет, не могу сказать, что капитан Топчиев плохо командует, но ротный у осназовцев – это что-то запретельное.

Тем временем из разрушенного здания вышли и остальные бойцы осназа, все восемь. Они сделали румын совершенно без потерь! И так же не торопясь они направились в нашу сторону. В наступившей тишине стали слышны стоны раненых. В трёх бесплодных атаках наши товарищи потеряли не менее полусотни бойцов и младших командиров, Но многие, чуть ли не половина из них, были ещё живы... Товарищи перевязывали их индивидуальными пакетами, хотя для многих это, очевидно, было лишь продление мучений.

Когда Рагуленко подошёл к нам, вдруг заговорила журналистка.

– Товарищ капитан, этих раненых надо немедленно эвакуировать. Ну, пожалуйста...

- Знаю Ира, – капитан устало сел рядом с нами у стены. – Только здесь узкие улицы и вертушка не сядет, слишком мало для неё места... Ближайшая пригодная для посадки площадка – это тот пляж, откуда мы пришли. По законам войны один раненый забирает у армии ещё и двух здоровых, которые нам нужны, чтобы эвакуировать раненого с поля боя. А у воюющих – своя задача.

- Вы же выполнили нашу задачу, товарищ капитан, – прохрипел старшина.

- Тогда уже легче, – командир осназовцев поднялся на ноги. – Выделите людей для доставки раненых в порт, оттуда их направят в госпиталь. А у нас ещё есть дела...

Как там было все у гостиницы "Крым", я не знаю точно, потому что капитан Топчиев оставил меня для помощи в эвакуации наших раненых. Мы сопровождали бойцов, переносивших носилки на пляж, откуда их забирал маленький пузатый аппарат, сразу прозванный бойцами "бегемотиком". Он совсем не был похож на те грозные машины, что подавляли врага огнём, но быть может спас не меньше жизней наших бойцов, чем они. Около пяти часов ночи, когда мы отправляли последнюю

партию раненых, нам сообщили, что Евпатория полностью очищена от оккупантов и в ней восстановлена Советская власть.

5 января 1942 года. Евпатория, около 4 часов утра. Спецкор ИТАР-ТАСС, Александр Тамбовцев.

Так на броне БМП морских пехотинцев мы и въехали в город. Какие впечатления? Да, в общем-то, всё было похоже не на бои за город, а на зачистку времён 2-й Чеченской. Правда, это была "зачистка-лайт". Тут не было гранатомётчиков со снайперами, растяжек и прочих взрывающихся подлянок.

Да и румыны – вояки ещё те. С чеченцами их не сравнить. "Чехи" были умелыми бойцами: обучение наше, ещё времён Советской Армии. Да и не такие бздиловатые, как "храбрые потомки римлян", которые или сразу драпали, или дожидались, пока их как следует уконтропупят огнём из БМП или "граников". После чего дружно сдавались.

Не успел капитан Рагуленко со своими бойцами буквально размазать по земле румынский опорный пункт на подступах к Театральной площади в будущем помещении городской администрации, как мы услышали короткое сообщение по радио о захвате здания гестапо, которое немцы разместили в курортной поликлинике. Нашей Ирочке прямо таки жожа под хвост попала, посетить сие злчное место... Но капитан Рагуленко ни в какую не хотел отпускать нас из-под своей опеки...

- Товарищ капитан, – кричала на него Ирочка, – вы же понимаете как это важно с политической точки зрения...

- Нет, нет, и нет, товарищ Андреева, – с лёгкой улыбкой отвечал наш ангел-хранитель. – Мне вас доверили, и никуда я вас не отпущу, пока не сдам обратно, с рук на руки. Мало ли какая недобитая шваль по городу болтается! Румыны, татары, да и уголовничков, говорят, немало. А вас же только ленивый не обидит.

- У нас, между прочим, тоже своё задание, а вы нам мешаете его выполнять, – Ирочка схватила капитана за руку. – Сергей Александрович, нам нужно туда, понимаете...

- Хорошо, – вздохнул тот. – Попробую связаться с адмиралом. Но ничего не обещаю...

На удивление ответ адмирала был прост и крайне короток:

– Капитан Рагуленко, дай им одну БМП с отделением понадежнее, и

пусть ездят по городу, делают своё дело. И пусть закреплённый КомОд постоянно отчитывается лично тебе, где они и что они. Задание понятно, товарищ капитан? Исполняй!

Надеясь на прямо-таки противоположный ответ, капитан переключил рацию на громкую связь и теперь выглядел... мягко говоря ошарашенным. Но приказ есть приказ.

Так мы получили свободу передвижения и личную охрану. Вот теперь перед нами стоит командир самого надёжного отделения, старшина контрактной службы Ячменёв. Не очень высокий, но с широкой бочкообразной грудью и сильными длинными руками. А ещё у него были: рыжий чуб, выбивающийся из-под каски, и какое-то волчье чутьё на опасность... Вот с ним и его ребятами мы, журналисты, колесили по всему городу. Вдобавок два капитана посоветовались, и во избежание лишних недоразумений от группы капитана Топчиева к нам был прикомандирован старшина Потапенко. Мужчина солидный и основательный, как чумацкая повозка, запряжённая волами.

Помню, проезжали мы мимо сквера, который был превращён в импровизированный пункт сбора военнопленных. Там в детской песочнице сидело на корточках десятка два до смерти перепуганных румын под охраной всего трёх гражданских с винтовками. От пленных остро воняло потом, мочой и фекалиями. Они дрожали от ужаса, ожидая жуткой расправы.

Я попросил механика-водителя остановиться около пленных и спросил у них, знает ли кто русский язык. Они немного пошептались, после чего с разрешения конвоиров от группы отошли двое расхристанных рядовых. Вояки сказали, что они не румыны, а молдаване, что их насильно мобилизовали в армию. После чего, жалостливыми голосами затянули "песню" про то, что "сами они нездешние, папы – нет, мамы – нет, дети – голодные, документы украли, а дедушка – на вокзале..." Тьфу, это уже из другой оперы, но удивительно похоже...

Более или менее серьёзное сопротивление оказывали лишь немногочисленные немцы и некоторые татары-шуцманы. Татары уже каким-то образом пронюхали о том, что ни моряки черноморцы, ни наши морские пехотинцы их в плен не берут, и дрались с яростью обречённых. Ну и пусть! Зато в этом мире не будет ни "мемориалов", ни памятников "незаконно депортированным народам".

Где-то в районе санатория "Ударник" мы встретились с группой разведчиков Черноморского флота, возглавляемой капитан-лейтенантом Литовчуком. Оказалось, что им тоже туда... Вообще-то штурм гестапо был

их задачей, но суэта этой ночи сделала своё дело, и они слегка отклонились от маршрута. С помощью старшины Потапенко мы быстро нашли общий язык и двинулись дальше.

Несмотря на потери, моряки десанта воевали азартно и храбро. Как действует кураж на людей! Видя бегущего противника, видя нашу технику, которая громила противника, не давая ему высунуть носа, видя наших грозных морских пехотинцев без потерь с нашей стороны уничтожающих румын, немцев и татар, десантники почувствовали себя как бы тоже причастными к нашей грозной силе и шли в бой лихо, как все черноморские моряки. Приходилось иногда даже придерживать их азарт, чтобы не было лишних потерь.

Что запомнилось? Запомнилось здание гестапо, в котором до и после войны размещалась курортная поликлиника. Мы вышли к нему после того, как лихим наездом выгнали из близлежащих домов группу "потомков гордых римлян". Они особо не сопротивлялись. Оказалось достаточно одного-единственного выстрела из пушки, чтобы они побросали винтовки и задрали руки, оставив в воздухе характерный запах "Великой Румынии". И вот один из них на довольно хорошем русском языке стал рассказывать о жутких русских упырях, которые продали души дьяволу, получив взамен от нечистого невидимость и неуязвимость от пуль. Я понял, что румынам посчастливилось издали посмотреть на то, как работают наши "спецы" из "племени летучих мышей". Почему издали, и почему посчастливилось? Да потому, что те, кто видел это вблизи, уже ничего никому не расскажут.

И действительно, здание гестапо уже было тихо захвачено бойцами спецназа ГРУ ещё до начала основной фазы операции. И если разведчики Литовчука круглыми глазами смотрели на экипировку наших морских пехотинцев, то при виде "спецов" глаза у них стали буквально квадратными. Ещё бы! Заваленное трупами здание гестапо – и разгуливающие по его коридорам фигуры в сферических шлемах, бронеках, с автоматами, оборудованными ПБС и ПНВ. Командовал ими мой новый знакомый Бес. Так, во всяком случае, полковник Бережной отрекомендовал его мне в своё время. Увидев меня, он приветливо помахал мне рукой, и сказал:

"Дед", принимайте товар! Все сделано со знаком качества!".

Действительно, "летучие мышки" дело своё знали хорошо. Все высшие чины гестапо так и остались сидеть в своих кабинетах, связанные по рукам и ногам, с заклеенными скотчем ртами. Как выразился "Бес", «целью дальнейшей передачи компетентным органам по акту». Вся прочая шушера – всякие там охранники, надзиратели, секретари – своими телами

устилала двор и коридоры здания.

Услышав про пленных, разведчики капитан-лейтенанта Литовчука сразу же нырнули в захваченное здание, так сказать, посмотреть товар лицом. Ну а мы не стали им мешать. Тем более, что съёмочной группе канала "Звезда" было что снимать. К примеру, подвалы с людьми, которых должны были завтра расстрелять, где спасённые от смерти не верили в своё спасение и глядели на "спецов", которые их освободили, как на ангелов небесных.

А при виде комнаты, где следователи гестапо проводили дознание, Ирочке, которая всё это время держалась молодцом, снова едва не стало плохо. Видимо, кто-то из гестаповцев работал в "ночную смену", и очередного человека, заподозренного в нелояльности к оккупантам, пытали буквально накануне высадки десанта.

Отсняв все увиденное на камеру, мы вышли на улицу. Уже светало. Над городом кружил одиночный "крокодил", но работы для него не было. Кое-где на окраинах раздавались ещё одиночные выстрелы, но всем уже было ясно – Евпатория взята. И только на востоке, под Саками, гулко бухала канонада. Старшина Ячменёв сказал, что должен доставить нас в гостиницу "Крым", где обосновался штаб десанта, и присоединиться к своей роте, которая через час выдвигается на Саки.

Проезжая по улице Революции, мы увидели, как с ошвартованной в морском порту "Колхиды" на причал уже спускают хозяйство автороты. На причале уже выстроилась вереница тентованных "Уралов" и автозаправщиков. Тут же из вскрытых контейнеров кузова машин загружались ящиками с боеприпасами. Судя по разнообразному обмундированию, работали там и моряки с "Колхиды", и солдатики из хозяйственной и комендантской рот несостоявшейся базы в Тарсусе, и местные моряки-черноморцы. Да и "гражданские пиджаки" мелькали тоже.

Всем было сообщено, что идёт шторм, и от того, сколько техники и боеприпасов удастся выгрузить до его начала, зависит конечный успех операции и жизнь всех и каждого. В случае захвата города противником, разъярённые гитлеровцы не пощадят никого.

У соседнего причала "Дубна" заливал в автоцистерны авиакеросин для "вертушек" и соляр для бронетехники. А канонада под Саками грохотала всё сильнее и сильнее. Стало понятно, что с Евпаторией закончено. Ну а следующий удар после перегруппировки будет нанесён по Симферополю – в самое сердце 11-й армии вермахта.

5 января 1942 года. 02:00. Лесная поляна неподалеку от пос. Сарабуз. Полковник ГРУ Бережной.

Ну "вот мы и в Хопре" (Шутка). Сразу по прибытию замаскировали технику и выставили секреты. Выслали к селу группу доразведки – неподалеку было сельцо одно татарское, так что расслабляться опасно. Собачки там брешут... И вот что удивительно: для немца собака хуже еврея получается. Читал я в своё время, что как только немец в село входил, так сначала собак всех изничтожал, а потом уже за евреев принимался.

Нет, это сельцо не Сарабуз, тот дальше и в другой стороне. Да и в Сарабузе всё, что есть татарского, так это его название, а население стопроцентно русское...

Ну что мы про него ещё знаем? Знаем, что в школе штаб 11-й армии, а в правлении совхоза офицерская гостиница ... Ну и то, что на окраине аэродром – там после войны Симферопольский аэропорт построят.

Заслали туда разведку и сидим на попе ровно, ждём. На то, чтобы наши глаза и уши уже добрались до Сарабуза, и начали там работу, потребовался час. Чтобы тихо подобралась, на кошачьих лапках, и чтобы ни одна веточка не шевельнулась и снег не скрипнул. Нам помогает глухая канонада, доносящаяся со стороны Севастополя.

Разведчикам необходимо вскрыть вражескую систему охраны и обороны, точно определить местоположение ключевых объектов и огневых точек. А также заминировать вероятные пути подхода подкрепления минами МОН. Мы же ждём их сообщений, чтобы окончательно утвердить план захвата и приступить к "работе". Вертолёты стоят, готовые немедленно подняться в воздух, бойцы напряжены и собраны, готовы к любому развитию событий.

Большинство людей, посмотревшись голливудских боевиков, считают, что бойцам элитных подразделений нужнее всего на свете накачанные мышцы и умение палить от бедра из шестиствольного, монструального вида, пулемёта. Конечно, и физическая подготовка и навыки меткой стрельбы, вещи сами по себе нужные. Но самое главное для наших бойцов – голова. Надо нестандартно мыслить и в критической обстановке суметь принять единственно верное решение. И при этом сделать это очень быстро: импровизации – вот наш метод.

Вот и бойцы капитана Зайцева и старшего лейтенанта Голикова в Сарабузе сейчас не режут глотки фрицам, а прикидывают, как тихо, без шума и пыли, снять охрану и повязать генерала, которому в этой

реальности, кажется, так и не суждено стать фельдмаршалом. При этом желательно не забыть и про многознающих офицеров его штаба. С ними тоже жаждут побеседовать охочие до истины товарищи.

Кстати, к моему великому удивлению на вещевых складах "Кузнецова" нашлись даже белые полярные масхалаты. Дело в том что два дня назад на землю лёг довольно таки плотный снеговой покров, да и стены домов, сложенные из местного ракушечника, требуют, чтобы маскировочным цветом считался белый. Откуда на "Кузнецове" белые масхалаты? А вы помните, с какого флота сей корабль и в скольких учениях он участвовал в последнее время? То-то же... Хомяк (пардон, мичман) он и на флоте хомяк, ничего не выбрасывает. А то некоторые горячие головы уже предлагали пошить из простыней нечто вроде маскировочных пончо... Но обошлось.

Вот уже начали поступать сведения от разведчиков. Бойцы незаметно просочились в село, добрались до объектов, которые мы намерены захватить, и выявили систему их охраны. Кроме того, удалось обнаружить огневые точки, прикрывающие штаб армии, казармы комендантской роты, узел связи, позиции батарей ПВО, электроподстанцию, а также установить режим патрулирования улиц и охранного периметра вокруг штаба.

Ну, вот и все, время. Я отдал команду, и к цели начали выдвигаться основные силы. "Племя летучей мыши" вышло на тропу войны. Некоторое время спустя в воздух поднялись и вертолёты. Их время придёт позже.

Сказать прямо, нам повезло в том, что Манштейн, начисто лишённый мобильных резервов, вынужден был бросить против наступающих советских войск, высадившихся в Керчи и Феодосии, всё, что у него было под рукой. Ему пришлось отправить на фронт даже большую часть батальона охраны. Так что, по данным разведки, в самом Сарабузе нам смогут противостоять лишь рота пехоты, батареи ПВО, плюс до взвода фельджандармерии.

Но если мы затянем нашу операцию и дадим Манштейну возможность сообщить о нападении на штаб, то нам придётся несладко – слишком уж нас мало. Конечно, Сарабуз – не дворец Амина, но и немцы – не афганцы.

Поэтому в первую очередь необходимо обезвредить расположенный при штабе узел связи с радиостанциями и телефонными коммутаторами. Это при том, что на узле связи просто таки неизбежны многочисленные, распутные как жрицы Венеры, немецкие связистки. Так было, есть и будет во всех армиях мира, кроме, разве что, исламских. Ну, ничего, посмотрим, как ребята справятся с искушением.

Так, все на исходных, даю сигнал: "Готовность-1". Разведка доложила, что Манштейн, допоздна заработавшийся в штабе армии, всё же ушёл к

себе в резиденцию отдохнуть. У казарм роты охраны, батарей ПВО и узла связи, уже заняли свои позиции авианаводчики, которые лазерными целеуказателями готовы обеспечить ударным вертолётам Ми-28Н "подсветку" целей. Группы обеспечения выставили мины МОН на путях возможного подхода подкреплений к штабу 11-й армии и резиденции Манштейна, а также у входа в казарму комендантской роты. Снайперы взяли на мушку выявленные огневые точки и батареи ПВО.

А самое главное – наши специалисты по взрывам и поджогам заложили небольшой, но симпатичный фугас под главным силовым трансформатором. И теперь я слегка поглаживаю кнопку на пульте дистанционного управления, готовую погрузить весь посёлок во тьму. И на хрена фрицы с таким остервенением отстреливают местных собак? Я уже говорил, что это у них прямо религия какая-то. А ведь были бы живы местные шарики и тузики, мы бы так спокойно под носом у охраны ходить бы не могли.

Смотрю на часы. Всё, 03:00. Время! Четыре ударных вертолёт Ми-28Н и четыре транспортно-штурмовых Ка-29 уже в воздухе, в зоне ожидания. Со стороны Евпатории долетают первые раскаты канонады – это "Ушаков" и "Москва" ровняют с землей румынские береговые батареи. Давлю на кнопку пульта, вижу бело-голубую вспышку, а потом уже слышу оглушительный хлопок короткого замыкания. Во всём посёлке разом гаснет свет. Уничтожение трансформатора было условным сигналом к началу штурма.

По этому сигналу бойцы штурмовой группы быстро и аккуратно завалили из оружия с приборами БС и ПНВ караульных у дома, где находится Манштейн, а группа захвата, действуя преимущественно холодным оружием и пистолетами с глушителями, проникла в здание. Одновременно вторая штурмовая группа ворвалась в помещение узла связи, бросив туда сначала светозумовую гранату, чтобы после отключения внешнего электропитания не дать немцам времени перейти на аккумуляторы.

От применения систем РЭБ решили временно отказаться, ибо сам факт появления помех мог подсказать противнику, что творится что-то не то. Тем более, что с началом Евпаторийской операции на "Кузнецове" и "Москве" заработали стационарные глушилки-вопилки, и немецкой связи от этого вообще страшно поплохело.

Самое же главное, что попытки запеленговать источник помех приведут немцев не к нам, маленьким и слабым, а к большим парням контр-адмирала Ларионова. И вряд ли обнаружение источника помех

доставит немецким связистам много удовольствия.

Собственно, вся операция была разбита на три основные части: захват штаба армии (здание школы), захват офицерского общежития (правление совхоза) и подавление внешнего периметра охраны. С внешним периметром было просто. Авианаводчики подсветили лазерами пулемётные гнезда, и в момент подрыва трансформатора по ним отработали НАРами вертушки. Одновременно одна пара Ми-28Н начала полноформатную штурмовку расположенного по соседству аэродрома Сарабуз, создавая дополнительный шум и гам, и отвлекая на себя внимание противника.

Выбегающие из казарм солдаты охраны попадали под перекрёстный снайперский огонь, подрывались на минах, а в случае особо удачного скопления, накрывались залпами неуправляемых ракет с вертолётов. Короче веселье было в разгаре.

Сам же захват штаба армии и её командующего длился всего несколько минут. В погруженном во тьму здании штаба бойцы капитана Зайцева ножами и пистолетами с ПБС первым делом уничтожили всех, кто имел неосторожность оказаться у них на дороге и не имел на плечах погон из витого шнура – признаков старшего офицера.

В здании штаба из старших офицеров удалось обнаружить только лишь начальника узла связи армии и армейского квартирмейстера. Правда, начальника узла связи взяли вместе с половиной его подчинённых, оглушённых и ослеплённых взрывом гранаты "Заря-2". Когда немецкие связистки очнулись, то рты их были заклеены скотчем, руки крепко стянуты за спиной. Тем временем группа захвата выгребала из сейфов все находившиеся в них бумаги. Уже потом можно будет разобраться, что из них представляет ценность, а что нет.

Быстрее, быстрее, быстрее... В школьном подвале, превращённом в армейскую гауптвахту, бойцы чистили "контингент". Отодвинуть засов, открыть дверь, короткая очередь, и двигаемся дальше. Контингент тут сидел малоприятный даже для вермахта, и у меня не было планов выпускать заключённых на свободу. Но вот, открыв дверь ещё одной камеры, парни увидели не очередную сладкую парочку германских дезертиров или мародёров, а избитого до полной безжизненности и, к тому же, раненного в обе ноги молодого парня в форме советского военного моряка. Нашивки на рукаве, чёрт его знает что значат, но командир. Прозвучал крик:

– Ребята, тут НАШ! – и свирепые убийцы, только что залившие штаб кровью от подвала до чердака, немедленно обратились в нежных нянек.

Впрочем, оказывая освобождённому из плена медицинскую помощь, они не забыли дочистить здание до конца и пристрелить последних зажившихся на свете юберменьшей. А над посёлком уже снижались вертолёт, готовые забрать пленных и документы.

Два из них сели на футбольное поле позади школы, ещё один на предназначенную для пионерских линеек площадку перед парадным входом. Самый последний вертолёт опустился перед зданием правления совхоза, там тоже была своя добыча.

Стрельба на улице потихоньку стихала, те остатки охраны штаба, которым повезло уцелеть, поняли, что для сохранности собственной жизни лучше спрятаться в кустах и не отсвечивать, потому что даже на Ка-29 установлен четырёхствольный пулемёт винтовочного калибра – штука для простого пехотинца крайне неприятная. А уж если на тебя обратит внимание Ми-28Н с его тридцатимиллиметровой пушкой, тогда вообще кранты. Винтокрылые машины не стеснялись возражать короткими очередями даже на одиночные винтовочные выстрелы.

С захватом же Манштейна не всё прошло гладко. Самое смешное, дело чуть не сорвалось из-за любимой собачки генерала. Эта смешная такса в момент захвата подняла истошный лай. К тому же мною был отдан приказ – брать Манштейна живьём. Поэтому в резиденцию командующего армией первой влетела фотошумовая граната. Оглушённый и ослепший Манштейн мешком осел на пол, а такса стартовала из спальни генерала с круглыми глазами и воем ужаса. Причём прямо через закрытое окно. Тот, кто это видел, говорил, что чем-то это было похоже на пуск тяжёлого НАРа с подвески "крокодила".

С нашей стороны "двухсотых" не было, но двое бойцов получили лёгкие ранения – в плечо и в ногу. К концу операции мне сообщили, что наши морские пехотинцы уже захватили аэродром в Саках. Решение пришло мгновенно. Я прикинул, что восемь минут туда, восемь обратно, десять на месте – вертушки обернутся за двадцать пять-тридцать минут. За это время...

Вопрос заключался лишь в том, занимать оборону здесь или, выставив максимальное количество взрывающихся сюрпризов, отходить к известной вам поляне. Там мы точно будем минут через сорок.

Решено: отходим. Здесь мы как вша на пупе, а в поросших лесом холмах нас надо ещё поймать. Эвакуация захваченного Манштейна, его адъютанта и имевшихся при генерале бумаг прошла с площади перед зданием правления, на которой перед войной проводились собрания и митинги. Одновременно в воздух поднялись вертолёт от здания школы.

Часть бойцов улетела вместе с пленными и грузом, остальные же быстрым шагом скрылись в поросших лесом холмах.

И в самом деле, не обошлось без пиротехники и шумовых эффектов. Наверное, кто-то из немецких начальников, встревоженный отсутствием связи со штабом армии, поднял тревогу. Не исключено, что это сделал начальник штаба 11-й армии, которого нам так и не удалось обнаружить. Минут через пятнадцать после нашего отхода в селе начали весело взрываться оставленные нами сюрпризы. Но весь этот шумер был уже как стрельба в белый свет. Мы уходили во тьму "волчьим шагом", и нас им было уже не догнать даже без расставленных на пути растяжек. Бросятся бегом, собьют дыхание и быстро выдохнутся. Кроме всего прочего, ночь, темнота, и не видать ни зги.

Запомнился один момент: когда нашего освобождённого из плена командира грузили в вертушку, он уже в салоне при свете тусклой лампочки, наконец, разглядел тех, кто вытащил его из застенков абвера.

– Ребята, вы кто, – тихо спросил он удивлённо.

Ответ одного из рядовых меня потряс:

– Кто, кто – дед Пыхто. Сам не видишь что ли, мы Вооружённые Силы Коммунистического Марса, оказываем братскую помощь и выполняем интернациональный долг. Шутка!

Напрягшийся было раненый расслабился.

– А вообще это самая большая тайна СССР. Не задавай лишних вопросов и будешь счастлив. Пока!

Люк вертолёт захлопнулся, и машина стала медленно подниматься в чёрное небо.

5 января 1942 года, 07:00. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Подошла к концу ночь с 4 на 5 января 1942 года, обстановка на фронтах была хотя и не катастрофичной, но напряжённой.

На севере стиснут железным кольцом немецко-финской блокады сражающийся Ленинград. На центральном участке фронта, продолжается напряжённое сражение за Москву. Наступающая Красная армия кровью оплачивает каждый метр освобождённой земли. В войсках не хватает боеприпасов, большие потери в технике и людях, но несмотря на это, наступление продолжается. Красная армия гонит немцев от Москвы.

На юге хуже. Крымский фронт вот уже два дня буксует под Феодосией. Сказывается господство немцев в воздухе. В феодосийском порту уже погибли под немецкими бомбами пять транспортов, крейсер "Красный Кавказ" едва дотянул до Туапсе. На сегодняшний день Крымским фронтом потеряно более сорока тысяч человек: убитыми, замерзшими, утонувшими при высадке, пропавшими без вести. А ведь туда Ставка бросила кадровые дивизии мирного времени, выведенные из Ирана. Если так пойдёт и дальше...

Сталин встал и, разломав одну за другой две папиросы "Герцоговина Флор", начал набивать свою трубку.

Почему задерживается Василевский, – думал Иосиф Виссарионович, машинально уминая табак пожелтевшим пальцем. Взглянув на часы, отметил: уже семь пятнадцать. Его взгляд упал на развернутую на столе карту Крыма с нанесённой на неё обстановкой на вчерашний вечер. Неужели наши генералы опять где-то обгадились?

В этот момент заглянул Поскрёбышев.

– Товарищ Сталин, к вам товарищ Василевский.

– Зови! – чиркнув спичкой, "лучший друг советских физкультурников" начал раскуривать трубку.

Вошедший в сталинский кабинет генерал-лейтенант был бледным и слегка осунувшимся. Несмотря на признаки явного утомления, вождь машинально отметил, что заместитель начальника Генерального штаба чем-то взволнован.

– Товарищ Сталин, генерал-лейтенант Василевский прибыл по вашему...

– Пач-чему задержались, товарищ Василевский... – довольно грозно начал Сталин, но потом произнёс:

– А-а-а...

И махнул рукой с зажатой в ней трубкой.

– Докладывайте, что там у вас стряслось?!

– Вот именно стряслось, товарищ Сталин и нечто неординарное...

– Василевский развернул на столе принесённую с собой карту Юго-Западного фронта.

– Как вы знаете, этой ночью Черноморский флот должен был высадить в Евпатории тактический десант с целью отвлечь немецкие войска от Севастополя и Феодосии...

– Ваш Октябрьский потэрал Евпаторыйский дэсант? – от волнения в речи Сталина прорезался явственный грузинский акцент. – Их потопыла гэрманская авиацыя?

- Никак нет, товарищ Сталин, – ответил генерал-лейтенант Василевский, вытянувшись в струнку. – Час назад поступило сообщение, что Евпатория полностью освобождена и в ней восстановлена Советская власть.

- Тогда в чём же экстраординарность? – понемногу успокаиваясь, Сталин начал прохаживаться по кабинету. – Я же вижу, товарищ Василевский, что вы что-то недоговариваете...

- Товарищ Сталин, в ноль часов пять минут радисты Ставки приняли вот эту странную радиограмму, адресованную на ваше имя, но переданную почему-то по каналам Ставки.

Василевский протянул Верховному Главнокомандующему бланк первой телеграммы контр-адмирала Ларионова.

– На радиограмме не было кода высокой срочности, да и абонент "Хронос" никому из шифровальщиков неизвестен, так что расшифровывали эту радиограмму в последнюю очередь.

Верховный читал строчки радиограммы, и его брови ползли вверх, выражая крайнее удивление, обычно несвойственное этому человеку.

– Товарищ Василевский, раз вы нам принесли эту бумагу, значит только этой радиограммой дело не ограничилось?

- Так точно, товарищ Сталин, – ответил генерал-лейтенант. – Сначала я решил, что это чья-то шутка, весьма неумная, кстати. Но у нас шутить так не принято. На короткий запрос шифровального отдела Ставки в штаб СОРа, шифром которого была зашифрована эта радиограмма, там ответили, что в пять минут первого 5 января никаких радиограмм в Ставку они не посылали. Тогда радиограмму всё-таки доставили мне, и мы начали с ней разбираться. По ходу разбирательства дело стало обрастать удивительными и местами даже жуткими подробностями. Позвольте?

Сталин кивнул и Василевский достал из кармана маленький блокнот.

– Во-первых, в шестнадцать часов три минуты служба радиоперехвата ВВС Черноморского флота перехватила сообщение немецкого самолёта-разведчика об обнаружении большевистской авианосной эскадры примерно в двухстах километрах мористее Евпатории.

- Даже так? – мундштуком трубки Сталин огладил пышные усы. – Продолжайте, товарищ Василевский.

- Так точно, товарищ Сталин, – кивнул Василевский. – Немецкий наблюдатель доложил об обнаружении эскадры в составе полутора десятков вымпелов во главе с авианосцем около трёхсот метров длиной. Передача прервалась на полуслове. Очевидно, разведчик был уничтожен. На предложение лётчиков послать воздушную разведку в указанный

немцем квадрат штаб Черноморского флота ответил отказом, потому что «советских авианосцев не бывает. А лётчикам в грубой форме посоветовали проспаться...

- Накажу, мэрзавцев! – пальцы Сталина сжимавшие трубку побелели от напряжения. – Извините, товарищ Василевский, продолжайте.

- В шестнадцать часов двенадцать минут та же служба радиоперехвата зафиксировала взлёт с аэродрома Саки сначала одной эскадрильи пикировщиков Ю-87, а через десять минут – ещё двух. В шестнадцать часов двадцать минут первая эскадрилья была полностью уничтожена двумя советскими истребителями, перехватившими их на пути к цели...

- Почему вы так уверены, что это были советские истребители? – Сталин выколотил потухшую трубку в пепельницу и потянулся к пачке "Герцоговины Флор". – Почему не англичане или нэ американцы? Ведь в их флотах имеются авианосцы. Правда, не такие большие.

- Товарищ Сталин, немецкие лётчики в переговорах между собой называли противника "два ивана", особенно часто в самом конце, когда бой шёл на коротких дистанциях. Англичане были бы или "томми" или "лайми", американцы – "сэмми". Такую уверенность могут дать только чётко видимые опознавательные знаки государственной принадлежности.

- Понятно, товарищ Василевский, – Сталин снова набивал свою неизменную трубку. – Продолжайте!

- Вслед за первой эскадрильей юнкерсов так же бесследно исчезла и вторая, потом – третья. А также восьмерка истребителей Ме-109, поднятая на их поддержку с аэродрома в Каче, – генерал-лейтенант Василевский развернул на столе Верховного план Евпатории. – Чудо-самолёты – это ещё не всё, товарищ Сталин. Вот, смотрите. Красным цветом – это план высадки десанта, разработанный штабом Черноморского флота. Надо заметить, что по словам капитана 2-го ранга Буслаева, осуществлявшего общее руководство высадкой, и капитан-лейтенанта Бузинова, командовавшего десантным батальоном, сама высадка прошла вполне успешно.

Вот только немцы явно ожидали наших десантников, поэтому сразу после обнаружения кораблей на подходе к берегу они включили прожектора и открыли по нашим морьякам перекрёстный пулемётный и артиллерийский огонь.

Но тут снова проявили себя наши таинственные "гости" – их корабли к этому времени находились уже на рейде Евпатории.

На недоумённый взгляд Сталина Василевский ответил:

– Дело в том, что над морем в эту ночь стоял довольно густой туман,

видимость не превышала ста метров, и в такой обстановке тот, кто хотел остаться незамеченным, легко мог это сделать. До самого последнего момента их не видели ни наши, ни немцы. Корабельная артиллерия "гостей" в считанные минуты уничтожила немецкие береговые батареи. Их боевые винтокрылые аппараты, по назначению схожие со штурмовиком Ил-2, нанесли ракетные удары по опорным пунктам противника в гостиницах "Бо риваж" и "Крым", а прожектора и пулемётные точки на колокольнях и минаретах уже были захвачены их армейским осназом, заранее проникшим в город. По команде эти пулемёты начали обстрел узлов вражеской обороны.

Также их осназовцы захватили здание гестапо, где освободили из фашистских застенков множество арестованных: подпольщиков, арестованных партийных и советских работников, да и тех, кто был просто недоволен оккупантами.

Кроме того, к ним в руки попало всё руководство гестапо Евпатории и все документы, которые не были уничтожены из-за внезапности нападения.

- И конечно они отказываются передавать нам эти документы и этих негодяев? – Сталин пристально взглянул на Василевского.

- Никак нет, со слов капитан-лейтенанта Литовченко, который и должен был по первоначальному плану захватить здание гестапо, всё уже передано нашим компетентным органам. Правда, после составления нуднейшей и подробнейшей описи... Товарищи из наркомата товарища Берии ходатайствуют о правительственных наградах для тех, кто сумел добыть эти документы.

- В таком деле, товарищ Василевский бюрократия в разумных количествах – это не помеха, – сказал повеселевший Сталин. – Как говорил Владимир Ильич, "социализм – это учёт". Товарищ Василевский, я уже почти поверил в 2012 год, но меня смущало и смущает словосочетание "Российская Федерация"... Хотите, я скажу вам какие флаги на их кораблях?! Андреевские, товарищ Василевский, ведь так? Очевидно, в Советском Союзе послэ моей смэрти всё-таки произошел контрреволюционный переворот... Но с этим вопросом мы разберемся позжэ, продолжайте дальше по Евпатории.

- Кроме осназа, кораблей и авиации в операции было задействована их морская пехота. Четыре корабля в их эскадре оказались носителями механизированных подразделений морского десанта.

Товарищ Сталин, представьте себе плавающий лёгкий танк, вооружённый одной стомиллиметровой пушкой и одной автоматической тридцатимиллиметровой пушкой. И кроме всего прочего он перевозит до

отделения пехоты. Двадцать таких машин – две роты – вышли на берег в курортной зоне западнее нашей полосы высадки. Ещё одна рота, десять машин, вышли на берег в районе Пересыпи, восточнее нашей полосы высадки. Последняя рота атаковала город Саки и одноимённый аэродром, где немедленно перекрыла дороги на Севастополь и Симферополь. К пяти часам утра сопротивление немцев и румын в Евпатории было подавлено, зато нарастало их давление на заслоны в районе города Саки.

Тогда же капитану второго ранга Буслаеву был предъявлен немец в генеральском мундире, которого "гости" представили, как генерала Эриха фон Манштейна, командующего 11-й армии вермахта. Они заявили, что передадут его в руки представителям нашей разведки не меньше чем армейского уровня. А пока с ним пообщается разведотдел их соединения...

- Ничего странного, товарищ Василевский, – меланхолически заметил Сталин. – Это их разведка поймала Манштейна, а не наша. Это их добыча, а следовательно, у них и право первой ночи. Только вот вам удалось выяснить, как это им удалось?

- Так точно товарищ, Сталин: рейд осназа на этих самых, на вертолётах. Цель – полный разгром штаба 11-й армии с захватом высшего командного состава и документов. Только вот начальник штаба армии ускользнул. Он находился в это время в штабе одной из дивизий под Севастополем...

- Счастье никогда не бывает полным, – Сталин, на какое-то время забывший о уже набитой и зажатой в руке трубке, снова потянулся за спичками. – Товарищ Василевский, у вас что ещё?

- Да, товарищ Сталин, последнее и наиболее важное: около часа назад мне принесли вторую радиограмму подписанную "Хроносом", где он сообщал итоги проделанного за ночь и давал список немецких аэродромов, уничтоженных в течении ночи с 4 на 5 января их авиацией. Они назвали это операцией "Длинная рука".

Я немедленно связался по ВЧ со штабом Юго-Западного фронта и Черноморского флота и приказал выслать воздушную разведку в район указанных ими объектов. Я задержался, ожидая рапортов от лётчиков-разведчиков и результатов обработки и расшифровки фотоматериалов. Товарищ Сталин, вся немецкая авиация в полосе Юго-западного фронта практически уничтожена. Фотографии сейчас везут в Москву самолётами, но понятно одно – на юге у немцев сейчас просто не осталось авиации...

Сталин решительно подошёл к столу с телефонами и снял трубку аппарата ВЧ.

– Юго-Западный фронт, товарища Тимошенко. ... Товарищ

Тимошенко, доложите, как там у вас с активностью немецкой авиации? ... Не, ничего, все хорошо... Значит, сегодня с утра не летают, не бомбят, и не обстреливают. Что, немцы заболели?.. Я вам, товарищ Тимошенко потом расскажу, чем заболели эти немцы... Вы мне лучше скажите, а наша авиация что, летает, бомбит, обстреливает? Так, вот, пока немцы болеют, наши, здоровые, пусть летают. Все ясно?!

Бросив трубку, Сталин прошёлся по кабинету.

– Эта самая "длинная рука" схватила за горло люфтваффе, а для наших войск оказалась просто таки рукой помощи. Это они сделали не для себя, потому что они, наверное, могут легко сбивать любое количество вражеских самолётов. Это они сделали для наших солдат, которые такой возможности не имеют. Такой командир мне нравится, как там его, контр-адмирал Ларионов?

- Так точно, товарищ Сталин, Ларионов, – подтвердил Василевский.

- Товарищ Василевский, вы храбрый человек? – неожиданно спросил генерала Сталин, садясь за свой стол.

- Наверное, да, товарищ Сталин, – ответил тот заметно нервничая. – И, наверное, смотря что считать храбростью.

- Это хорошо, товарищ Василевский, что вы храбрый человек, – Сталин что-то быстро писал синим карандашом на листе бумаги. – Потому что есть мнение, что вас нужно направить представителем Ставки в самое пекло, в штаб этого самого контр-адмирала Ларионова. Вот отдайте это товарищу Поскрёбышеву, он оформит вам мандат. У вас будут все необходимые полномочия для решения любых вопросов на месте. Если что-то пойдёт не так – немедленно связывайтесь со мной лично. Ну, и без этого постоянно держите меня в курсе событий.

- Когда мне вылетать, товарищ Сталин? – подтянулся Василевский.

- Если судить по тому, что происходит, то, товарищ Василевский, вылететь вы должны были ещё вчера. – ответил Сталин.- Раз так всё получилось, то вылетайте как можно быстрее.

В голосе Сталина снова появился грузинский акцент.

– Ми на вас очэнь надэямся, товарищ Васылэвский!

5 января 1942 года 14:00, воздушное пространство в окрестностях Новороссийска, борт транспортно-пассажирского самолёта ПС-84 (Си-47)

Мерно гудели моторы самолёта, генерал-лейтенант Василевский перебирал фотографии, полученные на аэродроме под Ростовом от представителя разведуправления Юго-Западного фронта. Эти фотографии стоили того, чтобы взглянуть в них внимательно. На них были видны груды исковерканного металла, которые ещё вчера были боевыми самолётами люфтваффе. Аэродромы Сталино, Таганрога, Мелитополя, Днепропетровска... По докладам из Севастополя, ту же самую картину представляли собой аэродромы Сарабуза, Николаева, Херсона... Немецкие самолёты выглядели так, будто их долго и старательно крошили огромной шинковкой. Кроме того, таким же иступлённым ударам с воздуха подверглись несколько узловых станций Сталинского ж-д узла. На фотографиях было заснято месиво из разбросанных во все стороны обломков, а иногда и целых вагонов и даже паровозов, отброшенных на десятки метров от железнодорожных путей. Кое-где пылали пожары. Генерал-лейтенант пытался на скорую руку прикинуть, сколько боеприпасов, топлива и продовольствия потеряли немецкие войска. В любом случае получалось много.

Информация о ходе десанта в Евпатории пока была словесной, но вот эти фото стали для генерал-лейтенанта первым материальным подтверждением существования "гостей" из будущего. Кстати, самолёт-разведчик, направляясь на Николаев, прошёл над Евпаторией и эскадрой "гостей". Товарищ Сталин оказался прав: в рапорте лётчиков было особо отмечено, что над кораблями подняты андреевские флаги. И в то же время все летательные аппараты несли на себе красные звезды. Сочетание дикое и немыслимое, почти как жареный лёд.

« "Гости"... Какие они, к чертовой матери, "гости"? » – подумал генерал-лейтенант убаюкиваемый шумом моторов. Ведут себя как хозяева в доме. Сразу же дали понять, что "это наша война, и мы будем её воевать". И ведь не откажешь им. Тут каждый штык на счету, и вдруг привалило такое вот счастье...

Александр Михайлович глянул в иллюминатор – берег Тамани остался справа, а под крылом тянулись покрытые белыми барашками волн тёмные воды Понта Эвксинского. Рядом с самолётом представителя Ставки летели два истребителя Як-1 сопровождения – всё, что сумело выделить командование Кавказского фронта для прикрытия столь важного перелёта.

К убаюканному шумом моторов Василевскому подошёл бортмеханик.

– Товарищ генерал, командир корабля просит вас пройти в кабину...

- Что там стряслось? – представитель Ставки встал и, пригнувшись, начал пробираться в кабину пилотов.

- Вызывают Вас, товарищ генерал, по радио... – бортмеханик открыл перед Василевским дверь в кабину пилотов и протянул ему гарнитуру. – Слушайте, товарищ генерал-лейтенант ...

В наушниках чуть хриплый голос повторял: "Сокол-1" вызывает самолёт представителя Ставки, "Сокол-1" вызывает самолёт представителя Ставки..."

Пилот посмотрел на Василевского.

– Товарищ генерал, может вернёмся от греха подальше?

- Дайте сюда, – Василевский забрал у пилота гарнитуру. – Куда тут нажимать?

- А вот сюда, – бортмеханик вдавил клавишу, переключая радиостанцию на передачу.

- Говорит представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-лейтенант Василевский. "Сокол-1", кто вы?

- Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – ответило радио. – Говорит ведущий пары прикрытия майор Скоробогатов. Наблюдаем вас на радаре, находимся на встречном курсе, до визуального контакта осталось меньше минуты...

Пока генерал-лейтенант размышлял, лётчик переключил канал связи на себя.

– Говорит командир спецборта подполковник Ольхович. Как вы сумели нас обнаружить, майор? Информация об этом полёте была совершенно секретной.

- Ничего удивительного, товарищ подполковник, ваши "маленькие" так разгадались в эфире открытым текстом, что я теперь и не знаю, для чего у них рации: для взаимодействия в бою или для пустой болтовни и разглашения секретов?

Лётчик снова щёлкнул тангентой.

– Понятно! – и добавил несколько слов не публикуемых в обычных словарях. – "Сокол-1", где вы в настоящий момент находитесь?

В эфире раздался короткий смешок.

– Перед вами, прямо по курсу.

Чуть выше горизонта появилась пара чёрных точек, – пять, четыре, три, два, один... В последнее мгновение точки разошлись далеко в стороны и, заложив крутой вираж, превратились в два стремительных стреловидных силуэта, которые зависли по обе стороны и чуть выше транспортника. В кабину ПС-84 проник протяжный гул и свист реактивных двигателей. Генерал-лейтенант Василевский жадно всматривался в покрытую серо-голубой камуфляжной раскраской краснозвёздную машину непривычных

очертаний. На его взгляд, эти похожие на наконечник стрелы самолёты были лишь чуть меньше транспортного ПС-84. Практически всё место под узкими стреловидными крыльями занимали угрожающе выглядящие реактивные снаряды. С непривычки Василевский долго не мог понять, где у этого монстра двигатели. Потом вспомнил про сообщения о разработке англичанами самолёта с турбореактивными двигателями, и сразу всё встало на свои места... "Яки", шарахнувшиеся было в сторону при приближении "гостей", снова заняли свои привычные места в ордере.

- Товарищ майор, – Василевский вдруг неожиданно закашлялся, – как называются ваши машины?

- МиГ-29, товарищ генерал, в корабельном исполнении, – ответил Скоробогатов.

Некоторое время полёт продолжался в полной тишине, справа Керченский полуостров, уже освобождённый Красной Армией, сменился Южным берегом Крыма, который пока ещё оккупировали немецко-румынские войска.

Где-то на траверзе Алушты на связь вышел майор Скоробогатов.

– Внимание, у нас гости! Незваные!

Экипаж транспортника до рези в глазах вглядывался в горизонт. Вот впереди, чуть правее по курсу, на фоне земли мелькнули четыре чёрных точки, набирающие высоту. Снова вышел на связь майор Скоробогатов.

– Судя по всему, 109-е мессера, идут на перехват. Извините, товарищ генерал-лейтенант, видно не все их аэродромы подскока мы нашли и вычистили. Придётся устроить показательные выступления. Итак, маэстро, музыку!

Тем временем чёрные точки заложили крутой вираж и начали удаляться туда, откуда пришли.

- Чего это они, майор? – удивлённо спросил подполковник Ольхович. – Вроде атаковать передумали?

- Это товарищ подполковник называется репутация. Тут давеча пара майор Коломенцев – капитан Гордин слегка размялась. Так группу "штук" и эскадрилью "мессеров" как корова языком слизнула... Хотя они и ретировались, но порка не отменяется...

- Правильно, товарищ майор, – экипаж и пассажиры ПС-84 слышали голос ведомого майора Скоробогатова. – Эти ребята совсем невежливые, они даже не поздоровались!

- Старший лейтенант Галкин, ракета Р-73, расход одна штука, цель – крайний правый... Пуск!

Слышавший все эти переговоры генерал-лейтенант Василевский

понимал: всё, что сейчас говорится, говорится для него и только для него.

Весь этот радиообмен, он из-за того, что настоящей угрозы нет, а немцы даже побоялись сблизиться с машинами из будущего, не то, чтобы вести с ними бой. Лишь только разглядев, кто именно эскортирует его самолёт, они сразу же бросились наутёк. Но это бегство совсем не значило, что потомки их пожалели. Из под крыльев обоих МиГов сорвалось по одному реактивному снаряду, которые, изогнув дугой белый хвост дымного следа, помчались вдогонку за удирающими мессерами. Не прошло и минуты, как на месте двух немецких истребителей вспухли белые клубки разрывов. Ещё один, видимо серьёзно повреждённый близким взрывом, начал быстро снижаться, оставляя за собой жирный чёрный след. Последний Ме-109 ракета майора Скоробогатова настигла уже над горами. Впереди был Севастополь.

Снова ожило радио.

– Говорит майор Скоробогатов, товарищ генерал, какой у вас конечный пункт назначения, Херсонес?

Василевский помолчал, собираясь с мыслями.

– Товарищ Сталин послал меня в качестве представителя Ставки в штаб контр-адмирала Ларионова, в первую очередь для решения первоочередных вопросов взаимодействия между вами и частями Красной Армии. Так что мыс Херсонес мне никак не подходит. Ваши варианты, раз уж вы здесь?

– Товарищ генерал, на авианосец ваш "дилижанс" сесть не сможет, это однозначно! – ответил Скоробогатов, – Так, один момент, я проконсультируюсь со штабом.

На несколько минут в эфире наступила тишина. Тем временем авиагруппа обогнула Херсонес и направилась к Евпатории.

– Так, товарищ генерал, контр-адмирал Ларионов предлагает вам совершить посадку на аэродроме под городом Саки. Он ещё с ночи захвачен нашей морской пехотой. Там вас встретит исполняющий обязанности командира сводной бригады полковник Бережной и введёт в курс дела. После шторма, который вот-вот разразится, вы сможете встретиться с товарищем контр-адмиралом.

– Хорошо, я согласен! – Василевский посмотрел на часы, время пятнадцать сорок две. – Курс на Саки.

5 января 1942 года 16:05, аэродром Саки, борт транспортно-

пассажирского самолёта ПС-84 (Си-47)

С борта снижающегося над Каламитским заливом самолёта была прекрасно видна панорама разворачивающейся битвы. Через иллюминатор левого борта можно было наблюдать лежащую в дрейфе эскадру из будущего. Особенно выделялся громадный авианосец, по сравнению с которым все остальные корабли выглядели детьми-подростками. Василевскому даже на мгновение показалось, что он видит заходящий на посадку на палубу авианосца самолёт... А может и не показалось, может он и в самом деле видел?

Бросив беглый взгляд на выходящий из порта на внешний рейд белоснежный лайнер, генерал лейтенант на минуту задумался... Что там насчёт этого красавца, как его там, ага "Колхида", сообщал капитан-лейтенант Бузинов? Вот – "Выгружают на берег боевую технику, вооружение и боеприпасы"...

Раз "Колхида" покидает порт, значит выгрузка закончена или угроза шторма стала вполне реальной... Нет, со всеми этими морскими делами сюда надо будет вытребовать товарища Кузнецова, он Главком военно-морского флота, ему в данном случае и карты в руки... Нам бы с сухопутной тактикой и стратегией разобраться...

Чтобы лучше видеть происходящее внизу, Василевский прошёл в кабину пилотов.

Впереди и слева, почти на пределе видимости, по дороге из Евпатории в сторону Сак пылило несколько десятков огромных грузовиков и внушительно выглядящие даже с такой дистанции ТАНКИ. Из-за большого расстояния не имея возможности детально рассмотреть технику будущего, Василевский перевёл взгляд направо.

Там шёл бой. Особенно хорошо были видны позиции обороняющихся на подступах к селу Ивановка, перекрывающие дорогу Евпатория – Севастополь. Изломанные линии траншей нормального профиля, знакомых штабс-капитану Василевскому ещё по германской войне. Очевидно было наличие большого количества автоматического оружия у обороняющихся, потому что подступы к траншеям буквально усеяны телами в серых немецких шинелях.

И танки, множество танков. Врытые в землю на линии обороны по самые башни, сконцентрированные в группы за домами...

А вот это что такое? Выглядят как танки, но развернуты там, где бы сам Василевский поставил гаубичную батарею или даже дивизион. Да и

огонь эти странные машины ведут, задрав стволы, подобно гаубицам или даже миномётам. А ещё при взгляде на поле боя поражало почти полное отсутствие огня германской артиллерии.

Генерал-лейтенант Василевский ещё не знал, что станция артиллерийской разведки "Зоопарк" очень эффективно помогала огневым средствам "гостей" подавить немецкие миномётные и артиллерийские батареи сразу же после первого или второго залпа.

Самолёт снизился уже почти на уровень вершин холмов. Вот под правым крылом промелькнули позиции какой-то бронетехники, одновременно похожей и на танки, и на самоходные орудия.

Ещё несколько секунд, толчок, и колеса самолёта коснулись взлётно-посадочной полосы. И вот уже ПС-84, опустив хвост, катится по бетонке. Миги, сделав над аэродромом круг, ушли к себе на авианосец, "маленьким" Василевский приказал садиться в Севастополе, на мысе Херсонес. Слишком много лишнего могут увидеть на земле два обычных фронтовых лейтенанта. Даже беглого взгляда с воздуха хватит для того, чтобы загнать обоих куда-нибудь в дальний гарнизон.

Аэродром не пустовал. В самом конце полосы, справа, выстроились несколько винтокрылых машин с громадными винтами сверху. Они отдалённо напоминали экспериментальные автожиры, испытания которых проходили перед самой войной. С другой стороны сиротливо приткнулись Хе-126 и Ю-87 – все, что осталось на аэродроме из немецкой техники. Человек с флажками привычными жестами показал командиру экипажа, куда заруливать на стоянку. Моторы замолкли и впервые за шесть часов Василевскому показалось, что уши у него словно заложило ватой. Бортмеханик откинул люк и опустил на землю трап.

Генерал-лейтенант сошёл на бетон и глубоко втянул в себя свежий январский воздух. Первый вдох на крымской земле пах только морем. Резкий порывистый ветер гнал по земле мелкую позёмку из смеси снега и песка. По взлётной полосе к самолёту направлялась большая машина, слегка похожая на американский вездеход "Бантам". « Вот именно что слегка похожая, – поправил себя Василевский, – на американца она похожа как тигр на кота».

Человек, вышедший из машины, был чуть старше Василевского, одет в пятнистую куртку защитного цвета без знаков различия и такие же штаны. И кроме того, всё в его облике говорило генерал-лейтенанту Василевскому, что это кадровый командир с большим стажем службы и ещё бóльшим боевым опытом.

Встречающий козырнул.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите представиться: полковник Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, Бережной Вячеслав Николаевич, временно исполняю обязанности командира сводной отдельной механизированной бригады особого назначения... Готов ввести вас в курс дела.

- Генерал-лейтенант Василевский Александр Михайлович, – ответил Василевский. – Хотя, как я понимаю, вы меня прекрасно знаете.

- Так точно, товарищ генерал-лейтенант, из учебников истории, там про вас много хорошего написано.

Тут Бережной указал в сторону моря, на две чёрные точки, повисшие над волнами.

– О, товарищ Василевский, смотрите. Миги возвращаются, значит, шторм уже разыгрался и посадка на авианосец запрещена.

- И что это значит? – встревожился Василевский.

- Ничего особенного, – пожал плечами Бережной. – Во-первых, Миги сядут здесь, двух километров бетонной полосы им вполне хватит. Кстати, весьма впечатляющее зрелище. И, во вторых, это значит, что примерно на тридцать шесть часов мы отрезаны от эскадры. Именно столько в нашей истории длился этот шторм. Но не беспокойтесь, об этом мы знали заранее и хорошо подготовились.

Вот только здесь, пожалуй, не совсем подходящее место для серьёзных разговоров, – Бережной открыл перед Василевским дверцу автомобиля. – Давайте проедем на мой КП и там поговорим.

В это время мимо них со страшным грохотом пронёсся быстро тормозящий МиГ с раскрытым парашютом. Василевский, едва успев придержать генеральскую папаху, которую чуть не сдуло с головы, пробормотал:

– Действительно впечатляет...

И добавил:

– Да, кстати, товарищ полковник, а как мои командиры?

- Думаю, что им лучше остаться здесь, – Бережной внимательно посмотрел на генерала. – Мне кажется, что вы получите всю возможную информацию о нас и наших возможностях, а уже потом сами решите, кому и в каком объёме её следует знать.

- Разумно, товарищ полковник, разумно, – Василевский повернулся к своим сопровождающим. – Товарищи командиры, со мной поедет только майор Санаев. Остальных прошу обождать здесь.

Генерал-лейтенант повернулся к Бережному.

– Я надеюсь, что вы дадите им возможность отдохнуть и поесть. Ведь мы, что называется, прямо с корабля на бал прибыли. Ну, а майор Санаев – он из наркомата товарища Берии. Секреты – это по его части.

- Ну, если так, пусть едет. Сейчас придёт ещё одна машина, которая отвезет ваших офицеров – простите, но у нас, как и у вас с 1943 года, снова в употребление это старорежимное слово, – в столовую...

Бережной вытащил из кармана коробочку размером с половину пачки папирос.

– Капитан Приходько?!

- Слушаю, товарищ полковник, – хрипло отозвалась коробочка.

- Сергей Сергеевич, возьми машину и подъезжай к самолёту из Москвы. Тут четыре старших командира и экипаж. Отвези их в столовую, накорми и дай отдохнуть с дороги.

- Будет сделано, товарищ полковник, – коробочка хрюкнула и замолкла.

В это время к машине подошёл майор Санаев с чёрным чемоданом в руках. Увидев эту картину, полковник Бережной вздохнул, усмехнулся, и произнёс непонятную для Василевского фразу:

– И здесь тоже чёрный чемоданчик...

Часть 2. Час истины!

5 января 1942 года. 16:12. Аэродром Саки. Исполняющий обязанности командира сводной механизированной бригады Полковник ГРУ Бережной.

Так вот ты какой, товарищ Василевский, человек и пароход! Защёлкиваю дверцу машины и коротко бросаю водителю, – "На КП!"

"Тигр" плавно трогается с места, быстро разгоняясь, да так что совершенно не ощущаются все семь с половиной тонн его веса. Нас плавно прижимает к спинкам сидений. Ехать тут недалеко, но наш водитель решил блеснуть, показать, так сказать, мастер-класс. Навстречу выворачивает трофейный автобус "Опель". Вот, оказывается, как капитан Приходько понял мои слова насчёт машины повместительней.

В салоне молчание, и генерал-лейтенант Василевский и майор Санаев пытаются осмотреться, не выдавая своего любопытства. Подруливаем к капониру, затянутому маскировочной сетью сверху, уже присыпанной снежком. Там внутри стоит штабной "Урал". В двух соседних капонирах, от греха подальше, заняли позицию два "Панциря" на танковом шасси. Серо-желтый пустынный камуфляж кое-как заляпан пятнами извести. Пусть у фрицев почти не осталось авиации, но "почти", это не значит "совсем". Кроме того, адмирал особо нас предупредил, что у фрицев от "счастья" вполне может поехать крыша...

- Все, товарищ генерал-лейтенант, приехали!

Выхожу из машины и вижу, что ветер-то разгулялся не на шутку. Открываю дверь в кунг, приглашаю своих гостей.

– Командный пункт бригады. Товарищ Василевский и вы, товарищ майор, проходите, пожалуйста, не задерживайтесь. Погода на улице далеко не курортная.

Внутри кунга тепло, светло, радостно светятся экраны компьютеров. Тут весь мой штаб. Подполковник Ильин из группы товарища Антоновой исполняет обязанности начальника штаба. Майор Гальперин из начальника штаба самоходного артдивизиона стал начальником артиллерии бригады. Командир роты спецназа майор Гордеев исполняет обязанности начальника

разведки. Тут же бывший журналист, капитан Тамбовцев, – отозванный из запаса бывший спец, который в моём хозяйстве занимается "связями с общественностью". А в это понятие можно включить весь советский народ, от товарища Сталина до самого последнего колхозника.

Пока капитан Тамбовцев занимается общественностью, мы занимаемся немцами. Но ничего себе дед, службу не забыл и дело знает. При виде входящего генерал-лейтенанта Василевского офицеры вскочили.

- Товарищи офицеры! – подал команду мой начштаба.

На лице Василевского мелькнула усмешка, словно он вспомнил что-то очень забавное. Майор госбезопасности Санаев при этом еле заметно поморщился.

– Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант, – приветствовал гостей подполковник Ильин. – Разрешите доложить обстановку?

- Это мой начальник штаба, подполковник Ильин. – пояснил я.

Василевский кивнул и начал расстегивать шинель: в кунге было жарковато, какой-то мерзляк выкрутил регулятор отопления на максимум. Найдя взглядом вешалку с висящими на ней тёплыми куртками, Василевский пристроил там свою шинель и папаху и, приглаживая волосы, подошёл к столу.

– Докладывайте, товарищ Ильин, – потом обвёл взглядом всю честную компанию. – Кстати, товарищи, почему вы все без знаков различия?

Ильин вздохнул.

– Товарищ-генерал лейтенант, в нашем прошлом Указом Президиума Верховного Совета СССР с нового 1943 года в Красной армии в качестве знаков различия снова были введены погоны. В настоящий момент использование погон считаем политически неоправданным шагом, который может вызвать к нам недоверие. А действующими на данный момент петлицами с треугольниками, кубарями и шпалами пока обзавестись не успели, на этой войне мы ведь меньше суток.

- Понятно! – Василевский осмотрел всех присутствующих. – Давайте, рассказывайте всё по порядку, что вы, кто вы и чего вы тут навоевали.

И, расстегнув воротничок кителя, заметил:

– Жарко у вас тут.

- Давайте начнём с последнего пункта, товарищ генерал-лейтенант, – я кивнул Ильину. – Рассказ о нашем происхождении достоин авантюрного романа в стиле товарища Буссенара.

Повинуясь моему кивку, подполковник Ильин повернул к генерал-лейтенанту большой 19-ти дюймовый ноутбук с боевой тактической информационно-управляющей системой.

– Товарищ генерал-лейтенант, – на экране появилась карта Евпатории и окрестностей с нанесёнными на неё текущими позициями войск, – обстановка на настоящий момент следующая. От захватчиков полностью освобождены города Евпатория и Саки. В городе Евпатория уже восстановлена Советская власть. Гарнизон Евпатории в настоящий момент составляет сводный отряд капитана милиции Берёзкина, составленный из евпаторийских милиционеров, подпольщиков и освобождённых из концлагеря военнопленных. Он поддерживает порядок и осуществляет зачистку города от бандитских элементов и пособников фашистов.

Батальон капитан-лейтенанта Бузинова находится в резерве в городе Саки, а также занимает рубежи на северном направлении, где противник пока не обнаружен.

Теперь перейдем к позициям нашей бригады. Позиции под селом Ивановка занимает сводный батальон Черноморского флота из нашего времени. Это две моторизованные роты, имеющие на вооружении по десять гусеничных боевых машин пехоты, вооружённых одной 100-миллиметровой и одной 30-миллиметровой пушками каждая, а также одна артиллерийская батарея, вооружённая лёгкими самоходными гаубицами калибра 120 мм. Батальон оборудовал позиции на юго-восточной окраине села Ивановка и с рассвета отразил больше десяти атак противостоящей ему 22-й пехотной дивизии. Потери противника первоначально оцениваются как значительные.

- Спасибо, товарищ подполковник, – Василевский отвёл взгляд от экрана. – Мы видели их позиции, когда подлётали к Сакам. Количество уничтоженных немецких солдат впечатляет даже на глаз. Вы мне вот что скажите: как вам удалось добиться полной нейтрализации немецкой артиллерии? Вы говорите, бои там идут с рассвета, но я совершенно не видел признаков артиллерийского обстрела с немецкой стороны.

Из-за стола поднялся грузный офицер.

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант! Майор Гальперин, исполняю обязанности начальника артиллерии сводной бригады, – в его скрипучем голосе чуть был слышен восточный акцент. – Основная должность – начальник штаба самоходного артиллерийского дивизиона гаубиц Мста-С, калибр орудий – шесть дюймов. На вооружении нашего дивизиона состоит комплекс артиллерийской разведки "Зоопарк" который позволяет определить позиции вражеской артиллерийской или миномётной батареи после первого-второго выстрела.

Майор прошёлся по кунгу.

– Также эта аппаратура позволяет проконтролировать, куда именно

падают уже наши снаряды. Исходя из предположения, что с отражением атак пехоты, не поддержанных танками, авиацией и артиллерией, морская пехота справится самостоятельно, мы всю имеющуюся у нас артиллерию собрали в единый кулак для контрбатарейной борьбы. Отсутствие вражеских артобстрелов – эта наша лучшая помощь морской пехоте. А артиллерийский кулак у нас, товарищ генерал-лейтенант, неслабый: дивизион самоходных шестидюймовых гаубиц "Мста-С", восемнадцать орудий, и две батареи 120-миллиметровых гаубиц-миномётов "Нона-С", ещё двенадцать орудий... Большую помощь нам оказали работающие по ближним немецким тылам и коммуникациям ударные вертолёты... Ну, вы видели эти машины на аэродроме. Ещё к полудню обе пехотные дивизии вермахта, которые бросило на нас уцелевшее командование 11-й армии, – 22-я и 50-я – потеряли почти всю свою артиллерию и миномёты. Тогда же утром зенитным огнём самоходных ракетно-пушечных зенитных установок "Панцирь-С" были сбиты, очевидно, два последних "мессершмитта", пытавшихся штурмовать позиции нашей бригады. Скорее всего, они пересидели "Ночь длинных ножей" где-нибудь на аэродроме подскока, но не пережили первого же вылета на штурмовку. Больше вражеская авиация в воздухе не появлялась. О дальнейшем вам доложит подполковник Ильин.

- Погодите, – Василевский достал из кармана трубку. – Интересно у вас получается – батальон противостоит пехотной дивизии...

- Товарищ генерал-лейтенант, – вмешался я. – Во-первых, эти пехотные дивизии неполного состава, уже потрёпанные под Севастополем. Во-вторых, в наших частях морской пехоты бойцы и командиры так вооружены и обучены, что их, образно говоря, можно сравнить с волками, а их противника – с овцами. А батальон волков всегда справится с дивизией баранов, к тому же лишённых танков, авиации и артиллерии. Ну и кроме того, боевой дух и моральное превосходство сначала русского, а потом и советского солдата над всякими европейцами. Если хотите, можем проехать на позиции, увидите всё собственными глазами...

- Спасибо за приглашение, товарищ полковник.

Василевский встал и потянулся за своей шинелью.

- Извините, товарищ генерал лейтенант, но в таком виде вам на позиции идти нельзя! – остановил я его, и краем глаза заметил, как напрягся Санаев. – Ваша генеральская шинель и папаха слишком заметны и представляют отличную цель для вражеского снайпера. Мы в ответе перед товарищем Сталиным за жизнь и безопасность его представителя. Да и совершенно не хочется информировать немецкое командование, что на плацдарм прибыла важная шишка. Чем меньше они знают, тем спокойней

спать нам. Правильно товарищ майор госбезопасности? – обратился я к майору госбезопасности Санаеву.

Тот только развёл руками, утверждая мою правоту.

Я снова вытащил из кармана рацию.

– Капитан Приходько, приказываю срочно доставить на КП два бронежилета, две каски и два комплекта зимнего офицерского камуфляжа!

Я оценивающе посмотрел на гостей из Москвы.

– Один комплект примерно того же размера, как на подполковника Ильина, второй – как на майора Гальперина...

Приходько, немного помявшись для порядка, отпрапортовал:

– Через десять минут, товарищ полковник, усе будет готово в лучшем виде.

Я отключил рацию и повернулся к Василевскому.

– Товарищ генерал-лейтенант, пока доставляют обмундирование, разрешите подполковнику Ильину закончить свой доклад.

Василевский кивнул.

– Продолжайте, товарищ подполковник... – умнейшего человека прислал нам товарищ Сталин, с тем же Мехлисом было бы куда труднее. Ну да и мы не Козлов, нас пришпоривать не надо.

Подполковник Ильин прокашлялся.

– На северном участке фронта, по дороге от Симферополя на Червоное наступает 50-я пехотная дивизия вермахта. Точнее, пытается наступать, поскольку после первого боестолкновения утром немцы и румыны не смогли потеснить наши части ни на метр. Червоное обороняет сводный батальон морской пехоты Балтийского флота, имеющий такую же численность личного состава и боевой техники, как и батальон черноморцев, обороняющий Ивановку.

В связи с тем, что через Червоное проходит дорога Евпатория-Симферополь, в тылах батальона сосредоточены наши резервы тяжёлой техники. Этот танковая рота – десять особо мощных по вашим временам танков Т-72 – и одна батарея из шести машин тяжёлых огнемётных систем "Солнцепёк". На этом участке противник проявлял куда большую настойчивость, чем под Ивановкой, и поэтому понёс более значительные потери...

В этот момент ноутбук пискнул и в правом нижнем углу экрана замигала иконка с изображением почтового конверта.

– Извините, товарищ генерал-лейтенант, у нас почта... из разведотдела...

К ноутбуку подошёл майор Гордеев, и в ответ на запрос, ввёл пароль.

Сообщение раскрылось.

– Поздравляю, товарищи! – прокашлявшись, сказал он. – По сведениям, полученным от наших секретов, немецкое командование двинуло по дороге из Симферополя на Червоное свой последний резерв – моторизованный полк СС и румынский кавполк. Всё, до трусов проигрались, больше мобильных частей в запасе у них нет. Кроме того, служба радиоперехвата эскадры сообщает, что перехвачена и расшифрована радиограмма исполняющего обязанности командующего 11-й армией вермахта. Вот что он сообщает в ОКВ генералу Гальдеру:

Части большевиков обороняющиеся на подступах к городу Саки находятся при последнем издыхании под могучими ударами германских войск... Ещё один решительный натиск, и они рухнут перед нами. Ввожу в бой моторизованный полк СС и румынский кавполк, даю вам честное слово германского офицера, что к ночи положение в Евпатории будет восстановлено...

Мои офицеры не удержались. и громовой хохот потряс штабной кунг. Даже я, как ни старался соблюдать серьёзность, не мог не рассмеяться.

- Ой, господи, на последнем издыхании... – стонал майор Гальперин. – Этот полковник фон Штольц зажигает не хуже Петросяна...

Генерал-лейтенант Василевский и майор госбезопасности Санаев, с некоторым недоумением смотрели на наше веселье. Когда все немного успокоились, пришлось пояснить:

– Товарищ генерал-лейтенант, за день боёв бригада ещё не понесла потерь в боевой технике, а потери в личном составе? Подполковник Ильин, напомните мне...

Мой начштаба открыл страничку рабочего блокнота.

– Согласно докладам командиров подразделений, общие потери бригады, включая потери при освобождении Евпатории, составили двадцать два убитых и около полусотни раненых, из них восемнадцать ранено тяжело. Легкораненые не уходят с передовой, изъявляя желание продолжить бой. Кстати, что будем делать с эсэсовцами?

Майор Гальперин внимательно изучающий карту, поднял голову...

– Эсэсовцев, товарищи, надо сжечь "Солнцепёками"! Эта зараза только так и лечится. Анекдоты про "хрустящую корочку" и "сгорел на работе" помните? Вот здесь шоссе пересекает глубокий овраг, значит, в боевой порядок они будут разворачиваться прямо за ним. Надо нанести удар по походной колонне. Я сделаю расчёты, учитывающие штормовой ветер. Всё

должно получиться.

- Товарищ майор, что такое "Солнцепёк"? – спросил Василевский.

- Очень мощное оружие, товарищ генерал, дальний потомок ваших БМ-13. На каждой машине по двадцать четыре направляющих для реактивных снарядов калибром 220 миллиметров. Боевые части снаряжены очень мощной огнесмесью. В зоне поражения, которая для одного снаряда составляет тысячу квадратных метров, сгорает всё живое. Вот вам, товарищ Василевский, эффект понравится, а немцам не очень.

В этот момент в дверь кунга постучали. Это двое рядовых принесли приготовленные каски, бронежилеты и камуфляжи. Ещё несколько минут, и генерал-лейтенант РККА Василевский с нашей помощью надел бронежилет и российский армейский камуфляж. То же самое проделал и майор госбезопасности Санаев. Единственно, что они сделали не по уставу, так это оставили открытыми петлицы со знаками различия. Им хотелось, чтобы наши бойца видели, что перед ними самый настоящий генерал-лейтенант РККА в сопровождении такого же подлинного майора госбезопасности.

Сопровождать генерал-лейтенанта Василевского на позиции морских пехотинцев с Балтфлота будем мы с капитаном Тамбовцевым. У остальных есть дела и на командном пункте. Правда, Ильин посмотрел на меня обиженно, но дело начштаба управлять бригадой, а не бегать по передовой. Все, надеваю каску и киваю головой гостям:

– Пошли, товарищи!

5 января 1942 года. 16:47. Аэродром Саки. Капитан Александр Тамбовцев.

Когда полковник Бережной сказал, кто будет вместе с ним сопровождать генерала Василевского на передовую, я чуть не поперхнулся. Но что поделаешь: приказ есть приказ. Сам ведь напросился на возвращение в "контору", точнее на фронт. Надел броник, взял автомат и каску – и капитан Тамбовцев годен к употреблению. Полковник Бережной тоже вооружился автоматом, только у него по старой памяти АКМ калибра 7,62 мм, машинка посолидней, чем моя "ксюша"-недомерок.

Стали рассаживаться. Майора ГБ Санаева посадили впереди, рядом с водителем, мы же с полковником разместились сзади, взяв генерал-лейтенанта Василевского в "коробочку".

Когда машина уже была готова тронуться с места, Бережной вежливо покашлял, привлекая внимание наших гостей.

– Товарищи, прошу запомнить правила действий в чрезвычайных ситуациях. Если мы наткнемся на немцев, что совсем не исключено, то попрошу запомнить несколько правил. Первое: эта машина может выдержать огонь всех видов стрелкового оружия, которое есть в настоящий момент у немцев. Чтобы достать нас, им понадобится противотанковая пушка или граната аналогичного назначения. Товарищ Санаев, посмотрите: рядом с вами в лобовом и боковом стёклах имеются амбразуры. Сами стёкла бронированные, так что безопасность представителя Ставки гарантирована. Ваш ТТ, мягко говоря, несерьёзное оружие... Автомат Калашникова вам пока ещё незнаком... – Бережной задумался. – А с МП-40 вы дело имели?

Майор Санаев вполоборота повернулся к Бережному.

– Приходилось...

Полковник кивнул.

– Вот и отлично! Семёныч, отдай товарищу майору свой трофей. Да не жадничай, тут этого добра навалом.

Водитель, кряхтя, вытащил из-под сидения немецкий автомат и подсумок с магазинами.

– Вот, товарищ майор госбезопасности, держите, лишь бы эта штука нам в пути не понадобилась. А для хорошего человека ничего не жалко... – он обернулся к Бережному. – Товарищ полковник, ну что, поехали?

– погоди, Семёныч! – Бережной посмотрел на Василевского. – Товарищ генерал-лейтенант, поймите меня правильно – мы обязаны сделать всё для обеспечения вашей безопасности. Вы же для нас особо охраняемый объект. Кроме всего прочего, нас сопровождает ещё одна такая же машина с охраной... А это, я вам гарантирую, самые лучшие специалисты в этой области нашего времени. Теперь, Семёныч, поехали... Давай сначала до Червоного, а там мы уже сами, пешочком.

На въезде в Червоное наш путь пересекла броня. Нет, прошу заметить, БРОНЯ! Рота танков Т-72БА1 на марше и на наших современников производит неизгладимое впечатление, а уж на людей того времени... Для непросвещённого в боевой технике читателя позволю себе заметить: шифр Т-72БА1 означает, что старенькая 72-я модель прошла глубочайшую модернизацию и доведена до уровня самого современного Т-90. Конечно, генерал-лейтенант Василевский, да и майор ГБ Санаев тоже, видели кое-что побольше, чем наши "семьдесятдвойки". Достаточно вспомнить пятибашенные монстры Т-35, которые москвичи насмотрелись на парадах.

Т-72 хотя и поскромнее по размерам, но их длинноствольные пушки, приплюснутые башни, навеска приборов и активной динамической защиты вызывали уважение. Тяжёлые машины, приземистые и окрашенные в серо-желтый пустынный цвет, были похожи на стадо доисторических ящеров, каким-то чудом попавших в 1942 год. Броню танков густо облепили моряки из батальона капитан-лейтенанта Бузинова. Позади Т-72 двигались "Уралы" с боеприпасами, заправщики, и опять машины с моряками... Семёныч остановил машину, и мы молча наблюдали проходящую мимо нас колонну техники.

- Писец фрицам! – выдавил из себя Семёныч, выруливая на шоссе вслед за замыкающим "Панцирем". Ага, пусть немецкая авиация и считается подавленной, но колонну нашей невосполнимой техники мы обязательно сопровождали зенитным прикрытием.

Свою машину и машину сопровождения мы оставили в центре села, рядом с остановившимися на стоянку танками. Ещё полсотни метров, последние хаты, и мы спрыгнули в ход сообщения, который выводил прямо к передовой. Впереди шёл полковник Бережной, за ним майор ГБ Санаев, потом генерал-лейтенант Василевский. Замыкал процессию ваш покорный слуга. Несколько поворотов, и мы в зигзагообразной траншее. Встреченные нами бойцы морской пехоты одеты в такие же, как у нас, камуфляжные куртки. Проходя мимо, они устало козыряли начальству. Майор Санаев посмотрел под ноги и присвистнул от удивления: всё дно окопа было сплошь усыпано зелёными плакированными гильзами, в основном от автомата АКС-74, калибра 5,45 мм. В сплошной серо-зеленой массе, нет-нет, да и мелькали ярко-желтые гильзы "мосинок". Чуть дальше, на изломе траншеи находилась позиция тяжёлого пулемёта "Корд с грудой гильз калибра 12,7 мм. Покачив головой, майор привстал на приступочку, с которой бойцы вели огонь, отбивая атаки.

– Ну ни чего, себе! – вырвалось у него, когда он осмотрел поле боя. – Товарищ генерал-лейтенант, вы только посмотрите!

Я тоже последовал примеру майора и выглянул из-за бруствера. Все подступы к нашим позициям были усеяны трупами в серо-зелёных шинелях. Кое-где убитые лежали даже в несколько слоев. На глаз было сложно определить, сколько немцев полегло здесь, пытаясь взять этот рубеж, но их было много, очень много. И ни один не сумел подойти к траншее ближе ста метров. Казалось, что здесь в полном составе лежит 50-я пехотная дивизия вермахта, хотя конечно это было не так. Её остатки занимали позиции примерно в полутора километрах впереди, как раз по тому самому оврагу, который должен был стать рубежом развёртывания для

эсэсовского моторизованного полка и румынских кавалеристов.

Нас заметили, и над головами просвистело несколько пуль. Бережной spryгнул на дно окопа и отряхнул руки.

– Лепота! Ещё одна-две таких атаки, и у немцев просто не останется солдат.

Василевский только кивнул. Он-то прекрасно знал ещё по Германской войне, что такое позиционный тупик. Как об этом могли забыть немецкие генералы, не укладывалось у него в голове. Скорее всего, они гнали вперёд свои войска на пушки и пулемёты морских пехотинцев из XXI века, рассчитывая только на очевидную малочисленность обороняющихся и повинувась грозным приказам из штаба группы армий "Юг", которых, в свою очередь, пинали в спину ОКХ и лично Адольф Алоизыч.

Василевский посмотрел на Бережного.

– Товарищ полковник, с ротным командиром бы поговорить?

- Товарищ генерал-лейтенант, это несколько своеобразный ротный, – полковник Бережной замялся, – даже для нашего времени... В бою он выше всяких похвал, но вот после... И шутки у него мягко сказать, специфические, и начальство, бывало, пошлёт далеко и надолго. Потому и начальство тоже отвечало ему взаимностью.

Генерал-лейтенант Василевский повернулся к полковнику Бережному и вежливо заметил.

– Самое главное, товарищ полковник, что он немцев послал далеко и надолго.

Полковник Бережной остановил пробегающего мимо рядового, жующего на ходу кусок хлеба с салом.

– Боец, где ваш ротный?

- А, Кхаппитан Рахулэнко? Он, там! – солдат неопределённо махнул рукой вдоль траншеи.

Услыхав знакомую фамилию, я вздрогнул: видимо, судьба не случайно раз за разом сводила нас между собой.

Капитана Рагуленко мы нашли там, где в пехотную траншею был врезан выступающий вперёд окоп для БМП. Капитан сидел в приоткрытом десантном люке и меланхолически курил очевидно мерзкую на вкус трофейную немецкую сигарету. Увидев полковника Бережного, он отбросил сигарету в сторону и spryгнул на землю.

– Товарищ полковник, во вверенной мне роте все нормально, убитых трое, раненых двенадцать, в том числе эвакуированных пятеро. С рассвета и по сей момент отбито двенадцать атак противника, потери которого точному подсчёту не поддаются. Боекомплект, в среднем, израсходован на

две трети. Личный состав в тонусе, боевой дух высок. Докладывал капитан Рагуленко.

Закончив рапорт, капитан пошатнулся и ухватился за створку десантного люка. Полковник Бережной с подозрением посмотрел на него.

– Ты что, пьян?

– Никак нет, товарищ полковник, – ответил капитан. – Просто устал как собака. На ногах уже почти двое суток. В другое время после такого пара шотов и в люлю... Но это война, увы. Вот ребята тоже кемарят, кто как может, пока затишье и фриц не шевелится. Люди очень устали. Прошу вашего разрешения с наступлением темноты разместить личный состав за исключением караула в хатах.

– В хатах говоришь? – Бережной махнул рукой. – А, ладно. Вот только караулы выставляй на один час и двойные. И будь постоянно на связи, возможны резкие изменения обстановки. Вот ещё что, с тобой хочет поговорить Представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-лейтенант Василевский Александр Михайлович.

– Товарищ генерал-лейтенант!

Те, кто раньше знал капитана Рагуленко по прозвищу Слон, ни за что бы не поверили, что он встанет навтыжку хоть перед генералом, хоть перед фельдмаршалом. Но тут перед ним стоял не жирный обитатель Арбатского военного округа. Эту породу, как и тараканов, не вытравишь никакими реформами. Тут стоял один из легендарных будущих Маршалов Победы.

Василевский кивнул:

– Вольно, товарищ капитан! От лица Советского командования благодарю вас за отлично проделанную работу.

– Служу Советскому Союзу! – ответил подтянувшийся капитан, пожимая Василевскому руку. – Ну или трудовому народу, не помню точно, с какого года служить стали Советскому Союзу...

– С тридцать шестого, – мягко поправил его майор Санаев, – вам простительно...

– Ну, тогда все правильно, – полковник Бережной пожал плечами. – Просто мы, как люди старой советской закалки, отвечаем как умеем.

– Товарищ полковник, – с прорезавшимся вдруг кавказским акцентом сказал Санаев, – вы ещё в штабе обещали рассказать нам о том, почему "товарищи" вдруг оказались под андреевским флагом?

– Товарищ майор, – вполголоса произнёс полковник Бережной, – только не здесь. Сначала вернёмся в штаб. Эта информация только для... – Бережной ткнул пальцем вверх. – Потому что имеет важность не меньшую,

а может даже и большую, чем чисто военные вопросы. А тут не только наш личный состав, но и прикомандированные бойцы из морской пехоты Черноморского флота.

- Согласен, товарищ полковник – майор ГБ осмотрелся по сторонам. – Ви совершенно правы.

Генерал-лейтенант Василевский с интересом выслушав "обмен мнениями" между Бережным и Санаевым, снова повернулся к ротному.

- Товарищ капитан, меня интересует, что вы можете сказать о сегодняшнем бое? Как вы оцениваете свои действия и действия противника?

Тут надо сказать, что капитану Рагуленко не изменило его обычное специфическое чувство юмора.

- Бой был как бой, товарищ генерал лейтенант. Такое чувство, что немец ещё не понял, что произошло. И если в Евпатории организованная оборона рассыпалась за полчаса, то здесь... Позиции нашей роты немец атаковал нагло, в рост, большими массами. А у нас, товарищ генерал-лейтенант, простите за сравнение, огневой мощи... как у дурака махорки. Станкачи, крупняки, пушки БМП, станковые гранатомёты... Утвари для убийства просто завались. Сами же видите. Да и окопы к первой атаке отрыть успели, а это, сами знаете, не пузом на снегу лежать. Ну, мы их и наказали за наглость. Одна атака – мы их покосили! Вторая, третья, четвёртая... и так двенадцать раз. С час назад была их последняя атака, и пока тишина.

- Знаю, товарищ капитан, – кивнул генерал-лейтенант Василевский, – сам был на вашем месте четверть века назад.

- Сюда, прямо по шоссе, идёт моторизованный полк СС и румынский кавполк, – сухо вставил полковник Бережной. – Это последний резерв одиннадцатой армии.

- За что я люблю тебя, товарищ полковник, умеешь придать бодрость всего двумя словами, – Рагуленко потёр ладони. – Какая прелесть – моторизованный полк СС, звучит прямо как песня. Таких страшных я ещё не ...! Только боеприпасов подбрось, а?!

- У нас несколько другие планы. Если всё пройдёт как надо, то они до тебя просто не дойдут. Но бдительности не теряй.

Полковник Бережной посмотрел на часы.

- Товарищ генерал-лейтенант, вы здесь хотите ещё что-нибудь посмотреть, или вернёмся в штаб?

Василевский кивнул.

- Давайте вернёмся, товарищ полковник, я видел достаточно, и

обстановка мне ясна. Теперь мы готовы к очень серьёзному разговору. Пойдемте, товарищ Санаев.

5 января 1942 года, 17:35, аэродром Саки, штаб сводной механизированной бригады.

- И как вы только таскаете на себе эту тяжесть, – генерал-лейтенант Василевский со вздохом скинул с себя тяжёлый бронежилет. Рядом разоблачался майор ГБ Санаев.

- Дело привычки, товарищ генерал-лейтенант, – пригладил седеющие волосы полковник Бережной. – А если ещё и марш-бросок в тридцать кмэ, бегом и при полной выкладке... Но, товарищи, займёмся делами... Майор Гальперин, что у нас слышно про эсэсовцев?

- По данным разведки, они будут на рубеже атаки примерно в 22:00. Продвигаются крайне медленно, по данным разведки, их мобильность связывают румынские кавалеристы. Сводная колонна противника находится в поле зрения трёх наших разведгрупп, так что данные постоянно уточняются, – майор пощёлкал клавишами на своём ноутбуке. – И вот ещё что. По данным синоптиков, к тому времени нас ожидает глобальное потепление в локальном масштабе, температура поднимется до плюс пяти и снег перейдёт в дождь. Результаты можно предсказать заранее – начнётся распутица. Наша-то техника пройдёт, а вот у немцев даже танки застрянут.

- Товарищи, – разоблачившись, генерал-лейтенант Василевский подошёл к столу, – то, что я видел во время выезда на позиции, и то, что услышал сейчас, говорит, что вами запланировано наступление на Симферополь.

В голосе заместителя Генштаба РККА появились саркастические нотки.

- Может, вы всё-таки поделитесь своими планами с командованием Красной Армии? А то партизанщина сплошная получается!

- Товарищ генерал-лейтенант, – полковник Бережной встал напротив Василевского, – а разве всего час назад вы могли поверить, что мы реально собираемся, а главное, способны наступать всего четырьмя ротами на всю 11-ю армию вермахта?

- Нет, товарищ полковник, не мог! – генерал-лейтенант Василевский сделал короткую паузу, что-то обдумывая, и продолжил. – А вот теперь,

знаете ли, могу! Так что там с ударом на Симферополь? Судя по потерям в живой силе и артиллерии, противостоящие вам части серьёзно потрепаны и дезорганизованы. Если вам удастся уничтожить их последний мобильный резерв, то контрудар становится просто насущной необходимостью, чтобы не дать противнику времени для перехода к обороне. А если вспомнить тяжёлые танки, которые мы с вами видели фактически сразу же за боевыми порядками пехоты, то...

- Вы совершенно правы, товарищ генерал-лейтенант, – полковник Бережной посмотрел прямо в глаза генерал-лейтенанту Василевскому, как когда-то смотрел в глаза генералу Шаманову. – Удар наносить надо, и это однозначно. Утром командование группы армий "Юг" придёт в себя и начнёт перебрасывать в Крым всё, что только сможет найти под рукой. Есть вариант, что почуяв нашу малочисленность, нас просто попробуют тупо завалить мясом. На перекопском рубеже после разгрома остатков 11-й армии у нас есть реальный шанс последовательно перемолоть всё, что бросит против нас Гитлер. А вот на этих позициях – таких шансов у нас нет. Противник просто обойдет нас по флангам.

Генерал-лейтенант Василевский задумался.

- Согласен с вами, товарищ Бережной, но мне всё равно как-то не по себе от такого лихого кавалерийского наскока. И кроме того, у вас крайне мало живой силы, и это при, в общем-то, достаточном количестве бронетехники. Ведь этот ваш БМП-3, по нынешним временам, сравним с нашими средними танками... А в общем и превосходит тот же Т-34 по огневой мощи и многим другим характеристикам...

- Хотелось бы уточнить, товарищ генерал-лейтенант, – прервал Василевского Бережной. – Очень странно слышать "вы" и "мы". Вы нас за англичан каких-то держите или в самом деле, за белоэмигрантов? СССР – наша Родина, и воевать за неё мы будем насмерть. Единственно, с чем мы не согласны, так это с героическим забиванием гвоздей микроскопом и с заваливанием немецких пулемётов телами наших бойцов. Как вы уже заметили, пока у нас получается наоборот – заставить немецкое командование заваливать наши пулемёты телами своих солдат.

- Да уж! – решительным жестом Василевский заставил замолчать, собиравшегося что-то сказать майора ГБ Санаева. – Обескровить немецкие пехотные части – это у вас получается. Да и результаты десанта в Евпатории выше всяких похвал. Как представитель Ставки я могу принять ваше соединение под своё личное командование и обеспечить ваше взаимодействие с Крымским фронтом и Севастопольским оборонительным районом.

И, задумавшись, продолжил:

– Но, товарищ полковник, я весьма смутно представляю ваши боевые возможности, что, конечно же, затруднит управление вашими частями. И ещё одно... Политический вопрос тут тоже немаловажен. Вот вы говорите, что СССР – это ваша Родина, но в то же время, насколько нам стало известно, Советского Союза там у вас уже нет, а есть какая-то Российская Федерация. Причём не Советская, и не Социалистическая, с дореволюционной символикой. Вот и майор ГБ Санаев справедливо волнуется, не будет ли лекарство страшнее болезни.

– Понятно, – Бережной повернулся к своему начальнику штаба. – Николай Викторович, сколько у нас есть времени?

Подполковник Ильин, задумавшись, поднял глаза к потолку.

– Часа полтора, товарищ полковник, но это крайний срок...

– Хорошо! – Бережной вздохнул. – Итак, товарищ генерал-лейтенант, и вы, товарищ майор, садитесь и смотрите. Мы предвидели неизбежность такого разговора и поэтому подготовили для советского руководства специальный фильм.

Он повернулся к капитану Тамбовцеву.

– Александр Васильевич, у вас есть ровно один час и пятнадцать минут.

Тамбовцев поставил на стол мягкую матерчатую сумку и расстегнул застёжку-молнию. На столе появился ещё один ноутбук.

– Товарищ майор госбезопасности, – обратился он к Санаеву. – Как человек, работавший в одной с вами организации, только полвека спустя, могу сказать, что информация, записанная на этот прибор, предназначенный для передачи советскому правительству, просто бесценна. Фильм, который вам сейчас будет показан, – это самая верхушка айсберга. В нём лишь одни только голые факты безо всякого анализа причин. Ибо сколько людей, столько и мнений, а анализ вашим коллегам придётся делать самостоятельно. Если пожелаете, то конечно, мы окажем вам всю возможную помощь.

Говоря всё это, Тамбовцев включил ноутбук и запустил фильм.

– Смотрите, как развивалась история после 5 января 1942 года в нашем мире.

Сразу же пошёл эпизод, посвящённый гибели Евпаторийского десанта, потом контрудар немцев под Феодосией. 1942 год, великий и ужасный, разворачивался перед генерал-лейтенантом Василевским, ужасая трагическими подробностями. Здесь был страшный разгром Крымского фронта, гибель 2-й Ударной армии под Мясным Бором, провал

контрнаступления под Харьковом и окружение ударной группировки Юго-Западного и Южного фронтов, третий штурм Севастополя, гибель и пленение десятков тысяч бойцов Красной Армии, брошенных своим командованием на мысе Херсонес. Все это сопровождалось документальными кадрами и анимированными картами.

Потом был июльский прорыв Южного фронта и стремительный бросок немецких танков на Сталинград и Кавказ. Будто снова вернулось лето сорок первого года. Кровавая Ржевская мясорубка и ожесточённое Сталинградское сражение, растянувшееся почти на полгода. Город на Волге, превращённый в гигантское пепелище, и кадры ожесточённых уличных боёв. Потом план "Уран", совместно разработанный Жуковым и Василевским, окружение 6-й полевой армии вермахта. Попытка генерала Манштейна деблокировать окружённую группировку и её провал.

Было видно, что Василевский просто шокирован открывшейся ему картиной. По жесту полковника Бережного Тамбовцев приостановил фильм. Полковник прокашлялся.

— Товарищ генерал-лейтенант, в наших с вами силах не допустить развития событий в 1942 году по указанному здесь сценарию. Более того, считаю своей главной задачей недопущение подобного развития событий. Это может сэкономить нам год-полтора войны и не один миллион жизней советских людей. Продолжайте, Александр Васильевич.

Тамбовцев снова запустил фильм, и по экрану побежали события победных 1943, 1944 и 1945 годов. 9 мая 1945 года и День Победы.

И общее число потерь СССР в этой войне, разорённые села и сожжённые города, заводы, которые надо строить заново, поля, которые нужно разминировать перед тем, как бросить в землю зерно.

Взрыв атомной бомбы над Хиросимой, возвестивший начало ядерной эры, и речь Черчилля в Фултоне. 1949 год, оружие сдерживания – советская атомная бомба. План "Дропшот" и Корейская война. Реактивные МиГ-15 с опознавательными знаками КНДР и советскими пилотами, сбивающие над Пхеньяном американские "Сверхкрепости". Казалось, повторяется Испанская история, но война закончилась вничью.

1953 год – смерть товарища Сталина, рыдающие толпы на улицах Москвы и начало Холодной войны. События внутри СССР, арест армейскими генералами и расстрел Берии, воцарение Хрущёва.

1956 год, год нашего позора – XX съезд КПСС.

1957 год – год нашей славы – первый спутник. Потом вынос тела Сталин из Мавзолея, и волонтеризм Никиты. Хрущёвский ботинок на трибуне ООН и взрыв термоядерной супербомбы над Новой землей.

Отставка Хрущёва и вьетнамская война.

Незабвенные брови "Дорогого Леонида Ильича", и "*Многосисячные массы со'етских де'ушек*". Застой и война в Афганистане, непонятно за что и непонятно зачем.

"Гонка на лафетах" – череда похорон престарелых генсеков – и постепенное превращение СССР в сырьевой придаток Запада. Гласность, перестройка, демократия, и Мишка Меченый в обнимку с ухмыляющимся Рейганом. Антиалкогольная кампания и ощущение того, что великая страна, как подтаявшая льдина разламывается на части и расплзается под ногами.

1990 год – Фергана, Тбилиси, Сумгаит и Карабах.

1991 год – ГКЧП и пьяный раздел СССР в притоне в Беловежской пуще.

1993 год. Расстрел из танков Верховного совета и чмокающее, бледное от страха мурло Гайдара. Семибанкирщина, хаос, шабаш, деньги с шестью нулями, нищета тех, кто трудится, и куражающиеся над ними бывшие секретари горкомов и обкомов. "Братки" в золотых цепях и красных пиджаках, перестрелки на улицах и ведущие инженеры космических КБ, торгующие на барахолках американским "секондхэндом". Зюганов и Жириновский "как зеркало социального протеста". Шахтеры, стучащие касками по Горбатову мосту, и перекрытые железнодорожные магистрали. НАТОвские бомбардировки Ирака и Югославии, резня сербов под крики западных "провозатычников" о "гуманизме".

Первая чеченская 1996 года. Горящие танки на улицах Грозного и ухмыляющиеся "борцы за свободу и независимость", перерезающие глотку пленному русскому парню.

Кризис 1998 года, дефолт и отставка Ельцина: "Я устал, я ухожу..." . Медленное, капля по капле, восстановление суверенитета в начале нового тысячелетия и война "трёх восьмерок".

Мировой кризис 2008 года и арабские революции. Бомбежки Ливии и смерть Каддафи. Попытки Запада свергнуть, пусть буржуазную, но уже непослушную и неподконтрольную им власть в России. Вопли десталинизаторов с экранов ТВ и Военный Парад на Красной Площади в честь 67-летия Победы. На трибунах седые, но ещё бодрые духом ветераны, последние из последних. Лязгающая по брусчатке перед Мавзолеем мощь Российской Армии. Всё, декабрь 2012 года, календарь остановился. Экран погас.

Майор ГБ Санаев тупо смотрел на чёрный экран монитора, обхватив голову руками.

– Такую страну просрали, сволочи! – он обвёл взглядом окружающих.
– Ми тут из шкуры лезём, жилы рвём, а оно вот как получается!

- Когда сволочи просрали страну, те пацаны, что сидят и умирают сейчас в окопах, ещё не родились, – сухо ответил майору Тамбовцев. – Зато они чётко знают, кто прав, и кто виноват, на чьей стороне воевать и против кого.

- Да я не о ваших бойцах. И даже не о вас, товарищи командиры, разговор, – Санаев немного успокоился. – Нам уже известно, что в бой с фашистами вы вступили сразу же, как только оказались у нас. И то, что вы немедленно начали искать канал связи с руководством СССР. На момент нашего вылета из Москвы, у Советского правительства к вам претензий не было и, думаю, что и дальше не будет. Вы уже делом доказали, на чьей вы стороне.

А потом пояснил:

– Я назвал сволочами тех "товарищей", которым очень захотелось стать господами. О чем-то подобном мы догадывались, поскольку вы прямо назвали свою государственную принадлежность – Российская Федерация. Только реальность оказалась даже хуже наших предположений. Мы думали, что это государство включает в себя всю территорию СССР, а оказалось, что осталась только РСФСР, – майор помолчал. – Но союзнички-то, союзнички... Мы, конечно, не особо обольщались насчёт их любви к нам, но чтобы так нас ненавидеть...

- Таких союзников, в мешках топить надо, как котят, – вступил в разговор полковник Бережной. – Моё личное мнение, что лучше уж иметь дело с явными врагами. Но высокой политикой пусть занимается товарищ Сталин, а мы предоставим ему такую возможность, продолжив ударно истреблять гитлеровцев. Считаю, товарищи, что нам сейчас надо сосредоточиться на чисто военных вопросах скорейшего разгрома немецко-фашистских войск, чтобы дать возможность Советскому руководству спокойно решать политические вопросы. В том числе и с союзниками. Чем быстрее закончится война, чем меньшие потери мы в ней понесем, тем легче и быстрее можно будет разобраться и с капиталистическим окружением.

- Вы совершенно правы, товарищ Бережной, – было видно, что майор ГБ Санаев собирается с мыслями. – Действительно, вам и вашим командирам лучше будет вместе с товарищем Василевским заняться чисто военными вопросами. А мы с товарищем Тамбовцевым побеседуем отдельно, на, так сказать, общеполитические темы. Чувствую, что нам ещё предстоит много сделать, чтобы у нас никогда не произошло то, что

случилось у вас. Надо будет сделать определённые оргвыводы, в том числе и по нашему ведомству. Что вы думаете, по этому вопросу, товарищ генерал-лейтенант?

Василевский, до того задумчиво сидевший, встрепенулся.

– Думаю, что именно так и надо поступить, товарищ майор госбезопасности, – он надавил пальцами на глаза, снимая усталость. – Так, значит Симферополь, товарищ полковник?!

- Так точно товарищ генерал, Симферополь, – ответил Бережной. – Этот город – последняя крупная железнодорожная станция перед Севастополем, а также узел шоссейных дорог. Там расположены все тыловые склады 11-й армии и даже армейское интендантство расположено не в посёлке Сарабуз, вместе со штабом армии, а в самом Симферополе. Таким образом, мы сейчас нависаем над тылами 11-й армии, как меч над головой, ну или как серп возле яиц

Генерал-лейтенант Василевский непроизвольно поежился.

– И немцы это тоже прекрасно понимают. Потому-то они и атаковали весь день наши позиции с таким остервенением, несмотря на большие потери. Кстати, с генералом Манштейном побеседовать не желаете?

Василевский отрицательно покачал головой.

– А что нового сможет сказать мне этот Манштейн? Вы же за последние сутки смешали все его карты. Я и без него вижу, что единственный выход для 11-й армии – срочно отводить войска, как минимум до Джанкоя. Иначе – окружение и гибель армии. А раз они этого делать не собираются, – то ли ума не хватает, то ли Гитлер не разрешает, – нам нужно решить, как лучше использовать эту возможность, которой для нас не воспользоваться – просто преступление. Так что поговорим с этим пленным как-нибудь потом, товарищ Бережной, хотя он первый командующий армией вермахта, попавший к нам плен. А сейчас на этого деятеля у нас просто нет времени.

Василевский снова впился взглядом в экран ноутбука, рассматривая карту с нанесённой на неё оперативной обстановкой. Поморщившись, он отвёл взгляд от экрана.

– Я понимаю, товарищи, что обычных оперативных карт у вас нет?

- Вообще-то мы готовились действовать на несколько ином ТВД, – ответил полковник Бережной. – Не думаю, что сейчас будет актуален комплект карт Малой Азии и стран Ближнего Востока. Ну а в этот прибор, именуемый ноутбуком, заложен комплект топографических карт на весь земной шар.

- Понятно, – Василевский что-то чиркнул на листе из именного

блокнота несколько слов. – Вместе со мной прибыл полковник Генерального Штаба Андреев, передайте ему это, и он выдаст вам комплект карт Крыма и Северной Таврии.

Полковник Бережной передал записку Василевского подполковнику Ильину.

– Займись этим, Николай Викторович, это как раз по твоей части.

- Товарищ генерал-лейтенант, – подполковник Ильин остановился в дверях, – а может лучше пригласить полковника Андреева прямо сюда?

- Не стоит, – не поднимая головы, ответил Василевский. – Тут у нас кипят прямо шекспировские страсти, и на каждом шагу – сплошные чудеса. Так зачем же смущать неподготовленного к этому человека?

Василевский снова погрузился в изучение тактико-технических характеристик техники будущего. Сейчас перед ним лежало "личное дело" танка Т-72БА1. Машина, способная в одиночку уничтожить танковый полк вермахта, потом перезарядить боекомплект и уничтожить ещё один, просто завораживала. Правда, от удара стокилограммовой авиабомбы, сброшенной с пикирующего бомбардировщика, не защитит никакая броня, но, во-первых, в него надо ещё попасть, а во-вторых, танки прикрывают самоходные зенитно-артиллерийские установки "Панцирь-С", способные сбивать эти пикировщики в любых количествах.

А эти четыре роты морской пехоты на БМП-3... Настоящий танк со стомиллиметровой пушкой, плавает, да ещё и перевозит внутри отделение пехоты... Даже как-то жалко мелко разменивать все это, здесь и сейчас, на какой-то Симферополь. Хотя сутки ожесточённых боёв, а бригада почти не понесла потерь, истрачены только боеприпасы... Генерал-лейтенант Василевский сделал пометку в своём блокноте: «Необходимо попытаться наладить выпуск боеприпасов необходимых типов и калибров».

Лучше всего обратиться в НКВД, в их КБ и секретность соблюдают и сделают всё, что только возможно. Да, пусть так и будет – Отдельная Тяжёлая Механизированная Бригада. А для повышения уровня секретности всё же придётся передать её в структуру НКВД, а то и в прямое подчинение Ставки, то есть товарища Сталин лично. Зато и вопросов у всех встречаемых и поперечных резко поубавится. Товарищ Берия, как и товарищ Сталин излишне любопытных не любит. Кроме того, в бригаде наряду с хорошей обеспечённостью техникой имеется некомплект живой силы. В наличии только четыре полнокровных роты морской пехоты с бронетехникой, и ещё две роты, правда, без техники, но с полным вооружением, разбросаны по кораблям эскадры. Вместе получается два батальона, а желательно четыре-пять.

И при этом необходимо как-то решить вопрос с транспортом для дополнительной живой силы. Эти самые БМП не резиновые, да и возможности танков в смысле перевозки десанта тоже не безграничны. Может в Симферополе удастся захватить трофеи, или надо будет ставить вопрос о получении американских бронетранспортёров по ленд-лизу. Не танков, нет. Танки у союзников значительно хуже наших, а именно бронетранспортёров. Ну, а на будущее, надо поставить перед каким-нибудь КБ задачу по копированию БМП. Вопрос с вооружением можно ещё обдумать: 76-мм танковая пушка или 37-мм автоматическая авиационная пушка Нудельмана...

- Товарищ генерал-лейтенант...

Василевский очнулся, протирая покрасневшие глаза.

- Выпейте чайку, поздно уже, – майор Гальперин придвинул к нему стакан с чёрным как ночь чаем.

- О-ох! – хлебнув горячего, крепкого и густого ароматного напитка, Василевский едва смог перевести дух. – Из чего вы его завариваете, товарищ майор, из волчьей ягоды и дубовой коры?

- Ну, что вы, – улыбнулся Гальперин широкой татарской улыбкой. – Много натурального чёрного цейлонского чая, сахар, и немного травушек по бабушкиному семейному рецепту...

Василевский допил чай и прислушался к чему-то внутри себя.

– А бодрит, определённо бодрит... Ну что, товарищи, продолжим?

В это время полковник Бережной оторвался от своего ноутбука.

– Товарищ генерал-лейтенант, наблюдатели на передовой отмечают повышенную активность немецкой пехоты на позициях. Похоже на концентрацию сил перед атакой...

Василевский вопросительно посмотрел на Бережного, и тот понял вопрос без слов.

– Приборы ночного видения, товарищ генерал-лейтенант. Всего лишь приборы ночного видения. Мы их видим, они нас нет. Ну, ещё и противопехотный радар в разведывательной аппаратуре. На ровной местности засекает одиночного человека километров за двадцать. Местность здесь неровная, но мы на высотах, а немцы внизу, да и двадцать км нам не нужно.

- Сколько у нас времени до подхода эсэсовцев? – поинтересовался Василевский.

- Примерно полчаса, товарищ генерал, – откликнулся майор Гальперин.

- Ну что ж, товарищи, – Василевский встал, – думаю, что

одновременно с атакой эсэсовцев немцы решили начать общий штурм позиций. Каковы ваши мнения?

- Скорее всего, так оно и есть, – ответил Бережной. – Думая, что мы их не видим, они попробуют тихо сблизиться с нашими окопами на дистанцию гранатного броска. Крайне опасная тактика в наших условиях.

- Тогда, товарищи, – генерал лейтенант потянулся за пятнистой курткой, – нет ли у вас для меня места на НП, откуда мы могли бы наблюдать за боем? С условием сохранения связи с подразделениями?

- Конечно есть, – кивнул Бережной. – И мы как раз успеем к началу "концерта по заявкам".

- Товарищ майор, – обратился он к Гальперину, – предупредите все роты: подпустить противника на сто-сто пятьдесят метров и постараться, чтоб ни одна тварь не ушла живой.

5 января 1942 года, 19:00, аэродром Саки, штаб сводной механизированной бригады. капитан ПГУ КГБ Тамбовцев.

Мы с майором ГБ Санаевым переглянулись, кивнули, и тихо встали из-за стола.

- Товарищ майор, давайте пройдемте туда, где нам никто не мешает, – сказал я Санаеву, вставая. – Есть здесь одно спокойное местечко по соседству. Побеседуем обстоятельно и не торопясь, ведь мы с вами коллеги, хотя и работать нам пришлось в разное время...

- Да? – недоверчиво хмыкнул он, надевая нашу пятнистую куртку вместо своей шинели, видно уж очень она ему понравилась.

Я вытащил из кармана своё пенсионное удостоверение и протянул ему:

– Смотрите.

- О, – открыл он маленькую красную книжицу и перелистал страницы. – Первое Главное Управление КГБ СССР, капитан Тамбовцев Александр Васильевич... всё верно, товарищ Тамбовцев, убедили.

Мы прошли в соседний кунг, где как раз никого не было, поскольку все офицеры разведотдела находились на передовой, и ключи от которого отдал мне полковник Бережной. Сели за стол, друг напротив друга, какgrossмейстеры перед матчем. Рядом с собой я поставил "политический" ноутбук, который прихватил для этого разговора из штабного кунга. Наступила тишина. Первым молчание нарушил Санаев:

- Александр Васильевич, теперь я знаю, что вы чекист, хотя и

бывший... Впрочем, бывшими наши с вами коллеги не бывают. Скажите мне честно: вам лично не стыдно за то, что произошло с нашей страной?

Я вздохнул.

– И да и нет, Иса Георгиевич, – я жестом попросил его позволить мне высказаться до конца. – Мне очень стыдно перед теми, кто воевал, умирал, но не пропускал врага, стыдно перед теми, кто строил и восстанавливал нашу страну. Ну а с другой стороны, известный вам персонаж с фамилией сельскохозяйственного вредителя, когда пришёл к власти, первое что сделал – запретил органам госбезопасности и внутренних дел проводить оперативные мероприятия в отношении партийной верхушки от уровня горкома и выше... И Партия загнила с головы.

– Товарищ майор, я коренной ленинградец – продолжил я. – Мне стыдно будет посмотреть в глаза своему деду, который погибнет годом позже, обороняя родной город, стыдно будет смотреть в глаза отцу и матери, которые сейчас пухнут от голода в блокаде, стыдно перед дядей, пацаном фэзэушником, который сейчас умирает от голода и обморожений в Иваново после эвакуации по Дороге Жизни (для многих она стала дорогой смерти). Вы смогли в самую страшную из войн отстоять СССР от фашизма, а мы допустили, чтобы наши вожди сдали страну без единого выстрела.

- Но почему, почему же, так все случилось? – майор ГБ Санаев вытащил из кармана пачку "Казбека", и стал взволнованно прохаживаться по кунгу, разминая в пальцах папиросу.

- Я же вам уже сказал, руководство Партии в лице Первого Секретаря КПСС, товарища Хрущёва освободило себя и ближних своих от контроля органов госбезопасности и внутренних дел. Ну и конечно тут же ударило во все тяжкие. А то шельмование, которому товарищ Сталин посмертно подвергся на XX съезде КПСС в 1956 году, подорвало международный авторитет как Коммунистической партии Советского Союза, так и самого Советского государства. Именно тогда у СССР резко ухудшились отношения с социалистической Югославией и Китайской Народной Республикой, в Иране пало просоветское правительство товарища Моссадыка. А Иран, как покажут дальнейшие события, – это было серьёзно. Как, впрочем, и Китай с Югославией.

- Измена?! – резко развернулся ко мне Санаев.

- Именно так! – ответил я. – И в случае левацкого излома при Хрущёве – ведь сам Хрущёв был одним из скрытых троцкистов, которого как-то пропустили при чистках. Наверное, потому что казался безобидным клоуном. И в случае право-либерального излома при Горбачёве, который являлся внуком расстрелянного троцкиста. Позже он рассказывал западной

прессе, что разрушение СССР было делом всей его жизни. Инсайд, мать его!

- Что, что?! – не понял майор ГБ Санаев. – Какой инсайд?!

- Есть там у нас такой английский термин, – пояснил я. – Обозначает воздействие изнутри.

Ответом мне была эмоциональная фраза на смеси русского и осетинского языков, все русские слова в которой были нецензурными.

- Как это? – возмутился майор Санаев, немного успокоившись. – Ладно, органы госбезопасности отстранили, а где же были рядовые коммунисты, секретари парткомов, армейские комиссары, наконец?

- Мнение рядовых коммунистов никого не интересовало – в Кремле принимают решения, а широкие партийные массы за них голосуют. Секретари парткомов всех уровней скурвились первыми, ибо карьерный рост по партийной лестнице был обеспечен только под полным контролем системы. Иса Георгиевич, вот тут, – провел рукой по крышке ноутбука, – только факты. Что называется, адреса, пароли, явки, кто как выступал, кто за что голосовал, но давайте о персоналиях поговорим потом. Сейчас же главное – это то, что превратило партию времён товарища Сталина, в партию времён "лучшего из немцев".

- Как, глава Коммунистической партии продался немцам? – возмущённо воскликнул Санаев.

- Нет, не продался немцам, а продал наших немцев западным... – ответил я ему. – Немцы, так ведь они тоже были разными. После разгрома фашизма в той части Германии было построено немецкое социалистическое государство – ГДР. И сказать по совести, немцы, оказались лучшими нашими союзниками, чем все остальные "братья", с лёгкостью необычайной перебежавшие на сторону наших противников. А вот немцев мы сдали, подло и позорно. Мой друг, служивший в те годы в ГДР, – а до самого краха СССР в Германии стояли советские войска, – рассказывал, что уходящие эшелоны с нашей военной техникой немцы провожали со слезами на глазах. Тем немцам мне тоже стыдно смотреть в глаза.

- Ну, а что делали рядовые коммунисты? – спросил меня Санаев.

Мне стало горько.

- А ничего не делали! А что может сделать армия, когда её предали все генералы? Спрятали партбилеты в тумбочки и стали ждать изобилия, которое обещали им новые руководители.

Санаев бросил мне вопрос, как камень:

- И дождались?

- Дождались... – я скрипнул зубами. – Ага, щаз! Только изобилия не продуктов и товаров, а преступности, нищеты, голода, бандитизма и приватизации, то есть разграбления всенародной собственности новыми хозяевами жизни...

- И что, никто не пытался сопротивляться этому контрреволюционному перевороту? – не поверил майор ГБ.

- Сначала никто, – я криво усмехнулся. – Ни в одном парткоме тамошние коммунисты не встали насмерть, защищая те идеалы, которым клялись служить. Все разошлись по домам, как дети, которых родители отправили спать. А некоторые так и наоборот, жгли свои партбилеты прямо перед кинокамерами, торопясь переквалифицироваться из первых секретарей Коммунистической партии в "демократические губернаторы". Потом некоторые опомнились, но было уже поздно. Эпизод с расстрелом Верховного совета из танков гвардейской ордена Ленина Краснознамённой Кантемировской дивизии вы уже видели. Правда, если сказать честно, там смешались в кучу все силы от коммунистов до откровенных националистов.

- Товарищ Тамбовцев, – Санаев почти кричал. – Но в чём причина того, что партия стала сборищем проходимцев и карьеристов?

- Уважаемый Иса Георгиевич, давайте по порядку, – я постарался ещё раз собраться с мыслями. – Все началось с тех пор, когда коммунистом перестало быть опасно, а стало выгодно. Началось это всё после войны, но пока был жив товарищ Сталин, всё это как-то держалось в рамках нормы. Тем более, что в последние годы его жизни центр тяжести в политике начал переноситься с партийных органов на советские. А вот после смерти товарища Сталина в 1953 году всё понеслось кувырком. Скажите спасибо Никите Хрущёву, который сделал всё, чтобы втоптать в грязь имя товарища Сталина.

- Хрущёв? – майор ГБ Санаев побарабанил пальцами по столу, я видел что он едва себя сдерживает. – Это не тот, который сейчас член военного совета Юго-Западного фронта?

- Именно он. Никита Сергеевич, который... В народе прозванный "Хрущём", "Кукурузником" и "Лысым Хреном". Впрочем, о "подвигах" его на ниве сельского хозяйства, промышленности, армии и флота, можно будет поговорить потом, отдельно.

- Ну а вы, чекисты послевоенные, вы-то куда смотрели? – простонал Санаев, обхватив голову руками.

- А мы смотрели туда, куда нам разрешали смотреть. Я же вам уже говорил. Ведь после убийства Хрущёвым товарища Берии и разоблачений

"культы личности Сталина", – при этих словах Санаев скрипнул зубами и выругался, – руководству органов государственной безопасности было запрещено заводить агентурные дела на высшую партноменклатуру. Оттуда-то и попёрла вся гниль, которая и довела СССР до бесславного конца.

Майор ГБ Санаев сидел и в раздумьях методично постукивал о стол папиросой.

– Александр Васильевич, да это ж что ж получается: страну сдали с потрохами из шкурных интересов, так сказать за "корзину печенья и бочку варенья"?

- Нет, Иса Гергиевич, шкурный интерес конечно был, но исчислялся он не корзинами и бочками, а миллиардными счетами в иностранной валюте в западных банках. Каждый секретарь в союзной республике становился её президентом, при этом подгребая под себя заводы, фабрики... Словом, всё, что строил советский народ, недоедая, отрывая от себя последний кусок. Ну, или не становился – тогда его свергали демократичные оппозиционеры, устраивая в отдельно взятой республике филиал ада. Таджикистан, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова, Киргизия... Вот очаги второй гражданской войны на территории бывшего СССР. Литва, Латвия, Эстония вступают во враждебные России блоки НАТО и ЕС. Когда мы отбыли сюда, доведённая до нищеты за двадцать последних лет Украина всё быстрее и быстрее двигалась к развалу, после которого в ней неминуемо начнётся гражданская война.

- Да, в страшное время вы жили, товарищ Тамбовцев... Пострашней, пожалуй, чем сейчас. Помните, как у поэта Некрасова: "Бывали хуже времена, Но не было подлей..."

- Помню, конечно! – меня снова взяла злость. – Действительно, хотя я и честно исполнял свой долг, но и на мне есть вина за то, что произошло с нашей страной. Так что считайте моё участие в войне с фашистами своего рода искуплением вины кровью. Как в штрафбате...

- Штрафбат? А что это? – удивился майор ГБ.

- Так вы до этого ещё не дожили, – пояснил я. – Это подразделение для командиров, которые совершили преступление воинское или чисто уголовное, и им даётся шанс в бою искупить вину кровью. В моём прошлом штрафбаты были созданы согласно не вышедшему ещё из-под пера Верховного летом этого года приказу номер 227. Его ещё называли "Ни шагу назад!"

Майор ГБ Санаев был в недоумении:

– "Ни шагу назад"? Странное название, товарищ Тамбовцев. А почему

он так был назван.

Я тяжело вздохнул.

– А потому, что летом 1942 года страна оказалась в критическом положении. Стоял вопрос о её существовании как государства. Но я расскажу вам об этом позднее, тем более что тут такого, скорее всего, не случится. А пока, наверное, стоит закончить нашу сегодняшнюю беседу и вернуться к военным. Но сперва, товарищ майор госбезопасности, – я положил руку на ноутбук, – я научу вас пользоваться этим прибором, и с ним вы поедете обратно в Москву к товарищу Сталину. Информация, которая тут хранится в зашифрованном виде, в принципе не имеет цены в этом мире и большая часть её выходит за пределы вашей компетенции. Так что уж простите, пароль на открытие документов высочайшего уровня секретности будет сообщен товарищу Сталину сразу после установления радиоканала связи, по своей устойчивости многократно превышающего уровень телефона ВЧ.

Майор ГБ Санаев согласно кивнул головой:

– Я понимаю, товарищ Тамбовцев, давайте приступим?

Я сел с ним рядом и открыл крышку ноутбука.

– У вас есть с собой блокнот? Доставайте и записывайте... Это кнопка "Пуск"...

5 января 1942 года. 21:20. пос. Червоное. НП сводной механизированной бригады Командир бригады полковник Бережной.

Наблюдательный пункт батальона "Балтика" расположился на колокольне заброшенной церкви в посёлке Червоное. Обзор отсюда был просто замечательный – вот что значит "высота, господствующая над местностью".

Правда, сейчас по причине ночи, низкой облачности и дождя с ураганым ветром видимость не так хороша, но нам её хватит. Поднимаемся с генералом Василевским на самый верх. Колоколов тут давно уже нет, так что места всем должно хватить. Впрочем, это не совсем так. Несмотря на темноту видим, что у прибора артиллерийской разведки толпятся четыре командира в нашем камуфляже и двое местных моряков. Вместе с нами это уже восемь человек, так что толчея на колокольне – как в трамвае в час пик.

Так, кто тут у нас? Видно плохо, но разобрать можно. Тем более что товарищи, обернувшись, тоже пытаются понять, кто к ним пожаловал. Так, комбат "Балтики" майор Юдин, всё правильно – именно здесь его НП, и он просто обязан тут находиться. Рядом с ним капитан Буданцев, тоже комбат, но только командир батарей САУ "Нона-С", входящей в состав батальона "Балтика", и два его бойца из отделения артиллерийской разведки батареи. ПАР, кстати, тоже их. У командира батальона электронный бинокль с фотоумножителем, но в такую погоду он вряд ли сильно поможет. А вот и двое местных... Один мне уже знаком, это капитан Топчиев, разведка Черноморского флота, а вот второй... Невысокий, коренастый, на рукаве нашивки... Сухопутные звания РККА я ещё как-то помню, а вот во флотских нашивках путаюсь... Да, точно, кажется капитан-лейтенант... Бузинов что-ли? Ну, не сподобился пока лично познакомиться.

Тут орлы-командиры углядели, кто стоит рядом со мной, точнее его выпущенные поверх камуфляжа генерал-лейтенантские петлицы, и вытянулись перед представителем Ставки в ниточку.

- Доложите обстановку!

Кажется, эта мизансцена, похожая на похождения халифа Гарун аль Рашида, Василевского даже немного забавляла. А я-то все ломал голову – каким позывным обозначить Александра Михайловича в эфире. Быть ему "Халифом"! Пусть, если что, немцы голову ломают, что за араб тут завелся.

Первым пришёл в себя майор Юдин, что вполне естественно, ведь это участок его батальона, и он отвечает за всё на этом участке происходящее. Да и о прибытии представителя Ставки мы заранее предупредили всех своих командиров.

– Товарищ генерал-лейтенант, докладывает майор Юдин, командир сводного батальона морской пехоты Балтийского флота. На участке батальона противник проводит скрытую подготовку к ночной атаке. Ну, это они думают, что подготовка скрытая и атака будет для нас внезапной... – майор сделал шаг в сторону, освобождая Василевскому место возле ПАРа. – Товарищ генерал-лейтенант, взгляните сами.

Вообще-то, если смотреть невооружённым глазом, то перед нами крошечный мрак, в котором не видать ни зги. Но в поле зрения прибора артиллерийской разведки XXI века, работающего сейчас в режиме ночного видения, немецкие цепи, бредущие по нейтралке, наверняка видны как на ладони. Несколько минут генерал Василевский, прикинув к наглазникам, молча обозревал окрестности. Потом, нехотя оторвавшись, поднял голову.

– Какие крас-с-савцы, товарищ Бережной! Действительно думают что их никто не видит.

Он повернулся к командиру батальона:

– Докладывайте, как думаете отражать атаку, товарищ майор?

- Разрешите ещё раз глянуть, товарищ генерал-лейтенант? – ответил тот, нагибаясь к ПАРу. – Так, ещё сто метров и готово!

Майор распрямился

– Личный состав батальона и приданных ему подразделений скрытно выведен на позиции. Когда немцы приблизятся к окопам на сто пятьдесят метров, мы ударим по ним изо всех стволов. Одновременно артиллеристы поставят заградительный огонь, отсекая немцам путь назад.

– И вот ещё что. Немцы будут наступать против бьющего им в лицо ветра с дождём, и в таких условиях много не постреляешь. А мы ещё направим им в лицо свет всех имеющиеся у нас фар и прожекторов. Тогда они вообще ослепнут. А наши бойцы будут ко всему этому безобразию спиной, и стрелять им ни ветер, ни яркий свет не помешают. – он ещё раз нагнулся к прибору, и больше от него не отрывался. – Почти готово! Ещё чуть, чуть... Да, кстати... Эсэсовцы тоже уже на подходе. Товарищ генерал-лейтенант, по дороге на Симферополь видно зарево. Готово! Разрешите, товарищ генерал-лейтенант?

- Действуй, майор! – едва успел сказать Василевский, как майор Юдин поднял к губам рацию и три раза повторил: – Заря! Заря! Заря!

Началось настоящее светопреставление. Ночную штормовую тьму разорвали яркие лучи фар и прожекторов, вспышки выстрелов самоходных гаубиц и орудий БМП. Заработали автоматические гранатомёты, пулемёты "Корд" и "Печенег". Почти тут же к ним присоединились ручные пулемёты и автоматы.

Теперь всё можно было наблюдать и невооружённым глазом. С высоты колокольни мы хорошо видели, что огнём осветились и позиции батальона, обороняющего Ивановку. Там фашисты тоже пошли в атаку. Картина получалась прямо таки библейская – "Избиение младенцев".

Генерал-лейтенант Василевский с удовлетворением наблюдал за тем, как немцы сначала попытались под огнём рывком добраться до окопов. Но огонь оборонявшихся оказался слишком сильным и беспощадно точным. Большая часть наступавших полегла в первые же секунды боя. Особенно тяжёлые потери были среди офицеров и унтер-офицеров вермахта.

Ещё перед высадкой с нашими морпехами был проведен специальный инструктаж: немец с пистолетом-пулемётом MP-40 или, как его ещё неправильно называют, "шмайсером" – это или офицер, или унтер. Убив такого.вы никогда не ошибётесь. И вот теперь командный состав был выбит прицельным снайперским огнём в первые же секунды, а дальше начался

хаос.

Сначала, ослеплённые бьющим в лицо дождём и ярким светом, немецкие солдаты попытались залечь под огнём. Но это им мало помогло, потому что над их головами начали рваться снаряды, начинённые не старомодной шрапнелью, а готовыми поражающими элементами, рассчитанными, если что, и на поражение лёгкой бронетехники. Каждый такой разрыв выбивал все живое в радиусе полутора десятков метров под собой. А "Ноны" продолжали бить упорно и методично, прореживая и без того не густые ряды немецкой пехоты. Автоматические миномёты засыпали немецких пехотинцев минами. Добавили жару и АГСы.

А морские пехотинцы перешли от непрерывного автоматного пулемётного огня к прицельному отстрелу тех, кто пытался подняться на ноги. При этом было неважно, хотел ли немецкий солдат броситься в атаку, или отступить. В любом случае его ждала смерть. А ведь и отступить немцам пришлось бы больше километра по открытой как стол местности под ураганным орудийно-пулемётным огнём. С высоты колокольни все перипетии боя были видны прекрасно...

Майор Юдин, между тем, не забывал поглядывать в сторону дороги на Симферополь.

— Товарищи командиры, эсэсовцы подходят к рубежу...

В этот момент все мы ощутили, как колокольня задрожала и завибрировала. Это со своих позиций с басовитым режущим воем ударили "Солнцепёки". И снова ночь превратилась в день. В течение примерно полуминуты почти полторы сотни тяжёлых реактивных снарядов пошли на цель. А впереди, где моторизованный полк СС вместе с румынскими кавалеристами пересёк роковую черту, вспыхнуло настоящее адское пламя. Казалось, что земля раскололась, выпуская на свободу все силы зла, а штормовой ветер подхватил их и бросил на колонну эсэсовских танков, бронетранспортёров и румынских кавалеристов. Кажется, даже сюда донеслись вопли заживо сгорающих людей и лошадей. Хотя нет, скорее всего, нам показалось. И расстояние слишком велико и ураганный ветер уносит звук в другую сторону. Этот же ветер избавил нас от "аромата" горелого человеческого мяса.

По Василевскому было видно, что он по-настоящему потрясён: всего тридцать секунд – и два полка как корова языком... Хотя такие случаи бывают нечасто. Это немцы сами подставились из-за непременного желания искупать нас в холодном январском море. Интересно, что утром запишет Гальдер в своём знаменитом дневнике вместо: "Под Евпаторией положение восстанавливается"? Неужели: "Под Евпаторией полный пипец,

и уже поздно пить боржом"? А у Алоизыча, как ни крути, завтра будет диета из ковриков, потому что остатки немцев, увидев что стало с эсэсовцами и румынами, вскочили на ноги и под вновь вспыхнувшим шквальным огнём в спину рысью ломанулись обратно к спасительному оврагу...

Было видно, что добрались до него считанные единицы. Стрельба стихла. Лишь заваленное трупами поле боя напоминало о том, что здесь всего несколько минут назад смерть собрала свою очередную жатву. Вскоре вышел на связь майор Осипян, командир батальона "Севастополь". У него атака также была отбита с большими потерями для противника. Только там немалое число фрицев ещё и утонуло в жидкой грязи, пытаясь форсировать под обстрелом местную заиленную речку-говнотечку, впадающую в Чёрное море рядом с Ивановкой.

А Василевский будто только сейчас вспомнил про двух местных командиров, забившихся в угол, как мыши на кошачьей свадьбе.

– Капитан-лейтенант Бузинов, если не ошибаюсь? – кивнул он в сторону моряка.

- Так точно! – дернулся тот. – Командир десантного батальона Черноморского флота.

- Поступаете со своим батальоном на усиление бригады полковника Бережного, – Василевский посмотрел на часы. – К двадцати двум тридцати быть готовыми к маршу. А вы? – посмотрел он на Топчиева.

- Капитан Топчиев, разведка Черноморского флота, – хрипло отрапортовал тот.

- Вы, товарищ капитан, тоже придаётесь к бригаде полковника Бережного... – Василевский немного помолчал. – Взаимодействуете с ними с начала высадки?

- Так точно товарищ генерал-лейтенант, – браво отрапортовал Топчиев, – вошли во взаимодействие с первых минут.

- Ну и какие у вас впечатления? – устало поинтересовался Василевский.

- Фантастика, товарищ генерал-лейтенант, – Топчиев махнул рукой. – Всё как в сказке.

- Приказываю вам продолжить взаимодействие и дальше, – Василевский сделал паузу. – Но помните: подробности вашей совместной работы без личного разрешения товарища Сталина не подлежат никакому разглашению. Ну, вы разведчик, и не мне вам рассказывать о том, как надо хранить секреты. Вам следует тоже быть готовыми к выдвигению в двадцать два тридцать.

Я глянул на часы: время было без семи минут десять.

Уже в машине, когда мы, спустившись вниз, собрались ехать в штаб, генерал-лейтенант сказал мне:

– Да, товарищ полковник, не ожидал я от вас такой прыти, не ожидал... Не завидую я немцам. Но это, товарищи командиры, определённо к лучшему!

5 января 1942 года. 21:35. окраина пос. Червоное. Позиции сводной мехбригады. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.

Кажется, я только успел опустить голову на солому, как за плечо уже трясут:

– Эй, братишка, вставай, гансы идут...

- Кто, кто... – не понял я спросонья, отрывая глаза

В хате, куда нас отвели на постой, темно было, как..., ну, в общем, хоть глаз выколи. В темноте с трудом можно было разглядеть стоящую надо мной тень.

- Ну, фрицы, дойчи, гунны, швабы – немцы, одним словом, – ответила тень. – Вставай, боевая тревога! Не спится им, сукам, сто болтов им в рот и якорь в зад!

Я машинально глянул на часы, хорошие трофейные, ещё в первый день, в бою под Килией снял их с убитого румынского офицера. 21:35. поспать удалось почти два часа. А если учесть, что перед постоем нас вместе с осназом плотно накормили сытным ужином, то воевать можно и очень даже вполне.

А в дверях ещё одна тень, выражается хоть и вполголоса, но так, что заслушаться можно.

– А ну, орлы, подъём! Собираемся, выходим. И чтоб ни стука, ни бряка, кто хоть бзднёт без команды, лично без суда из рогатки расстреляю... – и такой речетатив минут на десять, пока мы в полной темноте собирались и выходили из хаты.

А мне что, я воробей стреляный, спать лёг – вещмешок под голову, "светку" обнял как дивчину, и всё. Так что, теперь всё просто: встал, вещмешок на одно плечо, винтовку на другое – и на выход.

В окопах тьма, не видать ни зги, спичку зажечь или фонарик – боже упаси. Засада, одним словом. Тут не только немцев, пальцев собственной

руки не увидишь. Команда: «Приготовиться!»

Вскидываю свою СВТ на бруствер, готовясь стрелять в белый, а точнее в чёрный, свет как в копеечку...

- Огонь!

Вспыхнувшие лучи нескольких десятков прожекторов, мощных фар и чего-то ещё, невыносимо яркого, чётко и контрастно высветили поле прямо перед нашими окопами. И вот же они – саранча в фельдграу! Метрах в ста пятидесяти впереди.

От неожиданности бабахая. Первый выстрел почти наугад, потом принаравливаюсь и чётко, как на стрельбище, начинаю выпускать одну пулю за другой. А вокруг всё будто взорвалось. По немецким цепям сухими двухпатронными очередями бьют автоматы моих соседей по окопу. Гулко грохочут тяжёлые пулемёты, автоматические пушки и автоматические же гранатомёты – страшная штука, видал я один такой вблизи в Евпатории.

Мне некогда смотреть по сторонам – куда смотрю, туда и стреляю. В первые же секунды немцы рванулись было вперёд, но напоролись на бьющую в лицо свинцовую метель и залегли. Стрельба почти стихла, по лежащим не стреляем, ибо не отличить, кто их них залёг, а кто уже убит.

В этот момент среди немцев начали рваться мины. Земля внутри промёрзла, мина рвётся на поверхности, осколки стригут вдоль земли. А некоторые из них каким-то образом рвутся метрах в пяти над землей, что тоже не добавляет немецкой пехоте счастья – осколки конусом идут прямо вниз.

Некоторые "герои вермахта" вскакивают на ноги, не зная куда бежать, то ли в тыл к своим, то ли в атаку. Вот таких-то "непонятливых" мы и отстреливаем, чтобы остальным неповадно было. Нам хорошо – и свет и ветер с дождём бьют нам в спину, а вот немцам не позавидуешь. Им все это, вместе со свинцом, летит прямо в лицо.

Вдруг чувствую, земля под ногами задрожала крупной дрожью, по ушам ударил режущий вой. Прямо над нашими головами по небу плотной стаей понеслись огненные стрелы тяжёлых эрэсов. Впереди нас, километрах в двух, через тьму полыхнуло багровым пламенем, словно из мартена выпустили сталь – видел один раз в Запорожье на заводе.

Зарево стало подниматься все выше и выше, как будто там на свободу из-под земли вырвалось адское пламя. Несмотря на всю эту огненную свистопляску, оттуда не доносилось ни звука, ураганный ветер сносил всё в сторону немцев. Вот метеором пронесся по небу последний эрэс, взметнулось в небо зарево последнего взрыва.

Немецкие цепи, залёгшие под нашим огнём, сначала беспокойно

зашевелились, потом вскочили и бегом, в паническом ужасе, бросились обратно к своим исходным позициям. Я стрелял, стрелял, стрелял, пока видел мелькающие в лучах прожекторов фигуры, и даже, кажется, в кого-то попадал. Особенно обильную жатву с бегущих сняли тяжёлые пулемёты и автоматические пушки танков, которые осназ называет Боевые Машины Пехоты – Три. Со своим острым носом и маленькой башенкой эта машина кажется смешной с виду, но, товарищи, я свидетель: в деле она действительно страшна.

До оврага, из которого началась эта атака, из немцев не добежал почти никто. Прозвучала команда "Прекратить огонь" и тишина... Нет, ветер конечно воет, проносясь со страшной силой над нашими головами, но к нему мы уже привыкли.

Опускаюсь на дно окопа, в тишину и благодать, достаю из-за отворота шапки последнюю заначенную папиросу. Хлопаю себя по карманам. Ой, блин, а вот спички где-то посеял. Может выпали, пока спал в хате, не знаю. Рядом присел один из осназовцев, автоматический карабин меж колен, в зубах белая дымящаяся сигарета.

- Эй, братишка, – окликнул я его, – будь другом, дай прикурить?

- Пожалуйста, дедуля, – сложив ладони лодочкой, он щёлкнул зажигалкой. Торопливо прикурив свой "Казбек", я втянул в себя горячий и ароматный дым. Закружилась голова.

- Хорошо мы им дали! – выдохнул я из себя вместе с дымом.

- Угу! Хорошо! – мой сосед зажал свою папиросу зубами в углу рта. – Мы немного отдохнём и опять давать пойдём!

Его пальцы быстро-быстро набивали патронами странный сдвоенный магазин карабина.

– Была команда, – прохрипел он, затягиваясь между словами, – быть готовыми к маршу к двадцати двум тридцать.

Он постукал себя пальцем по уху:

– Наш капитан сообщил только что!

Я был настолько удивлён, что не успел ему ничего ответить. У этого осназа что, рации у каждого бойца? И такие маленькие, что их просто не видно. Так вот почему они иногда вроде бы разговаривают сами с собой! А как это должно быть удобно командиру: не надо надрываться и повышать голос. Как жаль, что таких раций совершенно недостаточно, чтобы снабдить ими все части Красной Армии. С этими мыслями я по примеру своего соседа сдвинул папиросу в угол рта и начал набивать патронами опустевшие в бою магазины. Ничего, пригодится воды напиться. За этим занятием меня и застал товарищ Топчиев.

- А, Борисов, как дела? – остановился он рядом со мной. – Где остальные?

- Товарищ капитан, атака противника отбита, тьфу ты! – выплюнул я окурок папиросы. – Те из наших, у кого ППД, остались в резервной группе, во второй линии. Капитан осназа сказал, что пока они держат немца дальше ста метров, стрельба из ППД – это напрасный перевод патронов, ещё пригодится чего-нибудь штурмовать. Те у кого "светки" и "авээски", как и я, в первой траншее...

- Значит так, лейтенант Борисов, готовьтесь. – капитан Топчиев махнул рукой. – Приказом представителя Ставки генерал-лейтенанта Василевского наш разведотряд придан для усиления сводной бригаде осназа. Готовность к наступлению в двадцать два тридцать.

- Василевский? Здесь? – я растерянно посмотрел в спину убегающему капитану Топчиеву.

- Да, был он здесь, часа два назад! – мой сосед закончил набивать последний магазин, и сунул его в один из множества карманов странного жилета. – С ним ещё комбриг наш был и другие шишки из штаба. А это значит, что товарищ Сталин уже в курсе вопроса, и всё будет тип-топ!

Я тоже встал.

– Товарищ Сталин всегда в курсе...

В этот момент откуда-то сзади докатился грохот, лязг, и по дороге, что была метрах в двухстах севернее нас, пошли танки. Нет, ТАНКИ!!! В слабых отблесках ещё полыхающего на немецкой стороне пожара были видны только их уплощённые силуэты, с длиннющими пушками чуть ли не корабельного калибра. И тяжкое дрожание земли под ногами тоже подсказывало – идут отнюдь не лёгкие танкетки. Один раз в жизни мне довелось видеть роту КВ-1 на марше, так вот, товарищи, здесь, судя по массе, шло нечто ничуть не меньшее, а судя по орудиям даже и значительно большее.

Услышав команду: «К машинам!» Я сперва пошёл быстрым шагом, а потом побежал туда, где стоял командирский танк капитана Рагуленко, с которым мы уже прошли весь путь от высадки в Евпатории, до этого самого момента.

Мне уже временами казалось, что так оно всё и должно было случиться, что мы воюем вместе не девятнадцать часов, а чуть ли не с самого начала войны. Вот взревел один двигатель, за ним другой... Рота готовилась к маршу...

**6 января 1942 года. 06:25. 1-я рота батальона "Балтика".
Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр
Борисов.**

До конца жизни не забуду этот головокружительный ночной марш. От наших позиций под Червоным до Симферополя сорок километров. Прошли их мы как на параде, за полтора часа. Ровно в полночь передовые танки мехбригады с бойцами из батальона капитан-лейтенанта Бузинова на броне уже вошли в город. Что самое интересное, немцы нас совершенно не ждали. Говорят, что бойцы на двух передних танках были одеты в немецкую форму, что позволило без шума, не поднимая тревоги, уничтожить пост фельджандармерии на въезде в город.

Разведка бригады, можно сказать, осназ в квадрате. Благодаря им различные тыловые учреждения гитлеровцев были застигнуты врасплох. И не только они. Войдя в город, рота, к которой была прикомандирована наша группа, повернула на юг и, не пересекая железной дороги, двинулась вдоль путей в направлении Севастополя. У нас был приказ закрепиться на правом берегу реки Альма с удержанием на левом берегу плацдарма вокруг железнодорожного моста.

Но на подъезде к станции Чистенькая – это на окраине Симферополя – навстречу нам вывернул немецкий воинский эшелон. Нам, разведчикам, было известно, что немцы сейчас спешно пытаются залатать две дыры в своём фронте, первую – под Феодосией, а теперь ещё и под Евпаторией. Хотя этот-то эшелон скорее всего вёз войска именно к Керченскому полуострову. Для переброски войск под Евпаторию немцы использовали исключительно автотранспорт, слишком уж невелики тут расстояния.

Хотя о чём я? Мы уже в Симферополе, а значит, сбился кошмар немецких генералов, и их группировка, осаждающая Севастополь, отрезана от основных сил. Теперь бы ещё нашим в Севастополе прорваться навстречу, и всё будет вообще замечательно. Но это я забегаю вперёд, а тогда дело выглядело совсем не так.

Представьте себе ночь, штормовой ветер, вытянул руку и не увидел пальцев... И вдруг прямо в лицо яркий свет – это из-за поворота навстречу нам вывернул паровоз и светит своим прожектором. Мгновенная команда: "Спешиться!" И мы горохом посыпались с притормозивших боевых машин. Ну да, осназовцы научили нас, как говорить правильно. Это боевые машины пехоты, а танки, настоящие танки, прошли впереди нас. Я думал, что отражение ночной атаки под Червоным было самым страшным

эпизодом, который я видел на этой войне. Ага, Щаз! – как любит говорить капитан Ругуленко, – Разогнались!

БМП чуть отвернули башни в сторону путей и ударили вдоль состава шквалом огня и металла. В отсветах снарядных разрывов было видно, как во все стороны полетели обломки вагонов и куски тел. Противник, плотно упакованный в вагоны – это такая привлекательная цель! Конечно, будь на нашем месте линейная стрелковая рота РККА, вооружённая сотней Мосинок, десятком ППД и тремя-четырьмя дегтярями, то немцы, скорее всего, отделались бы лёгким испугом. Но тут был не тот случай. При такой огневой мощи, как у этого механизированного морского осназа, у немцев был только один путь к спасению – выпрыгивать из движущегося на приличной скорости состава на дальнюю от нас сторону насыпи и пытаться скрыться между домами. Не знаю, скольким из них удалось это сделать, но мне кажется, что они все так и остались в вагонах, не успев даже схватиться за оружие.

Ситуация усугубилась ещё и тем, что при обстреле по какой-то причине включилась система экстренного торможения. Проще говоря, кто-то сорвал стоп-кран. Или шальной снаряд перебил воздушную магистраль, бывает! Паровоз, свистя изрешечённым котлом, нехотя остановился, не доезжая буквально нескольких метров до нашей машины. Поезд пылал по всей длине от первого и до последнего вагона. Гудящее пламя пожирало деревянную обшивку вагонов, если там и оставались раненые, то им было суждено сгореть заживо. Кажется, были слышны крики. Нет, не помню...

После того, как на моих глазах в порту Одессы немецкие пикировщики потопили санитарный транспорт с ранеными и эвакуируемыми семьями комсостава, жалости к их раненым у меня не осталось. Нисколько. Преобладала радость, а точнее – злорадство, при мысли о том, что теперь вот эти мертвы и больше никого не убьют, не ограбят и не изнасилуют. Наше созерцание горящего поезда было прервано командами: "Рота на броню!" и "Вперёд, марш!".

У реки Альма, к которой мы вышли около двух часов ночи, повторилось всё то же самое, что уже было под Червоным. Выслать вперёд передовой дозор в составе одной машины и усиленного отделения, а остальным лопаты в зубы и копать – отсюда и до рассвета, ибо утром начнётся. Что начнётся? Да немцы со страшной силой будут рваться на волю из той мышеловки, в которую для них превратились их позиции под Севастополем. А там осаждала город, ни много, ни мало, пусть и потрёпанная, но армия. Мы по сравнению с ней, как бульдог рядом со слоном. А посему – копать, копать, копать! Особенно тщательно

укреплялся и маскировался тет-де-пон на левом берегу реки.

Но мы успели. Перед самым рассветом, когда покрытое тучами небо уже стало на востоке сереть, капитан Рагуленко собрал вокруг себя всех средних и младших командиров.

– Итак, поскольку товарищ Суворов сказал, что каждый солдат должен знать свой манёвр, – начал он, – а посему...

- Товарищ капитан, – раздался голос старшины Осадчего из моей группы, – а ведь генералиссимус Суворов нам не товарищ...

- Во-первых, товарищ старшина, перебивать командиров нельзя... А во-вторых, какие у вас претензии к Александру Васильевичу? Всю свою жизнь он честно служил России, от капрала Семёновского полка до генералиссимуса. Уже достигнув высоких чинов, имел один заплатанный мундир да пару стоптанных сапог. Ел из солдатского котла. Воевал так, что одного его имени до расслабления кишечника боялись все окрестные короли и султаны. Вот послушай, старшина, что говорил Александр Васильевич: "Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя моё в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию". – Хорошо сказано? А вот как он умер, так сразу у царя случилась незадача – Аустерлиц.

- Но исторические экскурсы отложим на потом, а сейчас текущая обстановка... Как вам уже известно, таких механизированных рот в составе бригады четыре. Наша с вами задача – удерживать атаки противника на Симферополь вдоль линии железной дороги. Наши соседи справа в составе двух рот вытеснили остатки разбитых 22-й и 50-й дивизий вермахта вдоль морского побережья за линию реки Альма. Наш сосед слева, вторая рота нашего же батальона, час назад оседлала Салгирский перевал и теперь спешно укрепляется.

И самая хорошая новость – ветер начинает стихать. И пусть волна ещё не позволяет работать самолётам с "Кузнецова", но с аэродрома Саки ударные вертушки в воздух уже подняты, так что без поддержки сверху мы не останемся. Короче, товарищи, держать хвост пистолетом!

Да, а ведь до наших в Севастополе осталось километров тридцать, не более. Уже отчётливо слышен хриплый гул канонады, усилившейся перед самым рассветом. Это наши товарищи стараются прорваться навстречу нам.

6 января 1942 года. 06:05. Немецкие позиции в Бельбекской

долине.

До рассвета осталось каких-то полчаса. Как только станет светло, Иваны начнут свои сумасшедшие, изматывающие атаки на позиции германской армии, но пока на той стороне всё спокойно. Монотонно воеет ветер и дождь барабанит как заведенный по брезентовому пологу, от чего часовых невольно клонит в сон. Под ногами хлюпает жидкая грязь. За ночь резко потеплело, и теперь все вокруг раскисло. Ещё немного, и начнётся проклятая русская "распутица". Солдат зевает и пытается очистить сапоги от налипшей на них глинистой дряни. Кажется, что к каждой ноге привязали по гире. Непривычное ухо не уловило, что в вой ветра добавился ещё один свистящий звук. Это Смерть уже взмахнула своей косой.

Пилотам ударных вертолётчиков в приборы ночного видения хорошо видны все землянки и блиндажи, в которых сейчас отдыхают немецкие и румынские зольдатики. Машины разошлись широким веером, индивидуально выбирая цели. Первый залп 80-мм фугасно-объёмно-детонирующими НАРами был, как небесный огонь и вихрь, сошедшие на Содом и Гоморру.

Скользящие в полумраке над землей хищные винтокрылые тени были везде, оставляя за собой развороченные воронки вместо блиндажей и трупы немецких солдат. Гулкий грохот разрывов докатился и до советской стороны. И совпал он с приказом представителя Ставки генерал-лейтенанта Василевского немедленно провести на Бельбекском направлении разведку боем. 8-я бригада морской пехоты стремительным рывком ворвалась на развороченные, закопчённые и изуродованные вражеские позиции.

Немецкая артиллерия, которая сначала открыла по атакующей советской морской пехоте довольно интенсивный огонь, быстро сбавила темп, а потом и вовсе замолчала. Видя успех морских пехотинцев, в наступление перешли 95-я и 25-я стрелковые дивизии. Правый фланг немецкого фронта треснул и начал разваливаться, тем более, что ударные вертолётчики к ним возвращались не раз и не два. Обстановка под Севастополем стала меняться каждую минуту, пока примерно в десять утра не стало ясно, что немецкий фронт разорван и советские войска быстро продвигаются к Бахчисараю на соединение с Евпаторийской группировкой.

**6 января 1942 года. 07:15. 1-я рота батальона "Балтика".
Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.**

Час назад с позиций за нашей спиной открыл огонь самоходный артдивизион. Судя по звуку выстрелов, "Мсты" били полным зарядом, куда-то чуть ли не по немецким позициям под Севастополем.

Твою мать! Вдребезги и пополам! Всю ночь ребята как сумасшедшие кроты рыли окопы, крепили, так сказать, оборону, и вот вам пожалуйста – приказ перейти в наступление. Оказывается, час назад, воспользовавшись ослаблением ветра, наши вертушки поднялись в воздух с аэродрома Саки и нанесли фашистам визит вежливости на позиции в Бельбекской долине. Все шестнадцать штук. Такой "вежливости" гитлеровцы не выдержали... Это же какой живодёр придумал – объёмно детонирующими НАРами врезать за полчаса до рассвета по блиндажам со спящими зольдатами. Как я понимаю, все кроме часовых в этих блиндажах так и остались.

Потом наши героические деды пошли в атаку. И что они увидели? Немецкие позиции разгромлены не по-детски, всюду изуродованные трупы, бегают пара сошедших с ума недобитков с криками "Рус, нихт шиссен!". И, как говорится, "мёртвые с косами вдоль дорог стоят – дело рук красных дьяволят".

Короче, немецко-румынский фронт в Бельбекской долине разрезан пополам. 5-я румынская горнопехотная прижата к морю между реками Бельбек и Кача. Остатки 22-й пехотной отжаты к востоку в сторону горы Яйла-Баш, и влившиеся в разрыв части Приморской Армии захватили возвышенность Кара-Тау и наступают на Бахчисарай. А наши самоходки, стрелявшие час назад, подавили последние дееспособные гитлеровские батареи...

Тут, конечно, поучаствовали и вертушки, – как же без них! – но на северном фесе фронта ни у немцев, ни у румын артиллерии больше нет. Это медицинский факт. Короче, идём на соединение с нашими. Нет, с НАШИМИ!!!

Но есть проблема. Видел я, какими глазами смотрел на нас этот местный лейтенант Борисов. Как на полубогов. Это после дня боёв под Червоным, а особенно после того, как мы за сорок секунд смолотили в фарш эшелон с двумя пехотными батальонами. Но мы не полубоги и даже не герои. Мы чернорабочие-ассенизаторы, которым выпало убирать всё то немецкое дерьмо, каким сейчас завалена наша земля. Наша работа убивать, максимум вражеских смертей при минимальном расходе боеприпасов. Нас не устроит их отступление, они должны быть или в плену или мертвы. А посему только разгромы и окружения. Пусть на нашей земле будет больше крестов, под которыми будут покоиться Курты, Фрицы, Гансы и Паули с Михелями! Железные кресты им ни к чему, обойдутся и деревянными. Во,

креативный слоган: "Лучшая награда герою вермахта – крест из русской березы". Всё, взревели моторы БМП. Выступаем!

Крутые горные дороги... Машины с рёвом берут каждый поворот. Как положено, колонну сопровождает пара вертушек. Сейчас это "Серийные убийцы", то бишь, "Ночные охотники". "Стингеров" у фрицев нет, а из эрликона такую штуку не сразу и собьёшь. Скорее она эрликон раздолбает.

В наушниках звучит Высоцкий, военные песни, как раз в тему... Вот сейчас как раз – "Солдаты группы Центр". Ну и рожа у меня, наверное, стала, Борисов косится подозрительно. А что он косится? Так я не в машине на командирском месте, а вместе со всеми на броне. С машиной меня связывает только удлинённый шнур шлемофона. Так и обзор получше, и командовать проще. Хрен бы я тогда с эшеленом успел среагировать изнутри машины. Раздолбать бы их мы всё равно раздолбали, но вот такого эффекта бы не было. А то и потери были бы. Внезапно музыка прерывается и в наушниках звучит: «Товарищ капитан, Пегас-3 на связи...».

Аг, Пегас-3 – это, значит, ведущий той пары Ми-28, что нас оберегает в этом нелёгком пути.

- Давай! – говорю я, поворачивая голову вслед за двумя хищными силуэтами.

Наушник захрипел:

– Боб-1, я Пегас-3. Как слышите? Прием!

Отвечаю:

– Я Боб-1, слышу вас хорошо. Прием!

- Боб-1, за поворотом мураши, засада, – слышу от вертолётчика. – Мы их сейчас дуством, но и вы тоже не зевайте.

- Спасибо, Пегас-3! Только чур, дуста не жалеть! – меня переключили на внутренний канал.

– Рота, спешиться! К бою!

Пока бойцы спрыгивали с брони, занимая позиции по обочинам дороги, вертушки сделали "горку" и куда-то в сторону вершины за поворот потянулись дымные жгуты НАРов. Рассыпавшись в цепь, мои парни нащупали слева метрах в десяти над дорогой козью тропу. Всё правильно, человек вытеснил зверьё с самого удобного пути, но и зверью тоже надо бегать по своим делам. Мне довелось повоевать в горах ещё там, дома, и я знаю, что в горах всегда параллельно человеческим дорогам тянутся звериные.

Но надо быть осторожным, в Рейхе тоже есть горы и люди, которые в них живут. На тропе, выводящей в тыл немецкой засады, может быть своя

засада или, в крайнем случае, мины. Но Пегас-3 заверил нас, что ничего живого впереди нет, а вот мины... Из немецкой гранаты приличной растяжки не сделаешь, хотя у них есть такая мерзкая штука как "Sprengmine", или "лягушки".

Тем временем на склоне горы отгремели взрывы НАРов. В ответ длинной очередью ударил пулемёт, кажется МГач, и нестройно застучали винтовки. Ну, сбить Ми-28, винтокрылый танк, из винтовки, это даже не смешно. А вот тем, кто посмел что-то вякнуть, явно не поздоровится. И точно, мгновением спустя в эту какофонию влились короткие очереди двух авиационных пушек. Ну, пока все заняты таким весельем, мы тоже времени зря терять не будем. Один рывок, и цепь залегла у самого поворота. Взвод, который я послал по обходной тропе, уже срезал угол, обогнув бугор, из-за которого дорога делала поворот. По их словам, зрелище им открылось феерическое. Засада состояла из самоходки Штутг-III, двух 37-миллиметровых ПТО, или "дверных колотушек", и примерно полуроты пехоты. В настоящий момент, обе "колотушки" валялись, задрав станины, а вокруг них были разбросаны тела расчётов. Самоходка пятилась назад, при этом держа на прицеле поворот дороги, из-за которого должны были появиться наши БМП. Часть немецкой пехоты укрылась в кюветах по обе стороны дороги. Как там было в этой книге... "Противник выдвигает вперёд наспех собранный заслон, стремясь притормозить стремительный бросок панцерваффе..." А своего дерьма досыта поест не желаете? Вот вам взаимодействие мотопехоты и авиации, и вот вам наспех собранный заслон, наверняка из состава гарнизона Бахчисарая.

Задачу с самоходкой порешал рядовой Осадчий, засандалив в неё сверху гранату из РПГ. Считаем, что ихнего пикового вала покрыла наша козырная шестерка. По обнаружившему себя обходящему взводу нестройно ударило несколько немецких винтовок. Пулемёта не слышно, и это приятно. В ответ ударило три пулемёта и два десятка автоматов. Ещё несколько секунд и головная БМП форсировала злосчастный поворот, взяв кюветы под продольный огонь. А тут ещё и вертушки, выписав в небе восьмерку, вернулись устранить недоделки.

Короче, остатки немецко-фашистских войск не выдержали суровой реальности, вскочили на ноги и, обогнув горящий Штутг, рванули в тыл на третьей скорости. Скажу сразу, это у них ни хрена не получилось. Ибо мы никакие не гуманисты: расстреляли их к чертовой матери. Если хочешь жить, вкалывая потом на лесоповале где-нибудь в "солнечной республике Коми", то, как человек, поднимай руки вверх и выходи к нам с паролем "Гитлер капут". Не хочешь, фриц? Ну, тогда гнить тебе в каменистой

крымской земле!

Как там, в песне: "Лишь только бой угас, звучит другой приказ..." Ага, не успели мы разобрать трофеи, подобрать тот самый МГач и пару коробок лент к нему, как нам "другой приказ". Остаться на месте и ждать вертолёта. Минут через десять к нам прилетит наш старый знакомый генерал-лейтенант Василевский. И всё для того, чтобы встреча с нашими героическими предками прошла без недоразумений. Обалдеть! У меня тут ни "меринов", ни "бумеров" нет, чтобы возить генералов, даже советских. Или он что, вместе с нами поедет на броне?! Не знаю. Но надеюсь, он сам представляет, куда летит. А наше дело солдатское – выполнить приказ. Сказано вывести навстречу к нашим войскам – значит, выведем!

6 января 1942 года, 6:35, аэродром Саки. Штаб сводной механизированной бригады.

Генерал-лейтенант Василевский прохаживался по лётному полю аэродрома в Саках. В ПС-84, на котором он сюда прилетел, грузили ящики и коробки с радиоаппаратурой из будущего. Полковник Бережной заверил его, что в настоящий момент никто не сможет не только перехватить и расшифровать работу этой аппаратуры, но и вообще понять, что это была радиопередача, тем более в телефонном режиме. Вместе с аппаратурой в Москву полетят майор Санаев со специальным рапортом и двое связистов из будущего. Василевский понимал, что вся эта история с молниеносной скоростью обретает чрезвычайную государственную важность.

- Ну что, Константин Геннадьевич, сумеете взлететь? – обратился Василевский к командиру корабля подполковнику Ольховичу.

Подполковник пожал плечами:

– Ничего особенного, товарищ генерал-лейтенант, справимся. Когда на северах с товарищем Мазуруком летали, там даже тяжелее было. А тут видимость приличная, обледенения нет. А ветер... Так этот ветер тоже далеко не выдающийся... Так что не беспокойтесь, доставим в Москву этот ваш спецгруз и за вами вернёмся.

- Значит так, товарищ подполковник, – Василевский посмотрел на часы, – я договорился: майор Скоробогатов с напарником проводят вас до Тамани... Да, да, товарищ Ольхович, здесь мы не командуем, здесь мы пока договариваемся. Но на самом деле это не очень сложно. С учётом важности операции я вам обеспечил самый лучший эскорт, какой смог найти. Вы уж

тоже не подведите. Надеюсь, к трём часам дня вы будете уже в Москве. За дальнейшую часть операции отвечает уже товарищ Санаев.

- Товарищ генерал-лейтенант, – восторженно подполковник, – а если мы пойдём напрямую – сразу на Ростов? Вы же сами сказали, что немецкий аэродром в Таганроге разбит вдребезги, вот мы и проскочим мимо, пока там никого нет. Тем более, что и ветер попутный, километров семьдесят в час он нам добавит. Тогда получится пару лишних часов сэкономить.

- Не о том думаете, товарищ подполковник! – рассердился Василевский. – Вы не время должны экономить, а обеспечить гарантию и секретность доставки особо важного груза в Москву. И никак иначе!

Стоявший рядом майор Скоробогатов, тоже прислушивался к разговору.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите высказать соображение?

Василевский заинтересованно повернулся в сторону Скоробогатова.

– Высказывайте, товарищ майор?

Майор Скоробогатов прокашлялся.

– Товарищ подполковник прав, идти на Ростов напрямую не только быстрее, но и безопаснее. Вот смотрите. Во-первых, в Сарабузе уже наши, и оттуда на перехват никто не взлетит. Во-вторых, аэродром в Таганроге после бомбового удара... Вы сами видели фотографии, летать на этом хламе не сможет даже сам господь бог. А вот на южном берегу Крыма вполне могут остаться аэродромы подскока с боеспособными истребителями. Конечно, мы отобьём любую атаку, но именно там-то они нас и ждут. Единственная неприятность, это полёт над Азовским морем, но с учётом попутного ветра он будет длиться крайне недолго, меньше часа. Над Чёрным морем на Тамань, огибая южный берег Крыма, лететь даже дольше. И предсказуемей для противника.

Василевский вздохнул.

– А вы, товарищ майор, сможете гарантировать безопасность перелёта в таких условиях?

- Товарищ генерал-лейтенант, абсолютную гарантию может дать только сам знаете кто... Но с учётом нашего с ведомым личного опыта и технического превосходства над люфтваффе могу обещать, что никакие немецкие, румынские, итальянские истребители товарищу подполковнику угрожать не будут. Мы вам ещё не все возможности показывали. Реально мы могли сбить их, как только они вышли из тени гор и стали видны на радаре. Но тогда бы вы кроме пуска ракет ничего не увидели, а у меня была команда показать товар лицом. Ну и пришлось действовать по-ковбойски.

- Понятно! – Василевский повернулся к подполковнику Ольховичу. –

На вашу ответственность, товарищи командиры. Не хочу вас пугать, но масштабы этой ответственности крайне велики.

- Так точно! – почти синхронно ответили лётчики. – Разрешите идти?

- Идите! – отпустил их Василевский, и повернулся к подошедшему майору ГБ Санаеву. – Ну как там, Иса Георгиевич?

Несмотря на то, что майор только что вернулся из Симферополя, он уже успел переодеться, на нём снова была зимняя полевая форма РККА. Правда, при васильковых петлицах, выдающих его ведомственную принадлежность.

- Прекрасно! Симферополь уже точно наш. Наши, – Санаев усмехнулся, – потомки наступают так быстро, что немцы ничего не успевают понять. В Симферополе был на месте разгрома немецкого воинского эшелона. Одна рота меньше чем за минуту в капусту изрубила два батальона. Ужас! Тысяча обгорелых трупов в вагонах. Как сказал капитан Тамбовцев, "Детей и беременных женщин просим отойти от голубых экранов!" Я до сих пор не могу привыкнуть к этой их чудовищной огневой мощи.

- Да, всё, что требует Москва, у меня с собой, – Санаев чуть приподнял большой портфель из желтой кожи. – Правда всё это само по себе содержит новых вопросов больше, чем даёт ответов. Ну да ладно, эти вопросы – уже уровень Самого. Мне в такое совать свой нос откровенно страшно.

Один за другим, оба мотора ПС-84 чихнули и заработали с негромким гулом. Бортмеханик с трапа крикнул, перекрывая рокот двигателей и свист ветра:

– Товарищ майор, время!

- Ну, товарищ генерал-лейтенант, мне пора, – Санаев козырнул. – Дайте тут фашистам так, чтоб при слове Севастополь они ещё лет двести икали!

- Давай товарищ майор госбезопасности, удачи! Что б вам добаться без приключений. И береги потомков, – Василевский махнул рукой. – Ни пуха!

- К черту!

Майор ГБ повернулся и побежал к самолёту. Вот он уже внутри, бортмеханик втянул внутрь трап и захлопнул люк. Тон работы моторов изменился, и машина довольно резво покатила в начало полосы. Почти одновременно с резким хлопком завели свои турбины МиГи.

Василевский понимал, что тут он сделал всё что мог, а точнее всё сделали за него полковник Бережной и контр-адмирал Ларионов. Сейчас уже требовалось вмешательство самой высокой власти в стране,

Верховного Главнокомандующего. Были необходимы ещё люди, которым можно доверить такую страшную тайну и которые смогут организовать взаимодействие с пришельцами из будущего. Генерал-лейтенант уже знал, какие кандидатуры он назовёт товарищу Сталину. Для управления соединённым флотом нужен не меньше как Николай Герасимович Кузнецов. А Октябрьский?! Василевского передёрнуло... Он вспомнил, как Бережной нашёл ему несколько "особо избранных" цитат из исторических справочников и коротко подытожил:

– ЧМО, он а не адмирал, я бы таким сортиры мыть не доверял.

- Гальюны, товарищ полковник, – меланхолически заметил тогда Василевский. – На флоте гальюны, а не сортиры.

- А какая разница? – ответил Бережной. – Дерьмо-то и там, и там одинаковое!

И они оба невесело засмеялись.

На суше дела тоже обстояли не лучшим образом. Наскоро пролистав историю Великой Отечественной войны в том виде, как она протекала в прошлом у пришельцев, Василевский понял, что ни Петров, ни Козлов никакими успехами в будущем похвастаться не могли. Даже наоборот: если бы дела шли так, как они шли в том прошлом, то Крым был бы потерян уже к середине лета. И вернуть его обратно стоило бы огромной крови. А от мысли вручить любому из них под командование бригаду из будущего у Василевского по коже мурашки бежали. Нет, нет и нет. Для пользы дела надо выдергивать сюда кого-нибудь из тех, кто в том прошлом показал себя с наилучшей стороны.

Жукова? Слишком заметен, да и самомнение у него огромное.

Конева? – Ему товарищ Сталин, по-моему, до конца не доверяет после той октябрьской истории...

Черняховский ещё никто, Ватутин нужен в генштабе...

Во! Рокоссовского! Да, лучше именно его. На 16-ю армию другого командующего найти можно, а здесь он как раз будет на своём месте.

Только надо будет обдумать, как всё это подать товарищу Сталину. Решение должно быть принято быстро и без проволочек. Полковник Бережной прав, когда говорит, что здесь как в колхозе: один день целый год кормит.

Василевский проводил взглядом сначала взлетевший ПС-84, потом пару МиГ-29. Счастливого пути вам, товарищи потомки. Ваш груз очень нужен в Москве.

6 января 1942 года. 05:55. Позиции 8-й бригады морской пехоты Черноморского флота. Комбриг полковник Владимир Львович Вильшанский.

Ночь, в штабной землянке темно, только чуть тлеет на столе коптилка из обрезанной гильзы трёхдюймового снаряда, да чуть рдеют почти прогоревшие угли в буржуйке. Штормовой ветер мартовским котом веет в трубе, да барабанит снаружи дождь. Полковник Вильшанский, сидящий за столом, не спит, хотя его голова упала на скрещённые руки.

Он смертельно устал. Почти три месяца непрерывных изнуряющих боёв при обороне Севастополя, два отбитых штурма и могилы сотен черноморских моряков, оставшихся в этой земле. Когда началась Керченско-Феодосийская десантная операция, бригада непрерывно атаковала немецкие позиции. Удалось продвинуться на несколько километров, поливая кровью каждый метр земли. Второго января атаки прекратились, бригада была истощена и обескровлена, но вот сегодня на столе перед комбригом снова лежит приказ – атаковать. Атаковать любой ценой! Правда, целью операции названа "разведка боем", но комбриг не обольщается – права отступить без приказа, как всегда, нет. А приказ пришёл с самого верха и подписан не генерал-майором Петровым или контр-адмиралом Октябрьским, а генерал-лейтенантом Василевским, который вчера прибыл в Крым в качестве представителя Ставки.

Против всех ожиданий, его самолёт приземлился не в Севастополе, а на Евпаторийском плацдарме, на только что захваченном у немцев аэродроме в Саках. Хотя, если вспомнить слухи о том, что в Евпатории высадился не только десант, вышедший из Севастополя, но и ещё какая-то фантастическая механизированная бригада Осназа, напрямую подчинённая Ставке...

Тогда да, прилет представителя Ставки напрямую туда, где действует эта бригада, выглядит вполне правдоподобно. По данным разведки, весь вчерашний день немцы снимали с линии осады там роту, там батальон, и бросали их под Саки, как кочегар бросает в топку уголь – лопата, за лопатой. У полковника были знакомые в разведотделе армии, которые кое-что знали о том, что творится под Евпаторией. Очень много разведчиков ушло в десант, и теперь от них приходили истории одна невероятнее другой.

Трезвый еврейский ум полковника не верил в сказки, а так хотелось! Но Евпаторийский десант был суровой реальностью и реальностью

успешной. Весь вчерашний день, то разгораясь, то затихая под Саками гремела артиллерийская канонада, а за два часа до полуночи чёрное штормовое небо озарило такое багровое зарево, что казалось, будто там горит целая колонна бензовозов. После этого канонада стихла и больше не возобновлялась.

Все ходили в жуткой тревоге, но около двух часов ночи солдатский телеграф разнёс невероятную новость: мехбригада осназа разгромила, буквально раздавила немецкую группировку под Саками и без боя взяла Симферополь. Ещё чуть-чуть, и...

И вот оно это чуть-чуть, этот приказ, на котором чёрным по белому написано: «После нанесения по противнику бомбо-штурмового удара восьмой бригаде морской пехоты Черноморского флота 6 января в 06:30 провести разведку боем немецких позиций. Представитель Ставки ВГК генерал-лейтенант Василевский А. М.»

Полковник вздохнул и, приподняв голову, посмотрел на трофейные часы. Светящиеся в темноте зеленоватым фосфорным огнём стрелки показывали 06:05. Где-то вдалеке загредел гром...

- Товарищ полковник, товарищ полковник, – в землянку заглянул стоящий возле штаба часовой, – идите, посмотрите, там тако-о-е...

От волнение его окутывающий псковской акцент стал ещё заметнее.

«Хороший боец, – подумал полковник, застегивая плащ-палатку, – только молод ещё, весной призван. Ну, ничего, это пройдёт, если выживет. Интересно, что он там такое увидел, что его так взволновало?»

Снаружи землянки, в окопах был слышен топот ног и возбуждённые голоса, но стрельбы не было. «Значит не атака», – успокоился полковник, снимая, тем не менее, с гвоздя свой верный ППД.

Снаружи было темно, резкие порывы ветра горстями бросали в лицо дождевую пыль. Но зрелище, творящееся по ту сторону нейтралки, стоило всех неудобств.

В багровых отблесках разрывов низко над землей скользили узкие хищные тени. Тьма была перечеркнута пушечными трассами и огненными росчерками эрэсов. До советских моряков доносился гулкий гром разрывов и хриплый хохот автоматических пушек. Вся эта вакханалия продолжалась ещё минут пятнадцать или двадцать. Винтокрылые штурмовики неизвестных морякам марок будто поставили перед собой цель – вбить немцев в севастопольскую землю, размолоть их в пыль.

Острые глаза корабельных сигнальщиков разглядели, что в налёте участвовали три разных типа винтокрылых машин. И ещё они видели на них красные звезды... Ну, это пусть останется на их совести, в таком случае

человек всегда выдаёт желаемое за действительное.

Когда последний винтокрыл исчез во тьме, уходя на свой неведомый аэродром, полковник Вильшанский глянул на часы.

– 06:27! Пора! – и, перебросив своё тело через бруствер окопа, встал во весь рост с ППД наизготовку.

– А ну товарищи, пойдём, посмотрим, кто там из гансов живой остался? – и так же в полный рост зашагал к немецким окопам.

Вслед за ним, сначала пригибаясь, а потом и в полный рост, поднялась вся бригада. Все те, кто прошёл горнило жесточайших боёв и выжил. Те, кто научился побеждать врага, несмотря на его техническое и численное превосходство. Уцелей у немцев хоть один пулемёт с пулемётчиком, бригада недосчиталась бы многих и многих. Но уцелевших не было, винтокрылые мстители сделали своё дело на совесть.

Шаг за шагом советские моряки пересекали некогда смертельно-опасную нейтралку. Тут повсюду лежали непохороненные тела товарищей, убитых во время атак первого и второго января, когда бригада не могла двинуться дальше ни на шаг. Тогда даже раненых удавалось вытащить не всех, а убитые так и оставались холмиками на мерзлой земле.

И вот бойцы дошли до того рубежа, дальше которого ещё не был ни живой, ни мёртвый. Метров пятьдесят до немецких окопов. Но самих окопов на месте нет, вместо них какой-то лунный пейзаж... Блиндажи, превращённые в огромные воронки, толстенные брёвна, разбросанные и поломанные как спички. На дне воронок что-то чадно тлеет, а ветер сносит удушливый дым на юго-восток. Всюду исковерканное оружие и мёртвые тела. Некоторые из них изуродованы до неузнаваемости. От такого inferнального зрелища кого-то из бойцов даже вырвало. Другие же рассыпались по уничтоженной позиции: кто-то, пытаясь найти хоть одного выжившего, кто-то в поисках трофеев. Ведь у многих были немецкие автоматы МП-40 и МП-38, и бойцы использовали каждую возможность для того, чтобы разжиться парабеллумовскими патронами.

Полковник задумался. Формально приказ он выполнил, занял немецкую позицию, и убедился, что она уничтожена на всю глубину. В немецком фронте осады, образовалась дыра, а если учесть, что все свои резервы немцы угробили вчера под Саками, то заткнуть эту дыру им будет затруднительно. После некоторых раздумий, полковник отправил один батальон вперёд с приказом захватить и удержать старые, ещё октябрьские позиции на горе Азиз-Оба, а остальными силами начал давить на открытые фланги противника, расширяя прорыв.

Это было совершенно верное решение. Немцы и румыны оказались

полностью деморализованы событиями последних суток. Ведь у них, несмотря на все усилия фельджандармерии, не хуже нашего работал "солдатский телеграф". Они не выдержали давления и начали отступать. Маленькая дырочка превращалась в зияющую брешь, тем более, что немецкая артиллерия, с рассветом открывшая огонь по наступающим морякам, довольно быстро заткнулась и больше не стреляла.

Убедившись, что разведка боем оборачивается прорывом, в 06:50 полковник Вильшанский отправил своё донесение генерал-лейтенанту Василевскому, чей приказ он уже выполнил и перевыполнил. Оставалось только ждать – какое решение примут наверху.

**6 января 1942 года. 09:05. 1-я рота батальона "Балтика".
Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.**

На дорогу, в пустое пространство между боевыми машинами, опускался вертолёт, трудяга войны Ка-29. Он и БШУ наносит, и десант возит, и раненых, и боеприпасы, и даже, как выяснилось, генералов, будущих "маршалов Победы". Подготовившись к приёму спецборта, мы поставили свои БМП "коробочкой", перекрывая все сектора обстрела, и оставляя внутри защищённое пространство. Но всё обошлось, никакие немецкие окруженцы или татарские коллаборационисты не обстреляли идущую на посадку машину, и шасси вертолёта благополучно коснулись земли.

Как и в прошлый раз, генерал-лейтенант был одет в нашу камуфляжную куртку и зимнюю шапку. Вслед за ним спустился немножко нервничающий адъютант, которого, кстати, и в прошлый раз в окопах с Василевским не было. В руках лейтенанта-два кубаря в петлицах, был наш огромный десантный баул, где, как я полагаю, находится полный комплект генеральского обмундирования.

- Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – козырнул я Василевскому. – Разрешите доложить, что вверенная мне рота к маршу и бою готова. Докладывал капитан Рагуленко.

- Орёл! – будущий маршал Победы огляделся вокруг. – Скажи-ка мне, капитан, какой транспорт у тебя есть для представителя Ставки?

- Самый лучший, товарищ генерал, – ответил я. – Командирское место в моей машине.

- А сам-то как? – поинтересовался Василевский, запрыгнув на броню и

заглядывая в люк.

- А я на этом месте и не езжу, всё больше с бойцами на броне, – отвечаю. – Тут и обзор получше, и соображалка работает будь здоров. А для связи с машиной у меня специальный шлемофон с удлинителем.

- Тесновато, у вас здесь, – проворчал Василевский, спустившись вниз. – А адъютанта моего куда?

- Да на этой же машине в десантное отделение, товарищ генерал, – и я махнул рукой вертолётчикам, что бы те поднимались и уходили домой.

- Годится, – Василевский до пояса высунулся в люк. – ну что, поехали?

- Одну минутку, товарищ генерал, – я указал на отрывающийся от земли вертолёт. – Вот теперь можно.

Я прижал ларингофоны к горлу:

– Вперёд!

Машина дернулась и с лязгом покатила по узкой крымской дороге. Впереди был древний Бахчисарай.

6 января 1942 года. 09:42. окраина Бахчисарая. 1-я рота батальона "Балтика". Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.

- Стой! – БМП, дернувшись, замерла как вкопанная.

Перед городом, на ровной площадке у дороги сооружение, так хорошо знакомое по фотографиям и кинофильмам всем нашим современникам. Колючая проволока, вышки, бараки... Короче, лагерь военнопленных. И ярость, затуманивающая голову. Тогда, с эшелонам, в голове был холодный расчёт, а сейчас горячая как кровь ярость.

– Твою мать! Рота, спешиться! Наводчики – огонь по вышкам. Только скорострелки и пулемёты, бойцы. Охрану в плен не брать! В атаку, вперёд!

Скидываю шлемофон, обматывая шнур вокруг основания антенны и, нахлобучив холодную как лёд каску, спрыгиваю с брони. И вовремя! Машины взревели моторами, выбросив в воздух густой соляровый выхлоп. Трассы скорострельных 30-мм пушек скрестились на вышках. Во все стороны полетели дымящиеся обломки. А вы, гады, как думали, для чего нам нужны лазерные прицелы, баллистические вычислители и система стабилизации? То-то же! Только с двух или трёх дальних вышек успели ударить пулемёты. Причём стреляли не по нашим бойцам, а по баракам. Суки! Ну, ничего, наводчики их быстро заткнули. И наступила тишина.

А потом рывок метров в пятьсот, от поворота до дороги. Про товарища Василевского я, честно говоря, даже забыл своей затуманенной злобой башкой. Так хотелось дотянуться руками до горла этих гадов. Потом из длинного низкого барака начали выбегать фигуры в серой униформе, и у наводчиков появилась новая забава – расстреливать их из пушек, пулемётов и АГС метров со ста. То есть, почти в упор.

БМП одна за другой врезаются в заграждение, слышен гитарный звон разрываемой проволоки и хруст сминаемых столбов. Темным зевом распахнута дверь барака охраны, в нём огненной бабочкой бьется пулемёт, МГач. Пули с визгом рикошетят от лобовой брони, заставляя вжимать голову в плечи. Лишь бы Василевский не высунул голову из люка!

Глухо бьёт "сотка" и фугасный снаряд превращает деревянный барак охраны в подобие мартеновской печи. Пламя с гудением взлетает к небесам. Молодец Кандауров, хорошую смерть подарил этой сволочи. И дальше тишина, гробовая... И мёртвые с косами...

Рота рассыпалась по лагерю, но сопротивляться тут больше уже некому. Нет, вру. Сухой щелчок пистолетного выстрела, и две двухпатронные очереди из "ксюхи" в ответ. Теперь уже точно тишина. Останавливаюсь, чтобы вытереть лоб. Солёный привкус крови во рту... Когда это я успел прокусить губу? Не помню. Оглядываюсь уже трезвым взглядом. Все, бля, как в кино... В том самом – про лагеря.

Потом приглядываюсь повнимательнее, и возникает жуткое желание завывать диким зверем. Обнажённые тела в "поленнице" за бараками – женские, и на виселице возле апельплаца тоже. Хочется воскресить всех тех гадов, которых мы так неосмотрительно убили, и казнить их по новой. На этот раз с применением особо негуманных средств. Вроде сожжения на медленном огне и посажения на тупой, толстый и плохо оструганный кол. Бр-р-р. А мои ребята?! Они же теперь немцев в плен брать не будут, отныне и навсегда! Нет, такое прощать нельзя!

Василевский выбирается из командирского люка БМП слегка обалдевший и весьма грозный. Козырнув, с ходу рапортуя:

– Товарищ генерал-лейтенант, во время марша был обнаружен объект, идентифицированный как немецкий лагерь для советских военнопленных. Во избежание попыток охраны уничтожить заключённых принял решение атаковать немедленно, с ходу. Мои опасения оправдались. Несколько не подавленных нами сразу вышек открыли огонь не по нам, а по баракам с пленными. Наши потери подсчитываются, охрана лагеря уничтожена полностью. Докладывал капитан Рагуленко.

Василевский кивает и молча осматривается по сторонам. Из дверей

бараков робко-робко появляются пленные. Невероятно худые, кто в затрёпанных армейских гимнастёрках, кто в штатских ситцевых платьях. В плен они попали ещё в октябре, а сейчас, простите, уже январь. Бр-р-р!

- Вы всё сделали правильно, товарищ капитан! Приняли быстрое и единственно верное решение.

Василевский жестом подозвал своего адъютанта.

– Пиши, с момента принятия присяги СССР – капитану Рагуленко...

- ...Сергею Александровичу, – подсказал я.

...Сергею Александровичу, – повторил Василевский, – присвоить звание майора! Кстати, расстрел немецкого эшелона в Симферополе – это тоже ваша работа?

- Так точно! То есть не моя, а моей роты, мы там тоже все вместе работали, один бы я не справился... – пошутил я.

- Добавь, – бросил Василевский адъютанту, – ...и наградить орденом Боевого Красного Знамени. А теперь, давай пойдём и посмотрим в лицо этим героическим женщинам.

- Слушаюсь, товарищ генерал, – я устало козыряю.

Кстати, дело – полный сюр! Бабоньки, по-моему, ещё не врубилась, что уже свободны, и смотрят на моих камуфлированных бойцов испуганно-непонимающе. Да, такой формы одежды, в какую одеты мои парни, им явно видеть не доводилось. Но постепенно до них начинают доходить: пылающий барак охраны, разбитые пулемётные вышки, порванная проволока и разбросанные повсюду трупы немецких охранников и татарских шуцманов. И мои суровые, brutальные парни с "калашами" наизготовку. Мизансцена – лепота! И чей-то выкрик: «Бабоньки, да ведь это наши! Наши, бабоньки! Фронт вернулся!»

Нас окружили, стремясь прикоснуться, пощупать, удостовериться, что мы не призраки, наваянные голодным бредом, а самые настоящие. Только вот, есть во всем этом ликовании одна проблема: как бы на какого-нибудь рядового Васечкина не запала сердцем его родная бабушка. Шанс есть, хоть и не очень большой.

- Одну минуту, товарищ генерал! – я нахожу взглядом лейтенанта Борисова.

Вокруг него самая густая толпа, того и гляди, разорвут парня. За рукав вытаскиваю его из окружения.

– Значит так, лейтенант, мы сейчас пойдём дальше, согласно приказу, а ты со своими бойцами останешься здесь. Назначаю тебя временным комендантом лагеря освобождённых военнопленных. Я сейчас доложу в бригаду, они пришлют помощь, а ты уж продержись. Обеспечь

безопасность, уход за больными и ранеными. Короче, сам знаешь. Отвечаешь за всё только перед полковником Бережным! Понятно?!

- Так точно, товарищ капитан, понял, но всё же... – взмолился тот.

- Выполнять приказ, товарищ лейтенант! Война не завтра кончится, и немцев на твою долю ещё хватит. – отрезаю. – А сейчас твой отряд способен выполнить поставленную мной задачу, и в то же время ваше отсутствие минимально ослабит наши силы. Ничего личного – только холодный расчёт! Понимаешь?

- Так точно, товарищ капитан, – все ещё с обидой произнёс тот. – Разрешите идти?

- Идите! – я повернулся к Василевскому и козырнул. – Товарищ генерал-лейтенант, разрешите продолжить выполнение боевого задания?

Немного помедлил и добавил:

- А то нас здесь женщины или на куски разорвут, или насмерть зацелуют, что, впрочем, одно и то же.

- Да, капитан, выполняй, – коротко ответил Василевский.

И мы пошли обратно к моей машине.

На полпути генерал неожиданно развернулся лицом ко мне и заговорил вполголоса.

- А ведь мне там, у вас в штабе, капитан Тамбовцев говорил о таком. План "Ост". Зверства фашистов. Я не верил... Точнее верил, но не до конца, думал – преувеличивает. Ан нет, он даже преуменьшал. А ведь это мы виноваты... Не смогли спланировать, отразить...

- Товарищ генерал-лейтенант, вы лично ни в чём не виноваты. Кто же знал, что генерал Павлов – предатель? – меланхолически заметил я.

- Павлов не предатель, товарищ капитан, он просто дурак! – резко возразил мне Василевский.

- Ах, не предатель... Тогда, товарищ генерал-лейтенант, почему немцы, по натуре ужасные педанты, скрупулёзно рассчитывающие каждый свой шаг, смогли всерьёз поверить в смешную цифру в шесть недель, которые им понадобились бы, чтобы пройти от границы до линии Архангельск-Астрахань. А? Только в том случае, когда они уверены, что на одном или двух главных направлениях перед ними рухнет фронт. Это у них получилось в Литве и Белоруссии, так что делайте выводы сами.

И этот же план войны в течение шести недель позволил немцам перед её началом сделать всё, чтобы не насторожить нашу разведку. Сами знаете, что не было отмечено подготовки к зимней кампании в России. Ни тёплых вещей, ни специального топлива и смазки... А уж после разгрома Западного фронта и прорыва немцев через Минск на Смоленск мы заимели то, что

имеем. Понимаете, товарищ генерал?

- Понимаю! – Василевский поднял голову. – А что это за план войны в течении шести недель?

- Будете в нашем штабе, увидите сами. Спросите у полковника Бережного, что такое "План Барбаросса". – я вспрыгнул на броню. – У него есть на эту тему специальная литература, вам как генштабисту это будет весьма интересно.

Василевский молча кивнул, и полез через люк на командирское место.

6 января 1942 года. Утро. Женский лагерь советских военнопленных под Бахчисараем. Военврач 3-го ранга Алёна Лапина

Вот уже больше суток канонада гремит не только с юга, со стороны Севастополя, но и с северо-запада, примерно там, где расположены Евпатория и Саки. По лагерю ходят самые разные слухи, в том числе и такие, что всех нас при подходе Красной Армии немедленно расстреляют. Но большинству женщин-военнопленных было уже всё равно, лишь бы прекратились эти пытки голодом и холодом.

Шум моторов и лязг гусениц – танки. Конечно же немецкие, какие ещё танки могут быть здесь, в тылу. Вчера мимо лагеря весь день шли немецкие войска. Шли от Севастополя на север, туда, где сутки назад загрохотала канонада. Неужели наши высадили десант?

Но надежды на освобождение таяли с каждым часом. А вчера в полночь канонада стихла. И тогда наши женщины в бараках заплакали. Они поняли, что наш десант уничтожен. Сейчас немцы покончив с нашими бойцами, наверное, возвращаются – сытые, возможно, пьяные, довольные собой.

Слышим – танки свернули с дороги в сторону лагеря. Что бы это значило? Неожиданно затарахтели пулемёты, судя по звуку, немецкие МГ. Моя соседка по нарам и подруга, медсестра медсанбата Майка Селиванова, толкнула меня на земляной пол барака, – и откуда только силы взялись, – потом сама упала следом. Вовремя – по тонкой дощатой стене дробью простучала очередь. Пронзительно закричали раненые, сверху посыпался какой-то мусор. Пулемётчик бил сверху, с вышки, и даже те, кто успел подобно мне и Майе упасть на пол, не могли чувствовать себя в безопасности. Стало страшно, вот сейчас меня убьют...

В ответ на стрельбу с вышек раздался залп из множества автоматов и пулемётов. Потом грохнули орудийные выстрелы, от которых вздрогнули тонкие стены барака. На головы опять посыпался мусор. Пушки били почти в упор. Женщины лежали на холодном земляном полу тихо, как мыши под веником. Потом заполошная стрельба стихла. Со звоном лопнула проволока, сминаемая гусеницами танков. Лязг траков и урчание моторов совсем близко. Кто-то пронзительно завопил на русском с татарским акцентом.

– Жить хочу, пощадите, жить... – одиночный выстрел оборвал крик на полуслове. Тишина.

«Мамочка, – думала я, вжимаясь в утоптанную глину пола барака, – неужели наши? Иначе с чего бы это немцам убивать своих холоуев?»

И тут где-то рядом, прямо за стеной раздаётся хрипловатый мужской голос:

– Товарищ капитан, смотрите... – а дальше прошла ни разу не повторяющаяся шестнадцатизэтажная словесная конструкция, в ходе которой боец выразил своё сожаление о том, что охрана лагеря умерла так легко и быстро.

Сердце у меня от волнения прыгнуло к самому горлу, – ... всё-таки – НАШИ! Слова "товарищ капитан" – они как пароль. Откуда здесь наши, почему на танках – это сейчас не так уж важно, главное, что это наши.

Со скрипом распахивается дверь в барак, вместе с неярким светом утра в надышанную полутьму врывается ледяной январский воздух, и голос, правда уже другой, чуть постарше:

– А ну, товарищи женщины, будьте любезны – выходите по одной, не задерживайтесь!

Свет ударил мне в глаза, заставив зажмуриться. Ледяной ветер легко пробил гимнастёрку и истрепанное нижнее белье, обжёг тело. Постепенно глаза привыкли, стали различимы детали. Я увидела дымящиеся руины барака охраны и изломанные трупы людей в мышастых шинелях. Разбитые вышки и свешивающееся с одной из них тело пулемётчика. Запах сгоревшего пороха и тротила, сладковатый соляровый перегар работающих танковых дизелей. Бойцы в одинаковой странной пятнистой униформе, лица разрисованы диагональными чёрными полосами, как у дикарей, даже сразу не поймешь, кто они такие и где их командир. Все вооружены ранее невиданными короткими карабинами с длинными изогнутыми магазинами. Пусть я была всего лишь военврач, но в оружии худо-бедно разбираюсь.

Танки, по зимнему заляпанные полустёршейся известью, мне тоже незнакомы. Но из-под белых пятен проглядывал не проклятый танкгрей, а

привычный советский 4БО. Среди "пятнистых" были и чёрные бушлаты военных моряков. И оружие у них более привычное: СВТ, ППД, немецкие МП-40. Но видно было, что с "пятнистыми" они запросто, обмениваются куревом, пересмеиваются о чём-то о своём. На женщин смотрят с какой-то жалостью и сочувствием.

Я и мои подруги по несчастью, конечно, не верили немецкой пропаганде, будто нас, как изменников Родины, расстреляет НКВД, но всё же... А вдруг?

У одного из танков совещались два морских командира и пятеро "пятнистых". Обрывок фразы, долетевший оттуда вместе с ветром: «Товарищ генерал-лейтенант...», заставил всех дёрнуться. Пожилая санитарка, баба Маша, не иначе, как чудом дотянувшая до освобождения, душа и мать барака, с трудом доковыляла до группы морячков в чёрных бушлатах.

– А кто енто, сынки?

– Осназ РГК, мамаша! – ответил коренастый тоже немолодой старшина, отбросив в сторону сигарку. – Правильные бойцы, немцев душат, как удав кроликов...

И почти тут же раздался голос командира моряков.

– Старшина Ерёменко, нас оставляют для защиты лагеря. Возьми бойцов, пораздевай дохлых фрицев и полицаев. Им уже всё равно, а женщины мёрзнут.

Тем временем "пятнистые", торопливо побросав курево, порысили к танкам. Взревели на повышенных оборотах моторы. Пятясь задним ходом, с запрыгнувшими на броню бойцами, танки стали выбираться из лагеря.

– Оставляют, – вздохнул старшина. – Запомните, хлопцы, мудрую мысль: как сказал товарищ Рагуленко, хоть всех фрицев и не убьёшь, но к этому надо стремиться. Но, увы, сегодня не наш день. Будем няньками при женском поле.

– Хлопцы, – крикнул он своим подчиненным, – слышали, что лейтенант сказал? А ну, бегом марш!

Когда оставшиеся в лагере моряки направились к бараку охраны, старшина повернулся к женщинам.

– Вы, дамочки, главное ничего не бойтесь...

Сзади подошёл лейтенант.

– А ты что тут делаешь, Ерёменко? Я же ясно сказал – возьми бойцов... Да и поищи там в развалинах, что-нибудь съедобное, что-то эти гады ведь жрали. Надо хотя бы раз по-человечески накормить женщин перед эвакуацией.

- Так точно, товарищ лейтенант, – козырнул старшина. – Приказ понятен, разрешите идти?

- Иди, старшина, – лейтенант посмотрел на столпившихся перед ним женщин, и представился: – Пётр Борисов, разведотдел штаба Черноморского флота, лейтенант. Бояться, действительно, не надо. Скоро придут машины и вы поедете в Евпаторию, в госпиталь. Там особист конечно поспрашивает, это само собой, но если совесть чиста, то и вам ничего не грозит...

- Товарищ лейтенант, – я сделала шаг вперёд. – Военврач 3-го ранга Лапина. Нельзя нас сейчас кормить "по-человечески". Хотя и хочется, но нельзя. Нам сейчас есть понемногу надо, и лучше всего жидкое, а иначе так можно и умереть.

- Понятно! – Лейтенант озадаченно сдвинул на затылок шапку со звёздочкой. – Спасибо, товарищ военврач 3-го ранга, просветили.

И тут мы увидели, что это обыкновенный, пусть и опалённый войной, двадцатичетырёхлетний мальчишка с проседью на висках.

Уже позже, когда всех нас накормили горячим жидким бульоном, сваренным из немецких консервов, когда невиданный винтокрылый автожир привёз в лагерь врачей и почему-то кинооператоров, когда нас сажали в огромные тентованные грузовики неизвестной марки, наверное, американские, у меня вдруг шевельнулось предчувствие чего-то непонятного, что ожидало нас впереди. Обычная жизнь кончилась, началась неизвестность.

Тогда же и там же. Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Пётр Борисов.

Лязгая гусеницами, последняя боевая машина пехоты скрылась за поворотом дороги. Вот, до нас уже перестал доноситься надсадный гул дизелей. Наступила тишина. Слышался только свист штормового ветра, да чей-то тихий плач. Мне говорили про зверства фашистов, а я не верил. Думал, что это пропаганда. Не могут же люди быть хуже диких зверей! Ведь даже зверь не убивает бессмысленно. Оказывается, могут... Только вопрос: можно ли называть фашистов людьми?

Штабеля раздетых женских трупов, сложенные за бараками, говорят об обратном. Нелюди они. Там и есть самое настоящее место скорби. Это мы, мужчины, виноваты, что не смогли остановить врага и защитить наших

женщин. Но нечего стонать! Ребята уже раздевают догола трупы охранявших лагерь эсэсовцев и полицаев. Надо составить список оставшихся в живых женщин.

Так, закончил, попросил их вернуться в бараки. Там хоть немного теплее. Девяносто пять человек осталось в живых – негусто. Примерно вдвое больше тел в штабелях за бараками. Ещё пятеро убито при обстреле барачников немецкими пулемётчиками с вышек. И тринадцать человек ранено, из них четверо тяжело. Подзываю к себе бойца с ранцевой рацией.

– Антонов, ко мне!

Эта рация по компактности, конечно, не идёт ни в какое сравнение с обычными для осназа ручными, но зато имеет куда больший радиус действия, позволяя связаться и со штабом бригады в Симферополе и с госпиталем в Евпатории. В придачу ко всему, имеет форму плоского металлического ящика с двумя лямками и весит двенадцать килограмм.

Связываюсь со штабом бригады. Дежурный связист переключает меня на начальника штаба подполковника Ильина. Докладываю обстановку. Всё сухо, точно, строго по делу. В ответ поступает сообщение, что к нам из Симферополя вышла колонна трофейных грузовиков, а с аэродрома Саки уже вылетел транспортный вертолёт с врачами и журналистами. Наша задача оставаться на месте и обеспечивать порядок и безопасность.

Командую своим бойцам, не задействованным в наблюдении за местностью, чтобы они оттащили с плаца тушки эсэсовцев и полицаев. Ворчат, но делают. Ведь транспортный вертолёт вот-вот прилетит. Вот ведь придумали люди, никакого сравнения с У-2. Сесть может хоть прямо на голову, а перевозит четыре тонны груза или два отделения пехоты. Слышен рокот двигателя, его не спутаешь с самолётом. Кажется, вертушка летит к нам! Точно, из-за поворота ущелья выныривает эдакий серо-голубой бегемотик с размазанными кругами винтов над фюзеляжем. Ага, пилоты увидели лагерь и теперь берут курс в нашем направлении.

Тогда же и там же. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

И чего мне только не доводилось делать в жизни! Будённовск и Беслан вроде обошлись без моего участия, в Кизляре был, но уже после бегства

оттуда Радужева. Хотя то, что происходило там, больше всего в нашем времени подходит под определение фашизм. А тут весь Крым – один большой Беслан. Нацизм – это людоедство, поставленное на индустриальную основу.

Не успели мы проводить в Москву Санаева и двух наших связистов, как на связь с Саками вышел полковник Бережной. И конечно же, "обрадовал" меня новостью о моём назначении руководителем комиссии по установлению и расследованию фашистских злодеяний. Товарищ Василевский в разговоре, который состоялся перед самым его отлетом в войска, добавил в название комиссии слова "чрезвычайная государственная" и, как представитель ИВС, выписал мне вызывающий почтение у потомков мандат. С такой бумагой уж тыловых начальников я мог вертеть в любой позе, лишь бы на пользу дела. Хорошо, хоть в Керчь ехать не надо, на Багеровский ров смотреть, – там наверняка уже свои чекисты делом занимаются.

И вот первый вызов в женский лагерь военнопленных под Бахчисараем. Первый, потому что в Евпатории и Саках без нас всё запротоколировали. В лагере есть выжившие, поэтому в чрево вертолёта бойцы из комендантской роты торопливо забрасывают стопки шерстяных одеял. Вылетаем в составе: ваш покорный слуга, съёмочная группа телеканала "Звезда" – журналистка и оператор, доктор Сидельникова из состава госпиталя МЧС. На месте приказано привлечь к сотрудничеству старшего лейтенанта Борисова из местной разведки Черноморского флота.

Подлетаем. Дверь в кабину пилотов открыта, через неё, как на ладони, виден сам лагерь. Наша Ирочка подобралась, как кошка перед прыжком, и я её понимаю. Если бы этот материал можно было бы переправить обратно в 2012 год, он бы позатыкал чьи-то не в меру раскрытые пасти про добрых немцев и ужасных русских чекистах. Помнится, всё некий свидомый из Львива Грыц Нигилюк старался, всё про "доброго пана Хитлера" распинался.

Вертолёт идёт на снижение. Сейчас сядем.

Мы приземлились на плац – немцы его называют "аппелем" – перед бараками, спускаемся на грешную землю. Ого, а старлей-то знакомый, мы с ним той ночью в Евпатории пересеклись. Козыряет:

– Здравия желаю, товарищ... – ну да, мы как всегда, без знаков различия.

- Капитан, товарищ старший лейтенант, – помогаю ему я, – капитан Тамбовцев Александр Васильевич. Товарищ Борисов, доложите обстановку на настоящий момент?

В ответ он мне протягивает тетрадку, в которой карандашом, аккуратным ученическим почерком записаны фамилия, имя, отчество, звание и должность в РРКА, если есть, то и возраст... Почти в половине случаев вместо звания должности стоит сокращение "ЧСКК". Напрягаю свой могучий ум и получаю – "член семьи красного командира". Да и остальное, мягко сказать зашифровано. Например "вв Зр" означает – военврач 3-го ранга, "в.ф-р" – военфельдшер, "м-с" – медсестра, "с-н" – санитарка...

– Пять человек, пока вы летели – двое умерли... Перед самым освобождением немцы обстреляли бараки с вышек из пулемётов... – старлей смотрит куда-то мне за спину и краснеет.

Что же ты краснеешь, седой мальчик, старший лейтенант Петя? Оборачиваюсь. Ага, причина понятна, наша Ирочка тут как тут. Она бы и каблучками поцокала для вящего эффекта, но не ходят в поле на каблуках. Обычные резиновые сапоги, заляпанные грязью. Подходит, стаскивает варежку и, очаровательно улыбнувшись, суёт ему свою узкую ладонь, представляется:

– Ирина Андреева, корреспондент "Красной звезды". Товарищ старший лейтенант, расскажите как всё было?

А мой старый знакомый по кавказским делам, оператор Андрей Романов, возвышаясь за её спиной с видеокамерой вообще вводит бедного юношу в ступор. Есть такой "эффект камеры", который заставляет некоторых людей замирать подобно кролику перед удавом.

- Подожди, Ириша, минутку, – отмахиваюсь я от корреспондентки, одновременно делая Андрею знак прекратить съёмку. – Сейчас мы со старшим лейтенантом разберёмся с делами насущными...

Я поворачиваюсь к старлею, тот потихоньку отходит от гормональной атаки.

– Значит так, товарищ Борисов. Вопрос первый: в вертолёте доктор, у неё носилки, всех тяжело и среднераненых немедленно к машине. Они в первую очередь улетят в госпиталь обратным рейсом... Кроме того, там в машине полторы сотни одеял, надо бы раздать их женщинам, на улице не месяц май.

Лицо у Борисова светлеет, и он кивает уже вполне осмысленно.

– Ерёменко! – откуда-то появляется старшина, и старший лейтенант вполголоса объясняет ему задачу.

А старшина сообразительный попался. В одну сторону к баракам на носилках понесли стопки с одеялами, а в другую – раненных женщин. Одна из них совсем девочка, шестнадцать лет, дочь командира. Куда

ранена, не видно, завернута в одеяло с ног до головы, но лицо бледное – ни кровинки. Минут через тридцать они уже будут в госпитале МЧС, развёрнутом в здании санатория имени Ленина.

Убедившись, что все идёт как надо, поворачиваюсь к старшему лейтенанту Борисову.

– А вот теперь, товарищ старший лейтенант, вы всё спокойно и не торопясь расскажете на камеру и покажете, что здесь и как. Потом мы побеседуем с вашими бойцами и освобождёнными из плена...

- А зачем это, товарищ капитан? – не понял Борисов. – Ведь мы уже охрану, того...

- А затем, что кроме охраны существует ещё и их начальство, которое тоже бы неплохо привлечь к ответственности после попадания в плен. Генерал Манштейн уже у нас в плену, а за остальными это тоже не заржавеет. Так что, товарищ старший лейтенант, начинайте.

Ирочка ещё раз очаровательно улыбнулась, Андрей поднял к плечу камеру, старший лейтенант вздохнул и начал рассказывать.

6 января 1942 года. 12:15. пос. Дуванкой. Позиции 8-й бригады морской пехоты Черноморского флота. Комбриг полковник Владимир Вильшанский.

Этот день, запомнился полковнику Вильшанскому надолго. Сначала в ответ на его донесение поступил грозный приказ контр-адмирала Октябрьского отступить на исходные позиции, грозящий полковнику трибуналом за самовольные действия.

Правда, несколько минут спустя к командиру бригады, совершенно запыхавшись, примчался другой посыльный с приказом генерал-лейтенанта Василевского: сдать участки на флангах соседям и продолжать наступление, имея общей целью соединение с передовыми частями отдельной мехбригады особого назначения в районе Бахчисарая. Подумав, Вильшанский выполнил приказ Василевского.

Сдав соседям свои участки на флангах немецких войск, бригада к девяти часам дня сосредоточилась напротив посёлка Дуванкой, последнего населённого пункта перед Бахчисараем. Задача – атаковать и захватить. Как будто не было изнуряющих двух месяцев боёв. Задача, поставленная наступательно, подняла боевой дух моряков, как будто даже вселила в них дополнительные силы. А ещё надежда на помощь с неба... И она не

заставила себя ждать.

Лишь только советские моряки поднялись для отчаянного рывка в рост на пулемёты, как вдруг в небе снова появились винтокрылые штурмовики. На этот раз всего четыре штуки. Но немцам и этого хватило с избытком. Сверкнув ярко-голубым брюхом с большой красной звездой, винтокрылые пошли в атаку двумя парами на перекрещивающихся курсах. В немецкие пулемётные точки, бьющие по советским морякам с окраины села, снова огненными кометами полетели эрэсы. Увидев красные звезды, полковник Вильшанский слегка усмехнулся и отвесил лёгкий подзатыльник своему начальнику штаба:

– Эх, Петрович, а ты говорил – анг-лича-а-не-е?! Наши это, как есть, наши!

На немецких позициях повторилось то же самое, что было ночью, но в несколько меньшем масштабе и не с такими разрушительными последствиями. Лунного пейзажа не наблюдалось. Но пулемётные точки нежданные помощники подавили первой же атакой. Потом их внимание переключилось на что-то в глубине немецкой обороны, а моряки почти беспрепятственно сумели ворваться на окраину села. Начался штурм, бестолковый уличный бой, зачастую на пистолетной дистанции. Вместе с немцами в посёлке отчаянно оборонялись вояки крымско-татарского отряда самообороны, а попросту – полицаи. К этому моменту винтокрылые успели вернуться и теперь кружили над селом на небольшой высоте.

- Что же они не стреляют?! – скрипя зубами, бросил Вильшанский, посмотрев на небо. – Видят же всё!

- Так, какой там – видят, Львович, – ответил начальник штаба. – Вишь, каша какая, в своих бояться попасть!

- Ах, в своих бояться попасть? Ну так я щас им покажу, где свои, а где чужие!

И, повинувшись какому-то наитию, полковник вытащил из-за пояса ракетницу и выстрелил красной ракетой в дом старосты, превращённый немцами и татарами в хорошо укреплённый опорный пункт.

И, о чудо! Как говорится, "заклинание сработало". Обе пары резко развернулись и буквально снесли указанный дом эрэсами. Тут полковник волей-неволей вспомнил старого еврейского боженьку своего детства. Под немецкими бомбами не вспоминал, а тут вспомнил, ага! Потому что, когда эрэсы начали попадать в цель, всё вокруг заходило ходуном и начало подпрыгивать. От дома во все стороны брызгами полетели куски ракушечника и черепицы с крыши. Когда всё успокоилось и дым с пылью рассеялись, полковник, как и все его бойцы, поднял голову и увидел, что

большого дома с толстыми стенами из ракушечника, дома, который выпил у них столько крови, этого дома больше нет. Просто нет. На его месте громоздятся груды неровно обколотого камня и битой черепицы с торчащими тут и там балками-стропилами.

Ещё минута, и во всем посёлке наступила тишина. Потом то там, то тут из окон домов начали высовываться белые тряпки, простыни, наволочки, привязанные то к стволу винтовки, то на ручку швабры. Немцы сдались, Дуванкой был взят. Не менее роты немецкой пехоты сложило оружие. А винтокрылые мстители с двойным винтом над кабиной продолжали выписывать круги в покрытом рваными облаками небе. Будто говоря немцам, стоящим на коленях, дрожащим от страха и пронизывающего ветра: «Смотрите, одно ваше неверное движение и...»

Полковника переполнило какое-то незнакомое чувство. В нём была и радость от выигранного боя, и осознание того, что дальше всё будет хорошо, и счастье от самого факта, что он дожил до поворотного момента в войне, когда мы будем бить, а немец только отбиваться. Очень волнительное и незнакомое, знаете ли, чувство.

Его бойцы тоже нет-нет, да и поглядывали в небо, а кое-кто из пожилых даже украдкой крестил стремительные тени, проносящиеся на фоне облаков. В половине одиннадцатого рота в пешем порядке выступила из Дуванкоя по направлению к Бахчисараю. До моста через речку Качу надо было идти восемь километров. Бригада одолела их форсированным маршем примерно за час пятнадцать. А что не пройти, если над головой висят ангелы-хранители. Правда, когда вышли из Дуванкоя, первая четвёрка куда-то улетела, но зато ей прибыла смена – два коротких пузатых аппарата с двумя киями.

У станции Сирень им пришлось немного пострелять, но немецкий взвод, не принимая боя, отступил по дороге на восток. Ничего не понимая, моряки почти бегом вышли к брошенному мосту через Качу и увидели... С той стороны, от Симферополя, лязгая гусеницами, двигались танки незнакомой полковнику Вильшанскому конструкции. Он поднял к глазам бинокль. Пыль из-под гусениц порывистый ветер сносил на восток, и в оптику было отлично видно, что танковую броню густо облеплял десант в форме незнакомого полковнику покроя. Винтокрылый эскорт не проявлял к приближающимся танкам никакой враждебности и, несмотря на выпущенную в ту сторону красную ракету, ну просто отказывался атаковать их и обстреливать. Полковник не знал, что и думать. Встречные не были похожи ни на немцев, ни на румын, ни на итальянцев. На советских они тоже похожи были мало... Но вот то, что кружилось сейчас в

небе над головой полковника не было вообще похоже ни на что знакомое, и поэтому он рискнул, приказал:

– Без команды не стрелять!

На той стороне головная машина тоже подошла к мосту и остановилась. Из люка вылез высокий военный, с него сняли какой-то явно тяжёлый жилет, потом пятнистую куртку... Полковник Вильшанский поднял к глазам бинокль. Нет, зрение его не подвело, на той стороне среди пятнистых бойцов с карабинами незнакомой модели в руках, стоял человек, одетый в советскую генеральскую шинель и папаху. Вот он властным жестом отстранил окружающих и быстрым шагом пошёл через мост к морякам. По тому, как он шёл, было видно, что это действительно генерал, а не просто одетый в генеральскую шинель ряженный. Снова повинувшись какому-то наитию, полковник сделал вперёд шаг, другой. Потом встряхнулся и, раздвинув первые ряды своих моряков, зашагал навстречу генералу.

Они встретились примерно на первой трети моста со стороны Севастополя. Генерал сунул руку за отворот шинели и полковник вздрогнул, представляя как сейчас на свет появится маленький офицерский "вальтер"... Но вместо пистолета генерал вытащил свои "корочки" и протянул их Вильшанскому.

– Генерал-лейтенант Василевский, Представитель Ставки ВГК, – это было сказано таким уверенным тоном, что полковник понял: так оно и есть. Перед ним стоит человек, чья власть здесь превышает власть генерал-майора Петрова и контр-адмирала Октябрьского. Представляющий тут Самого...

Полковник раскрыл книжку и похолодел, все точно – настоящая! Вот и мандат Представителя Ставки вложен, коротко подписанный даже не Шапошниковым, а – "И.Ст."

- А это кто? – внезапно охрипнув, полковник кивнул в сторону противоположного берега.

- Осназ Ставки, великий и ужасный, – генерал-лейтенант улыбнулся, и обернувшись махнул рукой. – Вопросов им не задавать, в разговоры не вступать, всё, что связано с этой бригадой, имеет наивысший гриф секретности.

- И это тоже?! – полковник показал на кружащие над головой винтокрылые аппараты.

- И это тоже! – кивнул генерал, будто не замечая, что к ним сзади, лязгая бронёй, подходит бронированное чудовище со странно сдвоенной пушкой. – Но, товарищ полковник, если вы будете держать язык за зубами,

то проживете долго и счастливо.

– А сейчас, – генерал показал на остановившуюся прямо у них за спиной машину, – полезайте на броню, у нас ещё много дел.

Часть 3. Процесс пошёл!

6 января 1942 года, 16:25. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

В кабинете Верховного царил хаос. Бойцы в форме полка Кремлёвской охраны вносили в него ящики, коробки, связки книг. Верховный и сам не утерпел, спустился вниз, постоял, посмотрел, как у подъезда разгружают два ЗИС-5. Среди кремлёвских бойцов в белых полушубках и таких же шапках выделялись двое в чёрных стеганых куртках странного покроя.

Большие металлические ящики, завернутые в прозрачную плёнку, заносили в подвал. Тут же суетился начальник Кремлёвского узла связи. Но погода не способствовала длительному наблюдению – с низкого серого неба сыпался мелкий снежок, да морозец был градусов под двадцать. Вождь махнул рукой, и снова поднялся наверх, в тепло кабинета.

Там уже все закончилось, бойцы ушли, а в приёмной вместе с Поскрёбышевым его ждал майор госбезопасности Санаев. Выглядел майор неважно. Будто не в Крым слетал, пусть и в январе, а на тот свет. И вернулся оттуда. Сталин сделал майору жест проходить и уже на пороге коротко бросил Поскрёбышеву:

– Мэня нэт, ни для кого! Ви поняли товарищ Поскрёбышев?

Тот кивнул, и дверь в кабинет закрылась.

- Паччэму ви нэ выходылы на связ, товарищ Санаев? Гдэ товарищ Васылэвский? Что творытся в Крыму? Атвечайте! – от волнения у Верховного прорезался грузинский акцент.

- Товарищ Сталин, – не дрогнув лицом, майор Санаев вытянулся по стойке "смирно", – информация была настолько сверхсекретной и важной, что мы не рискнули передавать её в эфир по обычным каналам. Сейчас в Крыму творится такое, что всё, там происходящее, должно привлечь к себе самый жгучий интерес со стороны как германских, так и британских спецслужб. Из Крыма до Багдада не дальше, чем до Москвы, так что прослушивать наши радиопередачи они могут прекрасно.

Товарищ Сталин начал понемногу успокаиваться.

– И что же такое сейчас происходит в Крыму?

- Сегодня ночью, товарищ Сталин, была разгромлена немецкая

группировка, выделенная для блокирования и ликвидации Евпаторийского десанта, – майор Санаев тоже немного расслабился. – А часом спустя наши механизированные части уже входили в ничего не подозревающий Симферополь. К утру, когда мы вылетели с аэродрома Саки, немцы уже потеряли все свои тыловые службы, их коммуникации перерезаны, до полного окружения их группировки оставались считанные часы.

- Вы сказали, что в Симферополь вошли наши механизированные части. Так наши или... – Сталин вытащил из пачки одну папиросу и взял со стола трубку. – Выражайтесь яснее, товарищ Санаев.

- Наши, товарищ Сталин, – ответил майор Санаев. – Более "наших" людей, чем потомки, найти трудно.

- Так вы считаете, что им можно безоговорочно доверять? – пальцы Сталина методично трамбовали табак в трубке. – Ви уверены в своих словах, товарищ Санаев?

Майор госбезопасности Санаев кивнул.

- Так точно, товарищ Сталин! В целом как соединению, отдельной механизированной бригаде доверять можно безоговорочно. Доверия заслуживает и её командир – полковник Бережной. Именно им спланирована и осуществлена Евпаторийско-Симферопольская десантная операция.

- Хм, – Сталин чиркнул спичкой. – А контр-адмирал Ларионов?

- С ним я ещё не встречался, товарищ Сталин, шторм помешал нам побывать на флагмане эскадры. По радио мы поговорили один раз, но учитывая действия палубной авиации, которая подчиняется именно командующему эскадрой, думаю, что он тоже заслуживает доверия. Только товарищ Сталин, есть одна просьба полковника Бережного...

- Говорите, товарищ майор госбезопасности, – пыхнул трубкой Верховный.

- Нельзя ли, товарищ Сталин, придать этой бригаде постоянный статус? С приказом о формировании, вручением боевого знамени, словом, всё как положено. Он, товарищ Сталин, просто настаивает на необходимости ритуала вручения боевого знамени, совмещенного с принятием советской присяги личным составом...

- Мы подумаем, товарищ Санаев, – Сталин задумчиво пыхая трубкой прошёлся по кабинету. – Хотя, есть мнение, что просьбу товарища Бережного нужно удовлетворить. Бригада сдала свой экзамен боем и достойна называться 1-й Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригадой РКК. Да, именно так!

Вождь снял трубку.

– Товарищ Поскрёбышев, запишите: "Спецпошиву" в течении суток изготовить боевое знамя 1-й Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады РГК. Да, срочно!

Положив трубку, товарищ Сталин внимательно посмотрел на Санаева.

– Товарищ майор госбезопасности, я же вижу что вы ещё чего-то недоговариваете. Мне что, из вас каждое слово клещами тянуть?

Майор госбезопасности Санаев встряхнулся.

– Извините, товарищ Сталин, устал. Есть ещё два вопроса. Первый касается безопасной в отношении прослушивания и надёжной связи с нашими потомками. Поскольку всё, что с ними связано, имеет наивысший уровень секретности, доставленная мною аппаратура дальней связи из будущего с автоматической приставкой ЗАС...

- Что такое ЗАС, товарищ Санаев? Выражайтесь яснее... – прервал Сталин своего собеседник, хотя особого раздражения в его голосе слышно не было, скорее интерес.

- ЗАС, товарищ Сталин, – ответил майор Санаев, – это аппаратура, автоматически зашифровывающая голосовые переговоры. И это, между прочем, уже третий барьер на пути тех, кто желает подслушать, о чём вы, к примеру, будете разговаривать с генерал-лейтенантом Василевским или контр-адмиралом Ларионовым. И уж поверьте: и в Абвере, и в МИ-6, и в американской военной разведке отдадут всё, чтобы узнать подробности крымских событий.

- Третий барьер – это хорошо, – Сталин положил трубку на стол. – И что такое секретность, особенно в таком деле, это тоже товарищу Сталину объяснять не надо. Так может вы поясните, каковы первые два барьера?

- Во-первых, товарищ Сталин, это неиспользуемый в настоящее время радиодиапазон, слишком высокая частота для современных приёмников. А во-вторых, новый для нашего времени способ модуляции – частотный... Извините, я не связист, но это что-то вроде ВЧ связи, только беспроводной.

- Понятно... – Сталин снова прошёлся по кабинету взад вперёд. – И когда, товарищ Санаев, будет готов к работе этот ваш чудо-аппарат?

- Часа через полтора, товарищ Сталин. Аппаратура должна с мороза немного согреться в тёплом помещении. Тем более, что антенну к станции мы с собой не привезли, и теперь всё необходимое нужно срочно доставить со складов МВО. Если везти "родную" антенну, так нам понадобится бы ещё один такой самолёт. Начальника кремлёвского узла связи я уже, как говорят потомки, озадачил.

- Хорошо, товарищ Санаев, товарищ Сталин полтора часа подождет, он ждал и дольше... – Сталин с тяжёлым чувством посмотрел на майора

госбезопасности Санаева. – А теперь... Какой третий вопрос вы оставили напоследок?

- Самый тяжёлый товарищ Сталин, – майор Санаев опустил глаза. – Тот самый, почему над кораблями наших потомков андреевские флаги, а их документы заверены печатями с двуглавым орлом.

- Ми проиграли эту войну? – резко бросил ему Сталин.

- Мы выиграли эту, может быть самую тяжёлую войну в нашей истории, но проиграли мир, товарищ Верховный Главнокомандующий, – с горечью ответил майор ГБ Санаев. – Но сначала... Лучше я ничего не буду говорить, просто язык не поворачивается. Прочтите всё сами. Позвольте?

Сталин кивнул, и майор ГБ Санаев, разорвав бумажный шпагат на картонной коробке с наклейкой "важное", достал толстую книгу в зеленой обложке. «История СССР. 1995 год», – золотом было оттиснуто на зеленой коже. Передав книгу Сталину, он сказал:

– Там есть закладка.

- Спасибо, товарищ Санаев, – Сталин открыл книгу.

Закладкой служила тысячерублевая купюра Государственного банка Российской Федерации. Сталин ещё раз хмыкнул, поднял глаза на майора, и неожиданно спросил.

– Товарищ Санаев, вы обедали?

- Никак нет, товарищ Сталин, ещё не успел, – вытянулся тот.

Сталин положил книгу на стол и нажал кнопку. В дверях появился секретарь.

– Товарищ Поскрёбышев, распорядитесь, чтобы накормили товарища Санаева и тех двоих, которые прилетели с ним с фронта.

Потом Сталин перевёл взгляд на майора.

– Товарищ майор, жду вас для продолжения разговора через час. То есть, ровно в 18:00...

Кивком отпустив майора, Сталин сел за стол и погрузился в чтение.

6 января 1942 года, 17:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Сталин оторвался от книги в зеленой обложке и скрипнул зубами. Попробовал набить трубку, но папироса раскрошилась в пальцах и табак бесполезно рассыпался по столу.

- Маймуно веришвили, – выругался Сталин и подошёл к окну.

За плотной чёрной шторой ветер нёс все тот же бесконечный снег. Вернувшись к столу, вождь снял трубку телефона, дождался усталого "алло" и сказал:

– Лаврентий, зайды, ты мнэ нужен!

Потом вождь снова начал мерить ногами кабинет. Читать эту проклятую книгу больше не хотелось.

«Хотя, при чем тут книга? Книга не виновата, её авторы изложили историю такой, какой они её знали... – подумал Сталин и остановился. – А не заглянуть ли в эту коробку с надписью "Важное", интересно, что ещё туда положили товарищи потомки?»

Сталин сунул внутрь руку и извлек наружу толстенный и тяжёлый том, размером в четыре обычных книги. На обложке значилось "Геологический атлас СССР" 1988 года издания. С трудом донёс до стола и открыл первую страницу. В книгу был вложен незаклеенный почтовый конверт, подписанный: "тов. Иванову. Лично в Руки. Воздух". Хмыкнув в усы Сталин вытащил два сложенных вдвое листка бумаги, развернул первый и начал читать чёткий машинописный текст.

Одно из писем было от контр-адмирала Ларионова.

В чёткой и ясной форме командующий эскадры пришельцев из будущего рассказывал о предыстории похода к берегам Сирии, подробно описывал момент появления эскадры в 1942 году. В письме был перечислен полный состав эскадры, наличие военной техники, средств материально-технического обеспечения, топлива и боеприпасов. Был также указан радиус действия боевой авиации.

В конце письма была аккуратно выражена надежда, что помощь потомков в этой войне будет совсем не лишней и, несмотря на то, что свой СССР у них бессовестно украли, за этот потомки будут воевать с кем угодно, хоть с Гитлером, хоть с Черчиллем, хоть с Рузвельтом. Письмо было датировано полуднем пятого числа.

Сталин подошёл к карте и провел циркулем радиус в тысячу двести километров, хмыкнул. Можно использовать и против немцев под Москвой, только надо соответствующим образом подобрать цели, чтоб не получилась пальба из пушек по воробьям.

Второе письмо с изложением сил и средств, задействованных в Евпаторийской операции, было от полковника Бережного.

К удовлетворению товарища Сталина, полковник Бережной подтвердил, что командующий 11-й армией вермахта, генерал Манштейн уже больше суток "загорает" в "гостях" у потомков.

Сталин задумался, потом сделал на полях письма пометку – наградить

участников захвата вражеского командарма. Вообще же всё окончательно выяснится лишь после установления надёжной связи с Василевским и Ларионовым, а пока...

Верховный Главнокомандующий, усмехнувшись в усы, убрал оба письма в свой личный сейф, где хранил документы с грифом "особой важности".

Дав себе слово не откладывать кота в долгий ящик, товарищ Сталин вернулся к атласу, нашёл по оглавлению карту полезных ископаемых и перелистнул на разворот 77-78 страниц. Вгляделся. Перехватило дух от обилия значков полезных ископаемых на карте СССР. Оказывается, в наших недрах есть всё, даже алмазы! Выдохнув, Верховный захлопнул том. Этой книге надо будет уделить отдельное время – это по-настоящему царский подарок. Сколько денег и времени смогут сэкономить геологи, – даже страшно подумать! Но пока отложим. Потом подумаем, кому всё это поручить...

Хотя известно кому – Лаврентию, кому же ещё. Но потом, завтра, сегодня у нас с ним другие вопросы. Хотя, почему бы и нет? Коротко обрисовать задачу, пусть от моего имени поставит вопрос перед Вознесенским. В первую очередь обращать внимание на нефть, алмазы и золото. Особенно – на точные данные по месторождениям нефти в Татарстане и на Севере. Нефть нужна фронту, нужна каждый день и чем больше – тем лучше. Особенно если её не надо будет возить из Баку. Да. А вот золото и алмазы, до которых так жадны капиталисты, можно безо всякого ленд-лиза превратить в новейшие машины и оборудование для заводов и фабрик. Настроение у Сталина сразу улучшилось.

«Но всё равно, – подумал он, скакнув мыслью, – проблему с Никиткой надо решать немедленно. Киев мы ему простили, тогда все хороши были, а тут оказывается дело куда как серьёзнее. Дело жизни и смерти всего СССР».

Резким движением Сталин смахнул в пепельницу рассыпанный табак и останки безвинно погибшей папиросы. Уже не спеша, спокойно набил трубку и закурил, размышляя над проблемой.

«Никитка – он ведь тоже не просто так. Большинство его назначило, оно же его, в конце концов, и сняло. Значит, – думал Сталин, – это было неправильное большинство, не наше, не советское. Вопрос Никитки можно решить одним движением пальца, вопрос большинства так не решишь, пальцев не хватит. Спасибо, проходили в тридцать седьмом. Сколько потом Лаврентий за Ежовым разгребал... Так, кажется, до конца и не разгрёб. Тут только кадровая работа, кропотливая, ежедневная и ежечасная».

В дверь постучали, заглянул Поскрёбышев.

– Товарищ Сталин, товарищ Берия.

- Пригласи! – кивнул Сталин.

- Здравствуйте, товарищ Сталин, – блеснули известные всему миру стекла пенсне.

- Здравствуй, Лаврентий, здравствуй, – Сталин дождался, пока Поскрёбышев плотно закроет дверь. – Долго тебя ждать приходится. Что, много дел? Хочешь, ещё добавлю? Помолчи пока, Лаврентий, дело серьёзное, дальше некуда. Просто так я тебя от работы бы отрывать не стал. Помнишь, я попросил у тебя надёжного доверенного человека для одного важного дела?

Берия кивнул.

– Помню, товарищ Сталин, майор госбезопасности Санаев.

- Хорошо, что помнишь, – Сталин прошёлся туда-сюда по кабинету, обвёл рукой царящий вокруг беспорядок. – Ты, наверное, думаешь что товарищ Сталин собрался переезжать... Ты ошибаешься. Это всё привез твой майор ГБ из одного интересного места.

- Насколько мне известно, – Берия протёр платком запотевшие стеклышки пенсне, – вы, товарищ Сталин послали майора Санаева в Крым?

- Тебе правильно доложили, Лаврентий, – произнёс Сталин. – И это всё оттуда, из-под Евпатории.

- Так, подтвердилось? – Берия снова водрузил пенсне на нос.

- Более чем, Лаврентий, более чем. 2012-й год, восемнадцать боевых и вспомогательных кораблей, в том числе один авианосец и две подлодки, причём одна из них новейшая даже по тому времени. Почти пять тысяч человек личного состава, из них почти тысяча отборных головорезов, а остальные высококлассные специалисты, – Сталин обвёл рукой кабинет. – Это всё дар советскому правительству от благодарных потомков или, если хочешь, вступительный взнос в граждане СССР. Это если не считать почти разгромленной одиннадцатой армии. Теперь слушай, что я хочу тебе поручить...

Сталин сунул в руки Берии "Историю СССР".

– Читай внимательно, Лаврентий. Как выразился твой майор, "у меня язык не поворачивается сказать это". Храбрый человек! Другой, узнав такое, застрелился бы... – Сталин уже будто разговаривал сам с собой, не обращая внимания на быстро читающего Берия. – Но только мы с тобой Лаврентий стреляться не будем, а вот насчёт кое-кого, стоит подумать...

- Товарищ Сталин! – Берия поднял голову от книги, по лицу наркома пошли красные пятна. – Лысого клоуна исполнить?

Сталин взял со стола трубку.

– Лаврентий, Никитка тут не главный! Хотя, стоит подумать насчёт несчастного случая, в котором он может погибнуть... Только вот что, пусть это будет действительно Несчастный Случай, "троцкисты" с "немецкими и британскими шпионами" нам сейчас не нужны. Главное то, что мы сами допустили в ЦК и Политбюро столько троцкистской мрази. Присмотрись ко всем, кто в 1953-1956 годах состоял в списках ЦК. Главное, чтобы никто из них не пошёл на повышение. В случае малейших нарушений социалистической законности карай их по всей строгости. Военных привлекать только с моей санкции, особенно Жукова. Победим, он сам тебе повод даст, вполне уголовный, хоть под высшую меру подводи. По партийным бюрократам – вопрос жизни и смерти. Понятно?

- Так точно, товарищ Сталин! – Берия кивнул на книгу. – Разрешите ещё раз перечитать? Надо запомнить особо избранные фамилии...

Сталин посмотрел на часы.

– Скоро ко мне придёт твой майор Санаев со связистами ОТТУДА, делать мне прямую связь с Крымом. Для дела будет лучше, если он не будет знать, что ты в курсе операции... У тебя есть ещё десять минут...

6 января 1942 года, 18:25. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Поскрёбывшесв открыл дверь, и майор госбезопасности Санаев, сделав знак связистам следовать за собой, набрался мужества и шагнул через порог. В каком настроении будет сейчас Верховный? Ведь за последний час ему пришлось узнать много крайне неприятных вещей... Товарищ Сталин сидел за столом и внимательно читал книгу. Другую книгу, как понял майор госбезопасности Санаев. В пепельнице дымилась трубка. На мгновение оторвавшись от чтения, Сталин сделал пометку на лежащем рядом листе писчей бумаги, и поднял голову.

– А, товарищ Санаев, ну заходи, заходи, – судя по всему, настроение товарища Сталина было вполне нормальным.

Санаев показал рукой на двух пришедших вместе с ним молодых людей в тёмно-синих комбинезонах без знаков различия.

– Разрешите вам представить лейтенантов связи Манкина и Овсянкина. Это именно им поручено смонтировать в вашем кабинете спецаппаратуру связи.

- Здравия желаем, товарищ Сталин, – почти хором сказали лейтенанты.
– Разрешите приступить к монтажу?

- Приступайте, товарищи лейтенанты.

Сталин отодвинул в сторону книгу и встал из-за стола. Взяв из пепельницы трубку, он с огорчением увидел, что пока он увлечённо работал, та прогорела и погасла. «Да, бывает», – подумал он, выколачивая пепел.

В это время, один из лейтенантов втащил в кабинет... М-м-м! – Больше всего это напоминало какой-то телефонный аппарат-переросток. Второй нёс ещё один ящик поменьше и небольшой моток провода.

- Товарищ Сталин, куда это можно поставить? – отдуваясь, спросил тот из лейтенантов, что нёс аппарат.

Сталин молча показал на место на столе рядом с аппаратами ВЧ. Майор госбезопасности Санаев помог чуть сдвинуть телефоны в сторону, и аппарат из будущего занял своё место среди собратьев. Сталин наблюдал, как ловко и почти без слов работают связисты из будущего. Спросив, где находится розетка, один из них сунул в неё провода от какого-то приборчика. Посмотрел показания, покачал головой, и коротко бросил своему напарнику.

– Сто пятнадцать.

Тот повернул малый аппарат задней стороной к себе и щёлкнул каким-то рычажком.

– Готово!

Ещё минута, и малый аппарат включен в розетку, а уже к нему, в свою очередь, был подключен телефон-переросток. Ещё один щелчок, и на лицевой панели засветились два зелёных огонька и несколько красных.

– Готово, товарищ Сталин, разрешите проверку связи?

Верховный Главнокомандующий кивнул, и лейтенант нажал кнопку "1" и снял с аппарата трубку.

– Алло, лейтенант Овсянкин, проверка связи...

И после короткой паузы ответил кому-то:

– Да, так точно, товарищ полковник, из Кремля.

А затем, закрыв микрофон трубки ладонью, доложил:

– Есть связь товарищ Сталин!

- Кто на линии, товарищ Овсянкин? – медленно спросил Сталин.

- Полковник Бережной, товарищ Сталин.

- Покажите, как пользоваться вашим чудом техники, – Сталин протянул руку за трубкой. – На что тут надо нажимать?

Лейтенант в двух словах объяснил вождю народов, как нужно

пользоваться аппаратурой ЗАС.

- Алло, товарищ Бережной? – произнёс Сталин и в ответ услышал чётко и ясно, как будто из соседней комнаты:

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

- Здравия желаю, – Сталин придвинул к себе блокнот. – Доложите текущую обстановку в Крыму.

- Обстановка на данный момент такова. Сегодня, примерно в полдень, был деблокирован Севастополь. Остатки 11-й армии, бросив в ходе отступления тяжёлое вооружение, отступили в горную часть Крыма и на Южный берег. Всё материально-техническое обеспечение немецких частей вместе с армейским интендантством захвачено нами в Симферополе. Таким образом, наши войска обеспечены топливом и продовольствием за счёт трофеев, а немцы имеют на руках только носимый НЗ. Салгирский перевал надёжно удерживается нашим заслоном. Кроме того, около трёх часов дня батальон морской пехоты капитан-лейтенанта Бузинова и рота тяжёлых танков вышли на линию Турецкого вала.

- Ваших тяжёлых танков? – переспросил Сталин.

- Так точно, товарищ Сталин, наших, – ответил Бережной.

- Продолжайте, товарищ Бережной, – кивнул Сталин. – Или у вас по этому вопросу всё?

- Никак нет, товарищ Сталин, не всё. В смысле, не всё так приятно, как хотелось бы. Товарищу Василевскому так и не удалось сдвинуть с места Кавказский фронт. Генерал Козлов просто упёрся – и ни в какую. А тут, товарищ Сталин, дорог каждый час, если не каждая минута. Нас же всё-таки не так уж много – мы не армия, и не корпус, а всего лишь бригада. Так что иметь в своём тылу остатки немецких войск для нас непозволительная роскошь.

После совещания с генералом Василевским мы пришли к единому мнению, что нужно как можно скорее ликвидировать окружённые немецкие и румынские части и срочно собирать ударный кулак напротив Перекопа. Гитлеровское командование тоже сложа руки сидеть не будет и попыбует восстановить положение, чтобы деблокировать остатки 11-й армии.

Товарищ Сталин, у нас имеются многочисленные факты зверских преступлений на территории Крыма немецко-румынских оккупантов и их крымско-татарских пособников против мирного населения и советских военнопленных. Нельзя ли в связи с этим для производства следственных действий прислать некоторое количество соответствующих специалистов из НКВД и Прокуратуры? Сейчас специальная группа из сопровождавших

наше соединение военных журналистов и юристов тщательно фиксирует все факты. Юридически безупречные доказательства деятельности европейских "цивилизаторов" были бы крайне полезны как для внутреннего, так сказать, употребления, так и для внешней пропаганды.

- Хорошо, товарищ Бережной, мы подумаем над теми вопросами, которые вы озвучили, особенно над последним, – Сталин чиркнул карандашом в блокноте несколько строк. – Кстати, где сейчас товарищ Василевский?

- Час назад товарищ Василевский выехал обратно из Севастополя, ждём его прибытия в течении ближайшего времени, – ответил Бережной.

Сталин кивнул.

– Хорошо, как только он появится, пусть сразу позвонит. И ещё, где сейчас ваш КП?

- Пока не решилась проблема с Кавказским фронтом и остатками 11-й армии, мы разместили временный КП в Симферополе, товарищ Сталин. Как только местные части надёжно блокируют окружённую группировку, бригада и её штаб немедленно передвинутся на позиции на Перекопе. Пока просто опасно оставлять здесь всё без контроля – немцы могут попробовать вырваться из мышеловки и наломать дров. А на Перекопе напротив, перед нами пока оперативная пустота.

- Раз так, товарищ Бережной, – Сталин потянулся за трубкой, – может быть стоит двинуться дальше? К примеру, на Мелитополь.

- Никак нет, товарищ Сталин, – ответил Бережной. – Сейчас выгоднее укрепить Перекоп и принять немецкий контрудар на заранее подготовленную оборону. Авиацию на южном направлении мы им выбили, и как только стихнет шторм, продолжим эту работу дальше

У нас есть надёжные способы ведения контрбатареиной борьбы – именно так мы вывели из строя немецкую артиллерию под Саками. И кроме того, сейчас по приказу товарища Василевского на территории Крыма собирают все брошенные немецкие орудия. В Симферополе, как я уже говорил, захвачены в числе прочих трофеев и армейские снарядные парки. Сколько будет орудий крупных калибров, я точно сказать не могу, ни никак не меньше двух-трёх сотен стволов. На станциях Симферополь и Джанкой удалось в целости и сохранности захватить немецкие эшелоны с боеприпасами. Расчёты сформируем из наших освобожденных военнопленных и бойцов СОР и Кавказского фронта. И пусть тогда немецкая пехота и танкисты наносят контрудар без авиации и поддержки артиллерии. Так, как это делали бойцы Красной Армии летом сорок первого. А когда они выдохнутся, вот тогда мы и пустим вперёд собранную

в ударный кулак свою бронетехнику. А это...

- Понятно, товарищ Бережной, мы обдумаем этот вопрос, – Сталин сделал паузу. – А скажите, товарищ Бережной, вы принимали присягу СССР?

- Так точно, товарищ Сталин, принимал, ещё в 1982 году, при прохождении срочной службы.

- Тогда, товарищ Бережной, поздравляем вас с подтверждением звания полковник, утверждением в должности командира бригады и награждением орденом Ленина за освобождение Крыма по совокупности. Но последнее мы отложим на недельку, когда станет окончательно ясно, в какую сторону сложилась эта самая совокупность. До свиданья, товарищ полковник.

- До свиданья, товарищ Верховный Главнокомандующий, – с бешено бьющимся сердцем Бережной положил трубку. Ну и что, что ему однажды Путин руку жал... Это же СТАЛИН, если он руку пожмёт, потом её месяц можно не мыть.

А товарищ Сталин, положив трубку на аппарате потомков, взялся за аппарат ВЧ, соединяющий его с Генеральным Штабом.

– Борис Михайлович, здравствуйте. Распорядитесь там, чтобы Козлов срочно передал управление войсками Кавказского фронта генералу Василевскому и немедленно вылетал в Москву. Да, дело срочное. Спасибо, я надеюсь, что вы сделаете всё, как положено...

**6 января 1942 года, 21:05, Симферополь, аэродром Сарабуз.
КП Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады
ОСНАЗ РКК.**

Генерал-лейтенант Василевский вошёл в штабной кунг, на ходу расстегивая промокшую шинель. Шторм плавно перерастал в проливной дождь. Как и предсказывал хронопрогноз погоды, началась распутица.

- Ну, как дела, товарищи? – Василевский сунул в руки адъютанту сначала мокрую насквозь папаху, потом и шинель. – Погода мерзкая, ветер и льёт как из ведра!

- Дела как в сказке, – буркнул полковник Бережной, оторвавшись от монитора, – чем дальше, тем страшнее. Вертушки всем кагалом второй раз румынские позиции под Карагозом проштурмовали. Хорошо отработали, на совесть. А этот козёл, простите генерал Козлов, будто клятву дал – ни шагу вперёд! Кажется, нам удалось нащупать штаб румынского генерала

Аврамеску, именно его части "держат" наш Крымский фронт. Как стемнело, я выслал туда группу своих орлов, пусть пощупают генерала за волосатый сосок. Если не получится взять живым, ребята обещали привезти голову в пакете. Да кстати, – Бережной встал, – недавно установлена постоянная прямая радиотелефонная спецсвязь с Москвой. Звонил товарищ Сталин просил вас перезвонить, сразу как приедете.

- Отлично, товарищ полковник! Давно?

- Да уж больше двух часов назад, – полковник Бережной заглянул в свой блокнот. – Примерно в полседьмого. Вон, товарищ Василевский, в углу стоит аппарат, прямая линия на Москву: Кремль, товарищ Иванов.

Немного помедлив, генерал лейтенант Василевский подошёл к аппарату. Снял трубку и дождался, пока длинные гудки не сменились знакомым голосом.

– Алло, слушаю.

Слышно было до невозможности хорошо.

- Здравия желаю, товарищ Сталин, генерал-лейтенант Василевский на проводе.

- Как там у вас дела, товарищ Василевский? – было слышно как Сталин хмыкнул. – А то мне тут доложили, что товарищ Козлов игнорирует представителя Ставки...

- Так точно товарищ Сталин, игнорирует, – Василевский тряхнул головой. – В настоящий момент в центральной части Крыма нами достигнут полный успех. Разгромлена немецко-румынская группировка под Саками, нами взяты Симферополь, Джанкой, Бахчисарай. Деблокирован Севастополь. На данный момент мы имеем несколько групп немецких окруженцев. И самая сильная и боеспособная из них, это как раз та, что противостоит Кавказскому фронту. Остальные части 11-й армии подверглись сильным ударам, утратили тяжёлое вооружение и крайне деморализованы. А эти пока ещё не ощутили на себе удар товарищей потомков. Правда, пока я был в Севастополе они нанесли... – Бережной показал два пальца, – два бомбоштурмовых удара по немецко-румынским позициям под Карагозом. Я был там, где в своё время был нанесён аналогичный удар под Севастополем. По идее под Карагозом живого места не должно остаться, но войска Кавказского фронта по-прежнему ни с места.

- Товарищ Василевский, вам не нужно ни в чём убеждать меня. Товарищ Сталин и сам понимает, что в Крыму замечательно проведена одна из тех операций, когда, как говорится, готовить, только портить. Мне уже известно, какую роль сыграли товарищами потомки в деле

освобождения Крыма. Товарищ Сталин понимает, что товарищ Козлов, неверно оценив обстановку, ставит столь многообещающую операцию под угрозу срыва.

Там, в своём Кремлёвском кабинете, Сталин сделал паузу чтоб затянуться трубкой.

– Мы приняли решение отозвать товарища Козлова в Москву в распоряжение Ставки. Ви, товарищ Василевский, должны временно принять управление Кавказским фронтом на себя и довести эту операцию до конца. Немедленно вылетайте в Феодосию и принимайте дела. Но не забываете и про всё остальное. Угроза со стороны остатков 11-й армии должна быть ликвидирована в течении двух суток. Пользуйтесь своими полномочиями по полной программе. А они у вас немаленькие. Вам всё понятно, товарищ Василевский?

- Так точно, товарищ Сталин, всё!

Василевский перевёл дух

– Товарищ Сталин, у меня есть несколько просьб...

- Говорите, товарищ Василевский...

- Товарищ Сталин, как насчёт приведения потомков к присяге и официального приказа о формировании бригады и вручения боевого знамени? Бойцы и так дерутся неплохо, но признание их статуса должно устранить почву для недомолвок. А то в наших частях опять пошли слухи, будто в Крыму высадились белогвардейцы. И что самое плохое, распространяют слухи некоторые тыловые политработники Черноморского флота и Приморской армии. Так и до беды недалеко...

- Спасибо за предупреждение, товарищ Василевский. Я попрошу товарища Берия внимательно разобраться с этими отдельными товарищами – действительно они нам товарищи или это только кажется. С приказом на формирование спешить не будем, подождём до завершения активной фазы операции, тогда и приведём наших потомков к присяге, а заодно возьмём подписку о неразглашении по уровню ОВ. Ведь каждый из них секретоноситель самого высшего уровня. Боевое знамя срочно изготовят, завтра в Крым возвращается майор госбезопасности Санаев, он и привезёт. Что ещё?

- Товарищ Сталин, я плохо разбираюсь в военно-морских делах. Нельзя ли сюда хоть на несколько дней прислать товарища Кузнецова? Всё равно все флоты, кроме, пожалуй, Черноморского, фактически бездействуют. Ну, разве что воюет Северный флот, но товарищи потомки говорят, что товарищ Головкин там хорошо справлялся всю войну. А вот товарищ Октябрьский мне здесь в связи с новыми обстоятельствами очень

не нравится. Ну и, товарищ Сталин, не вечно же я буду в Крыму... Нельзя ли генерала Козлова заменить на генерала Рокоссовского? Думаю, он вполне созрел для должности комфронта...

- Кузнецов и Рокоссовский... – Сталин помолчал. – Не слишком ли много просите, товарищ Василевский? Хотя...

Снова последовала пауза.

– Мы полагаем, что к вашему пожеланию надо прислушаться. Я совсем недавно разговаривал с товарищем Ларионовым. Он тоже просил прислать товарища Кузнецова. Только, пожалуй, надо добавить к двум названным вами фамилиям третью... Пусть им будет товарищ Берия. Ненадолго, дня на три или на недельку. Ведь наши новые друзья – это самый большой секрет СССР. И именно товарищу Берия этот секрет охранять. Вы согласны со мной?

- Так точно, товарищ Сталин, согласен. – генерал-лейтенант Василевский вытер платком мокрый лоб.

- Ну вот и хорошо, товарищ Василевский, выполняйте, – и Сталин повесил трубку.

Генерал-лейтенант опустился на жёсткую скамью рядом с аппаратом. Ноги не держали. Кажется, ему удалось добиться всего, чего только возможно, но было ощущение, что что-то идёт не так. И дело даже не в визите Берии, а в чём-то ещё. Хотя это может быть всего лишь глупая мнительность, и надо начинать действовать.

- Вячеслав Николаевич, – обратился он к Бережному, – мне срочно нужно вылететь в Феодосию.

**7 января 1942 года, 07:00. Москва, Кремль, кабинет
Верховного Главнокомандующего.**

Раннее утро, за окнами ещё темно. Сталин читал. Читал всю ночь. Круг света от настольной лампы с зелёным абажуром падал на книгу, а по углам кабинета таилась полутьма. За пределом круга света, лежал с закрытой крышкой аппарат потомков, именуемый ноутбук. Его очередь ещё придёт, храня на нём информация безбрежнее любого океана. Просмотрев только оглавление библиотеки, Сталин пришёл в лёгкую оторопь от обилия книг. А ведь были ещё и фильмы.

После пары часов работы на этом аппарате начали болеть глаза. Лейтенант Овсянкин, обучавший вождя работать на американском приборе

китайской выделки, предупреждал, что поначалу так оно и будет, пока глаза не привыкнут к новому способу чтения.

Последовав совету, Сталин закрыл крышку и отодвинул ноутбук в сторону. Выпил крепкого чая с лимоном, немного походил в раздумьях по кабинету и взялся за книги, благо они тоже несли очень важную информацию. Чувство осознания того, как много этой информации надо вобрать в себя и переработать в наикратчайшие сроки, было сродни самому настоящему ощущению физического голода. Поэтому Вождь дал себе слово, что ближайшее время посвятит насущному. Году 1942, который довольно-таки неплохо начался, но кто его знает, как пойдёт дальше.

По мере чтения хроники Великой Отечественной войны, волосы у Верховного буквально зашевелились. Он ощутил себя человеком, который шёл в тумане по горной тропе, и вдруг налётевший порыв ветра разогнал туман и путник увидел в двух шагах от себя бездонную пропасть.

Ещё поздним вечером, сразу после разговора с адмиралом Ларионовым, вождь вызвал к себе кремлёвского врача и потребовал для себя таблетку американского препарата фенамина. Врач попытался было возражать, ссылаясь на то, что это лекарство небезопасно, а сам товарищ Сталин совсем не молод... но Верховный посмотрел на него таким взглядом, что тот замолчал, потом убежал и через несколько минут принёс требуемое.

После таблетки спать расхотелось совершенно. Он положил перед собой раскрытый том, два листа бумаги и два остро отточенных карандаша – синий и красный. Верховный методично, не пропуская ни одного дня, пополз по хронике, выписывая в "красный список" виновников катастроф, а в "синий" – авторов побед. Если фамилия в этом списке уже была, то товарищ Сталин ставил рядом жирный плюс. Красный список выходил довольно солидным, как и перечень тех несчастий, которые ждали СССР в течении ближайшего года.

Сталин прикрыл глаза, размышляя. Набил трубку, закурил, прошёлся по кабинету. Покосился на аппарат связи с потомками. Молчит. Потом на раскрытую книгу с картой боевых действий на 1942 год. В той истории немцы рвались на юг к бакинской и грозненской нефти. Как будет в этот раз ещё неизвестно, но пускать их дальше совершенно не хочется. Как и терять пару миллионов штыков в очередных котлах. Немцев нужно упредить и сорвать их планы. Шиш им, а не Сталинград и Баку.

Эх, не зря генерал-лейтенант Василевский попросил назначить на Кавказский фронт Рокоссовского. Его фамилия в синем списке с четырьмя жирными плюсами. Верховный Главнокомандующий подошёл к большой

карте, висящей на стене, и застыл перед ней в раздумье. А что если вот так... Использовать Первую Отдельную Тяжёлую Механизированную бригаду ОСНАЗ РКК как таран.

Верховный чиркнул карандашом от Перекопа до Изюма... Под прикрытием авиации потомков. И потом обратно! Вместе с 57-й, 9-й, и 37-й армиями. Изюм-Лозовскую операцию как таковую отменить. Но подготовку к наступлению на этом участке фронта не прекращать... Эти силы и понадобятся для новой операции по окружению и уничтожению 1-й танковой группы генерала Клейста. Сложность в том, что особой мехбригаде надо будет проделать пятисоткилометровый путь дважды. Один раз как рейдирующему соединению, а второй раз, после дозаправки, как лидеру Юго-Западного фронта. Или обратно их возвращать не стоит? Посмотрим, может пополним техникой и используем на другом участке фронта.

Командующий Южным направлением, товарищ Тимошенко... Сталин опять задумался. Стоит ли одному из виновников Харьковского разгрома летом 1942 года, доверять проведение столь ответственной операции? Этот вопрос можно решить и позже, но решить его обязательно надо. Риск в таком деле недопустим. Вон он, красный список, буквально вопиёт о том, что Красная армия в основном перестала терпеть неудачи, когда эти товарищи были удалены с фронта.

Верховный сделал запись в свой блокнот: в течении недели подыскать для Южного направления и Юго-западного фронта нового командующего.

Сделал и задумался: а кого? Снимать туда Конева? Так Калининский фронт втянут в отчаянные бои под Москвой, и Конев нужен там... Разве что прямо перед операцией, когда Рокоссовский полностью войдёт в курс дела в Крыму, перебросить туда Василевского... Вот это мысль! Василевский справится!

По завершению операции у нас будет на один фронт меньше. А Тимошенко отправить в Ташкент, ТуркВО командовать.

Верховный вытащил из сейфа листок со списком подразделений, из которых состояла мехбригада. И сел за стол... Ещё раз вчитался – и взялся рукой за голову. Меймуно веришвили! Ну почему мы перед войной не проектировали эти самые бронетранспортёры, не говоря уже о боевых машинах пехоты, как у потомков? А самоходные орудия? Сколько было жалоб на то, что артиллерия отстаёт?! А самоходная не отстанет! Так, что там у нас было такое? Наши разработанные в ходе войны 76-мм на базе Т-60, 122мм на базе Т-34 и 152мм на базе КВ... Пока только для механизированных частей. Что у них с личным составом? Батальон

капитан-лейтенанта Бузинова товарищ Василевский своей властью в бригаду влил. Хорошо. Но вот потомки, чтобы этот батальон их не связывал, посадили его на броню танков и в грузовики, которые должны были перевозить боеприпасы. А вот это плохо, грузовики эти там не просто так. И если добавить туда ещё хоть одно подразделение, то и грузовики кончатся, совсем. А пехоты в составе бригады очень мало, чего не скажешь про технику, кстати, крайне зубастую. На будущее надо будет дать поручение на базе танка Т-70 разработать лёгкий гусеничный транспортёр открытого типа... Вооружение? Пулемёта ДШК на зенитной турели пока хватит. И пехоту, если что, поддержать сможет, и от налёта авиации прикроет, и дополнительного усложнения техники не потребует. А если с чем ДШК не справится, значит это задача для танков и артиллерии.

Но это на будущее, чтобы через полгода-год мы смогли сформировать другие аналогичные мехбригады. Потомки показали, что тактика блицкрига отнюдь не монополия немцев. Надо только иметь соответствующую технику, обученных и подготовленных бойцов. Там где пеший красноармеец будет брести сутки, мотострелок домчит до цели за два часа. Пока ещё у СССР нет возможности сделать механизированной всю армию, но вот несколько подобных бригад для выполнения особо важных задач нам уже по силам. Сталин прошёлся взад-вперёд по кабинету, посасывая трубку. Потом снял трубку телефона:

– Борис Михайлович, как там Рокоссовский? ... Что, сдал армию своему заму и едет в Москву? ... Хорошо, как только приедет, сразу же ко мне. Дело особой важности. ... Да, по вновь открывшимся обстоятельствам есть мнение назначить товарища Рокоссовского командующим Крымским оборонительным районом вместо генералов Козлова и Петрова. Да, Борис Михайлович, выяснилось, что товарищ Козлов не оправдывает нашего высокого доверия. Как кстати, есть о нём какие-нибудь известия? Никаких... А подтверждение о получении приказа имеется? ... Хорошо, когда товарищ Козлов объявится, будем разговаривать с ним по-другому...

Не успел Верховный повесить трубку, как неожиданно запиликал аппарат потомков. Недоумевая о причинах внезапного звонка глубокой ночью, товарищ Сталин поднял трубку.

– Слюшаю!

- Здравия желаю, – заговорила трубка, – товарищ Сталин, докладывает генерал-лейтенант Василевский. Товарищ Козлов не хочет сдавать фронт, он требует Вашего личного письменного распоряжения.

В голову Верховного ударила горячая волна раздражения.

– Дай его сюда, он там у тэбя рядом?

- Так точно, товарищ Сталин, рядом, – ответил Василевский.

Сталин начал медленно и размеренно говорить в трубку:

– Служай, Козлов! Ви что, решили в генерала Стесселя поиграть? Так ведь и ви не Стессель, и я вам ни Николашка. Нэ помилую! Нэмэдленно сдавайте фронт и вылетайте в Москву за новым назначением, а иначе... Иначе поедите, нэсколько дальше и в сторону Севера. Тэбэ понятно?!

Неожиданно в трубке сухо щёлкнул выстрел, потом послышалась короткая возня и упало что-то тяжёлое.

- Что там у вас, товарищ Василевский? – недовольно спросил Сталин.

- Да, товарищ Сталин, тут у генерала Козлова начальник охраны чересчур нервный оказался, за пистолет схватился, – ответил Василевский. – Бойцы товарища Бережного его и скрутили. Нет, товарищ Сталин, никто не пострадал.

- Хорошо, что не пострадал, – Сталин сделал паузу. – Генерала Козлова арестовать за невыполнение распоряжений Ставки. Возьмите его с собой в Симферополь и оттуда отправьте в Москву первым же самолётом. Всё! И, товарищ Василевский, Ви где сейчас находитесь?

- В Феодосии, товарищ Сталин. – ответил Василевский.

- А как вы говорите со мной – по линии бригады? – Сталин успокоился, и кавказский акцент из его речи почти полностью исчез.

- Товарищ Сталин, я говорю по мобильной рации через коммутатор узла связи бригады.

- Понятно, товарищ Василевский, желаю вам успеха. До свиданья.

И Сталин положил трубку. В дверь заглянул Поскрёбышев:

– К вам товарищ Берия.

В это время часы пробили семь утра – вот-вот должны были подойти Кузнецов и Рокоссовский...

- Зови, – сказал Сталин.

- Здравия желаю, товарищ Сталин, – Берия снял пенсне и глянул на вождя покрасневшими от бессонницы глазами. – Что-нибудь случилось?

- Доброе утро, Лаврентий, – товарищ Сталин махнул рукой в сторону стола, показывая то ли на стопки книг, то ли на аппарат для связи с потомками. – Как всегда появились вопросы в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Есть мнение, что тебе, товарищ Берия, необходимо съездить в Крым, посмотреть на месте, что там и как. Основной твоей задачей будет, во-первых, оценить морально-идейное состояние наших потомков. Василевский Василевским, он военный, и этим всё сказано... Но тут надо будет копнуть чуть глубже. Вот только на

верность коммунистической идее налегать не стоит, товарищ Хрущёв и его последователи сумели так эту идею опоганить в глазах потомков, что теперь нам долго придётся отмывать её от этой грязи.

Надо подумать о выделении в бригаду хороших политработников. Можно, к примеру, направить туда "Дорогого Леонида Ильича". А мы посмотрим, что с ним сделают благодарные потомки: прибьют на месте или расцелуют в губы. Не смотри на меня так. Да, да – того самого, Леонида Ильича Брежнева. И вообще, кто сказал, что у товарища Сталина нет юмора?

Во-вторых, необходимо определить потребности потомков в материально-техническом снабжении. Понять, что мы сможем им дать непосредственно со складов, а что придётся производить специально, при том, что это производство нам по силам. И наконец, что из необходимого им мы произвести не сможем, и когда и насколько от этого снизится их боеспособность. В-третьих, именно тебе... м-м-м "лучший менеджер всех времён и народов", предстоит возглавить работу по воспроизводству технологий потомков в наших условиях. И не смотри на меня так... "Там" ты потянул ракетный и атомный проекты. Причём тогда, когда никто не мог подсказать тебе, что и как. Лаврентий, я считаю, что в этих условиях, ты способен на большее. Ты же у нас инженер, почти. И не мотай головой как конь, всё равно мне больше не на кого возложить этот груз. А делать это дело всё равно надо.

- Так точно, товарищ Сталин! – Лаврентий Павлович нацепил на нос пенсне и поднял голову. – Я готов выполнить любое задание партии и правительства.

- Ну, вот и молодец, – Сталин прошёлся по кабинету. – Вместе с тобой поедут Рокоссовский и Кузнецов. Но у них свои задачи. Рокоссовский примет командование Крымским оборонительным районом, а Кузнецов будет разбираться, как мы наилучшим путём можем использовать флотскую группировку потомков. Пока в деле только их авианосец, который служит плавучим аэродромом. Впрочем, оставим флот морякам. Но ты, Лаврентий, одним глазом всё равно присматривай за всеми...

В дверь тихонько вошёл Поскрёбышев:

– Товарищ Сталин, там...

- Кузнецов или Рокоссовский? – быстро спросил Сталин.

- Оба, – ответил Поскрёбышев.

- Зови, – сказал вождь, делая Берии знак пока помолчать.

Военачальники вошли и замерли у порога. Что они могли подумать, увидев рядом со Сталиным Берию? Но ни у того, ни у другого на лице не

дрогнул ни один мускул, нервы у них и в самом деле были железные. Сталин дождался, пока оба отдадут ему честь и отрапортуют, потом кивнул. Сделав шаг назад, так, чтобы Берия, Кузнецов и Рокоссовский оказались вместе, Сталин негромко сказал:

– Товарищи, есть мнение возложить на вас миссию особой важности...

По выражению лиц и Кузнецова и Рокоссовского было видно, что они отчаянно пытаются сообразить, какая именно задача может соединить столь разных людей. Николай Герасимович Кузнецов, тридцатисемилетний адмирал и Нарком Военно-Морского флота, один из самых успешных русских и советских адмиралов после Макарова и фон Эссена. Константин Константинович Рокоссовский, сорокапятилетний генерал-лейтенант, талантами ничем не уступавший знаменитому Жукову, и в то же время лишенный его хамства и мародёрских замашек. Ну и Лаврентий Павлович Берия, сорокатрёхлетний партийный и советский деятель, Народный Комиссар Внутренних Дел, куратор множества секретных проектов. Ничего общего.

– Но, товарищ Кузнецов и товарищ Рокоссовский, порученная вам миссия связана с делом Особой Важности. В случае нарушения режима секретности... Словом, вы понимаете, какую ответственность вы на себя берёте... У вас, товарищи, есть последний шанс отказаться.

Кузнецов мотнул головой:

– Товарищ Сталин, лично я никогда не отказывался ни от выполнения приказов командиров, ни от поручений партии.

Рокоссовский кивнул, соглашаясь.

– Товарищ Сталин, сейчас идёт война, и любое ваше поручение я воспринимаю как боевой приказ. А его нужно исполнять любой ценой.

Сталин взял со стола два уже заполненных Поскрёбышевым бланка расписок.

– Товарищи, вот подпишите это, и приступим.

Он внимательно посмотрел на Кузнецова. Да так, что тому стало не по себе.

– А вам, товарищ Кузнецов, категорически запрещается без моего личного разрешения передавать нашим западным союзникам любую информацию. Ещё раз повторяю, любую... А то может произойти... нэстчастье. Ладно, надеюсь, что в этот раз... Подписали? Ну и отлично!

Верховный взял со стола большой пакет из плотной бумаги и протянул его Кузнецову.

– Посмотрите, товарищ нарком, может быть, это вас заинтересует?

В пакете были фотографии. Чёткие, яркие, цветные. Корабли

незнакомых футуристических очертаний под старорежимными андреевскими флагами. И среди них огромный авианосец, на широкой корме которого надпись большими бронзовыми буквами – "Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов". И всегда невозмутимый и сдержанный адмирал, пожалуй, впервые в жизни был близок к обмороку. Ноги у него подкосились, и он без разрешения Верховного присел на краешек стула. Сталин понимающе усмехнулся, и чубуком трубки разгладил свои прокуренные усы...

Пока адмирал, с трудом вышедший из ступора, дрожащими руками перебирал фотографии, генерал-лейтенанту Рокоссовскому был вручён другой пакет. Хищные бронированные машины с острым носом и сдвоенной пушкой в маленькой конической башне, а под ними подпись: "БМП-3Ф". Большие приземистые танки, опирающиеся на могучие гусеницы, из широких плоских башен торчат длинноствольные пушки почти корабельных калибров. Подпись под фотографией "танк Т-72". Нечто на танковом шасси, увенчанное коробчатой конструкцией, напоминающей пчелиные соты. Подпись "ТОС-1А Солнцепёк" Большой грузовик с массивными колесами, с пакетом труб вместо кузова, отдалённо напоминающий систему залпового огня БМ-13, и подпись "РСЗО Смерч". Бойцы в окопах в незнакомой форме грязно оливкового цвета, странно бочкообразные в груди и с ног до головы увешанные оружием. У нескольких в распахнутом вороте тужурок видны полосатые тельняшки. Ни одной знакомой модели оружия: ни карабины с длинными изогнутыми магазинами, ни пулемёты нельзя привязать ни к одной стране мира. Правда, среди них, как свои среди своих, привольно расположилось несколько краснофлотцев с самозарядными винтовками Токарева в руках. Подпись под фото "Позиции батальона морской пехоты "Балтика" под Саками 05.01.42". Ещё одно фото. На нём немецкий генерал в кителе, фуражке и – о конфуз! – в кальсонах, окружённый бойцами в чёрных комбинезонах, странных круглых шлемах с забралами. И подпись – "Генерал Манштейн в гостях у Спецназа ГРУ"...

Товарищ Сталин прервал затянувшуюся паузу.

– Товарищи, должен вас заверить, что всё это не шутка и не фотомонтаж. Это есть! И именно вам с этим теперь предстоит работать. Именно эта сила, внезапно появившаяся в нашем мире из 2012 года вечером 4 января, разнесла в пух и прах 11-ю германскую армию и практически уже освободила Крым. Вы, товарищ Рокоссовский, назначаетесь командующим Крымским оборонительным районом, который будет включать в себя все наши части дислоцированные в Крыму. Но

главной вашей ударной силой должна стать Отдельная Тяжёлая Механизированная Бригада ОСНАЗА РКК.

Но в вашу задачу будет входить не только окончательная очистка Крыма от немецких оккупантов. Используя свои таланты и мощь наших потомков, вы, товарищ Рокоссовский, должны провести операцию стратегического значения по разгрому и окружению южного фланга группы армий Юг. Все материалы по планируемой операции находятся в этом пакете, – Верховный передал Рокоссовскому ещё один пакет. – Здесь пока только общие цели и задачи, детальный план операции вам необходимо разработать в недельный срок. Для разработки операции приказываю привлечь товарища Василевского и командира ОТМБ-1 полковника Бережного. У полковника, может быть, и нет вашего военного таланта, товарищ Рокоссовский, но зато у него много знаний, которых у вас нет. Соедините свой талант и его знания – и дайте нам большую победу.

Теперь вы, товарищ Кузнецов... Ваша задача: прибыв на эскадру из будущего, выяснить боевые возможности как каждой отдельной боевой единицы, так и эскадры в целом. Как Нарком военно-морского флота СССР, вы должны разработать максимально эффективные способы применения этой силы в войне с фашистской Германией. В общем, примите эти корабли под своё руководство.

Контр-адмирал Ларионов, командующий этой эскадрой, очень хорошо о вас отзывался. Да и их флагманский корабль носит ваше имя. Не опозорьте такого доверия и уважения к себе.

На этом всё. Товарищ Берия свои инструкции от меня уже получил. Если что, и штаб особой мехбригады, и флагман эскадры имеют со мной прямую связь. Поскольку дело масштаба ОВ, то, – Сталин провел рукой по аппарату связи, – при любой проблеме выходите на связь немедленно. А теперь всё, товарищи, самолёт ждёт!

7 января 1942 года, 15:15. Примерно на полпути между Констанцей и Севастополем:

Мерно гудят моторы бомбардировщиков. Целых три девятки грозных He-111Н первой группы 100-й бомбардировочной эскадры мерно месят винтами воздух в заоблачной восьмikiлометровой выси. Перед ними поставлена задача – утопить переживающую шторм на траверзе Евпатории большевистскую эскадру. В составе которой – вы только подумайте! – даже авианосец. Ведет асов люфтваффе к цели командир группы майор Гельмут

Кюстер. Над головами пилотов, стрелков и штурманов вечно голубое на такой высоте небо. Слепящее полуденное солнце, сейчас, в январе, стоит довольно низко над горизонтом по правому борту. С той стороны немецкие стрелки не ждут никакой угрозы, ведь там, в двух сотнях километрах турецкий берег. Внизу бушует шторм и большевистский авианосец сейчас беспомощен. Налёт будет, как всегда внезапным и уничтожающим. Позавчера в полдень группа, совершавшая перелёт по маршруту Мэркиш-Фридлан-Саки приземлилась на аэродроме под Констанцей, потому что конечный пункт назначения оказался захваченным большевистским десантом. Вчера весь день погода была нелётная, над Констанцей бушевал ураганный ветер. И только сегодня, когда всё немного притихло, метеорологи наконец разрешили вылет.

Никто их немецких пилотов, даже Кюстер, не знал, что они уже стали жертвенными барашками. Ещё тридцать пять минут назад двадцать семь отметок появились на радарх "Кузнецова". Большая высота, это знаете ли, ещё и высокая радиозаметность. Пятнадцать минут назад от взлётной полосы аэродрома Саки оторвались два Истребителя Миг-29К. Именно так, Истребители с большой буквы. И теперь костлявая уже замахнулась своей косою над головами гансов, фрицев и людвигов. А они, наивные, об этом, что называется, ни сном, ни духом.

Две появившиеся на горизонте чёрные точки стрелки бомбардировщиков не заметили, потому что те зашли со стороны солнца. Экипажи Хейнкелей оставались в полном неведении до самого последнего мгновения, когда, как им показалось, из солнечного диска на головную девятку обрушились очереди из пушек. Вместо отстрелянных при сопровождении самолёта товарища Василевского ракет, техники подвесили под крылья истребителей по две спаренные контейнерные пушки ГШ-23-2 калибром 23 миллиметра. Эти пушечные контейнеры были позаимствовано из комплекта подвесного вооружения ударных вертолётот. В результате получился шквал пушечного огня. Немецкие самолёты не загорались, нет. Они просто рассыпались на части от попадания одного-двух снарядов. Надо ещё сказать, что майор Скоробогатов вместе с ведомым зашли на цель с такого ракурса – справа, чуть сзади и сверху, – что головная девятка состворилась в единую цель, где каждый снаряд отыщет свою жертву. Ну, а радар и прицельно-навигационный комплекс сделали их стрельбу убийственно точной.

Пилоты и штурманы следующих девяток сначала увидели только плотный поток пушечных трасс рубинового цвета, которые перечеркнули небо и обрушились на головную группу. Два бомбардировщика из крайней

правой тройки, ведущий и правый ведомый, сразу же камнем пошли к земле. Один, крутясь в беспорядочном штопоре, с оторванным почти у центроплана правым крылом, другой – с развороченной пилотской кабиной. Немецких лётчиков не спасло хвалёное бронестекло-флинтгласс, рассчитанное только на пули винтовочного калибра. Ещё секунда, и тридцатимиллиметровый снаряд попал ведущему левой тройки в район кабины нижнего стрелка. Взрыв оторвал хвостовое оперение вместе с куском фюзеляжа по самый центроплан. Вы видели, как падает топор? Бомбардировщик с оторванным хвостом идёт вниз столь же изящно.

Потом в одной точке пространства-времени совместились немецкая бомба в бомболюке самолёта майора Кюстера и русский тридцатимиллиметровый пушечный снаряд выпущенный майором Скоробогатовым. В результате бурной страсти, вспыхнувшей при их встрече, самолёт Кюстера превратился в огромный огненный шар. Когда немецкие лётчики второго и третьего штаффеля снова обрели способность видеть, впереди уже не было ни одного самолёта. Хотя нет, один Хейнкель, густо дымя повреждённым правым двигателем быстро снижался к поверхности облаков. Ослеплённые вспышкой взрыва самолёта командира группы, немцы не успели рассмотреть, ни кто их атаковал, ни куда нападавшие скрылись. Штурмана и стрелки бомбардировщиков встревожено крутили головами в поисках безжалостных убийц, но видели только безмятежную голубизну неба, да белопенную поверхность облаков. Два стреловидных силуэта выпали из облаков слева-снизу и из мёртвой зоны пошли в атаку на второй штаффель. На этот раз немцы видели, кто и как их убивал. На атакующих самолётах затрепыхались огненные светлячки стреляющих пушек. Один в носу и по два спаренных под крыльями. Эфир заполнили проклятия и крики отчаянья. Кто-то ругался, кто-то молился, а кто-то безумно хохотал. Всё это с ужасом слышали офицеры штаба группы, оставшиеся на аэродроме в Констанце. Минули длинные как вечность пятнадцать секунд, и второго штаффеля тоже не стало. Командир третьего штаффеля гауптман фон Конрад отдал казалось бы единственно верный в такой ситуации приказ: «Снизиться, уйти в облака, и пробиваться к цели поодиночке. Хайль Гитлер!»

Резко опустив нос, немецкие бомбардировщики быстро преодолели те восемьсот метров, что отделяли их от белоснежной поверхности облачного одеяла. И началась народная русская забава – весёлая игра в жмурки. Только вот тот, кто ищет, имел радар и был зряч. А вот тот, кто пытался спрятаться, оказался слепым простаком.

Майор Скоробогатов и его ведомый лейтенант Галкин, стреляя по

отметке ИЛСа, уничтожали немецкие бомбардировщики один за другим. Экипаж гауптмана фон Конрада остался в воздухе последним и теперь летел неизвестно куда, стараясь делать непредсказуемые зигзаги. Что угодно, лишь бы от него отстали. Крым совсем недалеко, они выбросятся с парашютами, лишь бы только ветер отнёс их на землю. Ужасные воздушные ямы кидали самолёт вверх и вниз. Чтобы облегчить машину, штурман давно уже высыпал в море бомбовый груз – не до него сейчас.

Вот в разрывах облаков показалась покрытая белопенными барашками поверхность моря. А впереди, в нескольких километрах, благословенная полоска берега. Ещё чуть-чуть. Две русские стрелы вывалились из облаков вслед за ними. Трасса одиночного снаряда слева, сдвоенная трасса справа. Хейнкелю был чётко указан желаемый курс. Русские самолёты, как назло, находились в мёртвой зоне сразу для всех огневых точек, и немецким стрелкам осталось только скрипя зубами от злости разглядывать удивительные стреловидные силуэты.

- Курт, куда они нас ведут? – коротко бросил гауптман своему штурману, как только убедился, что вырваться не получится.

- На аэродром Саки, герр гауптман, – ответил тот. – Скажи, Герман, мы сможем что-нибудь сделать?

- Только застрелиться, Курт. Нас предупреждали уже два раза, на третий раз по русскому обычаю ... – гауптман рассмеялся, и щёлкнул языком.

- Откуда ты знаешь, Герман? – не поверил штурман своему командиру.

- От отца. Он приехал в Германию из России в двадцатом. Он был одновременно немцем и русским офицером, как и бесчисленные поколения фон Конрадов до него. Знаешь, первый из фон Конрадов в России служил ещё Петру Великому, а это вполне почтенная история, больше двухсот лет.

- Может ты, Герман, и язык знаешь? – обернулся штурман к своему командиру.

- Конечно, моя матушка, Ольга Ивановна, урождённая Титова, немного научила меня "разговаривать по русски". Смотри вперёд Курт, кажется, уже видна полоса?

- О, да, герр гауптман. Тогда, если что, может договоришься с русскими чтобы нас не расстреляли, по крайней мере сразу? – пошутил штурман.

- Попробую, но ничего не обещаю, – ответил фон Конрад, выворачивая тяжёлый бомбардировщик в створ полосы. Порывы бокового ветра швыряли машину как пьяную, не давая точно прицелиться для захода на посадку.

– Ведь мы ещё вполне можем банально разбиться из-за плохой погоды. И как эти русские рискнули взлететь в такую круговерть?

- Сплюнь через левое плечо, Герман, мы на верном курсе.

- Если я плюну через левое плечо, то попаду не в чёрта, а в ефрейтора Земана, нашего стрелка... Ха, Ха, Ха.

Гауптман опустил вниз рычаг выпуска шасси и на приборной панели зажглись две зелёные лампочки. Осталось совсем немного, ещё чуть-чуть... С замершим от ужаса сердцем пилот опустил свой Хейнкель на полосу и заглушил оба мотора... Будь, что будет!

К остановившемуся примерно посередине полосы бомбардировщику уже бежали солдаты в незнакомой форме, не похожей ни на советскую, ни на немецкую. В лоб гауптману уставился чёрный зрачок автоматного ствола.

– Вылазь, фриц, и хенде хох!

- Я не Фриц, я Герман! – так же по русски попробовал пошутить фон Конрад.

- Да хоть Йозеф, всё равно вылазь, – ответил русский, сдобрив, впрочем, свою фразу многоэтажной матерной конструкцией. – Приехали, трамвай дальше не идёт...

7 января 1942 года, 15:35. Борт транспортно-пассажирского самолёта ПС-84. Фронтовой аэродром в пригороде Ростова.

Спецборт Ставки совершил первоначально незапланированную посадку на фронтовом аэродроме. Во-первых, когда спецборт миновал Воронеж, поступил приказ забрать на этом аэродроме ещё одного пассажира. Некого бригадного комиссара Брежнева Леонида Ильича, назначенного на должность комиссара ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Во-вторых, чуть позже, когда спецборт уже подходил к Ростову, из Симферополя пришло сообщение, что вылет истребителей сопровождения задержится минут на сорок. К Евпатории, на заоблачной высоте, приближалась неожиданная неприятность. Спецборт Ставки должен был ожидать прибытия истребительного прикрытия на земле. Услышав о том, что пару майор Скоробогатов – лейтенант Галкин подняли на перехват немецких бомбардировщиков, полковник Ольхович мрачно усмехнулся. Он свёл с этими парнями знакомство накоротке и в воздухе, и на земле, так что теперь даже немного жалел немцев. Ведь эти не отпустят ни одного, а если

бой ещё и над январским Чёрным морем, то выпрыгнувшие с парашютом, вполне успеют позавидовать сгоревшим заживо. Потому что ледяная вода – как тот же огонь, лишь более медленный.

Полковник посадил свой транспортник на небольшой аэродром в пригороде Ростова. Базировалась там сборная солянка из истребителей. И-16 и МиГ-3 стояли в капонирах, укрытые маскировочными сетями. ПС-84 отогнали в сторону от полосы, но маскировать не стали. В связи с событиями двух последних суток внезапный налёт немецкой авиации был бы чем-то вроде ненаучной фантастики. Летчики этого полка сами летали на разведку в Сталино и видели мелкий винегрет из алюминия и стали, "изготовленный" из немецкого аэродрома. Бортмеханик распахнул дверь и спустил трап, в салон ворвался уличный воздух. После московского морозца погода тут была сырая, температура воздуха стояла где-то возле нуля.

Минуты через две возле самолёта остановилась покрашенная в грязно-белый цвет эмка. Из неё вылез высокий, худой бригадный комиссар в белых комсоставовских полушубке и шапке. С собой у него были только маленький фанерный чемоданчик. Подбежав к самолёту, бригадный комиссар обратился к бортмеханику:

– Товарищ, этот борт летит в Симферополь?

– Да, этот борт летит в Симферополь, – в проёме самолётной двери сверкнули знаменитые стеклышки пенсне. Нарком внутренних дел спускался по трапу размять ноги. Да и по технике безопасности не положено находиться в самолёте во время заправки. – А вы, товарищ, бригадный комиссар, кто такой?

– Бригадный комиссар Леонид Брежнев, товарищ народный комиссар внутренних дел, два часа назад получил приказ срочно прибыть в Симферополь и вступить в должность комиссара Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады ОСНАЗ РКК.

– А, "Дорогой Леонид Ильич", – протянул Берия, и в душе у Брежнева, только что гордого и самоуверенного, шевельнулись страшные подозрения. – Вот вы-то нам и нужны! Шутка...

– Вы всё людей пугаете, Лаврентий Павлович? – вслед за Берией по трапу спустился майор госбезопасности. – Товарищ бригадный комиссар, будьте добры, расписочку ОВ.

– А вы кем будете, товарищ майор госбезопасности? – начал приходить в себя после начальственной шутки Брежнев.

– А я в этой бригаде начальник особого отдела, – майор госбезопасности Санаев мечтательно улыбнулся. – Местная кровавая гебня,

так сказать. Ах, товарищ Нарком, как бы мне хотелось чтобы эти сказки оказались былью. Уж я бы некоторым выписал путевку в оздоровительный лагерь в Магадан...

Он снова повернулся к Брежневу.

– Товарищ бригадный комиссар, если буквы ОСНАЗ РГК вам о чём-нибудь говорят, то вы и сами должны понимать, что вся бригада находится под грифом ОВ.

- Понимаю, не маленький, – широко улыбнувшись, Брежнев взял уже заполненный бланк и, бегло прочитав, подписал. – Эх, где наша не пропадала!

Тем временем из самолёта на землю спустились Рокоссовский и Кузнецов. Последними самолёт покинули первый пилот полковник Ольхович и штурман капитан Лапочкин. И как водится у русских людей, когда нечего делать и надо ждать, все отошли в сторонку и, отвернувшись от ветра, закурили. Ну, а курить возле самолёта, когда заправщик уже сунул шланг в бак – это занятие для смертников. Если сразу сам не взорвёшься, потом особист расстреляет. Контролировать заправку у самолёта остался бортмеханик. Не успело высокое начальство выкурить по одной папиросе, как к ним подошёл лётчик в звании майора.

– Иванов Виктор Петрович, командир этого полка. Чем-нибудь кроме заправки могу вам помочь? Может быть обед?

- Да нет, товарищ майор, спасибо, – Берия поёжился под полушубком. – Заправимся, дождёмся нашего эскорта из Симферополя и полетим...

Он повернулся к Ольховичу.

– Ведь так, товарищ полковник?

- Эскорт задерживается товарищ нарком. Пара Скоробогатова отражала попытку налёта немецкой авиации на Евпаторию. Пополнят боекомплект, дозаправятся и вылетят.

- Ну и как там? – С интересом спросил Берия.

Ответ полковника Ольховича ввёл майора Иванова в ступор.

– Как всегда, товарищ нарком. Хейнкели-111, полная группа, три девятки. Результат: двадцать шесть сбито, один принудительно посажен в Саках. Судя по эмблеме на трофейном самолёте – из сотой бомбардировочной эскадры. Их как раз ждали в Крыму примерно в это время.

Лётчик истребитель минут пять не мог понять: может, это начальство так шутит... Потом решился, и осторожно спросил:

– Товарищ нарком, а может вам в эскорт мои ребята подойдут? У меня сейчас как раз есть свободное звено, ведущий – старший лейтенант

Покрышкин...

Майор Санаев показал тремя пальцами себе на грудь и кивнул. Берия сначала нахмурился, потом просветлел лицом:

– А, майор, понял, тот самый Покрышкин, – чем опять ввёл майора Иванова в недоумение.

Откуда же всемогущий Берия знает никому не ведомого старшего лейтенанта? Дальше стало ещё страннее. Берия посмотрел на командира истребительного полка:

– Знаете что, товарищ Иванов, мы возьмём ваш эскорт. Но только вместе с нашим. У меня прямой приказ другого "товарища Иванова" лететь дальше только с эскортом из Симферополя. Когда-нибудь гриф секретности будет снят, и вы поймёте почему. Но мы не сразу вернём вам товарища Покрышкина. Возможно там, в Симферополе, с ним кое-кто захочет поговорить. Я надеюсь, что завтра утром ваше звено сможет вернуться в полк после выполнения особого правительственного задания.

Майор Иванов тяжело вздохнул. По его лицу было видно, что он в очередной раз убедился в истинности фразы "инициатива наказуема" – сам предложил помощь, и вот теперь полк может лишиться хорошего лётчика. И взять свои слова назад никак невозможно.

Минут через двадцать, когда заправка была закончена, а бортмеханик успел осмотреть, казалось, каждую заклепку, к группе командиров и генералов, подбежал бортрадист спецборта.

– Товарищи получено сообщение от майора Скоробогатова. Они будут над нами примерно через пять минут.

Полковник Ольхович растоптал унтом недокуренную папиросу и повернулся к Берии.

– Ну что, товарищ нарком, на взлёт?

7 января 1942 года. 16:05. Симферополь. пос. Сарабуз. КП ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады полковник Бережной.

Настроение в штабе царило приподнятое. Только что пришло сообщение о том, что батальон "Балтика", внезапно для противника ударивший от Салгирского перевала при поддержке 8-й бригады морской пехоты, в ходе скоротечного и ожесточённого боя взял Алушту. Окружённая 11-я армия вермахта теперь была разрезана на две части.

Наступающие от Балаклавы советские войска уже вышли к мысу Сарыч, всё дальше и дальше отгоняя немцев от Севастополя.

Неоправданно пассивно вёл себя только Черноморский флот, но адмирал Октябрьский генералу Василевскому не подчинялся и пока чудил как мог. Пока – это потому, что на фоне всех прочих успехов, как мне кажется, Верховный и с Октябрьским разберётся. И, скорее всего, пошлёт его вслед за генералом Козловым, который в данный момент сидит у нас на "губе" рядом с Манштейном. Правда есть и неприятности – румынский генерал Аврамеску, сволочь, застрелился при попытке захвата. Но ничего, кобыла с возу – бабе легче, зато теперь простые румынские солдаты дезертируют и сдаются пачками. Тем более, что и зам генерала, полковник Раду Корне, был убит при бомбоштурмовом ударе.

Но время не ждёт, мы бежим с ним наперегонки. Сегодня утром батальон "Севастополь" был снят с позиций под городом своего имени, погружен на станции Бахчисарай в вагоны, и сейчас движется к станции Армянск. Поступили сообщения, что немцы уже пытались прощупать позиции батальона капитан-лейтенанта Бузинова на Перекопе. Правда, пока силы были не слишком-то серьёзные, всего пара рот. Но в скором времени надо ожидать настоящей истерики. Наверняка, прямо сейчас в немецких тылах путём снятия со спокойных участков, с бору по сосенке формируется вражеская группировка, которая, по замыслу Клейста, должна будет восстановить положение и разгромить нас. Ага, щаз! Мы ещё посмотрим, кто кого разгромит, массаракаш?!

Но часы тикают, и действовать надо быстрее. Если быть честным, то "Балтику" тоже надо снимать из-под Алушты и гнать на Перекоп. Но под рукой нет части, способной заменить её там. От 8-й бригады полковника Вильшанского после штурма Алушты, хорошо, если осталась пара рот, а сам полковник тяжело ранен и лежит в нашем госпитале в Евпатории. Как сказал главврач госпиталя профессор Антонов, его жизнь сейчас вне опасности.

Звонок с узла связи:

– Получено сообщение: спецборт Ставки со спецпассажирами вылетел из Ростова в направлении Симферополя. Посадка на аэродроме Сарабуз – семнадцать часов, плюс-минус пять минут.

Это что же интересно за спецпассажиры такие? Прошу соединить меня с ведущим пары эскорта, майором Скоробогатовым. Времени ещё около часа, и прежде чем сообщать о прилете спецборта генерал-лейтенанту Василевскому, необходимо все выяснить самому.

- Михаил Николаевич, как там у вас дела? – вот ведь надо же: майор

вполне приличный человек, а имя-отчество как у Саакашвили.Шучу! Со всеми бывает, но не у всех проходит.

- Всю нормально, Вячеслав Николаевич, – хмыкнул майор. – Скоро будем у вас, готовьтесь встречать гостей.

- А что за гости, товарищ майор? – спросил я без всякой задней мысли.

- Знаешь что, товарищ полковник, сядь на стул и покрепче держись двумя руками, а то упадёшь, – майор хихикнул, а в моей душе шевельнулось странное предчувствие...

- Сижу! Держусь! – коротко бросил я в трубку.

- Пассажир номер один – Берия Лаврентий Павлович. Пассажир номер два – Кузнецов Николай Герасимович. Пассажир номер три – Рокоссовский Константин Константинович, Пассажир номер четыре – твой новый комиссар Брежнев Леонид Ильич. Помнишь такого? Пятый – твой новый начальник особого отдела и старый знакомый – Санаев Иса Георгиевич. Ну и местное начальство прицепило к нашему эскорту ассистентов. Ведущий пары Миг-3 – Покрышкин Александр Иванович, пока ещё не маршал, а всего лишь старший лейтенант. Ну, что скажешь?

- Песец фрицам, пусть на шнурках вешаются, – отвечаю. – Берия тут всех на подоконниках в трусах застроит, как во время оно, а то распустились. Ну а Рокоссовский с Кузнецовым... это... это я скажу тебе, серьёзно. И означает сие, что переносится центр тяжести зимней кампании из-под Москвы на юг. Ну, а "дорогой Леонид Ильич"... Товарищу Сталину просто на глаза попался, тем более что он тут рядом при штабе Южного фронта комиссарствовал. Ну ладно, Михаил Николаевич, потом поговорим. Конец связи, пока.

Я положил трубку и принялся думать...

Это назначение и Ильичу Второму проверка на вшивость, и нам... Могуч, Виссарионыч, могуч. Короче, явно что-то задумано, и мы в этом оркестре будем первой скрипкой. Но главное – не зарваться и не взять на себя слишком много... А сейчас, товарищ Василевский... Снимаю трубку:

– Товарищ генерал-лейтенант, здравия желаю. Получено сообщение о том, что возвращается ваш спецборт, полковник Ольхович и все, все, все... Кто все? Ну, во-первых, товарищи Рокоссовский и Кузнецов, как вы заказывали. Во-вторых, Нарком Внутренних Дел Лаврентий Палыч Берия, которого вы не заказывали, но, очевидно, он прилагается к заказу в нагрузку. В-третьих, на должность начальника особого отдела в нашей бригаде возвращается майор госбезопасности Санаев – жив, здоров и невредим. Значит, начальству все его и ваши действия понравились, он любим и обласкан. В-четвёртых, в бригаду назначен комиссар. Но это уже

товарищ Верховный Главнокомандующий лично в нашу сторону пошутил. Комиссаром назначен некто бригадный комиссар Леонид Ильич Брежнев.

Своим ГРУшным умом делаю вывод – Верховному наш план понравился, и теперь его будут быстро-быстро воплощать в жизнь. Значительно хуже то, что немцы, как и ожидалось, активно стягивают резервы к Перекопу. Вы, товарищ генерал-лейтенант, как хотите, но бригаду в течении суток необходимо сосредоточить на линии Турецкого вала. Один батальон я туда уже бросил. Теперь вот сижу и думаю – как забрать из-под Алушты второй? Да так, чтобы немцы не отбили её обратно.

Что, 8-я бригада морской пехоты? Бригада полковника Вильшанского, считайте, полностью уничтожена, теперь её надо отправить в тыл на пару месяцев и ждать, пока раненые из госпиталей вернутся, да пополнение обучение пройдёт... Сам Вильшанский в госпитале, а бойцов от силы на пару полнокровных рот осталось. Если бы нас флот с моря поддержал, то сломать можно было хотя бы слабейшую группировку немцев – Судакскую. Так Октябрьский не мычит, не телится, и вообще ведёт себя как-то странно. Я думаю, приезд Лаврентия Павловича поможет разобраться в его командной "импотентции". У него, видите ли, шторм... А что товарищ Ларионов? Так ему товарищ Сталин запретил тратить невосполнимый пока боекомплект на нестратегические цели. Только для самообороны или по его прямому приказу. У них, у моряков, видите ли, стандарты боекомплекта поменялись, под автоматическое зарядание. Вроде калибр тот же, а выстрел другой, в казённик только кувалдой забить можно.

- Ну ладно, товарищ генерал-лейтенант, вот спецборт прилетит, там и поговорим, и с Кузнецовым. и с Берией. Вы сейчас где находитесь? Во Владиславовке... Так я за вами вертушку вышлю, должны успеть. Всё, товарищ генерал-лейтенант, до встречи.

Сидящий напротив меня капитан Тамбовцев поднял голову.

– Товарищ полковник, так это тот самый Брежнев? – я кивнул. – Тогда предупреждаю, – он знаменитый спортсмен-любитель, КМС международного класса по алкоголизму. Спиртное уничтожает со страшной силой и не хмелеет. При этом страшно компанейский, один пить не будет. И по женской части большой ходок. Но, надо сказать, умён и храбр.

- Так! Спасибо Александр Васильевич, короче, пишите приказ: с 17:00 по московскому времени 7 января и до особого распоряжения в бригаде объявляется сухой закон. Все запасы спиртного, а особенно буржуазную роскошь из XXI века, сдать начальнику секретного отдела. Печать, подпись. Тут, понимаешь, вот-вот большая мясорубка начнётся, а Ильич Второй мне офицеров спаивать будет.

- И до какого же времени сухой закон, Вячеслав Николаевич? – страдальчески спросил майор Гальперин.

- Ещё не знаю, но точно, что до окончательной победы. Только вот над кем, я ещё не решил. Над 11-й армией, над танковой группой Клейста, или над самой фашистской Германией. Но, по любому, с Брежневым бухать вы у меня не будете. А там посмотрим, какой из него комиссар. Там Берия прилетает и Рокоссовский, вот люди достойные внимания.

- А Кузнецов? – ехидно спросил Тамбовцев.

- А о Кузнецове, дорогой Александр Васильевич, пусть у моряков голова болит! Всё, – хлопнул я рукой по столу, – хватит болтать, работаем!

**7 января 1942 года, 17:05, Симферополь, аэродром Сарабуз.
КП Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады
ОСНАЗ РКК. Генерал-лейтенант Василевский Александр
Михайлович**

Спецборт Ставки плавно снизился над ВПП аэродрома Сарабуз. Бойцам комендантской роты потомков и пленным немцам уже удалось расчистить лётное поле от остатков того, что ещё недавно было истребителями Ме-109Ф. Теперь этот металлический хлам украшенный крестами и свастиками, кучами громоздился за пределами лётного поля. Лепота, как любит выражаться полковник Бережной. А вот и он сам идёт, в своём цифровом камуфляже... И те головорезы, что шагают вместе с ним, на почётный караул похожи весьма слабо. А вот разделать прибывших на шашлыки за пятнадцать секунд или защитить от всех ведомых и неведомых напастей, – так это они могут сделать вполне. Того количества автоматического оружия, которое здесь носит отделение, в РККА хватило бы на роту, а то и на батальон. Потому и немцы от них до сих пор в ступоре: ну никак не сопоставимы видимая численность и огневая мощь. Да и их тактическая подготовка тоже превосходна. Немецкие панцергренадёры – молокососы рядом с нашими морпехами из будущего. Видали мы их, во всех видах видали – ничего похожего и близко нет. Прав полковник Бережной, не прохлопали бы первый удар, будь на месте Павлова другой человек, всё тогда пошло бы по-другому. А сделали бы в мирное время упор на боевую подготовку, тогда и война была бы совсем другая. Но поздно стонать по пролитому молоку, надо делать выводы и извлекать уроки.

Спецборт Ставки коснулся колесами бетона и покатился по полосе, истребители сопровождения – три МиГ-3 и два МиГ-29, – убедившись, что всё закончилось нормально, сделали над аэродромом круг и, покачав крыльями, удалились в сторону аэродрома Саки.

Бойцы Бережного, не торопясь, построились напротив того места, куда диспетчер БАО запарковал ПС-84. Нас так не встречали, но и за эти двое суток много чего поменялось. С посадки этого же ПС-84 на аэродром Саки прошло ровно двое суток а, кажется, минула целая вечность. Пусть не все это видят, но обстановка за считанные дни успела измениться до неузнаваемости. Теперь немцы терпят необъяснимые поражения, а Гитлер в Рейхсканцелярии как моль жуёт ковры. Я не верил в то, что фюрер катается в истерике по полу и грызёт ковры. Тогда капитан Тамбовцев дал мне почитать мемуары его адъютанта. Да-с. Наши потомки вообще относятся к германскому фюреру странно: ласково называют его Алоизычем и говорят, что после войны, если выживет, надо поместить его в московский зоопарк, в клетку с надписью "гемадрил-людоед". Шуточки у них.

Но ладно... Вот открылась дверь самолёта, и вслед за бортмехаником на крымскую землю спустился Он – человек в пенсне. Следом вышел адмирал Кузнецов, за ним генерал-лейтенант Рокоссовский... Майор госбезопасности Санаев с этим, с бригадным комиссаром Брежневым пока остались в самолёте. Наступила немая сцена, ну прямо как у Гоголя. Стоим и смотрим друг напротив друга. Кто кому должен рапортовать? С Берией мы в одном ранге Спецпредставителей Ставки. Кузнецов – целый нарком, но ему мы не подчиняемся. Рокоссовский, хоть и оба мы генерал-лейтенанты, но он, вчерашний командарм, завтрашний комфронта, в любом случае стоит на ступень ниже моей должности.

Затянувшуюся паузу прервал Берия. Не спеша, он прошёл перед строем бойцов, на ходу заглядывая в их лица. Потом повернулся к полковнику Бережному, сверкнув стеклами пенсне:

– Товарищ Бережной, это те самые бойцы, что взяли в плен генерала Манштейна?

- Да, те самые, товарищ Народный Комиссар Внутренних Дел, – козырнул Бережной. – Спецподразделение Главного Разведывательного управления Генерального Штаба.

- Отлично! А почему не из моего наркомата? – удивился Берия. – Наши, что хуже?

- Так правило там такое: мы не берем работу на дом, а ваши не ездят на гастроли, – пояснил Бережной, – По крайней мере, в так называемое

"мирное время".

- Понятно, – сказал Берия. – Но всё равно молодцы! Вопрос о государственных наградах для всех участников Крымской операции рассматривается. Я вам тут на днях пришлю кое-кого на стажировку, а то, понимаешь, каналы, не только генерала, завалящего ефрейтора поймать не могут! – и рассмеялся быстрым смехом.

Потом лицо его стало серьёзным, он снова повернулся к Бережному.

- Советское командование выражает вам глубокую благодарность за помощь в разгроме 11-й армии. Ваша с контр-адмиралом Ларионовым просьба о восстановлении для всего личного состава советского гражданства и зачислении их в ряды РККА и РККФ решена положительно. Кроме того, положительно решён вопрос о придании вашей бригаде постоянного статуса. У известного вам майора госбезопасности Санаева с собой все документы и новое боевое знамя бригады. Все те военнослужащие, которые принимали военную присягу во времена СССР, зачисляются на службу автоматически. Остальные торжественно присягнут в тот день, когда бригаде будет вручено боевое знамя. И день этот не за горами. У меня пока всё, чуть позже я побеседую с каждым из вас по отдельности. А пока позвольте представить вам наркома военно-морского флота адмирала Николая Герасимовича Кузнецова и генерал-лейтенанта Константина Константиновича Рокоссовского, вашего будущего комфронта. – Берия снял пенсне и машинально начал их протирать платком. – Товарищ Бережной, нам с товарищем Кузнецовым срочно нужно на... гм... ваш флагманский корабль. Как это можно сделать?

- Одну минутку, товарищи наркомы, – Бережной вытащил из кармана своего жилета портативную рацию.

Я-то тут уже привык к всяческим чудесам, а вот у товарищей Берия, Кузнецова и Рокоссовского глаза вспыхнули прямо таки волчьим блеском.

- Сергей Петрович, добрый вечер, что там у Вас с погодой? ... Что, через час начнёте? Ну, вот и отлично, мне нужен один борт от вас, тут к товарищу контр-адмиралу, товарищи Кузнецов и Берия. ... Да-да – тот самый Николай Герасимович и Лаврентий Павлович. А что мои? Мои все в работе, пашут и сразу жнут. Как там Высоцкий пел "восемь вылетов в сутки", а восемнадцать не хотите? ... Трое суток боёв. Парни держатся исключительно на упрямстве, немного на таблетках и трёх часах сна в день. Твои же отдохнули, сил набрались и готовы к труду и обороне. Хорошо, жду...

Бережной сунул рацию в карман и посмотрел на Берию

- Товарищ нарком, я разговаривал с командиром авиагруппы

авианесущего крейсера полковником Хмелёвым. Борт за вами придёт примерно через полтора часа. Раньше просто опасно из-за плохой погоды.

Полковник Бережной кивнул в мою сторону, и я взял инициативу на себя.

– А пока, товарищи, прошу всех в штабную машину. Там мы с товарищем полковником сможем изложить вам обстановку, сложившуюся на текущий момент в Крыму и на прилегающих ТВД, а также обсудить наши дальнейшие действия.

Как только мы ввалились в штабной кунг, там сразу стало тесно как в вагоне метро в час пик. Внимание генерал-лейтенанта Рокоссовского сразу привлёк тактический планшет, отражавший обстановку десятиминутной давности. А вообще глаза у московских товарищей с непривычки разбегались во все стороны. Что будет с товарищем Кузнецовым на корабле его имени, мне вообще представить сложно. Так можно получить и вывих глазных яблок со смертельным исходом.

Поэтому, я сразу же направился к тому самому тактическому планшету.

– Товарищи, обстановка в настоящий момент такова. Час назад в результате массированного бомбоштурмового удара особой вертолётной группы по немецким позициям под Судакком немецкий фронт прорван. Судакская группировка противника разгромлена, от неё осталось только несколько разрознённых подразделений. Части бывшего Кавказского фронта форсированным маршем движутся в направлении Алушты, где должны сменить на позициях моторизованный батальон отдельной бригады.

- Всего лишь батальон? – не понял генерал-лейтенант Рокоссовский

- Да, – кивнул я, – и к тому же двухротного состава. Вместо третьей роты – 120-мм самоходная универсальная артбатарея. Завтра с утра, если будет время, съездим с вами на поле под Саками... Тут час езды туда обратно, и вы сами убедитесь, что морская пехота из будущего в обороне – это каменная стена. Это чтобы вы знали и понимали, какая сила находится в вашем распоряжении. Я лично присутствовал на НП бригады в момент отражения массированной ночной атаки. Константин Константинович, как и вы, я повоевал и в германскую, и в гражданскую, но такое побоище видел впервые. Там как раз вдоль дороги есть место, где наши потомки одним залпом установок "Солнцепёк" заживо сожгли походную колонну из моторизованного полка СС и румынских кавалеристов. Если вы хотите глянуть на кусочек ада, тогда вам туда! – Я сделал паузу и отхлебнул содовой воды из стоящей на столе пластиковой бутылочки. – В настоящий

момент идёт сосредоточение особой бригады в районе перешейков. В ближайшее время следует ожидать попыток немецкого командования восстановить положение. Как вы уже знаете, с 18:00 возобновляет полёты палубная авиация. И первое задание, на которое вылетят самолёты, будет воздушная разведка прилегающего ТВД.

В этот момент загудел телефон. Подполковник Ильин снял трубку, выслушал короткое сообщение, потом поднял руку привлекая к себе внимание.

– Товарищи наркомы, генералы и адмиралы, только что поступило сообщение, что подводная лодка "Алроса" из состава нашего соединения торпедировала румынский танкер водоизмещением в пять тысяч тонн, шедший курсом на Николаев. Судя по силе взрыва, танкер перевозил авиационный бензин...

Шум голосов прервал возглас Берии, от избытка чувств хлопнувшего в ладоши.

– Ай как хорошо, ай как порадовали. Молодцы. Передайте товарищам, пусть продолжают в том жэ духэ, радуют нэмцэв своими полновэсными подарками.

7 января 1942 года, 17:45. аэродром Саки. Старший лейтенант Покрышкин А.И. (Глава из книги "Небо войны" А.И. 1985 год)

Последние несколько дней мы в полку не ходили, а летали. То, что происходило совсем рядом с нами, в Крыму, внушало нам гордость и оптимизм. Наша армия била фашистов в хвост и в гриву. Евпаторийский десант, высаженный в ночь с четвёртого на пятое января, внезапно поставил немецко-фашистские войска на грань полного уничтожения и был верхом тактического мастерства и военного искусства. Ранним утром пятого января, ещё до рассвета, меня вызвал командир нашего полка. Виктор Петрович был страшно взволнован.

– Покрышкин, тебе необходимо совершить вылет на разведку аэродрома Сталино. Фотоаппарат на твой МиГ сейчас устанавливают. Я знаю, что это почти верная смерть, но я верю в тебя. Для любого другого это верная смерть безо всяких почти. Командование провело какую-то операцию "Длинная рука" и теперь требует подтверждения результатов.

Я пожал плечами, надо так надо. Позавчера пара с нашего полка

летала туда на разведку. Им даже близко не дали подойти к аэродрому, наши товарищи едва вернулись домой на изрешечённых машинах. Решил, что пойду на цель на малой высоте, так безопасней. Самое главное было предварительно осмотреться, чтоб не подставить машину под зенитный огонь.

Взлетел я тогда ещё в темноте почти нормально. Только, изношенный до предела за полгода войны мотор сначала работал с небольшими перебоями, потом звук стал нормальным, и я перестал обращать на него внимание. К Сталино мой МиГ подошёл на рассвете. В сером свете зимнего утра я увидел на лётном поле огромную свалку, состоящую из обломков гитлеровских "юнкерсов" и "мессершмидтов". Зенитные батареи на аэродроме тоже были изрядно потрёпаны. По моей машине никто не стрелял. Чудом уцелевшие немцы бродили среди разбитых вражеских машин и шарахались от моего МиГа, как пугливые зайцы при виде сокола. А ведь я и есть сокол, сталинский сокол. Чтобы тут все так разворотить, нужно не меньше штурмовой авиадивизии. Да и то, если ей не будут мешать ни зенитки, ни перехватчики. Я набрал высоту – весь этот "натюрморт" на аэродроме нужно было немедленно сфотографировать. С высоты в окрестностях аэродрома я не заметил ни одного нашего сбитого самолёта. Это означало, что удар по аэродрому был не только уничтожающим, но и абсолютно внезапным.

На свой аэродром я летел в радостном настроении: значит, можем мы их бить, когда захотим и всё делаем, как надо. На аэродроме меня ждала радостная новость о Евпаторийском десанте и освобождении от захватчиков этого замечательного курортного города. Я доложил своему командиру полка о полностью уничтоженном немецком аэродроме. На вопрос о том, кто это сделал, Виктор Петрович ответил, что операцию "Длинная Рука" проводила отдельная авиагруппа особого назначения. И что удар наносился не только по Сталино, но и по всем прифронтовым немецким аэродромам в полосе Южного и Юго-Западного фронта. Меня ошарашил масштаб и, если можно так сказать, "качество" проведённой операции. В этой особой авиагруппе должны быть собраны асы масштаба Валерия Чкалова. Вот бы встретиться с ними, поговорить, обменяться опытом. Но особо долго думать над этим вопросом было некогда: весь день мы, по приказу командования, группа за группой летали на аэродром Сталино, стремясь добить и окончательно разрушить всё, что уцелело после удара авиагруппы осназа.

К вечеру погода резко испортилась, задул резкий штормовой ветер, потеплело и пошёл проливной ледяной дождь. На аэродроме бойцы БАО

крепили оттяжками самолёты к вкрученным в землю кольям. Вот тогда-то я снова вернулся к своим размышлениям, но так ни до чего и не додумался. Единственный вывод, к которому я сумел придти самостоятельно, так это о том, что всё произошедшее как-то было связано с Крымской операцией. Позднее оказалось, что именно так оно и было.

Весь день шестого над аэродромом бушевал шторм, мы сидели на земле и с завистью слушали сообщения Совинформбюро об освобождении Симферополя, Джанкоя, Бахчисарая и деблокаде Севастополя. Как в этот момент мы хотели оказаться в кабинах своих МиГов в небе над Крымом! Громить врага так, чтобы нигде и никогда он больше не посмел напасть на нашу Родину!

К полудню седьмого шторм начал стихать и появилась надежда, что метеорологи, наконец, дадут добро на полёты. Но раньше их разрешения на наш аэродром приземлился спецборт Ставки, пассажирский ПС-84. Управлял им полковник Ольшанский, полярный лётчик, летавший некогда с самим Ильей Мазуруком. То, что у нас считается штормом, на северах это так, лёгкий ветерок. Как стало известно по вездесущему солдатскому телеграфу, на нашем аэродроме самолёт должен был дозаправиться, взять ещё одного пассажира и, дождавшись истребителей сопровождения из Крыма, вылететь дальше в Симферополь. Мы с ведомыми, Лукашевичем и Карповичем, стояли в курилке, травили анекдоты, ждали разрешения на вылет. Тут прибегает Виктор Петрович, бледный как бумага.

– Покрышкин, срочно к спецборту, тебя Берия требует, – потом тихо так, вполголоса: – Ты извини, я им эскорт предложил и фамилию твою назвал, как ведущего звена. А майор там один гебешный, кавказец, знает тебя, оказывается. Пальцами себя в грудь ткнул и сказал: «Лаврентий Палыч, всё сходится – тот самый это Покрышкин». А глаз у него, как рентген, насквозь видит. Хотя совесть и чиста, а всё равно стоять перед ним неудобно.

Иду вперёд, ноги ватные, в голову всякие мысли лезут. Это откуда же меня такие "особые" майоры знают? Сзади ведомые плетутся, как на расстрел, – их тоже непонятно зачем вместе со мной замели. Берия посмотрел на меня через пенсне, каким-то непонятным взглядом, ну, вроде как на подающего надежды школьника, и говорит: «Это ви, товарищ Покрышкин, лучший лётчик дивизии?»

Я вытягиваюсь в струнку и со вздохом отвечаю:

– Никак нет, товарищ нарком, лучший лётчик дивизии мой друг капитан Фигичев.

- А мне доложили что ви? – Берия под пенсне прищурился, и стало

ясно, что он смеется, – Надёжные люди доложили, достойные доверия. Как тут можно работать, когда тебя все время обманывают?

Он глянул прямо мне в глаза.

– Товарищ старший лейтенант, вам предстоит сопровождать наш самолёт в Крым до объекта специального назначения, имеющего особую важность, – и куда только его акцент делся. – Вы зарекомендовали себя с самой лучшей стороны как лётчик, боец, коммунист и просто советский человек. Именно поэтому вы и допущены к выполнению этого задания.

– Не бойтесь, товарищ майор, – повернулся он к командиру нашего полка, – вернём мы вам ваших соколов. Если они сами, конечно, захотят вернуться.

Интересно, что там такое на этом спецобъекте, чтобы я в свой полк возвращаться не захотел? Но долго думать мне не дали. Сначала тот самый майор ГБ взял у всех троих расписки о неразглашении, действительно по высшей форме, об информации особой важности. Потом подготовка к вылету, и вот я уже сижу в кабине истребителя, мотор работает, перед нами на взлёт идёт спецборт. Вот он оторвался от полосы и пошёл вверх – значит, и нам пора. Даю полный газ и отпускаю тормоза. Мотор МиГа ревёт, машина, разбежавшись, отрывается от земли и повисает в воздухе.

Кручу головой по сторонам – оба моих ведомых тоже влетели, не как в прошлый раз. Вслед за спецбортом ложимся курсом на Симферополь. Интересно, что же это у них за сопровождение, что мы тут вроде бесплатного приложения? Набирая высоту, ныряем вслед за спецбортом в облака, три, четыре, пять, шесть минут летим в сплошном молоке. Но вот облака пробиты, а солнца и голубого неба над головой не видно. Там, сверху, ещё один слой облаков, а мы летим как бы между ними.

Спецборт прямо перед нами и выше, теперь надо только занять свои места в ордере. Не успеваю крутануть головой, как мимо моей машины проносится нечто стреловидное, окрашенное в серо-синий камуфляж. Ну, ни фиги ж себе, что это за чудо техники! Форма как наконечник копья. Промчался он мимо меня, между прочим, как мимо стоячего. А скорость у меня не маленькая, километров четыреста пятьдесят. Вижу красные звезды на двух высоких киях, и у меня отлегает от сердца. Постойте, товарищи, а где ж у него винт или винты? Чуть в стороне проносится напарник первого истребителя, и я отчётливо вижу, что никакого винта у него нет. А кстати, почему товарищ Берия на аэродроме называл это прикрытие истребителями? По размеру они ничем не уступают тому транспортнику, который мы сопровождаем. Длина фюзеляжа почти такая же, только размах крыльев в два раза меньше. Покачивает крыльями – значит, приветствует.

Качаю в ответ. Всё-всё, поняли, летим дальше.

По дороге целый час продолжаю любоваться красотой новых самолётов. Неужто это те самые реактивные, о которых вроде бы ходили смутные слухи перед войной? Ну да, вон те две трубы, на которых и укреплены кили, это, похоже, и есть двигатели? А форма крыльев? Никогда такой не видел, напоминает оперение эрсов. Так на какие же скорости рассчитана эта машина? Полёт до Симферополя прошёл без приключений, мы убедились, что спецборт сел благополучно и вместе со спецсамолётами направились в сторону аэродрома Саки. Скорость тут же увеличилась до пятисот километров в час. Ещё в Ростове майор ГБ Санаев нас предупредил, что истребительное прикрытие садится именно там. А вот никогда не пожалею, что лететь пришлось именно в Саки, потому что на подлёте к аэродрому открылось зрелище, достойное богов. Сначала дорога из Симферополя в Саки, вся забитая дочерна обугленными немецкими грузовиками и бронетранспортёрами. Потом – огромное поле, сплошь заваленное трупами немецких солдат. Мышастые серо-зелёные шинели хорошо видны на фоне рыжей крымской земли. А кое-где из-за этих шинелей земли и вовсе не видно. Потом странно изломанные линии траншей. Как я догадался, именно тут десантники держали оборону против всей одиннадцатой армии. А это что за прямоугольные ямы?, Неужто у них в первой линии вместе с пехотой стояли и танки? Да, вот, точно, следы гусениц.

Закладываем вираж и заходим на посадку. Хозяева пропускают нас троих вперёд, делая над аэродромом ещё один круг. Где-то впереди сверкнуло серое море и на нём корабли, много кораблей. Но отвлекаться некогда. Выравниваю истребитель и аккуратно касаюсь колесами полосы. Только не хватало в гостях "дать козла". Но ничего, всё нормально. Теряя скорость самолёт катится по полосе. Вслед за мной садятся ведомые, полёт окончен. На стоянке пусто, только стоят, похоже, оставшиеся от предыдущих хозяев одинокая "Штука" со снятым мотором, да такой же одинокий Хейнкель-111. Заруливаю на указанную диспетчером стоянку и глушу мотор. Рядом останавливаются мои ведомые. И тут с шумом и грохотом мимо нас проносится один из спецсамолётов. За его хвостом трепещет странный крестовидный парашют. Вслед за ним садится и его ведомый.

Вот я товарищи и на секретном объекте, что дальше? Что-то ещё не даёт покоя, и после некоторых раздумий понимаю – корабли на горизонте. Один из них по силуэту весьма напоминал авианосец, только почему-то с загнутым вверх, как у турецкой туфли, носом. Расстёгиваю ремни и

вылезаю из кабины. Техник, только что подложивший башмаки под колеса моего Мига, как-то странно смотрит на меня, потом спрашивает:

– Товарищ Покрышкин? – и тут все меня знают, даже техники.

Киваю головой и говорю:

– Покрышкин я, Покрышкин...

А этот как завопит:

– Ребята, к нам САМ Покрышкин прилетел!

И что я вижу? В нашу сторону тут же бегут какие-то люди в технических комбинезонах и совершенно непохожей ни на что незнакомой форме. И кричат при этом:

– Качать Покрышкина!

Стоим вместе с моими ведомыми, Карповичем и Лукашевичем, на полосе, а в голове мелькают мысли: «Форменный дурдом, товарищи! Куды бечь? Как спастись? Куда я попал?!»

Внезапно гремит командирский рык:

– А ну отставить!

На небольшой открытой машине в нашу сторону мчится человек, одетый примерно так же, как в фантастическом фильме тридцать восьмого года "Полёт на Луну". Бегущие к нам люди, слышав этот голос, начинают резко тормозить и перестают быть похожими на толпу индейцев, стремящихся снять с меня скальп. Машина останавливается возле меня, похожий на героя фантастического фильма человек спрыгивает на землю, и козыряет:

– майор Скоробогатов Виктор Сергеевич, ведущий звена.

Козыряю в ответ:

– Старший лейтенант Покрышкин Александр Иванович, тоже ведущий звена...

- Ну вот и познакомились, – хлопает майор меня по плечу. – А на ребят ты внимания не обращай, они такую знаменитость как ты в первый раз видят.

Опять ничего не понимаю: почему и откуда я тут знаменитость... Но, что называется, утро вечера мудренее, и все мы идём в столовую БАО на ужин. Надеюсь, что там никто не бросится меня качать.

**7 января 1942 года, 18:35. Внешний рейд Евпатории, ТАКР
"Адмирал Кузнецов". Адмирал Кузнецов Николай
Герасимович**

Когда товарищ Сталин сказал про эскадру из будущего, я, честно сказать, не поверил. Уж слишком невероятной была эта новость. Даже фотографии меня до конца не убедили – мало ли чего могут нарисовать в фотомастерских НКВД. Вдруг это им надо для стратегической дезинформации?

Даже то, что мы срочно вылетели в Крым, причём группу возглавлял сам Берия... Я не знал, что и думать. Первым шоком были никогда мною не виданные истребители сопровождения, которые были высланы нам навстречу из Крыма. Я, конечно, не лётчик, но всё равно вижу, что здесь нечто запредельное, рассчитанное на совершенно другие скорости и высоты. Командир спецборта, полковник Ольхович, на мой вопрос об этих самолётах, ответил, что не такие уж они и невиданные. Многие немецкие лётчики их видели лично, но вот беда – они уже никому ничего не расскажут.

Потом был аэродром Сарабуз в Симферополе и мобильный КП Первой Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады ОСНАЗ РКК, который по сути выполнял функции штаба фронта при генерал-лейтенанте Василевском. Я в сухопутных делах разбираюсь слабо, но ведь получилось же у него с помощью командиров из будущего совершенно мизерными силами разгромить 11-ю армию Вермахта. Товарищ Сталин поставил передо мной не менее важную задачу – объединить под своим командованием то, что осталось от Черноморского флота, и эскадру из будущего, после чего установить на Чёрном море господство нашего флота. Чтобы немцы из страха перед нашей новой десантной операцией, держали бы по побережью такую же плотность войск, как и на фронте.

Потом за нами с товарищем Берия с эскадры прилетел маленький винтокрылый аппарат. То есть, маленьким он был лишь для местных масштабов, а так вполне себе ничего аппарат по сравнению с У-2 и Р-5, на которых мне доводилось летать. По крайней мере, разместились мы там почти с комфортом. Полёт в облачную, беззвёздную ночь, похож на висение в чёрной темноте. Вертолёт, казалось, жужжал на месте как муха, влипшая в чёрную смолу, ни на метр не приближаясь к нашей цели.

Потом впереди загорелся огонёк, за ним – другой. Вскоре перед нами открылась освещённая по-походному эскадра из будущего. Нельзя сказать, что тут всё сияло и переливалось, как в городах Европы, но и особой светомаскировки тоже не было. Это какое же у них должно быть ПВО, чтоб совершенно не бояться немецких налётов!

- А что нам их бояться? – ответил на мой вопрос пилот вертолёта, из-за шума двигателей приходилось кричать. – Это пусть они нас боятся.

Среднее время жизни их бомбардировщика при попытке бомбёжки – пять с половиной секунд. Это вам, товарищ адмирал, не Птичий рынок, а централизованная интегрированная система ПВО!

Вертолёт заложил вираж, и перед нами оказался расцвеченный посадочными огнями настоящий плавучий аэродром. Пилот с какой-то детской гордостью произнёс:

– Наш "Кузя!" – и у меня захватило дух.

Корабль был величав и огромен, и, самое главное, он жил! По палубе перемещались острокрылые самолёты, вроде тех, что сопровождали нас от Ростова до Симферополя, и подобно муравьям двигались фигурки людей. Пилот повернул к нам голову и, перекрикивая шум двигателя, сказал:

– Товарищи, небольшая задержка, "Кузя" выпускает ударную тройку "сушек", просьба зависнуть в зоне ожидания.

Мы с Берией, как по команде, прилипли носами к стеклам иллюминаторов. Он ещё вполголоса ругался по-грузински, кажется, в самый неподходящий момент у него запотели стекла пенсне. Протерев иллюминатор, я увидел стоящие в носовой части палубы авианосца три самолёта, похожие на те, что я уже видел, но, по габаритам, всё же крупнее. Точно: тех называли МиГами, а эти – Су. Их двигатели уже работали – в темноте были видны голубоватые струи раскалённого газа, ударяющие в поднятые отбойные щиты. Даже сюда, метров за пятьсот, доносился тяжёлый рёв их работающих двигателей. Вот звук изменился, перешёл в свист, плавно переходящий в ультразвук, и самолёт на левой передней позиции начал свой разбег. Удивительно, но ста метров стартовой дорожки хватило для взлёта машине, которая, как я потом узнал, по своей массе не уступала тяжёлому бомбардировщику ТБ-7. Я затаил дыхание, когда, подскочив на трамплине, этот тяжеловес чуть просел, а потом устремился в небо. Подобно эресам опираясь на два столба огня, машина продолжила карабкаться ввысь. Когда она только-только стала отрываться от палубы, я успел разглядеть под её крыльями гроздь бомб. Значит, это уже не разведка, которая могла вылететь, ещё когда мы были в Симферополе, а самая настоящая ударная группа.

Вслед за первым самолётом на взлёт пошёл его сосед справа. В то же время я обратил внимание, что на первой позиции начал опускаться газоотбойный щит, открывая дорогу на взлёт третьему самолёту. Взлетев один за другим, тройка собралась в боевой порядок и, обогнув нас по широкой дуге, с набором высоты ушла куда-то в сторону Одессы.

После того, как самолёты скрылись из глаз, наш пилот крикнул:

– Садимся! – и наш аппарат быстро пошёл вниз.

Пока мы снижались, краем глаза я успел заметить, что на стартовую позицию выдвигают следующую тройку самолётов. Да, немцам предстоит весёлая ночь! Пока мы летели от Ростова до Симферополя, я успел узнать от майора Санаева, какой погром люфтваффе эта авиагруппа учинила в ночь с четвёртого на пятое января. Потом им мешал работать шторм, а вот сегодня у немцев, похоже, будет ещё один ночной "праздник".

Вертолёт ударился о палубу всеми четырьмя колесами, спружинил, и свист двигателей над головой стал стихать. Распахнулась дверь, и в её проёме, в лучах прожекторов, показался... золотопогонник, будто шагнувший сюда из времён до семнадцатого года. Хорошо, майор госбезопасности Санаев заранее провел со мной инструктаж по тем порядкам, какие царят у потомков. Оказалось, что через год товарищ Сталин снова введёт в армии и флоте погоны в знак единства прошлой и будущей истории, а также окончательного завершения Гражданской войны. А у моряков погоны на парадной форме как раз золотого цвета. Я напряг свою память: две маленькие звёздочки при одном просвете – лейтенант. А нарядился этот мальчик как раз для нас, уже один раз бывших для него историей. Откозыряв ему в ответ, я наконец ступил на палубу корабля своего имени. Обернувшись, увидел, как лейтенант так же старательно козыряет Берию. Мда! Это что же должно было произойти в будущем, чтоб БЕРИЯ вызывал у молодых командиров чуть ли не щенячий восторг? А вот Лаврентию Павловичу такая встреча понравилась, стёкла пенсне сверкнули вполне одобрительно.

Я стоял на палубе этого прекрасного корабля, и ком застрял у меня в горле. Значит, не зря прожил свою жизнь, если моим именем через столько лет назовут авианосец. Не зря мы отрывали от людей их последние копейки и рубли, строили новые и ремонтировали старые корабли. И вот на том самом Севере, где я впервые вышел в море, ещё совсем мальчишкой, теперь несёт службу корабль моего имени!

Встретивший нас вслед за вахтенным старший помощник командира корабля проводил нас наверх, в главный командный пункт. Оттуда, с высоты пятиэтажного дома, весь корабль был как на ладони. Он был прекрасен и грозен. Снова у меня замерло дыхание...

Контр-адмирал Ларионов оказался невысоким, чуть плотноватым мужчиной с редеющими зачесанными набок волосами. Портрет добавляли быстрые точные движения крупных рук и прищуренный, оценивающий взгляд серых глаз. Была в нём какая-то особенная грация хищника, бойца, вожака.

Товарищи, я служу на флоте всю свою жизнь, дослужился до адмирала

и Наркома военно-морского флота. Так вот, эта работа требует способности мало-мальски разбираться в людях. Я вам скажу, что увидев контр-адмирала Ларионова, я не удивился, что с первых же минут своего пребывания в нашем времени, он, убеждённый в ценности нашего советского государства и правильности курса товарища Сталина, начал наносить немцам удары сокрушительной силы. Это же можно сказать и о других командирах и бойцах соединения из будущего, которые своим участием помогли сломать хребет фашистской гадине и перенести войну в её логово, в Германию.

Все они – моряки, лётчики, морские пехотинцы, разведчики-осназовцы, танкисты, артиллеристы – очень скоро стали настоящим ужасом для немецко-фашистских захватчиков. Ну а мы, командование Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота, со своей стороны, делали всё, чтобы и остальные советские бойцы были для врага так же страшны, как наши потомки. Разрабатывалось и принималось на вооружение новое оружие, совершенствовались уставы и боевые наставления. В минуты затишья войска проходили боевую учёбу.

Но всё это будет потом, а пока мы стояли в главном командном пункте авианосца моего имени, и у меня зрела уверенность, что если в прошлом наших потомков мы победили фашизм без их помощи, то теперь наша победа должна придти быстрее и с меньшими для нас потерями. Сколько жизней наших людей сберегли с их помощь – трудно даже сосчитать.

- Товарищи, этой ночью нам много предстоит сделать, но сперва... – контр-адмирал Ларионов сделал паузу. – Но сперва, товарищ Берия и товарищ Кузнецов, должен поставить вас в известность о том, что полчаса назад со мной на связь выходил товарищ Сталин. Верховный Главнокомандующий интересовался обстановкой и просил, как только вы прибудете, немедленно с ним связаться.

Контр-адмирал Ларионов снял трубку большого красного телефона.

– Здравия желаю, товарищ Сталин. Так точно, товарищи Кузнецов и Берия прибыли. Спасибо, товарищ Сталин, справимся. Вы прислали нам на помощь самую тяжёлую артиллерию, – потом протянул трубку Берии. – Вас!

- Лаврентий, – донесся до Берии знакомый голос вождя, находящегося за две тысячи километров, – этот Октябрьский совершенно вывел меня из терпения своей пассивностью. Он не выполнил прямой приказ Ставки вывести флот в море и подвергнуть обстрелу Ялту. Ссылается на плохую погоду и возможность налёта нэмецкой авиации. То, в какую дыру товарищ Ларионов и его авиагруппа засунули нэмецкую авиацию знают все, кроме

товарища Октябрьского. А вот теперь ты скажи мне, как там с погодой?

Берия вздохнул, и ответил:

– Самолёты с авианосца летают, товарищ Сталин, уже где-то в течении часа. Значит, товарищи потомки считают эту погоду вполне приемлемой для боевых действий.

В воздухе повисла пауза.

– Товарищ Берия, передайте трубку товарищу Кузнецову!

Всем абсолютно было понятно, что идут последние минуты, когда адмирала Октябрьского называют ещё товарищ, а не гражданин. Отчего все испытывали определённую неловкость, даже Берия. С таким вот тяжёлым чувством трубку взял и я, непосредственный начальник проштрафившегося адмирала.

– Слушаю вас, товарищ Сталин...

- Это я вас слушаю, товарищ Кузнецов, – ответил Сталин, и чётко, с нажимом выговаривая каждое слово, спросил: – Так как, можно в такую погоду воевать на море, или нет? Да или нет, товарищ Кузнецов?

- Так точно, товарищ Сталин, можно! – словно бросаясь в ледяную воду, ответил я. Ведь эта непонятная пассивность Октябрьского каждую минуту уносит жизни наших бойцов и командиров...

- Хорошо, товарищ Кузнецов, – ответил Сталин. – И довольно об этом. Передайте трубку товарищу Берии.

Вообще этот аппарат из будущего говорит достаточно громко, чтобы мы все слышали слова товарища Сталина.

– Товарищ Берия, арестуйте бывшего командующего флота Октябрьского за неоправданную и преступную пассивность в боевой обстановке. Выясните, эта пассивность вызвана его личными качествами, или... – в воздухе повисла тяжёлая молчание. – Если вы не уверены в сотрудниках Севастопольского управления НКВД, то попросите людей у полковника Бережного. У них очень хорошо получилось с Козловым. Дураки и предатели в нашем командовании хуже врага, потому что они бьют нашей Красной Армии в спину. Товарищ Кузнецов!

- Слушаю товарищ Сталин, – я схватил трубку дрожащей от волнения рукой.

- Товарищ Кузнецов, немедленно примите командование Черноморским флотом! – услышал я голос Сталина. – Но помните, что от обязанностей Наркома вас никто не освобождает. Крымская операция должна быть завершена в кратчайшие сроки. На ликвидацию окружённой ялтинской группировки противника даю вам двое суток. Я вам доверяю, а товарищи Берия, Ларионов, Василевский, Рокоссовский, Бережной вам

помогут. У вас там собралась такая сильная команда, что с ней можно войну выиграть, а не только Крым освободить. Вы всё поняли?

- Так точно, товарищ Сталин, понял, – подтвердил я полученное приказание Верховного. – Разрешите выполнять?

- Разрешаю. И чем вы быстрее всё это сделаете, тем будет лучше. Удачи вам, товарищи, и успехов!

На секунду в воздухе повисла тяжёлая пауза.

- И вот ещё что, товарищи командующие. Краснофлотцам и командирам соединения, попавшего к нам из будущего, знаков различия не менять, над кораблями флаги РККФ не поднимать, временно оставить на мачтах андреевские флаги. У нас тут появилась идея, как использовать этот факт для политической дезинформации противника. Пусть поломают головы, что бы это значило, и в Лондоне, и в Берлине. Пока вы в море, торопиться вам некуда. До свиданья, товарищи... – на главном командном пункте повисла глухая тишина.

Первым прервал её Берия.

- Ну вот и поговорили, товарищи, – блеснули стекла его пенсне. – Как будем исполнять поручения Верховного Главнокомандующего?

Мы с Ларионовым непроизвольно переглянулись, почувствовав какую-то нутряную солидарность флотских перед чекистом. И неважно, что когда он родился, я был уже глубоким стариком, сейчас-то он, пожалуй, и постарше меня будет.

- Ну, Виктор Сергеевич, – посмотрел я на адмирала, – какая у нас программа?

- Программа у нас, Николай Герасимович, простая, – ответил тот. – Мы их дерем, они визжат!

Все улыбнулись, даже Берия.

- На рейде Евпатории мы оставляем отряд из вспомогательных судов и двух СКРов. Транспорт "Колхида" вот-вот снова встанет под разгрузку. Там ещё осталось много приятных сюрпризов для германского командования. Дизель-электрическая подлодка "Алроса" находится на боевой позиции на траверзе Констанцы. Как вы знаете, она уже открыла свой счёт на этой войне...

- Товарищ контр-адмирал, а что это за название такое странное "Алроса"? – задал вдруг вопрос Берия.

- Лаврентий Павлович, можно из уважения к тому, что вы сделали для страны и ещё сделаете, я буду обращаться к вам по имени-отчеству, как принято у нас, у моряков?

Берия кивнул, по его лицу было видно, что он ошарашен и польщён

таким отношением к себе. Ведь до сих пор его, всемогущего наркома внутренних дел, с его весьма специфической репутацией, все только боялись. Так всё же что у них там случилось в будущем такого? Ведь Ларионов это не из страха сказал, а с истинным уважением. Жаль, что я не воспользовался возможностью расспросить майора госбезопасности Санаева обо всём ещё в самолёте.

А Ларионов выдержав паузу и, как истинный ценитель, полюбовавшись на все оттенки эмоций на обычно непроницаемом лице Берии, продолжил.

– Так вот, Лаврентий Павлович, "Алроса" – это название горнодобывающей государственной компании "Алмазы России". Эта самая компания взяла над лодкой шефство, финансировала ремонтные работы, ну и делала много чего полезного. А взамен лодке было присвоено личное имя, совпадающее с названием компании. Сама лодка относится к классу дизель-электрических подводных лодок пониженной шумности "Варшавянка". У вероятного противника этот класс проходил под прозвищем "Чёрная дыра". Были известны случаи, когда такие лодки внезапно всплывали посреди англо-американского флота. Например, у матроса приступ аппендицита, просьба принять в госпиталь. А потом снова погружались и исчезали. И хоть ты бей акустика гаечным ключом по голове – вот она была, и нету.

Я улыбнулся, представив себе истерику на акустическом посту, уж очень бы хотелось на это взглянуть. А Виктор Сергеевич тем временем продолжал.

– Думаю, немцы с румынами вообще не поняли, что это была атака подлодки, потому что стреляла "Алроса" бесследной и малошумной электроторпедой. Се ля ви, как говорят французы. Я ответил на ваш вопрос, Лаврентий Павлович?

- Да, – Берия протёр пенсне, – ответили, Виктор Сергеевич. Продолжайте, пожалуйста.

- Итак, в действующий отряд войдут: авианесущий крейсер "Кузнецов", ракетный крейсер "Москва", большой противолодочный корабль "Североморск" и эсминец "Адмирал Ушаков"... Этого вполне достаточно, чтобы в случае мало-мальски вероятного немецкого налёта организовать непробиваемую систему зенитного огня...

- Откуда налёт? – не понял я, – Вы же вроде...

- Эх, Николай Герасимович, Николай Герасимович, – покачал головой контр-адмирал Ларионов. – Вы забыли про немецкие авиабазы в Греции и на Крите. Они для нас недосыгаемы по двум причинам. Во-первых, удар

через территорию формально нейтральной Турции должен решаться совсем не на моём уровне. И во-вторых, зачем облегчать жизнь нашим заклятым друзьям-англичанам? А вот Берлин вполне может выкрутить президенту Инёню руки, чтобы он разрешил пролёт немецких самолётов над турецкой территорией. Так что налёт маловероятен, но вполне возможен. Это же касается и Евпатории: два СКРа, плюс уже выгруженные там самоходные зенитки "Панцирь" быстро отобьют у асов люфтваффе желание летать. Один мой знакомый мусульманин говорил: "На Аллаха надейся, а верблюда привязывай". Теперь понятно, Николай Герасимович?

Я кивнул, и контр-адмирал продолжил.

– Кроме ударных кораблей в действующий отряд будут включены все четыре больших десантных корабля. Без техники и по поговорке «в тесноте, да не в обиде» каждый из них сможет поднять не менее двух тысяч штыков. Мой план такой. Насколько я знаю, сейчас в районе Феодосии находятся: линкор "Парижская Коммуна", крейсер "Красный Крым", эсминцы "Незаможник", "Железняков", "Шаумян". Корректировать огонь группировки можно будет с "Ушакова", там есть специальная радарная система управления артиллерийским огнём. От эсминцев, как от кораблей артиллерийской поддержки, толку будет не особо много, зато для подавления береговой группировки немцев будут крайне полезны "чемоданы" с "Парижской коммуны"... Но это уже ваша епархия Николай Герасимович, это вам решать. Всё, что я хочу вам предложить, – это артиллерийский удар перед рассветом с высадкой десанта с первыми проблесками зари непосредственно на причалы в Ялте. Как только немцы втянутся в бой с десантом, вдоль берега от Фороса и Алушты ударят сухопутные части. Как вам мой план, товарищи?

Я не знал, что сказать. Конечно, жаль, что боекомплект кораблей потомков нельзя пополнить с наших складов, но, в конце концов, у нас тоже силы не маленькие. Если к соединению "А" которое сейчас находится на траверзе Феодосии, добавить корабли находящиеся в Севастополе, то немцам придётся несладко. Переподчинить себе соединение "А" я смогу и отсюда, как нарком военно-морского флота, за всем прочим надо идти в Севастополь и разбираться с Октябрьским. Я посмотрел на Ларионова и кивнул:

– Примем это, как возможный вариант, Виктор Сергеевич.

Мы посмотрели на Берию, он тоже кивнул.

– Теперь в Севастополь?

- В Севастополь!

Контр-адмирал Ларионов вызвал по телефону своего начальника

штаба и отдал ему соответствующие указания. Некоторое время спустя вибрации корпуса корабля стала сильнее – мы набирали ход.

**7 января 1942 года. 20:05. Симферополь, пос. Сарабуз. КП
ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК . Старший лейтенант СПН ГРУ Бесоев
Николай Арсеньевич.**

Напротив меня сидит майор госбезопасности Санаев. Глаза усталые, настроение – как в понедельник.

– Товарищ старший лейтенант! – майор задумчиво перебирает бумаги, потом поднимает голову и смотрит мне в глаза. – Перед вашей группой поставлена ответственная задача. Вы должны немедленно выехать в Севастополь и оказать содействие в задержании бывшего командующего Черноморским флотом гражданина Октябрьского Филиппа Сергевича, 1899 года рождения, уроженца деревни Лукшино Старицкого уезда Тверской губернии. Содействие в смещении с поста и аресте бывшего командующего ЧФ будете оказывать лично Наркому Внутренних Дел Лаврентию Павловичу Берия и Наркому Военно-Морского Флота Николаю Герасимовичу Кузнецову. Для чего не позднее двадцати двух ноль-ноль вы вместе с группой должны прибыть на аэродром Херсонес. С задержанным обращаться вежливо, излишней грубости не допускать, физическое воздействие – по необходимости. Вам всё понятно?

Козыряю:

– Так точно, товарищ майор госбезопасности, всё!

Я тоже, считайте, не спал трое суток и у меня тоже гудит голова, но очевидно – это ещё не финиш. Вопрос, за что арестовывают Октябрьского, я задавать не стал. Это было известно всей бригаде. Та поза лежащего камня, которую он принял, наверняка, наконец-то вывела Иосифа Виссарионовича из равновесия. Первая молния ударила в командующего Кавказским фронтом генерала Козлова... Да, это я со своими парнями сопровождал тогда генерал-лейтенанта Василевского в Феодосию, в штаб Кавказского фронта. И стрелял начальник охраны Козлова не в кого-то из нас, а именно в генерал-лейтенанта Василевского. Сей факт, надеюсь, ещё станет предметом тщательного изучения следствием.

И вот очередь дошла до Октябрьского. Ведь в нашей истории, несмотря на все художества, к примеру, при эвакуации Севастополя, его так и не репрессировали. А зря! Хорошие репрессии тут совершенно не

повредят. А то распустились, понимаешь!

А майор-то смотрит на меня внимательно, не отпускает. Время же идёт! Потом он всё-таки решается заговорить.

– Товарищ старший лейтенант, у меня к вам личный вопрос. Я понимаю, что мы никак не могли встречаться раньше, но у меня постоянно такое ощущение, что я вас где-то видел...

Я вздыхаю.

– В зеркале вы меня видели, товарищ майор. Ну или почти меня. Особенно когда были моложе, примерно лет десять назад.

Майор уставился на меня непонимающим взглядом.

– Ведь вы же Санаев Иса Георгиевич, тысяча девятьсот пятого года рождения?

Майор машинально кивнул.

– Ваша младшая сестрёнка Нина двадцать четвёртого года рождения приходилась матерью моей матери, а вы мне, Иса Георгиевич, соответственно, двоюродный дед.

С остоленелого майора можно было с натуры писать картину про солевой столп. Было так тихо, что казалось, будто слышно, как в майорской голове ворочаются шестеренки. Я лично его не знал, да и не мог знать. Его, полковника госбезопасности, расстреляли вслед за Берией в пятьдесят третьем. Но у бабушки Нино был альбом с фотографиями времён её молодости... Я узнал своего двоюродного деда сразу, как только увидел его вместе с генерал-лейтенантом Василевским на КП бригады. Тогда он не заметил нашего сходства, лицо у меня было перемазано устрашающим гримом, а руки были по локоть в крови: пришлось подручными средствами экстренно потрошить пленного немецкого офицера-цивилизатора. Вы слышали, когда-нибудь, как визжит свинья, когда её режут? Тот вопил ничуть не тише, а в конце допроса просто взял и издох. Но мы уже получили все нужные нам ответы, что и позволило развить успех в ночь с пятого на шестое.

Что-то я отвлёкся... Дедушка-то, кажется, хоть ещё и держится за голову обеими руками, но уже начал постепенно приходить в себя. Эх, дед, дед, а ещё кровавая гебня!

Кашлянув, майор поднял на меня глаза.

– А ведь точно, стервец, похож! А я-то голову ломал! А Бесоевы – это какие будут? Владикавказские или...

– Бесланские! – вздохнул я и постучал пальцем по циферблату часов. – Время, товарищ майор госбезопасности.

– Ах, да, – встrepенулcя тот и, вскочив, начал быстро одеваться. –

Поеду с вами, а то неровен час...

Чего неровен час он не уточнил, а вместо этого спросил:

– Ну и как там?

- Плохо там, товарищ майор, – ответил я. – Опять была война, опять горе, опять кровь. Не надо об этом, тут этого своего хватает.

- Да, хватает! – майор госбезопасности надел полушубок. – Но всё-таки: вот какие у нас внуки – холодные и безжалостные! Манштейна брал?

Я мотнул головой.

– Нет, товарищ майор, в это время я со своей группой брал Евпаторийское гестапо. Поверьте, после этого любой Манштейн – такая преснятина.

- Оба-це! – Санаев остолбенел. – Так Евпаторийское гестапо – это твоя работа?! Не знал! Вы что, в самом деле там всех в ножи взяли?

- В ножи, не в ножи – не в том суть. Есть такие девайсы для бесшумной стрельбы...

- Что, что? – не понял майор. – Какие такие девайсы?

- Ну, устройства по-аглицки! – я показал ему глазами на часы. – Товарищ майор госбезопасности, времени же совершенно нет!

- Ах, да!

Он затянул ремень, снял с крюка трофейный "МП", и мы вышли в коридор. Это была та самая школа, где ещё двое суток назад размещался штаб Манштейна. Мои парни квартировали в самом конце коридора, в угловом классе. После давешней шутки с подрывом подстанции резервные генераторы едва справлялись с освещением, вольфрамовые волоски в лампочках едва рдели. Так, в багровой полутьме, почти на ощупь, мы дошли до нужной двери. Я распахнул её и рявкнул внутрь:

– Парни, подъём! Выходи строиться! Есть работа срочная и вполне не пыльная.

Ну, а дальше было как всегда. У нас же не пехота какая-нибудь, парни понимают, что ради забавы после трёх суток боёв я их от отдыха отрывать не буду. Вышли и построились как миленькие.

Пока они с привычными матюками обмундировывались и экипировывались, я связался с дежурным по бригаде и договорился взять для выполнения задания особой важности два "Тигра" и один тентованный КАМАЗ. Во-первых, понадобится возить товарищей Берию и Кузнецова. Во-вторых, арестованного, в-третьих, для целого взвода моих головорезов в полной боевой экипировке КАМАЗ – самое то.

Короче, со всеми делами выехали мы в сторону Севастополя в 20:28. Сто километров за полтора часа езды? Успеем! Хорошо, что шоссе

Симферополь-Севастополь при советской власти держали в более-менее приличном виде, да и водители у меня, сами понимаете, какие. Так что получилась не езда, а смертельный номер – "Только у нас и только для вас". Машины тоже звери, моторы ревут, скорость за сто. На что майор ГБ Санаев боевой мужик, но и он, побледнев, сидел на заднем сиденье "Тигра", прихваченный ремнем безопасности. Было видно, как перегрузки на виражах швыряют его из стороны в сторону. Да, такие гонки для местных – чересчур много адреналина. Отсюда, наверное, и общий успех наших действий: немцы просто не успевают ничего понять, когда мы их начинаем месить.

Короче, домчались до Севастополя ровно за час и пять минут. Майор госбезопасности сунул под лобовое стекло картонку с НКВДшным "вездеходом", так что на блокпостах нас вовсе и не останавливали, только завистливо провожали взглядами большие мощные машины незнакомых очертаний. Первым делом заехали в городское управление НКВД. Там тов. Санаев предъявил страшную ксиву личного порученца ЛПБ, чем произвёл эффект разворошенного муравейника. Туда-сюда забегало всё городское управление. Вскоре к нам присоединилась ещё одна полуторка с бойцами НКВД и капитан госбезопасности Осадчий. Следующий пункт назначения – аэродром. Не тот, который на мысу Херсонес, а второй, поближе. Капитана Осадчего посадили в нашу машину рядом с майором Санаевым. Гонки по ночному городу были не такими крутыми, но всё равно впечатляющими.

Ровно в двадцать два ноль пять наша автоколонна ворвалась на окраину аэродрома. С юга, в облачной мгле, уже довольно близко были видны фары заходящего на посадку вертолётa и слышен довольно специфичный, ни на что здесь не похожий свист турбин. Фары поставленных полукругом машин высветили площадку на окраине аэродрома. Пилот всё понял и плавно опустил свою вертушку в самой середине светового пятна. Из раскрытого люка на землю спустились двое, придерживая от ветра головные уборы. Майор госбезопасности Санаев шагнул вперёд, прикладывая руку к шапке.

– Товарищ Народный Комиссар Внутренних Дел...

Я непроизвольно бросил взгляд в сторону капитана ГБ Осадчего – боже ж ты мой, с человека можно было в натуре писать картину "Приплыли": трепет и благоговение во взоре. Пока мой двоюродный дед рапортовал, капитан Осадчий просто млел от присутствия столь высоких особ.

- Товарищи, – выслушав рапорт, Берия быстро оглядел собравшихся, –

не будем зря терять времени. Николаю Герасимовичу как можно быстрее надо принять командование.

Он посмотрел на майора ГБ Санаева.

– Товарищ майор, на какой машине мы поедем? А то я гляжу, вы здесь целую автоколонну собрали.

- Сюда, товарищ Народный Комиссар, – майор показал на наш "Тигр".

– Товарищ Кузнецов поедет во второй машине с капитаном госбезопасности Осадчим.

- И много у вас людей? – Берия бросил быстрый взгляд на стоящие чуть в отдалении КАМАЗ с полуторкой.

Майор госбезопасности Санаев козырнул.

– Товарищ нарком, к операции привлечены: взводная тактическая группа осназа РГК, командир старший лейтенант Бесоев, и опергруппа Севастопольского отдела НКВД, командир капитан НКВД Осадчий.

- Так, так, – Берия сделал шаг в мою сторону, и прищурился. – Слюшай, товарищ майор, мне кажется, что старший лейтенант Бесоев чем-то на тебя похож?

Мой двоюродный дед, тяжело вздохнул.

– Так точно, товарищ Народный Комиссар, он внук моей младшей сестры, Нины.

Тут челюсть капитана НКВД Осадчего совершенно отвалилась и осталась висеть на специальных страховочных верёвочках, придуманных как раз на такой случай. А то грохоту бы было! А в НКВД лишнего шума не любят.

Берия одобрительно посмотрел на меня, потом на майора и проходя к машине мимо остолбеневшего капитана Осадчего, вдруг не удержался и выдал фразу почти по Райкину:

– Товарищ капитан, закройте рот, ми уже всё сказали!

Потом взялся за дверцу, задумался и добавил:

– И вообще, вам лучше забыть всё, что вы здесь случайно услышали. Это я вам как ваш прямой начальник говорю.

С этими словами милейший Лаврентий Павлович из пронзительной сырости январской севастопольской ночи переместился в жарко натопленный салон "Тигра", в комфорт и уют. Это конечно не представительский "Паккард", но и не "эмка".

- Коля, – сказал я своему водителю, садясь на переднее сиденье, – ты особо не гони. Помни, что везешь не дрова, а лично товарища Берию. Веди аккуратней, тщательнее можно сказать... тут недалеко, мы успеем.

- А пачему не гнать? – с лёгким кавказским акцентом вмешался в

разговор товарищ Берия. – Время дорого, так что давайте без нежностей.

– Товарищ сержант, – это он Коле, – вообразите, что у вас на заднем сиденье не товарищ Берия, а эти, как его, дрова.

Во, блин, юморист!

Майор ГБ Санаев повернулся к Берии.

– Товарищ Народный Комиссар, вы извините, но этот Коля, если дать ему волю, вытрясет из вас душу. Мне эти ночные гонки из Симферополя в Севастополь на всю жизнь запомнятся. Я чуть не поседел раньше времени.

Тем временем мы выехали с окраины аэродрома в Николаевке и направились в сторону Южной бухты. Быстро, но и без всяких каскадёрских штук.

- Товарищ майор госбезопасности, – в зеркало заднего вида было видно, как Берия одним глазом посмотрел на моего двоюродного деда. – Ранняя седина – это наше с вами профессиональное заболевание. Обыкновеннейшая вещь. Единственное спасение от неё – лысина.

Потом гениальный менеджер вот так, через зеркало, встретился взглядом со мной. Сказать честно, это было как удар током.

– Товарищ старший лейтенант, я уже где-то слышал вашу фамилию, только не могу вспомнить где?

«Ой, – подумал я, – хитрит ЛПБ, с его-то памятью – и не запомнить! Но если он так хочет, подыграем!» Но вслух ничего сказать не успел. Вмешался мой дорогой двоюродный дед.

– Товарищ Народный Комиссар, старший лейтенант Бесоев командовал штурмовой группой, которая в ночь с четвёртого на пятое января захватила евпаторийское гестапо.

- Ой, как хорошо! – всплеснул руками Берия. – Вы, товарищ старший лейтенант просто замечательный человек. Только вот скажите, как вы додумались, пригвоздить руки начальника гестапо к рабочему столу эсэсовскими кинжалами? Его собственным и его покойного адъютанта.

Глаза Берии смеялись.

– А у вас есть чувство юмора, ведь при этом вы ещё сказали ему: «Сиди здесь и никуда не уходи». Он и просидел так почти двое суток, пока из Севастополя не прибыла следственная группа и не освободила его. Бедняга грозился написать на вас жалобу в Красный крест за негуманное обращение с пленными. А остальные всё это время ждали следователей, связанные по рукам и ногам. Ну никакого в вас нет уважения к правам сверхчеловеков.

Лицо Берия сделалось серьёзным.

– От лица Советского Правительства выражаю вам благодарность за

спасение жизней наших граждан и поимку опасных военных преступников. Вы и вся ваша группа по линии нашего наркомата уже представлены к правительственным наградам.

Полуобернувшись назад, я торжественно пожал Лаврентию Павловичу сухую жилистую руку.

Берия хотел ещё что-то спросить, но тут мы приехали. Командный пункт флота, пристроенный к подземной АТС, был врезан в склон горы на берегу южной бухты рядом с железнодорожным вокзалом. Небольшой бункер, площадью всего сто квадратных метров поражал своим эстетическим минимализмом.

Не успели машины остановиться, как бойцы НКВД горохом посыпались из полуторки, оцепляя вход в сооружение по периметру. Правильно, ибо нефиг! Поскольку нам было известно, что АТС и ФКП сообщаются под землей коридором, я послал внутрь АТС одно отделение в сопровождении местных сотрудников с приказом заранее заблокировать этот ход и не дать никому избежать нашего настойчивого внимания.

Ещё одна группа в темпе разоружила охрану у входа, не дав закрыть массивную стальную дверь. Товарищам не сделали ничего плохого, только аккуратно зафиксировали. Но всё равно некоторые из них продолжали крыть нас "проклятыми беляками".

Я вполголоса сказал Берии.

— Товарищ народный комиссар, боюсь, что здесь и есть самое гнездо скорпионов и ехидн. До людей что, вообще никакую информацию не доводили?

- Товарищ старший лейтенант, боюсь, что вы правы.

Берия чуть заметно кивнул и брезгливо посмотрел на отчаянно матерящегося начальника караула с нашивками капитан-лейтенанта на рукавах, потом повернулся к подошедшему Кузнецову.

— Ну что, товарищ Кузнецов, пойдёмте, побеседуем с вашим подчинённым, для которого война с мифическими беляками важнее войны с реальными фашистами.

Мои бойцы тут же взяли обоих наркомов в бронированную "коробочку", и мы быстрым шагом вошли внутрь объекта. Почти сразу же, прямо перед нами, в подземном коридоре, уходящем вглубь горы, послышался топот ног и невнятная возня. Выстрелов же, слава Святому Георгию, не было. Некоторое время спустя, мой "засадный полк" вытолкнул нам навстречу из-за поворота коридора троих. Одним из этой троицы и был адмирал Октябрьский. Другой являлся его адъютантом, третий же был пока непонятым типом в штатском.

Вперёд выступил Берия.

– Гражданин Октябрьский, решением Ставки Верховного Главнокомандования, вы отстранены от исполнения обязанностей командующего Черноморским флотом и арестованы по обвинению в неисполнении приказов Верховного Главнокомандующего. Временно, до назначения нового командующего, обязанности командующего Черноморским флотом решением Ставки возложены на адмирала Кузнецова Николая Герасимовича, наркома ВМФ. Приступайте товарищ Кузнецов, со странной пассивностью наших моряков надо покончить как можно скорее!

Берия кивнул моим парням:

– Всех троих в Симферополь, в ваш штаб, вернусь – ещё побеседую.

За какие-то несколько секунд, "клиенты были упакованы как следует, то есть руки скованы за спиной наручниками, а рты заклеены липкой лентой.

Товарищ Кузнецов в сопровождении пары бойцов ушёл в узел связи поднимать корабли по тревоге и брать под контроль флотское хозяйство, а мы уложили "упакованных" клиентов в багажное отделение одного из "Тигров". Тут наши пути разошлись.

Товарищи Кузнецов и Берия на лидере "Ташкент" в сопровождении крейсера "Молотов" уходили в море на соединение с нашей эскадрой. Правда, сперва они должны были обеспечить погрузку на наши БДК двух свежих полков 336-й дивизии, только недавно прибывших в Севастополь из Новороссийска и до сих пор находящихся в резерве. Решить этот вопрос с товарищами Василевским и Рокоссовским с нашей связью не составило никаких проблем. Надо было видеть, с каким уважением смотрел после этого адмирал Кузнецов на маленькую чёрную коробочку.

Капитан НКВД Осадчий со своими бойцами возвращался в своё управление с приказом забыть всё, что видел и слышал. Ну а мы вместе с очередными "жертвами сталинских репрессий" отправлялись обратно в Сарабуз с надеждой, что нам всё-таки дадут поспать сегодня хоть три-четыре часа.

7 января 1942 года, 23:15, Севастополь, Северная бухта, лидер «Ташкент». Командир корабля, капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ерошенко

Телефонный звонок из штаба флота, прозвучавший за час до полуночи, был для нас полной неожиданностью. Мой комиссар Григорий Андреевич Коновалов в это время тоже был со мной на главном командном посту. Сняв трубку, я неожиданно для себя вместо голоса контр-адмирала Октябрьского услышал голос нашего наркома Николая Герасимовича Кузнецова. Уж его-то я ни с кем не перепутаю. Нарком спросил:

– Капитан 2-го ранга Ерошенко?!

- Так точно, товарищ нарком! – браво ответил я.

– Сколько времени тебе надо, чтобы отдать швартовы?

Я задумался.

– Полчаса, товарищ нарком, – потом добавил. – Товарищ адмирал, я не получал никаких указаний насчёт выхода в море от штаба флота или от товарища Октябрьского...

Адмирал Кузнецов громко хмыкнул в трубку.

– Считаю, что получил – Черноморским флотом временно командую я.

- А товарищ Октябрьский!? – не понял я.

- А товарищ Октябрьский уже не товарищ. Гражданин Октябрьский решением Ставки за пассивность в боевой обстановке при выполнении стратегической наступательной операции снят с должности и арестован. И теперь товарищи из НКВД будут выяснять у него, как он дошёл до жизни такой. Понятно?!

- Так точно товарищ адмирал, понятно! – я сделал своему комиссару, который стоял рядом и слушал наш разговор, жест, который должен был означать: "Вот видишь, я же тебе говорил!".

- Ну, молодец, если понятно, жди. Буду у тебя через десять минут. И самое главное – ничему не удивляйся!

И товарищ Кузнецов отключился.

- Что значит – ничему не удивляйся? – не понял я, тоже положив трубку. Но приказ получен, и надо его исполнять. Тем более что вон командующий флотом уже загремел под фанфары за "неоправданную пассивность". Быстро отдал команду командиру БЧ-5 поднять пары до полных, а командирам БЧ-2 и БЧ-3 объявил готовность номер 1 через тридцать минут.

До этого мы поспорили с комиссаром и со старшим помощником: кто слетит со своего поста после того, как вчера днём страшно поскандалили Василевский и Октябрьский. Тогда Октябрьский флот в море так и не вывел, ссылаясь на шторм и немецкую авиацию. Правда, той немецкой авиации в Севастополе не видели с вечера четвёртого числа. Уже утром пятого всё как отрезало. Три дня ни налётов и бомбёжек, ни даже

одинокого разведчика. Тишь и благодать.

Что-то я задумался, а на стоящем у причала рядом с нами крейсере "Молотов" тоже началась суeta. Значит, не нас одних подняли по тревоге. Правильно, хватит нам бегать от немцев, теперь пусть немец побегает от нас. А комиссар мой стоит рядом задумчивый-задумчивый. Это что же делается, если сняли с должности и арестовали пусть и полного дурака, но ведь дурака-то политически правильного и идеологически выдержанного! Который даже свою безыдейную фамилию Иванов, сменил на революционную – Октябрьский. А эти рассказы, что в Крым прорвались беляки, как в двадцатом, и сейчас...

А вот что "сейчас", никто так сказать и не смог, а "беляки" оказались Осназом РВГК. Весь Севастополь видел тот танк с двухствольной пушкой, на котором Василевский приехал на ФКП ругаться с Октябрьским. И тех головорезов, которые сидели на этом танке в пятнистых куртках и штанах, обвешанные оружием с ног до головы. Наши это, а не какие не беляки. Знакомый там рядом был, рассказывал. У этих, у пятнистых, каждое третье-четвёртое слово – товарищ. Товарищ боец, товарищ сержант, товарищ капитан, товарищ Иванов, товарищ Сталин. А беляков, даже перекованных, вы этому не научите, это у них самое грязное ругательство. А если и говорят, то тянут так, словно рот полон слюны.

Минут через десять на набережной со стороны Южной бухты вспыхнули синеватые огни двух маскировочных фар. Мы с комиссаром только охнули, когда из широкой, мощной даже на вид легковой машины выбрались Николай Герасимович Кузнецов, и известный всей стране "человек в пенсне". С другой стороны машину обошёл осназовец. Никем другим этот высокий военный в чёрной как ночь униформе и круглом шлеме быть не мог. Обменявшись с нашими гостями парой слов, он пожал им обоим руки и, дождавшись, пока они по трапу поднимутся к нам на борт, уехал куда-то по своим делам.

- Интересно, – сказал мне мой комиссар, – товарищ Берия – это весь сюрприз, который нам обещал товарищ Кузнецов, или будут ещё?

- Не знаю, Гриш, – ответил я, одергивая китель перед приходом сразу двух наркомов. – Обстановка сейчас такая, что я бы не зарекался. Так что, был приказ – ничему не удивляться, а мы с тобой люди военные, приказы должны выполнять. И попомни моё слово, сегодня будет, на что посмотреть. Мы или сгинем бесследно, или войдём в историю вместе с нашим "Ташкентом".

Не успел комиссар ничего мне ответить, как вахтенный ввёл на главный командный пост товарищей Кузнецова и Берия. Зажмурив глаза, я

шагнул вперед.

– Товарищ народный комиссар военно-морского флота, лидер "Ташкент" приводится к состоянию "Готовность номер 1", будет готов выйти в море, – я посмотрел на часы, – через двенадцать минут. Докладывал командир корабля, капитан 2-го ранга Ерошенко.

- Вольно, товарищ Ерошенко!

Николай Герасимович выложил перед нами карту.

– Ваша первая задача на эту ночь – встретить вот в этой точке, юго-западной мыса Херсонес, четыре больших десантных корабля и сопроводить их в бухту Стрелецкая для погрузки на борт личного состава десанта. Всё понятно?

Мы с комиссаром кивнули, а в голове метались мысли: большие десантные корабли – звучит грозно. Но в РККФ нет кораблей такого класса, как, кажется, и ни в одном флоте мира. И откуда они тут взялись, да ещё и четыре штуки сразу? Это случайно не те, с которых высаживалась мехбригада полковника Бережного под Евпаторией? А как же, наслышаны-наслышаны – шок и трепет. Но только вот так высаживать десант, прямо на плавающих танках, кажется, ещё никто толком не догадался.

Мою мысль опередил мой комиссар.

– Товарищ нарком, а это случайно не корабли из состава той эскадры под Евпаторией? Так ходили слухи, что над ними – андреевские флаги...

Ответил моему комиссару не наш нарком, а "человек в пенсне".

– Ви, товарищ батальонный комиссар, должны знать: всё, что относится к этой эскадре и особой мехбригаде, имеет гриф "Особой важности". А вдруг товарищ Сталин решил устроить, скажем так, провокацию против наших противников и союзников в этой войне – особенно союзников? Ми, большевики, всегда добивались своего, не мытьем, так катанием...

И Берия рассмеялся своим тихим смехом. Отсмеявшись, он добавил, блеснув стеклами пенсне:

– Ви, товарищи, находитесь у нас на хорошем счету, а иначе составили бы уже компанию гражданину Октябрьскому. Ведь верно, товарищ Кузнецов?

Наш нарком оторвал свой взгляд от карты и кивнул:

– Да, товарищ Берия, верно. Это один из наилучших кораблей Черноморского флота. Я надеюсь, что мы не дадим погибнуть ему так нелепо, как в тот раз.

- Товарищ Кузнецов... – укоризненно покачал головой Берия, – вот вы сами и нарушаете. А ведь товарищ Сталин вас предупреждал...

У меня возникло ощущение, что совсем недавно произошло какое-то событие, которое в корне изменило мир, и тот уже не будет прежним. А разгром 11-й армии – это какой-то побочный эффект явления. Вот Кузнецов с Берией в обнимку ходит. Арестован Козлов, который при высадке десанта угробил народа и техники больше, чем в боях, арестован "идейный" Октябрьский, потому что его пассивность была просто неприличной на фоне чужих успехов. Да ещё в наши палестины пожаловали одновременно зам начальника генштаба и два наркома. Делайте выводы, товарищи, делайте выводы.

**7 января 1942 года, 23:15. ТАКР "Адмирал Кузнецов".
Старший лейтенант Покрышкин А.И. (Глава из книги "Небо войны" А.И. 1985 год)**

- Товарищи, неужели так бывает?

Я стою растерянный и смущённый на палубе тяжёлого авианесущего крейсера и не могу разобраться в себе. Хорошо это, что к нам на помощь пришли наши потомки из далёкого будущего, или плохо? С одной стороны, сколько же жизней наших товарищей они уже сохранили – и всего-то за три считанных дня! А сколько сохраняют ещё? Нет, товарищи, тут, пожалуй, счёт пойдёт на миллионы. С другой стороны, а как же мы сами? В их-то истории мы победили и без помощи из будущего? Но, наверное, мы там недостаточно победили, со слишком большими потерями. Кажется, это называется пиррова победа. И вот кто-то решил подправить ситуацию, сделать потери меньше, а результаты победы больше. Чтоб война закончилась, к примеру, не в Берлине, а в Париже. Не в сорок пятом, а сорок третьем. И народу чтоб погибло вдвое меньше. А кто же такой этот кто-то? Так недолго и до бога договориться. И вообще, мысли путаются, лучше не задумываться о причинах, а принять всё, как оно есть. Я уже один раз был великим лётчиком, трижды Героем Советского Союза и маршалом авиации, хи-хи, как Геринг.

А начиналось всё вот как. Когда мы вошли в аэродромную столовую, меня приветствовали возгласом: "Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин ист ин дер люфт!" – "Внимание! В небе Покрышкин!". Ну, я сначала не понял, о чём речь, потом мне пояснили. Оказывается, так орут гитлеровские авианаводчики, когда я вылетаю на задание.

Ещё чуть позже ребята сознались, что такую славу среди фрицев я

должен обрести только через полтора года, когда буду драться с ними над Кубанью на американском истребителе Р-39 "Аэрокобра", у которого огневой мощи, как у дурака махорки. Да, приятно узнавать о себе такое... Но ещё приятней это оттого, что, значит – не зря я веду дневник, записывая в него все свои находки и идеи, не зря стараюсь придумать что-то новое. Ведь недаром сказал один великий полководец: «Удивить, значит победить».

Но сперва был сытный ужин, правда – без ста грамм... Я спросил – почему? Майор Скоробогатов сощурил так левый глаз и с лёгкой усмешкой сказал:

– А я знаю научный способ продления жизни лётчика – не пить! Особенно для лётчиков на таких машинах как у нас. Зевнул малёхо у земли, и всё – Митькой звали.

И тут я вспомнил, что собственно за всей суетой не спросил названия их машин и, кроме того, почему нельзя пить за ужином. Ведь ночь впереди, до утра все выветрится. Майор опять сощурился, ну чисто наш комполка, Виктор Петрович, когда на вопрос не хочется отвечать, но надо.

– Знаешь что, Александр Иванович, раз уж ты здесь, значит и подписку ОВ, как я понимаю, давал?

Я не понял, при чем здесь подписка ОВ и те два моих вопроса про название самолёта и о ста граммах, но всё равно согласно кивнул.

Майор хмыкнул, пододвинул поближе пепельницу и достал пачку американских сигарет. Ну, понятно: у осназа снабжение по первому разряду, им махру на курево не выдают. Но сказать честно, свой паёк они полностью окупают. В Крыму с их появлением, ситуация с головы встала на ноги и бегом побежала в нужном направлении.

Но и мы не лыком шиты, поэтому предложенную сигарету я взял как должное. Прикурил от электрической зажигалки, затянулся, прищурился на помаргивающую лампочку. Ничего себе табачок, нормальный. Потом одёрнул себя: ведь передо мной не какая-то крыса тыловая сидит, а лётчик-истребитель, осназовец. Вот уж не знал, что есть авиационный осназ, но почему бы и нет? Например, для испытания новейшей секретной техники в боевых условиях, как раз то, что мы имеем сейчас. Тем более, что и по званию он меня старше, совсем как наш командир полка, да и по возрасту тоже.

Подумав об этом, я как-то подтянулся и посмотрел на майора. Тот одобрительно кивнул, и вдруг мне его лицо показалось полным такого всезнания, такой вселенской грусти, что стало даже немного страшно.

- Саш, – начал он свой разговор, – можно мне тебя так называть? Ведь

мы всё-таки, что говорится, вне строя, и вещи тебе я сейчас буду объяснять не совсем обычные.

Я кивнул.

- Тогда я, Виктор. Или Виктор Сергеевич, как хочешь.

- Командир полка у нас Иванов Виктор Петрович, – не знаю почему, сказал я. – Тоже майор.

Тут майор Скоробогатов сказал странную фразу:

- Хороший командир и человек тоже, читал про него. Жаль... Хотя ещё ничего не предрешиено, жизнь ещё всяко может повернуться.

Заметив моё непонимающее и растерянное выражение лица, майор прищурился, будто прицеливаясь.

- Ты, Сань погоди буянить, до конца выслушай... Ты думаешь, мой самолёт новый да новейший, можно сказать?

Я заморожено кивнул.

- Ты даже не представляешь насколько он новейший, – майор последний раз глубоко затянулся и загасил окуроч в пепельнице. – Как ты думаешь, в каком году он принят на вооружение, а какого года та машина, на которой летаю лично я? Не гадай, не надо, всё равно не догадаешься.

Майор Скоробогатов вздохнул.

- Машина марки МиГ-29, постановка на боевое дежурство первого авиаполка это восемьдесят пятый год. Тысяча девятьсот, разумеется. Данная конкретная машина, на которой летаю я, выпущена в две тысячи двенадцатом году и является совсем новой, сюда прямо с госиспытаний.

Ну, товарищи, тут он меня убил и закопал. Насмерть! Я сидел как громом стукнутый. Попадалась мне как-то книжка английского сочинителя Уэлса, ещё дореволюционного издания. "Машина времени" называется. Но не впечатлила она меня, нет. И тут тебе в лицо говорят - я человек из будущего, верь мне! А почему собственно ему не верить? Не знаю!

А майор, как будто прочёл мои мысли.

- Не веришь? Машину мою видел, и не веришь? Ну-ну! – он вытащил из кармана маленькую коробочку, которая на поверку оказалась ракетой, выдернул антенну, щёлкнул на передней панели каким-то рычажком, лицо его озарилось хитрой улыбкой.

- Алло, товарищ полковник, доброй ночи. Тут у меня гость, известный вам Александр Иванович Покрышкин. Да-да, он самый. Аэродром их полка тут рядом в Ростове. Нет, не стоит благодарностей, это товарищ Берия подарок сделал от широкой кавказской души, с собой прихватил товарища Покрышкина. Так вот этот самый будущий Трижды Герой и маршал авиации не верит в наше происхождение из будущего, думает, что я ему тут

сказки рассказываю! Зачем?! Так вы же, товарищ полковник, говорили про резервных лётчиков из местных. И с кого же начинать, как не с него? Ага, понятно? Да, ждём! – затолкав антенну внутрь, майор убрал рацию в карман.

Знаете, именно в этот момент в меня проникла первая мысль, что майор надо мной не шутит. Рация такого размера, с таким качеством связи... Не знаю, но слова майора уже не выглядели такой уж фантастикой. А потом прилетело это, странный аппарат, трепещущий двумя винтами над кабиной, способный сесть где угодно и взлететь оттуда с четырьмя тоннами груза...

Майор Скоробогатов сказал, что командование авиагруппы приглашает меня посетить тяжёлый авианесущий крейсер "Адмирал Кузнецов". И тут, уже у борта этого вертолёта, я вспомнил, что майор так и не ответил на мой второй вопрос, про сто грамм... В ответ майор Скоробогатов широко улыбнулся.

- Ночь для нас самое рабочее время, ибо со своими навигационно-разведывательными приборами мы – ужас, летящий на крыльях ночи. Пусть крепче спят фашисты, а некоторые из них не проснутся никогда.

И вот я стою на палубе самого настоящего авианосца и понимаю – не врал товарищ Скоробогатов, он не врал. Не врал хотя бы потому, что на мне уже надета полная экипировка пилота XXI века, полный компенсационный костюм, шлем, кислородная маска. Оказывается, без этой экипировки перегрузки способны сделать меня инвалидом после первого же вылета. Мой командир – капитан Гуссейн Магомедов, внук известного в те времена лётчика-испытателя Магомеда Толбоева. Сам я полечу во второй кабине МиГ-29КУБ простым пассажиром. Моя задача – примерить эти скорости и перегрузки на себя и, если что, на обратном пути товарищ капитан даст мне попробовать, почувствовать машину в горизонтальном полёте. Маленькими шажками – и к великой цели. Но всё равно, я счастлив и горд, потому, что уверен: у меня все получится! Я одолею сверхзвук и сумею выполнить пока невероятные для меня фигуры высшего пилотажа – "колокол" и "кобру Пугачева". Говорят, их и тогда можно было сделать только на этом уникальном самолёте, созданным гением советских конструкторов и инженеров.

А сейчас наше боевое задание – налёт на немецкий аэродром под Киевом. Там на ночь опустилась одна из немецких бомбардировочных авиагрупп, срочно перебрасываемых на юг для заделывания брешки, которая образовалась в результате действия авиации наших потомков. Командир авиагруппы полковник Хмелёв, показался мне стариком. Ведь ему уже

сорок два, почти физиологический предел. Так вот он, излагая задание группам, сказал такую фразу:

- Летят, ..., как мотыльки на огонь. А мы светим только своим, а чужих жжем.

Свои... – волшебное сладкое слово, означающее семью, дружбу, помощь, месть, в конце концов. Кого не смогли спасти, за них теперь надо отомстить. Сосем недавно, над аэродромом Сталино я задумался, сколько самолётов могли устроить такой разгром... Мне представлялось, что работало не меньше дивизии. А оказалось, что удар наносили всего три самолёта, три Су-33, которые, конечно, чуть крупнее и тяжелее чем Миг-29, но ненамного. Зато каждый из них несёт шесть с половиной тонн бомб, больше чем хваленая американская "Летающая крепость"! В том числе и двадцать восемь двухсот пятидесяти килограммовых кассет, каждая из которых содержит сто пятьдесят осколочных бомбочек, снаряжённых сотнями пятимиллиметровых стальных шариков. Когда они их сбрасывают одну за другой – за это отвечает специальное умное устройство, именуемое компьютер, – получается настоящий ковёр смерти. И неважно, в капонирах стоят самолёты или открыто, обвалованы штабеля бочек с бензином или нет. Эффект один – смерть дождём падает с неба.

Подходим к нашей машине. Консоли крыла сложены наверх, это одна из особенностей палубных самолётов для более компактного хранения. Под коренными частями крыльев и под фюзеляжем в развале двигателей подвешено восемнадцать бомб с тупым коническим носом. Это они и есть, РБК-250. Пытаюсь почесать затылок и натыкаюсь рукой в перчатке на шлем... Неловко, однако. Мой нынешний командир и пилот обходит машину, заглядывая в самые, казалось бы, потаённые места. И правильно, потому что закон «доверяй, но проверяй» ничуть не изменился за прошедшие семьдесят лет. Поднимаемся в кабину по специальной приставной лестнице. Механик пристёгивает нас ремнями, подсоединяет кислородный шланг и разъём СПУ. Кресло плавно уезжает вверх, и вот я в кабине. Осматриваюсь. Ничего знакомого, кроме ручки управления. Повсюду электронные экранчики, окошки с цифрами, какие-то приборы далёкого будущего. Чувствую себя селёдкой, закатанной в консервную банку. Не пошевелиться.

Капитан Магомедов поднимает вверх большой палец.

- Как самочувствие, второй?

- Нормально, товарищ капитан, – отвечаю я.

- Ну, тогда начинаем, – прозвучал в наушниках голос моего пилота. – Управление я пока заблокировал, но ты, товарищ старший лейтенант, всё

равно ничего не трогай.

Честное слово, как первый вывозной полёт в аэроклубе. Вот только подо мной не тарактелка У-2, а такая зверюга, для которой я и слов подобрать не могу. Девятнадцать тонн тяги на двух двигателях на взлётном режиме. Ужас! Посмотрим, как они с этим управляются. Это же настоящая скачка на тигре!

Вот маленькие тягачи выкатили наши машины на стартовые позиции. Оглядываюсь назад. Там, за хвостом нашего самолёта, палуба встаёт дыбом. Это поднимаются газоотбойные щиты, которые защищают все прочее на палубе от ярости выхлопных струй наших двигателей. Тройку ведёт в бой сам полковник Хмелёв на своём Су-33, у него нагрузка в полтора раза больше. Его машина слева от нас, на позиции номер два, но, как ни странно, ему первым идти на взлёт. Поворачиваю голову в ту сторону. Отчетливо видно как из дюз в газоотбойный щит бьёт белоголубое в ночи пламя. В наушниках звучит «Первый пошёл!» Грохот становится совсем нестерпимым, потом полковник отпускает тормоза, и его машина сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее начинает свой разбег. Впереди у неё только сто метров палубы и трамплин. Су-33 с выдвинутой до упора механизацией крыла подпрыгивает, зависает в воздухе и продолжает упрямо карабкаться вверх, преодолевая земное притяжение.

Сейчас наша очередь. Слышу в наушниках «Второй пошёл!» Стрелки на тахометрах обоих двигателей резко прыгают от первой четверти сразу за красную черту.

Мама! Как больно! На грудь навалилась невероятная тяжесть, наверное, тройная-четверная перегрузка. Меня буквально расплющивает в кресле. Теперь уж точно не пошевелить ни рукой, ни ногой. Трудно дышать. А ведь наши потомки так умудряются управлять машиной. Скосил глаза на зеркальце заднего вида. Ой, товарищи, а ведь мы уже в воздухе. Палуба авианосца проваливается куда-то вниз, стремительно удаляясь назад. Отсюда она кажется такой маленькой, как спичечный коробок. И как только они на неё садятся, даже со всеми их приборами? Не представляю!

Мы ложимся в левый вираж, перегрузка чуть ослабевает. Я смог чуть повернуть голову и увидеть, как на взлёт идёт третий наш ведомый. Красивейшее зрелище. Вот вся тройка и в воздухе. Догоняем ведущего и пристраиваемся к нему справа и сзади. До цели примерно шестьсот километров – это половина боевого радиуса, тридцать минут лету. Вот нас догоняет последний член тройки, вся группа в сборе. На оставшемся где-то далеко позади нас авианосце сейчас на взлёт идёт следующая тройка. У неё

своя цель, свой аэродром набитый "юнкерсами", "хейнкелями" или "мессершмиттами". Как сказал полковник Хмелёв, «Наша работа – ломать кости люфтваффе!» Кстати, это не первая их серия вылетов за эту ночь. Полтора часа назад четыре аэродрома, где были обнаружены свежие немецкие авиагруппы, уже подверглись авиаударам. Итог неизменно положительный для нас и катастрофичный для немцев.

Перед вылетом, в курилке я немного поговорил с местными пилотами. Оказывается люфтваффе – это единственный костыль, на котором сейчас держится вермахт. Вышиби его, и Восточный фронт рухнет как карточный домик. С точки зрения потомков, зря я тогда в тумане искал танки Клейста, тот рывок был для него последним. Моторесурс техники почти полностью исчерпан, и даже немецким ремонтникам, при наличии запчастей, не восстановить его до весны. А запчастей-то и нет! Так как на немецких танках и бомбардировщиках стоят одни и те же моторы, запчасти со страшной силой пожирает люфтваффе. Боеготовых танков в танковых группах единицы. Бросаю взгляд на высотомер – высота двести метров. Потом – на стрелку спидометра: она вплотную подползла к отметке в 1М. Лёгкий хлопок, и вот мы обогнали звук, перегрузка совершенно спала, значит, крейсерская скорость достигнута.

Товарищи, мне стало страшно мчаться на такой высоте с такой скоростью в абсолютной мгле... Малейшая ошибка пилота и всё, костей не соберёшь. Но зато я понял секрет их внезапности. Если обходить населённые пункты и скопления войск, да ещё ночью, группа останется не обнаруженной до того самого момента, пока по земле не покатится огненный вал разрывов.

Снова оживают наушники.

- Ты как там, Второй, нормально?

- Нормально, товарищ капитан, – постарался улыбнуться я, а сам подумал «Ничего себе нормально, будто слон в грудь лягнул. До сих пор дышать трудно».

А товарищ капитан будто прочёл мои мысли.

- Ты, Второй, не храбрись, я ведь себя на первом вылете вот так же помню. Но как говорил мой дед: «Ты, внучок, тренируйся, тренируйся и всё получится!» Короче, Второй, до рубежа атаки двадцать минут, ты пока расслабься немного, осмотрись в кабине. И для поднятия бодрости духа, концерт по заявкам.

Что-то щёлкнуло, и в наушниках зазвучали Песни. Такие наши, советские, пронзительные, и в то же время абсолютно незнакомые. Сначала я услышал такой родной хриплый голос "своего парня" который пел под

гитару:

"Мы взлетали как утки с раскисших полей, восемь вылетов в сутки – куда веселей".

Потом его же песни "Я, Як-истребитель", "Он вчера не вернулся из боя", "От рассвета мы землю вращали назад". Честное слово, у меня даже слёзы на глазах выступили. Раз там поют такие песни, значит, мы тут не зря...

Я поднял забрало шлема и рукой вытер лицо, вроде полегчало. Они – наши внуки, правнуки, убивающие ради нас немцев, лишь бы мы могли подняться, покрепче встать на ноги и взять в руки дубину потяжелее... Главное успеть... Чего успеть, я так и не додумал, меня снова вызвал капитан Магомедов.

- Второй, приготовиться, рубеж атаки.

Я заглянул ему через плечо, благо второй пилот сидит в кабине на голову выше первого. Подсвеченный мертвящим зеленоватым светом, к нам стремительно приближался аэродром. Разогретые моторы готовых к вылету самолётов светились нежно-зелёным. Мне рассказывали про БРЭО с элементами ночного видения, но так, наскоро. Наблюдать это воочию было жутковато. Всю эту картинку я видел не больше пары секунд, потом аэродром скользнул под нас и капитан выкрикнул:

- Аллах Акбар! За Родину, за Сталина!

Машина начала вздрагивать каждый раз как от неё отделялась бомбовая кассета. Две кассеты в секунду, полоса сплошного поражения двойной плотности примерно шестьсот на двести метров. Одна полоса из трёх. А всего с нахлестами – четыреста на шестьсот. А я-то думал! Вся атака продолжалась даже не две минуты, а пять секунд. Всего пять секунд! Я бросил взгляд назад: на месте аэродрома будто ожил вулкан. Пылали и взрывались заправленные под пробку самолёты и пирамиды бочек с бензином на окраинах аэродрома. Когда мы, уже развернувшись по широкой дуге, стали набирать высоту, на земле начали детонировать подвешенные под самолётами бомбы. В наушниках прозвучал голос полковника Хмелёва:

- Вовремя! Ещё чуть-чуть, и опоздали бы.

Капитан Магомедов ответил:

- Зато накрыли всех разом – и самолёты, и лётчиков, и техников, и штабистов. Теперь эту группу Герингу придётся формировать с нуля.

– Это вы, товарищ капитан, точно заметили, – добавил наш второй ведомый старший лейтенант Рюмин. – Будет теперь у Алоизыча опять коврик на завтрак.

- Отставить разговорчики, – вмешался полковник Хмелёв. – Возвращаемся на высоте двенадцать тысяч, скорость два сто. Магомедов, на высоте можешь дать Покрышкину чуть порулить. Но только, товарищ старший лейтенант, осторожно у меня. С этой машиной надо ласково, как с юной девицей...

Значит, товарищи, я попробовал. Как и говорил товарищ полковник, осторожно. Машина – зверь! Причём дикий! Учиться, учиться и ещё раз учиться – товарищ Ленин не зря говорил эти слова. Причём для начала на чем-то мощнее моего Мига, но и попроще, чем эта машина. До сверхзвука мне ещё расти и расти, однако важен первый шаг, а его я сделал. После посадки надо будет поговорить с товарищем полковником. Интересно, что он мне посоветует?

8 января 1942 года, 00:45. Севастополь, Северная бухта, лидер "Ташкент". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

Флаг я решил держать на лидере "Ташкент". Мне почему-то вспомнился адмирал Макаров с его страстью к лёгким крейсерам. А ведь погиб-то он как раз не на "Новике" или "Аскольде", а на тяжёлом "штабном" броненосце "Петропавловск".

Но не будем о грустном! Погибать мы не собираемся, даже наоборот. Как сказал товарищ Ларионов, пускай теперь немцы погибают за своего фюрера, а мы будем жить долго и счастливо. Надо было видеть лицо товарища Ерошенко, когда на траверзе мыса Херсонес из туманной дождевой мороси нам навстречу вынырнули пять тёмных силуэтов. Четыре больших десантных корабля и сопровождающий их БПК "Североморск". Его я опознал по двум маленьким артиллерийским башням – у "Ушакова" же на баке башня только одна и побольше. Других похожих кораблей в природе нет и пока не предвидится. С помощью ратьера обменявшись с нами опознавательными, "Североморск" заложил крутую левую циркуляцию, уходя обратно в открытое море и уступая "Ташкенту" место мателота.

Капитан 2-го ранга Ерошенко повернулся ко мне.

– Кто это был, товарищ адмирал? Не припомню что-то таких крейсеров в нашем флоте. Тоже как мы, заграничной постройки? Американец или англичанин?

Ну да, сто тридцать метров и семь тысяч тонн водоизмещения –

вполне себе лёгкий крейсер по нашим временам. Но по сути это не так, и это надо объяснить. Смотрю на товарища Берия, тот кивает головой, ведь товарищи Ерошенко и Коновалов подписку ОВ уже дали...

Я поворачиваюсь к Ерошенко, который пристально смотрит в сторону уже скрывшегося в дождевых зарядах корабля.

– Товарищ капитан 2-го ранга, это новый тип корабля – большой охотник за подлодками...

– А что это он такой большой, товарищ адмирал? – это уже военком "Ташкента" батальонный комиссар Коновалов. – Обычно охотники за подлодками – они совсем маленькие, а этот такой огромный... Не дороговато ли он нашему флоту обошелся?

– Ещё дороже этот корабль обойдется немцам, – и тут меня осенило. – Если мы, конечно, сумеем перебросить его на Северный флот.

– Видите ли, товарищи – "Североморск" не обыкновенный корабль, а экспериментальный, – я вдохновенно врал, стараясь, впрочем, придерживаться в основном того, что рассказывал мне адмирал Ларионов.

– Это, фактически, специальный противолодочный гидроакустический комплекс "Полином", одетый в корпус корабля. От этого комплекса, превосходящего по возможностям обнаружения все американские, немецкие, итальянские и британские аналоги, не может скрыться ни одна подводная лодка. Но, увы, этот комплекс очень громоздкий, и уменьшить его размеры без уменьшения возможностей никак не получается. Кроме того этот корабль оснащён восемью торпедными аппаратами калибра 533 мм, мощной системой ПВО и специальными реактивными бомбометами, способными швырнуть глубинную бомбу на шесть тысяч метров. Короче, пираты Дёница для него всего лишь добыча...

Комиссар кивает с таким видом, что, дескать, если экспериментальный, тогда да, посмотрим, посмотрим.

В этот момент мы как раз завершаем циркуляцию, занимая место мателота перед десантными кораблями. Мне кажется, что в Стрелецкой бухте на погрузке им будет тесновато. Тем более что части, которые они должны принять на борт, пока ещё находятся в самом Севастополе. Конечно, смущают андреевские флаги, но тут же рядом со мной стоит товарищ Берия, как раз специалист по скользким политическим вопросам. Может товарищ Сталин посвятил его в свой замысел насчёт эскадры под андреевским флагом?

– Лаврентий Павлович, разрешите вас на минутку, – я отвожу его в сторону и кратко излагаю свой вопрос. Времени у нас совершенно нет – от Херсонеса до Стрелецкой бухты всего минут десять ходу.

Нарком дел внутренних, а теперь думаю, что и потусторонних, на минуту застывает в раздумье.

Наконец он поворачивается в мою сторону.

– Николай Герасимович, если для пользы дела надо ввести десантные корабли в сам Севастополь – вводите. Андреевские флаги при этом спускать, разумеется, не нужно. Как я понимаю, для военных моряков это большое унижение. Насколько я знаю, товарищ Сталин имеет планы большой политической игры, в которой андреевским флагам над этими кораблями будет уделена большая роль. Как, собственно и погонам на плечах товарищей офицеров. Одним словом, хватит, наконец, прятаться по углам: если товарищу Сталину надо, чтоб в Севастополе были замечены корабли под андреевскими флагами, то их заметят. И при этом безо всякой лишней нарочитости, строго и по делу. Командуйте товарищ народный комиссар Военно-Морского флота. Если товарищ Сталин спросит, скажете, что я санкционировал.

Используя такое маленькое и такое удобное радио потомков, удалось очень быстро утрясти изменения планов. Я представляю, в какую неразбериху вылилось бы изменение места погрузки при наших способах связи. Но всё прошло крайне удачно. Когда корабли только-только швартовались у причальной стенки на Корабельной стороне, первый из тех свежих стрелковых батальонов, что недавно прибыли с Кавказа, уже маршировал к месту погрузки вдоль по набережной. Пока они там грузились, "Ташкент" встал на якорь точно посередине Северной бухты, неподалеку от плавучей зенитной батареи № 3. Наши шутники называли её "Коломбиной" или "Не тронь меня".

Тем временем товарища Берия одолело любопытство относительно погрузки войск на БДК. Взяв на "Ташкенте" командирский катер, он отправился к месту погрузки. И не зря.

Как ни темно было, но андреевские флаги народ заметил, и они вызвали некоторое смущение в умах. Ещё немного, и вместо погрузки на корабли на берегу мог вспыхнуть стихийный митинг, как в 1918 году. И тут в бурлящей толпе появляется разъярённый Лаврентий Палыч с его знаменитым пенсне. Улыбку гюрзы заказывали?

Ещё через десять минут, туда же врывается на полуторке капитан Осадчий и опергруппа Севастопольского УНКВД. А им всё равно, какие там флаги: с синим косым андреевским крестом или с черепом и костями. Есть приказ наркома – обеспечить погрузку, они её и обеспечат.

Кстати, оказывается, не только мне контр-адмирал Ларионов вручил компактную рацию. Или это постаралась полковник Антонова, снабдив

Берию связью, так сказать, как своего нынешнего наркома. Ведь в нашем времени их Служба Внешней Разведки проходит именно по ведомству НКВД, как его Первое Главное Управление. И уже неважно, в самом ли деле тот младший политрук и трое бойцов, расстрелянные тут же перед строем, были немецкими или британскими агентами, важно другое – миновала угроза срыва операции.

Пока Лаврентий Павлович там геройствовал, я сел в уголке, открыл ту папку, которую мне передал товарищ Ларионов, и начал думать. Мне не давала покоя мысль, пришедшая на ум, когда я рассказывал товарищу Ерошенко о БПК "Североморск". Есть время подумать о дне завтрашнем.

Там, в приполярных водах СССР, тоже очень тяжёлый и ответственный фронт. Там отчаянно нужна помощь. Я отложил в сторону несколько листов и закрыл папку. У меня получилась группа надводных кораблей из БПК "Североморск", СКР "Ярослав Мудрый", СКР "Сметливый", танкера "Дубна". Я закрыл глаза, задумавшись. "Алросе" и "Северодвинску" тоже в Чёрном море делать нечего, их путь будет лежать туда же – на север. И если "Северодвинск" пройдя Проливы, становится свободен как птица, то "Алроса" должна будет идти вместе с группой надводных кораблей.

Или, что лучше, выйти в Средиземное море заранее, например, под прикрытием группы наших торговых кораблей, направляющихся на Дальний Восток. И уже в Атлантике встретиться с основной группировкой для дозаправки. Эту идею ещё надо будет пробивать у товарища Сталина, а потом и через турецкое правительство, но совершенно очевидно, – то, что в прошлом наших потомков происходило с Арктическими конвоями, не должно повториться в нашей истории. Бандиты Дёница должны от всей нашей широкой души получить по зубам. Что делать со стервятниками Геринга, мы с Виктором Сергеевичем уже знаем. Нужен один аэродром подскока под Мурманском, только один... Но этот вопрос мы решим чуть позже, ведь по словам товарищей потомков, положение там осложнится ближе к лету.

8 января 1942 года, 08:25. На траверзе Ялты, лидер Ташкент. Командир корабля капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ерошенко

Объединённый флот грозовой тучей навис над ялтинской группировкой немцев. Даже без всяких приказов я перестал чему-либо

удивляться. Корабли, корабли, корабли... Корабли под флагами РККФ и алыми боевыми андреевскими флагами бывшей Российской империи. Но стволы их орудий направлены не друг на друга, а на берег, где окопался Враг. Совершеннейшее смешение эпох и стилей.

Из под Феодосии сюда пришло наследие былой эпохи – линкор "Парижская Коммуна", бывший "Севастополь", заложенный ещё в 1909 году, заслуженный ветеран ещё дореволюционной постройки. Такой же привет из прошлого и его напарник – крейсер "Красный Крым", заложенный, как "Светлана" в 1913 году. Из Севастополя подошли корабли предвоенной постройки: наш лидер "Ташкент" и крейсер "Молотов".

А вот из Евпатории пришли корабли, которых ещё четыре дня назад в природе не было и быть не могло. Построенные в конце XX века! Да-да, товарищи, я не сошёл с ума, именно так. Николай Герасимович, разговаривая с каким-то контр-адмиралом Ларионовым по карманной рации, проговорился. Да и сама эта рация, которая меньше пачки папирос, а даёт устойчивую связь на десяток миль, вызывает оторопь. Правда, впоследствии товарищ Кузнецов "успокоил" меня, сказав, что такая дальность возможна только при связи маленького аппарата и большой станции с антенной на высокой мачте. Если карманные радиостанции связываются между собой, то расстояние выходит меньше – всего одна-две мили.

Но главное-то не в этом, а в том, что вместе с нами против фашистов воюют наши потомки, кому внуки, а кому и правнуки. И как воюют! За три дня сплошных боёв вместе с нашими товарищами оставили от 11-й немецкой армии только жалкий огрызок – Ялтинскую группировку, ликвидировать которую мы и должны совместными усилиями армии и флота.

Но больше всего меня и моего комиссара шокировали андреевские флаги над кораблями потомков. Особенно был потерян мой Григорий Андреевич. Ведь получается, что вся его комиссарская работа... как бы это сказать помягче. Тяжело выходит. А что ему краснофлотцам говорить? Они же ждут от него разъяснений.

И тут товарищ Берия показал себя с неожиданной стороны.

– Ви, товарищ Коновалов, нэ волнуйтесь, спокойно дэлайте своё дело. И нэ переживайте за товарищей потомков, они сражаются с фашизмом так яростно, потому что понимают, что потеряли с гибелью СССР. Ни мы, ни они нэ намерены допустить повторения той истории. Это наши люди, товарищ Коновалов, на сто пятьдесят процентов наши. В отличие от некоторых, которые только прикидываются нашими товарищами, а на

самом деле в любой момент готовы ударить нам в спину.

А потом нам стало не до разговоров: отпущенное ультиматумом время истекло. Орудия "Парижской Коммуны", "Молотова", "Красного Крыма", "Ташкента" издали громовой рёв. Ликвидация Ялтинской группировки немецких войск началась. Первый залп своими "чемоданами" "Парижская Коммуна" сделала по отелю "Бристоль" в котором, по данным нашей разведки, располагался штаб 72-й пехотной дивизии. Её командир, сумевший вывести дивизию в относительном порядке от Балаклавы, собрал вокруг себя разношёрстные немецкие и румынские части, организовав бешеное сопротивление нашим войскам. По словам адмирала Кузнецова, именно там расположена радиостанция, которая уже второй час призывает на наши головы кары земные и небесные, то есть, самолёты Люфтваффе.

Только вот эта крылатая саранча, которая уже принесла столько бед нашей армии и флоту, сегодня не прилетит, потому что авиация потомков с авианосца имени нашего наркома – да-да, знаем мы и такую интересную подробность – сегодня ночью опять сделала им больно прямо на аэродромах. Ну, это прямо праздник какой-то! Ведь ни один наш корабль на этой войне не погиб в честном морском бою или от огня вражеской артиллерии. Все, исключительно все, потоплены фашистской авиацией. А вот сегодня на отчаянные вопли германских пехотных командиров просто некому прилетать.

Так вот, после первого же залпа "Парижской Коммуны" по "Бристолю" эта радиостанция навсегда заткнулась и перестала засорять эфир своими истошными воплями. Наши снаряды рвутся и на набережной, и в глубине прибрежной полосы, на южнобережной дороге. Крейсер потомков "Москва" поднял в воздух винтокрылый аппарат, именуемый вертолётom, который корректирует огонь нашей артиллерии. Оттуда, примерно с километровой высоты вся немецкая оборона как на ладони, а у немцев нет средств ни чтобы сбить его, ни чтобы прогнать. Хотя, честно говоря, жутко вот так стоять и вести огонь по вражеским позициям среди бела дня на виду у всех. Один раз, под Одессой, такая история для нашего "Ташкента" чуть было не закончилась очень плохо. Но у нас есть приказ, и мы его выполняем.

В трёх кабельтовых слева по борту от нас морские волны качают корабль, который потомки называют эсминцем. Он не ведёт огня. Как сказал Николай Герасимович, товарищ Сталин прямым приказом запретил потомкам расходовать свой боекомплект. Открытие огня допускается только по его прямому приказу или для самообороны. Сейчас, когда на траверзе Ялты собрался весь цвет Черноморского флота, четыре 130-мм

ствол "Ушакова" и два "Москвы" совершенно ни на что не влияют. Это у них двоих, как у одного "Ташкента". Правда, наш нарком сумел развеять мои предубеждения одной фразой. Николай Герасимович каждую свободную минуту отдаёт изучению кораблей потомков и сейчас просто набит цифрами, как какой-нибудь бухгалтер. Оказывается, скорострельность на ствол у этих башенных установок АК-130 составляет сорок пять выстрелов в минуту. Особенности охлаждения стволов позволяют расстрелять все пятьсот снарядов на ствол одной очередью длиной одиннадцать минут. Хотел бы я, товарищи, когда-нибудь посмотреть на такое море огня. При таких характеристиках этим орудиям требуется целая прорва боеприпасов.

Но сейчас мы справляемся и без прямой помощи кораблей под андреевским флагом – чемоданы с "Парижской коммуны" творят чудеса. Крейсер "Молотов" тоже не отстаёт. На пляжах, где всё серо от немецкой пехоты, происходит настоящая бойня. Ещё в первые минуты обстрела наши морские охотники с авангардными группами десанта на борту осиным роем устремились к берегу, чем заставили немецкую пехоту выйти из укрытий и занять свои места в траншеях и пулемётных гнездах, устроенных прямо на пляже. А вот фиг вам! Москитный флот десанта высаживать не стал, на полном ходу совершил циркуляцию и вернулся под защиту больших кораблей. Зато те несколько уцелевших немецких батарей, что открыли огонь по охотникам и мотоботам, в свою очередь попали под огненный каток с "Молотова" и "Парижской коммуны". Ну, а что стало на открытых пляжах с немецкой пехотой – это и говорить страшно.

Совершив в море широкую циркуляцию, москитный флот вернулся к берегу через пятнадцать минут. Только теперь его настоящей целью были не пляжи в курортной зоне, а мол-волнолом в центре города, рядом с той самой гостиницей "Бристоль", и прибрежное село Отрадное. Несколько десятков маленьких суденышек сбросили десант прямо на бетонные набережные, и там, на берегу, завязался бой. Кроме управления огнём своего лидера, я успеваю оглядывать всю панораму сражения. Завершающего сражения Крымской наступательной операции. Рядом со мной ровно тем же самым занимаются товарищ Кузнецов, и товарищ Берия, находясь на положении наполовину командующих, наполовину зрителей. Огромная машина запущена на полный ход, и менять хоть что-нибудь уже поздно.

Сейчас наступает самый главный момент операции. Большие десантные корабли из будущего, загруженные свежими пехотными батальонами, полным ходом идут к захваченным причалам. Два – в центр

Ялты и два – к Отрадному. Нет, на это стоит посмотреть: корабли не швартуются к причальной стенке, а упираются в неё носовой частью под углом примерно в сорок пять градусов. Наша позиция восточнее траверза «Бристоля», и нам хорошо видно как в носовой части двух кораблей распахиваются огромные десантные ворота и из трюмов на берег выхлестывает живая ревущая и матерящаяся волна. Впереди этой волны, будто пена, немногочисленные камуфляжные куртки пехотинцев из будущего. Я поднял к глазам бинокль: наших пехотинцев как подменили, сегодня это прямо какие-то берсерки. Немцы, впечатлённые по самое не хочу, поднимают руки, и их тут же на месте закалывают штыками. Очевидно, здесь и сейчас пленных не берут.

В полуразрушенной гостинице "Бристоль" на мгновение вспыхивают ожесточённые схватки, корабельная артиллерия вмешаться не может, перемешались свои и чужие. Но туда уже нырнули штурмовые группы в пятнистом камуфляже, и вот уже красный флаг на крыше говорит, что гостиница наша. Всё, десант на берегу, и доставившие его корабли отходят задним ходом в море. Всего за пятнадцать минут высажено более трёх тысяч штыков. И плацдарм постоянно расширяется.

В воздухе подобно рою разъярённых ос появляются винтокрылые штурмовики из будущего, и корабли переносят огонь на фланги: за Ливадию и в сторону Гурзуфа, отсекая от десанта немецкие резервы.

Эти самые вертолёты – они буквально повсюду, и повсюду по-хозяйски суют свой любопытный нос, тяжёлыми эрэсами истребляя последние очаги сопротивления. Город, кажется, наш. И тут, через некоторое время, товарищ Берия меня ещё раз удивил. Достал из кармана маленькую рацию, ткнул пальцем в кнопку:

– "Кузнецов", связь с товарищем Сталиным, пожалуйста. Товарищ Сталин, доброе утро, это Лаврентий Берия. Докладываю. Ялтинская десантная операция завершилась успешно, город наш. Из-под Фароса и от Гурзуфа сообщают, – товарищ Кузнецов молча кивнул, – что там фронт тоже прорван. Немцы частью бегут в горы, а частью бросают оружие и сдаются. Главный калибр "Парижской коммуны" и "Молотова" отработал на "отлично". Операция по освобождению Крыма переходит в фазу ликвидации мелких банд немецких окруженцев и татарских националистов. Да, товарищ Сталин, спасибо, но я тут ни при чем, это товарищу Кузнецов и Ларионов. Да, все прошло выше всяческих похвал. Да, передаю товарищу Кузнецову.

Что там говорил Верховный нашему наркому, я уж и не слушал. В голову ударило одно: победа! Первая победа нашего флота в этой войне!

Ещё несколько часов, и части, наступающие на сухопутном фронте, соединятся с десантом, после чего все побережье Крыма будет под нашим контролем. Слёзы появились у меня на глазах. Сколько наших товарищей так и не дожило до этого момента...

8 января 1942 года. Полдень. Евпатория. Госпиталь особого назначения (санаторий имени В.И. Ленина). Военврач 3-го ранга Алёна Лапина

С того самого памятного утра, когда в лагерь военнопленных под Бахчисараем ворвался армейский осназ, прошло уже два дня. Алёну и её подруг подхватил и понёс бурный поток событий, в котором её главная задача была "не трепыхаться".

Сначала за ними в лагерь из Симферополя пришёл конвой из четырёх трофейных штабных автобусов и двух больших четырёхосных бронев автомобилей, вооружённых пулемётами большого калибра. Бойцы, прибывшие на бронев автомобилях, хоть и не смотрелись так угрожающе, как освободивший лагерь осназовцы, но, так же как и те, были вооружены с ног до головы. Быстрая погрузка без паники и суеты, и вот колонна быстро движется по дороге в сторону столицы Крыма.

У моста через реку Альма из придорожных кустов колонну обстреляли. То ли это были немецкие или румынские окруженцы, то ли татарские бандиты. Но первые же ответные очереди крупнокалиберных пулемётов, прямо с колес вырубая засаду вместе с кустами, заставил нападавших изменить свои планы и отойти. А автомобильный конвой, не сбавляя скорости, покати́л дальше.

В Симферополе машины не остановились. Попетляв по окраинным улочкам, они свернули на дорогу, ведущую в Евпаторию. На Крым спускалась темнота. Убаюканная мерным урчанием автомобильных моторов и покачиванием автобуса, Алёна не заметила, как задремала. Проснувшись она от удивлённого оханья соседок. Вдоль подсвеченной тусклым светом фар дороги рядами тянулись обгорелые коробки немецких бронетранспортёров и обугленные трупы людей и лошадей. Воздух пах дымом, жженым железом и горелой человеческой плотью.

- Моторизованный полк СС это, – в ответ на удивлённые возгласы пояснил сидящий рядом с водителем морской старшина, оглаживая висящий на груди ППД. – Как зажигательными эрэсами дали, так весь полк

как корова языком слизнула.

А автобусы шли мимо сброшенных на обочину железных коробок, мимо трупов захватчиков, нашедших здесь свою жуткую смерть. Потом по обеим сторонам дороги потянулось чуть всхолмленное поле, усеянное почти незаметными в полутьме бугорками цвета фельдграу.

После того, как позади осталась изломанная линия траншей, спать Алёне расхотелось совершенно. Короткая остановка на КПП при въезде в большое село, потом ещё один небольшой городок, кажущийся покинутым из-за отсутствия света в окнах даже в этот, ещё непоздний час. За городком дорога свернула к морю... Алёна догадалась, что их привезли в Евпаторию... Проехав вдоль набережной и свернув налево, колонна оказалась напротив больших ворот.

Дальнейшее Алёна запомнила плохо... Баня и санобработка, в ходе которой у них отобрали всю одежду, выдав взамен комплекты трофейного шелкового немецкого белья и больничные халаты. Потом, несмотря на позднее время, полный медосмотр, анализы и койка в отдельном карантинном блоке. Как приятно было наконец лечь в чистую постель на белую простыню и укрыться тёплым шерстяным одеялом. Немного настораживали запертые двери и решетки на окнах, но все понимали, что этот карантин не только санитарный.

Утром, ещё до завтрака, пришёл врач в сопровождении двух бойцов и отделил от их группы два десятка человек с подозрением на инфекционные заболевания, в основном сыпной тиф. Оставшимся же сказали, что больных переводят в инфекционное отделение госпиталя, расположенное в отдельном здании. После завтрака освобождённых из плена женщин начали по одной вызывать к особисту госпиталя. Через некоторое время настала и очередь Алёны.

Девушку привели в небольшую казённого облика комнатку и усадили на табурет. В комнате было всего два человека – особист и его помощник. Особист – лейтенант ГБ, прихрамывая, прохаживался возле стола. Алёна увидела, что его правая нога ниже колена была заключена в странную конструкцию из металлических колец и спиц. Помощник особиста в полувоенной форме незнакомого покроя обмотал вокруг её головы резиновую ленту с отходящими от неё проводами. Потом расположился сбоку и чуть за спиной Алёны у небольшого чёрного ящика, своей откинутой крышкой напоминающего патефон.

– Готово, товарищ лейтенант госбезопасности!

Непроизвольно охнув, лейтенант ГБ опустил на своё место и раскрыл папку.

– Исполняющий обязанности начальника особого отдела госпиталя лейтенант госбезопасности Спиридонов Алексей Петрович. Приступим. Военврач 3-го ранга Лапина Елена Николаевна, 1916 года рождения, из крестьян, член ВЛКСМ, не замужем?

- Да, – чуть слышно ответила Алёна.

Лейтенант госбезопасности бросил быстрый взгляд за спину Алёне на своего помощника, потом кивнул.

– Хорошо, расскажите мне об обстоятельствах, при которых вы попали в плен...

Алёна стала рассказывать про то, как одним холодным ноябрьским утром их не успевший эвакуироваться медсанбат окружили немецкие мотоциклисты... Как были расстреляны все раненые, а с ними вместе и все те, кого немцы посчитали евреями. Лейтенант ГБ внимательно смотрел ей в лицо и не перебивал, только изредка задавая наводящие вопросы. Послушно, как автомат, Алёна рассказала и о двух месяцах своего лагерного заключения, о том, как из трёхсот с лишним человек в живых осталось меньше ста. Закончив свой рассказ, она так и осталась сидеть, уставившись прямо перед собой невидящим взглядом.

За спиной что-то зажужжало, и помощник особиста подал своему начальнику листок бумаги. Потом Алёна почувствовала, как её голову освободили от резиновой ленты. Лейтенант ГБ подшил в папку поданный помощником листок и написал на нём свою резолюцию. Потом поднял голову, взгляд его был заметно теплее.

– Товарищ Лапина, вы свободны. Желаю вам скорейшего выздоровления! Врачи нам нужны так же, как и танкисты, артиллеристы, лётчики, сапёры и пехотинцы. В ближайшее время мы с вами ещё встретимся.

На выходе после минутной заминки, совершенно обалдевшей Алёне выдали закатанный в прозрачный целлулоид прямоугольник белого картона с её фотографией, номером, указанием фамилии, имени и отчества, группы крови и номера палаты. И объяснили, что эту карточку необходимо прикрепить на левый нагрудный карман халата. Ещё минута, и она свободна как птица. Правда, в пределах госпиталя и в рамках правил внутреннего распорядка.

Потянулись медосмотры, процедуры, уколы, таблетки... Молодой организм, подстёгнутый инъекциями специальных препаратов и витаминов, довольно быстро брал своё. И вот сегодня, на очередном осмотре её состояние признали удовлетворительным. Почти тут же Алёна получила предписание убыть к месту дальнейшей службы в медсанбат

новой, только что сформированной механизированной бригады особого назначения. Вместе с ней туда направлялось ещё несколько десятков выздоравливающих бойцов и командиров и таких же, как она, освобождённых из плена медработников. Перед выпиской Алёну, как и всех прочих бывших военнопленных, полностью экипировали в зимнюю форму одежды.

Принимал их у госпиталя лично командир бригады, полковник Бережной. Личность, надо сказать, среди всех участников евпаторийского десанта вполне легендарная. Невысокий, худощавый, с повадками хищного зверя, он напомнил Алёне Акелу из рассказов Киплинга о Маугли. Не дряхлого старика Акелу, а полного сил вожака, который в очередной раз поведёт свою стаю на Большую Охоту. Алёна подумала, что служить в осназе, пусть даже в медсанбате, – это большая честь, которую она ничем ещё не заслужила. И ещё: или она оправдывает оказанное ей доверие, или умрет. Третьего не дано.

Часть 4. Мы вернулись, мама!

9 января 1942 года, 10:05. Перекоп, станция Армянск. Майор Сергей Александрович Рагуленко

Вся бригада выстроена на ровном вытоптанном поле перед зданием МТС, недалеко от станции Армянск. До войны тут стояли мирные советские тракторы и комбайны, а сейчас ровными рядами стоят наши БМП, самоходки и танки. Отдельно, в дальнем углу площадки находятся боевые вертолёты. Экипажи, расчёты и десант выстроены перед машинами. Отдельной коробкой – включённые в состав бригады батальон капитан-лейтенанта Бузинова и бывшая 8-я бригада морской пехоты, сведённая в четвёртый батальон. Несмотря на то, что люфтваффе находятся в глубоком нокауте, по периметру площадки бдят установки «Панцирь-С».

Зрелище прекрасное и грозное. Трибуну с высокими гостями поставили прямо под стеной чудом уцелевшего двухэтажного здания конторы. На стене, прямо за трибуной, растянут подарок моряков с "Кузнецова" – огромный плакат "Родина-мать зовёт". И прямо напротив, над рядами нашей морской пехоты, как ответ, такой же большой транспарант "Мы вернулись, мама!". В глазах пробивает невольная слеза. Сегодня самый лучший день, несмотря даже на то, что ветер с Перекопского залива несёт гнилую промозглую сырость. Сегодня нашей бригаде вручают боевое знамя. Нас отвели с Турецкого вала в ближний тыл ещё вчера вечером, когда по железной дороге из-под Севастополя начали прибывать высвободившиеся там части.

Вот на трибуну поднимаются почётные гости. Её, в смысле деревянную трибуну, ребята нашли тут же, в здании. Очевидно, МТСовское начальство устраивало митинги, на 1 мая, 7 ноября, а также по всяким прочим торжественным поводам. Так скажем же им спасибо за запасливость и предусмотрительность. От обилия "звёздных" лиц на трибуне, рябит в глазах... Малоизвестны широкой публике из присутствующих только полковник Бережной и контр-адмирал Ларионов. Остальные же имена звучат как гром литавр: генерал-лейтенант Василевский Александр Михайлович, генерал-лейтенант Рокоссовский Константин Константинович, нарком Военно-морского флота адмирал

Кузнецов Николай Герасимович, нарком внутренних дел Берия Лаврентий Павлович, ну и тут же, скромно, чуть в сторонке, военком бригады бригадный комиссар Брежнев Леонид Ильич.

Ну, пересеклись мы с ним вчера. Как только штаб бригады перекочевал из Симферополя в Армянск, он, молодец, тут же пошёл по ротам знакомиться. Короче, товарищи, вот что я вам скажу: поздний Брежнев примерно так года после семьдесят пятого, это уже не Брежнев, а только его болезнь. А так, нормальный мужик, которого в нашей роте с его же лёгкой руки начали называть "Просто Леня". О том что он Ильич, он сейчас даже и не вспоминает. Наверное, возраст не тот.

Но вот заиграл "Интернационал", все встали по стойке смирно. Кстати, до утверждения в качестве гимна стихов Михалкова на музыку Александрова ещё целых два года. Хотя, может, ИВС, впечатлившись готовым вариантом, примет решение чуть раньше. А может и нет. Я хоть и солдафон-солдафоном, но тоже понимаю, что все расклады мы уже спутали капитально, а дальше будем путать ещё больше. Так что, может, после войны и не будет никаких "стран народной демократии", а просто в составе СССР добавятся новые союзные республики. Как-то Германская, Французская, Датская, Норвежская, не говоря уже обо всяких мелких восточно-европейских. А это, товарищи, почти что победа Мировой Революции! Половина мирового промпотенциала в составе СССР.

Вот тогда мы с ними и посоревнуемся, у кого жизнь слаще и постель мягче. Ну и, конечно, чтоб без Хруща. А то один дурак за год запросто разбазарит то, что сто умных сто лет собирали. Знаем, плавали-с...

"Интернационал" стих, но сразу после него заиграла музыка Александрова. Конечно, никакого оркестра у нас здесь нет: флотские замвоспиты скинулись из своего хозяйства и устроили нам праздник. На кораблях присягу приняли ещё вчера, сразу после завершения Ялтинской десантной операции. Вот знамённая группа выносит завернутое в брезентовый чехол знамя. Товарищ Василевский зачитывает постановление Совета Оборона о формировании нашей бригады. Кстати, в постановлении прописан особый статус бригады, для основного состава которой в особых случаях допускается ношение парадной формы при погонах. Так вроде в РККА парадной формы не было как таковой. Ещё одно нововведение.

Потом майор Санаев снимает чехол и торжественно вручает знамя полковнику Бережному. Мы стоим, мягко выражаясь, не в самом центре строя, поэтому и видно мне не очень хорошо. Ну-ка, ну-ка, кажется товарищ Бережной больше уже не полковник, на петлицах видны две большие звезды генерал-майора. Значит, не одного меня за Крымскую

операцию повысили в звании.

Потом нам преподнесли сюрприз – к нам обратился сам товарищ Сталин. Я, как и все мы, понимаю, что это была запись, но всё равно – мороз по коже. Как его слушали! Тишина стояла такая, что стало слышно вялую перестрелку на линии фронта километрах в пяти от нас. Не знаю, чья это была идея, как товарищ Сталин вообще согласился, при его-то занятости, но это было сильно, пробрало до самых печёнок.

А потом к знамени по одному начали выходить бойцы и молодые командиры-офицеры из тех, что присягу принимали уже буржуазную, при РФ. История это была долгая, но всё равно, торжественность момента от этого никуда не делась. Рядом со мной стоит лейтенант Петя Борисов. Прошёл с нами весь наш славный боевой путь, от Евпатории и до сего момента. Надёжный боевой товарищ, в той истории на данный момент он был бы уже гарантировано мёртв. А тут стоит и, закусив губу, слушает речь товарища Сталина. Это для нас ИВС – "красный император" и "гениальный организатор". А для них, для местных, это или предмет обожания, великий вождь и полубог, или предмет такой же животной ненависти. Попался нам в последний день боёв в Бахчисарае один полицаи. Русский, между прочим, не татарин какой-то. Ох, и наслушались мы от него, пока к стенке не поставили! Новодворская от зависти бы сдохла. Только вот тех, кто его обожает, явно большинство подавляющее, иначе войну бы мы и не выиграли.

Вызвали и меня. Нет, не присягу принимать, она у меня, к счастью, и так советская. Оказывается, кроме второй майорской шпалы, мне за дело под Саками положен орден Боевого Красного знамени. Ага, товарищ Василевский тогда нашу работу видел и впечатлился по самое "не могу". Кстати, не я один такой награждённый, мои бойцы и сержанты все поголовно получили медали "За отвагу", а лейтенанты, включая Борисова, как и я, были награждены "боевиком".

Спецтуру ГРУ, кстати, за Манштейна и здание гестапо в Евпатории щедро благодетельствовали орденами Красной Звезды и Ленина. Объявили, что генерал-майор Бережной и капитан Бесоев, как руководители этих двух операций представлены к званию Героев Советского Союза. Ну, а эту награду вручают только в Кремле. Или "дедушка" Калинин, или товарищ Сталин лично. И напоследок, когда всё уже закончилось, торжественное прохождение под "Прощанье славянки". Надо, надо приучать местных к лучшим образцам.

9 января 1942 года. 12:05 СЕ. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер,

Глава ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель,

Глава РСХА обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих,

Глава Абвера адмирал Вильгельм Канарис.

Фюрер был вне себя от ярости. Какие-то невнятные донесения о "трудностях", с которыми столкнулись немецкие войска в Крыму, вчера приобрели вполне реальные очертания. Гитлер пинком начищенного ботинка опрокинул стул, который попался ему на пути.

– "Трудности"! Какие, в задницу, трудности! Это полный разгром! И эти подонки в генеральских мундирах столько времени морочили ему голову! Ему, фюреру Великой Германии! Сегодня он выскажет всё, что о них думает!

Для объяснения в "Вольфшанце" из Берлина были вызваны глава ОКВ и руководители военной разведки и службы безопасности Рейха. У фюрера к ним было тоже немало вопросов. В назначенное время вышколенный адъютант впустил в кабинет всех приглашённых для показательного разноса.

Первым вошёл генерал-фельдмаршал Кейтель, который смертельно боялся фюрера, открыто холуйствовал перед ним, за что в своём окружении получил кличку "Лакейтель". Вслед за главой ОКВ вошёл седоватый человек в чёрном военно-морском мундире. Вильгельм Канарис, глава военной разведки. За привычку смотреть на собеседника искоса, слегка наклонив голову с расчесанными редкими волосами, он получил кличку "Кикер" – "Подсматривающий". Фюрер вспомнил, что ему уже не раз докладывали о том, что адмирал не только "подсматривает", но и заглядывает не туда, куда нужно. К тому же он имел подозрительные контакты с кругами, близкими к Британии. Хорошо, что у фюрера есть люди, которые, в свою очередь, приглядывают за адмиралом и его командой. Вот и тот, кто руководит этими людьми – молодой, крепкий и энергичный обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих. Правда, ходили слухи о не совсем арийском происхождении Гейдриха, но о ком только завистники не распускают слухи...

Выстроившись в ряд перед фюрером, как нашкодившие школьники перед грозным учителем, адмирал, фельдмаршал и обергруппенфюрер

ждали, с кого из них Гитлер начнёт экзекуцию. Первым оказался глава ОКВ.

- Кейтель, что с 11-й армией! Где генерал Манштейн?! – задал фюрер генерал-фельдмаршалу самые неприятный для всех присутствующих вопрос.

- Мой фюрер, – Кейтель так разволновался, что выронил из своей глазницы монокль, – по последним данным нашей разведки, остатки войск 11-й армии после героического сопротивления почти полностью погибли. Количество вырвавшихся из Крыма солдат и офицеров вермахта ничтожно. Генерал Эрих фон Манштейн, по всей видимости, попал в плен...

- Что вы сказали, Кейтель?! – фюрер подскочил к генерал-фельдмаршалу и схватил его воротник мундира.

Испуганный Кейтель снова уронил монокль. Со стороны это, наверное, смотрелось даже смешно – невысокого роста фюрер трясет, как бульдог тапок, длинного и физически крепкого Кейтеля, который от ужаса закатил глаза и побледнел как покойник. Ещё немного, и генерал-фельдмаршал хлопнулся бы в обморок.

– Кейтель, как вы могли допустить, чтобы столько доблестных воинов Рейха оказались в ловушке?! Что вы сделали для их спасения?!

- Мой фюрер, ситуация в Крыму развивалась стремительно, и мы практически были лишены возможности сделать что-либо для спасения 11-й армии. Во-первых, этот десант, высаженный в Керчи и Феодосии... И этот преступный, если не сказать больше, приказ командующего 42-м армейским корпусом...

- Да, я уже знаю об этом. Граф Шпонек, приказавший отступить 46-й дивизии с Керченского полуострова и тем самым положивший начало неудачам, которые закончились катастрофой 11-й армии, арестован по моему приказу и вскоре предстанет перед судом... Кстати, Гейдрих, вы не проверили – действовал этот подлец Шпонек по собственной инициативе или за ним стояли лица, которые сознательно ведут дело к военному поражению вермахта?

- Мой фюрер, – неожиданно тонким, почти женским голосом, ответил глава РСХА, – мы работаем с бывшим командующим 42-м армейским корпусом. В свете некоторых странных событий, произошедших во время катастрофических для 11-й армии событий, у нас появились основания предполагать, что в немалой степени они были обязаны предательству некоторых высокопоставленных чинов вермахта.

Гитлер, услышав эти слова, подпрыгнул на месте, и, брызгая слюной, бросился к Кейтелю. Тот в испуге шарахнулся в сторону.

- Дерьмо! – заорал фюрер. – Вы недостойны командовать моими храбрыми солдатами! Вы, чей кругозор не шире отверстия в унитазе, сейчас докатились до предательства! Гейдрих, проведите тщательную проверку всех фактов, которые могли бы вызвать подозрение о сотрудничестве с противником командиров любого ранга, и через неделю доложите мне о результатах проверки.

- Яволь, мой фюрер, – ответил Гейдрих и, вытянувшись в струнку, щёлкнул каблуками своих начищенных сапог.

- Кейтель, так вы мне скажете – что же произошло в Крыму? И почему так удачно начавшаяся операция по полному очищению полуострова от противника закончилась так печально?

- Мой фюрер, все началось с высадки крупных сил противника в Евпатории. Точнее, с появления в Чёрном море, накануне этой высадки, русского военно-морского соединения, в составе которого был авианосец. Именно с этого момента события начали приобретать катастрофический для нас оборот.

- Канарис, откуда появилось это чёртово соединение и этот авианосец? Ведь насколько я помню, у русских нет кораблей такого класса... Более того, всего три страны в мире способны строить авианосцы, всего три! Это наши союзники-японцы и проклятые лаймиз с янки. Не будем подозревать нашего доброго союзника в том, что он помогает большевикам. Англичанам сейчас тоже не до подарков Кремлю... Адмирал, поднимите на ноги всю свою агентуру и выясните, нет ли в этом деле американского следа.

- Мой фюрер, – адмирал Канарис почтительно склонил голову перед Гитлером, – по нашим данным у русских на Чёрном море есть значительные военно-морские силы, но авианосца в их составе до самого последнего времени не было, это точно.

- Так что же, этот авианосец призрак, вроде "Летучего голландца"? Но пилоты Люфтваффе рассказывают о нём, как о материальной силе. Вот донесения тех, кому посчастливилось увидеть этот авианосец и успеть радировать. Насколько мне известно, унести от него ноги не удалось никому. Русские играючи уничтожают наши самые лучшие эскадры пикировщиков и торпедоносцев, имеющие большой опыт борьбы с британскими кораблями на Средиземном море. Ко мне поступили донесения о совершенно жутких вещах – о реактивных самолётах большевиков, летающих с огромной скоростью и уничтожающих управляемыми ракетами на больших расстояниях наших самых лучших асов. Целая авиагруппа 100-й бомбардировочной эскадры бесследно

пропала над Черным морем, повстречавшись всего с двумя русскими истребителями. Канарис, откуда у русских такие самолёты? Что вам сообщают о них ваши разведчики?

- Мой фюрер, мои агенты не сообщали мне о существовании у противника подобных самолётов. Мы получили информацию о них лишь после того, как те появились в небе над Крымом. Кстати, вполне вероятно, что именно эти самолёты фактически уничтожили всю авиацию на южном фланге Восточного фронта.

- Как, и авиация наша потерпела полное поражение?! – воскликнул Гитлер, задыхаясь от ярости.

Не зная, на чем ещё можно сорвать злость, он схватил со стола папку с документами и швырнул в стоявших перед ним Кейтеля, Канариса и Гейдриха. Папка раскрылась, и документы, кружась в воздухе, разлетелись по всему кабинету.

- Вы, олухи, кретины, которые по недоразумению надели на себя мундиры нашей великой армии, – в ярости кричал фюрер. – Вы понимаете, что после катастрофы в Крыму весь наш фронт на юге России может начать разваливаться? После того, как в декабре 1941 года войска 1-й танковой группы были отброшены от Ростова, нам с большим трудом удалось остановить русских на реке Миус. А теперь, когда освободившиеся в Крыму русские войска выйдут в Таврию, ничто уже не спасет нашу группу армий "Юг" от полного разгрома. У нас нет резервов, которые бы остановили русский паровой каток. А с Крыма, этого непотопляемого авианосца, русские самолёты будут летать на бомбёжку нефтяных полей Плоешти.

Вы понимаете, чем грозят Рейху эти ваши "маленькие неприятности" в Крыму?! – и Гитлер, не выдержав, произнёс одно из длинных и замысловатых солдатских ругательств, которым научился в 1914 году под Ипром.

Наступая на разбросанные по роскошному ковру документам, фюрер прошёлся по кабинету. Потом, немного успокоившись, повернулся к стоявшим перед ним навывтяжку Кейтелю, Канарису и Гейдриху.

- Канарис, немедленно, вы слышите – немедленно, узнайте всё о таинственном военно-морском соединении русских. Мне нужны данные об их новой военной технике, о реактивных самолётах и управляемых ракетах. Ищите, где хотите – в Америке, в Москве, в Крыму! Срок – неделя! И ни днём больше! Невыполнение этого задания будет считаться актом саботажа со всеми вытекающими из этого последствиями.

- Гейдрих, вам задание я уже дал. При его выполнении действуйте

решительно, в случае открытого или тайного противодействия вашей работе, докладывайте немедленно лично мне.

- А вы, Кейтель, совместно с Гальдером немедленно начните формирование кампфгруппы для восстановления положения в Крыму. Прикиньте, откуда и сколько можно снять дивизий для укрепления южного фланга, чтобы отразить возможное наступление русских. Забирайте войска из Франции и Греции, перебрасывайте резервы из Германии.

Приступ бешенства прошёл, и фюрер немного успокоился.

– Сейчас, после победы над 11-й армией, большевики должны были понести большие потери и выдохнуться. Доблестные солдаты рейха перед своей гибелью должны были предельно ослабить врага. Я вам разрешаю бросить туда наш единственный бронетанковый резерв, 22-ю и 23-ю недавно сформированные танковые дивизии. Направьте туда генерала Гудериана. Хватит ему прохлаждаться в тылу, пусть искупит кровью своё позорное отступление под Москвой. Передайте ему, что Германия ждёт от него только победы! Лишь в этом случае он снова заслужит честь считаться "Первым танкистом Рейха!".

К 16 января ваши войска уже должны штурмовать Перекоп. И помните, каждый час, который мы упустили, большевики используют для укрепления своей обороны. В противном случае они вошли бы в Таврию ещё вчера.

Все свободны! И помните, что неисполнение моих требований будет приравняться к измене Рейху!

9 января 1942 года. 15:25. Перекоп. ст. Армянск. КП ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Совещание в штабе бригады, который пока де-факто исполнял функции штаба фронта, начал генерал Василевский. Коротко поздравив всех награждённых и тех, кому были присвоены очередные звания, он перешёл к вопросам по существу.

- Итак, товарищи, освобождение Крыма завершено. На повестке дня стоит следующая фаза операции по разгрому группы армий Юг – план "Полынь". Для его выполнения в состав бригады из резерва передаётся ещё сорок танков: двадцать КВ-1 и двадцать Т-34, вчера выгруженных с

транспорта в Севастополе и по железной дороге направленных на станцию Армянск. После этого доукомплектование ударного соединения техникой считаю законченным...

Я встал.

– Товарищ генерал-лейтенант, считаю необходимым заметить, что после включения в состав бригады немеханизированных подразделений мобильность бригады в целом упала до опасного уровня, не позволяющего выполнить поставленную задачу... – во загнул, аж самому интересно.

Берия пристально посмотрел на меня через свои стеклышки, а Рокоссовский только хмыкнул. Александр Михайлович Василевский, умница, вздохнув, спросил:

– Товарищ генерал-майор, я же вас за эти дни изучил как облупленного. Когда вы вот так задаёте вопрос, это значит, что и ответ у вас тоже готов. Давайте, выкладывайте. Только учтите: больше ничего Ставка вам добавить не сможет, у самих техники не хватает.

– А я, товарищ генерал лейтенант, ничего у Ставки и не прошу, – усмехнулся я. – Позаимствуем технику у немцев. По всему Крыму немцами брошено большое количество полугусеничных артиллерийских тягачей и четырёхосных полноприводных разведывательных автомобилей. Это «некоторое количество» исчисляется сотнями единиц, поскольку каждое трофейное орудие комплектовалось своим тягачом. Для восстановления мобильности бригады считаю необходимым передать в состав бригады из числа трофеев от ста двадцати до ста пятидесяти единиц трофейных полугусеничных тягачей, а для укомплектования разведроты – два-три десятка бронеавтомобилей, желательно восьмиколёсных Бюссинг-НАГ. Считаю, что если сделать это в течение двух-трёх дней, то этого окажется вполне достаточно, чтобы выполнить поставленную перед нами задачу. Кроме того, для повышения боеспособности вверенной мне бригады считаю необходимым провести переформирование её внутренней структуры, – товарищ Василевский вопросительно посмотрел в мою сторону, и я продолжил. – Предлагаю четыре механизированных роты морской пехоты развернуть в механизированные батальоны с одновременным расформированием прикомандированных частей. Вот примерная структура организации механизированного батальона.

Я передал товарищу Василевскому лист бумаги.

– Хм, – Александр Михайлович взгляделся в схему. – Оригинально.

Он придвинул листок Рокоссовскому.

– Посмотри, Константин Константинович, в батальоне сохраняется старый костяк из первых отделений каждого взвода, и в то же время в

каждое новое сформированное отделение товарищ Бережной включает по два бойца из своих бывших немеханизированных рот. Четыре отделения во взводе... интересно.

- Именно столько людей, товарищ генерал-лейтенант, вы прикомандировали к бригаде. Не могу же я лишним сказать – идите вон, вы нам не нужны. Мы же всё-таки не буржуи какие!

- Хорошо, товарищ генерал-майор, действуйте, – Василевский, одобрительно кивнул. – Как я понимаю, включение двух ваших людей в каждое отделение преследует цель сохранения высокой степени управляемости в бою через использование ваших индивидуальных раций?

- Не только, товарищ Василевский, не только, – поправил я будущего Маршала Победы. – Кроме этого бойцы из нашего времени должны стать инструкторами по тактической, боевой, и физической подготовке. Если подходить к вопросу нормально, для полноценной учёбы и боевого слаживания нам надо было бы полтора-два месяца, но, увы, у нас их нет, и придётся учить людей прямо в бою. Ещё и поэтому во взводах четыре отделения. Когда закончится план "Полынь", боюсь что из-за потерь в живой силе и технике придётся свести четыре отделения в три, если не в два. Но как говорил товарищ Суворов, чем тяжелее в учении, тем легче в бою. Сегодня у людей праздник, а завтра... Завтра с подъёма начнём такие тренировки, что людям настоящий бой праздником покажется.

– Хорошо, товарищ Бережной, спасибо за детальные разъяснения, – Василевский обвёл взглядом собравшихся. – Товарищ Берия, я прошу вас оказать содействие по линии своего наркомата в организации сбора трофейной техники нужных марок и её отправки на станцию Армянск. Только у ваших людей может получиться уложиться в заданные сроки.

Берия кивнул, по его лицу было видно, что он очень польщён. Потом его взгляд остановился на мне.

– Товарищ Бережной, скажите, а зачем вам германские бронев автомобили? Про полугусеничные транспортёры я всё понял, а с бронев автомобилями непонятно. Там же экипаж всего четыре человека, чем таким особенным они усилят бригаду?

- Товарищ Берия, в моей команде СПН ГРУ больше сотни отборных головорезов, из которых треть в совершенстве владеет немецким языком. Я переодену их в форму противника и пушу на этих бронев автомобилях впереди наступающей бригады. Пусть вносят беспорядок и уничтожают блок-посты. Должны же мы рассчитаться за художества немецких диверсантов в июне-июле прошлого года!

- Хорошо, товарищ Бережной, – Берия на секунду задумался. – Пока у

нас тут затишье, думаю, стоит прислать к вам двух человек с целью обмена опытом. Вы про них наверняка слышали... Павел Судоплатов от моего наркомата и товарищ Старинов от ваших коллег из ГРУ. Примите их как родных и ничего от них не скрывайте.

И он засмеялся собственной шутке.

Дождавшись пока Берия отсмеется, товарищ Василевский продолжил наше совещание.

– С подготовкой прорыва бригады генерал-майора Бережного навстречу Юго-Западному фронту всё понятно. Теперь, товарищ Рокоссовский, доложите, что у вас делается на перешейках?

Генерал-лейтенант Рокоссовский раскрыл свой блокнот.

– Оборону на Чонгарском перешейке и на Арабатской стрелке держат части бывшего Кавказского фронта. Непосредственно на берегу Сиваша занимает позиции 236-я стрелковая дивизия, усиленная трофейной артиллерией. Спасибо товарищу Бережному за хорошую идею: артиллеристы быстро отучили немцев пробовать лезть к нам через Сиваш. 63-я горнострелковая дивизия находится в оперативном резерве в районе станции Джанкой, готовая двинуться оттуда в любом угрожаемом направлении. 157-ю стрелковую дивизию, как понёсшую большие потери в боях за Феодосию, решено разукomплектовать. Штаб вместе с документами и боевым знаменем будет отправлен на Большую землю для повторного формирования, а личный состав боевых подразделений восполнит потери в 236-й и 63-й дивизиях. Пусть лучше будет меньше, да лучше.

Части бывшей Приморской армии занимают позиции на Перекопе. 172-я и 25-я стрелковая дивизии занимают позиции на Турецком валу, а остатки 95-й стрелковой и 40-й кавалерийской дивизий вместе со сводным полком морской пехоты находятся во второй линии обороны. Как и на Чонгаре, оборона усилена большим количеством трофейной артиллерии и пулемётов, – Рокоссовский исподлобья бросил взгляд в мою сторону. – В некоторых подразделениях количество пулемётных стволов на отделение достигло трёх. Спасибо, товарищу Бережному, его люди передали стрелковым частям уже спланированную оборону с тщательно размеченными секторами стрельбы. Без поддержки танков и авиации немцы на этом рубеже попадают в позиционный тупик.

Картина на Перекопе уже примерно такая же, как и под Саками. Последние два дня немецкое командование било в нашу оборону растопыренными пальцами. Сегодня с утра весь день тишина. После подхода разгружающихся в Севастополе 39-й и 40-й танковых бригад, имеющих на вооружении по 25 танков Т-60, будет создана мобильная

конно-механизированная группа, пригодная для активных действий в зоне ответственности Крымского фронта. Также ожидается прибытие из Новороссийска 226-го отдельного танкового батальона, имеющего на вооружении 16 танков KB-1. Учитывая, что нам противостоит разрозненный и деморализованный неожиданными неудачами противник, считаю нашу оборону устойчивой. Но несмотря на это, считаю, что расслабляться преждевременно. Войскам поставлена задача по постоянному усилению обороны и – в связи с затишьем – по боевой учёбе. У меня всё.

- Хорошо, товарищи! – генерал-лейтенант Василевский встал. – Считаю нужным сообщить вам, что час назад я разговаривал с товарищем Сталиным. Завтра утром мы вместе с товарищем Берия вылетаем в Воронеж, в штаб Юго-Западного фронта. С учётом вновь открывшихся обстоятельств товарищ Сталин не уверен, что товарищ Тимошенко сможет на надлежащем уровне провести свою часть операции "Полынь".

Берия кивнул.

– Зато насчёт новосформированного Крымского фронта есть вся уверенность, что дела пойдут так, как надо. Всё, товарищи, все свободны.

**10 января 1942 года. 8:25. Перекоп. ст. Армянск.
Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Поэт, писатель,
журналист Константин Симонов. Из "Крымской тетради"**

Табличка, установленная у дороги метрах в ста от ворот МТС, гласила *"Хозяйство Бережного. Секретный объект. Товарищ будь осторожен – часовой сначала метко стреляет, потом смотрит в кого!"*

- Шутники! – проворчал капитан Олейников, остановивший свой танк KB-1 у таблички. Я спрыгнул с брони на землю, разминая ноги. Где-то в стороне Турецкого вала внезапно загромыкала канонада. Нет, вру: орудия, в том числе и трофейные немецкие, били исключительно на нашей стороне. А в ответ, кажется, немцами не было сделано ни одного выстрела. Через несколько минут стрельба умолкла так же неожиданно, как и началась. Тем временем, в воротах приоткрылась калитка и из неё выглянул часовой в накинутах на плечи и голову плащ-палатке.

– Эй вы, товарищи танкисты, старший с документами ко мне, остальные на месте!

Пожав плечами, капитан двинулся к воротам, разъезжаясь сапогами в

липкой грязи. Я двинулся вслед за ним и получил предупредительный окрик часового.

– Я что, невнятно сказал? Старший ко мне, остальные на месте!

- Что ты так орешь, Тарасов? – вслед за часовым из калитки показался разводящий в такой же плащ палатке. – Танкисты это, мы их с вечера ждём.

- Товарищ сержант, – возразил часовой, – пусть сначала докажут, что они не германский "Бранденбург", потом поговорим. Я про тех кино смотрел. Ну их нафиг, предохраняться надо.

- Щаз, вызову "товарища майора", пусть он и разбирается, – закончил диалог сержант и, взяв у подошедшего к нему капитана Олейникова документы, к моему глубочайшему удивлению никуда не пошёл, а поправил что-то у себя на шее и заговорил прямо в никуда:

– Товарищ майор, тут у нас танки... Какие? На Т-34 похожи мало, значит КВ. Рядовой Тарасов их пускать не хочет, подозревает "Бранденбург". Да, так точно, товарищ майор, жду вас. Конец связи.

Тогда я ещё не знал, в какую глубокую историю попадаю. Через несколько минут из калитки появился типичный сотрудник госбезопасности в фуражке с синим верхом. Наскоро просмотрев документы капитана и его предписание и, наверное, увидев там что-то, понятное только ему одному, он козырнул капитану.

– Майор госбезопасности Санаев, начальник особого отдела бригады. Добро пожаловать в страшную сказку, товарищ капитан. Ничему не удивляйтесь и ничего не пугайтесь – это приказ. Тарасов, открывай!

Не успел у меня пройти шок от столь странного напутствия, как двое бойцов распахнули давно некрашенные ржавые ворота. А там, за воротами...

Двор МТС был битком набит боевой техникой. Я был в Испании, на Халкин-Голе, на этой войне чуть ли не с первого дня, повидал всякое. Но вот такое... Первое, что бросилось в глаза – прямо на нас из другого конца двора смотрел танк – нет танчище! По сравнению с этим приземистым широколобым монстром, вооружённым пушкой огромных размеров и крупнокалиберным зенитным пулемётом, наши КВшки смотрелись худенькими субтильными подростками. Этот танк был воплощённым кошмаром германских панцерваффе.

Чуть поодаль, в ряд выстроилось ещё несколько таких же машин. Кроме них двор был буквально забит разнообразными "танкообразными". Тут были и машины с огромными, как гора, сдвинутыми назад башнями, вооружённые длинноствольными пушками чуть ли не шестидюймового калибра. Были и остроносые боевые машины, судя по всему плавающие, в маленьких конических башенках которых умещалось аж по две пушки,

одна большого, и одна малого калибра.

Были и огромные грузовики с широкими колесами, рядом с которыми ЗиС-5 выглядел игрушечным автомобильчиком. А в конце двора, закутанные в брезент, стояли машины вообще неизвестного назначения. И ещё: всё буквально кипело жизнью, несмотря на раннее утро. Экипажи уже были рядом со своей техникой, копались в моторах, простукивали пальцы на гусеницах, в углу двора несколько бойцов перекрашивали два немецких полугусеничника в наши родные цвета.

Капитан Олейников сдвинул шлем на затылок.

– Ну дела! И куда нам тут, товарищ майор госбезопасности, приткнуться в эдаком Вавилоне?

Особист махнул рукой куда-то внутрь двора:

– А вон, идёт командир танкового батальона майор Деревянко вместе с зампотехом. Приготовьтесь, они сейчас вас вместе с вашими мехводами драть будут, с песком и без вазелина. Сначала они, потом комбриг.

Майор Деревянко, седоватый мужчина средних лет невысокого роста, широкоплечий, чуть косолапый, только махнул рукой, показав, куда капитан Олейников должен загнать свои танки.

Увидев, что майор госбезопасности освободился, я козырнул ему.

– Интендант 2-го ранга Симонов, – и протянул свои документы, в том числе редакционное предписание. – Редакция "Красной Звезды" дала мне задание сделать очерк о героической мехбригаде и её командире, полковнике Бережном.

– Симонов, Константин Михайлович? – как-то исподлобья посмотрел на меня особист, бегло просмотрев мои документы.

Я кивнул.

– Вот те номер! А ведь только вчера товарищ Бережной вспоминал о вас, говорил, что первого января вы были в Феодосии, а потом след потерялся. Он большой ваш поклонник, между прочим. Ставит вас выше Твардовского...

Я с недоумением сказал майору:

– Первого и второго я действительно был в Феодосии, третьего с редакционным заданием прибыл в Севастополь. Четвёртого вечером вышел на подводной лодке типа "М" к Констанце. Вернулись вчера, – я вздохнул, – а Севастополе всё вверх дном. Немецкой осады нет, 11-я армия разбита, пленные румыны улицы метут, как заправские дворники...

А в Северной бухте стоят на якорях корабли под андреевскими флагами и – представляете мой шок? – среди них авианосец! А тут в политотделе Севастопольского района я узнаю, что всё это наворотила

мехбригада полковника Бережного.

Там же мне и передали вот эту бумагу с редакционным заданием и сказали, что сейчас бригада находится в районе Перекопа. На станции встретил капитана Олейникова, который грузил свои КВ на платформы. Я знал его ещё лейтенантом на Халкин-Голе, разговорились. Он мне и сказал, что их передают в мехбригаду ОСНАЗа и, как раз, в районе Перекопа. В его эшелоне доехал до Армянска, ну а там и выяснилось, что нам в одно и то же место. А что, что-то не так, товарищ майор госбезопасности? Может, вы всё-таки объясните, что происходит?

- Все так, товарищ Симонов, и объяснить тоже можно... Только вот попали вы в такое место, в котором автоматически становитесь секретноносителем высшей категории. Мы ещё выясним, кто дал вам это задание, и поверьте – разговор с этим человеком будет очень серьёзный. Вас же не пустили на те "царские" корабли в Севастополе?

Я кивнул, и майор госбезопасности невесело усмехнулся:

– Они и эта бригада на настоящий момент и есть самый ценный секрет СССР.

Он достал из планшета стандартный бланк.

– Так что, товарищ интендант 2-го ранга, расписочку о неразглашении, будьте любезны. Фамилию, имя, отчество, воинское звание, и расписаться вот здесь и вот здесь! Спасибо, теперь мы с товарищем Берия вам главнее любого самого главного редактора. И вот ещё что. Товарищ Бережной со вчерашнего дня генерал-майор. Родина, так сказать, высоко оценила заслуги в разгроме Манштейна. А вот и он кстати, лёгок на помине...

С крыльца конторы МТС спускалось несколько человек, кое-кого из них я уже видел на приёмах в Кремле. Во-первых, тут был уже упомянутый товарищ Берия, во-вторых, заместитель начальника генштаба генерал-лейтенант Василевский, в-третьих, недавно назначенный командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский, в-четвёртых, Нарком военно-морского флота и временно исполняющий обязанности командующего Черноморским флотом адмирал Кузнецов. Пятым был неизвестный мне генерал-майор с жёстким, волевым лицом, одетый в пятнистую камуфлированную куртку с новенькими орденами Красной Звезды и Ленина. Наверное, это и был Бережной.

Тут я понял, что обычной мехбригадой, пусть даже и из резерва Ставки, тут даже не пахнет. Со всей этой кучей никому не известной, и без сомнения, секретной техники, и напротив, всем известных генералов и адмиралов, тут пахнет тайной государственного масштаба. Тут, действительно, можно загреметь под трибунал за неосторожное слово,

которое, действительно, не воробей:, вылетело – не поймаетшь.

А тем временем Бережной и Рокоссовский, попрощавшись с Кузнецовым, Василевским и Берией, остались на крыльце. А эти трое пошли не к легковым машинам, стоящим у ворот, а совсем в другую сторону, где бойцы уже снимали брезент со странного аппарата с двумя винтами над кабиной, отдалённо напоминавшего автожир.

- Присаживайтесь, товарищ Симонов, – майор госбезопасности Санаев придвинул мне стул, а сам отошёл к окну. – Вы хороший поэт и писатель, в этом я совершенно согласен с товарищем генерал-майором...

- Товарищ майор госбезопасности, я журналист, поэт, но не писатель... – возразил я.

- Писатель, писатель, – мягко проговорил генерал-майор Бережной. – Пусть даже пока сами этого не знаете.

Я боялся заглянуть в его глаза, этот человек с повадками тигра меня пугал. Наверное, я должен был бы больше опасаться майора госбезопасности Санаева, но он был насквозь понятен, он был свой, как и военком бригады, бригадный комиссар Брежнев, что опёрся спиной о стену рядом с раскалённой буржуйкой.

Я задумался, пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Вот он, генерал-майор Бережной... Чувствовалось в нём что-то такое, чужое. Трудно представить себе войну более страшную, чем Испания с её бомбёжками Мадрида и Герники, чем Халхин-Гол, чем финская война, чем эта война, уже названная Великой Отечественной с сотнями тысяч погибших советских людей. А за спиной товарища генерал-майора и его бригады была какая-то ещё более страшная война. Страшная не столько силой оружия, сколько бессмысленностью и беспощадностью. Я видел, как наши красноармейцы и краснофлотцы искренне ликовали в Севастополе при сообщении о победе под Ялтой и освобождении Крыма. Фактический автор этой победы был собран и напряжён, как сжатая пружина. Я задумался над "загадкой Бережного", когда воздух потряс внезапный выкрик такой силы, что звякнули стекла:

– Х-ха!!! – кричало не менее сотни мужских глоток.

- Подойдите, подойдите, товарищ Симонов, это очень интересно... – подозвал меня к окну майор госбезопасности Санаев.

Зрелище за окном, выходящим на противоположную от машинного двора сторону, было фантасмагорическим. Представьте себе – температура воздуха от силы плюс пять, дует ветер и моросит дождик. Несколько сотен молодых людей, голых по пояс, мускулистых, в сдвинутых на ухо чёрных беретах выполняют странные упражнения. На привычную армейскую

гимнастику это было не похоже, скорее уж на какую-то разновидность восточного кулачного боя. Вместе с ними тренировались и более привычные мне краснофлотцы в нательных рубашках и бескозырках с зажатыми в зубах ленточками.

- Рукопашный бой, тренировка, – ответил генерал-майор на мой невысказанный вопрос. – Знаете, немцы всех тех, кто участвовал в рукопашных схватках с нашими моряками и выжил, награждали особым знаком...

Когда немцы встретятся с бойцами, прошедшими нашу подготовку, то награждать им будет некого, ибо не выживет никто. Не подумайте ничего дурного, наши красноармейцы и краснофлотцы – это отважные, упорные, героические бойцы. Честь им и слава в веках! Вот только им и их командирам очень не хватает боевого опыта. Но это дело наживное, и у нас есть возможность дать им его... – генерал-майор задумался. – Поймите, товарищ Симонов, двадцать шесть миллионов потерь – это астрономическая цифра.

И тут я не выдержал:

– Товарищ генерал-майор, какие двадцать шесть миллионов? В конце концов, кто вы и откуда?

- Товарищ майор, – Бережной повернулся к майору госбезопасности Санаеву, – объясните товарищу журналисту, кто мы и откуда. А также то, какова будет поставленная перед ним боевая задача.

– У нас так, Константин Михайлович, – снова повернулся он ко мне, – попал к нам – будешь сражаться в общем строю и не важно, кто ты, журналист, особист, или политработник... Все работают на Победу. Ведь так, Леонид Ильич?

Военком бригады мрачно кивнул. Круги под глазами и осунувшееся лицо показывали, что доставалось ему здесь немало. Но, в конце концов, кому сейчас легко?

- Товарищ Симонов, – майор ГБ Санаев сел напротив меня и провел ладонью по лицу, снимая усталость. – Вы присаживайтесь, так будет лучше. Можно сказать, безопаснее. То, что вы сейчас услышите, является, может быть, самой большой тайной СССР на ближайшие несколько лет. Потом это уже не будет играть какой-либо роли. Сумеем мы победить наших врагов или нет, важность этой информации будет уменьшаться с каждым часом. Но сейчас это самая большая тайна... Вы поняли меня?

Я кивнул.

– Ну и отлично! Слушайте.

И генерал-майор Бережной, тогда ещё полковник, и вся его бригада со

столь поразившей вас техникой, и корабли под андреевским флагом, что вы видели в Севастополе, – всё это пришло к нам из мест настолько далеких, что вам, наверное, трудно будет поверить. Чтобы прийти нам на помощь, все эти люди преодолели не пространство, а время... Товарищ Симонов, ещё совсем недавно нас и их разделял семьдесят один год, тому вперёд разумеется...

Я сидел как громом поражённый, не зная что сказать...

– Молчите, – продолжал майор ГБ, – да ладно. Теперь самое тяжёлое, про андреевские флаги...

Он замолчал, видимо собираясь с мыслями.

– В 1991 году той реальности СССР прекратил своё существование. Нет, не надо вскакивать, мы не проиграли войну. Можно сказать что мы проиграли, проиграли нашим нынешним союзникам послевоенный мир... Было там всё: и неравенство экономических условий, и предательство верхушки, захотевшей стать новыми капиталистами.

Генерал-майор Бережной мрачно кивнул.

– Но не это важно. Вся информация предоставлена нынешнему руководству СССР, и оно в своё время примет к предателям надлежащие меры.

Ваша же задача, товарищ Симонов, заключается в том, что нам нужна книга... Ваша книга об этой бригаде. Не делайте, пожалуйста, такое лицо, вы это можете. Сразу после нашего разговора вам дадут роман "Живые и мёртвые", написанный неким Константином Симоновым по его записям о командировке на фронт в июле сорок первого. Могилёв. Вспомнили? Ну, вот и хорошо. Конечно, там не должно быть никаких намёков на пришельцев из будущего. Цель у этой книги, честно скажу, двоякая. Во-первых, надо поднять дух наших бойцов, показав, что немцев можно бить, причём, со страшной силой. Во-вторых, нам надо сбить со следа наших врагов, и нынешних и завтрашних, чтобы они не знали, где искать причину своих поражений. Надеюсь, что Константин Симонов, советский человек и настоящий коммунист, оправдает доверие партии и народа?

От такого предложения, да и от самого факта, что я разговариваю с человеком, который жил в мире, отстоящем от нас на семьдесят один год, у меня закружилась голова. А эти молодые парни за окном, разгромившие 11-ю армию? Они не просто ещё сами не родились, скорее всего, не родились ещё и их родители. Вот он, генерал-майор, смотрит на меня чуть прищурившись, своим испытующим взглядом. И от этого взгляда у меня по коже бегут мурашки... Он верит, что я справлюсь, и значит, я должен справиться. Решившись, киваю головой:

– Я согласен, товарищи! Скажите, что я конкретно должен делать?
– Отлично! – широко улыбнувшись, генерал-майор хлопнул в ладоши.
– Я в вас верил!

На мгновение сквозь маску уставшего военного проглянул другой человек, весёлый и жизнерадостный, любящий дружескую компанию и красивых женщин. Но его лицо тут же снова стало серьёзным.

– Следующие две-три недели вы проведёте в нашей бригаде. Скучно не будет – обещаю, – он подмигнул майору госбезопасности, и тот утвердительно кивнул.

Они что, чёрт возьми, готовятся к следующему наступлению? А почему бы и нет? Об этом говорит и пополнение техникой, и тренировки личного состава. Прямо такое, конечно, никто не скажет, но имеющий глаза, как говорится, да увидит. А генерал-майор продолжал.

– Что же касается десанта Евпатории и боёв в Крыму, то мы познакомим вас с вашими коллегами из XXI века, корреспондентами "Красной Звезды". У них есть все необходимые материалы по тем боям. Сейчас они как раз монтируют фильм.

Генерал-майор посмотрел на военкома бригады.

– Леонид Ильич, вы сообщили Ирочке, чтобы бросала всё в Симферополе и срочно вылетала к нам обратным рейсом?

Бригадный комиссар кивнул.

– Ну вот и хорошо, познакомьтесь с нашей звездой журналистики, а также вашей большой поклонницей. С ней вместе и придумаете, чем в легенде заменить наше иновременное происхождение. Она у нас большая выдумщица.

На этом и закончилась моя первая беседа с генерал-майором Бережным, человеком из будущего. На следующий день, во время очередной тренировки я увидел их всех троих: Бережного, Брежнева и Санаева с обнажёнными торсами, под морсящим дождём, вместе с бойцами отрабатывающими приёмы рукопашного боя. Но это уже была немного другая история.

**10 января 1942 года, 12:45, Севастополь, Южная бухта. КП
ЧФ. Адмирал Кузнецов Николай Герасимович**

На оперативном совещании присутствуют:

Командир ЛК "Парижская Коммуна" капитан 1-го ранга Кравченко

Фёдор Иванович

Командир КР "Молотов" капитан 1-го ранга Зиновьев Юрий Константинович

Командир КР "Красный Крым" капитан 2-го ранга Зубков Александр Илларионович

Командир лидера "Ташкент" капитан 2-го ранга Ерошенко Василий Николаевич

Командир лидера "Харьков" капитан 2-го ранга Мельников Пантелеймон Александрович

Командир РК "Москва" капитан 1-го ранга Остапенко Василий Васильевич

Командир ЭМ "Адмирал Ушаков" капитан 1-го ранга Иванов Михаил Владимирович

Командир БПК "Североморск" капитан 1-го ранга Перов Алексей Викторович

Командир СКР "Ярослав Мудрый" капитан 2-го ранга Юлин Виктор Петрович

Командир СКР "Сметливый" капитан 2-го ранга Гостев Алексей Викторович

Оперативное совещание я собрал на командном пункте Черноморского флота. Делать это на корабле, который носил моё же собственное имя, я считал неприемлемым по двум причинам. Во-первых, это грубое нарушение высшего уровня секретности: любой человек, попавший на борт кораблей из будущего, сразу поймёт, что что-то тут не так. И, во-вторых, это элементарно неудобно – товарищи могут подумать что я зазнался.

Я уже просил товарища Сталина переименовать авианесущий крейсер, дав ему более подходящее имя, но получил вежливый отказ.

– Товарищ Кузнецов, в будущем вам было оказано высокое доверие, вашим именем был назван лучший корабль флота. Мы можем переименовать его только в том случае, если вы сильно проштрафитесь... Подумайте над этим!

Ну кто сказал, что у товарища Сталина нет чувства юмора, а? Нет, он будет ждать пока я проштрафлюсь?! Не дождетесь, товарищ Сталин!

Тем более, что уже были вопросы от товарищей черноморцев: а какой это адмирал Кузнецов и кем он мне доводится. Приходилось отшучиваться, что никем, даже не однофамильцем.

Вот и пришлось собирать совещание на командном пункте флота в Южной бухте. Тем более, что сам ТАКР "Адмирал Кузнецов" останется на якорной стоянке, подлётное время его истребителей к Констанце, если что,

составит всего пятнадцать минут. А с аэродрома Саки, так и того меньше. Тем более, что туда перевели вторую пару лёгких, по их понятиям, истребителей МиГ-29.

Пара этих "лёгких" истребителей играючи смахнула с неба три девятки Хе-111, и всё окрестное люфтваффе слышало по радио вопли избиваемых. А вчера случился курьёз – я про себя улыбнулся: тот самый майор Скоробогатов со своими ведомыми взлетели на перехват двух троек Ю-88 и одной тройки Хе-111, как-то уцелевших в мясорубке предыдущих дней. Их германское командование послало на бомбёжку наших позиций на Перекопе.

Увидев атакующее МиГи, немцы заорали в эфире "Ахтунг! Хищники!" и стали покидать на парашютах абсолютно исправные самолёты. У них теперь, оказывается, такой приказ: в бой не вступать, а спастись по возможности. Жаль, что это случилось не над нашей территорией.

Товарищи командиры собрались. Тех, что с погонами, и тех что с нашивками на рукавах, точно поровну. Поглядывают друг на друга с настороженностью и недоверием. Не вина последних, что в небе господствовала немецкая авиация, а ими командовал человек, который явно не соответствовал своей должности. Вот, к примеру, даже два новейших британских линкора месяц назад не смогли устоять перед массовой атакой японских торпедоносцев и топмачтовиков. И первые тоже не виноваты, что неким, неведомым нам силам, пришлось бросить их в этот прорыв, чтобы заткнуть зияющую дыру, которая образовалась не по их вине. Начнём!

- Итак, товарищи, командованием, – я кивнул в сторону портрета товарища Сталина, намекая, кем лично отдан этот приказ, – перед нами поставлена задача: уничтожить торговый порт и военно-морскую базу Констанцы. Силы, в данный момент способной помешать нам в этом деле, не существует. Противодействовать нам могут два устаревших румынских эсминца и несколько торпедных катеров. Германские береговые батареи, обороняющие порт, имеют калибры 105 мм – 127 мм. Первая фаза операции начнётся ещё до рассвета с их подавления.

Я посмотрел в сторону выходцев из 2012 года.

– Товарищ Сталин разрешил нам истратить для этой цели до тысячи осколочно-фугасных снарядов калибра 130-мм из вашего боекомплекта. Больше ни один корабль не должен стрелять по тем целям, которые выделены для "Москвы" и "Адмирала Ушакова", поскольку это собьёт с толку автоматику корректировки огня. Ведь так, Василий Васильевич? – обратился я к командиру "Москвы" капитану 1-го ранга Остапенко.

- Так точно, товарищ адмирал, – ответил он мне. – Чужой разрыв, это всё равно, что под руку толкнуть. И получится, "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

- Слышали?! – я обвёл собравшихся взглядом. – С наступлением рассвета на внутренний рейд входят "Парижская коммуна" и "Молотов", где устраивают румынам в порту хорошенький кордебалет. Но сперва, во избежание международных инцидентов, попросим удалиться восвояси суда нейтральных государств. Для непонятливых перевожу – болгарские и турецкие. Товарищ Сталин очень просил, чтобы нейтралы не пострадали в этой экзекуции, но в то же время смогли сполна насладиться огненным цирком. После разгрома Констанцы мы, медленно и торжественно, совершаем круг почёта по границам территориальных вод Болгарии и Турции. Это крайне необходимо товарищу Громыко, который в ближайшее время направится в эти страны с визитом особой важности.

Командиры из будущего заулыбались.

– Андрей Андреевич, мистер "Нет", – пробормотал товарищ Остапенко. – Мне уже почти жалко президента Инёню, чего бы там от него не хотел товарищ Сталин.

- Нечего его жалеть, товарищ капитан 1-го ранга, – проворчал я. – Он нас не жалеет, а мы его с чего?

И вернулся к главной теме.

– Идем тремя колоннами. В центре: "Москва", "Парижская Коммуна", "Молотов", "Красный Крым". В правой: "Адмирал Ушаков", "Ташкент", "Ярослав Мудрый". В левой: "Североморск", "Харьков", "Сметливый". Флагман – крейсер "Москва". Итак, сверим часы, сейчас, – я бросил взгляд на запястье левой руки, – 13:07. Выход из базы в 21:00, формирование походного ордера в 21:45. Всё, товарищи, все свободны!

10 января 1942 года, 15:40. Авиабазы авиагруппы особого назначения РГК Саки. Старший лейтенант Покрышкин Александр Иванович

- Саш, товарищ старший лейтенант, есть новости, – капитан Гуссейн Магомедов отвлек меня от изучения моей новой машины. Как временную ступень между МИГ-3 и МИГ-29 полковник Хмельёв дал мне "летающую парту" с авианосца Су-25УТГ.

– Сегодня ты пойдёшь со мной на спарке в одиночный вылет на

Констанцу. Ты уж извини, что из истребителя делаем то ли бомбардировщика, то ли штурмовика.

Я отложил книжку с описанием машины.

– Товарищ капитан, так ведь я тоже всё понимаю. Господство в воздухе для истребителя – это такая штука: он к ней стремится, но как только достигает, так сразу остаётся без работы. Ты мне лучше скажи, что бомбить-то будем?

- О, джигит, то речь не мальчика, а мужа! – воскликнул Гуссейн. – Слущай, бомбить будем батарею береговой обороны "Тирпиц" возле Констанцы, которая серьёзно беспокоит флотских товарищей. Такого ты ещё не видел. Решено применить против неё управляемые бомбы КАБ-500 ОД. Там три орудия и радарно-дальномерный пост, и мы их одним залпом... Работа будет ночью, так что давай сейчас слетаем на твоей птичке. Посмотрю, чему ты успел научиться. Потом ранний ужин – и спать до часу ночи.

- Куда пойдём? – спросил я, когда мы, уже в полётных комбинезонах, подошли к стоянке.

- Давай до Херсона, потом на Мелитополь и домой... – Гуссейн показал мне на мою машину. – Ну, разве не красавица?

Сначала, я не понял о чём он, больше меня занимало то, что основная часть полёта будет проходить над территорией противника. Потом присмотрелся к машине и остолбенел. Это больше не была голая "летающая парта": под крыльями были задействованы шесть точек подвески из восьми. Два пятисоткилограммовых подвесных топливных бака и четыре двухствольных пушечных контейнера калибром 23 мм. Я прикрыл глаза, пытаюсь сообразить, какую же огневую мощь имеет теперь этот самолётик. При беглом подсчёте, с учётом скорострельности получилось, что он один имеет секундный залп целого истребительного авиаполка.

Взлетели нормально. Машина чуть потяжелела, конечно, но тяга на двух движках всё равно сумасшедшая. Развернулись над Евпаторией и легли на курс к Херсону. Скорость на маршруте 750 км/ч, высота полтора километра. Облачность переменная, средней паршивости, но при желании можно спрятаться в облака и подглядывать оттуда через радар. На полпути к Херсону над Черным морем...

В наушниках предупреждающе запищало, а на радарном экране переднего обзора начали быстро появляться зелёные точки. Километрах в ста двадцати от нас на одной с нами высоте на встречном курсе обнаружена большая группа самолётов. Две девятки, восемнадцать машин.

- Товарищ капитан, немцы... Атакуем?! – взмолился я.

Капитан Магомедов pokrutil головой, потом вдруг сказал:

– Нэмцы-шменцы! Так, товарищ старший лейтенант, набери ещё метров пятьсот и возьми чуть левее. Сейчас будем учиться пользоваться электровеником.

И чуть погодя добавил:

– Ну, немчики, как вас много, и какие вы маленькие... И никто вас сюда не звал. Товарищ старший лейтенант, помни, что в твоих руках очень тяжёлая кувалда и ты атакуешь не отдельный вражеский бомбардировщик, а всю девятку. Так, не забывая об упреждении, целься в правого ведомого головной тройки, да так, чтобы он состворился с правым ведомым левой тройки. Так, ещё немного...

В кольцах прицела росли странные, никогда не виданные мною четырёхмоторные силуэты.

– Ох! Сань! Мать их за ногу! Это же Кондоры!

- Что за "Кондоры", – не понял я.

- Германские дальние бомбардировщики... – откликнулся Гуссейн. – Ты не отвлекайся, не отвлекайся, эти господа как раз по нашу душу... Огонь! Огонь же, огонь!

Я, наконец, вдавил гашетку на пару секунд, и Су-25 затрясся от отдачи аж восьми пушек. Густой веер трасс разлетелся перед носом моего самолёта, на мгновение закрывая обзор. Действительно зря я так тянул. Тот бомбардировщик, в который я целился, буквально смело с неба. Он взорвался, рассыпался, разлетелся на куски. Факелом вспыхнул и тот немец, который проецировался следующим. Но ни линия справа, ни линия слева оказались совершенно не задеты. А, нет... Левый ведомый левой тройки, густо дымя двумя правыми моторами, быстро пошёл вниз.

- Так, набирай, высоту, разворачивайся, попробуем взять вторую девятку справа-сверху-сзади.

Похоже, товарища капитана охватил азарт.

– Только Саш, во имя Аллаха, больше так не тяни. У тебя в тот раз конус рассеивания просто не успел раскрыться.

- Конус-шмонус, – процедил я сквозь зубы, заходя во вторую атаку. – Понял я, сейчас попробуем чуть-чуть по другому.

На этот раз я заставил себя открыть огонь с вдвое большей дистанции, чем привык. Ну и ну! Всего две секунды я вёл огонь, а строй вражеских самолётов буквально осыпало сотнями трасс. Мощность этой пушки была такова, что одно-два попадания валили тяжёлый бомбардировщик с неба. Я потряс головой приходя в себя, и оглянулся.

Сколько же я достал? На месте девятки осталось только три самолёта. И те, заложив вираж, разворачивались на обратный курс, а из бомболоков в них в чём не повинное море горохом сыпались бомбы. Точно то же делали шесть "Кондоров" недобитой мною головной девятки. Я впервые за всю войну наблюдал "Дранг нах куда глаза глядят" в исполнении немецких асов.

Гуссейн хихикнул и переключил канал на радио. В уши ворвались немецкие каркающие вопли:

– Alarm, Alarm, Alarm – Super Raubvogel im flug!

- Ты, теперь пернатый суперхищник, великий и могучий, – сдерживая смехи сказал мне капитан. – Они бы и с парашютами попрыгали, как те придурки вчера, только вот море внизу, мягко выражаясь, не для купания, январь не август.

Я представил себе, как выглядела моя машина со стороны в момент открытия огня и содрогнулся. Извержение вулкана и то, наверно, ведёт себя деликатнее. Заложив вираж, я начал выходить в хвост, удирающим фрицам. Заметив начало моей атаки, они начали шарахаться из стороны в сторону, пытаясь сбить мне прицел. Только вот тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик – это не лёгкий мессершмитт, поэтому вместо энергичных манёвров у них получалось какое-то вялое переваливание с крыла на крыло. Правда, пилоту одного из "Кондоров" удалось добиться большего, чем его приятелям. Слишком энергично орудуя штурвалом, он на мгновение поставил свою тяжёлую машину ребром на крыло, потом она опустила нос, перевернулась кверху брюхом и безо всякой помощи с моей стороны отправилась в последнее пикирование к поверхности моря. Машины такого класса из пикирования не выходят никогда.

В своей третьей атаке я выбрал машину ведущего группы, если я правильно понял их метания. Сбить несколько штук одним ударом – такой возможности у меня больше не было, ибо немцы беспорядочно рассредоточились, как по высоте, так и в плоскости. Было такое ощущение, что теперь у них каждый сам за себя. Короткая очередь, и пушки, лязгнув, замолчали, в две предыдущие атаки я умудрился расстрелять почти весь боекомплект. Но и того коротенького остатка снарядов, что ещё оставался в лентах, хватило моей жертве с гарантией. Сначала во все стороны полетели обломки, потом фюзеляж переломился сразу за крылом, и дальше то, что осталось от самолёта падало, разваливаясь по дороге на более мелкие куски.

- Саня, домой! – совершенно спокойно сказал мне капитан Магомедов. – Сейчас придёт майор Скоробогатов со своим ведомым и подберут всё, что

ты не доел. Упускать этих тварей никто не собирается. А вообще поздравляю с твоим первым реактивным боевым крещением. Теперь-то ты понял, что значит бой, хотя бы на таких скоростях?

Я кивнул, скорее самому себе.

– Понял, товарищ капитан!

И мысленно поблагодарил этого горячего импульсивного бойца, который наверняка сам хотел пострелять по немцам, но ни разу не попытался взять управление на себя или самостоятельно открыть огонь. Наверное, если бы нам угрожала настоящая опасность, он бы так и сделал. Но без этого он дал мне возможность осваивать эту машину самостоятельно. Спасибо тебе, товарищ капитан!

11 января 1942 года, 2:45. Авиабазы авиагруппы особого назначения РГК Саки. Старший лейтенант Покрышкин Александр Иванович

Наш КУБ к полёту готов. Заправлен, пушка заряжена, бомбы подвешены. Лететь тут до Констанцы минут пятнадцать. Остальные наши товарищи будут обрабатывать румынский аэродром к северу от Констанцы. Я иногда с грустью вспоминаю о своих ведомых, которые вчера улетели в наш полк. Ну не подошли они для реактивной авиации, не хватает им для этого скорости реакции. Но сперва пленные немецкие авиамеханики, что остались нашим потомкам "в наследство" от разгромленной вдребезги авиагруппы "лаптежников", осмотрели те МиГ-3 на которых мы и прилетели сюда.

- Господин офицер, – на ломаном русском языке заявил мне пожилой немец, вытирая руки ветошью, – на этом лететь нельзя! Найн! Верная смерть. Ни один, как это, пилот люфтваффе, даже самый храбрый, не сядет в кабину такой самолёт. Мотор надо менять, чинить бесполезно. Крыло надо менять, даже хвост надо менять, одна дырка, заплатка на заплатка. Вам лучше сдаваться, Германия победить невозможно.

- Дурак ты, Ганс, – беззлобно усмехнулся Гуссейн. – Вот потому мы русские вас и победим, что не знаем, что это невозможно. Ведь так, Саш?

А я смотрел на этого немца, и в моей душе копилась ненависть. Как он мог так говорить, особенно после той подлости, которую они сделали двадцать второго июня. Вероломно, не предупреждая, начать войну. Какой они после этого цивилизованный народ? Просто племя людоедов. Когда мы

за один только день потеряли тысячу двести боевых самолётов! И весь тот ужас отступления до Ленинграда, Москвы и Дона, это плата за нашу доверчивость. Все это неправильно, война должна была начаться не так.

Я прикрыл глаза и начал вспоминать отрывок из книги, которую мне как-то показал майор Скоробогатов. Автор из будущего – Василий Звягинцев. Этот эпизод из иного варианта начала войны так запал мне в душу, разбередил её раны, что я заучил его наизусть... Все могло быть совсем не так...

А немец покачал в воздухе тонким кривым пальцем.

– Ви, господин Магомедов не русский, не надо меня обманывать, ви с Кавказа...

Мой учитель посмотрел на него с внезапной злостью и сказал:

– Для вас, господин Фридрих Майстер, мы все русские! Юберменьши хреновы!

И такая меня взяла гордость за наших людей и наш народ!

Но ладно, что ни говори, а руки у немцев всё-таки золотые, удалось им из трёх моторов к нашим МиГам собрать два вполне пригодных. Так мне этот Фриц и сказал, улыбаясь, от уха до уха:

– Летать можно ещё месяц, может два. Потом только в музей, как чудо. Табличка, ремонт делал Фриц Майстер. Жалко, нельзя на ваш истребитель поставить мотор Юмо, от Штука. Не подходит крепление. У нас есть два таких в масло, прямо с завода.

Вот чудило: мотор от "лаптёжника" на моём Миге – это я даже не знаю, что. Майор Скоробогатов сказал такое хитрое иностранное слово "химера", типа орёл с головой крокодила. В общем, ребята улетели домой, как раз после моего возвращения из "учебного" полёта. Специально ждали, чтоб попрощаться. Поручкались, обнялись на прощанье. Наказал привет ребятам передать, а больше других Вальке Фигичеву. Да и командиру нашему майору Иванову, благодарность за сватовство. Что бы там дальше не было, но скучать не придётся. Улетели. Помахал я им рукой и пошёл в столовую, на обед.

Только сел за стол, а тут шум-гам-тарарам... Вернулась тройка майора Скоробогатова. Сначала я не понял, из-за чего такой крик: ну вернулись и вернулись. Причём пришли все, без потерь и даже без дырок, чего так кричать?

Оказывается, мы с Гуссейном недоглядели. Там за двумя девятками бомбёров, шла группа транспортников, тоже "Кондоров" с десантом. Откуда это известно? Майор Скоробогатов рассказал. Как только я засёк первую группу, с "Москвы" на высоту в пять км подняли "марсианина". Ну,

так наши севастопольцы вертолёт с дальнобойным радаром называют. А ему оттуда всё до самого Киева, как на ладони. Он-то и навёл перехватчиков сначала на вторую группу. Такие же две девятки "Кондоров", только с планерами на прицепах. И после атаки из них не бомбы посыпались, а парашютисты. В море с ледком. У-х-х!

Сначала сбили все транспортники, потом пошли и прикончили недобитых мной бомбёров. И сейчас командование, включая даже самое Верховное, которому, конечно уже всё доложили, бьёт, по меткому выражению майора Скоробогатова, "ножкой" в ожидании хоть одного пленного. Все жаждут знать, "что это было, и на что оно рассчитывало!" Понятно, что это был десант. Но куда? Две девятки транспортных "кондоров" – это, максимум, батальон. С планерами – полтора или два. Батальон или два тут будут съедены как пирожки, быстро и без остатка. И к чему такая роскошь, как "кондор"? У немцев что, обычные транспортные юнкерсы кончились?

Майор Скоробогатов сидит напротив меня и, стремительно уничтожая гречку с мясом, говорит:

– Сейчас туда и лидер "Ташкент" вышел, из Севастополя МБР-2 вылетели, а с нашей эскадры аварийно-спасательные вертолёты. Ищут. Нужен хоть один фриц, чтоб мог говорить. Расскажет, что это была за заморочка, потом нехайдохнет!

А Гуссейн все не успокаивается:

– Са-аня, верти дырку! "Боевик" – это по минимуму. С почином тебя!

Короче суд да дело, а у нас с Гуссейном, если вы не забыли, ночью боевое задание. Вот только спать не хочется ничуть. Но приказ есть приказ, и товарищ капитан посылает меня к местному врачу. Тот дал мне таблетку и предупредил:

– Водкой не запивать. А то знаю я вас!

- Что, могу не проснуться? – спросил я его.

- Проснуться-то проснёшься, но неизвестно когда. Может, в следующем столетии, – ответил тот и улыбнулся. – Шутка!

Шутники хреновы... Пришёл я в казарму, таблетку водичкой из титана запил, лёг и не заметил, как провалился в сон. Что мне точно снилось, не помню, какой-то кошмар, типа, что летаю я абсолютно голый безо всякого самолёта и стреляю по мессерам из пулемётов, которые у меня вместо рук. Сбиваю их, сбиваю, а они все не кончаются. Жуть!

И вот меня будят. Пора! Время – полтретьего. Наскоро умылся, зубы почистил – во рту после той таблетки, как кошки ночевали, – и побежал надевать лётный костюм.

И вот я в кабине Мига-29КУБ. Успокаивающе светятся шкалы приборов. Задание подтверждено, и Гуссейн поднимает машину в воздух. К цели пойдём на высоте, над облаками. КАБы – управляемые авиабомбы, можно применять с высот до пяти километров. Мы пойдём к цели на трёх с половиной. Оказывается, эта бомба после сброса с самолёта ещё около девяти километров способна пролететь сама, используя для наведения внешнее управление и встроенную телекамеру. До Констанцы нашей машине минут двенадцать лета. Я, в данном случае, только пассажир, или, если угодно, запасной игрок.

Выходим на рубеж атаки, загорается экран системы наведения бомб. Цель в зоне видимости. Гуссейн передаёт мне управление и просит держать машину прямо. Рубеж сброса приближается с каждой секундой. Все, время! Машина четыре раза вздрагивает, освобождаясь от бомб, которые продолжают лететь во тьме в сторону цели. Товарищ капитан принимает управление и закладывает правый разворот. Тикают секунды, отметки бомб на экране сближаются с целями. Ослепительная вспышка рассекает ночь, за ней ещё одна и ещё, и ещё... Ложимся на обратный курс в Саки.

Гуссейн выходит на связь по СПУ.

– "Москва" сообщила: цели уничтожены, этого "Тирпица" больше нет. Вот и всё. Давай Сань, бери управление и по приборам домой, на Саки.

11 января 1942 года, 03:55. Чёрное море, 35 миль на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

За остеклением рубки густая непроглядная ночь. Объединённая эскадра идёт вперёд, невзирая на шквалистый ветер и пятибалльную волну. Чёрное море опять решило побуянить. Обычно я не решился бы на такую авантюру, как ночной поход в плохую погоду к вражескому берегу. Но! На "Москве" одних радаров больше десяти штук. Общего, обнаружения, навигационные, ПВО, радиоэлектронной борьбы, систем наведения ГК... систем наведения ствольной артиллерии, систем наведения МЗА... Под водой стоит мощнейший гидроакустический комплекс, от которого не укроется ни одна подлодка. Он также помогает команде обнаруживать мины заграждения и подводные банки и скалы. Любой командир БЧ-1 с корабля из нашего времени на месте капитана 2-го ранга Афанасьева давно бы превратился в нервное задёрганное существо. А тут работает

инерциальная система навигации, радары видят всё, что делается над водой, а ГАК – всё, что под водой. Так воевать можно.

- Товарищ адмирал, – повернулся ко мне вахтенный командир, – докладывает "Витязь": цель номер один уничтожена. Корректируемые объёмно-детонирующие бомбы поразили как сами орудия, так и радарно-дальномерный пост. Есть подтверждение от наших систем РЭБ, радар цели прекратил свою работу.

Я посмотрел на стоящих рядом контр-адмирала Ларионова и капитана 1-го ранга Остапенко.

- Ну, что же, товарищи, к операции "Бора" приступить! Передать на все корабли – увеличить ход до двадцати пяти узлов и действовать по плану. Виктор Сергеевич, – обратился я к адмиралу Ларионову, – что там у нас с минными полями?

Адмирал указал на прикреплённую магнитиками к стене рубки карту, куда нанесены все данные, полученные в результате разведки района.

- Подводная лодка "Алроса" находилась на позиции в виду Констанцы в течении пяти дней. В результате гидроакустического сканирования моря удалось получить более-менее достоверную карту минных полей. Правда, после шторма часть мин может быть сорвана с якоря и свободно болтаться на поверхности, но операторам скорострельных установок АК-630 отдан приказ расстреливать все плавающие предметы соответствующих размеров.

- Хорошо, – я надавил на глаза, снимая усталость. – Когда будем на рубеже открытия огня?

Капитан 2-го ранга Афанасьев сверился со своими расчётами.

- Если сохранится заданная скорость движения, примерно через час пятнадцать, товарищ адмирал. Плюс-минус две минуты. До рассвета как раз успеем потопить румынские эсминцы и подавить береговую оборону.

- Вы уверены, что эти эсминцы там? – повернулся я к нему.

- Так точно товарищ адмирал, – ответил мне капитан 2-го ранга Афанасьев. – "Витязь" подтверждает, что эсминцы находятся на внешнем рейде.

- Ну, значит, сегодня мы оставим Антонеску без флота, – рассмеялся контр-адмирал Ларионов.

Потом пожевал губу, и добавил:

- передайте на "Сметливый" и "Мудрый", чтобы не возились. Пусть засадят в них по одному "Урану". Этого добра на "Колхиде" ещё достаточно. Заодно и проверим их действие по реальной цели.

11 января 1942 года, 04:07. Чёрное море, 34 мили на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

- Товарищ адмирал, – доложил вахтенный, – "Юпитер" начинает операцию "Аллегро". Просит поднять в воздух вертолёт для ретрансляции, к пуску в первом эшелоне готово двенадцать ракет. Первая ракета с беспилотником, остальные боевые. Вторым удар уже по зрячему.

Я помнил, что операция "Аллегро" – это удар дальнобойными эрсами по нефтяным промыслам в Плоешти. Честно говоря, я очень слабо представлял себе возможности этого оружия. Тогда слабо представлял. Ну что смогут сделать двенадцать или даже двадцать четыре эрса с кучей мелких нефтяных вышек, которыми буквально усеяны все холмы под Плоешти? Вот только действительность превзошла все мои ожидания.

Выслушав вахтенного, я только кивнул, ну а командир "Москвы" капитан 1-го ранга Остапенко добавил:

– Конечно, поднимайте немедленно. Подайте картинки с позиции и с беспилотника сюда к нам.

11 января 1942 года, 04:15. Где-то западнее Евпатории. Позиции ракетной батареи комплекса "Искандер-М".

В командно штабной машине три офицера склонились над дисплеем компьютера. Все шесть машин батареи были готовы к пуску, осталось только отдать команду. Координаты целей получены и введены в систему наведения. Командир батареи полковник Шалимов отдал команду. Пошел обратный отсчёт. Потом раздался оглушительный грохот, и первая ракета поднялась в небо на столбе огня. За ней ещё, ещё и ещё... Пока в небо не ушёл весь залп батареи, все двенадцать ракет. До Евпатории грохот не долетал, зато зарево, да и сами стартующие ракеты видели многие. По пути к цели примерно на минуту ракеты оказались в околоземном космическом пространстве. Потом неумолимая гравитация тянула их вниз, к окрестностям той точки на поверхности Земли, которую люди называют Плоешти. А к разряженным установкам подъехали ТЗМы... Предстояла новая работа.

11 января 1942 года, 04:15. Чёрное море, 33 мили на траверзе Констанцы. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

Абсолютно чёрный экран озарился каким-то неземным светом. Оставляя за собой дымный след, тяжёлая ракета поднималась в небо на огромном шаре огня. Вот она нырнула в облака, и их высветило изнутри постепенно гаснущим багровым светом. Не успел он погаснуть, как на старт пошла следующая ракета и всё повторилось сначала.

- Лишь только восемь минут летит ракета в ночи, – процитировал-пропел капитан 1-го ранга Остапенко. – Все приплыли румыны, теперь кричи, не кричи...

- Что это, Василий Васильевич? – не понял я.

- Слова из одной песни, – пояснил контр-адмирал Ларионов, – довольно широко известной во времена нашей молодости. Румынам действительно осталось только кричать, ибо, как говорил Чингизхан, «Пущенную стрелу не остановишь». Хотя восемь минут – это для ракет средней дальности, а тут у нас малая дальность, ей и трёх минут хватит...

И действительно, через некоторое время ожили ещё несколько экранов. Небольшой радиоуправляемый самолётик, которого доставила к Плоешти первая ракета, освободился от связывающей его оболочки, раскрыл крылья и кругами начал набирать высоту.

Секунд двадцать ничего не происходило, потом по группе нефтяных вышек, стоящих на холме, прокатилась волна мелких разрывов... Мгновение спустя, в небо взметнулось ревущее пламя. Секунд через тридцать это повторилось на другой возвышенности, вниз по склонам потекли ручейки огня, поджигая вышки, которые не были затронуты ракетными ударами. Через пять минут самолётик нарезал круги уже над самым натуральным морем – морем огня.

Стало светло как днём, камера ночного видения отключилась из-за перегрузки. Некоторое время спустя в небо взметнулись огромные огненные столбы. Это в пригороде Плоешти ракеты поразили нефтехранилища и перегонные колонны нефтяного завода. Пламя разливалось также по железнодорожной станции, охватывая цистерны с бензином и сырой нефтью. Зарево пожарища должно быть видно за сотню километров. Не знаю, показалось мне или нет, но через стёкла рубки справа по курсу у горизонта высветилась грязно-розовая полоса. Неслабо же там полыхает. Ничего, примерно через час мы подойдём к Констанце, и там

тоже будет праздник.

11 января 1942 года, 05:42. Внутренний рейд Констанцы, якорная стоянка. Танкер "Шипка" (Болгария). Старший помощник Николай Кайгородов.

Сквозь сон мне послышалось глухое бухание орудий. Перевернувшись на другой бок, я постарался уснуть дальше, но мне не дали этого сделать.

– Господин старший помощник, господин старший помощник, проснитесь! – матрос Мирко тряс меня за плечо. – Там ваши пришли, русские...

- Какие к черту русские?! – не понял я спросонья.

Выстрелы орудий усилились и стали отчётливее.

- Господин старший помощник, русский флот бомбардирует Констанцу, – чуть не плакал Мирко. – Господин капитан зовёт вас в радиорубку, там на международной волне что-то передают, похоже по-английски, по-турецки и по-русски...

И тут я окончательно проснулся. Зарево, пробивающееся через иллюминаторы, не оставляло сомнений – горел нефтеперегонный завод.

Наскоро одевшись, выскакиваю на палубу. От открывшегося зрелища защемило сердце. По берегу бил линкор типа "Севастополь", были отчётливо видны яркие вспышки полных бортовых залпов. В районе железнодорожного вокзала вздымались исполинские разрывы. Похоже, красные всё же научились делать приличные фугасные снаряды для двенадцатидюймовок. Не то, что в наше время с восемью фунтами пироксилина, – считай, что болванки. Снаряды рвались и там, где у румын были береговые батареи, только туда явно били калибры помельче. Бросив взгляд на северо-запад, я присвистнул. Там подсвечивая снизу облака, полыхало яростное зарево, охватывающее два-три румба по горизонту. Похоже, судный день был не только у Констанцы. Это явно горели нефтяные поля Плоешти с Бухарестом в придачу. Значит, отметился не только большевистский флот, но и авиация. Румыны, наверное, уже не рады, что ввязались в эту войну.

В рубке трясущийся от нервного тика капитан Благоев передал мне наушники. Пропустив конец турецкого текста, я дождался передачи на русском языке:

– Всем судам нейтральных стран. Говорит народный комиссар военно-

морского флота СССР. Просьба покинуть гавань Констанцы и выйти на внешний рейд. После краткого досмотра на предмет наличия военной контрабанды и подданных государств, находящихся в состоянии войны с СССР, вам будет обеспечено безопасное возвращение в порт приписки. После восьми часов ноль минут по московскому времени, порт Констанца и оставшиеся в нём суда будут полностью уничтожены. Повторяю, всем судам нейтральных стран выйти на внешний рейд и лечь в дрейф для приёма досмотровой партии...

Дальше радио заговорило по английски: «To all neutral ships...».

Я снял наушники с головы и повернулся к Благоеву.

– Господин капитан, официально заявляю, что нам предложено покинуть гавань и лечь в дрейф на внешнем рейде для проведения досмотра. Отказ от этих действий равносителен уничтожению. И кроме того, никакой нефти мы тут не дождёмся, а дождёмся только того, что нас поджарят как кебаб. Так что запускаем машину, поднимаем якорь и резво уносим отсюда ноги. Вот смотрите... Турки уже всё поняли.

Я показал на стоящий по соседству танкер под турецким флагом. Там зажгли полное освещение, показывая себя и свой государственный флаг. Кроме того, суэта матросов на палубе не оставляла никаких сомнений в том, что танкер готовится к экстренному выходу в море. С берега по туркам открыла огонь артиллерийская батарея, скорее всего одна из немецких 75-мм – они начали недавно прибывать на побережье из Франции и Германии для усиления противодесантной обороны после катастрофы 11-й армии под Севастополем. Похоже, Гитлер снял свой шикарный китель, чтобы прикрыть голый зад. Но получилось у него плохо.

В ответ на беспорядочные немецкие выстрелы с берега в море засверкали яркие вспышки. Было такое впечатление, что короткими очередями били несколько пулемётов, причём не менее чем пятидюймового калибра. И как точно! На позиции немецких артиллеристов, проявивших столь ненужную и неумную храбрость, обрушилась лавина снарядов. После того огненного катка на позициях наверняка не осталось ничего живого. Было видно, как на турецком танкере матросы подпрыгивают как обезьяны и грозят кулаками в сторону берега. Хотя больше никто по ним и не стрелял. Если там ещё и оставалась неподавленная полевая артиллерия, то румынские и немецкие командиры поняли столь тонкий намёк и больше никак себя не проявляли.

- Господин капитан, шевелитесь быстрее, у нас остался только час... – напомнил я застывшему в ступоре капитану.

В конце концов, именно он нёс ответственность за корабль и его

команду. После моего толчка, господин Благоев, наконец-то начал раздавать команды, и на нашем танкере поднялась отчаянная суета. Но как старший помощник, должен с гордостью сказать, что хоть готовиться к выходу мы начали минут на пятнадцать позже турок, на внешний рейд вышли первыми. Сказалась лучшая выучка нашей команды, в чём вижу и свою неоспоримую заслугу, и лёгкий в запуске дизельный главный двигатель, работающий прямо на сырой нефти из танков.

Мы вышли на внешний рейд и легли в дрейф. Занимающийся на востоке рассвет высвечивал грозные силуэты боевых кораблей. Похоже, здесь был весь Черноморский флот красных.

«Постой!», – сказал я сам себе и поднял к глазам бинокль. Русские корабли были, что называется, "каждой твари по паре". Эсминцы типа "Фидониси", хорошо знакомые мне по прошлой жизни офицера российского императорского флота, линкор "Севастополь", тоже как привет из прошлого, теперь именуемый "Парижская коммуна". Один новый крейсер предвоенной постройки, то ли "Молотов", то ли "Ворошилов". Два новых полукрейсера – лидера разных проектов, один итальянского, другой оригинально-большевистский.

А среди них корабли, которые не лезут ни в какие рамки. Абсолютно не похожие ни на что известное. Во всяком случае, их силуэты я не видел ни в одном справочнике. Господи, что это за наклонные трубы у того большого крейсера? И зачем им столько антенн на мачтах? И у того, корабля, который идёт прямо к нам, тоже какие-то ящики, установленные между надстройкой и носовой башней. И выглядит всё это так, будто это и есть их главный, калибр. И если глаза меня не обманывают.. Я в шоке опустил бинокль. То, что я сначала принял за красный флаг – хотя флаг большевистских ВМФ совершенно другой, – оказалось алым боевым андреевским стягом! У меня аж резануло по сердцу – как град Китеж, восставший из вод, к нам шёл корабль под флагом Русского императорского флота, не существовавшего уже почти четверть века. Господи, откуда?!

Я ещё раз поднял бинокль и пробежался взглядом по кораблям. Все "незнакомцы" были под андреевскими флагами. А на самом крупном из них – вот ведь сюрреализм! – развевался брейд-вымпел красного наркомвоенмора товарища Кузнецова. Вот тут-то я, господа, чуть на палубу и не сел. Это как понимать прикажете, спрашиваю я вас?!

А крейсер, что пошёл нас досматривать, уже совсем рядом. Из порта, кроме нас, считай, никто и не вышел... А нет: вон тянется ещё один... с белой тряпкой вместо флага. Это итальянцы на "Августе" решили сдаться большевикам – не захотели, значит, гореть в порту. А "Августа" ведь под

погрузкой была, не пустая.

Перевожу взгляд на русский корабль и читаю безо всякого бинокля название "Адмирал Ушаков". Добротное имперское название, а не какой-нибудь там жидо-большевистский "комиссар Блюмкин". Вы ничего не подумайте, я Россию люблю. И воевать с ней хоть с красной, хоть с белой ни за что не стану. И в Гражданской тоже того, не участвовал. Ещё в восемнадцатом перебрался сначала в Румынию, а потом и в Болгарию. Но ведь обидно же, господа! Была великая страна, раз – и нет её. Или всё-таки есть?!

А с "Ушакова" спустили катер, который и идёт к нам. Вот сейчас мы и выясним, кто там: наши или всё же "товарищи". А русско-большевистская эскадра, как и обещали, начала крушить порт. Только куски бетона и камня полетели от причалов и портовых складов. С новой силой взметнулось вверх пламя над нефтяным портом. Странно, что нет в небе ни румынской, ни немецкой авиации. Но это им, наверное, теперь всё равно, ведь и такого порта, как Констанца, тоже больше нет.

С катера к нам на борт поднялась весьма странная компания. Первым по трапу взбежал молодой лейтенант, и не с этими там нашивками на рукавах или кубарями в петлицах, а с самыми настоящими погонами на плечах.

Правда, погоны были стилизованные, матерчатый хлястик на пятнистой куртке с двумя маленькими звёздочками, но это были погоны. Вводили в ступор морская тельняшка в распахнутом вороте кителя и красная звёздочка на щёгольском чёрном берёте. Даже специально не придумаешь такую смесь морского и сухопутного, белого и красного.

Вслед за офицером на борт поднялись трое нижних чинов весьма мрачного вида, вооружённые компактными автоматическими карабинами с магазинами большой емкости. А вслед за ними на палубу полезли самые настоящие пограничники НКВД. В зелёных фуражках с красными звёздочками, ватниках и с автоматами ППШ. Тоже четверо: лейтенант и три бойца. Хоть, господа, совесть в отношении советской власти у меня чиста, а сердечко-то ёкнуло. А ну как расстреляют сейчас без суда и следствия раба божьего Николая Кайгородова, лейтенанта растерзанного революцией Российского Императорского флота, подданного несуществующей Российской Империи? Ведь я ни болгарского, ни сербского, ни какого иного подданства так и не взял, вместо документов у меня "Паспорт иностранца".

Козырнув, лейтенант НКВД обратился к капитану Дмитру Благоеву.

– Лейтенант пограничной службы Николаев. Господин капитан, попрошу предъявить судовую роль, документы на груз и на судно.

Очевидно, такие процедуры раньше были ему привычны. Я сам не ходил ни в Одессу, ни в Новороссийск, ни в Батум, но торговля у СССР через Черноморские порты была довольно оживлённой.

- Товарищ лейтенант, – с лёгкой ехидцей заметил земноводный офицер, – вы забыли спросить о наличии подданных враждебных держав, лиц без гражданства и участников незаконных вооружённых формирований. Мы же с вами договаривались. Тут война идёт, а это непорядок.

Лицо офицера озарила мечтательная улыбка:

– Вдруг в галюне по шею в дерьме сидит какая-нибудь важная птица Третьего Рейха?

К моему удивлению всесильный НКВДшник не затопал ногами, не закричал на наглеца, а наоборот, покраснел и смутился.

Рановато им ещё по шею в дерьме сидеть, вы тут товарищ лейтенант ещё меньше недели орудуετε... Вот через полгодика-годик замучаемся их перед судом от дерьма отмывать.

- Отмывать их от дерьма будем не мы, а адвокаты, – назидательно заметил офицер. – А наша с вами задача, товарищ лейтенант, просто их поймать.

Я абсолютно ничего не понял в этом диалоге, как будто и не на русском языке говорили эти двое. Зато для себя кое-что понял наш капитан, господин Благодеев. В мозгах у него все перемешалось.

– Господа-товарищи, господа товарищи, вот этот человек, – указал он на меня, – мой старший помощник, он есть подданный бывшей Российской империи, который не взял никакого другого подданства. Он есть ваш государственный преступник, хватайте его. Больше никаких других чужих подданных на борт мой судно нет.

Вот ведь паскуда, а казался таким приличным человеком. Зато матросы, среди которых не побоюсь сказать, я был любим и уважаем, застыли как громом поражённые. Зачем ему это было надо, непонятно. Ведь из-за отсутствия подданства я даже не мог занять его место.

- Не надо никого хватать! – с некоторой ленцой сказал офицер в погонах дернувшимся бойцам НКВД. – Один момент, товарищи. Если сей господин не брал иностранного подданства, то он наш человек. Что мы сейчас и проверим.

– Николай Никифорович, – обратился офицер к командиру НКВД, – ты погляди, чтобы капитан ничего с собой не сделал. В море там не сиганул или лобик о палубу не разбил случайно. А то ведь напорется фейсом о чей-то кулак и будет бо-бо.

Потом офицер чуть вразвалочку двинулся в мою сторону. Я раскрыл ладони, показывая, что в них ничего нет.

– Отлично! – кивнул тот. – Предъявите документы, господин...

- Кайгородов, – сказал я вытаскивая из-за отворота кителя свой паспорт иностранца, – Николай Кайгородов.

- О, как интересно, – произнёс офицер, с лёгким кивком принимая у меня документы. – Я тоже Николай, и он Николай – кивнул он на НКВДшника. – Тут кругом одни Николаи.

Потом он жёстко посмотрел мне в глаза:

– Офицер? Пехота, кавалерия, артиллерия, флот?

- Бывший офицер, – вздохнул я. – Флотский, разумеется.

Лейтенант чуть исподлобья посмотрел на меня.

– Бывших офицеров не бывает, господин Кайгородов, – казал он с усмешкой. – Так говорил мой батя, которого я очень уважаю, поскольку он потом и кровью дослужился до бог знает каких высоких чинов. Бывают офицеры на действительной службе, в запасе и мёртвые... Бывших не бывает.

Он бегло просмотрел бумаги.

– На Родину вернуться не думали?

- На расстрел? – гордо задрал я голову. Теперь признаюсь – жест был весьма глуповат-с.

- Нужны вы кому, чтоб вас расстреливать, – загадочно ответил лейтенант. – После двадцать пятого года, надеюсь, в борьбе против Советской власти не участвовали?

- Я, господин лейтенант, собственно в борьбе против Советской власти никак не участвовал. Выехал за пределы Российской империи в марте восемнадцатого и нимало о сём не жалею. Стрелять в таких же русских как я... Нет уж, увольте. Вот германцы или турки, так это совсем другое...

- Слышь Коля, – повернулся офицер к НКВДшнику, который в это время проверял документы у других членов команды. – Чел белый и пушистый, а всё туда же – на расстрел. Запугал вами людей Геббельс, ой запугал.

- Я этого Геббельса, крысёныша, когда поймаю, тоже до смерти запугаю. – отозвался тот.

- Не выйдет, – вздохнул офицер. – Он уже сам так запуган, что живым в руки не дастся. Шестерым малолетним дочерям цианистый калий введёт, жену из автомата порешит, а сам застрелится. Вот тебе и крысёныш.

– Ну ладно, – он взял меня под локоток и отвёл в сторону. – Вы мне, Николай Александрович, вот что скажите. Что мне дальше с вами делать?

Ведь этот ваш капитан, как пить дать, доложит в гестапо о нашем с вами разговоре. И всё, пропал господин Кайгородов бесследно.

- В Болгарии нет гестапо, – возразил я.

- Есть, есть, – с лёгкой иронией ответил мне лейтенант, – только действуют они негласно. Если уж в нейтральной Швейцарии настоящее осиное гнездо, то в Болгарии сам бог велел быть им понаглее. Эх, а ладно!

– Коля, – окликнул он своего партнёра из НКВД, – подойди сюда на секунду.

И после того, как красный пограничник подошёл к нам, вполголоса сказал ему:

– Слушай, ты до ихнего капитана докопаться сможешь? Наверно не забыл ещё, как это делается?

- Что, завербовал? – ухмыльнулся тот. – Поздравляю. И кстати, а зачем до него докапываться? Есть у меня подозрение, что он ведёт шпионаж против СССР в военное время. Вот и задержим его по этому подозрению. Подозрения – это такое дело, что разбираться с ним можно будет до ишачьей пасхи.

- Отлично! – кивнул лейтенант. – Я так и знал, что ты настоящий друг.

И обратился ко мне:

– Не думай, это не вербовка в обычном смысле слова. Просто нам нужен человек, который в определённых кругах наших соотечественников за рубежом смог бы без прикрас и недомолвок рассказать всё, что тут видел и слышал. И слушайте советское радио. Как только объявят о единстве нашей истории, о разрешении носить дореволюционные награды и о восстановлении гражданства СССР для тех подданных Российской Империи, что подобно вам, не принимали иностранного гражданства либо подданства... Тогда мы вас ждём в ваших рядах. Вот эти бумаги, – из-за отворота кителя лейтенант достал толстый пакет. – я попрошу вас передать в румынское консульство в Варне. Здесь списки тех солдат и офицеров, что попали в плен. Сбор тел убитых пока продолжается, так что с этим ничего определённого. Но пусть будут уверены: кто не в плену, тот давно мёртв. К примеру, от отдельного кавалерийского полка после удара батареи ТОСов остался только пепел...

- Хорошо, – я взял у него бумаги. – Скажите мне, господин лейтенант, только честно. Почему вы воюете за большевиков?

Лицо молодого офицера стало страшным, я думал что он меня сейчас убьёт прямо тут на месте.

– Мы, господин Кайгородов, воюем не за большевиков. Мы воюем с ордой людоедов, которая пришла на нашу землю с единственной целью

убить всех мужчин, а женщин и детей сделать рабами. Это наша земля и наш народ, кто бы в данный момент не сидел сейчас в Кремле. И не смотрите, что они цивилизованны и культурно одеты. Это всё те же людоеды, смотреть на которых можно только через прорезь прицела, а прикасаться только штыком. И за то безобразие, что они задумали, мы ворвёмся в их чистенькую и культурную Европу и натянем им глаз на задницу. А после этого заставим моргать вот так, – он рукой показал мне как будет моргать этот глаз. – И после этого, смею надеяться, наступит мир во всём мире! Если ты русский, не debil, не ребенок, не старик и не калека, то твоё место с нами! В наших рядах! Честь имею!

Я стоял как громом поражённый, и в голове моей ворочались мысли. В последнее время ходили упорные слухи, что в Крыму на стороне Красной армии воюет прекрасно вооружённый и обученный легион из "бывших" и их детей. А оно, оказывается, правда. Это стоит того, чтобы рассказать об этом всем нашим. Вернуться на Родину не из милости нынешнего правителя, а как воины-освободители.

А лейтенант, немного успокоившись, шепнул мне на ухо:

– Если вы, Николай Александрович, и ваши друзья до чего-то додумаетесь, то зайдите в советское консульство в Варне и скажите, что у вас есть сообщение по теме "Пилигрим". Там вам сообщат, что делать дальше. Желаю принять вам правильное решение. И удачи!

Лейтенант пожал мне руку и присоединился к группе своих, которые спускались по трапу в катер. Капитана Благоева, как они и обещали, красные забрали с собой. Ну что ж, теперь до самого порта мне исполнять его обязанности.

11 января 1942 года, 16:25. Чёрное море, 15 миль на траверзе Босфора. ГКП РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

В береговой линии, которая проплывает по нашему правому борту, будто кто-то проделал дыру. Это Босфор – заветная мечта всех правителей России, начиная от князя Владимира Красно Солнышко и до Николая Последнего. Да!

Но сегодня мы мирно проходим мимо, никого не трогая. Сейчас наша задача – людей посмотреть и себя показать. Последнее особо. Ибо вопль ярости немецкого командования, который оно издало после того разгрома

что мы учинили в Констанце и Мангалии, может сравниться только с рёвом иерихонской трубы. А если вспомнить полыхающие нефтяные поля Плоешти...

Что там конкретно творится, достоверно неизвестно никому. Низкая облачность мешается с жирным чёрным дымом нефтяных пожаров. Инфракрасная камера на самолёте-разведчике показывает на месте нефтяных полей сплошной пожар, который бушует уже несколько часов, и не собирается утихать. На месте железнодорожной станции и нефтеперегонных заводов – тлеющее пепелище. Скрыть эту катастрофу немцы не в силах, и по сему поводу на радио уже успел отметиться Геббельс. Товарищи, которые прослушивают эфир, доложили, что теперь все мы считаемся дикими варварами и личными врагами фюрера. Ну, и чёрт с ним! Как говорил бессмертный Василий Иванович – наплевать и забыть.

Товарищу Сталину уже доложено о предварительных результатах операции. Окончательные же будут ясны тогда, когда станет понятно, с какой скоростью немцы с румынами смогут восстановить все то, что мы сегодня им порушили. Тушить десятки и сотни горящих нефтяных скважин – это ещё та задача, которая может и не иметь решения при нынешнем уровне технологий. На сердце покой и глубокое удовлетворение от хорошо сделанной работы.

Но торжествовать ещё рано, мы будем это делать, когда вернёмся в Севастопольскую базу. А пока, после всех безобразий, мы демонстрируем наш двойной российско-советский флаг. У офицеров турецкой военной разведки, которые наблюдают за нами в бинокль со скал Босфора, наверняка от удивления отвисают челюсти. Ну и пусть. Вот они мы, смотрите на нас, и запоминайте.

Но вот я и накаркал! Как молния, по эскадре пролетает команда: "Воздушная тревога!". На радарх ПВО видна большая масса самолётов, приближающихся к нам вдоль побережья со стороны Болгарии. Противно квакают ревуны, разгоняя команду по боевым постам. Немцы идут на высоте пяти-шести километров, то есть где-то по верхней кромке облаков. Пока непонятно, кто это – пикирующие Ю-88, или горизонтальные Хе-111. Отметки на радаре от них почти одинаковые. Но фактом является то, что нас посетила почти полная бомбардировочная эскадра, насчитывающая в своём составе более шестидесяти боевых машин. Будут здесь минут через двадцать, так что эскадра без особой суеты перестраивается в оборонительный порядок. В средней колонне корабли из нашего времени: "Парижская коммуна", "Молотов", "Красный Крым", "Ташкент", "Харьков".

Со стороны берега их прикрывает группа из большого противолодочного корабля "Североморск" и двух сторожевиков: "Ярослава Мудрого" и "Сметливого". Со стороны моря эскадру прикрывает "Москва" и эсминец "Адмирал Ушаков". Хотя какой он к черту эсминец. 956-я серия по нашим временам – это крейсера, причём далеко не лёгкие. Мало ли что он не бронирован... А вот настоящие эсминцы из нашего времени, наоборот, рассыпались по поверхности моря, и на полной скорости нарезают круги вокруг эскадры. Попасть в них бомбой невозможно даже для пикировщика, рулевые там тоже зевать не будут. Их основная задача, собрать нам с воды, нападавшие туда в ходе боя "одуванчики". Если таковые, конечно, будут.

Всё! Отпущенные нам минуты спокойствия оттикали безвозвратно, эскадра совершила циркуляцию и вопреки очевидной логике, устремилась навстречу немцам. Так эффективнее будет действовать зенитная артиллерия, пояснил мне контр-адмирал Ларионов. Он знал, что надо делать, а я нет. Поэтому адмирал Кузнецов безропотно уступил право командовать, хотя и младшему по званию и должности, но более опытному командиру.

Мне в этом стыдно признаться, но в душе мандраж и беспокойство. Лишь немного утешает и успокаивает ледяная выдержка капитана 1-го ранга Остапенко и контр-адмирала Ларионова. Да и остальные командиры на крейсере "Москва" суровы и сосредоточены, как шахматисты на турнире.

И вот полная бомбардировочная эскадра врага пересекли некий Рубикон, невидимую границу, за которой жизни для них уже не было. Идущий прямо за нами "Адмирал Ушаков" оглушил нас грохотом стартующих зенитных ракет. Две установки, выбрасывающие каждые три секунды по ракете. Задача – выбить ведущих "девяток" и заменить немецкий орднунг хаосом. Оставляющие за собой дымные хвосты девять ракет скрылось в облаках.

Тем временем немцы тоже пошли вниз, стремясь пробить облачность и визуально обнаружить наши корабли на поверхности моря. Судя по всему, на берегу у них был авианаводчик. Турки это поработали или немцы сами держали на Босфоре службу наведения, об этом пока ничего неизвестно. Только вот эффект получился крайне любопытный. Никто не видел, как ракеты поразили свои цели, но из облаков вниз посыпались горящие обломки, а с экранов радаров исчезла чёртова дюжина целей. Несколько ракет за счёт большого количества готовых осколков поразили не одну, а несколько целей. Сказать честно, было очень приятно видеть пылающий остров бомбардировщика, беспорядочно кувыркающийся и падающий в

море. От иных не осталось и того, просто рой мелких обломков, покрывающих воду мелкой рябью. Судя по тому, что в одном месте с радара исчезла целая тройка, имело место прямое попадание ракеты в бомбардировщик с детонацией боекомплекта. А ведь эти немцы так и не вышли на рубеж атаки. Сколько наших товарищей погибло при бомбёжках, и вот теперь разбойники Геринга наконец-то нарвались на достойный ответ. Да, в небе под облаками появились первые жирные хвосты соединяющие небо и воду, и первые купола парашютов. Как сказал Виктор Сергеевич: "Процесс пошёл".

Не успели отгрохотать взрывы в облаках, как навстречу приближающимся разбойникам отправилась новая партия ракет. На этот раз отработали комплексом ближнего боя "Кинжал" "Ярослав Мудрый" и "Североморск". Я ознакомился с характеристиками зенитных систем рубежа XX и XXI веков. По сравнению с ними наши 37-мм и 45-мм полуавтоматы – это просто детская рогатка. Но одно дело читать технические документы, и совсем другое, видеть своими глазами, как стартующий рой ракет, подобно обычным эрэсам ныряет в облака, а в ответ оттуда падает мусор в виде обломков самолётов и немецкие лётчики-парашютисты. Ох, не зря контр-адмирал Ларионов попросил меня, как можно шире рассредоточить эсминцы. Работы у них по сбору с воды неудачливых немецких асов было хоть отбавляй. Не успевали они подобрать одного, как на смену ему с неба спускалось трое новых.

Вот, наконец, уполовиненная бомбардировочная группировка пробила облака, и увидела наши корабли. А мы увидели их. Как и предполагалось, это были пикировщики Ю-88, сбившиеся в беспорядочное стадо. Высота тысяча двести метров, удаление полтора километра. До точки входа в пикирование им осталось всего пятнадцать-двадцать секунд, потом их удар остановить будет невозможно. Так думали, наверное, и немецкие асы. Так думал и я. Пришла очередь последнего средства нашей самообороны – зенитной артиллерии. На "Молотове" и "Красном Крыме" и "Парижской коммуне" часто-часто захлопали зенитные полуавтоматы. Среди немецких бомбардировщиков начали распускаться первые клубки зенитных разрывов. Правда, никакого влияния на полёт немцев это не оказало, они по-прежнему приближались к нам плотным роем.

И тут я краем глаза увидел, как стремительно взметнула стволы вверх башня главного калибра "Москвы". Частый грохот залпов, ураган огня. Позади нас в таком же темпе из обеих башен лупит "Ушаков". На той стороне кильватера из 100-мм автоматических пушек стараются "Североморск" и "Ярослав Мудрый". За несколько секунд до своей атаки,

немецкие пикировщики будто нарвались на стену. Как сказал мне товарищ Ларионов, для этой показательной порки в виду турецкого берега применяются только снаряды с радиовзрывателями, которые дают просто замечательный процент поражений. Вырвавшиеся из этого ада юнкеры перевалились через крыло, и отправились в пике.

Но это был ещё не конец. Им навстречу ударили шестиствольные зенитные автоматы. Вы можете представить себе автоматическое наведение по радару и минимальную очередь в двести снарядов? И это при технической скорострельности в четыре-пять тысяч выстрелов в минуту. Тут, как в том анекдоте про кота, который рассказал мне кап-раз Остапенко: "До балкона доехали только уши".

Те два десятка пикировщиков, что всё-таки пошли в атаку, операторы зенитных установок перебили с ярко выраженным садизмом. Отыгрались за всех погибших под немецкими бомбами, в том числе, беженцев и раненых. Парашютов в этот раз не было совсем, ибо двести снарядов, из которых в цель попадёт минимум двадцать, разбирают "юнкерс" на мелкие запчасти. Не забудьте – тридцать семь граммов взрывчатки и надёжный взрыватель в каждом снаряде рассчитаны на аппараты с совсем другими характеристиками.

Все, тишина! Лишь дымятся стволы и звенит напряжение в нервах. Радар ПВО девственно чист, на поверхность моря опускаются последние парашюты. Хороший спектакль мы устроили немецко-турецким зрителям. Немцы призадумаются, а турки, надеюсь, станут вести себя поскромнее.

И тут сообщение с "Североморска": сто кабельтовых впереди, обнаружена подводная лодка. Выходит на позицию атаки на встречных курсах. Акустический портрет не совпадает ни с одним типом советских подлодок. Предположительно это немецкая "семерка". Командир "Североморска" капитан 1-го ранга Перов просит разрешения уничтожить неизвестную лодку. Ну, если это немцы или итальянцы, то хорошо, пустим их на дно с полным правом. А вдруг это турки?

Хотя, если лодка заняла позицию для атаки, то она сама подписала себе приговор. Других подлодок "Североморск" поблизости не обнаружил, а это значит, что их и нет.

Даю добро. Минуту спустя с площадки на корме "Североморска" в небо поднимается вертолёт и направляется туда, где была обнаружена подлодка. При его приближении она пытается уйти на глубину и затаиться, но уже поздно. С вертолёта вниз летит противолодочная самонаводящаяся авиационная торпеда. Ещё несколько минут увлекательнейших подводных кульбитов и пируэтов – и "смертельный номер" кончается предсказуемым

финалом. Гремит подводный взрыв, и воздушный пузырь выталкивает наверх жирное соляровое пятно и кучу мелкого плавучего мусора. Туда стрелой мчатся эсминцы в надежде на какой-нибудь сувенир, способный прояснить национальную принадлежность лодки. Номер "Фелькише беобахтер", примерно десятидневной давности, служит доказательством того, что была утоплена всё-таки "немка".

Если турки пропустили одну лодку, то могут пропустить и ещё, так что с этим надо будет что-то делать. Теперь джинн выпущен из бутылки, и придётся срочно усилить противолодочную оборону флота, особенно баз. Надо будет поговорить с товарищем Ларионовым, может, посоветует нам что-нибудь по этой теме.

12 января 1942 года, 08:20. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Верховный с удовольствием обозрел лежащий на столе ворох бумаг. Были там и расшифровки фотоснимков, и донесения разведки, и выдержки из иностранной прессы. Несомненно одно – вчера Советский Союз нанес своему врагу если не нокаутующий, то крайне болезненный удар ниже пояса. А потом, в виду Босфора, ещё и усугубил это дело хлёсткой пощёчиной. Это надо же – целая бомбардировочная эскадра, только что переброшенная из Франции, сгорела без остатка, наткнувшись на объединённую эскадру советских и русских кораблей. По крайней мере, это так должно было выглядеть с берега. Замечательная и наглядная демонстрация советской мощи для турецких властей. Сталин вернулся к столу, на котором лежали доставленные вчера вечером из Крыма фотографии разгромленной Констанцы. Уничтожена вся береговая инфраструктура, железнодорожная станция и губернаторский особняк. Это предложил товарищ Ларионов. Пусть, говорит, власть предержащие в Румынии и других странах знают, что они несут полную ответственность за свои действия собственным имуществом, да и самой жизнью.

- Есть мнение, – сказал товарищ Сталин сам себе, – что товарища Ларионова надо наградить. Не меньше, чем Звездой Героя Советского Союза. Вот, например, рапорт товарища Кузнецова, – "...умело и хладнокровно руководил действиями соединения при отражении воздушного нападения. Командный и рядовой состав грамотен, хорошо обучен и имеет высокий боевой дух..."

Сталин закурил трубку и прошёлся по кабинету из конца в конец, размышляя. Матросам-краснофлотцам – медали "За отвагу", а командирам – "Боевое Знамя" или "Красную звезду".

Молодцы, все молодцы. И наши, и внуки-правнуки. А может поставить товарища Ларионова командующим Черноморским флотом? Справится? Должен справиться! Дадим ему начальника штаба из наших, ЧВСа хорошего... И Кузнецов не загордится, будет знать, что на нём свет клином не сошёлся. Да и нарком военно-морского флота из Москвы должен руководить своим хозяйством, а не из Севастополя.

- Так, – Сталин взял со стола ещё одну бумагу.

Рапорт об отражении днём 10-го января попытки налёта германской авиации на Крым. Первая волна – бомбардировщики, вторая – транспортники с парашютистами и планерами на буксире. До Крыма не долетел не один... На поиски выживших были направлены два эсминца, гидросамолёты МБР-2 и спасательный вертолёт с авианосца "Адмирал Кузнецов". Ему-то и удалось вытащить из воды двух живых пилотов с транспортников и одного парашютиста. Так, протоколы допросов, самое главное: ... два батальона СС, единственная задача которых – взять в плен и допросить участников десанта 5-го января. А у товарищей из будущего там госпиталь развернут. Хороший госпиталь, говорят, чуть ли не руки-ноги обратно пришивают и мёртвых в того света вытаскивают. Надо позвонить товарищу Бурденко, пусть направит сотрудников для обмена опытом.

А с Евпаторией непорядок, необходимо усилить охрану. Немцы уже что пронюхали... Сталин вздохнул, выколачивая в пепельницу потухшую трубку. Да и это не мудрено. Слона не спрятать под ковёр.

Он усмехнулся: по любимой поговорке Уинстона Черчилля, там и бульдоги-то едва-едва помещаются... Значит, операция "Туман" начата вполне своевременно...

Теперь Верховный главнокомандующий взял со стола тонкую папку, которую сегодня рано утром доставили из НКВД.

Так, поздравление того самого Уинстона Черчилля с освобождением Крыма и успешным ударом по Плоешти и Констанце. Мелочь, а приятно.

Что он там ещё пишет? Желает дальнейших успехов в совместной борьбе. Посмотрим, голубчик, что ты запоешь после "Польни"? – Шуму-то будет!

Так, корабли под андреевским флагом успели заметить в Болгарии и Турции. Не могли не заметить. Для того и была придумана эта морская прогулка после шумного погрома. Турция пока делает непроницаемое лицо и отмалчивается, а вот Болгария кипит как чайник на плите. Братушки мы

им или нет, в конце концов?

Вот рапорт нашего посла в Софии. Царь Борис пытается завязать с нами неофициальные контакты, естественно, втайне от своих берлинских кураторов. А вот это уже интересно. В тот раз, в 1944 году, Болгария пала перед СССР после первого же касания, как перезрелый плод. В этот раз может получиться ещё лучше. Тем более, что мы ещё всяким Черчиллям-Рузвельтам никаких обещаний по устройству Европы не давали. А если и дальше так пойдёт, то и не дадим, потому что...

Сталин усмехнулся, вспомнив слова контр-адмирала Ларионова: «Мы девушку будем ужинать, нам её и танцевать».

Мысль вождя перескочила на послевоенное устройство Европы. Победить надо так, чтобы иметь возможность диктовать всем этим, так называемым "союзникам", свои условия. А посему вернёмся к делам сегодняшним.

Перебирая бумаги, товарищ Сталин с удовольствием прочёл перевод стенограммы вчерашней речи Геббельса по берлинскому радио. Удар действительно был болезненным. В речи главного брехуна Рейха из всех щелей пёр уязвлённый эгоцентризм. К стенограмме прилагалась записка Начальника ГлавПУР товарища Мехлиса с вопросом, как на эту речь реагировать.

Товарищ Сталин снял трубку телефона.

- Алло, ГлавПУР, товарища Мехлиса. Товарищ Мехлис? Добрый день! Нет, не утро, а именно день, у нас вся страна от Тихого океана и до самого фронта давно и напряжённо трудится. Получил вашу записку с переводом речи Геббельса. Ваш вопрос считаю дурацким. А вот никак не надо реагировать, товарищ Мехлис! Переругиваться с визжащим шакалом – это только унижать своё достоинство. Мы должны объяснять нашим бойцам и всему миру, что всякое счастье для фашистов кончилось. Мы будем их бить, они будут орать, и имеют на это полное право. Чем сильнее мы их будем бить, тем громче и злее будут их вопли.

Верховный подумал и добавил:

– Объясните всем, что весь наш советский народ – это личный враг Гитлера. Надеюсь, вы все поняли? Ну и хорошо! Желаю вам всяческих успехов, до свиданья!

Положив трубку на рычаг, товарищ Сталин продолжил разбирать накопившиеся за время недолгого отдыха документы. Ага, папочка с утренней сводкой из РазведУпра. Что там пишет товарищ Панфилов?

Немцы интенсивно перебрасывают к Перекопу войска, снимая их отовсюду, в том числе и из-под Ленинграда, и из-под Москвы.

Разведгруппы на Украине докладывают, что госграницу пересекли эшелоны с танками новосформированных 22-й и 23-й танковых дивизий. Агент "Миша" сообщает, что конечным пунктом всех эшелонов является станция Каховка. Информация подтверждена самолётами-разведчиками Черноморского Флота. Такое впечатление, что реванш в Крыму стал кое-для кого идеей фикс. Известно, чьей.

Верховный опять взялся за телефон.

– РазведУпр, генерал-майора Панфилова. Товарищ генерал-майор, мы прочли вашу докладную записку о концентрации немецких сил на южном участке фронта. Очень хорошо. Но там не хватает одной маленькой детали. Почему ваши люди не сумели установить дату начала наступления? – Что значит предположительно? – А вот точную дату, товарищ генерал-майор, не назовёт сейчас и сам Гитлер. Поскольку сам её не знает.

Помните, сколько мы мучились, пытаюсь понять, какая из дат нападения на СССР является верной? По появившимся у меня сведениям из сверхнадёжного источника, они все были верными. Просто немцы, понимая, что не успевают подготовиться к определённой дате, элементарно переносили сроки. – Вы меня поняли? Давайте ваши предположительные даты. – Что, предположительно с пятнадцатого по восемнадцатое? Ну, товарищ Панфилов, это уже лучше.

Да, и передайте все материалы по этому делу товарищу Василевскому и абоненту "Пилигрим". И держите в курсе по всем изменениям на этом направлении не только меня, но и их. До свиданья, товарищ генерал-майор.

И тут Иосиф Виссарионович, не смог удержаться от шутки:

– С наступающим праздником вас, со Старым Новым Годом.

И повесил трубку.

Впереди было ещё много напряжённой работы. Тяжёлым камнем лежало на душе вождя дело "Клоуна". Каждый день Иосиф Виссарионович уделял этой теме два-три часа, стараясь выстроить для себя чёткую непротиворечивую картину. И чем больше он разбирал материалы по будущей истории потомков, тем больше было сознавать, насколько он был слеп, терпя возле себя Никитку, этого клоуна-недоумка. Вот и сейчас он думал, вчитываясь в списки его "соратников":

«Все, что я строил тридцать лет, разбазарили, распылили, изломали и уничтожили... Гитлер столько не наломал сколько вы! Бояре! Как после Ивана Грозного, устроили Смуту, разорили страну, деля власть. После Гитлера страну восстановить можно, а после таких дураков, увы, нет. Как бы с ними так поступить, чтобы и по заслугам вышло, и смущения в народе не вызвать в военное время?»

Сталин ещё раз перелистал свои заметки по этому вопросу, означавшему разницу между жизнью и смертью для первого в мире советского государства.

«Хм, – подумал он, – многие из этих товарищей крайне нескромны в материальном отношении. Надо будет дать указание Лаврентию, пусть привлекает их по самым уголовным мотивам. Да и товарищ Мехлис что-то мышей не ловит: интересно, куда смотрит его Госконтроль? Интересно было бы выяснить, чьи там внуки с высоты птичьего полёта на страну гадили. Тимошенки они как, родственники, или просто однофамильцы?

Всю эту шушуру давно пора было разогнать, да только вот руки не доходили, – товарищ Сталин укоризненно покачал головой, пососав погасшую трубку, – Или, создать всё-таки эту, как его, ОБХСС или, точнее, выделить соответствующую службу из НКВД в отдельный наркомат. Дело важное, особенно в военное время. Всякого разгильдяйства у нас и так хватает. Пишут вон, что продукты и лекарства, поступившие по ленд-лизу, оказывались на чёрном рынке. Такую частную инициативу необходимо пресекать беспощадно. Самое главное, правильно подобрать наркома. Например, товарищ Мехлис категорически не подходит в связи с пятым пунктом большинства будущих клиентов этого ведомства, – товарищ Сталин записал себе этот вопрос на память и подчеркнул два раза.

- Кстати, а где сейчас Никитка? На Юго-Западном фронте у Тимошенко? То есть, уже у Василевского... Надо бы его оттуда отозвать, чтобы опять дров не наломал. Только вот куда? Нет сейчас в стране неважных участков. Если такого назначить председателем колхоза, у него скоро люди безо всякой войны с голоду передохнут. Так что наркомом водного транспорта – упаси боже. Но с фронта его надо отзывать... А куда – это неважно. Пока в резерв Ставки, для поправки здоровья, ну а потом с Лаврентием решим, каким будет диагноз...»

Сталин снял трубку телефона ВЧ.

– Юго-Западный фронт, Василевского. – Добрый день, товарищ генерал-лейтенант, ну как, приняли дела у Тимошенко? – Как обстановка на фронте? – Бардак говорите? Набрались вы товарищ Василевский нехороших словечек у товарища Бережного. – Знаю, знаю, у него по этому поводу и похлеще слова есть, сам иногда удивляюсь, какие прилипчивые.

– Товарищ Василевский, должен напомнить, что у каждого бардака есть фамилия, имя и отчество, потому что просто так, на ровном месте бардак не проявляется, особенно в армии. Ну, товарищ генерал-лейтенант, слушаю вас? – Что, Хрущёв, тот самый который Никита Сергеевич? – Сталин сделал паузу, разыгрывая раздумья. – А передайте-ка вы ему, что с

сегодняшнего дня он временно переводится в резерв Ставки и должен немедленно прибыть в Москву. Да, в целях поправки здоровья и укрепления расшатанных после обороны Киева нервов. Так ему и передайте.

- Теперь, товарищ Василевский, о делах военных... По данным нашей разведки, и той которая в Крыму, и той которая в Москве, немецкое командование собирает против Крымского фронта сводную группировку. По-немецки, кажется, это называется кампфгруппой. Её основу составляют две свежих, только сформированных танковых дивизии полного состава и сборная солянка со всего Восточного фронта: оттуда рота, отсюда батальон. Думаю, что немцы до сих пор свято верят в несокрушимую мощь своего танкового кулака. Вот мы и посмотрим, чьи кулаки тяжелее.

Начало наступления на Перекоп возможно с пятнадцатого до восемнадцатого числа. Я приказал товарищу Жукову временно приостановить наступление, переходя к обороне на выгодных рубежах. Пусть немцы думают, что мы выдохлись, пусть перебрасывают войска на юг. Чем страшнее для них будут идти дела у вас, тем больше сил они снимут с якобы спокойных участков... Короче, вы поняли, что одной из задач "Полыни" является до предела ослабить группы армий Центр и Север за счёт переброски части их сил на юг. Насчет Любанской операции тоже не беспокойтесь, пока решено её не проводить, побережь людей и боеприпасы. Ударим тогда, когда немцы до предела ослабят эти направления. Как заместитель начальника Генштаба, что вы скажете о таком плане? От этой должности вас, между прочим, ещё никто не освобождал.

- Что, всё зависит от того, сколько сил они оттуда снимут? А вот это, товарищ Василевский зависит уже от вас с товарищами Рокоссовским и Бережным. Чем лучше вы сделаете своё дело, тем короче будет для Гитлера его "тришкин кафтан". И скажите спасибо товарищам Кузнецову и Ларионову. Теперь Черноморский флот у нас не бесплатное приложение к Красной армии, а грозный боевой инструмент, тяжёлая гиря в стратегическом балансе. Вы представляете, сколько дивизий понадобится немцам, чтобы надёжно прикрыть побережье Чёрного моря от Перекопа до болгарской границы? А если учесть прорусские и просоветские настроения в Болгарии, то, наверное, даже турецкой. Все, товарищ Василевский, генерал-майор Панфилов будет непрерывно информировать вас о развёртывании вражеской группировки. Надеюсь, что вы оправдаете оказанное вам высокое доверие. До свиданья, товарищ Василевский.

Положив трубку, товарищ Сталин встал и подошёл к окну. За окном

опять шёл снег. К концу идёт седьмой месяц войны, Советский Союз уже понёс огромные потери. И понесет ещё большие, если он, Сталин, не сумеет правильно воспользоваться подарком неведомых сил. На сколько удастся сократить войну? На год, на два – вряд ли больше. Фашистская Германия ещё сильна, и ей нужно нанести ещё не одно поражение, чтобы она рухнула. Чтобы сократить войну, нужно не гнать немца с нашей земли, это просто вредительский лозунг. Надо окружать и уничтожать их, как под Ялтой. Тогда эти полки и дивизии не будут восстанавливать и отправлять снова и снова против нас. Нужно учиться этому мастерству у самих немцев.

Ведь, что такое ночные удары авиагруппы "Адмирала Кузнецова" по немецким аэродромам? Это, строго говоря, повторение приёма люфтваффе, который помог им завоевать господство в воздухе 22 июня минувшего года. И только внезапность нападения заменена техническим превосходством. Господство в воздухе – это ключ к победе в этой войне.

Товарищ Сталин подошёл к своему столу. Недаром тут лежит график выпуска самолётов, по которому директора авиазаводов отчитываются ежедневно. Да, самолёты... Вчера пришлось особо настоять, чтобы товарищ Петляков не торопился, и выехал в Москву поездом. Тот вопрос, который его так волновал – возвращение с фронта авиационных специалистов, – был решён положительно заранее. Но осталось ещё одно дело...

Пока остальные авиаконструкторы будут совершенствовать поршневые машины, товарищ Петляков совместно с Архипом Люлькой займутся созданием первого советского реактивного двухмоторного истребителя, построенного по интегральной схеме. Да, пора... Чтоб любую летающую "суперкрепость" он мог разнести вдребезги. А товарищи практики из будущего помогут ему избежать самых элементарных ошибок, которые были сделаны в их истории.

Скопировать их самолёты вряд ли удастся, а вот срезать угол, сэкономяв лет пятнадцать-двадцать, наверное, получится. Да, Королёва тоже надо освободить из его шарашки. Тогда товарищ Сталин считал, что космические полёты – это просто забава. Но теперь, после разговоров с товарищами Бережным и Ларионовым, стало очевидно, что это не так.

Там спутники используют везде, от прогноза погоды и связи до военной разведки и пропаганды. Космос делает земной шар маленьким, а ту страну, которая им владеет Великой. Это страшнее господства в воздухе, потому что на пролетающий над головой спутник не заявишь протест, и не собьёшь его из зенитки.

Серьёзно мы займёмся этим вопросом после войны, но вот готовиться к полётам в космос надо начинать уже сейчас. Ну и, конечно, Курчатов... Правда, это чуть попозже, когда из Севастополя в Москву доставят людей с подлодки "Северодвинск". Они тоже помогут нашим ученым избежать множества ошибок.

Или просто поломать американцам их Манхеттен? Так то или другое? Надо ещё хорошенько подумать, что делать в первую очередь, а что потом. Ведь времени прошло всего ничего, меньше недели, а мир уже изменился безвозвратно, хоть он этого ещё и не знает.

12 января 1942 года, 09:30. Анкара. Кабинет президента Турецкой Республики. Президент Турции Исмета Инёню и начальник военной разведки генерал Азим Гюндус.

Президент Турции был обеспокоен тем, что сегодня утром начальник военной разведки испросил у него экстренной аудиенции. Исмета Инёню давно уже мучили кошмары. Днями и ночами он вспоминал тот проклятый день – 8 июня 1941 года, когда Турция подписала с Германией договор о дружбе, взаимной помощи и ненападении. Тем самым, он выбрал, на чьей стороне быть его стране в мировой войне, которая уже второй год полыхала в Европе и Северной Африке.

Президент дал отмашку, и в Турции развернулась кампания по пропаганде идей пантюркизма, призывающая к созданию "Великого Турана". В случае разгрома СССР должна быть создана новая Османская империя, куда вошли бы тюркские народы, живущие на Кавказе, в Крыму, Средней Азии, Поволжье, в том числе в Башкирии и Татарии. Апологеты "Великого Турана" даже облизывались на некоторые регионы Сибири. В газетах публиковались географические карты нового государственного образования – "Великой Турции". И вот теперь...

А теперь наступило время не спеша подумать: а в ту ли арбу сели турки? Похоже на то, что быстроходная и надёжная германская карета, в которую они взгромоздились, крепко увязла в России.

Инёню вспомнил, как по приглашению Гитлера осенью 1941 года на Восточном фронте побывала военная делегация Анкары во главе с начальником военной академии генералом Али Фаудом Эрденем. После его возвращения в Турцию печать стала восторженно рассказывать о небывалых успехах вермахта, полагая, что Москва падёт в скором времени,

и надо как можно быстрее присоединиться к победителям.

Но Москва устояла, "непобедимый вермахт" оказался очень даже "победимым". В заснеженных северных лесах сейчас разгорелась страшная мясорубка, в которой как кизяк в очаге сгорали целые полки и дивизии вермахта. Теперь чёрные мысли все чаще посещали ум 56-летнего Президента.

Ещё больше его огорчали новости, приходившие в последние дни из Крыма. У турецкой разведки была хорошо налаженная агентурная сеть, в основном из числа крымских татар. Правда, теперь они так же сотрудничают и с ведомством адмирала Канариса, но это турецких кураторов не очень-то расстраивало – союзники, как-никак. Так вот, татарские агенты сообщили о появлении в Крыму свежих, прекрасно вооружённых и обученных сил русских, которые, несмотря на свою относительную малочисленность, играючи разгромили 11-ю армию вермахта, деблокировали Севастополь. Остатки немецких и румынских войск на полуострове были окружены в районе Ялты и впоследствии либо уничтожены, либо пленены.

А сейчас, похоже, начальник турецкой разведки принёс новые сведения и, судя по тому, как спешно он собирался их доложить, они были далеко не радостными.

- Добрый день, господин Президент, – сказал генерал Гюндус, входя в кабинет главы государства.

- День-то добрый, но, судя по вам, генерал, известия, которые вы мне принесли, вряд ли можно назвать добрыми, – ответил Инёню.

- Да, господин Президент, – поклонился генерал. – Я пришёл вам сообщить подробности появления главных сил Черноморского флота русских у входа в Босфор.

- Надеюсь, они не попытались прорваться в Проливы, чтобы вырваться из Чёрного моря и присоединиться к Средиземноморскому флоту англичан? – жёлко заметил Инёню. – Я знаю, что в Болгарии у немцев есть крупные силы авиации, которые не упустят бы возможности уничтожить этих наглецов. Надеюсь, что асы Геринга показали кораблям русских, рискнувшим появиться у Босфора, кто хозяин Чёрного моря?

- Господин Президент... – начал было свой доклад генерал Гюндус, но потом замолчал, и достал из кожаного портфеля, который был у него в руках, пачку фотографий.

- Вот, посмотрите, это фотографии сражения русского флота с немецкими самолётами. Их сделали офицеры военной разведки, несущие службу у входа в Босфор. Все произошло среди бела дня, так что

фотографии весьма красноречивые.

Инёню взял фотографии и начал их внимательно рассматривать. Удивлению его не было предела. Снятые с помощью телеобъектива фото были не очень-то резкими, но всё же силуэты русских кораблей были хорошо видны. Встречались среди них и знакомые. Инёню, как глава государства, время от времени листал военно-морской справочник, чтобы знать о силах своего соседа и врага. Вот русский линкор ещё царской постройки, вот русские крейсера, один из них старый, второй – построенный по итальянскому проекту. Вот эсминцы, тоже ещё тех годов... А это ещё что?!

Инёню с удивлением рассматривал фотографию большого крейсера со скошенным вперёд носом, с мачтами, больше похожими на пирамиды, и с какими-то большими трубами вдоль борта.

- Обратите внимание на флаг, – заметил генерал Гюндус. – Российской империи не существует уже более четверти века, и вдруг у наших берегов появляются не числящиеся ни в одном справочнике корабли под андреевским флагом.

У президента Инёню от странного предчувствия прихватило сердце. На следующих фотографиях с этого странного русского крейсера срывались в небо огненные стрелы. Потом были фото ещё нескольких абсолютно неизвестных кораблей, которые, как и крейсер, извергали в небо огонь и стреляли из своих задранных в небо орудий главного калибра. Ни один известный президенту военный корабль и в принципе не мог позволить себе ничего подобного. Турецкий линкор "Султан Явуз Селим", в девичестве немецкий "Гебен", казался рядом с этими кораблями ржавой лоханкой. На следующих фотографиях небо над морем было, словно полосами зебры, расчерчено чёрными полосами.

- Это следы дыма, который оставили падающие и горящие немецкие бомбардировщики, – пояснил стоявший рядом генерал Гюндус. – Так бывает, когда сбивают сразу много самолётов...

- И сколько немецких самолётов уничтожили русские? – изумлённо спросил Президент.

- По нашим данным на перехват русской эскадры вылетела полная бомбардировочная эскадра, только что перебазированная из Голландии, восемьдесят один бомбардировщик Ю-88, – ответил генерал. – Как проходил бой, точно сказать невозможно, так как была низкая облачность, и количество сбитых самолётов, участвовавших в налёте, визуально установить не удалось. Но на свой аэродром не вернулся ни один из них... Господин президент, это было что-то вроде Синопа в воздухе.

- Этого не может быть! – воскликнул потрясённый Инёню и опустился на стул, продолжая сжимать в руках стопку фотографий.

- Однако, это правда, господин Президент, – ответил начальник турецкой военной разведки. – Более того, эти русские ухитрились утопить немецкую подводную лодку, которая имела глупость попытаться атаковать их эскадру.

- А какие потери понесли русские? – спросил Президент, – Не может же такого быть, чтобы их корабли не понесли никаких повреждений!

- К большому сожалению, господин Президент, всё произошло так быстро, что немцы не успели сбросить ни одной бомбы, выпустить ни одной торпеды, Ни один из русских кораблей не получил и царапины. Они выловили немногих уцелевших лётчиков со сбитых немецких самолётов, после чего отправились своей дорогой по направлению к Севастополю.

- Кроме того, господин Президент, – добавил начальник разведки, будто добывая своего начальника, – эта самая эскадра незадолго до этого посетила "с дружеским визитом" Румынию, после чего Констанца и Мангалия, перестала существовать как порты. В Констанце в это время был один наш танкер. Русские вежливо выпроводили его оттуда, прежде чем начать погром. Они превратили порт Констанцы в груды дымящихся развалин.

- И ещё вот что. Прошлой ночью неизвестным способом были уничтожены нефтяные поля Плоешти. Было спокойно, ничто не предвещало трагедии, и вдруг всё начало взрываться. Сейчас там пылает пожар до неба. Также были уничтожены железнодорожная станция, нефтеперегонные заводы и терминал на Дунае. Мой человек в румынской разведке сообщил, что как минимум два месяца никто не получит из Румынии ни нефти, ни бензина. Немцы остались без бензина. Это катастрофа, господин президент, и не только для них. Турция получала нефть и горюче-смазочные материалы тоже из Румынии. Самый ближайший альтернативный поставщик – Иран. Но он находится под властью англичан и русских. И, кроме того, оттуда ничего невозможно вывезти из-за отсутствия дорог по суше и войны на море.

Президент Инёню тупо уставился на стоящего перед ним генерала. Он был близок к обмороку. Мысли в его голове крутились, словно белка в колесе.

- Генерал, а нет ли тут какой-нибудь ошибки? – с надеждой спросил он Гюндуса. – Может, ваши люди ошибаются?

- Господин Президент, – ровным голосом произнёс генерал. – Мои люди готовы отвечать за свои слова. Аналитики из Генерального штаба

считают, что Германия как никогда близка к поражению. Тем более, с учётом новых факторов.

Гюндуз кивнул головой на лежащие на столе фотографии.

– Господин Президент, необходимо сделать всё, чтобы успеть выпрыгнуть из арбы, с огромной скоростью несущейся к пропасти. Иначе мы рискуем оказаться вместе с Гитлером в числе побеждённых. Дальше медлить опасно! Мои люди считают, что избиение немецкой авиации у Босфора было специально спланировано русскими, чтобы наглядно показать нашей армии, что с ней сделают ветераны Крыма.

- Хорошо, генерал, можете идти, – сказал Президент Турецкой республики тусклым безжизненным голосом. – Кисмет – судьба, мы должны сделать всё, чтобы сохранить свою свободу и свои границы. Я дам соответствующие распоряжения министру иностранных дел.

Когда генерал вышел, тихонько прикрыв за собой дверь, Инёню подумал: «Действительно, дальше медлить нельзя. Похоже, что мечты о "Великом Туране" так и останутся просто мечтами».

**12 января 1942 года. 22:35. Перекоп, ст. Армянск.
Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады
генерал-майор Бережной.**

Самый странный русский праздник – "Старый Новый Год". Не понять иностранцам загадочную русскую душу. Сейчас, в последние дни затишья, мы отпразднуем его по полной. На новый 2013-й год мы не успели, на новый 1942-й, опоздали. Ну, что ж, оторвёмся сейчас. Только что закончился импровизированный праздничный киносеанс. С эскадры нам одолжили проекционный аппарат, а уж фильм мы выбрали сами. Давали мы не "Карнавальную ночь" и не "С лёгким паром". Не то время для тлетворно разлагающих Рязановских комедий. У товарища Тамбовцева на ноутбуке нашелся "Горячий снег". Пусть и не празднично, зато Юрий Бондарев, писатель-фронтовик, оказался в самую масть и командирам и бойцам.

Но праздник – праздником, а сухой закон – сухим законом. Нафиг, ибо нефиг. Вижу я, с какой тоской "Дорогой Леонид Ильич" смотрит на графины с отечественным компотом из сухофруктов и трофейным лимонадом, разведённым из таблеток. Оказывается всякие там ЮПИ-ГУПИ и напитки ЗУКО были придуманы задолго до лихих девяностых. А

мы как-никак гробанули штаб 11-й армии, так что живём и празднуем.

Хозяйки нашего праздника – наша Ирочка Андреева и военврач второго ранга Алёна Лапина. Крупная светловолосая молодая девушка, так похожая на одну поп-диву начала 90-х, что всё время хочется назвать её Апиной. Но это пройдёт, ибо характер у Алёны совсем другой, скромный, даже застенчивый. Она только-только начинает отходиться от пребывания в немецком лагере под Бахчисараем. Да, весь наш бригадный медсанбат укомплектован бывшими военнопленными. Во-первых, они нас уже видели в деле, особенно этого башибузука майора Рагуленко. Бабы к нему так и льнут, к чёрту очкастому. Но ничего, я на него не обижаюсь, он и воюет также горячо и изобретательно, как и охмуряет женский пол. Правда с врачами он не связывается, промышляет по сестрам и санитаркам. И сумел же обосновать: «А вот как нарвусь на свою Боннер, женюсь, и всё – пропал Слон, как Сахаров. А ведь неплохой был мужик. А стерва сгубила».

Вот они, его пассии, хлопчут у стола, мечут на него всё наше богатство. Тут и те деликатесы, что остались у нас с ХХI века. Тут и трофеи нашего рейда по немецким тылам и татарским аулам. Да, да, ещё в самом начале я отдал приказ: если в татарском доме нашёлся зиндан для рабов, то дом сжигать, а хозяев – в расход. Ох, и погуляли наши ребята! Теперь кое-где и трава расти не будет... Но поделом, время военное, долго разбираться некогда. Ну и, конечно, мы уже успели получить и свой первый паёк от щедрот местных интендантов, и подарки местных жителей, русских и украинцев.

Да, особая история музыка к празднику. Майор Санаев и капитан Тамбовцев несколько часов просидели над фонотекой, прослушивая песни нашего времени и позднего СССР. Сами-то мы можем слушать и смотреть всё, что хотим, но вот местных товарищей смущать совсем не стоит.

Поэтому музыка играет или сугубо военно-патриотическая, вроде "Батяни-комбата", или просто "про любовь". Среди местных дам неожиданный успех имела та самая Апина, о которой я упоминал раньше, со своим "Лёхой". Девоньки пригорюнились, призадумались и даже пустили слезу. Правильно, ибо жизненно. У мужчин имел успех Кобзон, с хором Советской Армии отгрохотавший басом "Хотят ли русские войны?"

В самый разгар праздника нас посетил Константин Константинович Рокоссовский. Красавец мужчина, храбрец, генерал-лейтенант, побывавший в подвалах НКВД и посидевший в "Крестах", но так никого и не сдавший, а потому полностью реабилитированный. Сейчас на его груди ещё нет той рыбьей чешуи орденов, но всё это дело наживное. С нами он заработает не меньше, а даже больше. А вот товарищу Жукову на

пьедестале придётся потесниться. Ибо есть вопросы.

Вообще, товарищ Рокоссовский был приглашён на наш праздник официально, но задержался в своём новосформированном штабе фронта на станции Армянск. И правильно, мы ему помогли, чем могли, а уж дальше он сам. Тем более, что наша бригада в прямом подчинении у Ставки, то есть лично у товарища Сталина, а значит, в любой момент может поменять место дислокации.

Генерал-лейтенанта тревожит концентрация немецких сил в районе Каховки. Поэтому он делает всё, чтобы укрепить оборону по Перешейкам. В этом он видел двойной плюс. Во-первых, надёжная оборона – это крепкая тыловая позиция, и уходя к Лозовой, мы будем спокойны за Крым. И второе – немцы просто уверены, что никакого наступления в Таврии не будет. А будет что? Правильно, после подвига наших моряков у Констанцы и на траверзе Босфора, в ОКХ должны быть уверены, что будет десант в любую уязвимую точку Черноморского побережья. Правда, неизвестно, какая шлея попадёт под хвост лично Гитлеру, но надеюсь, что та же самая. Уж слишком аппетитно разложена приманка, чтобы ефрейтор спокойно прошёл мимо.

Взял я Константина Константиновича так аккуратно под локоток и отвёл в сторонку.

– Вы, товарищ генерал лейтенант, в деле нашей бригады не видели, и что мы с немцем можем сделать, не знаете. Вон, видите, стоят капитаны 3-го ранга Бузинов и Литовчук? Они вместе с нами в Евпаторийском деле были, всё видели, как мы воевать можем. Вы поспрошайте, если что, как выглядит зажаренный целиком моторизованный полк СС.

– А сейчас, Константин Константинович, не извольте беспокоиться, и давайте веселиться. Пока на фронте затишье, на столе вкусная всячина, и вам и нам улыбаются прекрасные женщины.

Рокоссовский подозрительно прищурился:

– Что-то вы, товарищ генерал-майор, по старорежимному заговорили? Или у вас там так принято?

- Никак нет, Константин Константинович, просто товарищ Сталин придумал нам легенду и попросил ей соответствовать, хотя бы временно. Вот на старости лет и приходится вживаться в роль старорежимного офицера, что служит России, а не царям... Хотя не такая уж и роль. Насчет семнадцатого года ничего сказать не могу, но в любом другом роковом году, не глядя, выступил бы на защиту Отечества. И плевать, кто в России правит и кто на неё войной пошёл, хоть Дмитрий Донской и Мамай. На нас напали людоеды! Это вам так, в порядке информации.

В ответ на эти слова Рокоссовский ничего не сказал, только крепко пожал мне руку. А дальше... Дальше были песни и танцы до упаду, причём при полном отсутствии алкоголя. Когда собираются действительно хорошие люди, им совсем не нужно пить для поднятия настроения. И именно тут я ощутил, что все эти мужчины и женщины, которые в нашей истории на данный момент в своём большинстве были уже мертвы, стали для меня своими. И горячие губы Алёны, прижавшей меня к стене в тёмном коридоре, это знаете, пьянит сильнее любого вина. Я, считавший себя стариком, прошедшим огонь, воду, медные трубы и сам ад, вдруг снова почувствовал себя юным лейтенантом, и ответил ей на поцелуй с пылом давно минувших двадцати пяти лет.

- Знаете, девушка, – сказал я, отдышавшись, – если ваши намерения серьёзные, то должен сказать, что никаких ППЖ у меня в бригаде не будет. Если есть у вас такое намерение, то идём к Леониду нашему Ильичу и расписываемся, как положено. И пусть только смерть разлучит нас.

В ответ она снова повисла у меня на шее. Вот и пойми после этого женщин.

12 января 1942 года. Вечер. Окрестности Симферополя. Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

По приказу генерал-майора Бережного мне пришлось отправиться из штаба своей бригады в Симферополь. Было необходимо повидаться с нашими телевизионщиками, которые после освобождения города временно обосновались там и по поручению товарища Сталина монтировали телефильм, рассказывающий о зверствах немцев, румын и их татарских прихвостней на территории Крыма. Вещь должна получиться убойной. Озвучивался фильм на двух языках: русском и аглицком, для воздействия на аудиторию наших союзников. Товарищ Сталин довольно быстро понял смысл термина "информационная война" и дал зелёный свет подобным мероприятиям. Как я понимаю, над этим вопросом теперь работаем не только мы, но и вся пропагандистская машина Советского Союза.

Поехал я туда на трофейном "оппель-капитане", который любезно дал мне напрокат капитан Борисов. Другой свободной техники в бригаде просто не было. В степных районах Крыма обстановка относительно спокойная, но на всякий случай я прихватил с собой броник и немецкий "МГ" с солидным запасом патронов. Это помимо штатного вооружения и

сопровождения в лице сержанта морской пехоты Кукушкина, который должен был в Симферополе принять под своё командование группу морских пехотинцев, выписавшихся из госпиталей, и препроводить их в бригаду.

Поездка, в общем-то, прошла без приключений. Только уже в сумерках, на подъезде к Симферополю у "оппеля" спустило колесо. Пока водитель менял его, совсем стемнело, и я не рискнул соваться в город. Во-первых, в темноте можно было запросто съехать с дороги и наскочить на шальную мину, а во-вторых, я не знал пароля и не имел ночного пропуска. К тому же, местные орлы из бывших партизан могли сдуру шарахнуть по нашей машине со всех стволов – ведь мы ехали на немецком "оппеле".

Поэтому я велел водителю свернуть во двор заброшенного дома, чтобы переночевать там, а утром, как положено всем белым людям, въехать в Симферополь.

Мы с сержантом Кукушкиным обошли дом и подворье, убедились, что в нём нет ни одной живой души. На кухне разожгли огонь в плите, поставили на неё большую кастрюлю и стали варить гречневую кашу из сухпая. Вот тогда-то я и познакомился с Николай Николаевичем.

Когда каша уже почти сварилась и хозяйственный водитель, ефрейтор Костюк, бросил в неё мелко порезанное сало, я услышал за окном подозрительный шорох. Кивнув сержанту, я вместе с ним на цыпочках вышел из дома и в темноте увидел у окна чью-то маленькую фигуру.

- А ну, стоять! – грозно крикнул сержант Кукушкин и для пущего эффекта передернул затвор своего "калаша".

- Ой, дяденька, не стреляй! – отозвался из темноты испуганный детский голос. – Это я, Николай...

Потом, подумав немного, добавил:

– Николаевич.

Николай Николаевич оказался пацаном лет двенадцати, худым и грязным. Он был одет в рваный и замасленный ватник, стоптанные ботинки и грязный поношенный треух. Узнав, что перед ним свои, советские, он очень обрадовался. Как оказалось, дом, в котором мы остановились переночевать, принадлежал до войны и оккупации его родителям. А теперь Николай Николаевич остался единственным его жильцом.

Мальцу наложили каши, налили сладкого чая. Костюк, порывшись в своём бездонном "сидоре", извлек из него завернутый в тряпицу кусок трофейного немецкого шоколада. Насытившись, Николай Николаевич рассказал нам печальную историю своей семьи.

- Немцы вошли в Симферополь 1 ноября 1941 года, – начал свой

рассказ Николай Николаевич. – На другой день они расклеили везде бумаги, где говорилось, что жители города и окрестностей должны сдать в комендатуру всё продовольствие, имеющееся в семье. Кто не сдаст и спрячет еду – тому расстрел.

Второй приказ был о том, чтобы все немедленно зарегистрировали в городской управе всю живность: кур, петухов, уток, гусей, овец, коз, свиней, коров и телят. А также лошадей, у кого они были. Без разрешения управы пользоваться своею живностью тоже было запрещено под угрозой расстрела. Через несколько дней немцы с татарскими полицаями пошли с обысками по домам. У моего друга Петьки мать спрятала козу – у Петьки была маленькая сестренка. Но козу нашли – донес сосед-татарин, и мать забрали. Потом пришёл тот татарин, Хасан его звать, и сказал, что мать Петькину немцы "оформили" – расстреляли, значит, а козу он заберёт, потому что немцы отдали её ему, как их верному помощнику. А Петькина маленькая сестрёнка всё время плакала, звала маму, и есть хотела. А потом она умерла, – тут Николай Николаевич не выдержал, и всхлипнул.

- А потом немцы собрали всех евреев, вывели их за город и расстреляли, – продолжил свой страшный рассказ парнишка. – Они вообще каждый день кого-нибудь расстреливали. А румыны ходили по домам и отбирали у людей вещи, которые им казались ценными. Они тащили всё, что попадалось под руку. Даже один раз упёрли старое мамкино полотенце, а со стола на кухне – четыре картофелины и головку лука.

Правда, с румынами можно было и подраться. Вон, тетка Наталья, взяла ухват и прогнала из дому трёх румын. Те пошли, пожаловались двум немецким фельджандармам, а те только рассмеялись и похлопали румын по плечу.

А потом немцы начали лютовать. Их самый главный, генерал... Зас... Зап... Зал... – Николай Николаевич почесал давно нестриженую грязную голову, пытаясь вспомнить фамилию немецкого генерала...

– Может, Зальмут? – подсказал я ему.

– Во-во, Зальмут, – вспомнил пацан. – Так этот гад издал приказ о том, что за каждого убитого немца или румына будут расстреливать заложников. За убитого солдата – 10 человек, за раненого – 1 человека.

Вот моего отца и взяли в заложники. Он и в армии-то не служил, у него болезнь была, астмой называется. Его и ещё несколько человек из нашего посёлка немцы забрали и отправили в концлагерь. Тут недалеко он был.

Мать собрала узелок с продуктами и сказала, что пойдёт к лагерю, попробует передать отцу поесть. Заложников в лагере не кормили. Немцы

велели, чтобы местные носили в лагерь еду. Назад мать не вернулась. Соседка потом рассказала, что маму убили два татарина-полицая. Одному из них понравились её серёжки, и он велел маме их снять. А она отказалась – это был подарок отца. Тогда татарин её застрелил, а серёжки снял уже у мёртвой.

Тут Николай Николаевич снова заплакал. Слёзы потекли по его лицу, оставляя светлые дорожки на грязных щеках.

Мы сидели на кухне, и сердца у нас сжимались от жалости к этому пацану, который в свои двенадцать лет повидал столько горя, сколько не видал иной взрослый. Потом Николай Николаевич немного успокоился, вытер слёзы и снова начал рассказывать.

- А отца расстреляли где-то в конце ноября. Вместе с ним немцы убили ещё девять человек. А все из-за одного фельдфебеля, который погнался за курицей и за огородами подорвался на mine. Немцы сказали, что в его смерти виноваты местные жители, которые, якобы, знали, где заминировано, но не предупредили фельдфебеля об опасности. Взяли из концлагеря десять человек, и расстреляли неподалеку от того места, где подорвался немец. И ещё три дня запрещали их хоронить. Мы потом с Петькой взяли тележку, отвезли отца на кладбище, и там похоронили.

Глаза Николая Николаевича снова наполнились слезами.

- И что ж, у тебя теперь никого-никого не осталось? – спросил у мальчишки ефрейтор Костюк.

- Никого, – ответил Николай Николаевич. – Дядька, брат матери, живёт в Ростове, только жив ли он?

- Хочешь, я отправлю тебя к своим, на Кубань? – предложил сироте Костюк. – Там у нас хорошо.

- Нет, дядя, спасибо тебе большое, – ответил Николай Николаевич, – только пока немцам не отомщу за своих родителей, я в тыл не поеду.

– Дяденьки, возьмите меня с собой! – жалобно попросил пацан. – Я, честное слово, больше не буду плакать. Я многое умею делать, буду вам помогать немцев бить.

Я почесал затылок. Надо было куда-нибудь пристроить парня. Только вот куда? Немного подумав, я решил передать его телевизионщикам. Они, хотя и сопровождают наши части, но в огонь не лезут. И пацан будет под присмотром. Опять же, научат его делу полезному, которое Николай Николаевичу в жизни наверняка пригодится.

Решившись, я сказал мальцу. – Хорошо, поедешь с нами, только, чур, слушаться нас беспрекословно, иначе отправим тебя к твоему дяде в Ростов. Договорились?

- Договорились! – обрадовался Николай Николаевич. – Я буду вас слушаться.

А потом, немного подумав, спросил:

– А пистолет мне дадут?

**14 января 1942 года. Восточная Пруссия. Объект
"Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.**

Присутствуют: рейхсканцлер Адольф Гитлер, рейхсмаршал Герман Геринг, командующий Кригсмарине адмирал Эрих Редер, командующий подводными силами адмирал Карл Дёниц, глава ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, глава РСХА обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих, глава Абвера адмирал Вильгельм Канарис, министр вооружений Фриц Тодт, министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Адольф Гитлер сидел один в зале для совещаний за большим круглым столом. Он был мрачнее тучи. За дверью ждали приглашения войти Геринг, Редер, Дёниц, Кейтель, Гейдрих, Канарис, Геббельс и Тодт. Они знали, что сегодняшнее совещание может стоить некоторым из них карьеры. А может быть и не только карьеры – Гитлер под горячую руку бывал жесток и беспощаден. Поэтому они не торопились входить в зал, ожидая, когда их пригласит туда адъютант фюрера. Но Гитлер не спешил. Он думал.

Проклятые русские в очередной раз испортили ему настроение. Удар, нанесённый по нефтяным полям Плоешти, мог грозить большими бедами Рейху. Ведь нефть – это кровь войны. Это горючее для моторов самолётов, танков, автомобилей, кораблей. И нехватка горючего могла вызвать анемию вермахта и люфтваффе. Со всеми катастрофическими последствиями.

Фюрер лихорадочно думал, как и где найти новые источники горючего. Надо было срочно искать выход из создавшегося положения.

Гитлер ещё раз посмотрел на часы и нажал кнопку. Появившемуся в дверях адъютанту он кивнул головой, после чего в зал по одному стали заходить приглашённые на совещание.

Первым вошёл рейхсмаршал Герман Геринг. "Толстый Герман", весельчак и жизнелюб, сегодня был не похож сам на себя. Он ожидал публичного разноса и старался лишний раз не рассердить фюрера. Такими же поникшими и скучными были два адмирала – Редер и Канарис. Дёниц, напротив, сохранял невозмутимое спокойствие. Так же подчеркнуто бодро

и деловито выглядели Гейдрих, Кейтель и Тодт. Геббельс как преданный пес, заглядывал в глаза фюреру, готовый в любой момент разбиться в лепёшку, но выполнить приказ вождя Рейха.

Хмуρο глядя на своих подчинённых, Гитлер кивком головы предложил им занять места за круглым столом. Сам садиться не стал. Он начал свою речь стоя, словно выступая на митинге.

- Итак, господа, я хочу выслушать ваши объяснения по поводу создавшегося нетерпимого положения. Господин рейхсмаршал, как получилось, что большевики сумели безнаказанно разгромить всю авиацию на южном фланге Восточного фронта, разбомбить Плоешти и нефтяные терминалы в Констанце, лишив нас так нужного сейчас на фронте горючего?

Геринг, с обречённой решимостью глядя на фюрера, начал свою речь, больше похожую на последнее слово осуждённого.

– Мой фюрер, я понимаю – вина моя во всём случившемся огромна. Я готов понести любое наказание. Но хочу сказать, что преданные делу национал-социализма лётчики люфтваффе сделали всё, что смогли. И не их вина, что противник применил новейшую технику, которая превосходит нашу в скорости, огневой мощи и манёвренности. Сотни пилотов истребительной и бомбардировочной авиации погибли в схватке с большевистскими летающими монстрами. Они не дрогнули и не свернули с боевого курса.

- Геринг, но вы-то живы! И вы не имеете право ссылаться на героическую гибель крылатых героев Рейха, оправдывая свою бездеятельность и нерасторопность. Что вы сделали для того, чтобы наконец разделаться с таинственной эскадрой русских и обуздать их авиацию?

- Мой фюрер, мы пытались массированным бомбовым ударом разгромить или, на худой конец, ослабить эту эскадру. У входа в Босфор разыгралось настоящее сражение, в котором наши бомбардировщики понесли большие потери. Им удалось потопить и повредить несколько кораблей большевистской эскадры.

- Геринг, вы лжёте! – выкрикнул Гитлер, и "душка Геринг" сжался как от удара, – У меня несколько другие сведения!

Гитлер выразительно посмотрел на Гейдриха.

– По информации, полученной из достоверных источников, были уничтожены все бомбардировщики, вылетевшие на перехват русской эскадры к Босфору. А все корабли этой чертовой эскадры, не получив ни малейших повреждений, преспокойно вернулись в Севастополь.

– Вот так, Геринг! Я хочу спросить у вас – зачем вы меня обманываете?! Вижу, что охота за шедеврами живописи для вашего замка в Каринхалле, для вас важнее, чем руководство люфтваффе. Может, тогда лучше вам, Герман, отдать свой маршальский жезл более достойному, а самому удалится на покой?

Геринг покраснел, как помидор, и машинально спрятал свой жезл, усыпанный бриллиантами, за спину. Когда к нему вернулся дар речи, он хриплым голосом заявил Гитлеру:

– Мой фюрер, я готов отправиться рядовым в окопы на Восточный фронт, чтобы кровью смыть свою вину перед Рейхом! Дайте только команду!

Гитлер вяло махнул рукой, и стал выцеливать среди присутствующих новую жертву. Следующую порцию своего гнева он обрушил на Редера.

– Ну, а вы, господин адмирал, что скажите в своё оправдание? Почему ваши корабли так ничего и не сумели сделать этой русской эскадре?

Редер одернул китель, и, стараясь сохранить на лице достоинство, ответил:

– Мой фюрер, на Чёрном море у нас нет флота. Всё, что мы можем противопоставить там русским – это несколько катеров, которые не в состоянии бороться даже с вражескими тральщиками, не говоря уж о более крупных кораблях. Через Босфор по устной договорённости с турками из Средиземного моря прошла одна подводная лодка Кригсмарине. Но она была почти сразу же уничтожена, как сообщили турецкие наблюдатели, торпедой, сброшенной с вертолёта. Эти летательные аппараты базируются на некоторых кораблях вражеской эскадры.

Гитлер прекратил бегать по залу, и остановился рядом с начальником Абвера, адмиралом Канарисом. Елейным голосом фюрер спросил у адмирала:

– Ну, а каковы ваши успехи, господин адмирал? Если мне память не изменяет, несколько дней назад вы обещали мне разузнать всё о таинственном русском соединении и о технике, которой оно вооружено. Что вам удалось узнать?

– Мой фюрер, – Канарис усилием воли старался сохранить спокойствие, – моим сотрудникам удалось узнать кое-что об эскадре и о спецбригаде Ставки, которая причинила так много неприятностей нашей 11-й армии в Крыму. Удалось выяснить, что эскадра, в составе которой есть авианосец необычной конструкции, состоит из десятка кораблей, которые несут на своих стенах андреевские флаги Российской империи...

– Что вы сказали, Канарис?! – воскликнул изумлённый Гитлер. –

Вашим агентам можно доверять? Может, им со страху померещились эти флаги?

- Нет, мой фюрер, не померещились. Это подтверждают, как минимум, дюжина незнакомых друг с другом агентов, которые работают в Крыму, Румынии, Болгарии и Турции. Все они слово в слово повторяют одно и то же. Причём корабли под флагом Российской империи преспокойно ходят в одном строю с кораблями большевистского Черноморского флота.

- Бред какой-то, – фюрер был обескуражен. – Я отказываюсь что-либо понимать...

- Мой фюрер, скажу больше, – продолжал Канарис. – Офицеры – да, да, именно офицеры. Именно так себя именуют командиры на этих странных кораблях. Так вот, они носят погоны...

Фюрер обвёл невидящим взглядом зал, потом снова уставился на Канариса, продолжавшего бесстрастным голосом свой доклад.

- Мой фюрер, такие же удивительные части обнаружены в составе русских войск в Крыму. Они тоже носят погоны, по своему поведению резко отличаются от обычных частей Красной армии и вооружены необычной военной техникой. По нашим данным, это соединение сейчас сосредоточено в районе станции Армянск. К сожалению, нам не удалось узнать никаких подробностей об их численности и вооружении. Известно только то, что это соединение морского десанта, которое приписано к четырём большим десантным кораблям под андреевскими флагами, которые базируются в настоящее время на Севастополь.

- Достаточно, Канарис, – устало произнёс Гитлер. – Авианосец, морской десант из царских офицеров... Господа, вы узнаете знакомый портрет? Сдаётся мне, что это проделки американских плутократов, которые вооружили этот русский легион и вдобавок подкупили Турцию, чтобы она тайком пропустила эти корабли в Чёрное море.

Он махнул рукой.

- Оставьте мне все данные об этих частях и эскадре. Я должен подумать об этом новом факторе в войне. Возможно, появление его изменит дальнейшее течение боевых действий на Восточном фронте.

- Тодт, сейчас, после разгрома нефтепромыслов в Плоешти, особенно остро перед нами встанет вопрос о снабжении войск горючим. Расскажите, насколько сильно скажется нехватка горючего на боеспособности наших войск.

Рейхсминистр вооружения Фриц Тодт, достав из папки листок с колонками цифр, с видом профессора, читающего лекцию студентам, начал свой доклад.

- К началу Восточной компании Германия имела запас 8 миллионов тонн горюче-смазочных материалов. Это без учета трофейного горючего, захваченного в Греции и Югославии. Какое-то количество бензина и дизельного топлива было обнаружено нами на складах Красной Армии после 22 июня 1941 года.

Но кампания в России затянулась, и уже к осени 1941 года стала сказываться нехватка горючего. Причин для этого было много, одна из них – бездорожье. Бензовозы застревали в русской грязи, и порой горючее приходилось доставлять в передовые части даже на танках. В настоящее время на фронт поступает лишь одна шестая необходимого для нормального ведения боевых действий горючего.

Чем грозит нам потеря нефти из Румынии? Во-первых, мы лишились значительного количества натурального горючего, которое будет трудно заменить синтетическим, произведенным из угля. Нефть добывается в самой Германии – в районе Ханигсена и Ольхейма. Там её начали добывать ещё в XIX веке. Но добыча незначительна – всего 200 тысяч тонн в год. Какое-то количество нефти добывается в Австрии, Венгрии и Закарпатье. Но это – капля в море по сравнению с потерянными нефтяными источниками в Румынии.

Конечно, частично мы восполним нехватку горючего синтетическим бензином, который изготавливаем из угля. Нам повезло в том, что по инициативе рейхсфюрера ещё до войны мы начали строить заводы по производству синтетического горючего. В 1941 году мы изготовили 4 миллиона тонн ГСМ. Люфтваффе, например, обеспечивает синтетическим горючим 84% своих потребностей в нём.

Как мы сможем компенсировать потерю румынских источников нефти?

Во-первых, необходимо резко ускорить строительство новых заводов по производству синтетического горючего. Во-вторых, надо начать экономию ГСМ. На автомобили надо будет установить газогенераторы. Больше использовать гужевого транспорт. Словом, по максимуму сократить потребление горючего в тылу для того, чтобы в нём не нуждалась боевая техника на фронте.

Гитлер внимательно выслушал министра. Ему стало понятно, что время стремительных рывков бронетанковых и моторизованных соединений вермахта кончилось. Надо было думать теперь не о том, как выиграть войну, а о том, как её не проиграть.

Махнув рукой, он отпустил всех участников совещания, а сам, сев за стол, начал внимательно читать те документы, которые оставил ему

адмирал Канарис.

Том второй. Встречный удар

Часть 5. Операция "Полынь"

**16 января 1942 года. 05:25. Перекоп, ст. Армянск.
Расположение ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады
генерал-майор Бережной.**

Всё, вышло время нашего недолгого отдыха. Вчера ночью позвонил товарищ Сталин и подтвердил – начало операции "Полынь" ровно в 6:00 по московскому времени и ни секундой позже. В районе Каховки как гнойный нарыв собирается кампфгруппа генерала Гудериана. Её ядром являются две свежесформированных танковых дивизии, 22-я и 23-я, а пехота – сборная солянка. Если верить донесениям разведки, всё это напоминает группировку российских войск в Чечне году так в 2000-м. Нашей истории, естественно. Довелось участвовать в той кампании, так что я сейчас быстроходному Гейнцу не завидую. Даже немцы в таких условиях способны организовать немалый бардак. Ну, а уж если мы ещё поможем?..

Оставляем машинный двор МТС, который неделю был нам временной воинской частью. Все вещи уложены, распаханы по машинам. С нами и наши женщины в медсанбате, который мы разместили в немецких полугусеничных вездеходах, и специалисты НПО "Рубин" и МКБ "Кристалл", которые присутствовали на борту "Северодвинска" в этом походе. Конечно, это не "первый состав" этих организаций, скорее второй-третий. То есть, совсем юные гении и пожилые середнячки, эрудированные и упёртые как кони, которые тянут свои темы благодаря усидчивости. Но и это будет диким пинком советскому НИОКРу. Товарищ Сталин сказал, что в смысле их безопасности и, одновременно, сохранения секретности, он больше полагается на их путешествие вместе с нашей бригадой, чем на какие-то окольные маршруты через Новороссийск или перевозку самолётами. Кроме того, пусть они посмотрят своими глазами на оккупированную территорию. Потом будут работать не за страх, а за совесть. Так что вся эта научная братия, вместе со всеми своими записями, компьютерами и всем прочим багажом едет в нашем обозе. Константин Константинович, чуть посмеиваясь, называет наше хозяйство ордой, только не уточняет какой. Даже вертолётная группа с нами, все её бензовозы, БАО

и прочее хозяйство.

Первым за ворота выходит танковый батальон. Рота "семьдесят двоек", потом по две роты КВ и Т-34. В интервалах между ротами идут ЗСУ "Панцирь-С". Пусть люфтваффе на юге и разгромлено, но бережёного и Бог бережёт. Каждый день они пытаются подтянуть сюда новые силы. Как сказал мне контр-адмирал Ларионов, пока Геринг внедряет такую штуку как полевые мини-аэродромы, на которых сидят по три бомбардировщика или четыре мессера. Заманешься это бомбить. Правда, пока они очухались, наши соколы их капитально проредили, и теперь немецкие асы способны только на мелкие пакости, массированные налёты остались в прошлом. Они не лезут туда, где могут огрести по зубам, то есть в Крым, а стараются тиранить наши тылы на других направлениях. Их тактикой стали ночные удары малыми группами по железнодорожным станциям, госпиталям и прочим тылам. А ночных истребителей в советских ВВС ещё нет. У них-то и обычных не хватает. Эвакуированные заводы только-только дали свою первую продукцию.

Вслед за танкистами временное расположение покидают механизированные батальоны морской пехоты, по десять БМП-3Ф, и тридцать полугусечных тягачей. Для усиления огневой мощи стрелковые роты до предела насыщены трофейными немецкими пулемётами. Что поделать, если дегтярь, мягко выражаясь, "не дотягивает" до необходимого уровня, а "максим" – это целая артсистема, которой нужен, по уму, расчёт из четырёх человек, как для сорокопяти.

Есть ещё одна проблема – всех вновь зачисленных в штат бригады, надо обмундировать по-нашему, то есть, в камуфляжку. Товарищ Сталин как-бы между прочим сообщил мне, что образец ткани передан на одну известную ткацкую фабрику, которая и должна сделать ткань по этому образцу. Советские ткачихи обещали выполнить задание партии в срок. Какой этот срок, я спрашивать не стал, всё равно он от этого не изменится.

Зачем это? Просто, бывают моменты, когда ОСНАЗ РКК должен быть замечен, как манекенщица на подиуме. В противном случае мы все должны надевать красноармейское х/б и бесследно растворяться в толпе.

Ага, плавали, знаем. Кроме того униформа имеет крайне высокий психологический статус. Это как перевод из кандидатов в действительные члены. А они этого достойны – настоящие бойцы. Кто воюет полгода – с Одессы и Дунайской флотилии, а кто – три месяца на обороне Севастополя. Мы учим их только тактике и рукопашному бою, а боевой дух, отвага и упорство у них свои. Я горжусь, что товарищ Сталин доверил мне этих людей, и я сделаю из них таких рейнджеров, что американцы в своём Техасе

будут дрожать от ужаса. Да, морская пехота тоже аккуратно прослоена ЗСУшками, так что асам люфтваффе не светит и здесь. Точнее светит березовый крест, вместо железного.

Вслед за морской пехотой двигаются штабные службы, авторота, гружёная боеприпасами и топливом, медсанбат, БАО, и замыкают всё это коменданчи на БТР-80, которые тоже оказались в трюме "Колхиды". Товарищ Берия добавил в коменданскую роту своих волкодавов и преобразовал её в батальон. Теперь это наш резерв и, одновременно, инструмент для зачистки освобождённых территорий от шпионов, изменников, вражеских пособников и прочих либерастов.

Последним за ворота выезжает мой "Тигр". Вместе с нами движется дивизион "Смерчей" и батарея "Солнцепёков". Но эти установки я могу использовать только в самом крайнем случае, их боекомплект нужен товарищу Сталину для другой очень важной операции. Хотели двинуть и "Искандеры", но потом передумали. Они и из-под Евпатории много до чего могут дотянуться в Румынии или даже Венгрии. Один-два пуска в ночь по свежесвыявленным объектам приводят немецкое и румынское командование в мистический ужас и недоумение... Как так, всё было спокойно, и вдруг внезапно всё взлетает на воздух?

Обгоняю колонну по обочине. "Тигр" – это такая зверюга! Везде пройдёт. Прокатил как-то раз на передовую Константин Константиновича Рокоссовского – это когда мы регонсценировку полосы прорыва делали. Он очень впечатлился увиденным. Причём впечатлен он был не столько комфортом (на него генерал не обратил внимания), сколько проходимостью и надёжностью "Тигра".

Бригада выходит на исходную. Смотрю на часы – ровно в шесть ноль-ноль, за полтора часа до рассвета, артиллерия Крымского фронта начинает артподготовку, расчищая нам дорогу огневым валом. Бьют не только орудия РГК, ранее входившие в состав СОРа и Крымского фронта, но и захваченные трофеи. Каждый ствол будет стрелять, пока для него есть хотя бы один снаряд, и лишь потом отправится на переплавку. Или нет, ведь должны же у нас быть ещё трофейные боеприпасы. Я читал, что в июне-июле сорок первого года немцы захватили столько наших корпусных гаубиц 152-мм и дивизионных 122-мм, что даже развернули выпуск боеприпасов для них. И специально для патриофобов должен сказать, что эти гады и нашими танками не брезговали. Причём не только Т-34 и КВ, но и Т-26 и БТ-шками. Сам видел в Крыму. И не только нашими – в панцеваффе есть батальоны, укомплектованные трофейным английским и французским дерьмом. Я уже не говорю про серийно выпускающиеся

чешские 35(t) и 38(t). Сегодня или завтра наши танкисты попробуют на зуб этих зверей, ведь, по данным разведки, таких танков у Гудериана больше половины.

А артиллерийская канонада всё грохочет и грохочет. Как мы и договаривались, дирижирует этим "концертом" недавний майор, а теперь подполковник Гальперин, командир всей артиллерии нашей бригады. Раз за разом он огненным утюгом проходится по немецким окопам, выжигая солдат вермахта. Его самоходный дивизион последним отправится за бригадой, готовый в любой момент развернуться и поддержать нас огнём. Гудериану наверняка уже доложили, что мы пошли на прорыв, и он должен двинуться нам навстречу. Ну не тот у него характер, чтобы отсиживаться в обороне, да и гонору все ещё хоть отбавляй.

16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия. окрестности пос. Чаплинка. Командир танкового батальона майор Деревянко.

Сегодняшнее утро началось просто отлично. Ровно в 7:00 смолкла артподготовка и над нашими позициями разнёсся заунывный вой тысяч сирен ПВО. Генерал-майор Бережной рассказал генералу Рокоссовскому о задумке Жукова, применённой при штурме Берлина. Ну, той самой, с сиренами и прожекторами. Рокоссовскому идея понравилась.

Немецкие пехотинцы – те, что уцелели после часовой артподготовки – едва лишь подняли головы, как из предутренней темноты на них обрушился новый ужас. Слепящий свет и сводящий с ума вой. Да, даже немецкая психика имеет пределы выдержки... Солдаты вермахта выскочили из окопов, и помчались в степь.

Вы когда-нибудь охотились на зайцев, ослепляя их автомобильными фарами? Так вот, тут было то же самое – немецкий солдат, запыхиваясь, убегает от танка, в свете прожекторов мотаются туда-сюда полы тоненькой мышастой шинели... Короткая пулемётная очередь, и ещё один холмик появляется в морозной предутренней степи. Были и такие, что поднимали руки, – этим тоже доставалась пулемётная очередь. Здесь и сейчас в плен не брали. Ну недосуг было нам с ними возиться. Да и никто не забыл, как они поступали с нашими в таком случае.

Всего через полчаса бригада насквозь прошла тоненькую ниточку немецкой обороны, раздавив по пути какой-то штаб, и свернувшись в

походную колонну, вышла на оперативный простор. Теперь наш маршрут зависел только от предварительных планов и приказов из Москвы, а не от хотелок германского командования. Оно, это самое командование, в тот же момент, когда мы начали артподготовку, двинуло нам навстречу панцеркампфгруппу генерала Гудериана. Встреча с которой лоб в лоб, должна была произойти примерно в полдень, где-то в окрестностях посёлка Чаплинка.

Мы успели, вошли в Чаплинку раньше Гудериана и, получив предупреждение от вертолётчиков, сразу за её окраиной начали разворачиваться в боевой порядок. А вообще, нам только встречного танкового сражения в условиях населённого пункта не хватало. Причём нашего населённого пункта, с нашими мирными людьми в нём. Но Бог миловал, мы успели!

Завидев наши танки, Гудериан тоже начал развёртывать свои танки стандартной "свиньей". Впереди "углом" полсотни PzKpfw IV с короткоствольной пушкой, а на каждом фланге, чуть приотстав, примерно по сотне лёгких "чехов" PzKpfw 38(t). В середине как пехотинцы внутри рыцарской клина лёгкие PzKpfw II и бронетранспортёры с пехотой. Ну и пусть.

Я приник к окулярам своего командирского перископа, осматривая окрестности. Мы выбрали совсем другой ордер. В центре, по оси дороги, рота на "семьдесят двойках" в одну линию. Справа и слева от неё сначала по роте KB-1, потом по роте Т-34, на флангах по двадцать БМП-3Ф со своим родным десантом из первых рот батальонов. Остальные роты на трофейных транспортёрах развёртываются примерно в километре позади нас. Всё, мы начинаем!

16 января 1942 года. 13:05. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Генерал Гейнц Гудериан.

Командующий сводной панцеркампгруппой поставил свой командирский Ханоматг Sd. Kfz.251/6 на вершине скифского кургана. Дул ледяной северный ветер, по земле мела снежная позёмка. Вид отсюда открывался на многие десятки километров во все стороны. Поставив до блеска начищенный сапог на поваленного каменного истукана, генерал поднял к глазам бинокль. Русские разворачивались в какую то странную конструкцию, охватывая его войска полукругом. В центре десятков широких

приземистых танков с длинноствольными пушками чуть приотстал, будто опасался вступать в схватку с полусотней его "четверок". По обе стороны от него наблюдалось по десятку КВ и Т-34. Совсем далеко на флангах, выдвинутые вперёд, две группы остроносых танков с маленькими башенками. Что ж, сражение выиграет тот, кто прорвёт центр вражеской позиции и уничтожит его штабы и тыловые подразделения... И, кроме того, у противника, как и докладывала разведка, не больше девяноста танков против его трёхсот. Выиграть сражение и на плечах бегущих ворваться на Перекоп! Отсюда видно, что в Чаплинку только что втянулся большой обоз русских. Вот с этого мы и начнём. Пока танки сближаются на дистанцию действительного огня, обстреляем Чаплинку. Обычно это приводит у русских к нарушению управления.

- Курт, – обратился Гудериан своему радисту, – передай этому – Шмуцке, пусть немедленно открывает огонь по Чаплинке. Пусть стреляет до тех пор, пока я не прикажу ему – заткнись!

- Не могу, господин генерал, – отозвался тот, высунувшись из машины. – В эфире чёрт знает что творится!

- Дай сюда! – Гудериан почти силой вырвал гарнитуру из рук солдата.

И в самом деле, на всех волнах был слышен вой, мяуканье и дикий хохот. Собираясь отдать приказание о том, чтобы ему сюда на холм поскорее протянули телефонную линию, Гудериан обернулся назад и похолодел. На позициях его артиллерии творился ад. Восемь странных аппаратов с винтами, расположенными сверху, а не спереди, как у обычных самолётов, утюжили эти позиции, как заправские штурмовики. Были видны трассы русских эресов, цветы разрывов и разбегающиеся во все стороны фигурки солдат. Серые шинели на белом снегу очень хорошо видны, и фигурки падали одна за другой, усеивая собой русскую степь. А прямо с тыла на генерала летели ещё два таких же аппарата. Ещё два нацелились на остановившиеся у подножья кургана штабные автобусы и грузовики. Бронетранспортёр стоял к ним кормой, его пулемёт был повернут совсем в другую сторону.

Выглянувший было из кабины на крик генерала водитель, немедленно метнулся обратно. Но было уже поздно. Гудериан, будто повинуюсь какому-то наитию, бросился на землю. Он слышал, как забарабанили по броне пули, как страшно закричал раненый Курт. Потом вокруг поднялся настоящий ураган.

Когда "Быстроходный Гейнц" поднял голову, то понял, что всё уже кончено. Вокруг него полукругом стояли русские осназовцы в своих белых зимних маскировочных балахонах. Руки генералу без особых церемоний

стянули за спиной, из кобуры вытащили парабеллум. Когда Гудериану позволили встать, он огляделся. Чадно дымил подождённый Ханомат. Рядом, на испятнанном кровью снегу, лежал верный Курт. Мёртвый водитель скрючился за рулем. Как же его звали? Кажется, Фриц. Русские пули с лёгкостью пробили немецкую броню. А под холмом, среди горящих машин такие же вооружённые до зубов русские как баранов сгоняли в кучу его штабных. Штаб кампфгруппы был уничтожен ещё до начала сражения. Его ошибка – искать себе удобный НП в стороне от войск.

А там внизу, в метельной степи разыгрывалась трагедия. Ему позволили стоять и смотреть как русские, прикинувшиеся невинными овечками, сбросили овечью шкуру и устроили его дивизиям кровавую бойню. И именно он, Гудериан, завёл своих солдат в эту западню. Такого позора он не мог пережить. Если бы у него не забрали пистолет, Гудериан бы непременно застрелился, здесь и сейчас. Но пистолет у него был отобран, так что чашу позора предстояло испытать до конца.

- Смотри, – на ломанном немецком языке сказал ему один из русских, скорее всего командир, силой повернув его голову в сторону поля битвы. – Смотри и запоминай! Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!

16 января 1942 года. 13:15. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Командир танкового батальона майор Деревянко.

Прижимаю ларингофоны к горлу и произношу:

– Я, "Первый", немецкие трубачи нейтрализованы, концерт начинается!

Меня слышат все – и танкисты в Т-34 и КВ, и морские пехотинцы в БМП-3Ф.

У морпехов сегодня особо ответственная задача. Только они на скорости в 50 км/ч могут охватить фланги гитлеровского соединения и поставить его ядро под перекрёстный огонь своих пушек. Преимущество в скорости должно сыграть свою роль.

Пока я смотрел, как поднимая вихри снежной пыли, рвут вперёд БМПэшки, наводчики открыли огонь по центру немецкого строя. Оперённые бронебойные снаряды с вольфрам-керамическим сердечником для немецких "четверок" – безумная роскошь. Поэтому в ход пошли учебные болванки из того комплекта, который мы рассчитывали потратить

на тренировки сирийских коллег. Точно такие же Лаврентий Палыч обещал нам изготовить на советских заводах. И болванка запросто срывает с немецких танков башню или проламывает лобовой лист. А супер-пупер боеприпасы дождутся первых "Тигров".

Один за другим в центре немецкого строя вспыхивают немецкие танки. Огонь с двух тысяч метров – это в нынешнее время что-то запредельное. Но двухплоскостная стабилизация орудия, хорошая оптика, лазерный дальномер и баллистический вычислитель дают нам возможность не мазать по серым коробкам с крестами на броне. Всю жизнь мечтал об этом. Конечно, лучше всего сейчас наводчикам, которые с азартом бьют это зверьё, но и мой командирский глаз радуется такой картине.

Всего минута, и средние танки у немцев кончились, совсем. Осталось только полсотни горящих гробов. Тем более, что КВ и Т-34 сблизилась с "чехами" на полкилометра и тоже открыли огонь. В лоб ни один из советских танков 37-мм пушка "чеха" не берёт. А вот 76-мм бронейный снаряд КВ и Т-34 на этой дистанции пробивает броню "мыльницы" от ЧКД.

Там вспыхнули первые костры. Но их пока меньше, чем у нас, поскольку единственным дальномерно-вычислительным инструментом в танках того времени служит глаз командира экипажа, да и стрелять приходится с коротких остановок. Но пока ещё не подбит ни один советский танк, а вот замерших неподвижно со сбитой гусеницей или окутавшихся рыжим пламенем PzKpfw 38(t) – хоть отбавляй.

Не очень-то пока помогает им численное преимущество – большой калибр орудий советских танков и их мощная броня пока дают нашим несомненное преимущество. Видны искры рикошетов от лобовой части башен и корпусов наших машин. Рациональные углы бронирования порой играют не меньшую роль в защите от снарядов, чем само бронирование.

Лёгкие PzKpfw II и бронетранспортёры с пехотой начинают пятиться, понимая, что они – следующие в очереди на уничтожение. Но их уже взяли в два огня обошедшие по флангам БМП-3. "Чехи" тоже получают "гостинцы" от БМП. Правда, целится им уже сложно – лазерный дальномер сбоит и отказывает из-за затянувшего поле боя чада. И я принимаю решение. Прижимаю ларингофоны к горлу поплотнее,

- Я – "Первый", я – "Первый", идём на сближение. "Пегасы" – на транспортёры и "двойки", снаряды тратим, только если по несколько штук сразу, а в остальном – КПВТ вам в помощь. Прочие бьют гадов, чем могут!

Идем прямо в чад и угар. Тут, в центре, затаившихся немцев нет. Бить мы их начали с задних рядов, на флангах же с этим делом похуже.

Отдельные PzKpfw 38(t) пятятся назад, пытаются отстреливаться. Ну, так дело не пойдёт! Вот уже несколько Т-34 и КВ неподвижно замерли, сбросив с катков сбитую снарядами "гусянку". Разворачиваем башни и начинаем бить "чехов" в борт болванками. Это – смертельный номер. Летят сорванные с погона башни, снаряды проламывают клепаные борта "чешских перебежчиков". С внешней стороны им в борт летят 100-мм "подарки" от БМП. Болванок у них нет, снаряды только осколочно-фугасные, а это ещё красивее – мгновенный вспыхивающий костер на месте танка. "Двойки" и передовой отряд танкгеренадёр на бронетранспортёрах смахиваем с доски, даже не заметив.

Мы пробили чадное облако сгоревшего бензина и выскочили на чистый воздух. Дорога поднимается вверх, вверх, вверх... И вот мы на перевале. Внизу в небольшой низинке перед нами огромное скопление грузовиков, полугусеничников и колёсных бронемашин. Они ничего не знают о том, что творится впереди – эфир на немецких частотах забит хаосом помех. Последний приказ им был – стоять здесь, ожидая, когда танки прорвут фронт большевиков, проложив дорогу для тылов. И вот она свободна, дорога, но не для них.

Немцев охватила паника – как же так, ведь мы о таком не договаривались! Теперь они не могут идти вперёд, потому что спереди мы, и они не могут отступить назад, потому, что сзади дорога забита как МКАД в час пик. Начинается суeta, хаос нарастает, кто-то пытается развернуть машины, кто спрыгивает на землю и бежит в степь. Придерживаю пока своих на гребне. Мы бьём по скоплению техники из орудий и пулемётов, но похоже, что здесь требуется более увесистая дубинка.

Вызываю артиллеристов:

– "Орган", я "Пегас" отметка плюс восемь, скопление техники и пехоты – это просто биомасса какая-то, нужен огневой вал.

- Вас понял, – и через минуту перед нами встаёт высокое дерево разрыва шестидюймового снаряда. Во все стороны летят обломки полугусеничника, что-то переворачивается, что-то вспыхивает чадным пламенем. – Так нормально?

- Годится! – отвечаю я, и на немецкую колонну обрушивается лавина снарядов.

Все скрылось за сплошной, пеленой летящих камней, пыли и гари. Свой огонь мы прекращаем – пусть пушки тоже повеселятся от души. Тем более, что теперь нам просто не видно, во что стрелять.

Сзади подтягивается наша пехота на трофейных бронетранспортёрах. Парни спешиваются и пешком поднимаются к линии танков. Здесь морские

пехотинцы, те самые, которые обороняли Севастополь и высаживались вместе с нашими у Евпатории. Те, что насмерть стояли под Саками и освобождали Симферополь. Некоторые из них начали войну вообще с Одессы и с Дунайского лимана. Зрелище, открывшееся их глазам, было достойно богов.

В броню постучали, открываю. На гусеничную полку запрыгивает капитан 3-го ранга Бузинов. Мы с ним были в одном деле, когда его ребята на броне моих танков рванули от Симферополя на Перекоп. Правда, тогда он был капитан-лейтенантом, но ничего, звания и награды – дело наживное. Тот, кто с нами связался, без своего не останется. Высунувшись из люка, пожимаю ему руку. Всё понятно и без слов. Огневой вал покатился вдаль от нас, и сейчас мы не спеша двинемся вперёд, добывая тех, кто выжил в этом аду. Это рейд, а в нём нет места для пленных. Крик снизу из люка:

– Товарищ майор, "Орел" передаёт, что "мышки" Гудериана повязали, взяли тёпленьким.

16 января 1942 года. 17:35. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Снимаю трубку телефона. На том конце может быть только один абонент – САМ. Длинные гудки, и вот усталый голос с чуть заметным акцентом:

– Слушаю вас, товарищ Бережной.

- Товарищ Сталин, только что завершился бой, в котором бригада полностью разгромила панцеркампфгруппу генерала Гудериана. Полностью уничтожен танковый кулак и сводный передовой отряд пехоты и артиллерии численностью до полутора дивизий. Гудериан и его штаб захвачены в плен. Остальные части противника, бросая технику и вооружение, в беспорядке отступают к Новой Каховке. Веду преследование.

Томительная минута молчания, и голос Сталина, уже с резким кавказским акцентом, произносит:

– Повторите, товарищ Бережной, только короче.

Начинаю снова доклад, стараясь, чтобы голос был ровным и спокойным.

– Товарищ Сталин, моторизованная группа Гудериана полностью

разгромлена, сам Гудериан попал в плен. Продолжаем выполнять план "Полынь".

- Ещё раз повторите! – голос Сталина звенит.

Я повторяю:

– Товарищ Сталин моторизованная группа Гудериана полностью разгромлена, генерал Гудериан попал в плен. Продолжаем выполнять план "Полынь".

- Молодцы! – голос у Сталина сбивается., – Ай, какие молодцы!

Повисла пауза, потом Сталин громко и ясно сказал в трубку:

– С этого дня ваша бригада – 1-я Гвардейская, ордена Боевого Красного Знамени, Отдельная Тяжёлая Механизированная бригада ОСНАЗ РКК. Подготовьте наградные листы на всех участников боя и особо на тех, кто командовал захватом Гудериана и разгромом немецкой танковой группировки.

16 января 1942 года. 17:55. Северная Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Поэт, писатель, журналист Константин Симонов. Из "Крымской тетради"

Я не первый раз на войне, но первый раз иду по кладбищу металлолома, в которое превратились две фашистские танковые дивизии. Шёл долго, а оно всё не кончалось. Здесь, где танки дрались против танков, тягачи рембата уже растащили с дороги горелые бронированные коробки. Сейчас они работали дальше, где под уничтожающий артиллерийский огонь попала германская пехота и артиллерия. Вот там было истинное крошево металла, воронка на воронке, а трупы лежали штабелями. Кажется, что легче было не прокладывать путь через эту долину смерти, а обойти её степью. Быстрее было бы.

Сегодня война повернулась к немцам своим страшным лицом и оскалила зубы. Я надеюсь, что так будет и дальше, и что это не последнее такое смертное поле, приготовленное для них. Южнее нас, у Клейста, втрое больше танков и самоходок, чем было в этот раз у Гудериана. Но они не готовы к бою, потому что нет запчастей и двигатели выработали свой ресурс.

Генерал-майор Бережной говорит, что Гитлер поставил на кон свой последний бронетанковый резерв – и проигрался до трусов. Теперь всё зависит только от нас. Чем обернётся для фашизма это поражение: лёгкой

неприятностью или тяжелейшей катастрофой? Я знаю, что товарищ Сталин намерен устроить немцам именно последнее, но лишь бы всё получилось...

Неподалеку слышны удары кувалдой о металл. Это спешно чинятся экипажи нескольких машин, у которых немецкими снарядами были сбиты гусеницы. У меня кружится голова – всего два с половиной часа боя, и группировка Гудериана прекратила своё существование. Вот прямо передо мной сгоревшая "четвёрка". Лобовой лист проломлен ударом снаряда потомков. Изнутри тянет сладковатым запахом сгоревшей плоти. Судя по всему, экипаж немецкого танка так и остался внутри.

Мимо, откозыряв, проходит патруль из четверых морских пехотинцев, унтер и три бойца. Вообще-то они сержанты, но за их беспощадную придирчивость и изнуряющие каждодневные тренировки, наши бойцы прозвали их "унтерами". До самого начала операции по шестнадцать часов в день: тактика, огневая, марш-броски, физподготовка и рукопашный бой. Но питание шестirazовое, по специальным рецептам.

Вместо политзанятий – кино... "Обыкновенный фашизм" и то, что их журналисты сняли во время освобождения Крыма. Он, кстати, так и называется. От всей этой агитации бойцы буквально звереют. В бой пошли как на прогулку, ещё, говорят, некоторых удерживать приходилось, чтоб пехота раньше времени на танки не бросилась.

Танкистам от инструкторов тоже досталось изрядно. Командир их батальона майор Деревянко и зампотех бригады, командир ремонтного батальона капитан Искангалиев выдавили за эту неделю с них семь потов. Тактика, вождение... И восемь часов копать в моторе. Восемь дней крайне мало, даже если учить по шестнадцать часов в день, но как мне сказали, эффект уже есть. Конечно есть – вот он, эффект, разбросан горелым железом, в котором ковыряются трофейщики из рембата. Скручивают с обломков всё, что в хозяйстве пригодится.

- Константин Михайлович, Константин Михайлович! – доносится издалека женский голос. Кажется, это их журналистка Ирочка Андреева. – Константин Михайлович, едем!

Отчаянная особа эта Ирочка. Каска, бронежилет, блокнот, диктофон – и в передовую линию. Рядом оператор с камерой. Все как у нас. Ведь сколько лет прошло, а ничего не поменялось, всё так же наш брат военный журналист настырен и храбр до безумия. Ну что ж, ехать, так ехать. Завтра будет новый бой, и новый день.

16 января 1942 года. 18:05. Северная Таврия, дорога на Каховку. Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.

После того как остатки немецкой группировки были окружены, генерал бросил вперёд два батальона, костяком которых были балтийцы из 2012 года. Мой и майора Франка. Вася Франк, несмотря на немецкую фамилию – чистейший русак. Здоровый, толстошей флегматик, чем-то похожий на носорога. Но язык предков, – это святое! Его он знает отлично. Задача, которую поставил нам генерал, проста как три копейки. Двигаться вперёд вдоль дороги, уничтожая всё живое. Каховку желательно захватить сходу. Не получится – провести разведку боем и ждать подкреплений.

Но пока до Каховки ещё далеко. Последнее из оставшихся подразделений – 75-мм артбатарею на автотяге – мы вдавили в дорогу полчаса назад и теперь впереди бесконечная лента шоссе, которая то поднимается вверх в этой волнистой степи, то спускается вниз.

Темнеет. Это хорошо. Приказываю водителям переключиться на ПНВ, фар ни в коем случае не включать. Водители трофейных транспортёров должны "держаться" за габаритные огни впереди идущих машин. Этот режим "колонна-призрак" мы отрабатывали на тренировках перед операцией. И вот, поднимаемся на очередной увал, а перед нами немецкая автоколонна. Свет фар в глаза, задыхающийся рык моторов, машины идут на подъём. Интересно, кто такие? Темно на хрен, ни зги не видать, а ПНВ ничего, кроме силуэта, не показывает, уж слишком сильно слепят фары.

Полугусеничники назад, БМП расходятся по степи вилкой, готовые в любой момент прочесать колонну продольным огнём. У двух свеженьких грузовиков и перегораживающих дорогу тягачей с ещё не смытой немецкой маркировкой – прикомандированные "мышки". При полном параде они изображают патруль полевой жандармерии. Взмах жезла с кружком, и передовой грузовик покорно останавливается. Наблюдаем за этой картиной метров с тридцати. Подходит, очевидно, старший колонны, о чём-то спорит, размахивает руками, потом забирает документы и поворачивается, чтобы вернуться к своей машине.

- Медики это, – докладывает старший разведчиков, пока немец идёт обратно, – полевой госпиталь. А в хвосте у них рембат 23-й танковой дивизии, задержались с разгрузкой.

Смотрю на Франка, а тот только сопит. Были бы солдаты, разговору нет, а тут госпиталь, бабё... Мы ж не фашисты, потом до смерти грех не замолишь.

- Василий Владимирович, – говорю я ему ласково, – возьми мегафончик и скажи людям на родном языке Шиллера и Гете, чтоб поднимали руки и дурью не маялись. Дело их фашистское проиграно, так что дальше плен, Сибирь, балалайка. Если в преступлениях не замараны, кровь людскую не пили, то и бояться им нечего.

Берет майор Франк мегафон и летят над степью исторические слова на вполне себе литературном немецком, – *Ergeben Sie sich. Legen Sie ihre Waffen nieder und kommen Sie raus mit hochgehobenen Händen. Wer keinen Widerstand leistet und keine Sabotage betreibt, dem garantieren wir das Leben.* (Сдавайтесь, вы окружены. Положите оружие и выходите с поднятыми руками. Тому, кто не окажет сопротивления и не займётся саботажем, мы гарантируем жизнь), – одновременно в ночной степи вспыхивают десятки фар, с обеих сторон заливая светом замершую немецкую колонну. Ловушка, выхода нет.

Минута, и из открывшейся двери головного грузовика, чётко видимая в свете фар, на землю брякает первая винтовка, за ней ещё и ещё. Запомнились германские врачихи, выпученные от ужаса глаза, полные икры, плотно обтянутые чулками, пилоточки на кокетливых прическах. И это при минус пять и десять метров в секунду! – Б-р-р-р. Выходят из машин, и руки за голову, лицом к борту.

Короче, собрали мы брошенные стволы, оставили взвод для охраны и рванули дальше к Каховке. А куда этим немецким врачихам деваться было? Впереди наши, позади мы, по краям ночная зимняя степь с оврагами и буераками, сто лет будешь ехать и никуда не приедешь.

А в Каховке мы с ребятами оторвались от души. Даже майор Франк веселился, как настоящий русский человек... Но это уже совсем другая история.

**16 января 1942 года. 23:55. Северная Таврия, ст. Каховка.
Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.**

Облака немного рассеялись, но на небе нет никакой луны, что очень приятно. Прямо перед нами станция Каховка. Та самая, которая "родная винтовка". Ночь абсолютно безлунная, в разрывах облаков проглядывают звезды. Станция битком забита составами. Сейчас там разгружается второй эшелон кампфгруппы. Они ещё не знают о той катастрофе, что постигла их генерала, и спешно сгружают с платформ артиллерию и машины.

Станция ярко освещена электрическим светом и заполнена суеющимися солдатами. У нескольких эшелонов на запасных путях не видно суеты, только лениво прогуливающиеся патрули с собаками. Вот разгадка того, почему наша авиация ещё не разнесла станцию вместе с немцами вдребезги и пополам, несмотря на все нарушения светомаскировки. В эшелонах несколько тысяч пленных, наших пленных. Кулаки сжимаются и в глазах темнеет. Разведка уже провела экспресс-допрос пленного генерала и доложила о том, что это была его идея с пленными.

Рассматриваем станцию в бинокли. Вот она, Каховка, осталось только пойти и взять её. Есть ещё одна идея, но это потом, когда возьмём станцию. Разделяем батальоны. Я пойду по дороге от Чаплинки, а Франк отрежет немцев от Днепра. Весь расчёт на внезапность и дерзость. На головные машины обоих батальонов натягиваем трофейные красные "фартуки" со свастикой. Ребята надевают немецкие каски, а белые маскхалаты и так у всех одинаковы. Ну, вот, вроде маскарад и готов. В первую минуту примут за своих, а потом всё пофиг! Отыграемся за ихний "Бранденбург".

Команда "Вперёд!" Гремящая и лязгающая колонна приближается к шлагбауму на КПП. Высовываюсь по пояс из командирского люка, демонстрируя всем своё мужество и лихость. Тут уместно вспомнить ещё одно моё "погоняло" – герр гауптман. Сейчас конечно так не шутят, но всё же имидж пригодился. Придерживая винтовку, навстречу нам выбежал молоденький солдатик. Не знаю, может спросить чего хотел? Стреляю ему из ПМ в голову.

Понеслась! Мне бы шашку да коня, да на линию огня! Броня сносит шлагбаум. Кандауров, мой наводчик, разворачивает башню и даёт очередь из 30-мм по охранной вышке. Летят обломки досок. Соскальзываю внутрь машины. Высшая дурь – схлопотать шальную пулю или осколок, для этого много ума не надо.

На станции поднимается паника. Немцы бегают, как наскипидаренные, слышны исторические вопли: "Алярм! Алярм! Алярм! Русише панцер!". На подъездные пути вламывается десяток БМП и, ведя огонь, проходят станцию из конца в конец, сметая все на своём пути.

Неожиданно гаснет свет, но нам с нашими ПНВ так даже лучше. Сонное царство на зенитных батареях, прикрывающих станцию, уже проснулось. Двадцатимиллиметровые флаки пытаются открыть огонь, но снаряды 100-мм пушек БМП разбрасывают их, словно игрушечные. От уцелевших орудий перепуганные расчёты прыскают в тёмную степь, словно зайцы. Мы их не ловим, пусть побудут там до утра. Мечущихся

между путями солдат и офицеров расстреливаем из пулемётов и давим гусеницами. Пехотинцев среди них не так уж много, в основном артиллеристы и тыловики. Кто-то поднимает руки, кто-то пытается залезть под вагоны. Но сегодня нам не до пленных. Морпехи, наступающие вслед за нашими БМП, жёстко зачищают станцию.

Внезапно со стороны Днепра тоже начинается стрельба. Как раненая корова кричит простреленный навывлет паровоз. Пытавшийся сбежать эшелон застрял на выходной стрелке. Что-то ярко горит у водокачки, выбрасывая в небо багровые отблески... Сутолока ночного боя бессмысленна и беспорядочна. И только наши приборы ночного видения да надёжная связь, вносят в бой некое подобие порядка.

Станция нами захвачена. Захвачена за счёт дерзости, неожиданности и превосходства в огневой мощи. Ну, и дозированного нахальства. Осталось лишь подавить оставшиеся очаги сопротивления и подсчитать трофеи. В здании вокзала наши новички сначала забросали немцев гранатами, а потом сошлись с ними в рукопашную. Выпрыгиваю из люка БМП. Внутри здания слышен жуткий мат и звуки ударов. Внезапно одно из окон вылетает вместе с рамой на улицу, и в снег вниз головой втыкается жирный оберст. Да, не обижен был силушкой тот, кто сумел вышвырнуть в окно такую тушу. В здании вдруг всё затихло, очевидно, русская народная забава – стенка на стенку – закончилась вместе с немцами. Лишь бы наши там не сильно пострадали, ведь операция только началась, и лишние потери нам ни к чему. Ведь их же учили, как нужно зачищать объект с наименьшими хлопотами и наибольшим уроном для противника. Тем более, что противник у них – тыловые крысы, с которыми вообще можно было справиться одной левой. Ладно, оставим разбор полётов на потом, сейчас нас ждут другие дела.

- Старший лейтенант Борисов, за мной!

Со взводом разведчиков быстрым шагом, почти бегом, направляемся в сторону теплушек, на боках которых намалеваны крупные белые буквы "RUS". Во тьме мечутся круги света от ручных фонарей. Борисов передаёт свою неразлучную "светку" бойцу, подбирает с земли брошенный кем-то немецкий "кар-98" и со всей дури бьёт прикладом по замку. Жалобно звякнув, замок улетает куда-то во тьму, створка вагонной двери отъезжает в сторону, и в тёмном проёме появляются белые лица пленных. Они смущены и испуганы. Ведь внешне мы мало похожи на обычных бойцов Красной Армии – слишком уж хорошо обмундированы и богато вооружены. У половины, к тому же, трофейное оружие. Кроме того, в интересах политической целесообразности товарищ Сталин настоял, чтобы

нашим морпехам вернули погоны. Но и знаки различия на петлицах тоже никто не отменял. Так что я теперь дважды майор – две "шпалы" в петлицах и по одной большой звёздочке защитного цвета на погонах. Сделано, что называется, для введения в заблуждения "японской" разведки. Чем больше разной информации, противоречащей друг другу, получают орлы адмирала Канариса и прочие МИ-6, тем труднее будет из этого сумбура выудить зерно истины. А тот, который случайно это сделает, решит, что это грубая дезинформация.

Я киваю, и Борисов командует:

– Товарищи командиры и бойцы, выходите наружу по одному. Стройтесь у вагона...

Наверное, ему хочется броситься к этим людям, обнять их, сказать, что они свободны... но, мы успели переговорить с ним в пути и намекнули, что среди пленных могут быть предатели и прочие морально неустойчивые личности. Посмотрим, кто и как отреагирует на наши погоны.

Люди по одному спрыгивали на насыпь и строились вдоль вагона. У большинства шинели и ватники без ремней, но оказались и такие, кто был одет в одни гимнастёрки. По всей видимости, в плен они попали ещё ранней осенью. Все пленные давно не мыты и истощены до крайности. Удивительного в этом мало, ведь плен – далеко не курорт. Вряд ли кто-то из них захочет попасть в неволю во второй раз.

Высокий и худой как ручка от швабры мужик в мешком висящей на нём командирской шинели с ненавистью посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

– Все здесь, господин офицер, внутри остались только больные... Старший вагона лейтенант Листьев.

Я уже хотел было сказать, какую-нибудь глупость, типа «все вы свободны», но в этот момент откуда-то из второго ряда под ноги мне выкатился давно забытый персонаж – молодой креакл. Или не очень молодой, кто его разберёт.

- Господа офицеры, никакие это не больные, а просто симулянты! А этот Листьев – главный большевик... Сволочь красна-а-а-а!!!

Он дико заорал, не закончив фразу. Конечно, ещё не так заорёшь, когда тебе руку возьмут на болевой.

- Вот видишь, ТОВАРИЩ старший лейтенант, – посмотрел я на Борисова, – вот и он, старинный русский персонаж, подпольная кличка "в семье не без урода". Потомок Гришки Отрепьева и Мазепы, правдами и неправдами доживший до наших дней.

– Ребята, – кивнул я разведчикам, – позаботьтесь об этом ублюдке.

Дико верещавшего иуду отвели в сторону. Короткий рывок, хрип, и тело со свернутой шеей упало на землю. На такого урода и патрона было тратить жалко.

За этой скоротечной расправой с одобрением смотрели пленные и из других вагонов. Я поднял руку.

– Товарищи, внимание! Я майор ОСНАЗ РГК Красной Армии Рагуленко. Не смотрите на мои погоны, наша часть особая. Смотрите лучше на петлицы майора Красной Армии. Мы освободили вас из немецкого плена, но никто, даже товарищ Сталин, не может освободить вас от исполнения воинского долга перед Родиной.

Утром мы уйдём дальше в рейд. Вы не сможете сопровождать нас, на это у вас просто не хватит ни сил, ни умения. Но вам вполне по силам взять на себя оборону этой станции от попыток немцев отбить её. Здесь остаётся много бесхозного немецкого вооружения, от винтовок до полевых гаубиц. Думаю, что вы справитесь, ведь у немцев сейчас практически не осталось ни авиации, ни танков. Их тяжёлая артиллерия тоже изрядно потрёпана. Скоро мы снова сюда вернёмся, и не одни, а с частями Юго-Западного фронта. Продержитесь здесь где-то дней десять, прошу вас. Есть вопросы?

Я оглядел строй бывших пленных. Они переваривали то, что я им сейчас сказал.

Всё! Больше времени на агитацию не осталось. Я скомандовал:

– Командиры и комиссары – шаг вперёд!

**17 января 1942 года. 8:15. Северная Таврия, ст. Каховка.
Лейтенант РККА Семён Листьев.**

Бригада вошла в Каховку в два часа ночи. Ревели моторы тяжёлых танков, лязгали гусеницы, тряслась под ногами земля. Сверкая фарами, колонна спустилась к станции. Она была длинная, как змея. Машин было столько, что мне и моим товарищам казалось, будто никакая это не рейдовая бригада, а целый танковый корпус. Но вот мимо нас прокатились последние броневики на восьми огромных колесах. И степь снова стала тёмной и пустынной, зато на станции поднялась суeta. Первыми и весьма ошеломившими нас новостями стали известия о контрнаступлениях под Москвой и в Крыму. Немцам не только не удалось взять Москву, как врал жирный оберст Редель, но они там потерпели сокрушительное поражение и отброшены на 200-300 километров. Под Ржевом окружена 9-я армия

Моделя, и ей, наверное, из этого капкана уже не вырваться. А тут, совсем рядом, в Крыму, разгромлена и полностью уничтожена 11-я армия Манштейна. И та канонада, что мы слышали вчера днём, оказалась разгромом танковой группы Гудериана, которая выгружалась в Каховке всю последнюю неделю. Майор Рагуленко с усмешкой рассказал мне про глупых немцев, что попёрли на "консервных банках" против "настоящих танков". Потом я увидел входящие в Каховку "настоящие танки", и мне даже немного стало жаль немцев. Широкие приплюснутые боевые машины с длинноствольными пушками большого калибра были, подобно древнерусским витязям, одеты в чешуйчатую броню. Правда, и КВ, и Т-34 тоже выглядели весьма солидно и уверенно в своей зимней пятнистой окраске. Это сколько же техники нагнали! Причём вся или трофейная, или вообще ранее неизвестная. Может американская? Из наших машин я видел только танки, те самые КВ и Т-34.

Теперь я снова лейтенант и снова командир, правда, не взвода сорокопятак, а батареи германских 75-мм полевых пушек. Есть ещё лёгкие 105-мм гаубицы, но к ним подыскали другого лейтенанта-артиллера, который до плена имел дело с нашими 122-мм гаубицами. Командиров среди пленных оказалось мало, так что в пехоте сержанты командуют взводами, а кое-где и ротами. Но для начала всех нас, бывших пленных, собрали у здания вокзала. Нет, не всех сразу, собирали повагонно. Сразу всех собрать было просто невозможно, ведь было нас две-три тысячи. Из тех, кто попал в окружение под Мелитополем в октябре. Заводили в здание вокзала в один заход человек по десять. Внутри, несмотря на глухую ночь, всё работало как хорошо отлаженная машина. Худые, чем-то похожие внешне на нас санитарки из бригадного медсанбата стригли нас наголо, брили, выдавали каждому большую кружку остро пахнущей лекарством сладкой воды. Потом я узнал, что их самих вот так же освободили из лагеря военнопленных под Бахчисараем десять дней назад. Потом короткая, буквально два слова, беседа с особистом бригады. Майор госбезопасности скользнул по мне невидящим, безразличным взглядом, и только попросил надеть на указательный палец что-то вроде напёрстка с выходящим из него тонким проводком. Потом задал несколько вопросов, посмотрел на человека, который сидел рядом с ним с небольшим ящичком, тот кивнул... И всё, я свободен. Секретарь внёс мои данные в большой грессбук и попросил пройти дальше, получить оружие и назначение. А вот человека, который был в очереди сразу передо мной, отвели в отдельную комнату. Не знаю, что с ним стало, но больше мы его уже не видели.

Бригада встала у нас на двенадцать часов, как раз до следующей

темноты. Их механики тут же полезли в моторы, а генерал-майор Бережной собрал всех освобождённых из плена командиров. Разговор был недолгим. Наша задача – держать станцию и небольшое предмостное укрепление на правом берегу Днепра. В тылах у немцев практически пусто, так что серьёзными силами они нас атаковать не смогут. Командир нашего сводного отряда капитан Железнов получил от генерала рацию, по которой, в крайнем случае, можно было вызвать авиационную поддержку. О нашей авиации, которая буквально две недели назад внезапно начала свирепствовать в небе над Южным фронтом, мы знали из рассказов конвоиров. Именно от этих ударов с воздуха немцы и прикрыли станцию живым щитом из пленных. Теперь они пожалеют об этом. Чтобы ещё раз не попасть в немецкий ад, каждый из наших бойцов будет драться насмерть.

Оберста Ределя повесили в полдень. За водокачкой, где были сложены покрытые ледяной коркой обнажённые тела наших товарищей, умерших от голода и болезней, расстрелянных, повешенных, насмерть забитых охраной, под водяной трубой уже стоял один из немецких грузовиков с откинутыми бортами. К трубе была привязана веревка с петлёй, болтающейся над кузовом. Там же, в кузове, стоял связанный оберст Рудель и два сержанта-осназовца.

Там собрали не только нас, бывших пленных с оружием в руках, причём, с трофейным оружием. Были там и те немногочисленные "счастливы" из числа немцев, кто попал к нам в плен. Их врачи, персонал армейского госпиталя и санитарного поезда, что застрял на станции в момент нападения. Механики одного из дивизионных рембатов, внезапно захваченные передовым отрядом по дороге, ну ещё те из гарнизона станции и выгружавшихся на ней частей, которые в момент нападения умудрились хорошо спрятаться и были обнаружены лишь потом, когда накал боя уже спал.

Майор госбезопасности зачитал приговор, сначала на русском, потом на немецком.

– За военные преступления, совершённые в отношении советских граждан, массовые убийства и пытки, военным трибуналом к смертной казни через повешенье приговаривается полковник германской армии Отто Хайнрих Редель, – майор ГБ махнул рукой. – Повесить его за шею и пусть висит так, пока не умрет!

Когда переводчик дочитал немецкий текст, два здоровенных сержанта, которых все почему-то звали "унтерами", подтащили связанного и извивающегося как червяк немецкого полковника к петле. Грузовик тронулся, и вскоре "жирный боров", как называли его наши товарищи,

бессильно задёргал в воздухе ногами. Когда конвульсии прекратились, особист бригады ОСНАЗА продолжил свою речь.

– Товарищи, за тех, кого мы не сумели спасти, мы отомстим. Мне даже страшно подумать, что будет, когда наша армия войдёт в Германию. Каждый советский солдат должен помнить – как минимум за него отомстят. Каждый немец должен знать – сражаясь на стороне гитлеровской своры, он только увеличивает счёт, который будет предъявлен немцам после войны. Как сказал их Бисмарк, русские всегда взыскивают свои долги. Всё, товарищи, разойдись!

Генерал-майор Бережной, который вместе со своими комбатами стоял недалеко от нас, заметил кому-то:

– Хорошо, но мало. Теперь так же Гимmlера с Герингом, и порядок

Командиры засмеялись и продолжили разговор о чём-то своём, мне непонятном. Я отвернулся, чтоб не подумали, будто подслушиваю. Вечером бригада уйдёт дальше, а мы останемся в круговой обороне. Но мы не одни, мы не брошены и не забыты. У нас есть рация, по которой можно вызвать на подмогу авиацию, а днём транспортными геликоптерами в Крым были отправлены все, кто не может держать в руках оружие. У нас много трофейного оружия и боеприпасов, даже больше, чем бойцов, которые это оружие могут держать. А ещё бригада скинула на нас всех пленных, кроме танкового рембата. Как сказал командир танкового батальона майор Деревянко: «Нам они нужнее».

В общем, думаю, мы продержимся и дождёмся, когда сюда придёт фронт. Наверное, как это было и во время войны с Наполеоном, настало время гнать их туда, откуда они пришли.

18 января 1942 года. 05:05. Северная Таврия, 50 км до ст. Запорожье. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Воет метель, мерно рычат дизеля. Бригада идёт на север по степям Таврии, всё дальше удаляясь от Крыма. Впереди крупный железнодорожный узел и промышленный центр – Запорожье. Из-за метели пришлось оставить вертолётную группу в Каховке, хотя их мобильное БАО идёт с нами. Когда всё это кончится, они, уже запрошенные и обслуженные, смогут или вернуться в Крым, или нагнать нас в любой точке маршрута. А вот колонну автомобилей и тягачей по вражеским тылам в одиночку не пустишь.

Так и идём, пробиваясь сквозь снежные заряды. Час назад разгромили станцию Фёдоровка. Передовая группа в составе роты танков КВ-1 и роты морской пехоты на трофейных полугусеничниках выскочила на неё глубокой ночью. Немцы не ждали, что мы будем двигаться ночью, да ещё и в такую погоду, и банально спали. Короткий бой с гарнизоном больше напоминал резню. Да и что там за гарнизон – немецкие нестроевые тыловики и полицаи. Ребята порезвились на совесть – заминировали и взорвали стрелки, вывели из строя маневровый и два линейных паровоза, уничтожили водокачку, полили маслом и подожгли кучи угля. На станции были обнаружены четыре теплушки с уже знакомыми буквами "RUS", но внутри бойцы нашли только трупы. В трёх вагонах военнопленные, в четвёртом – дети, похоже, детский дом. Одно дело читать о таком в книгах, и совсем другое – видеть воочию. Если завтра товарищ Сталин прикажет спалить в термоядерной геенне, к примеру, Берлин, то скорбь моя дольше тридцати секунд не продлится. Да, наверное так думали и наши бойцы, когда шли к Берлину. А потом кормили немецких детишек из своих полевых кухонь. Пока же мы идём на север, уничтожая все немецкое, что встречается на пути. Если бы тот немецкий полевой госпиталь попался нам сегодня, то не знаю, сумел бы я удержаться от соблазна или нет...

Я постукиваю карандашом по карте. Запорожье, если возьмём, то как отдать обратно? С другой стороны, попытка его удержать, приведёт к распылению бригады. Или даже к остановке рейда. Запорожье, Синельниково, Павловград, Лозовая... Все крупные транспортные узлы, разгром которых будет для немецкого командования... м-м-м... крайне неприятен. Тогда против нас будут бросать всё, что найдут, невзирая на лица. Чем ближе мы к Василевскому, тем злее будут немцы. Разведка доложила, что у каждой крупной станции создан живой щит из пленных. Но вопрос в другом – живы ли они или давно погибли, как в Фёдоровке? И ещё: найдём ли мы, чем их вооружить? В Каховке были тылы кампфгруппы Гудериана, да и на поле боя наши трофейщики собрали всё до последнего карабина и последнего патрона. Кое-какие излишки мы везём с собой, но этого очень мало, не хватит даже на ещё один Каховский отряд. А безоружные пленные нам не подмога, а лишь обуза. Задерживаться же в немецких тылах совсем не резон. У операции "Полынь" есть свои сроки. Разве что... Поднимаю голову. Напротив меня сидит Алёна и, подперев щеку рукой, смотрит на меня жалостливо, по-бабы. Провожу рукой по щеке – точно, щетина, уже вторые сутки не нахожу времени побриться. Алёна вздыхает и кладёт свою руку поверх моей, шепчет – «Милый мой...», потом смотрит в глаза и молчит, аж мурашки по спине. Да будет он

благословен, век натуральных женщин, без синтетики в теле и без фальши в душе.

Усилием воли возвращаюсь к делам. Выход с нашими пленными, которых мы освободим на промежуточных станциях в том, в том... Не выгружая их из эшелонов, везти вместе с нами до Лозовой. А там посмотрим:, может, сделаем там базу бригады, оттуда до фронта всего километров пятьдесят-семьдесят... А пока степь, метель, влюблённая женщина, следующая станция Запорожье, через три, нет, простите, через два с половиной часа.

18 января 1942 года. 08:15. Севастополь, Северная Бухта, ракетный крейсер "Москва". Командир корабля капитан 1-го ранга Остапенко.

Приказ контр-адмирала Ларионова: поднять крейсер по боевой тревоге! Квакают ревунуны, мигают транспаранты. Сообщение с нашей ПЛ "Алроса", что дежурит у горла Босфора: Пролив форсирует итальянская эскадра. Два линкора, "Литторио" и "Джулио Чезаре", четыре крейсера и эсминцы.

Твою мать! Вот так всегда, как только что-то налаживается, так незваные гости лезут через забор. Неплохо, наверное, Алоизыч на Инёню наехал, раз тот пропустил линкоры в Чёрное море. Да и у дуче наверняка седых волос прибавилось. Сколько его итальяшек у нас на Восточном фронте?

Ветер, метель... Наверняка они думают, что наши самолёты не смогут вылететь. Смочь-то они смогут, но не надо. Есть инструкция товарища Сталина о применении наших тяжёлых вооружений. Адмирал Кузнецов сейчас на командном пункте Черноморского флота. Наверняка его тоже уже подняли на ноги.

Звонок на КП флота.

— Николай Герасимович, вариант "Вьюга", прошу разрешения на применение главного калибра.

Адмирал Кузнецов, слава богу, не тормоз, и ответ следует сразу же:

— Действуйте! Норма расхода две единицы на линкор.

Ага, похоже, ему уже доложили все расклады.

— Крейсера пока не трогайте, посмотрим, что они будут делать, когда мы прихлопнем их больших парней. Пойдут ли они к Севастополю одни

или повернут назад на свои базы?

Стремительно несутся секунды. Палуба опустела, задраены все люки, команда на боевых постах. Целеуказания введены, пошёл отсчёт:

– Десять, девять, восемь...

Мой замвоспит, по здешнему военком, толкает меня локтем вбок, показывая куда то назад. Оборачиваюсь. Через боковое остекление рубки видны маленькие фигурки командиров и адмиралов на площадке перед входом на КП флота. Ну точно – начальство вышло полюбоваться. Когда ещё какой-нибудь дурак подставится под наш большой молоток? Интересно всем. И "Молотов", и "Ташкент", не говоря уже о "Парижской коммуне" наверняка оцетинились биноклями, вон как мостики и надстройки почернели от народа. Отсчёт продолжается:

– Два, Один, Пуск!

С оглушительным грохотом первый "Вулкан" выпрыгнул из своего гнезда, в котором сладко спал всю свою жизнь. Отгорел и нырнул дымным хвостом в море твердотопливный ракетный ускоритель. Лишь бы не зашиб кого-нибудь ненароком. Получив поправку с самолёта целеуказания, ракета повернула влево и легла на боевой курс. Восемь секунд спустя всё повторилось. Перед нами легла сплошная белая пелена, Дальнейшие два пуска можно было отметить только по грохоту и содроганию палубы под ногами. Почти полная дальность, четыреста пятьдесят километров, время полёта ракеты к цели – двенадцать минут. Пуск-то, бля, не учебный, других "Вулканов" у нас нет, за каждый потраченный зря, спросят по всей строгости. Командир БЧ-2 смотрит на секундомер.

Все правильно рассчитали итальяшки, кто там у них командует, Карло Бергамини, что ли? Шторм, волна, авианосец не сможет поднять свою авиагруппу, а без неё наши корабли беззащитны перед двумя мощными линкорами. "Парижская коммуна" им не конкурент. От подлодок крупные корабли защитит стая эсминцев. Только вот на наши "Вулканы" они не рассчитывали. На экране маленькие зелёные точки одна за другой приближаются к красно-оспенной сыпи итальянской эскадры. Среди точек поменьше выделяются две жирные красные кляксы. Ещё немного. Слились!

– Ну что там?!

Доклад с самолёта целеуказания:

– Первая и вторая – попадание в головной линкор. Третья и четвёртая во второй! Повторяю, все ракеты попали в цель... – победный крик моих офицеров оглушает.

Доклад с "Алросы":

– Оба линкора тонут. Головной – после взрыва погребов. Тот, который шёл за ним, тоже, кажется, не жилец, но на дно идти не спешит.

Командир "Алросы" кавторанг Павленко не удержался, сунул одному крейсеру под винты торпеду. Теперь у итальянцев кроме двух утопленников ещё один безногий инвалид. Они, кажется, даже не поняли что это была подлодка. Покрутившись вокруг эскадры, эсминцы помчались спасать тонущих. Ну кого можно спасти в шторм и метель... Всё, вариант "Вьюга" сработал, теперь вряд ли итальянцы рискнут послать в Чёрное море хотя бы один свой корабль.

19 января 1942 года. Вечер. Лондон. Бункер премьер-министра Англии. Премьер-министр Уинстон Черчилль и глава SIS Стюарт Мензис.

Черчилль вызвал начальника британской разведки в свой бункер, расположенный в пяти минутах ходьбы от Биг-Бена. Сэр Уинстон хорошо знал Стюарта Мензиса ещё до того, как стал премьер-министром. Поэтому он решил быть с ним откровенным. Приходящая по разным каналам информация о странных событиях, происходящих в районе Крыма, не давала покоя Черчиллю. Внутреннее чутьё опытного политика подсказывало ему: там творится нечто такое, что со временем скажется на ходе боевых действий по всему советского-германскому фронту.

Поначалу ничего необычного не отмечалось. Советы решили деблокировать осаждённый немцами Севастополь и освободить весь Крымский полуостров. Для этого они со своей обычной неумелостью, в конце 1941 года высадили десант в Керчи и Феодосии. Причём, согласно достоверных данных, при высадке потери были больше, чем непосредственно во время боевых действий. Затем, в январе 1942 года командование Красной армии провело ещё одну десантную операцию, на этот раз, в Евпатории. Черчилль хорошо знал историю Восточной войны 1853-1856 годов, в которой участвовали и его родственники. Под Балаклавой в рядах бригады лёгкой кавалерии был убит среди прочих лорд Мальборо – дед Черчилля. Поэтому он хорошо представлял местоположение частей 11-й армии вермахта и район высадки русского десанта.

А вот с этого момента и началось НЕЧТО, удивившее штабных аналитиков британской армии и смешавшее все расчёты английского

премьер-министра.

Из источников, заслуживающих доверия, через Москву, Анкару и Берлин, в Лондон стала поступать информация об эскадре кораблей неизвестных типов, появившейся у Евпатории. Всех имеющих доступ к этой информации шокировал тот факт, что корабли несли на мачтах андреевские флаги. Особенно удивляло Черчилля, что среди этих кораблей был огромный, не менее трёхсот пятидесяти ярдов в длину, авианосец с загнутым вверх, как у турецкой туфли, носом. Зная досконально боевой состав флотов стран-участниц 2-й мировой войны, он был на сто процентов уверен в том, что среди боевых единиц Рабоче-Крестьянского Красного Флота нет ни одного корабля, даже отдалённо похожего на авианосец. Тем не менее, корабль такой на Чёрном море имеется, и самолёты с него взлетают исправно. Именно эти самолёты с фантастическими боевыми характеристиками устроили люфтваффе настоящий террор, фактически уничтожив германскую авиацию на южном фланге советско-германского фронта. Они, словно играючи, смели с неба эскадру бомбардировщиков люфтваффе, специально предназначенную для атак боевых кораблей. В своё время эта эскадра попортила немало крови кораблям королевских ВМС. Но стоило ей прибыть на Чёрное море, как от неё после первого же вылета не осталось ни одной боевой машины. А история с попыткой люфтваффе совершить налёт на русскую эскадру курсирующую в виду Босфора? Где это видано, чтобы зенитный огонь был такой плотности, что ни один германский бомбардировщик не смог прорваться к кораблям и сбросить хотя бы одну бомбу на цель?! И это после разгрома Констанцы и Плоешти. Сталин запугал турок насмерть. Инёню дрожит как осенний лист при мысли, что немцы когда-нибудь кончатся, а аппетит при таком ходе дел у русских будет только расти.

При этом те лётчики, кому посчастливилось вовремя покинуть свои разваливающиеся в воздухе самолёты и раскрыть парашюты, уже никому ничего не расскажут. Они или подобраны русскими кораблями, или утонули в ледяной январской воде. В это время года даже на Чёрном море далеко не курортные условия.

А на Крымской земле десант, высаженный с кораблей этой таинственной эскадры, легко разгромил 11-ю армию генерала Манштейна и вместе с частями РККА освободил весь Крым. Агенты докладывают, что бойцы этого подразделения... носят погоны. Не совсем такие, какие носили офицеры и солдаты Российской императорской армии, но очень и очень похожие. Поражает уровень подготовки солдат и оснащённость десанта новейшей боевой техникой, в составе которой есть даже боевые

геликоптеры. Когда бригада громит армию, у многих появляются в голове нехорошие мысли. И главная из них: Что будет дальше? Что хочет дядюшка Джо? Кто будет следующим после Адольфа?

Вот эти и многие другие вопросы премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль задал несколько дней назад начальнику своей разведки. С тех пор случилось ещё много чего интересного. Затаившаяся было бригада выскочила из Крыма, как чёртик из табакерки, походя смахнув кампфгруппу бедняги Гудериана. Итальянская эскадра адмирала Карло Бергамини сунулась было в Чёрное море, но потеряв с ходу, по невыясненным пока причинам, два линкора и крейсер, подобно своре побитых псов убралась обратно. Адмирал, кстати, остался на дне вместе с флагманским линкором "Литторио". Турки в переговорах стали уклончивы до невероятности... Неужели и тут Сталин? Появились сведения о скором визите в Анкару советского высокопоставленного дипломата. Генерал Деникин выступил с обращением к соотечественникам забыть все прошлые обиды и по примеру героев, громящих сейчас германских захватчиков, идти и сражаться вместе с Красной Армией. Во французском Алжире, по полученным данным, формируется Новая Добровольческая армия. Генерал Краснов с кучкой прогерманских лакеев оказался в подавляющем меньшинстве. Сэра Уинстона трясло. Сталин сказал «Родина-мать зовёт!», и Седые Волки снова вспомнили запах крови. Псу под хвост пошли все британские старания заставить русских убивать русских. Как, как ему это удалось?!

Стюарт Мензис прибыл точно в назначенное ему время. Черчилль решил переговорить с ним в Большом зале для заседаний. Глава МИ-6 уже успел подобрать документы, которые могли бы пролить свет на происходящее в Крыму и вокруг него. Впрочем, достоверной информации было мало, а вот слухов и домыслов, наоборот, огромное количество.

Поздоровавшись с Мензисом, Черчилль непринужденно развалился в своём любимом кресле в зале заседаний, после чего с удовольствием закурил душистую гаванскую сигару.

- Стюарт, мы с вами знакомы уже не один год, – начал Черчилль. – Скажите как на духу, вас нестораживает возня вокруг этой странной эскадры, словно с неба свалившейся в Чёрное море?

- Сэр, я служу короне уже много лет, – ответил Мензис, – и от всего происходящего в Крыму у меня буквально шерсть на загривке встаёт дыбом. Сейчас мы не можем предугадать и половины ходов русских, отчего просто голова идёт кругом. Я думаю, нашему коллеге Канарису ничуть не легче. Он уже обратился к нам по неофициальным каналам с предложением

сотрудничества в этом вопросе. Особенно большой шок и у нас, и у гуннов вызвали андреевские флаги на мачтах кораблей эскадры, погоны на плечах у офицеров и матросов. И в то же время, совершенно бесконфликтные отношения между офицерами этой эскадры и командирами Красной армии и Черноморского флота СССР. Больше того, по нашим данным, эти корабли посетил сам глава их НКВД Лаврентий Берия, причём уехал оттуда чрезвычайно довольный. Командует сейчас "Объединённым флотом" нарком ВМФ Кузнецов. А те командиры и комиссары, что попробовали возбудить враждебность к этой эскадре, арестованы НКВД и вскоре расстреляны. Обвинение – троцкизм. Что-то тут нечисто.

- А что говорят по этому поводу ваши аналитики? Ведь они уже, наверное, успели проанализировать всю полученную информацию и сделать предварительные выводы?

- Сэр, они непрерывно работали в течение нескольких суток. Для анализа использовались не только материалы, полученные нашими спецслужбами. Сэр, вы наверное помните, что я вам докладывал о доверительных отношениях, установленных нашей службой с адмиралом Канарисом... – Черчилль утвердительно кивнул, не вынимая сигары из рта. – Так вот, мы получили от его фирмы дополнительную информацию, что называется, из первых рук. Она использовалась при анализе. Скажу честно, мои ребята работали с полным напряжением. Несколько человек оказались на грани умопомешательства... Мы поместили их в специализированную закрытую клинику.

- И к чему они пришли, Стюарт? – Черчилль с нескрываемым интересом посмотрел на своего главного разведчика.

- Сэр, материалистических объяснений всего происходящего на Чёрном море нет. Эта эскадра появилась ниоткуда. Через Гибралтар она не проходила, через Суэцкий канал – тоже. Не зафиксирован её проход и через Дарданеллы и Босфор. Так как же она оказалась в Чёрном море?

- Может, это происки наших заокеанских друзей? – озадаченно спросил Черчилль. – Хотя, не понимаю, зачем им это надо?

- Действительно, янки сейчас не до этого. Японцы захватили Филиппины, не сегодня-завтра займут Батаан, половина Тихоокеанского флота США лежит на дне бухты Перл-Харбор... Да и что американцы забыли на Чёрном море?

- Тогда, Стюарт, скажите, наконец, на чём сошлись ваши аналитики? – спросил Черчилль, совершенно сбитый с толку. – Откуда взялась эта проклятая эскадра, и кто они – эти люди в погонах?

Стюарт Мензис посмотрел в растерянные глаза премьер-министра

Великобритании, и чеканя каждое слово, произнёс:

– Сэр, не существует ни одной версии, которая может с материалистической точки зрения объяснить появление этой эскадры на Чёрном море. Единственная версия, которая имеет право на существование, – начальник SIS скрестил за спиной пальцы левой руки, – это ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОТУСТОРОННИХ СИЛ...

При этих словах премьер-министр выронил сигару. Мензис первый раз в жизни увидел испуганного Черчилля. Лицо "Уинни" стало бледным, как бумага.

- Нет, Стюарт, нет, – испуганно замахал он руками, – только не это! Вы считаете, что большевики заключили договор с дьяволом, и он прислал им на помощь своё адское воинство?!

Мензис вполне серьёзно ответил:

– Сэр, я думаю, что дьяволу по духу ближе Гитлер, поэтому он не станет играть на стороне противника гуннов... Кроме того, нам стало известно, что неделю назад дядя Джо встречался с местоблюстителем Патриаршьяго престола митрополитом Сергием... О чём они говорили мы не знаем, но уже на следующий день вышел Указ, разрешающий открывать ранее закрытые церкви, а священники стали возносить молитвы об одолении врага и о здравии товарища Сталина, причём по императорскому чину...

- Значит, тогда дяде Джо помогает сам Всевышний?! – воскликнул Черчилль, – Второе прише...

Он неожиданно схватился за сердце и откинулся на спинку своего кресла.

Стюарт Мензис выскочил в коридор, и испуганно заорал:

– Помогите! Врача! Премьер-министру плохо! Врача скорее!

Но все было напрасно. Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании был мёртв – мертвее не бывает. Мгновенный инсульт. Упавшая на пол сигара продолжала дымить. Противно воняя, тлел дорогой персидский ковёр.

При подготовке тела к погребению так и не удалось убрать искажившую лицо покойного предсмертную гримасу страха и отчаянья.

**20 января 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет
Верховного Главнокомандующего.**

Сталин подошёл к лежащей на столе карте советско-германского фронта. Жирная красная черта, начавшаяся на Перекопе, уперлась в станцию Лозовая. До города Изюм по кратчайшему расстоянию – всего семьдесят километров. С некоторой задержкой первая фаза "Полыни" вступила в завершающую фазу. Но есть и тревожные сигналы. В сводке разведупра специально выделена переброска к Лозовой частей 6-й армии немцев. О том же самом сообщает и воздушная разведка особой авиагруппы.

От размышлений о сложившейся на фронтах ситуации, товарища Сталина отвлек звонок внутреннего телефона связывающего его кабинет с приёмной. Это был Поскрёбышев.

– К вам товарищ Берия со срочным докладом!

- Зови! – Верховный Главнокомандующий невольно напрягся. Неизвестно ещё какие именно известия заставили Лаврентия примчаться в такой спешке, даже без предварительного звонка.

Берия ворвался в кабине как метеор, поблескивающий стеклышками пенсне.

– Доброе утро, товарищ Сталин! Вы знаете, вчера сдох британский боров! Вы понимаете, что это значит? Сколько он там должен был ещё прожить, до 1965 года? А сдох сейчас...

Пытаясь осознать услышанное, Сталин взял со стола трубку.

– Лаврентый, ты думаешь наши потомки нас обманывают? – медленно произнёс он.

Берия экспансивно махнул рукой.

– Да нет, товарищ Сталин, с этим как раз всё нормально, ложь бы я заметил. Я с ними глаза в глаза говорил, и с Бережным и с Ларионовым. Тут другое... В их истории всё так и было... И Черчилль прожил до 1965 года. Но там был разгромлен наш Крымский фронт и пал Севастополь. А Крым мы освободили только весной сорок четвёртого. Понимаете, товарищ Сталин, у нас теперь своя история, которая всё дальше и дальше отходит от их варианта...

- Это радует, – Сталин чиркнул спичкой. – Товарищ Берия, а может вам известно, от чего умер старина Уинни?

В ответ блеснули стеклышки пенсне.

– Мой источник сообщает, что старина Уинни умер от инсульта. Более того, перед самой смертью он обсуждал с моим британским коллегой, Стюартом Мензисом, наши крымские дела...

- Плохо работаете, – меланхолично заметил Сталин, посасывая трубку.

– Дожили, британский премьер обсуждает со своим главным шпионом

самый большой секрет СССР.

- Работаем хорошо, – возразил Берия. – Несколько моих агентов были в этой самой аналитической группе, которую британцы собрали по "Крымскому вопросу". Им известны только случаи, когда спецтехника задействовалась во фронтовых операциях, и те слухи, что мы распускали вокруг бригады Бережного и эскадры Ларионова... Я вам сразу говорил, что такого слона невозможно спрятать под ковёр. Если сложить в кучу всё, что стало известно о эскадре, то получается бред сумасшедшего.

- А, ладно, – Сталин взмахнул рукой с зажатой в ней трубкой, – поздно плакать над разлитым молоком. Надо будет сказать Вячеславу, чтобы послал королю официальное соболезнование. От лица товарища Сталина и всего советского народа. Это был враг, но он был достоин уважения, не то что некоторые. Кстати, кто там у них после Черчилля?

- Пока его зам, Климент Эттли. – ответил Берия. – Британия в смятении, устраивать выборы сейчас...

- Ладно, Лаврентий, пока они в смятении, мы должны действовать.

Сталин прошёлся взад-вперёд по кабинету.

– Что там у нас с Турцией?

- На Инёню давят со всех сторон, и мы, и немцы. После потопления двух итальянских линкоров и повреждения крейсера сразу после форсирования Босфора Берлин временно вышел из игры. Они получили и то, чего хотели, и то, чего не ждали. Теперь просто не знают, что им ещё потребовать от бедных турок.

- Теперь по нашим делам... Вчера товарищ Громыко прилетел в Севастополь, а сегодня он на крейсере "Молотов", в сопровождении эсминца "Адмирал Ушаков" отправится в Стамбул. Переговоры договорились проводить там. Если книги потомков нам не врут, то товарищ Кузнецов прав: арктические конвои станут самым главным путём снабжения нашего фронта всем, что сейчас не может произвести наша промышленность. Оборудование для спецпроизводств мы тоже планируем закупить у Рузвельта. Обе подлодки, сторожевики и противолодочный корабль будут нужны нам в Мурманске.

- Хорошо, Лаврентий, – Сталин бросил взгляд на закрытую крышку стоящего на столе ноутбука. – Что у тебя со специнститутом? Чем раньше мы начнём работу, тем легче нам будет потом.

- Все готово, товарищ Сталин, – отрапортовал Берия. – Здание института в Куйбышеве освобождено, электричество 220 вольт на 50 герц подведено. Ждём дорогих гостей. С нашей стороны начат подбор ключевых сотрудников. В первую очередь думаем сделать упор на электронику и

радиолокацию, причём, в перспективе не только на цифровую полупроводниковую, но и на аналоговую ламповую. Тут предел модернизации тоже далеко не достигнут. А в некоторых специфических условиях лампы значительно надёжнее транзисторов.

Самое главное – мы получили их компьютеры и специалистов по работе с ними. Один такой специалист с соответствующей техникой способен заменить миллион расчётчиков с арифмометрами. Если использовать этот ресурс централизованно, то можно получить резкое ускорение всех конструкторских работ, не связанных с воплощением изделия в металл. Любого изделия...

На рабочем столе Верховного Главнокомандующего загудел телефон ВЧ. Сталин снял трубку.

– Алло?!

- Товарищ Сталин, докладывает генерал-лейтенант Василевский. Двадцать минут назад передовые части ОТМБ ОСНАЗ РГК под командованием генерал-майора Бережного прорвали немецкий фронт со стороны Лозовой, уничтожив при этом несколько вражеских опорных пунктов. В настоящий момент ширина прорыва составила восемь километров и всё время расширяется. На нашу сторону проследовала колонна специально назначения со спецтехникой и спецперсоналом. На станцию Купянск поданы эшелоны...

Разрешите ввести в прорыв подготовленную для развития успеха манёвренную конно-механизированную группу маршала Будённого? Под Лозовой идут тяжёлые бои, а со стороны Харькова постоянно контратакуют части 6-я армии Паулюса. Бригаде ОСНАЗА срочно нужна помощь...

- Дёйствуйте по плану, товарищ Василевский, – Верховный немного помолчал. – И помните, на вас смотрят весь советский народ. Если что надо, звоните, нэ стесняйтесь.

Положив трубку, Сталин повернулся к Берии.

– Всё, Лаврентий, началось. Список наших конструкторов привлекаемых к работе в специнституте – через три дня мне на стол.

20 января 1942 года, Утро. Юго-Западный фронт, 5 км. севернее Изюма.

Все положенные команды прошли по линиям полевой связи и громада конно-механизированного корпуса была готова двинуться в путь. Семён

Михайлович Будённый, садясь на коня, поплотнее запахнул бурку. Он вспоминал вечер 7-го января, когда его вызвал к себе товарищ Сталин...

Верховный встретил его как радушный хозяин, усадил к столу, угостил чаем. А глаза у него были внимательные, как у кота, караулящего мышь. В чем-то Коба был не уверен и сейчас хотел проверить свои сомнения. Последний раз Будённый был в этом кабинете больше месяца назад, перед самым началом контрнаступления под Москвой. И теперь он заметил перемену обстановки. Странный прибор с открытой крышкой на рабочем столе вождя, потом нечто вроде небольшой радиостанции с телефонной трубкой странной формы и рядами кнопок... Стопки книг и топографических карт в кабинете Сталина были явлением обычным, но тогда было такое впечатление, что в этот кабинет переехал целый книжный магазин, причём букинистический. Присутствовали как старые истрёпанные тома, аккуратно завернутые в газеты, так и новенькие книжки, судя по ярким кричащим обложкам, явно заграничного издания. Товарищ Сталин был утомлён, но в то же время доволен. Действительно, почти завершено второе после Москвы контрнаступление, завершается освобождение Крыма, остатки немецких войск теснятся на Ялтинском пятачке... Но хозяин кабинета не дал маршалу времени на размышления.

- Семён, – сказал Сталин допив чай, – есть мнение забрать тебя из резерва Ставки и поручить одно ответственное дело... Дело высочайшей секретности и государственной важности. Ты согласен?!

На осторожный вопрос Будённого с просьбой объяснить суть дела, Сталин заметил:

– Э, нет, Семён, так не пойдёт. Дело настолько важное и ответственное, что или ты как храбрый человек, соглашаешься, не глядя, и тогда сразу получаешь всю информации, или идёшь, и дальше кукуешь в резерве до следующей оказии. Дело настолько важное и секретное, что даже я не имею права рассказывать тебе о нём, без твоего согласия на участие в этом деле. Ну?!

Видя нерешительность Семёна Михайловича, он добавил:

– Не бойся, ни на Кушку, ни на Чукотку мы тебя загонять не будем, дело боевое, это я тебе сразу говорю. Тем более, что ты в Гражданскую в тех краях уже воевал.

И тогда Маршал Советского Союза, Будённый Семён Михайлович, 1883 года рождения, русский... по кавалерийски махнул рукой, как рубанул шашкой и решился:

– Я согласен!

В резерве Ставки герою Гражданской войны сидеть надоело, хотелось

настоящего дела.

- Хорошо, Семён, слушай.

Сталин вытащил из коробки папиросу "Герцеговину Флор" и стал медленно крошить её в трубку.

– Товарищ Будённый, обстановка на фронтах требует срочно сформировать конно-механизированный корпус нового типа... Ты не ослышался, не конный, не механизированный, а именно двойной... Конно-механизированный. Возьмёшь из резерва Ставки на Юго-Западном направлении три кавалерийских дивизии и две танковые бригады из лёгких танков Т-60... Корпус должен быть готов к бою через десять дней. Перед корпусом будет поставлена задача особой важности, приравнивающая его действия к фронтовому масштабу. Нет, Семён, фронт тебе прорывать не придётся, это для тебя сделают другие люди, причём с обратной стороны. Твоя задача будет – войти в чистый прорыв и устроить немцам такую же весёлую жизнь, какую ты устроил полякам в двадцатом, помнишь?

- Глубокий рейд, – кивнул Будённый. – Скажи, Коба, где и на какую глубину?

Сталин подошёл к висящей на стене карте, и ткнул остро отточенным карандашом сначала в точку под названием Изюм, а потом в Мелитополь.

– Вот отсюда! – Вот сюда! Твоя задача в том, чтобы Клейст не смог отвести за Днепр ни одного танка, орудия или солдата. Вся его первая танковая группа должна навечно остаться в наших степях. В этом тебе поможет бригада полковника Бережного, которая очень успешно показала себя при освобождении Крыма...

- Коба! – воскликнул Будённый, от возмущения встопорщив усы. – Как бригада может помочь корпусу, тем более усиленному почти до армии?!

- Эта – может, Семён! – сказал Сталин, выбивая пепел из трубки. – Рано или поздно ты всё равно узнаешь, так что слушай... Вечером четвёртого января нежданно-негаданно в Крыму объявились наши дальние родственники, троюродные внучатые племянники...

Дальше Семён Михайлович услышал краткую фантастическую историю из тех, что обычно приходят в головы писателей-фантастов вроде Герберта Уэллса.

Утром восьмого января Семён Михайлович уже прибыл в район станции Купянск, куда к полудню подошёл первый эшелон одной из кавалерийских дивизий, прибывшей из района формирования где-то в Сибири. Даже будучи занят процессом сколачивания корпуса, Семён Михайлович не забывал о том разговоре в Кремле и внимательно ловил любую информацию о происходящем в Крыму и на Чёрном море вообще.

Плюс к тому, маршалу СССР в ходе войны удалось узнать то, что простым гражданам СССР станет известно через двадцать, пятьдесят или семьдесят пять лет соответственно... Картина получалась и захватывающей, и пугающей одновременно.

А уж когда этот Бережной со своим ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК выскочил из Перекопа, как чёртик из табакерки, и пошёл на север, по дороге походя затоптав Гудериана вместе со всеми его дивизиями!... В этот самый момент Семён Михайлович понял – пора! И точно, теперь Сталин звонил ему по два раз в день, вникая в каждую мелочь подготовки корпуса к рейду. По его же приказу танковым бригадам были приданы мобильные мастерские, укомплектованные рабочими автозаводов и механиками машинно-тракторных станций. Шестнадцатое, семнадцатое, восемнадцатое, девятнадцатое число прошли в страшной суете. Бережной шёл на север, громя немецкие тылы, проткнув немецкий фронт, как шашка, воткнутая в живот супостата. Ну, а Василевский, сменивший Тимошенко, Будённый, Малиновский и сотни тысяч людей, сами того не зная, готовились к первой операции Красной Армии на окружение и полное уничтожение противника.

Вечером девятнадцатого в штаб Юго-Западного направления пришло известие – Бригада Бережного заняла Лозовую. По прямой от Лозовой до Изюма всего 65 км. Остался последний рывок. В течении ночи 1-й конно-механизированный корпус маршала Будённого скрытно покинул район сосредоточения в районе Купянска и занял исходные позиции в непосредственной близости к фронту.

В шесть часов утра, ещё в полной темноте, Семён Михайлович прибыл на НП дивизии, оборонявшейся южнее Изюма. Чуть позже туда же подъехал генерал-лейтенант Василевский. Все ждали семи часов утра.

Прорыв фронта "с обратной стороны" не походил ни на что, ранее известное. Просто в сероватой предутренней мути на воздух взлетел один из немецких дотов. За ним второй, третий, четвёртый... Невидимые отсюда самолёты бомбили немцев тяжёлыми бомбами с высоты в несколько километров. Необъяснимым образом все бомбы точно попадали в цель, разрушая самые мощные очаги немецкого сопротивления. Через четверть часа самолёты улетели, оставив после себя три десятка дымящихся воронок на место дотов. Далее операция по прорыву фронта продолжилась налётом винтокрылых штурмовиков, которые ещё разок прошли по руинам опорных пунктов огненной метлой... Потом в кармане у генерал-лейтенанта Василевского что-то запищало, и он вытащил продолговатую коробочку из чёрного эбонита чуть побольше пачки сигарет. Неожиданно коробочка рывкнула сиплым простуженным басом с мягким южнорусским

акцентом:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, здесь майор Рагуленко... Будем на месте через пару минут!

- Рация? – подумал Будённый. – Неужели возможно сделать такую маленькую? Наверняка от "внучатых племянников".

- И ты будь здоров, товарищ майор, – чему-то улыбнулся Василевский. – Много немцев-то перебил?

- Та я от самой Чаплинки в головном дозоре прошёл, товарищ генерал-лейтенант, у меня с немцами получается право первой ночи, – коробочка засмеялась. – Это как в анекдоте, "меняем третий забор". Короче, товарищ генерал-лейтенант, мы начинаем. Конец связи.

Через несколько минут полуразрушенные и приведенные к молчанию вражеские опорные пункты с тыла атаковала подъехавшая на танках и немецких полугусеничных тягачах пехота в белых камуфляжных халатах. Причём Будённый не поверил своим глазам – на танках были красные немецкие "фартуки" со свастиками...

Генерал-лейтенант Василевский, наверное, тоже не понял происходящего. Он снова вытащил свою рацию:

– Майор, что за дрянь ты напялил на свои БМП?

- Новая фишка сезона, товарищ генерал-лейтенант, – ответил майор Рагуленко. – Называется "верни немцам долг за Бранденбург". Сейчас, через пять минут, быстренько всех вырежем и готово...

Добивание гарнизонов опорных пунктов продолжалось чуть больше пяти минут. Ещё через несколько минут на той стороне возле небольших железных ящиков начали возиться люди... Потом с грохотом в немецких и наших минных полях возникли четыре широких прохода примерно десятиметровой ширины. Свободная от мин полоса была отмечена чёрной взорванной землей.

Пора!

Поправив на боку шашку, Семён Михайлович Будённый пошёл в прорыв, навстречу своей новой судьбе.

**20 января 1942 года, Вечер. США. Вашингтон. Белый дом.
Президент Франклин Рузвельт и его помощник Гарри
Гопкинс.**

Президент США обращался к своему другу и личному представителю

Гарри Гопкинсу чаще всего тогда, когда предстояло принять важное решение. Так было и на этот раз. Пару дней назад Рузвельт получил очень важную информацию из России. В донесении временного поверенного Соединённых Штатов в СССР шла речь о событиях, которые коренным образом могли изменить ход боевых действий на советско-германском фронте. А, следовательно, и повлиять на судьбы всего мира. Для президента не было секретом, что только русские могли сокрушить мощь чудовищной военной машины Гитлера. Английская мышиная возня в Северной Африке, где "томми" играли в пятнашки с "джерри" вокруг пальм и барханов, не шла ни в какое сравнение с тем, что происходило зимой 1941-1942 года под Москвой. Именно там решалась судьба всего мира. Об этом Рузвельт мог судить по рассказам Гарри Гопкинса, который в самый трудный для Советов момент побывал в Москве, где встречался с самим Сталиным.

Именно поэтому Рузвельт решил срочно вызвать в Белый дом Гарри, чтобы в беседе с ним попытаться разобраться в своих сомнениях, возникших у него после прочтения послания 2-го помощника американского посла Льюэллина Томпсона. Сам посол, Лоуренс Штейнгарт, напуганный немецким наступлением, сначала сбежал в Куйбышев, а потом, после серии панических телеграмм, был отправлен послом в Турцию.

Горри Гопкинс выглядел неважно. Несмотря на то, что два года назад операция по удалению раковой опухоли прошла успешно, смертельная болезнь, похоже, не оставила Гарри и медленной подтачивала его силы. Но Гопкинс был человеком сильным. Нет, не в физическом плане, а в духовном. Он не сдавался и боролся со своим недугом.

- Как твоё самочувствие, Гарри, – участливо поинтересовался президент у своего друга.

- Френки, надеюсь, что ты вызвал меня в Белый дом не для того, чтобы поговорить о состоянии моего здоровья, – ответил Гарри Гопкинс.

- Конечно, Гарри, ты не ошибся. Ведь ты прекрасно знаешь, что к твоей помощи мне приходится обращаться тогда, когда нужно разузнать то, чего не смогут заметить эти надутые индюки из Госдепа. Вот, почитай, что прислал мне из Москвы Томпсон. И вот ещё – это раздобыли наши парни из военно-морской разведки через Турцию. Ознакомившись в первый раз с этими документами, я подумал, что все они тронулись рассудком или начали злоупотреблять крепкими напитками. Почитай, Гарри, и скажи, что ты обо всём этом думаешь?

С этими словами Рузвельт протянул Гопкинсу пакет из плотной

бумаги.

Гарри Гопкинс сел за столик в Овальном кабинете, достал из пакета текст донесения помощника посла, несколько довольно неразборчивых фотографий и сопроводительную записку, написанную военно-морским атташе США при посольстве в Турции. Отложив фото в сторонку, он стал читать. По ходу чтения Гарри несколько раз удивлённо хмыкал, озадаченно тёр затылок, а закончив изучать полученные из Москвы бумаги, принялся рассматривать фото и читать приложенное к ним донесение. Потом Гопкинс пристально посмотрел на президента.

- Слушай, Френки, а не подсунули ли русские нашим парням очередную дезу? Я знаю, что они большие мастера пускать пыль в глаза. Уж больно тут все смахивает на сказку. Что-то вроде волшебной Страны Оз, из которой появились корабли под военно-морским флагом Российской империи и моряки с погонами, от которых большевиков должно трясти, как раввина при виде куска ветчины.

- Нет, Гарри, все это так и есть, – ответил Рузвельт. – Мы перепроверили эти данные по каналам нашей разведки. Всё сходится. Эта таинственная эскадра существует, от неё крепко досталось парням Геринга и 11-й армии Манштейна, которая совсем уже была готова взять Севастополь. И вот, вместо блестящей победы армия потерпела полное поражение, а сам Манштейн сейчас сидит в подвале на Лубянке, где с ним ведут душеспасительные беседы "богословы" из ЧК.

- Из НКВД, – машинально поправил президента Гарри Гопкинс. – Слушай, Френки, но если это всё правда, то тогда Советская Россия за год – полтора сможет окончательно победить Гитлера и стать полной хозяйкой в Европе. Англия – не в счёт. Ей уже никогда не быть достойной соперницей России. Франция – та с задранной до ушей юбкой покорно лежит под немцем и лишь иногда слабо попискивает голосом маршала Петэна, заклиняющего своих почитателей беречь семейные ценности и покорно выполнять все требования оккупантов. Ну, а мы... Мы просто не сумеем и не успеем что-либо сделать в Европе такого, чтобы победители в войне нас пригласили за свой стол. Тем более, сейчас у нас есть куда более насущные вопросы – проклятые джапы с удивительной лёгкостью захватывают колонии британцев, французов и голландцев. Да и нам от них достаётся изрядно. Боюсь, что Филиппины мы уже потеряли. На очереди Гавайи?

Нас спасает лишь то, что у японского командования глаза разбегаются во все стороны: Индия, Австралия, Гавайи, Аляска... У русских есть поговорка, что-то вроде "за двумя кроликами погонишься, ни одного не поймаешь..." Если они и дальше продолжают в том же духе, то у нас есть

шанс успеть мобилизовать всю свою промышленность и задавить джапов. Но без помощи русских война на Тихом океане затянется года до сорок восьмого-пятидесятого. А если им удастся выбить кузенов из Индии, то и того больше...

- Гарри, ты как всегда прав. Поэтому прошу тебя, как своего друга, снова слетать в Москву и попытаться разговорить Сталина. Я хорошо понимаю, что это нелёгкая задача, и Дядюшка Джо умеет хранить тайны.

- Кстати, Гарри, – Рузвельт достал длинный мундштук, вставил в него сигарету, и закурил. – После ознакомления примерно с такой же информацией, старину Винни хватил удар.

Гопкинс удивлённо посмотрел на президента.

– Да-да, Гарри, я не знаю чего там напридумывали аналитики из SIS, но сэр Черчилль не смог пережить всего этого. А ведь он много чего повидал на своём веку, воевал, был в плену у буров, готовился к расстрелу. А вот этого не пережил. Нашей разведке удалось узнать, что его последние слова были о "Втором пришествии".

Поэтому-то ты должен точно выяснить: что происходит на Чёрном море, откуда взялись там новейшие корабли, включая авианосец, самолёты с совершенно фантастическими лётными характеристиками, и что кроется за этим маскарадом с погонями и царским военно-морским флагом. Например, "джерри" на полном серьёзе подозревают нас в организации всего этого. Можешь обещать Сталину всё, что угодно. Во-первых, обещания – это только слова, и потом можно будет от них отказаться под любым благовидным предлогом. А во-вторых, как мне кажется, – а ты знаешь, Гарри, интуиция меня редко подводит, – все затраты потом окупятся сторицей, если мы разгадаем секрет этой эскадры и сможем получить доступ к новейшим технологиям.

Но пряником их помани лишь тогда, когда они, как тебе покажется, пойдут нам навстречу. А если нет, покажи кнут – намекни, что помощь по ленд-лизу может быть ограничена. Или прекращена вообще. Ссылайся при этом на наши трудности на Тихом океане. Хотя, чёрт, без русских нам с джапами в разумный срок не справиться. Если они не поддадутся на твой шантаж, тогда начинай разговаривать с дядей Джо серьёзно. В крайнем случае, меня устроит, если по итогам этой войны Россия и Америка станут двумя равновеликими государствами. Мы в западном полушарии – они в восточном. Доктрину Монро официально ещё никто не отменял.

- Но Френки, – возразил Гопкинс, – тогда мы должны списать кое-что с баланса наших английских кузенов. Если война в Европе не принесёт нам дивидендов, то зачем вкладываться в неё?

- После кузенов останутся Канада и Австралия, – выморочное имущество.

Рузвельт затянулся папиросой.

– Индию Дядюшка Джо наверняка захочет для себя за помощь против джапов.

– В общем, пора в дорогу, Гарри. Сегодня вечером тебя ждёт самолёт в Москву. Короче, торгуйся за каждый цент, и да прибудет с тобой Господь!

21 января 1942 года. Раннее утро. Юго-Западный фронт, ст Лозовая. Командующий 6-й армией РККА генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский

После почти суточного марша передовые части 6-й армии вошли в Лозовую. Было раннее утро, ещё даже не рассвело. Станцию обороняли всего два батальона мехбригады ОСНАЗ генерал-майора Бережного, но ещё вчера вечером введённые в прорыв в первом эшелоне части 6-го кавкорпуса перерезали железную дорогу в тылу у немецкой группировки, штурмующей Лозовую. Когда запахло палёным, немецкая пехота, бросая тяжёлое вооружение, стала стремительно откатываться на рубеж реки Орель. Дорога на Павловград для них была закрыта, станцию и железнодорожный мост оборонял арьергардный комендантский батальон НКВД из состава все той же мехбригады.

А вот у ОСНАЗовцев этого самого тяжёлого вооружения – горы. Пока ехал по станции, видел, что всё свободное место заставлено техникой. Обычной пехоты нет, только моторизованная. И не на полуторках или Зис-5, а на новейших пехотных танках и трофейных немецких полугусеничных тягачах. Даже артиллерия у них не на конной, и даже не на механической тяге, а самоходная. Способна идти прямо в боевых порядках танков и мотопехоты... По названию бригада, а присмотришься – по мощи корпус, а то и поболее... Да и люди особенные: ведут себя спокойно, не суетясь. Кажется, что у половины бойцов немецкие ручные пулемёты. Победители Манштейна и Гудериана, как-никак.

Эмка остановилась у здания станционного вокзала. Именно здесь, как мне сказали на КПП, и находится штаб бригады. Часовой в белом камуфляжном масхалате проверил мои документы и привычно козырнул. На вопрос, как найти генерал-майора Бережного, он только махнул рукой.

– Зайдите, товарищ генерал-майор, и сами всё увидите. В крайнем

случае – спросите.

Внутри было светло,людно, шумно, где-то тарахтел дизель. Я остановился, не понимая, куда попал. Дело в том, что почти половина присутствующих имели вполне белогвардейский вид из-за погонов на плечах. Тем не менее, другая половина представляла из себя командиров РККА, которые не обращали никакого внимания на снующих повсюду поручиков, подпоручиков и штабс-капитанов. Более того, я увидел в этой плотной группе и нового командующего Юго-западным направлением генерал-лейтенанта Василевского. Он-то как сюда успел попасть? Василевский стоял и разговаривал с невысоким худощавым офицером возле стены, где до войны висело расписание поездов, а сейчас была растянута огромная карта района боевых действий.

Штабные операционисты со стремянок наносили на карту текущую обстановку. Вглядываюсь в карту – и захватывает дух. Да, плохи дела у немцев... 17-ю армию Гота бригада ОСНАЗа нашинковала мелкими ломтиками. Разгромлена станция Синельниково, захвачены и удерживаются станции Павловград и Лозовая... А ведь там были все немецкие армейские тылы. Подъезжал – видел: все пути на станции забиты вагонами с германской маркировкой. И судя по карте, конно-механизированный корпус Будённого, пройдя через фронт прямо перед нами, уже подходит к Павловграду, форсирует реку Самару по удерживаемым осназовцами мостам, а после краткого отдыха двинется на Синельниково. Следом за ним движется 5-й кавкорпус Гречко, который за Павловградом должен повернуть на Сталино вдоль левого берега реки Самары. Всё это я ухватил за какие-то секунды, лишь только взглянув на карту. А уже в следующее мгновение генерал-лейтенант Василевский поднял глаза и заметил меня.

- Авксентий Михайлович, – подозвал он. – Знакомьтесь, генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич, командир мехбригады ОСНАЗА.

Мы пожали друг-другу руки.

– Авксентий Михайлович, необходимо как можно быстрее сменить людей Вячеслава Николаевича на позициях. Здесь они своё дело сделали и позарез нужны нам в другом месте... В кратчайший срок нужно перебросить не меньше полка на Павловград...

- Товарищ генерал-лейтенант, – вскричал я, – люди устали, просто с ног валятся. Сутки на ногах! Сюда шли, думали дойдём – хоть отдохнём...

- Александр Михайлович, – как-то по своейски обратился Бережной к Василевскому, – а что если я дам товарищам сотню трофейных тягачей? С отдачей, разумеется. Думаю часа за два – два с половиной, доставим полк

до Павловграда. По пути ещё и выспятся. Вон у Будённого конники на марше в седлах спать умудряются. Или другой вариант – тут на путях пустой немецкий товарняк. Пути мы не разрушали. Прицепим паровоз и домчим вообще за час...

Василевский кивнул.

– Второй вариант лучше, Вячеслав Николаевич. Ваша бригада, причём собранная в кулак, срочно нужна нам под Слávянском. Пока там, под Новоявленкой, только ваш танковый батальон и один механизированный батальон морской пехоты. А этого мало. Один мехбатальон ещё не вернулся после обеспечения прорыва 6-го кавкорпуса из-под Савинцов... Штаб, артиллерийское хозяйство и два мехбатальона пока здесь. Майор Санаев со своими вообще застрял в Павловграде. Так что сдавайте позиции Авксентию Михайловичу и переносите тяжесть операции в район Краматорск – Артёмовск. 37-ю армию надо тоже выпускать на простор. Да, у вашей разведки есть какие-нибудь известия о том куда передислоцировался штаб 17-армии, и сам генерал Гот?

- А никуда... – Бережной махнул рукой. – В ночь перед прорывом через Барвенково, где дислоцировался штаб Гота, прошёл батальон майора Рагуленко, который в своей излюбленной манере – не глядя, набросал трупов и умчался дальше, вскрывать для Красной армии линию фронта. Дело было в два часа ночи, и Гот со своими штабными так и остались валяться на огородах в одних подштанниках. У этого Рагуленко не даром прозвище ещё со старых времён – Слон, давит не глядя...

Оба засмеялись.

А потом генерал-майор Бережной вызвал подполковника Юдина и прикрепил его ко мне для содействия на время передачи позиций. Как наша армия те позиции в районе Лозовой-Павловграда заняла, так и сражалась на них, пока после ликвидации группировки Клейста в середине февраля к Днепру не начал выходить весь Южный фронт. Бригаду ОСНАЗа, как мне стало известно, перебросили под Слávянск, который и был взят к исходу 22 января, когда конно-механизированный корпус Будённого уже рубил и давил немцев под Запорожьем, а перешедший в наступление Крымский фронт занял левобережье Днепра южнее Каховки.

Очень сильно нам помог совет генерал-майора Бережного собирать на поле боя и брать на вооружение немецкие пулемёты. Благодаря этому наша пехота легко отбивала атаки немецкой пехоты, которую в силу крайнего истощения не могли поддержать их танки и авиация. В те горячие дни нас так и не смогли сдвинуть с тех рубежей, которые нам оставили бойцы ОСНАЗа. Наши бойцы их ещё расширили и углубили, в результате чего

смогли вполне успешно выполнить боевую задачу, отбивая одну атаку немцев за другой.

21 января 1942 года. Утро, 07:55. Окрестности посёлка Новоявленная. Майор морской пехоты Сергей Рагуленко.

Вместе с танкистами майора Дервянко мы ворвались в этот населённый пункт на рассвете. Со стороны Барвенково вот-вот должны были подойти передовые части 1-го кавкорпуса генерал-майора Пархоменко, может, того самого, который, герой гражданской войны... Вспоминаю: нет, не того. Того звали по-другому, да и погиб он в 21-м в бою с махновцами. Но и этот на Гражданке у Будённого до комполка дослужился, а значит тоже, того, герой. Хотя, по моему скромному разумению, на такой паскудной войне как Гражданская не может быть героев. То ли дело сейчас!

Кроме 1-го кавкорпуса в наш район должна выйти и 15-й танковая бригада полковника Колосова. Именно им мы и открыли дорогу с дальнейшей задачей совершить охват Славянской группировки противника через Краматорск и Артёмовск.

День обещает быть жарким. Естественно, в чисто боевом смысле. Мы тут должны перекурить, осмотреть технику, дожждаться товарища Пархоменко, чтобы в село в наше отсутствие не проникла какая дрянь, и к полудню перерезать железную и шоссейную дорогу Краматорск-Константиновка в районе разъезда Дружковка. Из Сталино, которое в наше время именуется Донецком, в направлении Славянска всё время идут подкрепления. А вот это безобразие командование требует прекратить любой ценой.

Ночью по колоннам работали вертушки, да так, что любо-дорого было смотреть – зарево виднелось километров за пятьдесят. Мы думали, бензовозы горят, а оказалось – танки. Какой дурак привязывает над моторным отсеком бочки и канистры с бензином? Спросил майора Дервянко – так и есть, немцы возили горючее таким экзотическим способом, по крайней мере, в начале войны. Когда канистры, а когда и бочки.

Вот наши летуны их и наказали за нарушение правил пожарной безопасности, просто прочесав колонну с кормовых углов из пулемётов... Говорят, все "Штурмы" обратно привезли, ни один не понадобился.

Сгорели немцы на собственном горючем. Но это не последняя колонна, да и пехоту с артиллерией так просто не возьмёшь. Пока ждём кавалеристов, механики проверяют ходовую часть, а мы с ребятами решили прогуляться по посёлку.

Первое впечатление – мёртвая тишина. Нет обычного для деревенских краёв собачьего лая. Ведь, как бывает обычно? Пробежала кошка, и весь собачий бомонд в полный голос обсуждает это событие. А тут нет ничего, проклятые фашисты перебили всех тузиков и шариков. И правду писали, что немцы собак ненавидят больше, чем евреев и комиссаров, вместе взятых.

Под сапогами хрустит снежок, мороз градусов десять. На площади перед сельсоветом обычный для истинных арийцев "аттракцион" – виселица. Вот она, культура, которую нам несут европейские цивилизаторы. Обычно мы снимали казнённых подпольщиков, красных командиров и просто людей, недовольных новым порядком, и отдавали тела для погребения местным жителям.

А их место на виселице потом занимали всякие бургомистры и полицаи. Причём доказательств их преступной деятельности было больше, чем достаточно. Так что трибуналу не особенно много приходилось напрягаться. Время военное, сотрудничество с оккупантами налицо, так что – милости просим в петлю. Прочувствуйте сами на своей шее, что чувствовали те, кого вы с таким холуйским рвением казнили, выслуживаясь перед хозяевами. И не получают они за это десять лет лагерей, как другие "жертвы сталинизма", и не будут потом рассказывать доверчивой молодёжи об "ужасах ГУЛАГа". Особую ненависть вызывали всякого рода "переметнувшиеся", то есть бывшие сотрудники партийных и государственных органов СССР, перешедшие на службу нацистам. Танкисты мне рассказали, что после нас в Барвенково одного такого подвесили не за шею, а за ноги. Долго сдыхал, собака.

Там же был штаб 17-й армии Гота, а я и не заметил. Темно было, проехал, всех подавил, пострелял и двинулся дальше к фронту. А танкёры Деревянко туда после нас вышли и навели порядок. В этом населённом пункте находился офицерский бордель, куда фрицы собрали наших самых красивых женщин из числа военнопленных. Насиловали их там страшно.

Подходим к сельсовету, а стало быть и к виселице... С сельсовета немецкая тряпка уже сорвана. И развевается над ним наш советский флаг. Под виселицей рядком на снегу четверо казнённых. Двое мужчин, женщина и ребенок. У женщины с ребенком таблички "юде", у мужчин – "партизан". Европейская культура во всей её красе. Даже трудно понять, как долго они

тут провисели – зима.

Капитан Топчиев, командир разведвзвода в моём батальоне, а по совместительству военный дознаватель, приносит нам на подпись три дела. Вот они голубчики, топчутся под виселицей, двое в штатском с белыми повязками и немецкий офицер, длинный как жердь. Они по идее и должны занять под перекладной место честных советских граждан. Но нельзя... Есть закон, который требует, чтобы этих гадов судили. Хорошо хоть пгавозащитников тут не наблюдается. А немец-то как попал в эту компанию? Читаем. Так, бургомистр, начальник полиции, показания односельчан... В топку обоим, в смысле, под трибунал. Подписываем дела, почти не глядя. Так, немец... Рихард Ратцингер, обер-лейтенант, изнасиловал тринадцатилетнюю Люду Афанасьеву, а когда мы ворвались в село, то застрелил её и попытался скрыться. Был опознан среди военнопленных родителями девочки. Конечно и, безусловно, герр Ратцингер никакой не военнопленный, а банальный убийца и насильник малолетних. И ничего, что в РФ для этих уродов нет смертной казни – здесь-то есть.

Подписываем и эту бумагу. И теперь, "по уставу", мы должны доставить этих уродов в Лозовую, где сейчас находится штаб Юго-Западного фронта и все его службы, включая и трибунал. А это простите шестьдесят километров по прямой, и больше ста со всеми дорожными загогулинами. Транспорта для перевозки арестованных у меня вообще нет, так что мне теперь, для этих гадов вертушку вызывать? А не жирно будет?

Подзываю к себе капитана и излагаю ему свои соображения. В ответ он кивает, согласен значит, что с доставкой арестованных в трибунал у нас напряженка. Тогда делаю капитану предложение, от которого он не может отказаться.

– Товарищ капитан, не лучше ли будет, если немец, к примеру, нападет на конвой, а эти два холуя немецких попробуют в это время бежать?

Капитан кивнул. Решительным шагом Топчиев подошёл к обречённой троице и приставил свой ППД к солнечному сплетению обер-лейтенанта

Ух, как завыл, задёргался юберменш, когда понял что его сейчас, того... Ему-то фюрер совсем другое обещал. Ничего – придёт час, мы и его фюрера достанем. Бойцы Топчиева распутывают герру Ратцингеру руки, тот пытается немеющими пальцами схватиться за ствол автомата... Короткая очередь в упор – готов! Бойцы пинками посылают двух изменником в забег без финиша, и через несколько секунд стреляют им в спину. Все, приговор приведен в исполнение. Мы только начали свой освободительный поход, а по пути до Ла-Манша у ребят будет богатая и

обширная практика. Надо перебить ещё столько всякой сволочи, что выслуживалась перед оккупантами.

Через несколько минут читаю объяснительную капитана о произошедшем ЧП с арестованными. Он там пишет, что эти гады напали на конвой с целью захвата оружия и пытались бежать. Подписываюсь. Трибуналу меньше работы, да и лишние бумаги плодить ни к чему.

Конники Пархоменко, их передовой кавполк, вошли в посёлок ближе к десяти часам утра. Сам генерал-майор Феофан Агапович Пархоменко был в первых рядах. Обменявшись с ним приветствиями, мы передали кавалеристам позиции, а сами на полном ходу рванули к Дружковке. Двадцать пять километров по снежной целине.

Вышли мы на позиции удачно, то есть своевременно. Со стороны Сталино к полустанку подходит огромная колонна мотопехоты, самоходок, артиллерии. Жирная чёрная змея из грузовиков и тягачей чётко видна на белом снегу. Разворачиваемся в боевой порядок, сначала танки, потом БМП, а уж потом тягачи с пехотой. Танки и БМП открывают огонь по немцам с двух километров. Ахт-Ахтов в этой каше, кажется, нет, так что занятие сие почти безопасно. Рвутся снаряды, пылают грузовики. Немецкие расчёты пытаются отцепить и развернуть орудия, но попадают под прицельный огонь наших автоматических пушек. Стреляют из своих 30 мм орудий по наземным целям и сопровождающие нас "Панцири".

Несколько минут такого обстрела, и звучит команда "вперёд". Танки рвут с места, следом трогаются БМП и полугусеничники. Несколько уцелевших "колотушек" открывают по нам огонь, но их быстро давят. Кажется, у одной тридцатьчетвёрки сбита гусеница, ещё одна застыла неподвижно, но не горит. Стараемся выжигать эту дрянь из автоматических пушек. По счастью, фаустпатрон немцами ещё не изобретен, так что пехота перед нашими танками почти бессильна, а позади нас разворачивается наша родная пехотная цепь, и ревёт флотская "полундра". Аллес!

Танки дошли до дороги, и начинается бойня. Суки! А как они наших так же в сорок первом давили? Потом туда же сваливаемся мы, начинается куча мала. Убегающих и отстреливающихся перебили, сдавшихся почти не было. На небольших бугорках справа и слева от дороги начали оборудовать опорные пункты. Ротные сапёры трофейными тротильными шашками рвали мерзлую землю, глубина промёрзания – до 30 см. Дальше стало легче, бойцы вгрызались в землю по уши, ибо только это сделает нашу оборону неприступной, если Клейст бросит сюда ещё подкрепления. В конце концов, он только начал скрести у себя по сусекам. Здесь, на этих позициях мы будем ждать сбора бригады, потом сдадим их 255-й

стрелковой и рванём дальше.

**21 января 1942 года. Вечер, 20:45. Разъезд Дружковка.
Командир бригады генерал-майор Бережной.**

Сражение за Дружковку теперь должно войти в анналы военной истории. Вообще-то я шучу, но в каждой шутке есть доля истины. Рубка идёт страшная, пожалуй, блекнет даже наше дело под Саками. Клейст бросает к Слávянску все, что может найти под рукой. Но в нашей редакции событий времени и сил у немцев куда меньше.

Во-первых, операция развивается значительно быстрее, а ночной разгром штаба 9-й армии в Барвенково привёл к тому, что управление войсками утеряно, и начался хаос. При этом наши умудрились потерять командующего армией генерала Гота. То, что он не ушёл живым – это точно. Скорее всего, его неопознанный труп лежит в чьём-то огороде в одной ночной рубаше. Кроме того, в захваченной нами Лозовой находились все тыловые службы армии Гота. В том варианте истории у немцев было почти две недели на эвакуацию тылов в Павлоград и Синельниково. А наш удар из глубины их собственных тылов лишил противника, как раз, в первую очередь всех запасов.

Зато мы пополнили свои запасы патронов под трофейные пулемёты, рембатовцы разжились запчастями к трофейной технике. У нас с товарищем Сталиным уже был разговор на эту тему. Трофеи – это паллиатив, вынужденная мера. Необходимо иметь свою технику аналогичного назначения, приспособленную к нашим условиям. По снежной целине этот полугусеничник, не идёт – вязнет. Сначала трассу для него должны укатать танки и БМП, а уж потом он сможет по ней пройти. Наступит весна и, как я понимаю, станет ещё веселее. Но сейчас речь идёт не о мобильности.

Уже двенадцать часов мы насмерть стоим под этим разъездом, перемалывая все, что бросает против нас Клейст. Передо мной лежит карта, и синие стрелы на ней направлены в сторону Слávянска. Как и в тот раз, Клейст перебрасывает резервы на север, чтобы удержать за собой этот железнодорожный узел. Только мы опередили его в темпе и сумели перерезать как шоссейную, так и железную дороги. Сейчас на позициях... Нет, смотреть это дело надо своими глазами.

Набрасываю на плечи "осназовскую" утеплённую куртку и выхожу из

штабного кунга. Если верить пленным, то немцы нас уже начали узнавать именно по нашему камуфляжу. И если свидетелей наших крымских походов почти не осталось, то тут масштаб совсем иной, мы слишком заметны. Надо будет или всю Красную армию переводить на нашу форму, или нам примерять их ватники и командирские полушубки. Три бойца личной охраны, закреплённых за мною майором госбезопасности Санаевым, тенью двинулись за мною следом. Положение обязывает

Комбата-4 я нашёл на его НП, который находился прямо перед разъездом у железнодорожной насыпи. Несмотря на наступившую темноту, а может быть и благодаря ей, бойцы с тяжёлым хеканьем продолжали зарываться в землю. Бойцы, бойцы, бойцы... пятнистые куртки морпехов из будущего, чёрные бушлаты черноморских моряков... Но больше всего ватников цвета хаки бойцов из подкрепившего нас после полудня полка 255-й стрелковой дивизии.

Мы вместе отбивали немецкие атаки, а ближе к вечеру один раз даже дошло до того, что пришлось резаться на штык с озверевшими немецкими гранадёрами. Это была их последняя атака за сегодня. Никогда не верил, что немцы ходили в атаку пьяными... Теперь убедился – ходили. А вот ответная контратака была откровенной дуростью. Когда немцы, не выдержав схватки, дрогнули и побежали, бойцы нашей бригады, подхватив своих раненых и убитых, заучено скатились в окопы, готовые проводить противника свинцом. Мы не зря готовились к этой операции – прошедшие наш учебный лагерь под Армянском черноморские моряки нас не подвели, не поддались первому порыву, а дисциплинировано выполнили команду. Когда же наши бойцы уже были готовы открыть огонь, то с ужасом и отчаянием увидели, как наша героическая пехота, двадцатилетние стриженные пацаны, уставив перед собой винтовки с примкнутыми штыками, погнались за убегающими фашистами. Немецкие пулемётчики на флангах не упустили своего шанса... Пулемётный перекрёстный огонь – это страшно. Особенно страшно то, что с военной точки зрения эта дурацкая контратака была ни к чему. Из сотни с лишним бойцов вернулось не больше десятка. И среди них – тот самый капитан, который устроил этот кошмар.

Как сейчас помню: прямо в окопе, на глазах у бойцов, я его по морде – хрясь! С моей спецподготовкой мог бы убить сразу, поэтому старался сдерживаться.

- Тебе, – спрашиваю, – сука позорная, кто такой приказ давал?

Поднял за шиворот, глаза шальные, морда в крови, и ещё раз добавил – с другой стороны, для симметрии.

Тут и Санаев прибежал на шум, Леонид наш, Ильич, тоже. А где майор ГБ появляется, там шум прекращается, сразу наступает тишина и благолепие. Вот так воспоминание...

Майор вежливо поинтересовался, в чём тут дело, что за шум... Я, честно говоря, так впервые сорвался. Наши выучены, а у моряков с дисциплиной куда лучше – на море без этого нельзя. Ну, я и сорвался.

– Я, – говорю, – каждого бойца берёг, даже одного за сотню немцам жирно будет! А этот козёл свежую роту непонятно зачем под пулемёты... Герой хренов!

Через час был трибунал, и капитана расстреляли... И поделом! Будь на его месте молоденький лейтеха, ну, дал бы в морду, ну, обматерил бы, ну, заставил бы писать восемьдесят шесть похоронок с приложением высокохудожественного письма. Но капитан – кабан матёрый, должен понимать, что не в войнушку играет. Такому если власть дать – потом наплачемся. Ладно, помер Трофим, ну и хрен с ним!

С командиром полка я потом поговорил серьёзно. Или он пляшет вместе с нами, или никакого дела не выйдет. Их нам придали для усиления, а не для исполнения номеров художественной самодеятельности со смертельным исходом. Пусть спасибо скажут, что выпал глубокий снег, и без дорог немец вязнет. Вы спросите, откуда снег? Отвечу: дожди, которые шли под Саками, здесь обернулись снегом по пояс, и немец вынужден тупо переть вдоль дорог. Тем более, что все попытки движений по целине тут же засекались нашей авиаразведкой, и хитрецы получали "горячий привет" с воздуха. Причём не обязательно от наших.

По моему совету Ставка, а точнее Сталин, перебросили из Средней Азии несколько штурмовых авиаполков И-153 последних серий. Как истребитель этот биплан устарел в корне, но как штурмовик он ещё на что-то годился. Всё-таки восемь РС-82, четыре скорострельных пулемёта ШКАС. По бредущей в колоннах пехоте самое то... Бронирование никакое, зато по манёвренности у земли эти самолёты уступает только ударному вертолёту. И одно правило, которое вбивалось командирам полков и эскадрилий: только одна атака на предельно малой высоте! Обкидали колонну эрсами, простегали из пулемётов – и домой. На второй или на третьей атаке вас запросто собьют к чёртовой матери. А завтра кто полетит бомбить и штурмовать – Пушкин? Если остался БК, лучше найди ещё каких-нибудь непуганых несчастных и оторвись на них.

Тот, кто следовал этому нехитрому правилу, выжил и летает. Остальным – не повезло! Ведь лётчик-штурмовик он, во-первых, атакует на такой высоте, что парашют ни на что не годен – слишком низко. А, во

вторых, приземляться придётся рядом с только что атакованными немцами... Лучше сразу застрелиться – над сбитыми пилотами фрицы лютуют страшно.

Правда, бывают и счастливые случаи. Вот, вчера, пара из Ка-52 и Ка-29 возвращалась с охоты: командирские легковушки, штабные автобусы, посыльные мотоциклисты – эти особенно. Ведь наша РЭБ работает, радиосвязь мы Клейсту глушим капитально.

И вот, возвращается такая пара с охоты, ребята злые, как собаки, ибо все цели только внутри колонн. Не как в первый день, когда сапёрного полковника с адъютантом внаглую украли. Я ведь этот рапорт утром читал. Осторожен стал немец, осторожен. Ну, наши летуны НАРами легковушку разнесли, но ни пленных, ни бумаг с этого не получили. Взяли обратный курс на временную базу в Барвенково, и тут сюрприз... Километрах в полутора от дороги подбитый "курносый" чадит и герой-лётчик из табельного нагана собирается отстреливаться от наседающего немецкого пехотного полка.

Ну, наши летуны быстро объяснили немцам, что "здесь вам не тут", и пока капитан Кратов с "Аллигатора" крыл залегших немецких топтунов короткими очередями из своей 30 мм пушки, экипаж Ка-29 мастерски снизился и подхватил прятавшегося за своим аэропланом лейтенанта. Растерянным немцам осталось только нюхать конский топот, да собирать из сугробов своих убитых и раненых. Хорошо то, что хорошо кончается...

Как оказалось, расстреляв все эрсы, лейтенант Семёнов Василий Васильевич решил добавить немцам из пулемётов. А уж это было совершенно лишним – именно на втором заходе и подловили его немецкие зенитчики. Втык он от своего командования получил страшный, ведь каждый самолёт, даже такой как И-153, на счету. Будет теперь вечно дежурить по аэродрому, как "лейтенант Кузнечик" в одном широко известном в наши времена фильме.

Вот и НП, он же сейчас КП. Вхожу в дверь, пригнув голову. Смотровые амбразуры прямо под потолком, наблюдение только через перископы и стереотрубы. Фантазмагорическое сочетание – коптилка, заправленная трофейным керосином, и запитанный от аккумулятора пучок светодиодов под потолком. Командир батальона капитан Хон окончательно похудел и стал похожим на змею. Тут же мой начальник разведки, капитан Бесоев. Перед ними на немецком бочонке из-под керосина связанный немецкий офицер. Судя по всему, идёт допрос, по схеме: "ужасные восточные варвары сейчас живьём съедят бедного европейского мальчика". Европейский мальчик кажется того – в шоке! Права коренного арийца

нарушены и мир перевернулся.

Я кашлянул.

– Пытаете истинного арийцы, кровавые сталинские сатрапы?

Капитан Бесоев обернулся и расплылся в улыбке.

– А как же, товарищ генерал-майор! -Разрешите продолжать?

- Продолжайте.

Пприсев на край стола, я с интересом посмотрел на немца.

– Откуда это чудо, товарищи капитаны?

Бесоев кивнул.

– Как стемнело, выслал в разведпоиск несколько смешанных групп, наших пополам с местными. Вот Степанов одного притащил. Остальные пока в поле.

- И что глаголет эта белокурая бестия? Грозит гневом фюрера и карой Нибелунгов? – усмехнулся я.

Бесоев прищурился.

– Сначала вроде того... Но вот Паша, простите, капитан Хон, показал, что иголки можно совать не только под ногти... В общем, клиент был впечатлен. Вы не поверите, товарищ генерал-майор, но немца зовут Пауль Греф, обер-лейтенант, артиллерист. В результате первого допроса удалось выяснить, что немцы снимают артиллерию с южного фланга, с Миус-фронта, и перебрасывают к нам. Причём в колоннах все идёт вперемешку, как уже готовый колбасный фарш... Пехотные взводы россыпью, отдельные боеготовые танки, артиллерийские батареи. Мне кажется, что Клейст запаниковал.

По дороге их изрядно пощипали наши "курносые" и ужасные "летающие мясорубки". Клиент говорит, что едва остался жив, когда в зарядный ящик орудия попал реактивный снаряд...

Бесоев отхлебнул чая из кружки.

– Теперь дальше, – лицо капитана стало серьёзным. – Остальные наши группы пока ползают. Сведения, полученные воздушной разведкой, частично подтверждены. Наблюдение за перебрасываемыми войсками показывает, что основной удар немцы наносят по кратчайшему пути через нас на Краматорск, вдоль железной дороги. В контрударе участвует сборная солянка, готовых резервов у Клейста нет. Часть его сил мы перемололи, когда вырывались из Крыма, часть после нашего рейда он веером направил на Павлоград, Синельниково, Запорожье, Каховку и снова к Перекопу, пытаясь восстановить контроль над железной дорогой. Распыление сил получилось великолепным, а нас там уже нет.

- Выводы, товарищ капитан? – усмехнулся я.

- Выводы простые, товарищ генерал-майор. Опираясь на наблюдаемую картину и результаты расшифровки радиоперехвата, считаю, что если разгром Гудериана и наша пробежка по тылам в стиле его же имени была для немцев неожиданными, то наш поворот от Барвенкова на Краматорск стал неожиданным вдвойне. По всем канонам, мы должны были встать в районе Барвенково-Лозовая, на неделю, не менее, для пополнения и отдыха.

«Да, – подумал я, – сейчас "херр генерал" в шоке и бросает в костер всё, что попадает под руку. Наши же части подходят и садятся в оборону по правому берегу реки Самара и на участке Дружковка-Артёмовск. Мы не рвёмся любой ценой к Красноармейскому. Зачем, если эта рокада уже перерезана у Павлограда? Сегодня ночью наши неугомонные майоры Рагуленко и Деревянко ударом с тыла вскроют немецкий фронт в полосе нашей 37-й армии, и немцы в Славянске попадут в кольцо. Бойня, конечно, будет страшная – опыта уличных боёв у наших ещё нет. Но без сомнений, через несколько дней Славянск будет взят...А это значит, что наши получают возможность снабжать войска в Барвенково-Лозовском выступе по железной дороге».

Я хлопнул в ладоши.

– Паникуют – так это очень хорошо! Отбери людей – устроить немцам тёмную и танец с саблями. Они, наверное, ещё к нашим ночным концертам не привыкли. Значит, будем приучать...

Тогда же и там же. Командир пулемётного взвода старший сержант Кукушкин Игорь Андреевич.

Вот пуля пролетела, и ага! – пулемётный взвод, это вам не шутки. Это три десятка бойцов, моё старое отделение, и два десятка черноморских моряков, два немецких полугусеничника, два пулемёта "Утёс", один АГС "Пламя" и десять трофейных МГ-34... И если первое слово нам почти никогда сказать не удаётся, то второе и третье точно уж за нами.

Чем хорош "немец"? Ну, до "Печенег" он, конечно, не дотягивает, но расчёт с ним куда мобильнее того же "Утёса" или, упаси бог, "Максима". А бегать приходится частенько. Что касается патронов, то этого добра у немцев навалом. Восемь из десяти немецких зольдатиков бегают с винтовкой Маузера, патроны от которой подходят и к пулемёту. Какая лажа, когда в нашем времени в каком-нибудь кино немецкая цепь была поголовно

вооружена "шмайсерами". Увидишь "шмайсер", или, если правильно, МП-40 – значит унтер или герр офицер, что равносильно смертному приговору. В первую очередь сие довели до снайперов и до нас – пулемётчиков.

Но разговоры разговорами, а то, что стреляные гильзы дно окопа в ...цать слоев застилают, так это не дело. Ведь на всём этом и навернуться недолго. Вот мои ребята взяли веники и метут. Ну его на..., у одного уже гильзы под ногами покатались, сел с размаху на копчик. Пока заметаем в отнорок траншеи, а там дальше видно будет.

- Товарищи бойцы...

Оборачиваюсь, а у меня за спиной мужик... Посветил под ноги фонариком – полушубок, шапка ушанка, по шпале в петлицах, носатый. Где-то я его видел... Или его портрет... Блин, он там ещё с трубкой был... А кто это с ним? Замполит наш бригадный, который "просто Ленья". Обалдеть!

- Здравия желаю, товарищ комиссар 3-го ранга! Пулемётный взвод четвёртого батальона производит уборку рабочих мест после трудового дня. Расход боеприпасов – сверхплановый. Жалоб и замечаний со стороны противника не имеется. Докладывал исполняющий обязанности командира взвода старший сержант Кукушкин.

- Вольно, товарищ старший сержант! – Брежнев повернулся к своему спутнику. – Смотрите, Константин Михайлович, какие шутники?! В гильзах по колено стоят.

Носатый заговорил.

– Товарищ старший сержант, – такого крутого прононса я не слышал даже в самых крутых "одесских" анекдотах моего времени, – скажите, что вы думаете о сегодняшнем дне?

Я впал в ступор.

– Не понял, вопроса, товарищ капитан?

На помощь носатому пришёл Брежнев.

– Это товарищ Симонов, журналист, корреспондент "Красной Звезды". Он хочет знать, что думаете о войне вы, её простые рабочие.

Моему удивлению не было предела, я конечно знал, что Симонов намертво прицепился к нашей бригаде, но чтобы во так запросто по окопам в сопровождении Ильича!.. Нет, сам товарищ бригадный комиссар в первой линии бывал постоянно, причём не только в минуты затишья. Личной храбрости, боевого духа и способности сказать бойцам "делай как я", у этого человека не отнимешь. Хотя и Симонов в Белоруссии в окружении побывал, выходил в боевой поход на подлодке. Скажу ему, может поймёт?

- Товарищ военный корреспондент, – я махнул рукой в направлении нейтральной полосы, – вон там, в степи, лежат немцы. Ещё утром они жрали, гадили, считали себя расой господ, а свои трудности временными. Теперь они лежат в снегу и им больше ничего не надо. Они уже получили свои полтора квадратных метра украинского чернозема, и им его вполне достаточно. Чуть дальше окопались их "кригскамеры". Они пока живы, пьют шнапс и жрут консервы, но это ненадолго, поверьте. Завтра мы успокоим и этих. Они, товарищ Симонов, не защищают свою Родину, своих матерей и невест. Они пришли сюда грабить, грабить и ещё раз грабить. Грабёж – вот высшая форма существования арийского организма...

Опустив глаза, я увидел, что присевший на дно траншеи Симонов зажал между плечом и щекой маленький фонарик и что-то яростно строчит карандашом в блокноте.

– Поголжайте товарищ Кукушкин, поголжайте, – промычал он, поднимая на меня глаза...

И тут на меня буквально навалился Брежнев, пытаюсь раздавить в объятьях. Правда целоваться не стал, видно ему уже объяснили, как это воспринимается в наше время.

– Как сказал, сержант! Прямо припечатал! Грабеж – высшая форма существования арийского организма... В гранит, в бронзу, в мрамор!

Эх, с мысли сбил, товарищ Брежнев, тайный гомосек ты наш. Да и Симонов, видно, понял, что продолжения не будет. Хотя... Нет, не надо. Или надо?

- Товарищ Симонов, послушайте...

Я напряг память, как-никак он один из моих любимых поэтов.

*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.*

*Так хотел он, его вина, –
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.*

*Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья*

Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!

Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

- Замечательно! – всплеснул руками Симонов. – Кто написал такие замечательные стихи?

Я посмотрел на Брежнева, тот утвердительно кивнул.

- Вы, товарищ Симонов, вы и написали! – ответил я, отвернувшись, чтобы не видеть его ошарашенной физиономии.

Из-за поворота траншеи, чуть не сбив Брежнева с ног, выскочил командир первого отделения моего взвода, сержант Алёшин. Наверное, что-то случилось?! Я-то посылал его к комбату с донесением и заявкой на патроны. А он обратно несётся так, будто за ним гонится сам Гитлер с Герингом впридачу.

Даже не переведя дух, Алёшин торопливо козырнул Ильичу.

– Товарищ бригадкомиссар, разрешите обратиться к товарищу взводному?

Дождавшись утвердительного кивка, Леха выпалил на одном дыхании:

– Птиц, то есть товарищ старший сержант, тебя там комбат на НП зовёт. Срочно!

Он оглянулся и, видя, что Брежнев с задумчивым Симоновым пошли дальше по траншее, яростно зашептал мне прямо на ухо:

– Слышь, Игорех, я не я буду, если папа что-то там не задумал. Ночью немцам, кажется, будет концерт...

Та-ак. Я осмотрелся по сторонам.

– Лёх, остаешься за старшего. В первую очередь набивайте ленты, сколько хватит патронов. Если ты прав, они нам понадобятся.

- Немкам тоже? – шёпотом переспросил Алёшин.

- Им в первую очередь. Если будет вылазка, то "Утёс" с собой тяжело таскать будет, а вот МГ-шки в самый раз...

И, хлопнув старого друга по плечу, я почти бегом направился в сторону НП.

22 января 1942 года. Ночь, 03:35. г. Сталино, штаб 1-й

танковой армии вермахта

- Господа, положение просто катастрофическое, – генерал-полковник Эвальд фон Клейст обвёл собравшихся тяжёлым взглядом. – Господа генералы, должен сообщить вам пренеприятнейшее известие. Только что получено донесение разведки о том, что конно-механизированный корпус Будённого с ходу взял Синельниково и движется к Запорожью. Впрочем, обстановка наверняка уже снова изменилась, и не в нашу пользу. Синельниково было захвачено почти двенадцать часов назад, а известие об этом получено только сейчас. Русские научились создавать весьма эффективные помехи радиосвязи.

– Но, господа генералы, это лирика. А суровая реальность заключается в том, что в результате решительных и дерзких ударов большевиков мы оказались окончательно отрезаны от 6-й полевой армии генерал-полковника Паулюса. Кроме того, полностью разгромлена 17-я полевая армия, генерал Гот пропал без вести. Оставим пока в стороне вопрос, как такое могло произойти. Хотя хотелось бы послушать мнение наших многоуважаемых коллег из абвера... Я спрашиваю, как так могло получиться, что рейд большевистской механизированной группы оказался для нас абсолютно внезапным? Про накопление сил красных в районе Изюма и Славыанска мы знали, и ждали удара именно оттуда. Как могло получиться, что сводная кампфгруппа генерал-полковника Гудериана оказалась полностью уничтоженной? – стек фон Клейста указала на начальника разведки 1-й танковой армии. – Молчите, герр Лозе?! Ну-ну, молчите дальше!

Полковник абвера вскочил, и вытянулся в струнку.

– Герр генерал, нашей службе удалось узнать, что сводная механизированная группа полковника Бережного впервые начала действовать 4 января на Евпаторийском плацдарме. Сведения крайне отрывочные... После успеха у Евпатории большевики берегут тайну этой группы как зеницу ока. Тем более, что абверкоманда 11-й армии погибла полностью...

- Хватит! – зло выкрикнул Клейст, развернувшись в сторону группы танкистов. – Оберст-лейтенант Клозе лично побывал на том месте, где русские уничтожили кампфгруппу Гудериана. Расскажите этим господам – что вы видели!

- Это страшно, господин генерал-полковник. Судя по расположению сгоревшей техники, наши танки только начали развёртывание из походной

колонны. Русские расстреляли их из чего-то калибром в десять – двенадцать сантиметров и пошли дальше. Ни одного сожжённого русского танка, хотя мои люди нашли следы того, что некоторым из них пришлось ремонтировать перебитые гусеницы. Следы, господа, следы могут рассказать вам многое, даже если земля промёрзла и звенит как камень. У этого Бережного не так много техники, но он мастерски её использует. Мы думаем, что это человек из эмигрантов, офицер старой школы, может даже наполовину или полностью немец. В его бригаде царит жёсткий порядок, столь нехарактерный для военных частей большевиков. Только истинный ариец мог спланировать и провести такую операцию.

- И об этом вам тоже рассказали следы? – скептически заметил командующий 14-м моторизованным корпусом, генерал от инфантерии Густав фон Вительсхайм.

- Именно следы, герр генерал. Я не зря командовал когда-то разведбатальоном 1-й танковой дивизии. Иначе, как объяснить, что многоопытнейший генерал Гудериан попался в такую ловушку? Пока он разворачивал свои "ролики" против головного отряда большевиков, две большие группы танков обошли его основные силы по целине и ударили по неприкрытой колонне с мотопехотой и артиллерией.

Стреляли с расстояния почти в полтора километра. Именно там мы нашли гильзы калибром десять и три сантиметра неизвестного доселе образца. Вы знаете, что делает с "двойкой" десятисантиметровый фугас? Разрывает на куски, герр генерал! У наших артиллеристов и панцергренадёр не было ни одного шанса.

И ещё, господа, обратите внимание: шестнадцатого утром его группа прорывает оборону нашей 100-й легкопехотной дивизии на Перекопе и начинает движение в сторону Каховки. В полдень она ведёт бой с выступившей ей навстречу кампфгруппой Гудериана и полностью её уничтожает. К вечеру шестнадцатого мы теряем связь с Каховкой... Теперь там сводный большевистский полк из бывших пленных, которых этот Бережной вооружил нашим же оружием. Врачи в наших полевых лазаретах вытаскивают из тел немецких солдат пули нашего же немецкого образца. А уже в ночь с девятнадцатого на двадцатое они громят тылы и штабы 17-й армии и выходят к Изюму. Такой марш по нашим тылам, в метель, за четыре дня, – это просто невероятно!

- Здесь, под Краматорском, творится то же самое, – пожал плечами командир 3-го моторизованного корпуса генерал-полковник Эберхард фон Маккензен. – Мои части, выдвинутые к Слavyанску, на полпути напоролись на полевую оборону, кстати, весьма толковую. Там у большевиков в цепи

просто до неприличия много наших же пулемётов, и они совершенно не жалеют патронов, стреляя из них в наших солдат. Скорее всего, вы правы, герр оберст-лейтенант: этот Бережной должен быть из старых офицеров, тех, кто помнит траншейные бои и то, как в Великую войну за четверть часа пулемётами целые полки сдувало в преисподнюю.

- А чего им жалеть наши патроны, – проворчал фон Клейст, – ведь в Лозовой и Барвенково к ним в руки попали все армейские склады 17-й армии. К сожалению, мы уже не можем наказать тех, кто повинен в таком вопиющем разгильдяйстве.

Вот только, я собрал вас не для этого. Подкреплений не будет из-за угрозы большевистских десантов в Румынии и Болгарии. Все резервы перебрасываются на побережье Чёрного моря, в котором сейчас хозяйничает русский флот.

Вы все уже слышали о разгроме Констанцы. Эти варвары не оставили от города камня на камне. Итальянский флот, получив хорошего пинка, больше за Босфор не сунется. Так что Рейх остался с русскими один на один.

Не смейтесь господа, наше счастье в том, что эти корабли в море, а мы здесь. Разрешения отступить, кстати, тоже не будет. Фюрер в ярости. И поскольку выхода у нас нет, то нам придётся побеждать. Побеждать, господа офицеры и генералы, любой ценой.

Задача номер один – деблокировать Слáвянск. Связи с гарнизоном нет, но отдельные узлы обороны держатся, передовые части слышат канонаду. Командование сводной кампфгруппой, сконцентрированной у Константиновки и состоящей из танковой дивизии СС "Викинг", 1-й моторизованной дивизии Лейб-штандарт СС "Адольф Гитлер" и 60-й моторизованной дивизии, я возлагаю на генерал-полковника фон Маккензена. Я знаю, что в частях по 30-40 процентов условно исправной техники, и её моторесурс на исходе. Фюрер обещал перебросить запчасти по воздуху, но вы видели, в каком состоянии наши аэродромы. Ждать моторов нельзя, наступать необходимо сегодня.

Я держу генерала Василевского за горло в Слáвянске, а он меня в Павлограде. Если большевикам удастся захватить Слáвянск и восстановить работу железной дороги, то их войска сразу получают снабжение, которого лишены наши солдаты. А если мы будем сидеть сложа руки, то это всего лишь дело времени.

Наступление назначено на завтра, за час до рассвета. Удар наносится по линии Дружковка-Краматорск. По данным разведки, вражеских танков в полосе вашего прорыва нет, они сейчас находятся где-то за Артёмовском и

быстро прибыть не смогут. Так что против вас будет только небольшое количество русских лёгких самоходок. Надеюсь, оберст-лейтенант Клозе не опозорит панцерваффе и в первых рядах ворвётся на русские позиции. Хайль Гитлер!

Примерно в то же время. В районе станции Барвенково.

Район сосредоточения немецкой техники был выявлен воздушной разведкой заранее. Клейст, ещё в десятых числах января обнаружив концентрацию советских войск в районе Изюма и Красного Лимана, сделал соответствующие выводы, создав в районе Сталино мощную моторизованную группировку. В эти части была передана вся исправная техника, а личный состав по возможности доведен до штата. Кампфгруппа должна была ударить во фланг нашим войскам, теснящим части 17-й полевой армии.

Но всё пошло не так, как планировалось, и 17-я армия не была теснима с фронта, а разгромлена ударом с тыла. Однако цель для кампфгруппы всё равно нашлась – несколько советских батальонов, упрямо перекрывающих непобедимому вермахту путь к победе.

И вот настал звёздный час немецких танкистов. Поступил приказ, и механики-водители запустили масляные печки на прогрев. Правда, эта процедура имела последствия, о которых немецкие танкисты и не подозревали. Где-то высоко-высоко в небе разведывательная аппаратура патрульной "сушки" засекала россыпь новых источников тепла, не являющегося открытым огнём. Маскировка немецких танкистов полетела к чёрту, и слово "район сосредоточения" обрело координаты с точностью до метра. Из тяжёлого беспокойного сна в своём штабном автобусе был поднят генерал-лейтенант Василевский, и военная машина завертелась. Пятнадцать минут потребовалось, чтобы срочно связаться с Москвой и получить у абонента "Иванов" разрешения на применение изделия "Тайфун".

И вот уже восемнадцать установок медленно поднимают к небесам пакеты пусковых. Есть разрешение вождя на один залп дивизиона термобарическими боеприпасами. Не выпавшиеся, а потому злые как собаки офицеры дивизиона готовят данные для стрельбы. Морские пехотинцы, танкисты, лётчики, моряки воюют с самого первого дня. А вот

они, офицеры и бойцы тяжёлого дивизиона РСЗО не сделали по врагу ни одного выстрела. Но теперь подошла и их очередь.

Вот уже всё готово, наступила тишина. Нет, не совсем, где-то вдалеке артиллерия РГК, сведённая в один кулак, по одному давит немецкие узлы обороны в Славыанске. В небе над городом нарезает плавные круги окрашенный в чёрный цвет БПЛА. Рядом с оператором коробка полевого телефона. Вот так, с помощью высоких технологий, каменного топора и такой-то матери разрушается хитроумная система немецкой обороны. Главное – не торопиться и как следует пристреляться, а потом не жалеть снарядов.

Генерал-полковник фон Клейст беспокоился не зря – немецкий гарнизон Славыанска уже обречен. Два-три дня такой работы, в крайнем случае, неделя, и в городе не останется ни одного немецкого солдата.

Но сейчас задача другая – предотвратить, остановить немецкий контрудар, перехватить уже замахнувшуюся ножом руку. Секундная и минутная стрелки совместились в положенном им месте, на передвижном командном пункте дивизиона подполковник Андреев повернул ключ. Команда на открытие огня централизовано поступившая на все восемнадцать машин, обрушила на врага адское пламя.

Генерал-лейтенант Василевский, начальник артиллерии Юго-западного фронта и командующий 57-й армией вышли из автобуса и подняли к глазам бинокли. Земля вздрогнула и завибрировала мелкой дрожью, хотя до огневых позиций и было несколько километров. Потом через всё небо косо понеслись раскалённые добела огненные шары, а местность затопил яркий свет, превращающий ночь в день.

Несколько минут спустя. г. Сталино, штаб 1-й танковой армии вермахта

"Херрен генерален унд официрен" уже собирались расходиться, как в подвальное помещение ворвался глухой низкий гул, словно наверху началось землетрясение. С потолка посыпалась пыль, закачалась на голом проводе разбитая лампочка. Выскочив на свежий морозный воздух, генерал-полковник фон Клейст увидел, как в небо, подобно театральному занавесу, поднимается багровое пламя, прорезаемое ярчайшими белоголубыми вспышками. Эта была катастрофа.

Ещё через час командующий 1-й танковой армией узнал, что

кампфгруппа "Макензен" понесла невосполнимые потери от огня русской артиллерии и фактически прекратила своё существование. Деблокировать Славянск было нечем. Фон Клейст пока ещё не знал, что завтра рано утром навстречу Будённому из Крыма двинется Рокоссовский, что сделает положение окружённой 1-й танковой армии полностью безнадёжным.

24 января 1942 года. Поздний вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Поскрёбывшее приоткрыло дверь.

– Товарищ Сталин ждёт вас, – сказал он сидящему в приёмной Верховного военному, и майор госбезопасности Санаев шагнул через порог.

Сталин в кабинете был не один. Кроме вождя там находился ещё Генеральный комиссар Государственной Безопасности Лаврентий Берия. Санаев молча передал Верховному Главнокомандующему запечатанный сургучными печатями пакет из плотной бумаги и бегло взглянул на висящую на стене карту южного участка советско-германского фронта, всю исчерченную синими и красными стрелами, испятнанную условными значками.

Точно такие же карты были в штабе Юго-Западного направления на станции Лозовая и в штабе ОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Изменения обстановки докладывались в Кремль каждые полчаса и, судя по почерку, Вождь делал пометки лично, не доверяя никому. Даже при беглом взгляде на эту карту становилось ясно, что для германской группы армий "Юг" складывается весьма напряжённая обстановка. На севере 6-й кавалерийский корпус достиг Днепра в районе Днепропетровск – Новомосковск и занял позиции по левому берегу реки Самара. Двигающиеся следом за кавалеристами пехотные части 6-й армии генерал-майора Городецкого, используя выгодный рельеф местности, устанавливали устойчивый, глубоко эшелонированный фронт обороны от Новомосковска до Балаклеи. Участок, непосредственно прилежащий к немецкому "шверпункту" Балаклея, был передан 38-й армии и в настоящий момент усиленно укреплялся.

На карте были отмечены две линии обороны, а третья – как строящаяся. Майор госбезопасности подумал, что если генерал Паулюс в своей излюбленной манере попытается ударить туда, где, как он считает, находится стык между армиями, то получит много новых и очень сильных впечатлений. Южнее конно-механизированный корпус Будённого взял

Запорожье. При этом было отмечено, что под контролем советских войск находится плотина Днепрогэса и небольшой плацдарм на Правобережье.

На полсотни километров к югу и юго-востоку степь контролировалась конными разъездами и моторизованными патрулями. 5-й кавалерийский корпус занял Чаплино. С юга войска Крымского фронта вышли на линию Херсон – Каховка – Мелитополь. На севере, под Слávянском, остались только отдельные синие точки блокированных опорных пунктов немцев. Железнодорожный узел Слávянска был отмечен, как полностью находящийся в руках советских войск. Южнее Слávянска линия соприкосновения советских и германских войск проходила через Артёмовск, Константиновку и верховья реки Самары. Как сказал при расставании генерал-майор Бережной, Клейст и его армия пока ещё живы, но вот гробы для них мы уже приготовили.

От Сталино до Днепра двести-двести пятьдесят километров. Даже если Клейст прямо сейчас получит разрешение Гитлера отступить, во что я лично не верю, ему придётся бросить артиллерию и обозы, идти пешком. А у Днепра, между прочим, их будут ждать Будённый с Рокоссовским, имеющие свежие корпуса и действующую железную дорогу. Ничем иным, кроме тотального истребления, такой анабазис кончиться не может.

Тем временем Сталин вскрыл пакет и, благожелательно кивнув, начал быстро читать докладную записку, подписанную Василевским и Бережным. Оторвавшись от чтения, он внимательно посмотрел на Санаева.

– Так значит, генерал-лейтенант Василевский считает, что цели операции "Полынь" достигнуты полностью и бригаду Бережного можно выводить из боя?

- Так точно, товарищ Сталин, – ответил Санаев. – Товарищ Василевский считает, что план "Полынь" имел полный успех. Достигнуты все поставленные перед операцией цели.

- А ви что об этом думаете, товарищ Санаев? – прищурился Верховный, потянувшись за пачкой "Герцеговины Флор". – В конце концов, Вы не просто свидетель и участник событий, а ещё и лицо, облечённое определённым доверием...

Майор бросил взгляд на своего прямого и непосредственного начальника, глубоко вздохнул и ответил:

– Я товарищ Сталин, разделяю точку зрения товарищей Василевского и Бережного. Задачу по проведению рейда и взлому вражеской обороны изнутри бригада выполнила на отлично с незначительными потерями. В плане стратегии – достигнут решающий результат, группа армий "Юг" понесла тяжёлое поражение, от неё, фактически, осталась только 6-я

полевая армия Паулюса. Дальнейшие задачи в виде добивания окружённой в Сталино группировки Клейста и стабилизации фронта обороны по Днепру могут быть решены и без нашего участия. Бригада, конечно, способна вести и позиционную войну, но при этом не могут быть использованы её основные преимущества в виде высокой мобильности и большой пробивной мощи.

- Возможно, вы и правы, товарищ Санаев, – Сталин медитативно медленными движениями утрамбовывал табак в трубке. – У нас не так много генералов, способных навязать немцам свою волю... А что нам скажет товарищ Берия?

Генеральный комиссар госбезопасности сверкнул стеклами пенсне.

– Товарищ Берия согласен с товарищем Василевским. По имеющимся у меня сведениям, большая часть техники отечественного производства нуждается в капитальном ремонте с заменой двигателей и трансмиссии. Да и спецтехника, как и техника немецкого производства тоже нуждаются в техническом обслуживании. Было бы неплохо для этого временно передислоцировать бригаду на один из танковых заводов, например, в Сталинград.

- Мы сделаем лучше, – вождь чиркнул спичкой. – Есть мнение, что эту просто замечательную и героическую бригаду необходимо направить сюда, к нам в Кубинку, на 22-й полигон. Товарищ Берия, вы должны позаботиться о том, чтобы туда вне всякой очереди были доставлены необходимые запчасти и оборудование. Кроме того, пригласите туда наших самых замечательных конструкторов, Морозова, Астрова и других. Пусть товарищи танкисты поговорят с ними, выскажут свои замечания и претензии. Почему только товарищу Сталину слушать о недостатках нашей техники? Только, чур, без рукоприкладства. Да, и покажите товарищам конструкторам, к чему им надо стремиться. В ТОТ РАЗ мы прозевали массовое появление тяжёлых немецких танков и дорого за это заплатили. Товарищ Берия, вы понимаете, что история не должна повториться? Прошу вас проконтролировать процесс улучшения существующей техники и разработки новой.

- Так точно, товарищ Сталин, – кивнул Берия, – сделаем.

Сталин снова посмотрел на Санаева.

– А вообще, все вы молодцы. Это я, товарищ Санаев, вас за всех благодарю. И товарищей Ларионова, Бережного, Кузнецова, Василевского, Рокоссовского, и каждого командира и рядового бойца. Такую операцию провернули – шум на весь мир стоит.

Кстати, есть мнение, что товарища Ларионова можно назначить

исполняющим обязанности командующего Черноморским Флотом с дальнейшим утверждением в должности после истечения испытательного срока. У нас не так много способных адмиралов, а по данным нашей разведки, активно действующий Черноморский флот способен оттянуть на себя двадцать-тридцать дивизий, которые противник будет вынужден снять с фронта для обороны от наших десантов.

Гражданин Октябрьский-Иванов, будучи командующим, полностью игнорировал эту задачу флота.

Вождь повернулся в сторону Берии

– Да, Лаврентий, что там за история была с обороной мостов у Павлограда? И кто там ходил в контратаки с пулемётом наперевес?

Сталин взял со стола листок бумаги.

– Цитирую: "Когда командующий обороной мостов майор Петров был тяжело ранен, занял его место и успешно руководил отражением вражеских атак. В критический момент поднял бойцов в контратаку против противника, просочившегося в мёртвую для огня тяжёлых пулемётов зону. На ходу вёл по вражеской цепи огонь из пулемёта "Печенег" с примкнутой патронной коробкой. Сумел продержаться до подхода передовых частей Красной Армии, сохранив в целости мост через реку Самара и станцию Павлоград". За этот подвиг представлен генерал-лейтенантом Василевским к ордену Боевого Красного Знамени. Ну, товарищ майор госбезопасности, что скажете? Может вас в пехоту перевести? Или в десант? Уж вы там погеройствуете.

Санаев покраснел, а Берия философски заметил:

– Геройство – это в нашем деле для персонального употребления, ночью, под одеялом. Для наших сотрудников вообще-то ум нужен... Мне кажется, товарищ майор просто погорячился, неправильно оценил ситуацию.

- Всё он правильно оценил! – Сталин бросил трубку в пепельницу. – Если бы их смяли... Немцы могли бы уничтожить мост, и наши войска оказались бы в весьма сложном положении. Короче, Лаврентий, этому герою – Героя. И майору Петрову тоже – заслужил.

Санаев опустил голову.

– Умер Петров, до санбата не довезли. Пуля рядом с сердцем прошла. Пулю из "Маузера" в упор их бронежилет не держит.

- Дать Героя посмертно, – отрубил вождь, – достоин. Значит так, товарищ майор госбезопасности, возвращайтесь обратно. Можете сказать товарищам Василевскому и Бережному об отводе бригады с линии фронта и передислокации в Кубинку. Но никому больше. Проработайте операции

прикрытия, в которых пунктом назначения эшелонов будут Куйбышев, Сталинград, Магнитогорск, а возможно, даже Омск. Надо немного дать работы шпионам, пусть побегают. Всё, товарищ Санаев, можете идти.

В приёмной майор нос к носу столкнулся с человеком, которого знала вся страна. Шапошников Борис Михайлович, маршал Советского Союза, начальник Генерального Штаба, и прочая, прочая, прочая... Вид прославленного советского военачальника был далёк от идеального: серая кожа и мешки под глазами показывали, что маршал болен, и болен тяжело. Машинально откозыряв Шапошникову, Санаев вдруг подумал: что ж это получается? Маршал пришёл уже после него и ждал, пока Верховный поговорит с майором госбезопасности, пусть и не простым. Да, всё чудесатее и чудесатее.

Но мы отпустим товарища Санаева по его делам и вместе с маршалом Шапошниковым вернёмся в кабинет главы Страны Советов.

Хозяин по кавказскому обычаю пожал гостю руку и первым поздоровался:

– Добрый вечер, Борис Михайлович. Как ваше здоровье?

- Здравия желаю, товарищ Сталин, – ответил маршал Шапошников, – пока без особых изменений.

- Очень плохо, что без особых изменений, – вздохнул товарищ Сталин. – Вы не передумали?

- Никак нет, товарищ Сталин, – упрямо сказал маршал. – В сложившихся условиях, когда мне было выказано такое недоверие, я считаю невозможным своё дальнейшее нахождение на посту начальника Генерального штаба.

- Это ви зря так, Борис Михайлович, – вождь прищурил свои желтые тигриные глаза. – Конечно, я понимаю, что вы возмущены, что вас нэ поставили в известность по операции "Полынь"... Но у нас било вполне обоснованное мнение, что число причастных к этой операции необходимо максимально ограничить. И тем более ми не забывали о состоянии вашего здоровья. Товарищ Василевский, как говорится, вник в эту историю с самого первого дня. Вот ми и решили дать ему возможность полностью проявить себя. Погодите, не возражайте. Сказать честно, товарищ Сталин тоже предпочёл бы остаться неосведомлённым, ибо многие знания – это многие печали. Но у товарища Сталина нет такого права. Вот и товарищ Берия, к примеру, считает, что настало время, когда и начальник Генерального Штаба должен быть посвящён в причины всего происходящего... Но прежде чем мы начнём... Лаврентий?

Берия сверкнув стеклами пенсне, взял со стола толстую папку в

коленкоровой обложке, и кивнул на стул у края стола.

– Присядьте товарищ Шапошников. Как гласит русская пословица: "В ногах правды нет". Такие документы положено читать, не вынося их из этого кабинета и только сидя.

Маршал взял в руки папку, но тут Сталин остановил его.

– Погодите, Борис Михайлович... Я попрошу вас отнестись к этой информации предельно серьёзно. Это не бэллетристика и не вражеская дезинформация – ЭТО ЕСТЬ!

Маршал Шапошников удивлённо кивнул и открыл наконец папку, на лицевой стороне которой был наклеен квадратик белой плотной бумаги с надписью: "Боевой путь Частей Особого Назначения: Отдельной Тяжёлой Механизированной Бригады, Отдельной Истребительно-Бомбардировочной Авиагруппы, Отдельного Корабельного Соединения".

Листы в папке были прошиты, пронумерованы и скреплены двумя сургучными печатями. На одной из них, к огромному удивлению Шапошникова, красовался двуглавый орёл, правда, в несколько мутированном виде, а на другой был нормальный герб СССР. В углу каждого листа, как и положено, стоял бледно-фиолетовый штамп "ОВ" – особой важности..

После первых прочитанных строк глаза маршала округлились, но он, сделав над собой усилие, не выказал удивления, помня, видимо, предупреждения вождя. На листах отличной финской бумаги, чётким шрифтом лазерного принтера была изложена крайне фантастическая история. Но Шапошников всё же был начальником Генерального Штаба и имел достаточно полную информацию обо всём происходящем на фронтах. Вот только ему были известны лишь конкретные результаты, но никак не средства, которыми они были достигнуты. Убывший в Крым генерал-лейтенант Василевский отчитывался обо всём лично Верховному. В Генштаб шли сухие сводки без разъяснения подробностей: достигли... разбомбили... уничтожили... разгромили... пленили...

Сейчас маршал читал полную историю этих событий. Это не была привычная для РККА того времени история массового героизма и самопожертвования. Это была история повседневной, даже рутинной боевой работы, когда противника подавляли оперативным искусством, чёткой организацией, техническим превосходством и огневой мощью. Героизм и личное самопожертвование бойцов и командиров, конечно, тоже были, но они присутствовали на заднем плане и ключевого значения не имели.

"Особая авиагруппа"... Краснозвёздные самолёты, внезапно

засыпающие спящие немецкие аэродромы ковром из тысяч мелких осколочных бомб и оставляющие за собой пожарища и кучи искореженного дюраля, некогда бывшего боевыми самолётами люфтваффе. Делая своё дело, пришедшие из будущего пилоты истребляли асов Геринга и надёжно защищали бойцов РККА. Тут же были рекомендации по применению существующей и разрабатываемой техники, подготовке лётного состава, тактике ведения воздушных боёв и нанесения бомбоштурмовых ударов. Все чётко и ясно, видна рука профессионала. И подпись: полковник Хмелёв С.П.

"Отдельное корабельное соединение" было не его епархией, но инстинктом профессионального военного маршал понимал, что такие силы в Чёрном море избыточны. тем более, что задача на захват Босфора и Дарданелл пока не поставлена, не до них сейчас. Значит, в ближайшее время следует ожидать операции по переводу части сил на более важные ТВД. Но об этом пусть болит голова у адмирала Кузнецова, тем более что он сам там, в гуще событий, и всё должен сам понимать. Нашёл своё объяснение и удивительный разгром итальянского флота при попытке прорыва в Чёрное море. Гибель двух линкоров и тяжёлое повреждение крейсера вне видимости противника было вызвано применением оружия особой корабельной группы. И теперь сия великая тайна покоится на дне, на глубине почти два километра.

"Особая тяжёлая механизированная бригада"... Путь отмечен победами, удивившими мир. И ещё, личный состав этой части после переформирования только на одну треть состоял из "инструкторского состава", а остальные две трети — краснофлотцы и командиры Черноморского флота. И уже после этого та самая операция "Польнь", сломавшая хребет группе армий "Юг". Значит, можно и нужно перенимать опыт и тактику пришельцев из будущего, совершенствовать технику, обучать личный состав.

Из анализа итогов операции маршалу стали понятны, правда не до конца, аресты и переводы некоторых военачальников. А ведь ему казалось, что снова вернулись беспощадные репрессии тридцать седьмого года. Но ничего, обошлось. Кого-то, как Тимошенко и Власова неожиданно перевели в тыловые округа, кого-то, как Козлова и Октябрьского, сняли с должности и отдали под суд за противодействие решениям Ставки. Получив сообщение об отстранении от должности и о немедленном вызове в Москву, застрелился ЧВС Юго-Западного направления Хрущёв. Всё, последний лист.

Закрыв папку, маршал Шапошников поднялся со стула. Сталин и

Берия, которые о чём-то вполголоса говорили по-грузински, замолчали и одновременно посмотрели на маршала.

– Товарищ Сталин, какими будут ваши распоряжения?

- Всё-таки передумали, Борис Михайлович?! Молодец!

Сталин ещё раз переглянулся с Берией. Верховный помнил, что Борис Михайлович в той истории должен был умереть от тяжёлой болезни, не дожив всего 44 дня до Победы. У Вождя сжалось сердце. Нет, в этой реальности такого не должно произойти. И Победа наступит раньше, и Шапошников проживёт много дольше. До Парада Победы и не только.

- Есть мнение, – сказал Сталин, – что товарищу Шапошникову необходимо предоставить отпуск для поправки здоровья. Сдадите Генштаб своему второму заму. Генерал-лейтенант Василевский будет у нас в ближайшее время заниматься Юго-Западным направлением и, персонально, фон Клейстом. Завтра утром вам необходимо вылететь в Крым, в Евпаторию. Там вы пройдёте полное медицинское обследование у ИХ врачей. Мы знаем, что с ранеными они творят настоящие чудеса, чуть ли не мёртвых воскрешают, так что надеемся, и вам тоже смогут помочь.

А пока вы будете находиться на обследовании и лечении, вам будет предоставлена возможность изучить дальнейший ход этой войны, как она протекала в их истории. Также вам будет поручено систематизировать и наш, и их боевой опыт, составить свои рекомендации по внесению изменений в наши боевые уставы и наставления. Мы должны знать, какие виды боевой техники необходимо разработать и производить для того, чтобы парировать вероятные угрозы, как со стороны немцев, так и со стороны англо-американцев.

Маршал Шапошников нахмурился.

– Товарищ Сталин, скорее всего, наша промышленность пока не в состоянии обеспечить всю Красную Армию техникой, какая стоит на вооружении отдельной мехбригады. У нас нехватка даже обычных грузовиков, а для механизированных частей необходимо ещё и большое количество колёсной и гусеничной техники... Заводы просто не справятся с их производством в нужном количестве.

Сталин с Берией опять переглянулись.

– Видите ли, Борис Михайлович, часть необходимой нам техники мы сможем получить у американцев по ленд-лизу. Но и это не главное. Нам предлагается разделить Красную армию на три неравные части....

Первая и самая малочисленная из них, это мобильные рейдовые механизированные и конно-механизированные бригады и, возможно, отдельные корпуса, предназначенные для решения действительно особых

стратегических задач. Например, разгром вражеских армий на всю глубину стратегического построения с выходом в глубокий тыл.

Вторая часть нашей армии должна состоять из механизированных штурмовых бригад, предназначенных для прорыва эшелонированной вражеской обороны и ведения боевых действий в густо застроенных населённых пунктах. Тут предполагается сделать упор не на мобильность, а на выучку личного состава и огневую мощь... Не забывайте, нам в любом случае ещё Берлин штурмовать.

- В старой армии такие части называли гренадёрскими, – заметил Шапошников, – но не суть важно.

- Есть мнение, – Сталин огладил усы, – назвать их отдельными штурмовыми бригадами. По моему, так будет лучше.

- Можно и так, – кивнул маршал. – Тоже звучит очень грозно. А как быть с обычной пехотой?

- Как вы сказали, обычная пехота, это самый многочисленный род войск в любой армии мира. Поэтому линейные пехотные части предназначены для ведения оборонительных боёв в чистом поле и занятия территории, уже оставленной противником. Для таких частей рекомендуется усилить огневую мощь за счёт производства носимых единых пулемётов типа немецкого МГ-34 или пулемёта из будущего "Печенег". Два пулемёта на отделение – такая огневая мощь способна остановить наступательный порыв вражеской пехоты. В качестве ручного противотанкового оружия предлагается производить одноразовые и многоразовые ручные гранатомёты с кумулятивными и осколочно-фугасными боевыми частями.

Шапошников задумался.

- То есть, мобильность обычной пехотной части не изменится, а только увеличится огневая мощь...

- Ви правильно поняли товарища Берия, – кивнул Верховный. – Только надо будет составить для командиров такие наставления, чтобы все свободное от наступления время пехота совершенствовала бы свою оборону. А-то вопиющие вещи выясняются. Стоят, понимаешь, в обороне неделю, а окопы только по пояс, сектора стрельбы не размечены, НП и КП не замаскированы. Послезавтра, мол, всё равно наступать. А когда завтра немец наносит упреждающий удар – имеем разгром и повальное бегство. Такое больше не должно повториться!

- Товарищ Сталин, – кивнул маршал, – я обратил внимание, что особая бригада на каждом промежуточном рубеже вкапывалась в землю, как немцы и французы в ту войну под Верденом. Потому-то и их потери в

людях минимальные, а противнику наносился существенный урон...

- Кроме того, – Берия сверкнул стеклами пенсне, – вам необходимо определить потребность в чисто танковых частях и соединениях, которые могут быть применены для встречного удара по вражеским моторизованным частям, уже прорвавшим наш фронт. В ТОЙ истории, знаете ли, были прецеденты, когда недооценка этого момента привела к большим потерям. Мы не имеем права наступить на эти грабли ещё раз.

Шапошников кивнул, и Сталин с довольной улыбкой подвел итог всему сказанному:

– Вот, видите, Борис Михайлович, вы всё правильно поняли. Поезжайте в Крым, лечитесь и заодно, займитесь этим вопросом вплотную. Мы с нетерпением ждём от вас серьёзных результатов. Чем быстрее и с меньшими потерями мы разгромим фашистов, тем лучше будет наше положение в послевоенном мире. Товарищ Берия позаботится, чтобы вы, как начальник Генштаба, даже там получали всю оперативную информацию по фронтам. На этот раз полностью и без купюр. Всё товарищ Шапошников, идите и готовьтесь к отъезду. А ваш рапорт я рву, как написанный в момент резкого ухудшения самочувствия.

Когда маршал Шапошников вышел, Сталин посмотрел на Берию и удовлетворённо кивнул. Была решена судьба ещё одного хорошего человека.

Часть 6. Бросок на Север

26 января 1942 года, Утро. Севастополь, Северная бухта, крейсер "Молотов". Посол по особым поручениям Андрей Андреевич Громыко

Палуба крейсера подрагивала под ногами. Свежий морской ветер пополам с мелким как пыль дождём хлестал в лицо. Берега прикрывали бухту от крутой волны, но море впереди всё было покрыто белопенными барашками. Позади был внезапный вызов в Москву и многочасовой перелёт по маршруту Вашингтон – Галифакс – Рейкьявик – Лондон – Москва на четырёхмоторным бомбардировщиком Пе-8, пилотируемом прославленным полярным лётчиком майором Энделем Пусэпом. Заунывный гул моторов, белый облачный ковёр далеко внизу. Избегая капризов погоды, майор Пусэп забрался на звенящую двенадцатикилометровую высоту. Самолёт не был оборудован герметичной кабиной, поэтому от перелёта на всю жизнь осталось ощущение сушащей глотку кислородной маски. И это ещё больше утомляет, ведь вместе с посадками для дозаправки целых 48 часов в воздухе.

В конце перелёта Андрей Андреевич, шатаясь как пьяный, сошёл на московскую землю. Точнее, на московский снег. Последний участок перелёта проходил над захваченной фашистами Европой, но двенадцатикилометровая высота и ночь – достаточная гарантия того, что самолёт даже не будет обнаружен. Гарантия гарантией, но всё равно как-то не по себе.

Однако на аэродроме приключения не кончились. Прямо рядом со взлётной полосой Громыко уже ждала эмка, на которой он был немедленно доставлен в Кремль, Засыпанная снегом Москва, синеватая в бледном предутреннем свете. В приёмной известного всей стране кабинета Андрей Андреевича уже дожидался Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. В кабинет Верховного Главнокомандующего они вошли вместе.

Громыко был потрясён тем, что несмотря на столь ранний час, Верховный уже был на рабочем месте. Андрей Андреевич ранее встречался

со Сталиным осенью 1939 года, перед своим отъездом в Соединённые Штаты в качестве советника при постпредстве в Вашингтоне. Сейчас же было видно, как устал этот немолодой человек, несущий на своих плечах ответственность за самую тяжёлую войну в истории России.

Сталин внимательно посмотрел сначала на Молотова, потом на Громыко,

- Товарищи, буду краток, ибо времени нет совершенно. Ситуация на фронтах требует, чтобы Турция пропустила отряд наших боевых кораблей через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Они уже впустили в Чёрное море итальянскую эскадру и знают, чем это закончилось для итальянцев. Есть мнение поручить эти переговоры нашему молодому, но очень перспективному дипломату товарищу Громыко. Кстати, о товарище Громыко заслуживающие доверия люди мне говорили много хорошего. Товарищ Громыко – будущее нашей дипломатии. Так что товарищ Громыко должен передать президенту Инёню, что мы готовы забыть об их необдуманном поступке в случае пропуска через Проливы наших кораблей. В противном случае мы будем считать Турцию враждебным государством со всеми вытекающими из этого последствиями. Пойдёте к Стамбулу на крейсере "Молотов". Очень символично. Можно сказать, что Вячеслав Михайлович в своём стальном воплощении тоже будет с вами. Корабли же, которые должны выйти в Средиземное море, будут сопровождать вас в качестве почётного эскорта. Всю дополнительную информацию для переговоров, находящуюся в настоящий момент под грифом ОВ, вы получите в запечатанном пакете уже на борту самолёта.

Сталин посмотрел на Наркома иностранных дел.

– Товарищ Молотов, вы должны были подготовить для товарища Громыко все необходимые документы. Приготовили?

В ответ на слова главы государства нарком иностранных дел передал Андрею Андреевичу толстую картонную папку, перевязанную белыми тесёмками. На этом приём у главы государства закончился, и сотрудники НКВД, разлучив Андрея Андреевича с наркомом, повезли его уже на другой машине на другой аэродром. Он не знал, что когда они с Молотовым вышли, Сталин прошептал, откладывая в сторону так и не раскуренную трубку: «Посмотрим, каков ты в деле, "Мистер НЕТ"»!

В последнее время люди, встречавшиеся с Иосифом Виссарионовичем, заметили, что вождь начал меньше курить. То есть, он вертел трубку в руках, набивал её табаком, но почти никогда не закуривал, в последний момент откладывая её в пепельницу.

Уже когда самолёт поднялся в воздух, командир экипажа подполковник

Ольшанский с улыбкой передал Андрей Андреевичу большой пакет из плотной бумаги, запечатанный большими сургучными печатями. Этому экипажу уже не раз и не два доводилось отвозить в Крым самых разных людей. Вот и сейчас попутчиком Андрей Андреевича был Борис Михайлович Шапошников. И у него был свой секретный пакет, содержимым которого оказалась толстая книга, обернутая газетой "Правда" от 14 января 1942 года. То ли книгу обернули чтобы не попортить ценный экземпляр, то ли для того, чтобы никто не мог прочесть название и автора на обложке.

Вздохнув, товарищ Громыко разорвал плотную бумагу пакета. Внутри оказалась толстая кожаная папка, набитая документами. Первый же лист в папке привёл Андрея Андреевича в шок. Это была его биография закачивающаяся смертью в январе 1989 года и полный послужной список. Андрей Андреевич с удивлением узнал, что целых двадцать восемь лет с 1957 по 1985 годы он возглавлял Советский МИД и вёл его от победы к победе. И тут же приписка на полях, сделанная рукой Сталина: "Проверить в деле".

Продолжая недоумевать, Андрей Андреевич вытащил на белый свет ещё один листок, который оказался картой южного участка советско-германского фронта с этапами развёртывания некоей операции "Полынь". На самой карте красовалась надпись красным карандашом, опять же сделанная сталинской рукой: "Отдать Инёню, пусть ему по ночам не спится, разбойнику". А ещё к карте были приложены несколько листовки бумаги с описанием того, что предшествовало столь грандиозным событиям. В начале операции у 17-й полевой армии Гота и 1-й танковой армии Клеста присутствовало около семисот тысяч боеспособных солдат. Через девять дней от 17-армии ничего не осталось, а у Клейста в окопах вокруг Сталино сохранилось не более 130-150 тысяч солдат, почти без боеприпасов и продовольствия. Вся левобережная прибрежная полоса Днепра была занята советскими войсками и контролировалась конными разъездами. Бегло пролистав описание операции "Полынь", Андрей Андреевич решил, что самые душераздирающие моменты, особенно разгром Гудериана, он обязательно доведёт до турок. Чтобы были помягче и слушали повнимательнее.

А вот следующие несколько фотографий повергли Андрея Андреевича в шок. Корабли, пропуска которых надо добиться у турок, несли на своих стенах андреевские флаги. По решению Ставки в Средиземное море должен был перейти отряд в составе ракетного крейсера "Москва", большого противолодочного корабля "Североморск" и двух ракетных

фрегатов: "Ярослава Мудрого" и "Сметливого". Кроме того, в конвой входил большой танкер снабжения "Иван Бубнов" и несколько пароходов ЧМП, которые должны были усилить транспортную группировку советских кораблей на линии американских поставок через северные моря. Откинувшись на жёсткую спинку сиденья, Андрей Андреевич прислонился к борту и начал раздумывать, как побыстрее и в полном объёме выполнить поручение товарища Сталина.

Товарищ Громыко сам участвовал в подготовке документов, согласно которым, США вскоре начнут массовые поставки по ленд-лизу. Пока фашистская Германия почти не обращала внимания на транспорты, везущие из Северной Америки всё необходимое для сражающейся страны. Он понимал, что спохватившись, немцы всеми силами попытаются пресечь поставки, потопить и захватить транспортные суда. Было совершенно ясно, что корабли и их команды идут не на курорт, а на войну.

Во время посадки в Воронеже для дозаправки поступило известие о взятии войсками Крымского фронта города Мелитополь. Причём немецкие части отступили в сторону Сталино, что позволяло установить прямое железнодорожное сообщение между Большой Землей и Крымским Оборонительным Районом.

И вот, сутки спустя, Андрей Андреевич стоит в боевой рубке крейсера "Молотов", готовящегося к выходу к Босфору. Их сопровождает почти весь объединённый Черноморский флот за вычетом линкора "Парижская коммуна" и первого советского авианосца. Андрей Андреевич надеется, что султан... Да нет, тьфу, президент Инёню, впечатлится и положением на фронтах, и видом флота, так что не будет особо упираться в решении столь важного для нас вопроса.

26 января 1942 года, Утро. станция Краматорск. Майор Сергей Александрович Рагуленко

Вчера вечером нам зачитали приказ командования. Наша бригада выводится в тыл для пополнения личным составом и капитального ремонта техники. А ведь действительно, "устали" даже наши новенькие БМП и сверхнадёжные трофейные вездеходы. В танковом батальоне – так там вообще, говорят, полный кошмар: ходовая на "тридцать четвёрок" и "кавэшках" изношена настолько, что техника держится в строю только чудом и неустанной заботой спецов из рембата. Даже надёжнейшие

Т-72БА2, то есть машины, прямо перед нашим приключением прошедшие глубокую модернизацию до уровня Т-90, требуют вдумчивой совместной заботы механика-водителя и уже упомянутых спецов из рембата. Патроны к АКСУшкам почти закончились, и практически каждый из нас обзавелся кто трофейным МП-38/40, а кто и советскими ППД или ППШ. На ближней дистанции сгодится, ну а на дальней и средней работают в основном пулемёты. Этого добра, включая трофеи, у нас навалом. Но простите, товарищи: пистолеты-пулемёты после "лучшего автомата всех времён и народов" – это просто каменный век. Но погуляли мы лихо. Интересно, в Рейхе теперь объявят траур как ТОГДА из-за Сталинграда или нет?

Железнодорожная станция Краматорск во время погрузки – просто филиал ада. Начать с того, что технику надо загрузить на платформы, закрепить и замаскировать. В это же самое время на станции разгружается танковая бригада, прибывшая из резерва Ставки. Десять Т-34, тридцать Т-60. Они освобождают платформы и вагоны, мы их занимаем. При этом нам не надо забывать об опасности авианалётов. Люфтваффе наши летуны раздраконили в хвост и в гриву, но не везде. Геринг перебрасывает потихоньку сюда своих асов, частично из-под Москвы и Ленинграда, а в основном из Европы.

Сегодня рано утром, прямо на рассвете к станции сунулась девятка He-111. "Птенцы Толстого Германа" видимо были не местные, а потому попёрли, как похмельный алкаш на прилавок винного отдела. Те немецкие асы, которые уже знают, что почём, предпочитают в нашу сторону вообще не соваться, ибо можно угодить в Валгаллу. Эти же зашли на станцию с севера и вели себя как дома. Наглость не осталась без возмездия. Ещё за пять минут до начала налёта "хейнкели" были обнаружены радаром дежурного "Панциря". Пять минут – прорва времени для тех, кто знает и умеет.

Завыли сирены, воздух разорвали пронзительный рёв паровозных гудков. По протоптанным в снегу дорожкам к своим зенитным орудиям побежали девчонки-зенитчицы из состава прикрывающего станцию ЗенАПа. Кстати, нас сочли настолько ценными, что приказом Верховного этот ЗенАП прикомандирован к нам вплоть до нашего прибытия в конечный пункт назначения. Каждый эшелон, не считая трёх "Панцирей", будут сопровождать по две платформы с 25-мм и 37-мм автоматическими зенитными пушками. Да, как я уже говорил, контингент в этом полку почти чисто женский, и на бойцов во внеслужебное время зенитчицы действуют убойно. Не знаю, как из пушек, но глазками стреляют вполне прицельно. Эти Маши, Даши и Наташи уже имеют на своём счету немало "подбитых"

сердец наших парней. А ведь в пути представится ещё немало поводов для знакомств...

Пока же всё развивалось по совершенно фантастическому сценарию – девочки ещё бежали к своим орудиям, а пять "Панцирей" из батареи, непосредственно прикрывающей станцию, уже выдвинулись на огневую. Лязгая гусеницами, они выбрались на заранее намеченные позиции на возвышенных точках в окрестностях. Началась показательная экзекуция немецких бомбёров под названием "Зенитно-ракетно-артиллерийские комплексы при противовоздушной обороне стационарного объекта". Мои парни тоже не остались в стороне от веселья и вытащили на свет божий несколько "Игл". Бережёного и Бог бережёт. Это на тот случай, если операторы на "Панцирях" облажаются, и немцы сумеют прорваться к станции...

К постановке заградительного огня по маловысотной цели изготовились пулемётчики и операторы-наводчики БМП. Это на тот случай если какие-нибудь нахалы, например, на "мессерах", зайдя на цель на малой высоте, попытаются нас проштурмовать. Ну, заградительный огонь по маловысотной цели, это мы можем. Или можем, не знаю, как сказать. Хорошо, что даже местные бойцы за наше недолгое знакомство усвоили, что если "батьа Слон" что-то сказал, то надо метнуться исполнять, а не спрашивать – зачем. Батьа знает.

Мы всё успели. Когда на фоне горизонта наблюдатели разглядели серые черточки идущих на бреющем "мессеров", башни БМП были развернуты веером по горизонту, пулемётчики достали своё оружие и приготовились к стрельбе по низколетящей цели. Нас навестили три пары с трёх разных сторон. Но помощь зенитчикам не понадобилась. Два крайних "Панциря" переключились с приближающихся бомбёров на непосредственную угрозу и встретили "мессеров" "хлебом-солью", то есть короткими пушечными очередями. Похоже, тем это "понравилось": "мессера" один за другим вспыхивали и клубками огня врезались в землю. Один истребитель задымил и полез вверх, набирая высоту. Наверное, немецкий ас хотел выброситься с парашютом... Но не судьба. Его оприходовали тут же, что называется, не отходя от кассы, срезав ещё одной пушечной очередью. Крылышко влево, крылышко вправо, а посреди – дырка от бублика.

Пока зенитчики двух установок развлекались стрельбой по низколетящим "мессерам", четыре других "Панциря" выпустили по приближающейся группе "хейнкелей" по две ракеты земля-воздух. Как говаривал мой дед: «Серёга, запомни, – сала много не бывает».

Ракеты, разматывая за собой белые дымные нити, похожие на пучок спагетти, словно притягиваемые магнитом, приближались к строю немецких бомбёров. Вот, дымные хвосты внезапно оборвались... Непосвящённым показалось, что у ракет закончилось топливо и сейчас они упадут на землю. Томительные секунды радиокомандная система наведения вела к цели отделившиеся от ракет боевые части. Внезапно в воздухе среди чёрных точек немецких бомбардировщиков стали распускаться багрово-чёрные цветки взрывов. Вниз посыпались горящие обломки и сбитые самолёты. Все попадания были практически прямыми, ведь скорость целей невелика и они практически не маневрировали.

Несколько секунд спустя докатился протяжный низкий грохот. На станции весело загалдели бойцы и железнодорожники, наблюдавшие за воздушным налётом. С начала войны люфтваффе чаще всего оказывалось безнаказанным убийцей. Зенитчики скорее отпугивали вражеские самолёты, чем сбивали их. По статистике этих лет, чтобы сбить один самолёт, ПВО должно было выпустить по врагу 35 тысяч зенитных снарядов. Истребители были в этом смысле куда эффективней, но после 22 июня в советских ВВС осталось очень мало современных истребителей, да и те повсюду, как правило, не успевали.

Но сейчас в воздухе советских истребителей и не могло быть. Для облегчения работы "Панцирям" любая воздушная цель должна считаться по умолчанию вражеской. Ибо Яки и МиГи никаких приборов "свой-чужой" не имеют, а посему могут за милую душу угодить под "дружеский огонь".

Примерно через полминуты над местом побоища в воздухе один за другим начали распускаться купола парашютов – на местном жаргоне – "одуванчики". За сбитыми фрицами пришлось посылать своих орлов на БМП, а то местным бойцам всё едино: что люфтваффе, что СС – до штаба не доведут. А не фиг развлекаться стрельбой по беженцам и госпиталям, господу юберменьши!

Примерно через полчаса привели пленных. Один лётчик – обер-лейтенант, и два унтера – воздушные стрелки. Остальные, говорят, оказали вооружённое сопротивление и были уничтожены на месте... Ну, и ладно, уничтожены, так уничтожены... Я им что, мамка что ли? А этих, говорю, героев люфтваффе, проведите через всю станцию, как есть с битыми мордами. Для поднятия боевого духа прибывшей на фронт части.

Ой, что там было, кинокомедия про индейцев. Простите немцев – "Юберменш битый", он же пленный. Руками не трогать – обгадится. Так и повели их к станционному особисту сдавать под расписку. Аншлаг был

полный, куда там Петросяну. Народ пришёл в такой восторг, что чуть было этих гадов не линчевал. Но вроде всё обошлось. На шум из того, что осталось от вокзала, выскочил особист, сделал страшное лицо – даже нагана доставать не потребовалось – и уволок бедных фрицев в своё логово, аки дракон. Наверное, для употребления в пищу...

Но хорошо то, что хорошо кончается, и пришла наша очередь ставить технику на платформы. У выходной стрелки на Слáвянск уже нетерпеливо орёт паровоз. Танковый батальон Деревянко убыл ещё ночью, так что теперь наша очередь. После рейда даже теплушка с буржуйкой кажется номером в пятизвездочном люксе.

Кстати, по приколу, то что у нас в бригаде называется усиленным танковым батальном, у местных это и есть танковая бригада полного состава. А все вместе мы по технике на корпус тянем, и только по личному составу – на бригаду. Вот так: мы маленькие, но ужасно зубастые!

Свистнул паровоз и, лязгнув сцепками, состав дернулся – поехали! Куда лежит наш путь, нам не сообщают – секретно, но слухи ходят совершенно разные. Называют города от Сталинграда и Челябинска до Ташкента и Новосибирска. В деле явно видна чекистская рука – никто другой так не умеет играть в "напёрстки". Мы люди военные: приедем на место, там всё и узнаем.

**26 января 1942 года. Полдень. Чёрное море, лидер
"Ташкент". Командир корабля капитан 2-го ранга Василий
Николаевич Ерошенко**

Вот тебе бабушка, и Юрьев день! Всю прошедшую неделю проверяли механизмы, перебирали, чистили, налаживали. Полностью перекрасили корпус и надстройки. Получился не лидер "Ташкент" – или, как его называли немцы – "Голубой крейсер", а какой-то пятнистый, бело-серо-голубой "леопард". То же самое проделали с лидером "Харьков" и частью кораблей из тех, что пришли к нам из будущего. Было видно, как на якорных стоянках красились ракетный крейсер "Москва", большой противолодочный корабль "Североморск" и сторожевики "Сметливый" и "Ярослав Мудрый". Также к походу готовился большой морской танкер "Иван Бубнов".

Вчера матросы с утра до вечера таскали с берега продукты. Забили все провизионки, под пробку заполнили танки для питьевой и технической

воды. И вот, когда уже вышли в море, узнали новость – нас, сводную корабельную группу ОСНАЗ, переводят в Арктику для усиления Северного флота. Солидное, я вам скажу, усиление! Особенно если знать, что даже там у себя в будущем "Североморск", "Сметливый" и "Ярослав Мудрый" были предназначены для борьбы с американскими подводными лодками, куда более совершенными, чем современные немецкие тип VII и тип IX. Да и крейсер "Москва" имеет полный комплект противолодочного вооружения. Полярное обмундирование для команд наши доблестные чекисты скрытно привезли и заскладировали на "Иване Бубнове". По кораблям оно будет роздано уже после Гибралтара. Прощайте, ласковые Одесса, суровый Севастополь, пляжное Туапсе и фруктовый Батум. Здравствуй, ледяной Мурманск.

Только вот интересно: примерно неделю назад куда-то делись обе подлодки из будущего. Вечером тихо-мирно стояли на бочках, а утром пропали, как будто их никогда и не было. И, что интересно, за сутки до того у стенки тоже принимали продукты и воду. На ту, которая поменьше, даже соляр завезли, а на большую, почему-то нет. Непонятно, на чём она тогда ходит. Неужели, как "Пионер" из книжки Адамова, на подводном электричестве. Вот я сейчас и думаю: может эти лодки и через Проливы могут скрытно проходить? Не знаю, не знаю...

Во время перехода командование над эскадрой принял сам нарком военно-морского флота адмирал Кузнецов. Флаг свой он держит у нас, на "Ташкенте". В связи с его отбытием из Севастополя, ВРИО командующего Черноморским флотом назначен контр-адмирал Ларионов. Не думаю, что те мои товарищи, что остаются в Чёрном море будут при нём скучать. Черта с два! Для "Парижской Коммуны" в Сталинграде заказано аж два комплекта новых стволов к орудиям. Один на замену нынешнему изношенному, а другой – в резерв.

Для неё также заказано несколько десятков боекомплектов фугасных двенадцатидюймовых снарядов, а это значит, что работать ей придётся в поте лица, "радовать" румын и немцев своими увесистыми подарками. К ней присоединится крейсер "Молотов", а после выхода из ремонта – и его брат "Ворошилов". Если огонь этой троицы будут корректировать с "Ушакова", а это, скорее всего, так и будет, ибо "Ушаков" остаётся, то всем немцам в пределах досягаемости их орудий можно заказывать себе гробы.

Как это бывает, мы собственными глазами наблюдали в деле под Ялтой. Кроме того, в Севастополе много разговоров о том, что на базе переформированного после завершения обороны полка морской пехоты сформирован четырёхбатальонный механизированный полк морской

пехоты, состоящий из 1200 штыков и 40 танков БТ-7М с дизельными двигателями. Сразу после формирования полк был приписан к четырём большим десантным кораблям из будущего и приступил к боевому слаживанию и тренировкам с высадкой десанта на берег и обратной амбаркацией.

У Ларионова это серьёзно – необученную часть в бой не пошлёт. Да и товарищ Сталин не торопит, так что запас времени есть. Но тренируется полк без дураков, по шестнадцать часов в сутки. И вот ещё что. Раз все об этом знают и говорят, а бдительные органы даже не почесываются, то мой комиссар сделал вывод: имеет место специальная операция, когда один единственный полк, даже не сделав ни единого выстрела, сумеет сковать на охране побережья чёрт знает сколько румынских и немецких дивизий. А также заставит задуматься руководство Турции и Болгарии, стоит ли так прислушиваться к голосу из Берлина.

Вот и задумайся тут, когда секретность нужна, а когда не очень. И ведь до самого последнего момента никто точно не сможет сказать, где и когда Черноморский флот нанесёт удар. Конечно, кроме командующего Ларионова и самого товарища Сталина. Эту манеру сообщать о конечной цели операции уже в море мы поняли: чего не знаешь, то и не сможешь выболтать.

И что самое интересное, на всех кораблях из будущего товарищ Сталин приказал оставить на своих местах андреевские флаги. Пусть немцы, итальянцы и англичане с американцами в недоумении чешут в затылке и думают, что бы это значило. Много думать – полезно для здоровья. Мы уже с этой целью ходили к берегам Румынии, Болгарии и Турции, теперь пойдём вокруг всей Европы.

До Босфора ещё несколько часов хода, но расслабляться нельзя, а посему бдим. Могут быть разные провокации вроде подводных лодок и авиации, хотя это больше забота наших потомков. У них есть техника, которая щёлкает немецкие подлодки как семечки, вот им и карты в руки.

26 января 1942 года. Вечер. Куйбышев, здание НИИ ОС (особого назначения) №1. Инженер СПМБМ "Малахит" Алексей Петрович Малышкин.

Вот и закончилась наша дальняя дорога. Этот институт станет нашим домом не на год и не на два. Ой, не зря нас вывозили из Крыма не

самолётами, а послали по немецким тылам вместе с бригадой генерал-майора Бережного. Умён товарищ Сталин и мудр, аки Муаддиб из книги про планету Дюна... Посмотрели мы на научное воплощение европейских ценностей, и затошнило даже тех из нас, кто при ТОЙ ЖИЗНИ исповедовал демократические убеждения. Такие уроды как "Снегурочка" с двойным гражданством или Баба Лера, в общем-то, рождаются один раз на два-три миллиона.

Ну, в общем, я отвлёкся, товарищи. Перед поездкой со всеми нами лично побеседовал сам "кровавый палач"TM Лаврентий Палыч Берия. Инженерные вопросы, кстати, понимает очень хорошо. Чувствуются механико-строительное училище в Баку и несколько курсов Архитектурно-строительного института. Вообще, считаю, от инженерного образования хуже не будет. Точные науки они, знаете ли, приучают сознание к порядку, когда дважды два равно четырём, а не пяти и не трём с половиной. И совсем не удивительно, что именно он стал тем самым лучшим менеджером всех времён и народов.

Каждому из нас в соответствии со специальностью были розданы отпечатанные на машинке списки вопросов, какая именно помощь нужна от нас СССР. А ведь мы первоначально выходили в испытательный учебно-боевой поход, и было нас на "Северодвинске" как у Ноя, буквально каждой твари по паре. И "Малахитовцы", разрабатывавшие собственно лодку, и представители с МКБ "Рудуга", создававшие стратегическую крылатую ракету Х-101/102, и инженеры из ОКР "Бирюза", чей ракетный комплекс "Калибр" среднего радиуса действия впервые должен был запускаться с подводной лодки из подводного положения.

Вообще же наша группа с "Малахита" была самой многочисленной, ибо впервые в условиях дальнего похода предстояло проверить всю головную лодку проекта целиком, чтобы потом вносить изменения в следующие строящиеся АПЛ. Можно сказать, что проверили. Теперь лодка пошла в одну сторону – по некоторым сведениям обратно на Север – делать кирдык гитлеровскому кригсмарине, топить "Тирпицы" и "Шарнгорсты". А мы поехали в другую, передавать местным товарищам технические секреты.

Кстати, пока мы сюда ехали, местные на попе ровно тоже не сидели. От громких овечных славой имен нашей науки темнеет в глазах. Базилевский Сергей Александрович и Перегудов Владимир Николаевич приехали из Ленинграда по нашу "малахитовскую" душу. Игорь Васильевич Курчатов, Анатолий Петрович Александров, Юлий Борисович Харитон и Яков Борисович Зельдович будут пытаться разработчиков силовой

установки "Северодвинска" из ОКБМ имени Африканова. Сергей Павлович Королёв и Валентин Петрович Глушко командированы к ракетчикам из "Радуги" и "Бирюзы". Стране Советов нужно как можно скорее обзаводиться своим собственным мощным и современным ракетным оружием.

Но это будет завтра. А сейчас нам показали жилой этаж института, достаточно уютные комнаты на четверых. Есть проводка на 220 в, а значит, можно распаковать ноутбуки и прочую аппаратуру. Система, правда, коридорная, как в общежитии универа во время оно. Но зато всё чисто и стерильно как в пятизвездочном отеле. Комендант нам сказал, что по строжайшему распоряжению ЛПБ на сегодня только ужин и отбой. Ну, а местным светилам науки будет разрешено попытаться нас только завтра с утра.

27 января 1942 года. Полдень. Турция. Анкара. Площадь Кызылай. Дворец президента Турции "Чанкая". Президент Турецкой республики Мустафа Исмет Инёню.

Глава Турции стоял у окна своего кабинета и смотрел на площадь. Только что ко входу во дворец подрулил лимузин советского постпредства с красным флажком на крыле. Президент пребывал в глубокой задумчивости. Над Турецкой республикой сгустились чёрные тучи. Президенту уже доложили, что у входа в Босфор находится мощная корабельная группировка русского Черноморского флота. Будь проклят дуче и его флот, который за все годы войны уверенно шёл от поражения к поражению. И из-за которого у Турции одни только неприятности. Подумать только: потерять два линкора и так не понять, отчего!..

На одном из кораблей Черноморского флота в Стамбул прибыл личный посланник главы СССР Сталина Андрей Громыко. По наведенным справкам, 32-летний дипломат был срочно вызван Сталиным из США, где исполнял должность советника посла Литвинова, с которым, как говорилось в той же справке, Громыко не ладил. Но из США его отозвали, скорее всего, на повышение. Во всяком случае, Сталин направил его в Турцию в качестве своего личного представителя. А Сталин – это личность. Ни один из российских императоров, за исключением разве что Петра Великого и Екатерины II, не мог сравниться с ним. Правда, и другие русские цари не давали покоя Османской империи. И если бы не Ленин со своей революцией в 1917 году, Турция, наверное, вообще бы перестала

существовать как государство.

Инёню вздохнул. Он догадывался о том, что привез ему этой посланец из Москвы. Русские будут требовать разрешения от Турции на проход через Проливы их боевых кораблей. И будут ссылаться на то, что совсем недавно такое разрешение получили корабли итальянского флота. Правда, славы этот поход итальянцам не принёс. Скорее наоборот. Русские каким-то чудесным образом утопили два линкора и повредили ещё несколько кораблей дуче.

Вообще же, то, что происходило сейчас в СССР, нравилось турецкому президенту всё меньше и меньше. Немцы уже потерпели поражение на южном фланге советского-германского фронта, который рассыпался прямо на глазах. Армии Василевского, Малиновского и Рокоссовского тугой петлёй сдавили 1-ю танковую армию Клейста в степях Задонья. Когда "русский паровой каток" набирал скорость, никто не мог его остановить. Инёню до того, как стать политиком, был военачальником. И неплохо разбирался в том, что сейчас творилось в заснеженных степях юга России. Похоже, Гитлеру не удастся победоносно закончить свой поход. Скорее наоборот. И он повторит судьбу императора Наполеона, который еле унёс ноги из пределов этой огромной страны. Только вот бежать немцам некуда. Европа маленькая, и русские придут в Берлин так же, как до этого, почти сто тридцать лет назад пришли в Париж.

Достанется не только Германии. Плохо будет и тому, кого русские сочтут немецкими союзниками. Так что, если Сталин будет жёстко требовать пропуска своих кораблей в Средиземное море, то лучше всего согласиться на его требование. Естественно, потом этот "жест доброй воли" зачтётся Турции в будущем, когда победители усядутся за стол переговоров и начнут делить добычу. Тогда и Турция может попытаться урвать что-то для себя. Ну, к примеру, кусочек Болгарии, – ведь болгары нынче сражаются на стороне Гитлера и окажутся в числе побеждённых, если конечно, вовремя не переметнутся в стан победителей. Ведь в политике главное – всё время держать нос по ветру и вовремя оказаться на стороне сильнейшего.

Пока турецкий президент размышлял о большой политике, к остановившемуся посольскому автомобилю подскочил вышколенный чиновник турецкого министерства иностранных дел. Согнувшись в полупоклоне, он приветствовал постпреда СССР в Турции Сергея Виноградова и его спутника. Потом, гостеприимным жестом предложил гостям проследовать во дворец.

Инёню проследовал в приёмную, чтобы там лично встретить посланца

Сталина. Можно было бы дожидаться его в своём кабинете, но, похоже, пришло время изображать из себя гостеприимного хозяина...

Андрей Андреевич Громыко, которого представил турецкому президенту советский постпред, оказался худощавым молодым человеком с непроницаемо серьёзным лицом и немного глуховатым голосом. Похоже, что пребывание в США приучило этого личного представителя Сталина к чисто американскому, деловому стилю общения. После традиционных приветствий Громыко достал из своей папки послание советского вождя и перевод его на турецкий язык. Инёню внимательно прочитал письмо Сталина.

Глава СССР предлагал Турции определиться с позицией в длившейся уже третий год мировой войне и оказать странам антигитлеровской коалиции посильную помощь. В частности, пропустить через Проливы корабли Черноморского флота, которые в данный момент крайне необходимы на северных морях, где проходят трассы конвоев, доставляющих в СССР боевую технику и военные материалы – поставки союзников по ленд-лизу. Таким образом, усиление советского Северного флота поможет снизить потери, которые несут СССР и его союзники от авиации и подводных лодок нацистов.

Сталин прямо и недвусмысленно намекал, что отказ Турции от пропуска советских кораблей в Средиземное море будет считаться крайне недружественным шагом и скажется на её дальнейших взаимоотношениях не только с СССР, но и с другими странами антигитлеровской коалиции. Пока есть время, Турция должна выбрать, на какой она стороне.

В общем, вежливое, хотя и неприкрытое давление. Или, как говорят в США, "предложение, от которого невозможно отказаться". Турецкий Президент посмотрел на посланника Сталина. Было видно, что этот молодой человек ведёт себя так уверенно потому, что ощущает – за его спиной сила. Сила миллионных армий, огромной страны, сила победителей. Инёню знал, что русские сделали с Констанцей и Плоешти. Констанцу придётся отстраивать заново, а нефтепромыслы Плоешти до сих пор горят. Да так, что по донесениям дипломатов, днём в Бухаресте вся восточная часть неба затянута чёрной пеленой, а ночью озарена отблесками пламени. Президент подумал и решил не отказываться от полученного им предложения.

Прочитав ещё раз перевод послания Сталина, а потом посмотрев на подлиннике на энергичную и размашистую подпись советского вождя, турецкий президент положил бумаги себе на стол и посмотрел на Громыко. Тот всё это время невозмутимо наблюдал за бывшим соратником Ататюрка,

словно читая как в открытой книге, то, что творилось в душе Инёню.

- Господин Громыко, – сказал турецкий президент, – я очень огорчён тем, что нынешние взаимоотношения между Турецкой республикой и Советским Союзом далеки от тех, которые существовали между нашими странами во времена Кемаля-паши.

Инёню невольно посмотрел на портрет Ататюка, висевший на стене его кабинета.

- Я не хочу сейчас искать правых и виноватых в случившемся, и считаю, что надо сделать всё, чтобы вернуть то доверие и дружбу, которые были когда-то между нашими странами.

- Я тоже всецело за это, господин президент, – ответил Громыко с лёгкой улыбкой. – Да и моё руководство считает, что первым реальным и практическим шагом к возвращению доверия Советского Правительства стало бы разрешение на проход наших кораблей в Средиземное море. Ведь доверительные отношения поддерживаются не красивыми словами, а добрыми делами. Проход наших кораблей – это реальная помощь нам и нашим союзникам в войне против тех, кто мечтает о мировом господстве.

Президент Турции помолчал, а потом, посмотрев в глаза посланнику Сталина, твердо сказал.

- Господин Громыко, передайте главе вашего правительства, что Турция разрешит вашим боевым кораблям пройти через Босфор и Дарданеллы. Турецкие военные корабли будут сопровождать их до границ наших территориальных вод. Я полагаю, что это разрешение покажет СССР, Британии и США, на чьей стороне симпатии Турции в этой войне. Я напишу ответ на послание господина Сталина и передам его в ваше постпредство.

- Скажите, господин Громыко, – спросил вдруг турецкий президент, – а почему часть ваших кораблей, ждущих разрешения на проход через Проливы у входа в Босфор, несут не военно-морские флаги СССР, а флаги бывшей Российской империи? Значит ли это, что команды этих кораблей, столь блестяще показавших себя в сражении с немецкой авиации у турецких берегов, сформированы из эмигрантов, которые в роковой для их родины час решили сражаться бок о бок с кораблями военно-морских сил СССР?

Громыко, посмотрел на Инёню, и на его невозмутимом лице появилось что-то отдалённо похожее на улыбку.

- Видите ли, господин президент, – сказал он, – с общим врагом сейчас сражаются люди самых разных политических взглядов. Недаром эта война в народе уже названа Великой Отечественной. И нам не так уж важно, под

каким флагом идут они в это сражение. Главное в том, что это наши люди и они сражаются за нашу страну. А то, что над некоторыми кораблями подняты старые русские флаги, так в этом моё руководство не видит никакой крамолы. Как сказал товарищ Сталин 7 ноября прошлого года во время парада на Красной площади в Москве: "Пусть в этой войне вдохновляет вас мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!". Скажу больше: товарищ Сталин планирует снова ввести старые знаки различий русской армии – погоны. И учредить новые ордена: "Александра Невского", "Кутузова", "Ушакова", "Суворова" и "Нахимова".

Услышав четыре последние фамилии, турецкий президент невольно поморщился. Слишком хорошо турки запомнили троих из них. Кутузов же на русско-турецких войнах прошёл путь от юного прапорщика до генерала, был тяжело ранен при штурме Очакова и чудесным образом выжил. Наверное для того чтобы в 1812 году поставить жирную точку в карьере Наполеона Бонапарта. Остальные были известны каждому турку, главным образом, по тем сокрушительным поражениям на суше и на море, которые в прошлом веке нанесли русские туркам под командованием этих военачальников. Имена Топал-паши и Ушак-паши наводили ужас на турецкие армию и флот. С такими именами СССР из источника революций может превратиться в нечто иное, куда более опасное.

- А не захочет ли потом господин Сталин возродить снова Российскую империю? – осторожно поинтересовался Инёню. – Ведь ваши цари всегда мечтали отвоевать у Турции Стамбул и снова водрузить крест на куполе Айя-Софии.

- Товарищ Сталин сказал, – ответил Громыко, – что таких планов у него сейчас нет. Советскому Союзу вполне достаточно той территории, которая у него уже есть. Возможно, что после победного окончания войны у стран-союзниц нацистской Германии и изменят границы в пользу стран антигитлеровской коалиции.

При этом посланец Сталина внимательно посмотрел на Инёню.

– Но Турции нечего бояться. Ведь вы, господин президент, уже обозначили сторону своей страны в этой войне. Ну, а наши противники пусть помнят римскую пословицу "Vae victis" – "Горе побежденным".

Громыко ещё раз изобразил на своём лице подобие улыбки, от которой у Инёню почему-то побежали мурашки по коже.

Больше задавать посланнику Сталина вопросы турецкому президенту расхотелось. Попрощавшись со своим гостем, Инёню снова подошёл к

окну кабинета и стал наблюдать, как русские дипломаты садятся в посольский автомобиль. Вот он тронулся с места и, поднимая клубы пыли и дыма, скрылся из вида.

Инёню вздохнул. Вот так буднично и просто решилась судьба его страны. И, похоже, что он не прогадал, сделал правильный выбор. Впрочем, на всё воля Аллаха, подумал турецкий президент. Или, как любил говорить его друг Кемаль-паша, кысмет...

28 января 1942 года. Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сегодня в кабинете Верховного Главнокомандующего собрались не совсем обычные люди. Так получилось, что товарищ Сталин знал о них то, что они сами о себе даже и не подозревали. Это отнюдь не наполняло вождя самодовольством, скорее наоборот, напоминало об ответственности и заставляло сосредоточиться. Получив помощь из будущего, он не имеет права даже на малейшую ошибку.

Что бы о нём ни говорили, вождь с самого детства был человеком глубоко верующим, только эта вера была внутренняя, не напоказ. Обычно личные убеждения Иосифа Виссарионовича Джугашвили проявлялись только в делах. Теперь товарищ Сталин был убежден – именно судьба или Бог выбрали его для того, чтобы принять огромную, разрушенную революцией и Гражданской войной страну с сохой, а оставить её с атомной бомбой. И страна поверила ему. Нет и не было у неё более великого властителя.

Используя знания, полученные от потомков, Сталин убрал от греха подальше за Урал человека, чья фамилия в той истории стала символом предательства. Генерал Власов отправился командовать крупным учебным центром. В его личном деле появилась пометка, обязательная для вышестоящего командования и сотрудников НКВД – не оставлять без внимания ни один, даже малейший проступок опального генерала, и каждому из них давать надлежащую оценку. Ведь у нас нет никакого политического заговора, у нас есть моральные разложенцы и нечистые на руку чиновники.

Кстати под такой же пресс попал формально третий человек в партии Георгий Маленков. Специальный отдел собирает всё, что можно найти на

попутчиков и приспособленцев, окопавшихся в руководстве партии. Невзирая на то, что эти люди являются членами ЦК и Политбюро, за ними числится немало больших и маленьких грешков. Скоро штрафные части – помнится, были в Гражданскую такие подразделения, созданные по приказу Троцкого, – пополнившись новыми бойцами пойдут штурмовать вражеские укрепления. А отцы-командиры проследят, чтобы искупление вины было полным, до последней капли крови.

Но сегодня в кабинете у Сталина находятся те, кого потом назовут "Маршалами Победы". На стене висят три оперативных карты. Две из них открыты и представляют собой детальное изложение "Битвы под Москвой" и "операции Полюнь". Третья задернута плотной чёрной шторой и что за ней, известно только хозяину кабинета и разработчикам плана "Молния".

Из присутствующих наиболее колоритно выглядит один из старейших представителей советского комсостава, маршал Будённый. Его конно-механизированный корпус решительным ударом захватил Запорожье. Спешенные бойцы пробрались по остаткам разрушенной плотины Днепрогэса на правый берег и захватили там небольшой плацдарм. Эта операция окончательно отрезала 1-ю танковую армию Клейста от тылов и поставила её на грань уничтожения. Сейчас корпус сдаёт свой участок фронта пехотным частям, и выводится в тыл для пополнения и переформирования. Также от линии соприкосновения с противником в тыл отводятся 1-й, 5-й и 6-й кавалерийский корпуса, а их место занимает более подготовленная для действия в обороне пехота. У товарища Сталина есть особые виды и на Семёна Михайловича, и на его любимую кавалерию. А сейчас герои-конники пусть отдохнут, подлечат раненых и приведут в порядок конский состав.

Генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский только на один день оставил вверенные ему войска, ведущие тяжелейшие бои по ликвидации Сталинского котла. Эту операцию поручили Южному фронту, которым командует генерал Родион Малиновский. Большую роль в тяжелейших уличных боях сыграли экстренно обученные и оснащённые штурмовые батальоны. Часть из них, так называемые тяжёлые, были созданы путём переформирования сапёрных подразделений, а часть, обычно именуемая лёгкими, – из обычных стрелковых. Потери в них были в несколько раз ниже, чем в обычных стрелковых подразделениях. И что особенно важно: они неизменно выполняли поставленную перед ними задачу. В эти батальоны, сведенные в несколько штурмовых бригад, в качестве младшего комсостава были направлены ветераны Первой мировой войны, имевшие опыт рукопашных схваток во вражеских окопах, а также

все инструкторы по самбо, рукопашному и штыковому бою. Все, кого после 7-го января смогли найти на Южном, и отчасти Юго-Западном фронте. Обычно штурмовая бригада включала в себя один-два тяжёлых сапёрно-штурмовых батальона и три-четыре лёгких стрелково-штурмовых. И всё равно, времени на подготовку было очень мало, и потому зачастую обучение проходило уже во время боя. Но Александр Михайлович, сам имевший опыт той войны, которую сейчас принято называть Империалистической, понимал, что именно эти бригады, впоследствии доведенные до численности корпусов, усиленные полками самоходной артиллерии будут потом штурмовать Будапешт, Вену, Берлин и, может быть, Париж.

Но это будет позже, а пока на юге шли обычные наступательные бои, в которых несли большие потери и атакующие, и обороняющиеся. В одну метельную ночь, в полном составе, открыв фронт по реке Миус, перешла на сторону Красной Армии словацкая "Быстрая" дивизия, что позволило полностью занять побережье Азовского моря от Бердянска до Таганрога и окончательно замкнуть кольцо блокады группировки Клейста. На душе у генерал-лейтенанта Василевского было беспокойно. Она рвалась обратно туда, где гремела битва, по размаху уже многократно превзошедшая битву под Москвой.

Был тут и ещё один, никому доселе незнакомый генерал-майор с жёстким и волевым лицом. Этот человек не мог быть никем иным, как ставшим недавно легендарным командиром тяжёлой механизированной бригады Бережным Вячеславом Николаевичем. За исключением Будённого и Василевского ещё никто и никогда не видел его в лицо. Ватутин один раз разговаривал с ним по ВЧ, а Мерецков, Конев и Жуков, так те вообще ни разу не соприкасались. Многие из них поначалу подозревали, что это был псевдоним одного из якобы расстрелянных в тридцать седьмом году генералов. Увидели и убедились – ничего общего, никто этого человека в РККА до 4 января 1942 года не видел. Оставались две противоположные версии: либо товарищ Бережной ранее делал карьеру по линии НКВД, что было маловероятно – ну не нужны в этом ведомстве навыки и таланты военачальника манёвренной войны и активной обороны. Или, что более вероятно, ещё совсем недавно товарищ Бережной был совсем не товарищем, а белым эмигрантом и участником Гражданской Войны с противоположной, так сказать, стороны. Одним из тех, кто в тяжёлый для Родины момент предложил России свой меч, свою честь и свою верность. Орден Боевого Красного знамени на его груди и Золотая звезда Героя говорили сами за себя – за Крым, и за Сталинский котел.

Выждав паузу точно по Станиславскому, товарищ Сталин представил его присутствующим, сказав:

– Мы знаем, что товарищ Бережной вырыл могилу для генерала Клейста, товарищи Василевский и Рокоссовский немцев в эту могилу столкнули, а товарищ Малиновский теперь её закапывает. Мы, в общем-то, приветствуем такой бригадный подряд, поскольку он приносит успех.

Тут лицо вождя стало жёстким и из его голоса исчез шутиливый тон.

– Должен напомнить всем присутствующим, что операция "Полынь" имела такой успех, потому что товарищи Василевский, Рокоссовский, Бережной и Малиновский крайне серьёзно отнеслись к подготовке операции, сохранению её в секрете от противника и организации взаимодействия всех трёх фронтов и отдельной механизированной бригады ОСНАЗа. Всё было налажено на самом высоком уровне. Дело дошло до того, что "отец немецких бронетанковых частей", генерал Гейнц Гудериан, сейчас сидит в камере Лефортовской тюрьмы и даёт показания нашим следователям.

К сожалению, ничего подобного я не могу сказать про контрнаступление под Москвой. Взаимодействие между фронтами было организовано плохо, наступление развивалось медленно, манёвренные части вводились в прорыв с запозданием и по частям. С большим трудом, при привлечении особой авиагруппы, товарищам Жукову и Коневу всё же удалось окружить Моделя под Ржевом.

Сталин внимательно посмотрел на вечных генералов-соперников... Хотя, когда в октябре 1941 года неутомимые в поиске врагов народа товарищи Молотов и Ворошилов уже собирався арестовать и расстрелять Конева, то именно Жуков спас опального генерала, доложив Сталину, что ему нужен толковый заместитель на Калининском направлении. А может и действительно, не было никакого благородства, а Конев был ещё нужен, и поэтому товарищи Молотов и Ворошилов по просьбе Жукова были посланы товарищем Сталиным далеко и надолго.

А Сталин продолжал:

– Горячие головы призывали нас идти на Смоленск и Рославль, выбросить под Вязмой воздушные десанты. Но мы вовремя отказались от этих авантюр.

Жуков набычился и опустил голову, неподвижно глядя прямо перед собой. Ведь именно о нём сейчас шла речь.

– Группа армий "Центр" насчитывает почти два миллиона солдат и обладает слишком значительной боеспособностью, чтобы мы вот так кидались на неё в лоб. Наша армия пока ещё не имеет соответственной

пробивной мощи. Вместо воздушного десанта под Вязьму Ставка спланировала операцию "Град", исполнение которой идёт уже неделю.

Вот, вижу на лице товарища Мерецкова недоумение – как это так, операция идёт, а он о ней даже не подозревает. Более того, о начале операции "Град" не подозревают даже немецкие генералы. А узнают они только тогда, когда будет уже поздно. Против группы армий "Центр" Ставка спланировала операцию на истощение. Поэтому Западному и Калининскому фронтам необходимо создать устойчивый оборонительный рубеж, восполнить потери в живой силе и технике, довести запасы боеприпасов до штатных норм. Но, товарищи генералы, задачи по ликвидации Ржевской группировки противника с вас никто не снимал.

Особо напоминаю: из котла не должен вырваться ни один танк или самоходное орудие, ни один солдат вермахта. Немцы хотели получить истребительную войну, они её получают. Из под Ржева у немецких солдат должно быть два пути – в могилу или в плен. Третьего не дано.

Товарищу Ватутину то же самое по образуемому котлу в районе Демянска. И обратите особое внимание на то, чтобы железная дорога Валдай – Старая Русса на всем её протяжении была в наших руках и находилась в рабочем состоянии. Если там есть какой-нибудь особо зловредный немецкий "шверпункт", то не стесняйтесь – обращайтесь за помощью к товарищу Сталину. Товарищ Сталин сможет помочь вам специалистами, которые уже решали подобную проблему в Славянске.

Товарищ Мерецков, подчинённые вам армии пусть продолжают совершенствовать оборону. Ставке известно, что наличие как самой артиллерии, так и боеприпасов для неё в ваших войсках в два-три раза меньше самых заниженных норм. В связи с чем лобовые атаки нашей пехоты на немецкую оборону просто обречены на неудачу при крайне высоких и неоправданных потерях.

Запомните все – высокие и неоправданные потери будут означать для вас трибунал, будь вы хоть генералами, хоть маршалами. Сейчас не царское время, когда любили говорить: «В России солдат много, если надо – бабы ещё нарожают». Не нарожают! Поэтому берегите людей и лучше тратьте побольше снарядов, чтобы подавить вражескую оборону.

Далее. Ещё раз обращаю внимание товарищей генералов: в ходе наступательных операций необходимо полностью брать под контроль все коммуникации. Все – это значит все. Немцы не глупее нас с вами, а иногда даже умнее. Если они цепляются за какой-то пункт, значит, он крайне важен как для них, так и для нас.

- Так, – Сталин обвёл генералов внимательным взглядом, – всё,

свободны.

Короткая пауза.

– Кроме товарищей Ватутина, Василевского и Бережного. Товарища Будённого жду у себя в шестнадцать ноль-ноль.

Сталин взял со стола трубку и кивком дал понять, что совещание закончено. Вопросов у присутствовавших на совещании генералов было больше, чем ответов на них. Единственное мнение, которое разделяли все собравшиеся, было таким – вождь представил им восходящую звезду фронтового масштаба и намекнул всем, что после Москвы и Сталино масштабные наступательные операции будут продолжаться.

Пять минут спустя, там же. Генерал-майор Бережной.

Поскрёбывшись кивнул и закрыл за собой дверь. Наступила тишина. Товарищ Сталин прошёлся по кабинету и, потянув за шнурок, сам отдернул чёрные шторы, скрывавшие последнюю, третью карту, видеть которую было доверено только избранным. За один взгляд на эту карту Адольф Алоизыч наверняка отдал бы новенький, ещё ни разу не жеваный половичок и половину Голландии в придачу. Операция "Молния", плод наших с Александром Михайловичем ночных бдений.

- Очень хорошо, – сказал Вождь, – что товарищ Василевский помнит о том, что он не только командующий Юго-Западным направлением и фронтом, но ещё и заместитель начальника Генштаба. А если вспомнить, что товарищ Шапошников в настоящее время находится в отпуске по болезни, то товарища Василевского можно считать исполняющим обязанности начальника Генерального штаба. Мы попросили товарища Василевского с учётом тех специальных знаний, которыми он сейчас обладает, представить нам план снятия блокады с колыбели революции, города Ленинграда. И что мы вместо этого видим? Мы видим, фактически, план полного разгрома группы армий "Север". После успеха операции "Полынь" у нас нет причин сомневаться в реальности этого плана. Но обоснуйте его, товарищи. И для меня, и для товарища Ватутина, которому придётся воплощать ваш план в жизнь.

Василевский кивнул.

– Товарищ Сталин, суть плана изложит генерал-майор Бережной. Как вы знаете, он обладает СПЕЦИАЛЬНЫМИ знаниями в куда большем объёме и на практике показал, что способен применять их с большим

эффектом.

- Хорошо, товарищ Василевский, – кивнул вождь. – Только сначала надо сказать о том, что до нас дошла информация: товарищ Бережной в фашистской Германии объявлен личным врагом номер один Адольфа Гитлера и всего Третьего рейха... Что скажете по этому поводу, товарищ Бережной?

Я пожал плечами и кивнул.

- Ну что тут можно сказать? Приму к сведению. Добавлю только, что меня это радует – атаман бандитской шайки нацистов оценил наши труды должным образом. К тому же Адольф Гитлер не только мой личный враг, но и всего советского народа. Если "Молния" будет утверждена, то двух-трёх генералов и полтора десятка дивизий с довольствия мы снимем точно...

Я посмотрел на Ватутина.

- Товарищ Сталин, а Николай Фёдорович, посвящён в наши "Тайны Мадридского двора"? Ведь мне придётся быть с ним предельно откровенным...

Сталин взял со стола трубку.

- Мы проинформировали товарища Ватутина о вашем, скажем прямо, необычном появлении в нашем мире. Вы оказались правы, товарищ Ватутин всё понял правильно и готов познакомиться с техникой будущего и тактикой её применения. Лишь бы это способствовало нанесению врагу максимального ущерба.

С этими словами товарищ Сталин протянул мне тонкую указку.

- Начинайте, товарищ Бережной.

Я кивнул.

- Итак, операция "Молния" имеет своей целью полностью снять блокаду с Ленинграда и нанести поражение группе армий "Север". В связи с тем, что немецкие позиции на Ленинградском фронте сильно укреплены – на отдельных участках их глубина достигает двадцати километров, – основной удар должен наноситься значительно южнее, в полосе Северо-Западного фронта, по линии Старая Русса – Дно – Псков. Залогом успеха данного плана может быть только абсолютная внезапность для противника и быстрота проведения операции. План предусматривает использование специальных возможностей ОТМБ ОСНАЗ РГК с целью совершения ночного марша по немецким тылам и внезапного захвата Пскова вместе с расположенным там штабом группы армий "Север". Как вы правильно сказали, товарищ Сталин, у противника наша бригада уже имеет определённую репутацию. Предстоит разработать ряд мер, чтобы о нашем

присутствии на данном участке фронта противник узнал только после освобождения Пскова.

Так же планом предусмотрено проведение вспомогательной наступательной операции в направлении Чудово – Любань. В операции участвуют силы 2-й ударной, 59-й и 4-й армий. Основной проблемой на данном участке является отсутствие манёвренных соединений, а также практически полное отсутствие артиллерии корпусного и армейского уровня. Немцы же создали долговременную оборону с использованием двух доступных в тех краях материалов: дерева и земли. Дерево хорошо горит, но, к сожалению, Красная армия не имеет сейчас необходимых зажигательных средств. К счастью, успешно завершившиеся наступательные операции на южном участке советско-германского фронта сделали валентной значительное количество артиллерии РГК. Также, за счёт быстроты и решительности наступательных действий, сэкономлено от полутора до двух боекомплектов на орудие. Товарищ Василевский считает возможным перебросить с Юго-Западного на Северо-Западное направление до пятисот орудий калибром 122-152-мм. Теперь, товарищ Сталин, вы меня извините, но я буду ругаться...

Вождь сверкнул своими желтыми глазами, и нацелил мне в грудь чубук своей трубки.

– Ругайтесь, товарищ Бережной, если это нужно для дела, но только не матом!

Что-то Иосиф Виссарионович весь вечер эту трубку в руках крутит, но так ни разу и не закурил. Неужто беседа с нашим доктором так подействовала? Типа, Иосиф Виссарионович, вы для меня только пациент, но скажу вам честно: если не бросите курить, проживете двенадцать лет, бросите – тридцать. Хорошо бы, если так...

Я собрался с духом и сказал.

– Товарищ Сталин, простите, каким местом думал человек, планировавший наступление для Волховского фронта? Даже безо всякой войны пешком пройти от Волхова до Луги по лесам и болотам без дорог – это подвиг невероятный. Да ещё когда командующие выполняют и перевыполняют планы и укорачивают сроки. Понятно, что там, в нашей истории, 2-я ударная за два месяца доводилась до котла. Даже немецкая педантичность и, скажем так, тугодумность в сложных ситуациях, имеют свои пределы. Конечно, Черняховский – это не Соколов, не Клыков, и не Власов, но армия осталась той же самой, стрелковой. Ладно, в тот раз её послали в бой второпях, без артиллерии, но в этот раз такого быть не должно. Однако и артиллерия на три четверти состоит из противотанковых

сорокопятак. А всё остальное, как я понял, типичный французский калибр в три дюйма.

- Ви прэдлагаэте, нэ наступат? – рассерженный вид и, ставший особенно отчётливым грузинский акцент Верховного, показывали, что он с трудом сдерживается, чтобы не взорваться.

- Наступать, но не так, – я подошёл к карте. – Основной удар на Волховском фронте наносится вдоль железной дороги Ленинград-Москва. Да, там у противника самые мощные укрепления, но и мы имеем транспортную возможность для сосредоточения и снабжения ударной группировки.

Новгородское направление становится вспомогательным, 2-я ударная армия растягивает свой фронт до места впадения в Волхов реки Полисть, что позволит 59-й армии уплотнить фронт на направлении главного удара до десяти километров. Две танковые бригады из состава 2-й ударной по плану передаются в 59-ю армию. Отвлекающая операция начнётся, как это и положено, с артподготовки. Вот только с целью экономии боеприпасов и повышения точности огня предлагаю использовать в прорыве часть артиллерийских сил из состава нашей бригады. Для управления огнём артиллерии фронта план предусматривает задействовать артдивизион САУ "Мста-С" вместе со службами артиллерийской разведки и управления. Аналогичным образом дивизион уже применялся в самом начале операции "Полынь" при прорыве бригады из Крыма, и второй раз – в самом её конце, при подавлении немецкой обороны в Славянске. Оба раза отмечался прекрасный результат. Для очистки от немцев первой полосы обороны будут задействованы тяжёлые огнемётные системы "Солнцепёк". Танки Т-72 должны будут подавить уцелевшие доты, стреляя по амбразурам осколочно-фугасными снарядами.

И теперь самое главное. Операция должна начаться не утром, когда уже рассвело, а вечером, после того, как стемнеет. Если огнём артиллерии будут управлять НАШИ специалисты, то им всё равно, днём это происходит или ночью. Кроме всего прочего, с первых же минут операции план предусматривает нанесение воздушного и ракетно-артиллерийского удара по станции Любань, где, по нашим сведениям, расположены штабы 28-го и 1-го армейского корпуса. Предполагаем использовать для этой цели одну-две машины системы залпового огня "Тайфун". Возможен вертолётный десант с целью устранить остатки того, что выживет после нашего точечного огневого удара.

В связи с тем, что 59-я армия, являющееся основной ударной силой в этом наступлении, имеет крайне низкую мобильность, то задачей данной

операции могут быть только вспомогательными – захват узловой станции Чудово и организация устойчивого фронта обороны по реке Равань.

Одновременно будет произведена ещё одна тактическая операция. По немецкой обороне в районе станции Погостье будет нанесён сначала артиллерийский удар термобарическими боеприпасами, а потом проведена контрольная штурмовка ударными вертолётами нашей бригады. После чего 54-я армия генерала Федюнинского должна будет перерезать железную дорогу и поставить в крайне сложное положение 269-ю, 93-ю и 21-ю дивизии вермахта, обороняющие железнодорожный узел в Киришах. Данная операция призвана имитировать прорыв блокады Ленинграда и отвлечь на себя резервы 18-й армии. В нашу пользу играет и то, что ни о какой переброски дивизий с запада для поддержки группы армий "Север" речь даже не идёт. Сейчас немецкому командованию, по сути, необходимо восстановить изрядно побитую группу армий "Юг".

- Хорошо, – кивнул Сталин. – Что у вас там с Псковским направлением? Оно ведь у вас главное? Помнится, у командования Северо-Западным фронтом были такие планы, но они показались нам невыполнимыми...

Я обменялся быстрыми взглядами с Ватутиным.

– По сути, наступление на Псковском направлении уже идёт. Старая Русса находится в полуокружении, и идущие там бои могут стать прикрытием для развёртывания сил. В плане подготовки операции "Молния" перед войсками Северо-Западного фронта стоит только одна задача – отбросить на юг 30-ю пехотную дивизию вермахта и сделать возможным движение по железной дороге Валдай – Старая Русса. Без выполнения этого условия будет просто невозможно сконцентрировать силы и средства, необходимые для второго этапа операции. Надо ещё учесть, что в настоящий момент на нейтральной полосе находится железнодорожный мост. Его восстановление тоже потребует времени. При этом, чтобы не насторожить немецкое командование, нежелательно использование никаких специальных средств. Всё вооружение должно быть аутентичным уже имеющемуся на вооружении Красной Армии. Все наши следы должны вести в район Волховского фронта.

Я посмотрел на Ватутина.

– Николай Фёдорович, я понимаю, что немцы особо обращают внимание на удержание за собой таких точек. Так вы должны их с не меньшим упорством отбивать. Иначе как в кратчайшие сроки сосредоточить в исходных районах необходимые для наступления силы и средства?

- Он всё понимает, и потому справится, – коротко бросил Сталин. – Заберем у Жукова один гаубичный полк артиллерии РГК, он не обеднеет, и дадим вам на Северо-Западный.

Я кивнул Ватутину.

– Товарищ Сталин, в таком случае для более эффективного использования этих орудий мы откомандируем в распоряжение командования Северо-Западного фронта свою группу артиллерийской разведки со всем необходимым снаряжением. Обычно их не видно и не слышно, но мало немцам не покажется, это я вам обещаю.

Я снова поднял указку.

– Теперь давайте перейдем к группировке, непосредственно наносящей главный удар, которую необходимо скрытно сосредоточить в окрестностях Старой Руссы. Во-первых, это ОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Во-вторых, сводная конно-механизированная группа в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 1-й гвардейской танковой бригады и 21-й танковой бригады. В третьем эшелоне для занятия рубежей и создания устойчивой обороны, предполагается использовать 1-ю и 3-ю ударные армии.

Первый этап операции "Молния" начинается ровно через семь суток после начала наступления на Ленинградском направлении. За это время по железной дороге в район Старой Руссы в первую очередь должна быть доставлена техника и личный состав нашей бригады. Во вторую очередь необходимо доставить артиллерию РГК, предназначенную для подавления немецких узлов обороны в Старой Руссе. Прорыв обороны будет осуществлен ночью в полосе 5-й пехотной дивизии вермахта. Немецкие укрепления будут обработаны ТОСами, уцелевшие блиндажи и ДОТы подавят ударные вертолёты и артиллерийские орудия. После этого немецкие позиции занимают части 1-го гвардейского корпуса, а наша бригада вводится в прорыв.

Одновременно, с целью нарушения у противника управления войсками, начинают работу системы радиоэлектронной борьбы, а заброшенные в немецкий тыл разведывательно-диверсионные группы начинают массово нарушать проводную связь и отстреливать посыльных. Сводная конно-механизированная группа входит в прорыв вслед за нами, но имеет значительно меньший темп движения. Если нашей бригаде, следующей вдоль железнодорожных путей, перед рассветом надо быть в Пскове...

Тут Ватутин посмотрел на меня немного ошалевшими глазами, и пришлось пояснить:

– Николай Фёдорович, это всего-то каких-то сто семьдесят километров. У меня бригада пятьсот двадцать км по Украине прошла, и теперь мы, как вы слышали – личные враги фюрера. Временные рамки операции таковы – сразу после заката, мы прорываем фронт, а через двенадцать часов головной дозор должен войти в Псков. Поскольку там одновременно расположены штабы группы армий "Север" и 18-й армии, потеря управления немецкими войсками на Ленинградском направлении гарантирован.

Первым пунктом данной операции является скорейшее освобождение Старой Руссы, что, по аналогии со Славянском, должно разблокировать снабжение нашей ударной группировки. Второй ключевой точкой является станция Дно. Её захват разрывает рокаду между группами армий "Центр" и "Север". Третья ключевая точка – это Псков, через который идёт 80% снабжения осаждающих Ленинград войск. Ну, и возможность одновременно уничтожить штаб группы армий "Север" и 18-й армии тоже не стоит сбрасывать со счетов.

В ту же ночь начинается активная фаза операции "Град". Десантники-диверсанты вместе с партизанами и окруженцами должны всячески портить жизнь немецким тыловикам. Такие действия должны сковать немецкую реакцию на наше наступление, и позволить нам завершить операцию. Примерно через сутки после ОТМБ ОСНАЗ в район Пскова должна начать подходить сводная конно-механизированная группа, после чего наша бригада совершает форсированный марш на север и в районе Ивангорода перерезает железную дорогу. После этого в мешке оказываются четыре армейских корпуса немцев.

Надо учесть, что это почти все их части на данном направлении. В Прибалтике, к примеру, в наличии только полицейские и карательные подразделения. Если советское командование сможет найти резервы для ликвидации всей группировки, состоящей из полумиллиона человек, то вермахт понесет потери, возместить которые ему будут практически невозможно. Внутри кольца у немцев почти исключительно пехотные соединения, а значит, и они тоже не способны на мобильные действия.

Можно устроить немцам блокаду наоборот. То есть, если мы будем удерживать Псков, Дно и Ивангород, то уже через месяц другим немецким солдатам нечего будет есть и нечем будет стрелять. Разворот фронтом на север группы армий "Центр", во-первых, заставит фон Клюге растянуть свой фронт, а во-вторых, по времени это будет довольно долго – до месяца. Кроме того, сроки операции рассчитаны нами так, что сразу по её завершении наступит весна и распутица, и это отложит немецкие

контрдействия до середины мая. А к тому времени мы им ещё немало новых забот организуем, и им уже будет не до 18-й армии.

- Хорошо, – кивнул Сталин, – звучит заманчиво. Поскольку товарищ Рокоссовский и товарищ Бережной уже доказали, что способны осуществлять подобные планы, то есть мнение принять план операции "Молния" за основу. Датой начала наступления для Волховского фронта будет 18-е февраля, а датой начала основной фазы операции – 25-е февраля. Ставка Верховного Главнокомандования рассчитывает, что блокада с города Ленина будет снята, а гитлеровским захватчикам нанесено очередное поражение.

Вождь посмотрел на Василевского.

– Вы согласны со мной?

- Да, товарищ Сталин, согласен – ответил Александр Михайлович.

- Тогда все свободны... – я уже повернулся в сторону двери, когда услышал сакраментальную в данной ситуации фразу. – А вас, товарищ Бережной, я попрошу остаться...

Пять минут спустя, там же. Лицом к лицу со Сталиным. Генерал-майор Бережной.

- Ну, товарищ Бережной, здравствуйте, – Сталин прошёл на своё место и жестом гостеприимного хозяина предложил мне присесть на стул напротив. – Давно мечтал увидеть вас воочию. Думал: что за люди такие, наши потомки, о чём думают, чем дышат? Товарищ Ларионов слишком далеко, а телефон не даёт того, что можно понять, общаясь с человеком с глазу на глаз. Я представлял вас немного другим – былинным героем. А вы, оказывается, обычный человек, ничем не примечательный, только слегка усталый.

Я невесело улыбнулся.

– Товарищ Сталин, поверьте, что сейчас на войне, когда знаешь, за что сражаешься и против кого, намного легче, чем мне было в мирное время, когда сразу и не поймешь – кто враг, а кто друг, откуда ждать удара. Поверьте, было у нас такое проклятое время, когда мы уже не чувствовали себя хозяевами в собственной стране, а наши "заклятые друзья" глумились над нами, как над побеждёнными. Глава американской разведки даже прошёлся по Красной площади, хвастливо заявив снимавшим это западным корреспондентам: "Здесь на площади, возле Кремля и Мавзолея, совершаю

я одиночный парад победы". Дальше уже ехать было некуда... А здесь совсем всё по-другому.

Сталин улыбнулся в прокуренные усы.

– ТУТ, товарищ Бережной, тоже немало замаскированных врагов. Совсем недавно благодаря полученной от вас информации мы выявили целую сеть затаившихся троцкистов. Не буду называть фамилий, вы их и сами прекрасно знаете...

Если вождь этим заявлением решил проверить меня на вшивость, то я ничего, кроме чувства удовлетворения не испытал. Понятно, что речь идёт о ныне покойном товарище "Х" и террариуме его партийных единомышленников. Я устало пожал плечами.

– Товарищ Сталин, должен сообщить вам, что когда я узнал о кончине главного фигуранта, то скорбь моя не продлилась дольше одного мгновения. Только немного жаль, что всё так быстро кончилось. Я понимаю: война, не время для шумных процессов.

Вождь покрутил в руках трубку.

– Мы не рассчитывали на такой эффект. Было мнение перевести его в какую-нибудь глушь, подальше от фронта, присмотреться к его связям... А он, бац, и застрелился.

Сталин в сердцах выругался по-грузински, а я сделал вид, что не понял им сказанное.

– Но давайте не будем об этом, товарищ Бережной... Меня интересует ваше мнение на тему советской власти. Вы ведь были уже взрослым и опытным человеком, когда она пала. Почему так произошло и кто в этом виноват? От Гитлера отбились, от Трумена отбились, а тут какой-то Горбачёв. Товарищ Берия выяснил: все "перестройщики" – дети явных и тайных троцкистов

Голос вождя дрожал от с трудом сдерживаемого гнева.

– Товарищ Бережной, скажите мне, пачему так случилось?

- Товарищ Сталин, – я также жёстко посмотрел на вождя, – я ведь тоже много думал об этом. В конце 1989 года стало мне понятно, что мы катимся в пропасть. По роду службы мне довелось прочитать аналитическую записку тогдашнего главы КГБ СССР Крючкова. Вот что он писал: "По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогнозов своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики... Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку

агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза... Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки... По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества и, прежде всего, в экономике. И приведёт, в конечном счете, к принятию Советским Союзом многих западных идеалов".

К сожалению, именно так все и произошло. Так называемый ГКЧП – это, скорее провокация, ускорившая падения социалистического строя в СССР, чем попытка исправить сложившуюся ситуацию. О чем-то подобном вы, Иосиф Виссарионович, писали в своей работе "О политической стратегии и тактике русских коммунистов". А именно, – простите, цитирую по памяти, – я наморщил лоб, и начал: "...удар не только не послужит исходным пунктом нарастающих и усиливающихся общих атак на противника, не только не разовьется в громовой сокрушающий удар, а..."

Сталин, улыбнувшись, продолжил: "... наоборот, может выродиться в смехотворный путч, угодный и выгодный правительству и вообще противнику в целях поднятия своего престижа, и могущий превратиться в повод и исходный пункт для разгрома партии или, во всяком случае, для её деморализации"...

- Именно так, товарищ Сталин, именно так.

Я ещё раз удивился прозорливости этого человека.

– А что касается Ельцина и прочих заговорщиков, то скажу вам научным языком – партия, лишённая механизма самоочищения и пополняемая путём кооптации, сгнила в течении одного-двух поколений. То же касается и комсомольских структур. Именно из комсомольцев вышло большинство новых финансовых магнатов, именуемых у нас олигархами. Скажу вам одно: вы были правы, говоря про усиление классовой борьбы

при социализме. Должен быть чётко зафиксирован и научно описан процесс выделения из однородной массы советских партийных и комсомольских активистов новых супербуржуев, стремящихся заполучить в личную собственность всю страну.

И вообще, считаю, что Советское государство должно быть построено в строгом соответствии с учением старца Пелагия о спасении добрых и наказании злых. Тогда для людей всё будет в рамках государственной целесообразности и практической морали.

По моему, упоминания старца Пелагия, жившего во втором веке нашей эры очень удивило Сталина. Он не ожидал, что в нашей конторе изучают и богословские труды. Но, что называется, "Noblesse oblige" – "Положение обязывает". Мы, оперативники ГРУ, по долгу службы должны знать не только о старце Пелагии, но и о многом другом. Дураков в нашей конторе не держат, не то место.

В горле у меня заметно пересохло, и заметивший это Сталин сделал жест, чтобы я перевёл дух, снял трубку телефона, коротко бросил в неё:

– Два чая!

Потом посмотрел на меня:

– Вы, товарищ Бережной, не горячитесь, мы и сами всё это понимаем. Только вот в органах есть горячие головы, которым чем проще, тем лучше... Мы вас поняли. Давайте вернёмся к нашим баранам. Поговорим вот о чём. Я тут прочёл несколько статей о вас в "Красной звезде". Этот журналист, Симонов, хорошо пишет. Много, конечно, недоговаривает, но вы сами понимаете, иначе нельзя. Скажите, что вы чувствовали, когда поняли, что попали к нам на эту войну? Чисто по-человечески.

Я задумался.

– Не знаю, товарищ Сталин. В первые минуты был немного ошарашен. Такие Голоса – это не простое переживание. В первые минуты в бой вступили моряки и лётчики... А потом... Потом, когда получен приказ и ты встаёшь в строй, места для эмоций уже не остаётся. Бойцы подгоняют снаряжение, авианосец сотрясается в грохоте, отправляя в вылет очередной самолёт... Словом, трудно всё это описать. Потом, когда вертушка шла на цель, только повторял себе: "Тебя этому учили, ты всё сделаешь как надо..."

Сталин слушал меня внимательно, время от времени делая какие-то пометки карандашом в лежащем перед ним блокноте...

- Потом, когда бойцы явили передо мной Манштейна-Левински, в одной ночной рубаше и обгадившегося... Тут я понял, что могу всё. Это страшное чувство, такое же страшное, как чувство полного бессилия.

Дело в том, что истина где-то посередине. Ведь немец – солдат

серьёзный. Сейчас я понимаю, что не смогу закрыть грудью каждого нашего солдата, не смогу спасти от голодной смерти каждого ленинградца. Ведь они умирают прямо сейчас, а блокаду реально мы сможем прорвать месяца через полтора и полностью её снять не раньше капитуляции остатков осаждающей город армии. За это время погибнут десятки тысяч наших людей, и от этого болит душа. И не только у меня одного. Леонид Ильич докладывал, наверное, по партийной линии, – я отхлебнул остывшего чая. – Вот так вот, товарищ Сталин.

Сталин поднял голову.

– Товарищ Бережной, есть мнение, что вы наш человек, и мы с вами сработаемся. Сейчас товарищ Поскрёбышев вызовет для вас машину, и вас отвезут в гостиницу к товарищу Василевскому, тут недалеко. Будут ли у вас ещё какие-либо просьбы?

Я вздохнул.

– Если можно, товарищ Сталин, то выделите для "Молнии" как можно больше подвижных соединений...

- Вы не торопитесь. Ещё раз обсудите всё с Василевским, пока он в Москве, и с Ватутиным. Мы вам верим и для "Молнии", выделим всё, что сумеем. Только товарища Будённого с его корпусами не просите, у него весной будет своя сольная партия.

Сталин пожал мне руку.

– До свиданья, товарищ Бережной, жду вас здесь через неделю с окончательным вариантом плана.

28 января 1942 года, полдень. Станция Воронеж. Гвардии майор Сергей Александрович Рагуленко

Утром по эшелону зачитали Указ Верховного Совета СССР. Согласно ему наша бригада стала 1-й гвардейской Ордена Боевого Красного знамени Отдельной Тяжёлой Механизированной бригадой ОСНАЗ РКК. По этому поводу приказываю разлить личному составу после завтрака "по писят" из НЗ. Награждение всей бригады – это дело святое. Мы теперь не хухры-мухры, а круть неимоверная, и вкатываемся в историю, как по рельсам.

Но, блин, война ведь только начинается. В первую очередь для немцев, которым предстоит на собственной шкуре узнать, что такое русский солдат, доведённый до состояния ярости. Ну и для нас тоже, потому что немец мужчина серьёзный, и подходить к нему надо во всеоружии. Чует моя пятая

точка: мы уже успели так отравить жизнь Алоизычу, что скоро на нас начнётся персональная охота с помощью диверсантов, массовых налётов авиации и прочих фрицевских понтов.

Конечно, та хохма, что официально мы уехали в Сталинград, может сбить парней Канариса со следа, а может и нет. То, что мы туда и не собираемся, – к гадалке не ходи. За Красным Лиманом эшелон свернул на север, а не на юг, и теперь каждый удар колес по стыкам рельсов приближает нас к столице нашей Родины Москве.

Настроение у народа приподнятое, мы опять уходим с места сражения победителями. Командование и штаб батальона едет в одном вагоне со взводом разведки и управления, которым командует капитан Борисов. С ним и его бойцами мы вместе прошли весь путь от набережных Евпатории до позиций под Краматорском. За это время паренёк изменился даже внешне, как и его бойцы. С лица куда-то исчезло выражение растерянного недоумения и отчаянного упорства, сменившееся на осознание своей силы и мастерства. Мы можем их побеждать, побеждать в их же стиле, нагло врываясь в ничего не подозревающие города со спящими гарнизонами. Можем, одетые в форму противника, тихо снимать часовых, открывая тем самым дорогу бронетехнике. Можем выйти с немецкой панцеркамфгруппой баш на баш и, оставив от неё только груды изуродованного металла, пойти дальше, выполняя задание Родины.

Мы – это не только бойцы, пришедшие из нашего, навеки потерянного 2012 года. Мы – это ВСЯ бригада. Честно говоря, чем дальше, тем больше начинаю забывать, кто есть кто. С начала боёв мы потеряли двенадцать человек из исходного, как здесь принято выражаться, инструкторского состава моей старой роты, ставшей костяком батальона. Инютин, молодой взводный лейтёха, словил шальную пулю в лицо под Саками. Его заменил старшина Гаврилов, которому при переаттестации дали мамлея. Ещё три контрактника легли, когда мы деблокировали Севастополь. Восемь парней при разных обстоятельствах погибли во время рейда по степям Таврии. Раненых два десятка, но комбриг нас заверил, что все они вернутся к нам до начала нашей переброски на фронт. У местных потери ещё больше – тридцать семь убитых и более полусотни раненых. Да, но ведь их вдвое больше, чем инструкторов, так что относительный результат не так уж плох. И главное, не подбита и не сгорела ни одна БМП. Техника в исправности и на ходу. Правда, сильно напрягают немецкие тягачи. Все время надо помнить, что по сравнению с нашей бронетехникой это жуткий эрзац, не обладающий ни настоящей проходимостью, ни достаточными бронированием и огневой мощностью. По сути, это только транспорт для

перевозки пехоты на марше. Колесные броневики у немцев лучше, но этих трофеев хватило только на роту разведки. Ах, как было бы хорошо иметь более-менее стандартную технику, а не эту сборную солянку. Уж мы тогда бы показали немцам, что такое настоящий "боевой биатлон".

Что-то мальчики мои боевые погрузнели, задумались. Каждый из них уже терял боевых друзей. Разведчики-черноморцы отступали от Измаила к Одессе, потом два месяца боёв и эвакуация в Крым. Это было время, когда над их головами непрерывно висели немецкие самолёты, когда Красная Армия терпела поражения и отступала. Да, может показаться, что мы пришли и в одночасье всё изменили. Но на самом деле совсем не так. Мы только, говоря боксерским языком, сбили немцам дыхание и перехватили инициативу. А ещё, как говорят, с нашей помощью было обезврежено несколько суперидиотов, окопавшихся на командных должностях. И, как говаривал мой дед: «Що маемо, то маемо!». Он, Петро Рагуленко, сейчас, кстати, где-то там, в той мясорубке, что мы закрутили вокруг Сталино... Надо будет отослать бабке, жене его, фото и денежный аттестат, пусть своего сыночка, который вырастет и станет моим батей (с ума сойти!) получше кормит. Морда лица у меня вполне фамильная, так что я могу назваться их дальним родичем.

Ну вот, сейчас я и сам впаду в грех тоски и уныния... Нет, надо развеивать эту нечисть немедленно.

Я посмотрел на Борисова.

– Товарищ капитан, гитару в студию... Вон, брезентовый чехол, прямо за вами... Ага, она самая...

Капитан подал мне гитару и улыбнулся:

– Товарищ майор, давайте нашу, бригадную...

Седой, а в душе все ещё мальчишка. За матерчатой занавеской, отделявшей большую часть вагона от "кубрика" девушек-зенитчиц, как-то подозрительно замолчали.

Я вынул гитару из чехла, взял несколько аккордов, подкручивая колки.

– Итак, товарищи, – я кивнул в сторону занавески, – и ещё раз товарищи. Гимн Гвардейской Отдельной Тяжёлой Механизированной бригады ОСНАЗ РКК...

Видно, заклинание было произнесено верно, и из-за занавески выглянула забавная конопатая мордашка. Это была девичья разведка, подносица боеприпасов Даша. Мне кажется, что она вообще малолетка, и приписала себе пару лет в военкомате... Но это не важно, в нашей истории через полгода весь полк должен был героически погибнуть, стреляя прямой наводкой по немецким танкам... Теперь этого, наверно, уже не будет. Я

ударил по струнам, старясь подстроить ритм под стук колес...

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы к плечу плечо
Врастаем в землю тут...

Сначала один, потом ещё и ещё, ребята начали подпевать.

Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Глаза разведчиков загорелись, некоторые начали отбивать ритм на котелках, добавляя к мелодии грозный рокот.

Нас ждёт огонь смертельный
И всё ж бессилен он,
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Особый наш тяжёлый батальон,
Особый наш тяжёлый батальон,

Девушки, осмелев, полностью отдернули занавеску, и расселись на нарах, как воробушки на жердочке. Ну, прямо концерт в сельском доме культуры...

Лишь только бой угас,
Звучит другой приказ,
И почтальон сойдёт с ума

Разыскивая нас.

Закончили песню мы грозным пророчеством:

Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим,
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим,

Вагон грохотал аплодисментами. Потом Петя Борисов забрал из моих рук гитару и сбацал "Комбата". И когда только выучил, да ещё втайне от любимого командира. Тут хош не хош, а слеза на глаза накатила. Потом гитара пошла по кругу, концерт народной самодеятельности, блин.

Потом тоже "любешные", потом "Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой", "Орлята учатся летать"... Потом были "Дороги", "Землянка", "Жди меня"... Тут уже глаза влагой стали наполняться у зенитчиц... Высокая сероглазая москвичка Маша Калитина протянула было руку за гитарой... На неё особо подействовала песня про не вернувшихся с войны московских парней. Это для нас, не москвичей, это просто слова, а для таких, как она, это конкретные имена и лица. Мальчики, ушедшие на войну прямо с выпускных вечеров. Это было. Потом на войну пошли девочки... В зенитчицы, санитарки, радистки. И сколько из них сгорело в этом огне, тоже не счесть. Не более 3% из них воротились домой. В нашей истории это было поколение, почти подчистую выбитое свинцовым военным градом. Но мы так и не узнали, что хотела исполнить нам Маша, потому что завывала сирена воздушной тревоги, смешавшаяся с паровозным гудком. Налёт.

Мы уже почти подъехали к Воронежу. Немецкое крылатое зверье здесь было ещё не пуганое и довольно многочисленное. Так что угроза немецкого авианалёта была вполне реальной. Зенитчицы полезли на платформу к своим орудиям, а мы распахнули боковую дверь. Впереди и чуть справа горел Воронеж. Над ним, будто стая воронья, кружили самолёты люфтваффе. Полсотни, а может и сотня бомбардировщиков. МЗА, а именно они составляют пока основу советской ПВО, до них не

доставали. По численности это должны быть одна-две бомбардировочные эскадры полного состава. Кажется, бомбили станцию, возможно авиазавод, и какие там ещё в городе. А может, асы Геринга просто занимались привычным для них делом – ровняли город с землей.

Но у немцев в этот раз все прошло не так гладко. На станции Воронеж сейчас должен был находиться эшелон с танками майора Деревянко. Его "Панцири" посылали немцам горячие приветы, отгоняя их от станции. Появляющиеся время от времени над горизонтом инверсионные следы и взрывающиеся в воздухе самолёты, говорили немцам, что они нашли приключений на свою пятую точку. Короче, ледовое побоище в разгаре. Воленс-ноленс, мы тоже должны были попасть в эту мешанину. Но не успели. В небе появилась пара "лесников". Два МиГ-29, недавно перебазировавшихся на аэродром под Москвой, доказали что для них 350 км – не крюк.

Две тройки немецких бомбардировщиков, пытаясь обойти станцию с юга и оттуда прорваться к городу, подошли к нашему эшелону на расстояние 18 км. Это они зря... Дело в том, что "Панцири" умеют работать в автоматическом режиме интегрированной группой. Шесть ракет, шесть поражённых целей... Логику нашего командования, отдавшего приказ при возможности открывать по немецким бомбардировщикам огонь на поражение, я понимаю. Сбитый немецкий бомбардировщик – это не только выведенная из строя вражеская боевая единица и пара тонн дефицитного для СССР дюралюминия, который пионеры с удовольствием приволокут на сборный пункт металлолома. Это ещё от трёх до пяти высококвалифицированных членов экипажа, которые, если самолёт подбит над советской территорией, или будут убиты, или отправятся пилить лес или класть шпалы. Для нас – чистый плюс, для немцев – чистый минус.

МиГ-29 начали качать маятник, сделав пару заходов на основную группу немецких бомбардировщиков... Результат показался немцам достойным классического расстройств желудка, и они бросились врассыпную.

И именно в этот момент к городу начали подтягиваться местные истребительные силы на "ишачках", "яках", "лаггах" и "мигах". Очевидно, матерные послания из Москвы достигли ушей местного начальства и пробудили местную истребительную авиацию к действию.

Кто-то сказал, что рубка бегущей пехоты – это самое увлекательное занятие для кавалерии. Могу сказать, что для истребителей панически удирающие в одиночку бомбёры цель не менее заманчивая. Конца этой драмы мы так и не увидели, потому что вся эта карусель удалась на

запад. Могу сказать одно – у товарищей из местного НКВД наступила страдная пора. Небо просто кишело куполами медленно опускающихся парашютов. Есть, конечно, среди них и наши истребители, которым не повезло. Но большинство, это всё же парни "Толстого Германа" на которых клейма некуда ставить.

PS. Плохо конечно то, что теперь даже самому тупому немецкому генералу станет понятно – ни в какой Сталинград наша бригада не поехала. – Ваш ход мистер Фикс!

**29 января 1942 года. Утро. Восточная часть Средиземного моря, 100 миль на траверзе Латакии, пароход "Гаронна".
бывший штабс-капитан ВСЮР Пётр Петрович Одинцов**

Тяжек наш крестный путь обратно на Родину. Один раз мы уже прошли по нему из Севастополя в Галлиполийский лагерь, в Бизерту, Марсель, Париж, во Францию, что стала русским сынам и дочерям злой мачехой. Теперь Родина снова вспомнила о нас и позвала, скорее всего, на смерть. Но лежать-то мы будем уже в родной земле. На пароходе нас, русских добровольцев, почти две тысячи. Кроме русских здесь почти семь десятков французов – лётчики. Они подсели к нам в Бизерте, говорят, что им тоже надо в Россию. Ходят слухи, что Сталин обещал дать оружие каждому, кто приедет биться с фашизмом. Летом на этот призыв, наверное, никто бы и не откликнулся. Вся Европа была уверена, что ещё до холодов немцы войдут в Москву и Петербург, как уже вошли в Прагу, Варшаву, Копенгаген, Осло, Париж и Белград. Мол, немецкая армия непобедима...

Я говорил этим глупцам, что мы, русские, медленно запрягаем, но уж если поехали, то нас не остановить. Наполеон тоже вошёл в Москву, но после недолгого пребывания в ней еле унёс ноги. А через два года русские армии нанесли ответный визит. Правда, в отличие от Наполеона, французскую столицу жечь не стали. А Наполеон? Есть такой остров в Атлантике – Святая Елена называется...

И я оказался прав – где они сейчас, эти записные пророки? Вот уже два месяца на Восточном фронте у немцев творится что-то невероятное. У самых стен Кремля красные остановились, напряглись и погнали немцев обратно на запад. И как погнали! Вермахт драпал, бросая технику и оружие. Не медленно и степенно отступали, а бежали. Так ещё австрийцы бежали от армий Брусилова летом 1916 года.

Потом невероятное началось на юге, точнее, в Крыму. На сцену будто вышел опытный цирковой престижитатор. Движение руками, взмах платком... Была немецкая армия Манштейна, и вот её уже нет. Зато, как по волшебству на рейде Евпатории и в бухтах Севастополя снова появились корабли под андреевскими флагами. И среди них, о господи, тяжёлый авианосец. Будто опытный гротмейстер сделал противнику мат в два хода. Потери немецкой армии были огромными, уничтоженной и пленённой оказалась вся 11-я армия вермахта.

Но это было лишь начало. Не успело эмигрантское общество прийти в себя за нервными разговорами в кафе под сигарету и рюмку коньяка, как мир потрясло ещё одно известие. Черноморский флот вышел из своей базы и и разнёс в щебёнку Констанцу. Причём корабли под андреевскими флагами шли в одном строю с кораблями красных. После приведения к молчанию береговых батарей и полного разгрома порта объединённая эскадра медленно продефилировала вдоль берега до самого Стамбула, будто нарочно подставляясь под удар немецких бомбардировщиков. Немцы не поскупились, послали в бой целую бомбардировочную эскадру, то есть дивизию, которая и была уничтожена в полном составе в виду турецких берегов. Это был шок. Наши записные авгуры прикусили свои длинные языки.

Мы с товарищами, откликнувшись на призыв Антона Ивановича Деникина, тогда тряслись в поезде Лион-Марсель и обо всём случившемся узнали уже 13 января, в Марселе. Среди собравшихся там русских офицеров были люди небедные, и мы смогли зафрахтовать целый пароход. Но эта старая посудина, наверное, ещё помнила Крымскую войну. Ну, а если не Крымскую, то русско-турецкую 1877 года – точно. Она готова была развалиться от первой же приличной волны. Как объяснил мой знакомый моряк, шестьдесят четыре года – крайне почтенный возраст, и месье Трикупис, полугрек-полуфранцуз, получив с нас деньги, спокойно может оставить пароход в Севастополе или продать его красным на слом.

Из Марселя курс наш лежал в Бизерту. Там мы были 16 января. В порту Бизерты к нам на борт поднялось ещё несколько сотен говорящих по-русски крепких мужчин самого разного возраста. По пароходу прошёл слух, что это дезертиры из французского Иностранного легиона, решившие сменить нанимателя. Кроме них на пароходе оказались чистокровные французы, в основном лётчики и авиамеханики. Возглавлял группу лётчик, писатель, журналист и авантюрист, капитан Антуан де Сент Экзюпери. Граф, между прочим. От и показал нам затёртую до дыр газету, в которой был напечатан перевод речи Сталина, обращённой ко всем желающим

сражаться с фашизмом. Так мы узнали, что советский вождь услышал призыв генерала Деникина и откликнулся на него.

Каждый иностранец или русский эмигрант, ступивший на землю Советского Союза, получит в руки оружие, в зависимости от его умения им владеть. Самолёт, танк, коня с шашкой, винтовку – всё это советское правительство гарантирует каждому добровольцу. Советское правительство не имеет претензий к тем эмигрантам, которые не участвовали во враждебных действиях против СССР после 1925 года. Там же был подчеркнутый французами пункт о формировании в составе Красной Армии национальных освободительных частей и соединений из граждан стран, находящихся в настоящий момент под немецкой оккупацией...

Там же, в Бизерте, с нашим пароходом произошла некое "волшебное изменение" – за одну ночь "Гаронна" стала "Измиром", а французский флаг сменился турецким. Чудеса, да и только. Наш шкипер ранее явно промышлял контрабандой, не только жаждущими вернуться на Родину эмигрантами.

Восемнадцатого, загрузившись углем, водой и провизией, мы вышли в море. Шкипер старался держаться подальше от берега, несмотря на нейтральный турецкий флаг. Сейчас нам были опасны все. Немцы, итальянцы, англичане – всем показалось бы подозрительным присутствие на борту парохода такого большого количества мужчин призывного возраста, причём, говорящих по-русски. А тут ещё и дезертиры из французской армии – греха не оберёшься. Но Бог миловал – обошлось. Спокойно миновали Тобрук, не нарвавшись ни на итальянский, ни на британский конвой, осталась позади Мальта, Александрия.

Вчера вечером на траверзе Тира, мы стали свидетелем странного небесного явления – перед закатом облака разошлись, и мы увидели яркую блестящую точку, ползущую высоко-высоко в небе с востока на запад, оставляющую за собой белый след, чётко делящий небо напополам. Капитан Сент-Экзюпери долго рассматривал это явление в бинокль.

– Странно, – произнёс он. – Слишком высоко даже для высотного разведчика... Километров пятнадцать, если не больше. Да и скорость, если я не ошибся с высотой, как минимум, тысяча километров в час. Этого не может быть, но, вот оно, летит...

Теряясь в догадках, мы все наблюдали за блестящей точкой, пока она не скрылась за горизонтом. А белая полоса медленно расплывалась над нашими головами в быстро темнеющем вечернем небе. Дальнейшие события подтвердили догадки французского лётчика. Когда уже почти полностью стемнело, на высоте, там где пролетел самолёт, лучи заходящего

солнца продолжали окрашивать его след в волшебные ярко-розовые тона, напоминающие по цвету перья фламинго. Это было высоко, очень и очень высоко.

А сегодня утром мы увидели другое удивительное зрелище. Это было, как видение из прошлого. Встречным курсом к нашему пароходу шли военные корабли. Много кораблей. Сначала восходящее солнце слепило нам глаза, и мы не могли разглядеть флаги, под которыми эти корабли шли. Потом будто пелена упала с наших глаз – назло всему на их мачтах развевались андреевские стяги. Только головной и замыкающий корабли несли большевистские флаги со звездой и серпом с молотом. А все остальные были под нашими старинными, андреевскими флагами.

Комок в горле и слёзы в глазах – значит это всё-таки правда! Один из кораблей покинул походный ордер и направился в нашу сторону. На его мачтах вверх поползли флажные сигналы. Среди нас были и морские офицеры. На пароходе тут же стало известно, что это приказ лечь в дрейф и приготовиться к приёму досмотровой партии... Господи, неужели мы сейчас увидим тех, кто ходит под андреевским флагом через четверть века после гибели Российской империи!?

С корабля спускают катер. Даже без бинокля на его борту видно выведенное славянской вязью такое обычное для русского флота название "Сметливый". Катер идёт к нам...

У борта парохода толпится народ. Взрослые мужчины в возрасте сильно за сорок и молодые люди, зачастую просто мальчишки с нежным пушком над верхней губой. Наши сыновья, выросшие на чужбине. Как плакали их матери, посылая своих детей, как они считали, на верную смерть. Но разве могли они остаться, когда Родина в опасности, когда Родина зовёт! Есть, конечно, и такие, которые надели форму СС и пошли вместе с немцами "свергать большевизм". Пусть они будут прокляты, атаман Краснов и генерал Шкуро. Они не русские и не немцы, они выродки. Их немного, но, как говорят, ложка дёгтя портит бочку мёда. Генерал Деникин проклял их в своём послании, проклянем их и мы. Вместе со мной на пароходе мой старший сын Олег – Бог миловал, он не успел попасть в французскую армию, которая так быстро подняла руки вверх перед нацистами. Двое младших сыновей и дочь остались в Лионе с матерью. И да помогут им Бог и добрые люди, если мы не вернёмся назад. Война в России идёт страшная, не на жизнь, а на смерть...

Как раз Олег и отвлёк меня от этих мрачных размышлений. Указывая рукой на катер, он сказал:

– Папа смотри, у них погоны...

Гул удивления прошёл волной по пароходу. Я напряг зрение – это у сына глаза молодые, а я после сорока пяти начал уже сдавать. Хотя, что тут непонятного, если над кораблем развевается андреевский флаг, то матросы и офицеры на нём должны, просто обязаны, носить погоны. Нет, господа, чудо из чудес, среди матросов с погонами – чекист-пограничник с зелёными петлицами. Один. И при том, что странно, не плюется ядом и не смотрит на погоны, как раввин на свиное ухо. И ещё интересно, что переговаривается он с офицером, и вроде как дружески. Прости меня Господи и вразуми, что же это такое делается на свете?

Проклиная судьбу, свою жадность и этих непонятных русских, которым не сидится дома, шкипер приказал опустить трап. Как матёрый контрабандист, он даже не думал препираться с командиром военного корабля. Знал, что всё это может закончиться для него крупными неприятностями.

К трапу, по которому уже поднимались офицер с матросами, через толпу протиснулся генерального штаба полковник Игнатенко. Он самый старший в нашей компании. Ему уже за пятьдесят. В Гражданской войне не участвовал, был в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции. Поскольку мы не махновская банда, то офицерское собрание назначило его, как самого старшего по званию и опыту, нашим командиром. Отчетливо помню, как волновался он тогда из-за оказанного доверия, как тряслись его руки.

Сейчас же полковник подтянут и собран, сапоги начищены до зеркального блеска, гражданская кепка сидит на голове почти как офицерская фуражка. Толпа чуть отхлынула от трапа, оставляя полковника один на один с уже поднявшимися на борт гостями.

Офицер, поручик, фигуры его не видно совершенно. Этому мешает странный, явно форменный жилет, карманы которого битком набиты разнообразным снаряжением. На правом плече, прижатый локтем, висит короткий то ли карабин, то ли пистолет-пулемёт со складным прикладом. Лицо у поручика волевое, жёсткое, свежий шрам на щеке. Он смотрит на нас доброжелательно, но в то же время, словно на ожившие экспонаты в музее, что ли. Видно, что это не первая его война. Если Манштейна в Крыму разбили такие же как он, то я не завидую немцам.

Второй – чекист. Молодой, чуть постарше моего Олега, насторожен. Но он старательно делает безразлично-равнодушный вид. Кобура нагана растёгнута, но и только. Руку он старается держать подальше от рукояти. По мелким движениям, выражению лица и прочим, почти незаметным признакам, видно, что мы внушаем ему лёгкое опасение, а поручик со

шрамом – какое-то непонятно уважение, смешанное с робостью.

Матросы – унтер и два рядовых – внешне полная копия своего командира. Такая же форма со снаряжением, такие же карабины, такие же жёсткие лица, смотрят – как целятся.

Немая сцена, господа. Прямо как у Гоголя, Николая Васильевича. Потом поручик прикладывает руку к чёрному берету.

– Старший лейтенант Никитин Сергей Александрович, морская пехота Черноморского флота. С кем имею честь?

Рука, приложенная в ответ к кепке, слегка дрожит. Но полковник старается держать марку, внешне сохраняя спокойствие:

– Генерального штаба полковник Игнатенко Виктор Петрович. Скажите, старший лейтенант, что все это значит? Чекист и офицер, чуть ли не в обнимку?! Андреевские флаги рядом с советскими?

Поручик таинственно улыбнулся.

– Уважаемый Виктор Петрович. Вы же закончили Академию Генерального штаба, и не мне вам объяснять, что есть вещи, которые знать должны далеко не все. Начальная причина всех последних событий – это секрет, который опасен для тех, кто его узнает. Вон, к примеру, Черчилль помер, узнав нечто... А ведь такой живучий был, собака. Теперь и мы можем сказать, как сказал один его соотечественник после свержения царя: "одна из целей этой войны достигнута"... Так что, один – один.

- Гм, так получается, что... – прищурился полковник. – А я вот грешным делом думал, что Англия ваш союзник...

– Союзники бывают разные, господин полковник, иные такие, что и врагов не надо. – усмехнулся поручик.

Полковник Игнатенко, очевидно, тоже был того же мнения, потому что пожал плечами и кивнул головой.

– Наверное, вы правы, поручик. Эти "джентльмены" ищут лишь для себя выгоду и ради неё могут ударить союзника ножом в спину. Попомните моё слово, с господином Сталиным, как только пропадёт в нём нужда, они поступят точно также.

- С товарищем Сталиным, господин белый полковник... – вдруг нервно выкрикнул чекист дрожащим от ярости голосом.

Мы все напряглись, но поручик быстро разрядил обстановку.

– Товарищ младший сержант госбезопасности, – сказал он спокойным, почти равнодушным голосом, – прошу вас запомнить на будущее – здесь нет белых или царских офицеров... Здесь есть только русские офицеры. Вы помните, что недавно сказал товарищ Сталин? Гражданская война закончилась, забудь. Все, кто хотят сражаться с фашизмом, должны

получить возможность это сделать. Так что не стоит нервничать. Лучше постойте в сторонке и подумайте над словами Верховного Главнокомандующего.

Это нравоучение поручика подействовала на чекиста, как ушат холодной воды. Он отошёл к трапу и больше участия во всём происходящем не принимал. А мы были удивлены и озадачены. Поручик тем временем, снова повернулся к полковнику Игнатенко.

– Итак, Виктор Петрович, надеюсь, я не ошибся – среди здесь собравшихся все русские офицеры?

– Нет, господин поручик, вы не ошиблись, мы все русские офицеры и хотим защищать Россию от напавших на неё германцев. Как сказал Антон Иванович Деникин: "Во искупления греха Гражданской войны". Мы хотим попасть на Родину вместе со своими сыновьями... У кого они есть, естественно. Мальчики, конечно, не офицеры, мы считаем их кем-то вроде вольноопределяющимися.

Поручик пробежал взглядом по лицам собравшихся. На некоторых из них отчаянье, упрямство, надежда, наивная решимость "искупить кровью". Видимо довольный увиденным, он кивнул.

– Хорошо, господин полковник. Скажите, какова ваша конечная точка назначения?

Ответ полковника Игнатенко был коротким, как последняя затяжка сигаретой приговорённого к расстрелу:

– Севастополь!

– Отлично! – кивнул поручик. – В Севастополе вас встретят. Мы предупредим кого нужно.

Он как-то странно прижал ухо к плечу, будто вслушиваясь в нечто, что было внутри него.

– Да, так точно.

Потом снова посмотрел на полковника.

– Виктор Петрович, на сборном пункте в Севастополе все желающие настоящего дела пусть спросят гвардии майора Тамбовцева. Он вас определит в бригаду генерал-майора Бережного. Засим, господа, позвольте пожелать вам благополучного плавания. Нам пора. И не бойтесь, все будет хорошо.

Сразу после этих его слов по трапу в катер спустился сначала сержант-чекист, потом матросы, а последним поручик Никитин. Взвыл мотор и, оставляя за собой белопенный след, катер рванулся к кораблю. Мы все стояли, как громом пришибленные.

– Да, дела, – сказал кто-то. – Ничего не пойму. Дело ясное, что дело

тёмное.

- Ничего не сказал, – ответил другой голос, – но обнадѣжил.

А я вспомнил, что когда-то году, этак, в шестнадцатом, довелось мне встретиться на фронте со штабс-капитаном Василевским. Хотя и было то знакомство шапочным, но вырос Александр Михайлович в Красной России в большого человека. Генерал лейтенант, фронтами командует... Эх, может в восемнадцатом не к белым надо было идти на Дон, а к красным – в Москву? Кто знает, может и лежал бы я сейчас в сырой земле, как поручик Тухачевский? А может быть и армиями и фронтами бы командовал? Размечтался ты, Пётр Петрович, жизнь ведь уже не переиграть...

Одно ясно: кто на свою землю под чужим знаменем придѣт – проклят будет, кто за свою землю ляжет – свят. Может потому мы, белые, красным проиграли, потому что связались с Антантой и, поверив щедрым обещаниям "союзников", призвали в Россию на помощь всякую заморскую дрянь: англичан, французов, японцев, турок, германцев, американцев и даже поляков... Где-то, говорят, даже и греки отметились. Потому и проиграли ту войну, что ослеплённые ненавистью, землю свою предали. А те, у которых и по сей час пелена с глаз не спала, те Гитлеру в СС служат, с большевизмом воюют...

Пароход начал набирать ход, стремясь скорее приблизиться к безопасному для нас турецкому берегу. А я всё стоял на корме и смотрел на запад, куда ушла русская эскадра. И думал о том, как нам теперь жить дальше-то?

29 января 1942 года. Вечер. Атлантика 100 миль западнее Лиссабона, АПЛ "Северодвинск".

Сегодня ночью радиооператоры БЧ-4 перехватили "квитанцию" немецкой подводной лодки, направляющейся из базы 2-й флотилии подводных лодок в Лорьяне на коммуникации союзников в Центральной Атлантике. Спустя два часа сообщение было расшифровано, а местоположение подводной лодки, идущей в позиционном положении, точно определено. "Северодвинск" догонял свою жертву со скоростью 30 узлов. Операция "Подводный Гром" началась. Ровно в 15 часов 17 минут по местному времени подводная лодка U-129 из флотилии "Зайцведель" и её командир, корветтен-капитан Асмус-Николай Клаузен, стали бестелесными призраками, существующими только в радиозфире. Выпущенная с

тридцатиметровой глубины практически бесшумная самонаводящаяся электроторпеда УСЭТ-80 разворотила корпус немецкой субмарины. Взрыв 300 килограмм взрывчатки произошел в районе рубки, так что из команды U-129 не спасся никто, даже стоявшие на мостике командир и штурман. В противном случае "Северодвинск" должен был всплыть, и бойцы СПН ГРУ "зачистили" бы оставшихся в живых. Убедившись, что дело сделано, капитан 1-го ранга Верещагин направил свой подводный крейсер в сторону Лиссабона.

А началась эта история в ночь с 10 на 11 января операцией "Аллегро", когда по главному источнику горючего для боевой техники Третьего Рейха – нефтяным полям в окрестностях Плоешти – был нанесён внезапный и страшный удар. В течение нескольких минут главная "бензоколонка" Вермахта и Люфтваффе превратилась в море огня. Прошло уже почти три недели, но стянутым со всей Германии пожарным вместе с их румынскими и венгерскими коллегами до сих пор не удаётся укротить пожар. Полковнику Шалимову и подчинённой ему батарее комплекса "Искандер-М" удалось предвосхитить огненный ад Кувейтских нефтепромыслов 1991 года. С первых же часов после катастрофы руководству Рейха стало ясно, что "бензоколонка" в Плоешти закрылась надолго, если не навсегда. В первую очередь было решено резко увеличить производство синтетического горючего. Но у этого решения была пара неприятных моментов. Во-первых, заводы, которые перерабатывали каменный уголь в нефтепродукты, за один день не строятся. От принятия решения до получения первой продукции пройдёт, как минимум, год. Во-вторых, таким способом невозможно решить проблему дефицита высококачественных смазочных масел и высокооктанового бензина для люфтваффе. Для их производства нужна натуральная нефть. Если досуха выжать все хранилища, то авиационного бензина оставалось только на месяц войны, а если учесть режим экономии и те ужасные потери, что понесло люфтваффе, то авиации бензина должно было хватить до 1-го марта.

Это стало ясно утром двенадцатого января, а уже пятнадцатого в Берне, в одной комфортабельной гостинице встретились вполне респектабельные господа. Это были представители министерства промышленности Рейха и американского нефтяного концерна Стандарт Ойл. Уже к вечеру был решён вопрос об экстренной разовой поставке полумиллиона тонн авиационного бензина марки "сто" и тридцати тысяч тонн смазочных масел (спецификация прилагается). Большую часть автомобильного парка в Рейхе планировали перевести на газогенераторы. 17 января германо-швейцарскую границу пересекли грузовики, гружёные

несколькими десятками тонн золота. Советская разведка уже вечером 18 января доложила об этом в Москву. Эту информацию ждали. Ещё при подготовке удара по нефтепромыслам был проведён анализ тех путей, которыми Германия может восполнить ущерб. Одним из них и была поставка в Рейх сырой нефти и готовых нефтепродуктов концерном Стандарт Ойл с его венесуэльских нефтепромыслов. Детище старого Рокфеллера функционировало по принципу – ничего личного, только бизнес. Да и бензин немцам обошёлся примерно вдвое дороже, чем армии США – большой риск должен приносить большую прибыль. Ошарашенные такой наглостью плутократов, немцы почти не торговались. Ну как тут поторгуешься, когда речь идёт о жизни и смерти... Можно, конечно, заправить "юнкерсы" водой из ближайшего колодца, но они от этого не полетят...

Когда на стол товарища Сталина легло донесение с информацией о крупной поставке немецкого золота в Швейцарию, вождю стало понятно, что Гитлер договорился с американцами. Ну, по крайней мере, с теми из них, кто категорически не желал превращения Европы в подконтрольную зону Советов. Торговля с врагом стратегическим товаром во время войны – деяние наказуемое, но Стандарт Ойл была слишком могущественной корпорацией, чтобы ей могли повредить судебные иски или шум в прессе. В той истории, которую мы знали в XXI веке, эти поставки бесперебойно осуществлялись до весны 1944 года и прекратились только в канун операции "Оверлорд". То есть, когда США решили поучаствовать в европейской бойне лично. Неизвестно, крови скольких сотен тысяч советских солдат стоили тогда те сотни тысяч тонн бензина полученные люфтваффе от американцев, но в этом варианте истории советское командование, получив шанс, решило пресечь это безобразие самым радикальным образом.

К тому времени, как было принято решение приступить к операции "Подводный гром", обе подводные лодки, попавшие из XXI века в 1942 год, уже скрытно форсировали черноморские проливы и уходили все дальше и дальше в Средиземное море. Случилось это в ту же самую метельную ночь, когда бригада генерал-майора Бережного пробивалась через бураны от Запорожья к Павлограду. Правда, в Стамбуле метель была совсем беспросветная. Лучи прожекторов вязли в этой мути через пятьдесят метров. Первым, опираясь на заложенную в памяти навигационного компьютера скан-карту рельефа дна Проливов, шёл "Северодвинск". В пяти кабельтовых за ним следовала "Алроса", которая, собственно, ещё в XXI веке во время своего неоднократного прохода Проливами эту карту и

составляла. За пятнадцать с половиной часов тёмного времени лодки миновали Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и исчезли на просторах Средиземного моря. Дизель-электрическая "Алроса" тихо-тихо погребла к точке randevу с отрядом адмирала Кузнецова в Центральной Атлантике, а атомный "Северодвинск", получив кодовый приказ, на тридцатиузловой скорости рванулся к Лиссабону.

Операция "Подводный гром" заключалась в пресечении канала поставок нефтепродуктов. Американские танкеры, везущие их в Португалию, должны быть уничтожены в море или у причалов, береговые сооружения нефтеналивных комплексов по обеим сторонам маршрута подвергнуты обстрелу и сожжены. И все это должна "проделать" одна из немецких подводных лодок 2-й флотилии "Зайцведель".

Первый пункт плана команда "Северодвинска" выполнила – нашла, идентифицировала и уничтожила субмарину U-129 типа IXC. Из расшифрованного радиообмена лодки с командованием флотилии в Лорьяне стали известны её позывные и фамилия командира. Теперь призрак корветтен-капитана Асмус-Николая Клаузена будет регулярно отчитываться о своих подвигах перед командующим флотилией корветтен-капитаном Виктором Щютце и самим вице-адмиралом Карлом Дёницем. Ведь именно в Лорьяне расположена его штаб-квартира. Со временем сии отчёты добавят тем немало седых волос.

Лодка находилась на позиции с двадцать четвёртого числа. За это время было зафиксировано прибытие в Лиссабон четырёх танкеров под американским флагом. Два встали под разгрузку двадцать шестого числа, два прибыли вчера, двадцать восьмого. То есть, Стандарт Ойл организовала настоящий танкерный конвейер, стремясь скорее выполнить контракт с Рейхом. Для начала операции "Северодвинску" не хватало только маски, и вот, когда подвернулась злосчастная U-129, всё было готово к "большой музыке". Осталось лишь найти первых, подлежащих к утоплению нефтяных контрабандистов. Если верить графику, то они должны быть где-то здесь, на подходе к Лиссабону.

Два танкера под флагом США в сопровождении старого португальского миноносца были обнаружены почти на закате. Скорость пятнадцать узлов, курс прямой, как стрела – на Лиссабон. По нынешним временам к танкерам можно было применить приставку "супер" – дедвейт сорок тысяч тонн. Сидят глубоко. Если сейчас там действительно стооктановый авиабензин... Многократная оптика перископа резко приблизила картинку. Когда-то давным-давно стоящие в Центральном командном посту лодки офицеры мечтали вогнать торпеду под "матрас". И

долго-долго смотреть, как тонет воплощение мирового зла. Сейчас их мечта осуществится. Первый аппарат, из которого была потоплена U-129, уже перезаряжен. В нём снова электрическая УСЭТ-80. Командир минно-торпедной БЧ-3 капитан 3-го ранга Рогов склонился над планшетом. Сейчас его задача – так проложить курс торпед, чтобы их ССН не зацепились бы за совершенно ненужный португальский миноносец. Нехай живёт. Наконец, командир БЧ-3 поднимает голову, и смотрит на командира.

– Готово, Владимир Анатольевич, можно стрелять.

Лодка заняла позицию для атаки левее и позади идущих правым уступом транспортов. Команда – "Торпедная атака". Лёгкий толчок – торпеда вышла. Следом ещё одна. Лодка разворачивается и проваливается на глубину. В отличие от подводных лодок 30-40-х годов торпеды на "Северодвинске" запускаются не сжатым воздухом, а водой, по этой причине отсутствует демаскирующий воздушный пузырь... На миноносце, кажется, так ничего и не поняли, он продолжает идти прежним курсом. Да и далеко был этот странный звук, по местным понятиям с таких дистанций не стреляют. Взрыв, следом ещё один. Через пять минут, когда все офицеры уже обкусали пальцы до локтя, следует доклад оператора ГАС.

– Тащ капитан 1-го ранга, слышен только миноносец... Ходит кругами...

Лодка отходит ещё дальше в сторону и подвсплывает под перископ. У всех, включая командира, мандраж. Ведь это первый реальный боевой поход первой АПЛ типа "Ясень". На горизонте к югу от позиции "Северодвинска" происходит нечто inferнальное: смешиваясь с закатом, к небесам вздымается зарево от тысяч тонн сгорающего бензина. Метания и стоны португальцев никому неинтересны, и "Северодвинск" уходит в сторону от места трагедии, сообщив от имени U-129 в Лориан о двух потопленных американских танкерах. Представляю, как схватится за голову "папа" Дёниц, когда узнает, какую "дичь" скрали его "мальчики".

Но ещё не вечер. Горючее, находящееся в танкерах под разгрузкой и то, что уже перекачано в береговые ёмкости, тоже не должно достаться врагу. Для обычных подводных лодок этого времени задача была бы невыполнима. "Алроса" по кличке "Черная дыра", используя свою малозаметность, могла бы прокрасться ко входу в гавань и выпустить торпеды по стоящим у нефтеналивных причалов танкерам.

Но "Северодвинску" это не требуется. В его распоряжении запускаемые через торпедный аппарат ракето-торпеды "Калибр", экспортное наименование "Clab-S". Дальность более 300 километров, подтип ЗМ-54Э1 поразит ошвартованные у терминалов танкеры, подтип

ЗМ-14Э для поражения береговых целей с кассетной боевой частью прольет огненный дождь над терминалами. Пусть португальцы думают, что их разбомбила британская авиация...

Там же, АПЛ "Северодвинск", шесть часов спустя.

Никто не видел, как в полной темноте, в абсолютно пустынном квадрате из-под воды парами, с интервалом в две минуты, вырвались стремительные как молния снаряды. Получив команду от инерциальной системы наведения, раскрывшие крылья ракеты на высоте 20 метров повернули на Лиссабон. Первой шла пара ЗМ-54Э1, нацеленная на танкеры. По всем расчётам, их ёмкости должны быть пусты на две трети. В эти времена ещё не применяются такие хитрости, как вытеснение топлива чистым азотом, и даже до углекислотной защиты додумываются только отдельные светлые головы. Так что танкеры должны рвануть, как два огромных ОДАБа чуть ли не ядерной мощности. Взрыв должен не только уничтожить все следы применённого оружия, но и повредить береговые сооружения, инициировать пожар на терминалах. Однако ничего не оставлено на волю случая. Идущие следом две группы ЗМ-14Э нанесут удар кассетными боевыми частями по нефтеналивному комплексу и железнодорожному терминалу, где топливо переливается в цистерны.

Ничего личного, господа португальцы, это война, причём мировая. Если вы хоть чем-то помогаете Гитлеру, тогда мы идём к вам. Как говаривала императрица Елизавета Петровна: «То, что содеяно тайно, карать тоже надобно тайно...» Правда, матушка-императрица секла розгами своих гуляющих на стороне фрейлин, а мы собираемся высечь целую страну Португалию, вступившую в богопротивный адюльтер с Адольфом Гитлером.

Капитан 1-го ранга Верещагин наблюдал за горизонтом в перископ. Первый раз рвануло через двенадцать минут, заревом осветило полнеба. Почти тут же второй взрыв, такой же мощный. Ну, а потом вспышки пошли значительно слабее, но очень частые, небо на востоке осветилось так, будто вот-вот должно было взойти солнце. Но "Северодвинску" все это уже было неинтересно. Он удалялся в Атлантический океан. Ведь где-то в семистах милях к западу должна была быть ещё одна пара американских танкеров. "Подводный гром" в Атлантике прогремит ещё не раз.

30 января 1942 года. Утро, станция Кубинка-1. Командир ОТМБ ОСНАЗ РГК генерал-майор Бережной.

Сцепка из двух мощных паровозов, отбрасывая в небо клубы густого угольного дыма, с натугой втягивает на станцию сверхдлинный по здешним временам состав – 65 вагонов. Танковый батальон первым отбыл из Краматорска и первым же прибывает в Кубинку. Танки на платформах с повернутыми назад башнями затянуты в белёные брезентовые чехлы. Для искажения формы под чехлами тюки соломы. В начале, середине и конце состава стоят расчехлённые и приведенные в боевое положение "Панцири". Я уже знаю, что в Воронеже состав попал под бомбёжку, но этот налёт дорого обошелся асам Геринга. Обожжённые, покрытые волдырями вздувшейся от жара краски, пусковые трубы зенитных ракет говорят о том, что дело было горячим. Пыхая паром, паровозы подтянули состав к разгрузочной рампе. Последнее усилие – и всё, эшелон на месте...

Вместе со мной батальон майора Деревянко встречает целая комиссия во главе с начальником 22-го полигона автобронетанкового управления РККА генерал-майором танковых войск Иваном Константиновичем Романовым. Кроме начальника главного танкового полигона страны, присутствует целое созвездие конструкторов, составляющих элиту советской военно-технической мысли. Рядом со мной стоят самые знаменитые в своих областях танкостроители. Конструктор танка Т-34 Александр Александрович Морозов. Конструктор лёгких танков Т-60 и Т-70 Николай Александрович Астров. Конструктор множества пушек разных типов, в том числе и танковых, Василий Гаврилович Грабин. Отцы танкового дизеля В-2 Тимофей Петрович Чухахин и Иван Яковлевич Трашутин. Отдалённые потомки их изделия, между прочим, установлены и на наших Т-72. Здесь же Николай Фёдорович Шашмурин, человек, который "вылечил" наши тяжёлые танки от их главной болезни – ненадёжной коробки передач.

Вчера вечером, перед выездом нашей команды на полигон товарищ Сталин собрал всех нас в Кремле, чтобы как он выразился, придать общее и конструктивное направление нашей работе. На встрече присутствовал и товарищ Берия, который, между прочим, по линии ЦК курировал всю военную промышленность. Должен сказать, что товарищ Сталин, прежде чем дать кому-то поручение, сам старался досконально разобраться в вопросе. Благодаря доставленной нами литературе из будущего разбираться в некоторых вопросах он иногда стал значительно лучше, чем признанные

корифеи.

Первым делом собравшимся был показан короткий пятнадцатиминутный фильм "Разгром панцеркампфгруппы Гудериана под Чаплинкой". Нет, конечно, ещё раньше товарищи инженер-генералы дали соответствующие расписки в "соблюдении и неразглашении", тут и к гадалке не ходи. Хотя, пусть эти люди занимались и не атомным проектом, но всё равно, они были носителями такого количества государственных и военных секретов, что одним больше, одним меньше – это уже никакой роли не играло.

А вот вам, товарищи, за компанию ещё один секрет, особой важности, поскольку без этого вы не сумеете правильно оценить и использовать полученную информацию. А задача стояла, – ни много, ни мало, – не снижая ни выпуска танков, ни выпуска пушек, ни выпуска двигателей, поэтапно внести такие изменения в их конструкцию, чтобы наши танковые войска всё время на один шаг качественно превосходили немецкие панцерваффе. Не должна была повториться ситуация 1943 года нашей истории, когда советские танкисты оказались не готовы не только к встрече с "Тиграми", "Пантерами" и "Фердинандами", но и с модернизированными танками PzKpfw-III с длинноствольной 50-мм пушкой, PzKpfw-IV с длинноствольной 75-мм пушкой и самоходками Stug-III, а также САУ "Мардер". Тогда только мужество советских танкистов и большие потери, понесённые ими в самоубийственных атаках, позволили переломить ситуацию на Курской дуге в нашу пользу. Сейчас такого не должно повториться – хребет немецкой танковой армады надо ломать без тех запредельных потерь с нашей стороны.

А пока товарищи конструктора смотрели на широком плазменном экране фильм, снятый техникой XXI века. Зрелище их заворожило. Казалось, что с экрана до нас доносится запах сгоревшего тротила и горящей человеческой плоти. Я-то хорошо помню это тошнотворное амбре после завершения побоища. Снят фильм был с той самой высоты, где разведчики захватили в плен Гудериана. Снимал оператор телеканала "Звезда". Помнится, товарищ Сталин, когда первый раз вместе со мной просмотрел сие произведение, спросил:

– Так как вы сказали, фамилия оператора, снявшего такой замечательный фильм?

- Романов Андрей Владимирович, товарищ Сталин, – подсказал я.

- Есть мнение наградить товарища Романова, несмотря на его "контрреволюционную" фамилию, орденом Красной Звезды... – товарищ Сталин что-то чиркнул карандашом в своём блокноте. – После удаления

некоторых кадров, которые не следует знать кому не положено, мы сможем показать этот фильм во всех кинотеатрах Советского Союза, во всех частях и соединениях. Нашему народу он наверняка понравится.

Да, фильм впечатлял. Снятый с возвышенного места, под удачным ракурсом, он достоверно передавал всю картину сражения. Не зря же Гудериан, признанный эксперт танковой войны, выбрал эту высоту для своего наблюдательного пункта.

После завершения просмотра товарищи инженеры находились под сильным впечатлением картины разгрома двух немецких танковых дивизий. Но они пока не понимали, зачем их пригласили в этот кабинет. А как же! Мы громим немца, у нас всё хорошо, можно и дальше почивать на лаврах, занимаясь мелкими усовершенствованиями. Но товарищ Сталин, получив информацию из будущего, придерживался совсем другого мнения.

Прохаживаясь по кабинету и вертя в руках трубку, он начал:

– Товарищи инженеры. Вот вы подумайте сами, если у нас всё хорошо, значит, у немцев всё плохо. А раз так, то они, имея в своём распоряжении промышленность всей Европы и мощнейший инженерный потенциал, начнут искать выход из этой ситуации... И найдут его... Вот вы, товарищ Морозов, скажите нам, что бы вы сделали на месте немецких конструкторов, Порше или Андерсена?

Ответом ему было молчание. Тогда Сталин посмотрел на меня.

– Хорошо! Вот сидит вместе с нами товарищ Бережной, генерал-майор, командующий бригадой особого назначения, победившей Манштейна, Гудериана, Гота и Клейста, пришедший к нам вместе со своими людьми из будущего и сражающийся за СССР! Товарищ Бережной, объясните нам, пожалуйста, что будут делать немцы после того, как вы нанесли им столько тяжёлых поражений?!

«Ну что же мой выход», – подумал я и встал.

– Во-первых, товарищ Сталин, Гитлер соберёт своих танковых генералов и конструкторов. Потом он закатит им истерику. У немецкой разведки есть уже примерные ТТХ наших Т-72. Если в моём прошлом, встретившись всего лишь с Т-34 и КВ-1, – мой лёгкий поклон в сторону Морозова, – немцы создали "Тигр", "Пантеру" и "Фердинанд", то мне сложно даже сказать, на что будет способен сейчас их сумрачный гений. Я могу предположить, что если в тот раз для создания своего тяжёлого танка они поставили на него 88-мм зенитное орудие Flak 36, то сейчас калибр пушки нового немецкого тяжёлого танка может быть повышен до 105 или даже 127-мм. У немцев в 1944 году появятся такие монстры как противотанковое самоходное орудие "Ягдтигр" с орудием 128-мм. На

дистанции двух километров оно будет поражать все типы советских танков. Будет и танк "Королевский тигр" весом в 70 тонн, лобовой бронёй 150 мм и пушкой 88-мм, снаряд которой на дистанции 4 км пробивает 80 мм броню.

Я вижу на лице товарищей Астрова и Морозова скепсис. Конечно, учитывая огромный вес подобной машины и сопоставив его с имеющимися в распоряжении немцев двигателями, получается чрезвычайно маломанёвренный монстр с тяжёлой, очень медленно поворачивающейся башней. Это если следовать инструкции Гитлера. Но к сожалению для нас, немецкие конструктора и генералы отнюдь не дураки. Пока суть да дело, пока будет разрабатываться танк-монстр, они начнут выпуск модернизированных танков PzKpfw-III, PzKpfw-IV и самоходок Stug-III. Вся модернизация будет заключаться в увеличении толщины лобовой брони – именно туда чаще всего попадают снаряды танковых пушек и орудий ПТО – и установке пушек того же калибра, но с увеличенной длиной ствола. Модернизированный танк PzKpfw-III с орудием калибром 50-мм и длиной ствола в 55 калибров сравняется по боевым возможностям с Т-34-76, а танк PzKpfw-IV с орудием калибром 75-мм и длиной ствола всё в те же 55 калибров будет способен поражать все наши танки. Не надо забывать и о возможности появления "Пантеры" – танка, в котором творчески переработаны сведения, полученные немцами при изучении наших трофейных Т-34. "Пантера" – это опять длинноствольная 75-мм пушка, сдвинутая назад башня, корпус с рациональными углами наклона брони. Вот только в весовые параметры Т-34 немцам вписаться не удалось – танк вышел слишком тяжёлым. Но всё равно, крови он нашим танкистам попортил немало.

- Спасибо товарищ Бережной, – неожиданно прервал меня Сталин. – Ко всем этим немецким новинкам наша армия должна быть готова заранее. Поэтому... Товарищ Грабин, вам поручается создать длинноствольную танковую 76-мм пушку, аналогичную по характеристикам немецкой пушке 75-мм, и длиной ствола 55 калибров. Назовем её условно Ф-42. Одно условие: замена нынешней пушки Ф-32/34 на Ф-42 должна быть возможна в условиях полевой армейской мастерской. У нас много танков с пушками старого образца, и мы должны иметь возможность их модернизации. Для уменьшения отдачи используйте дульный тормоз. Товарищ Грабин, мы вас знаем как хорошего специалиста, поэтому первые экземпляры длинноствольной пушки должны поступить на испытания через месяц. Товарищ Берия проконтролирует.

Поблудневший Грабин кивнул, но решил возразить:

– Товарищ Сталин, но такая пушка при марше по сильно пересечённой

местности может зацепить концом ствола за землю!

Сталин взглядом отфутболил этот вопрос ко мне. Я предложил:

– Василий Гаврилович, переделайте стопор, крепящий пушку в походном положении, так, чтобы угол возвышения при этом был около 15-25 градусов. Этого хватает, чтобы не цеплялись за землю пушки наших Т-72, длина ствола у которых составляет примерно восемь с половиной метров. Кстати, длина вашей следующей 85-мм танковой пушки составляла как раз 55 калибров, и смею заметить, никто ни за что не цеплялся. Ну и, в конце концов, на марше можно повернуть башню стволом назад.

– Понятно? – Сталин повернулся к конструктору. – Кстати, упомянутая товарищем генерал-майором пушка будет следующей вашей задачей, как только вы справитесь с Ф-42. Наши новые танки должны иметь новое мощное оружие.

Дальше, товарищ Морозов, новые танки – это ваша забота. Внимательно изучите опыт боевого применения как Т-34 и КВ-1, так и Т-72. Выслушайте мнение товарищей танкистов, как наших современников, так и из будущего. Хорошенько подумайте, какие изменения вы можете внести в конструкцию наших танков, чтобы с одной стороны, не снижать их выпуска, а с другой, поэтапно увеличивать боевые возможности. Ваш первый доклад в этом кабинете через две недели.

Товарищ Астров, ваш танк Т-60 хорошо зарекомендовал себя, но скорее всего, его время ушло. Немцы будут переделывать свои Lt-35/38 в самоходные орудия, зенитные установки и бронетранспортёры. Вы должны поступить так же. В первую очередь наши рейдовые механизированные части нуждаются в бронетранспортёрах и самоходных зенитках. Дошло до того, что товарищам пришлось использовать трофейную технику. Пехоте нужны самоходные орудия поддержки с пушками ЗИС-3 и УСВ. Вы получите в своё распоряжение, как конструкцию и опыт эксплуатации боевой машины пехоты из ХХI века, так и аналогичные данные на различные модели немецких полугусеничных транспортёров и тягачей. Первый доклад с предварительным проектом гусеничного бронетранспортёра, тоже через две недели.

Товарищи Чупахин и Трашутин, мы с товарищем Бережным искренне надеемся, что наши танкисты вас не будут бить. Ресурс вашего дизеля В-2 непозволительно низок, хотя конструкция является родоначальником всей линии танковых дизелей в СССР. Дизель В-46-6, установленный на танках Т-72, – это прямой наследник вашего изделия. Терпеливо выслушайте, что вам скажут механики-водители из нашего времени, которые, между прочим, вели танки с вашими дизелями от победы к победе. Потом вы

выслушаете военинженеров из рембата особой бригады, потом мнение пленных немецких специалистов по ремонту танков... После всего сегодня сказанного я надеюсь больше никогда не услышать о том, что дизель В-2 имеет низкую надёжность и часто ломается... Как мне сказали, в хорошем дизеле ломаться нечему. Ваш первый совместный доклад тоже через две недели.

Товарищ Шашмурин, вам особое задание. Я узнал, что вы смогли разработать способ отливки картеров танковых трансмиссий из чугуна, что считалось невозможным в принципе. Кроме того, вы нашли способ отказаться от дефицитных легированных сталей, используя закалку обычных углеродистых сталей низкого качества токами высокой частоты. Наконец, действуя вопреки всем конъюнктурным установкам и часто идя на риск, вы спроектировали скоростную коробку передач под габариты МТО танка КВ-1, способную обеспечить надёжную работу машин весом до 100 тонн. Только благодаря этой коробке передач тяжёлый КВ обрел как бы второе дыхание. Более того, он стал передвигаться на поле боя со скоростью Т-34. Так постарайтесь в те же самые 2-3 недели довести ваши заделы до готовности к использованию в массовом производстве танков.

Ещё раз осмотрев присутствующих, Сталин кивнул сам себе.

– Всем все понятно? – и после нестройных ответов добавил: – Ответственный за передачу опыта от потомков к предкам – генерал-майор Романов. Через две недели встречаемся здесь же. Всё, товарищи, можете расходиться.

Его взгляд остановился на мне.

– Товарищ Бережной, задержитесь на пару минут.

Когда все вышли, Сталин искоса посмотрел на Берию.

– Товарищ Бережной, есть мнение после "Молнии" развернуть вашу бригаду до корпуса, усиленного отдельного тяжёлого механизированного корпуса. Ваши батальоны будут развернуты в бригады. Одна танковая бригада, пять батальонов по 30 модернизированных танков Т-34 и КВ-1. Четыре механизированных бригады, один танковый батальон из Т-34 и четыре механизированных батальона на бронетранспортёрах товарища Астрова. Продумайте штаты, в том числе, самоходной и зенитной артиллерии, транспорта для перевозки топлива и боеприпасов, всего прочего. В будущих наступательных операциях Красной Армии нужен мощный кулак, способный наносить удары огромной силы. В этом мы рассчитываем на вас, готовьтесь! Перед началом "Молнии" мы ещё раз встретимся, тогда вы нам и доложите о результатах. Всё, товарищ Бережной, можете идти...

И вот утром следующего дня, вся та же команда конструкторов встречается на станции Кубинка-1 эшелон с нашим танковым батальоном. Немного неуместным чувствует себя Астров, так как подшефные ему БМП-3 и немецкие полугусеничники придут только к вечеру. Но даже его лицо загорается любопытством, когда танкисты начинают сворачивать чехлы, и убирать тюки соломы. Да, такого здесь живьём ещё не видели...

Лязг открываемых люков. Протяжный вой запускаемых масляных печек. Первым заработал двигатель одного из "Панцирей". Скорее всего, механик-водитель поддерживал двигатель всю дорогу тёплым на случай возникновения возможных неприятных неожиданностей. Расчёт убрал крепление и откинул борт платформы. Взрыв на высоких оборотах, двигатель выбросил в нашу сторону густую струю солярового перегара. Лязгнули гусеницы и, несколько тяжеломерно развернувшись, "Панцирь" сполз с платформы.

- Что это, товарищ генерал-майор? – проорал мне в ухо начальник полигона Кубинка. Танки Т-72 на платформах уже запустили печки, ещё на двух "Панцирях" заработали двигатели, так что шум был такой, что приходилось не говорить, а кричать.

- Это, товарищ генерал-майор танковых войск, – так же официально, и так же громко ответил я, – самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс "Панцирь-С". Предназначен для сопровождения в бою танковых подразделений, поэтому и исполнен на базе основного танка Т-72. Считайте, что "ниже пояса" – это самый настоящий танк, полностью отвечающий всем необходимым требованиям по проходимости, манёвренности и защите МТО от поражения противотанковыми средствами. Эта та самая мысль, которую до всех вас пытался довести товарищ Сталин, – ударные мобильные танковые группировки должны сопровождаться такой же мобильной пехотой, самоходной артиллерией и средствами ПВО.

- А это не слишком рискованно? – перебивая пронзительный вой танкового пускателя, спросил меня генерал Романов.

- Никак нет, Иван Константинович, – также громко ответил ему я. – Вы же изучили всю историю нашей бригады. Сорвать планы противника, перерезать коммуникации, ухудшая снабжение его войск. А потом выйти на выгодный для обороны рубеж и начать зарываться в землю.

Тут очень сильно помогает наше преимущество в огневой мощи, когда у вас, к примеру, на отделение по два пулемёта. Если такая пехота зарылась в землю, то все попытки атаковать её позиции дорого обойдутся противнику. Тут весь секрет в том, что у нас пехота, артиллерия, ПВО,

ПТО, танки как бы составляют единое целое. Если в первой фазе операции главным действующим лицом являются танки, поддерживаемые пехотой и всеми средствами усиления, то во второй фазе операции главным действующим лицом становится пехота, а танки должны играть роль мобильного резерва. Поэтому так важно поддерживать в рейдовом соединении однородную мобильность.

Я стал загигать пальцы:

– Танки, пехота, ПВО, артиллерия, ПТО... По отдельности они одни мало что значат. Но вместе, сжатые в кулак, способны разбить любого противника. Мы, конечно, имеем техническое превосходство в семьдесят один год, но поверьте, при относительно небольшой доработке наши Т-34 и КВ могут иметь перед немцами большое техническое преимущество. Вот этот отрыв и надо сохранять, стараясь всё время его увеличить, попутно избавляясь от слабых мест в конструкции. Вон Николай Фёдорович, – я кивнул на конструктора Шашмурина, – работает над закалкой деталей токами высокой частоты. Архинужно и архиважно, как выразился бы товарищ Ленин. Но в любом случае, на повышенный износ двигателей и трансмиссий надо было обратить внимание ещё два года назад. А у нас же, как всегда, спохватываются лишь когда начинается война и жареный петух клюет в задницу.

Конструкторы окружили нас, даже в таком страшном грохоте стараясь прислушаться к разговору.

– Но вы-то прошли на наших танках свои то ли пятьсот, то ли семьсот километров, – вступил в беседу Александр Александрович Морозов. – Для тяжёлых КВ – это подвиг.

- А мы, Александр Александрович, – откликнулся я, – готовились к этому подвигу заранее. В штате бригады есть такое подразделение, как рембат, и такая должность, как зампотех. Их обязанность – поддерживать технику в состоянии боеготовности. Одновременно с танками из резервов Ставки был получен их полный ремкомплект. На нашей эскадре все шестерни в КПП и фрикционах из ремкомплектов были подвергнуты закалке токами высокой частоты по методу товарища Шашмурина.

Первый комплект был буквально "убит" за шесть дней боевой учёбы перед рейдом. Танкисты водили, стреляли, ремонтировали свои танки. Потом, за двое суток до начала рейда на всех Т-34 и КВ были заменены КПП и фрикционы на те, что прошли закалку. Если бы не это, мы бы наверняка уже у Запорожья бросили бы половину своей техники. Удивительно, но после такой предварительной подготовки у нас было больше проблем с трофейной техникой, чем с нашей. Поэтому, товарищи,

тщательнее надо, тщательней готовиться. Кстати, запчасти, "убитые" в ходе учёбы рембатовцы не выкинули, а загрузили в особый тягач. С целью, так сказать, разбора полётов.

- А, ладно, – я махнул рукой. – О чисто технических подробностях мы поговорим, когда прибудет вся бригада и вся техника будет в парке, а рембат приступит к ТО.

– И вообще, товарищи, – кивком головы, я показал на подходящего к нам офицера, – позвольте представить вам гвардии подполковника Николая Владимировича Деревянко. Он, собственно, и есть победитель Гудериана и наш кадровый танкист. Так что все вопросы лучше задавать именно ему.

Подполковник, невысокий, широкоплечий, одетый в зимний танковый комбез, который делал его похожим на медведя, подошёл вразвалку и чуть наискось приложил ладонь к козырьку танкового шлема.

– Товарищ генерал-майор, танковый батальон прибыл на станцию Кубинка-1 и приступил к разгрузке согласно плана. Докладывал майор Деревянко.

- Не майор, а гвардии подполковник, – поправил я его. – Указ вчера вышел.

Я повернулся к собравшимся вокруг товарищам.

– Знакомься: начальник полигона генерал-майор танковых войск Иван Константинович Романов. В ближайшее время – наш гостеприимный хозяин.

– А это – конструкторы нашей бронетехники: Александр Александрович Морозов, Николай Александрович Астров и Николай Фёдорович Шашмурин. Артиллерийский конструктор: Василий Гаврилович Грабин. Отцы знаменитого дизеля В-2: Тимофей Петрович Чупахин и Иван Яковлевич Трашутин. Товарищ Сталин поручил всем им перенять наш опыт и подготовить программу по перевооружению бронетанковых войск.

Дождавшись, пока конструкторы пожмут руку Николаю Владимировичу, я продолжил.

– Товарищи, все специальные танковые вопросы – к гвардии подполковнику Деревянко. Если товарищ подполковник не сможет ответить на ваш вопрос, то послезавтра с предпоследним эшелоном сюда прибудет наш ремонтный батальон и его командир капитан Искангалиев Марат Азизович. От него вы точно узнаете много интересного, я вам это гарантирую.

- А пока одну минуту...

Я отвёл Деревянко чуть в сторону и достал из внутреннего кармана

шинели запечатанный пакет. Всё-таки местная обмундировка, даже генеральская, не так удобна, как наша. Но ничего не поделаешь – режим секретности. А то было бы, как в анекдоте: "Штирлиц шёл по Берлину и не знал, что его выдавало: то ли буденовка, то ли волочащийся сзади парашют...".

Отделяваясь от глупых мыслей, я тряхнул головой и передал пакет подполковнику.

– Ты, Николай Владимирович, дорогу к полигону знаешь. Помню, говорил мне как-то, что уже бывал тут во время оно. Чуть не доезжая, будет маяк от капитана ГБ Плотникова, он укажет дорогу к лагерю. Этот пакет лично в руки капитану и никому более. Зенитчиц забирай с собой, их полк выведен из состава Южфронта и прикомандирован к нам. Пусть сразу делают нормальную схему ПВО, куда войдут не только "Панцири", но и местные зенитки. Немец тут ещё дерзкий, почти не пуганый. Чуть расслабишься, и отвесит столько, что не сможешь унести.

Насчет ПВО. Завтра утром в Кратово придёт эшелон с нашим БАО. А уже к вечеру прилетит основная группа Су-33. Ребята чуть поработают с "коллегами" из люфтваффе, и тогда всем станет полегче.

Всё, удачи, подполковник. Сегодня на разгрузку ещё придут эшелоны со 1-м и 2-м батальонами. Пока штаб не прибыл, в лагере ты старший. У меня дела в Москве, и сам я буду у вас завтра с утра, вместе с 3-м батальоном Борисова. Пора!

Мне действительно нужно было спешить – вчера со станции Краматорск ушёл наш последний эшелон. Штаб бригады ночью вылетел в Москву самолётами. Четыре ПС-84, которые нам привычнее было называть Ли-2, должны начать приземляться на Ходынском аэродроме через два часа. Там же меня будет ждать группа офицеров Генерального Штаба, выделенная генерал-лейтенантом Василевским. Для нас уже приготовлено место на одной малоизвестной "даче". Именно там планируется разгрузить наш пятый (комендантский) батальон.

Основу его составляет прибывшая из XXI века рота на БТР-80. Именно на неё первоначально планировалось возложить охрану базы в Тарсе. После освобождения Крыма рота была развернута до батальона за счёт бойцов осназа НКВД и пограничников. Над батальоном взял "шефство" майор ГБ Санаев. "Передача опыта" там шла как бы не интенсивней, чем в других подразделениях.

Понятно, что Лаврентий Палыч имеет большие виды на выпускников нашей "школы". А пока эти люди будут обеспечивать тайну плана "Молния". А ведь сроки сверхсжатые. Уже 5-го февраля окончательный

план должен лечь на стол Верховному. Части, которые предполагается задействовать по предварительному плану, командование уже начало выводить из боёв на отдых и пополнение. Создаются запасы боеприпасов для отвлекающей операции на Волховском фронте и основного удара на Северо-Западном. Задействованы десятки тысяч людей, и скоро эта цифра возрастет на порядок. Мы не имеем права на ошибку, ведь в Ленинграде каждый день умирают люди, наши люди.

Скользя по натоптанному снегу, я подошёл к выкрашенной в белый цвет "эмке". Водитель открыл передо мной дверь. На переднее пассажирское место сел сержант ГБ с автоматом ППД. Ещё двое живым щитом зажали меня с боков. Иногда осторожность ЛПБ переходит в настоящую паранойю, но ничего не поделаешь – такая у него работа, да и война тоже сказывается. Ну вот, своим все время долблю "не расслабляться", а тут на тебе – люди реально не расслабляются, а я все ворчу.

Машина тронулась. Надвинув папаху на глаза, постарался задремать. Когда приедем, спать будет уже некогда.

31 января 1942 года. 11:45 СЕ. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер,

Глава ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель,

Глава РСХА обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих,

Глава Абвера адмирал Вильгельм Канарис.

Конструкторы танков Фердинанд Порше и Эрвин Адерс

- Поздравляю вас, Кейтель! Вы опять оказались в дураках! Кто мне докладывал, что угроза русских, окопавшихся в Крыму, локализована и Гудериан вот-вот решит эту проблему?! Черта с два, "локализована"!

Фюрер в ярости и готов порвать злосчастного Кейтеля на части,

- Ваш "танковый бог" Гудериан сидит в подвалах НКВД на Лубянке и уже как нашкодивший школьник выкладывает всё, что знает о наших секретах. Русские разбили его, имея втрое меньше танков. И не просто разбили, Кейтель, а смешали с дерьмом и размазали по земле. Как мне доложили, при этом они понесли минимальные потери! Как такое могло

произойти, я спрашиваю?!

Тяжело дыша, покрасневший от гнева Гитлер рывком расстегнул тугой ворот рубашки.

- А вы, наш уважаемый сухопутный адмирал Канарис, – шипящим шёпотом обратился Гитлер к главе Абвера. – Не вы ли мне докладывали, что под Харьковом большевики планируют операцию лишь с ограниченными целями? И это, по-вашему, ограниченные цели?!

Юрер вдруг взорвался, перейдя от шёпота к крику.

– 17-я армия разгромлена, генерал Гот погиб в бою, как викинг, не то, что эти трусы – Манштейн с Гудерианом, которые ради спасения своих ничемных жизней подняли руки вверх перед ордой славяно-монголов! Из-за вашей бездарности и тупости солдаты Рейха сейчас героически сражаются в полном окружении, возле города, названного именем коммунистического вождя! Господа, я хочу назвать этот город Клейстбургом в честь генерала, который, как я верю, принесёт Германии великую победу.

«Конечно, принесёт... – подумал про себя стоящий навтыжку перед Гитлером Кейтель. – Клейст сидит сейчас в ловушке, и ещё неизвестно – жив ли вообще. Последний раз на связь с ОКВ штаб 1-й танковой армии выходил три дня назад. В самом городе идут тяжёлые уличные бои, большевики дерутся как черти. Последнее переданное сообщение было прервано на полуслове, и больше связь со штабом Клейста так и не была восстановлена».

У адмирала Канариса, нацепившего на своё лицо маску ужаса, мысли были совсем другие: «Смерть Черчилля даёт нам шанс начать сепаратные переговоры с Британией. Но вот фюрер... Для англо-саксов он "инфант террибль", человек, с которым невозможно сесть за стол переговоров. Пока он жив, соглашения с англичанами и американцами не будет. Но это, пока он жив...»

Слушая о новых победах большевиков, Канарис чувствовал дрожь в коленках. Его люди не смогли предугадать ни одну из этих операций. Взять, к примеру, тот случай с высадкой русского десанта в Евпатории. Локальная операция, которую штаб 11-й армии не воспринял всерьёз. И вдруг, в считанные дни эти чёртовы русские разгромили Манштейна и полностью освободили Крым. И никто из моих агентов не мог сказать толком, почему так произошло. Сведения, которые я получил из Крыма отрывочные и противоречивы...

Вот, к примеру, сообщения о неких "супертанках", появившихся у большевиков. Эксперты по бронетанковой техники в один голос говорят,

что таких танков просто не может быть. Но они есть! Ещё раньше были "суперсамолёты" и боевые "вертолёты"... Но главное не это, главное, то, что там, где большевики разрабатывают свои новые операции, у него нет информаторов. Всё, что удалось узнать, слишком обще. Известно, что разгромом армии Манштейна и окружением армий Гота и Клейста руководил генерал-лейтенант Василевский. Про бывшего офицера царской армии, перешедшего на службу большевикам, Канарис знал немало. Но кто такой генерал-майор Бережной? Об этом человеке не известно вообще ничего! Он словно выскочил со своим войском из пекла. Операция против армии Манштейна в Крыму выглядела как испытание нового оружия, нового подразделения, новой тактики. Убедившись, что всё это работает, большевики снова применили крымские наработки, только в гораздо больших масштабах. И, что самое страшное, "бригада Бережного" стала чем-то вроде пугала для частей вермахта. И вот теперь это ужасное порождение большевиков снова исчезло с фронта. Оно словно растворилось в бескрайних просторах России. Где оно? Что делает? Где и каими силами будет нанесён новый удар? Адмирал Канарис не мог дать вразумительного ответа на эти вопросы...

Канариса оторвал от размышлений очередной истерический вопль фюрера.

– Адмирал! Вы что, спите?! Я вас спрашиваю, почему Абвер не может выполнить свою работу – заранее предупредить нас о появлении новых образцов техники у большевиков?! Танк с двенадцатисантиметровой пушкой ведь не сделали в велосипедной мастерской за пару месяцев. Откуда они взялись, чёрт возьми, эти монстры?! Танки, самолёты, вертолёты... Я могу поверить, что русские собрали солдат с опытом войны с Финляндией и Японией. До такого оказались способны додуматься даже унтерменши. Тогда их природная злоба и безразличие к смерти способны доставить много проблем доблестным солдатам Рейха. Но как, как вы могли не заметить того, что большевики прямо у вас под носом создают совершенно новые образцы боевой техники, которые я бы назвал "чудо-оружием"?! Молчите?! Хорошо, молчите и дальше! Я уже задавал вам подобные вопросы, но вам, очевидно, нечего на них ответить! Возможно, придётся поискать человека, который сможет дать мне на них ответ. Вы засиделись на своём месте, Канарис...

- Господа, – фюрер повернулся к молча взирающим на все происходящее конструкторам танков, – Германии нужен танк! Нет, не так. Германии нужен такой танк, который внушал бы ужас врагу! Неуязвимый и способный расстреливать с дальней дистанции большевистских монстров.

Мы должны показать, что все большевистские потуги в танкостроении – ничто, перед германским техническим гением.

Большевики ставят на свои танки двенадцати- и пятнадцатисантиметровые пушки. Возьмите и вы орудия соответствующих калибров. Я не ограничу вас ни в чём. Ни в средствах, ни в материалах. Требование моё только одно, или скорее два, – ваш танк должен быть могуч и неуязвим. Если не хватит мощности одного мотора, ставьте два! Почему на самолётах это возможно, а на танках нет? Идите и дайте Германии танк, с помощью которого она победит большевистские орды, дойдёт до Урала и Индии. Идите, и помните: весь Рейх смотрит на вас с надеждой и ждёт от вас подвига!

Когда Порше и Адерс вышли, Гитлер посмотрел на Гейдриха.

– Рейнхард, возьмите под свой контроль всё, что связано с "бригадой Бережного". Надеюсь, что ваши люди будут более опытными и удачливыми, чем эти бездельники из Абвера. Да, и пусть ваши люди выяснят, разгром порта в Лиссабоне и потопление американских танкеров "мальчиками" Дёница – это трагическая случайность или...? Вы поняли, что имею в виду... Ведь это был уже наш бензин. А эти недоумки, увидев американский флаг, кинулись зарабатывать Рыцарские кресты. Пусть лучше топят корабли большевистской эскадры, которая скоро появятся в Атлантике. Кстати, Рейнхард, что это за слухи о том, что над большинством кораблей этой эскадры подняты флаги Российской империи?

При этих словах Канарис дернулся, но Гейдрих успокаивающе кивнул,

- Это не слухи, мой фюрер. Мои люди в Стамбуле наблюдали проход эскадры и докладывали мне о том же самом. Только два небольших крейсера – русские называют их лидерами – несут большевистские флаги, над остальными кораблями – флаги Российской империи.

- Надо проследить, чтобы все они отправились на дно! – нервно выкрикнул Гитлер. – Ни один корабль не должен дойти до Мурманска, куда они направляются, ни один!

- Мой фюрер, – решился вдруг сказать Гейдрих, – у нас есть сведения, что находящийся в эмиграции в Париже русский генерал Деникин призвал своих соотечественников во Франции и других странах отправляться в Россию и сражаться там на стороне большевиков против Германии. Мы тщательно перепроверили эту информацию. Она подтвердилась, и я приказал арестовать генерала Деникина. Сейчас им занимается гестапо.

- Отправьте в концлагерь этого старого дурака, а если он и там не успокоится – казните! – Гитлер обратился к присутствующим. – Господа, я жду вас через неделю с более приятными новостями. Всё, все свободны.

Часть 7. Обманчивая тишина

2 февраля 1942 года. Утро. Неподалеку от полигона Кубинка, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Ну, вот мы и в полном сборе. Наш полевой лагерь, разбит для нас сапёрами неподалеку от полигона, и он на три недели станет нашим домом. Правда, только я знаю об этом, остальным пока ещё ничего неизвестно. Штабные, планирующие операцию, находятся в другом месте и присоединятся к бригаде лишь в момент погрузки в эшелоны. Поверьте, так надо. Эффект внезапности многократно усилит наш удар.

Пока же, даже если немецкое командование и обнаружит место нашей дислокации, оно должно быть уверено – бить мы будем здесь. Бесхитростно, по прямой – на Смоленск. Мы же будем стараться делать вид, что да, мы такие олухи. А потом ударим там, где нас совсем не ждут. Пока же, кроме командира бригады, то есть меня, бывающего в бригаде наездами – Фигаро там, Фигаро тут – самые главные люди, это зампотылу и командир рембата, он же зампотех бригады. За это время нужно провести ТО на всём, что ремонтировать не надо, и восстановить всё, что ремонтировать возможно. А что отремонтировать невозможно, то следует заменить.

Копаться в моторе при минус двадцать – то ещё удовольствие. Никаких боксов под рукой нет и не предвидится, даже в виде сооружений МТС. Поэтому наш зампотех капитан Искангалиев вынужден натягивать между деревьями полотнища беленого брезента, сооружая из них нечто вроде палаток таких размеров, что под ними можно спрятать танк, а то и два. Первая такая, на два танка, уже готова, и там сейчас находится "вся королевская рать": от нас – Деревянко с Искангалиевым, от конструкторов – Морозов, Шашмулин, Грабин, Чупахин и Трашутин. Выражения, которые доносятся из-под полога, весьма далеки от парламентских. Для сравнительного анализа в бокс загнаны Т-72 и один из многострадальных Т-34. Как я понимаю, сейчас их начали разбирать, чтобы добраться до ключевых узлов.

Заглядываю. Пока механики-водители и мастера из рембата снимают крышку МТО на Т-34, разговор идёт о компоновке танка. Морозов мотает на ус. Ему вспомнили и люк механика-водителя в лобовой броне, и шаровую пулемётную установку стрелка-радиста... Но, честно говоря, компоновка танка была придумана не им, а покойным Кошкиным.

Морозов сам лезет на место механика-водителя Т-72. Был я там, и даже во время оно, сдавал зачет по вождению этой грозной боевой машины. А что, при моей-то специализации это вполне могло пригодиться. Так вот, ещё в Армянске я полазил и по Т-34, и по КВ. После Т-72 место механика-водителя на тридцатьчетвёрке явно выглядит убого. Это если вы в зимнем комбезе всё же умудритесь на него протиснуться. Похоже, что Морозов сделал соответствующие выводы. Погодите, ещё придёт очередь и знаменитой командирской башенки...

Но до конца проникнуться картиной "обмена опытом" в полном объёме нам не дали. От КПП, заглушая вялое бормотание радио-тарелок, донесся отчаянный вопль старшего наряда:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий...

В голове мечется мысль: «Неужели к нам приехал лично товарищ Сталин?»

Выскакиваю из танковой палатки на свежий воздух и быстрым шагом иду к КПП – бегать генерал-майору как-то несолидно. Вон, в ту же сторону торопится и старший майор Санаев. Дождь наград и повышений после благополучного завершения "Полыни" не обошёл и его.

Возле КПП знаменитый "Паккард", несколько эмок и полуторка. Точно, вождь решили посетить нас с официальным визитом. Берия вчера вечером, к примеру, заехал вообще без всякой помпы. На одной эмке, водитель, сам ЛПБ и два порученца. Ага, вон и сам ИВС, стоит возле машины. Все на КПП в состоянии лёгкого обалдения. Капитан ГБ Плотников, начальник внешней охраны лагеря, стоит вытянувшись в струнку. Ага, смотрю, тут и генерал Власик, и товарищ Берия – ну как же без них.

Подхожу, отдаю честь.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий...

Сталин терпеливо выслушивает мой рапорт и кивает.

– Здравствуйте, товарищ Бережной. Вот заехал к вам, так сказать, по соседски, а часовой не пускает. Пропуск, говорит, нужен особый...

Сталин оглянулся.

– Власик его уже арестовать хотел, но я запретил, боец правильно действует, по уставу...

- Пропуск?! – я достал из планшета чистый бланк и вписал – Иосиф Виссарионович Сталин, в графу "цель визита" написал – обмен опытом. Расписался и протянул бланк старшему майору Санаеву.

– Иса Георгиевич, завизируй!

Наш особист черкнул свою закорючку и я протянул пропуск дежурному по КПП.

– Ну как, товарищ сержант, теперь всё в порядке?

- Так точно, товарищ генерал-майор! – дежурный наколот пропуск на штырь. – Всё в порядке!

Сталин повернулся к дернувшемуся было Власику.

– Оставайся со своими людьми здесь! Меня проводят товарищи Бережной и Берия.

Потом, оставив позади растерянного начальника своей охраны, взял меня под локоток.

– Ну, ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, показывайте своё хозяйство...

И мы пошли по главной аллее лагеря, на всем протяжении укрытой растянутой между деревьями маскировочной сетью. Справа и слева входы в землянки, над которыми не вьётся ни дымка. В светлое время суток в целях маскировки печи топить запрещено, но сколько сейчас того светлого времени, шесть часов – с десяти утра до четырёх вечера.

А пока вокруг нас кипит обычная жизнь полевого лагеря. Вот мимо нас на стрельбище топает взвод. Обычный наш сборный взвод. Камуфляжи морпехов, ватники и шинели красноармейцев, чёрные бушлаты краснофлотцев. Идут герои, победители Манштейна, Гудериана, Гота и Клейста. Идут отчаянные головорезы, которые уже нагнали страху на вермахт в боях под Одессой и Севастополем. Судя по всему, взвод идёт на стрельбище. Все в разгрузках, при оружии. Бросаются в глаза немецкие пулемёты МГ с примкнутыми патронными коробками. Пулемётов много. Пулемёт – это друг, товарищ и брат пехотинца, хоть в обороне, хоть в наступлении. При виде Сталина, глаза бойцов округляются, взводный даёт команду, и бойцы, сделав зверские лица, переходят на строевой шаг. По утопанному снегу глухо топают подошвы ботинок, валенок и кирзовых сапог. Тридцать глоток на одном дыхании выдают:

– Здрав... Жел.. Тов... Верх.. Главн...

Сталин в ответ улыбается своей "отеческой" улыбкой и прикладывает руку к козырьку своей знаменитой фуражки. Взвод проходит мимо, пожирая вождя глазами. Всё чётко, по уставу. Только это всё не наиграно: парни и в самом деле запомнят встречу с Верховным на всю жизнь.

Товарищ Сталин поворачивает голову в мою сторону.

– Скажите, товарищ Бережной, а почему у вас бойцы, так, м-м-м. неодинаково одеты? Мы всё понимаем, бои и все прочее, но внешне выглядит всё это как-то не очень...

Я кивнул.

– Товарищ Сталин, мы подавали заявку, но она где-то застряла. Поскольку вы распорядились не выдавать форму установленного для РККА образца, а велели изготовить спецпошивом реплики с наших зимних камуфляжей, то началась канитель. Комбинат спецпошива каждый день обещает показать образцы, но каждый раз "сегодня" переносится на "завтра".

Сталин бросил тяжёлый взгляд в сторону Берии.

– Лаврентий, разберись. Если это просто глупость, то сними виновных с должности и пошли на фронт. А если что другое, то накажи по всей строгости, вплоть до трибунала. И рассмотрите там вопрос о пошиве такой же формы для других спецчастей. Помнится, товарищ Василевский говорил, что форма очень удобная, тёплая, и не сковывает движений. Чтобы послезавтра в бригаде были образцы, а ещё через десять дней все бойцы и командиры должны быть одеты как положено...

Он снова посмотрел на меня.

– Товарищ Бережной, а что вы скажете о том, чтобы снова ввести в армии погоны? ТАМ у вас, мы, кажется пришли к аналогичному решению?

Я вздохнул.

– Товарищ Сталин, я думаю, что в полевой форме необходимо оставить всё как есть. Вы видели бойцов. Те жилеты с карманами, что были на них, называются разгрузки. Но если на бойце или командире надета разгрузка, то никто никаких погон не увидит, а вот петлицы – пожалуйста. Я бы высказался за то, чтобы, оставив петлицы, одновременно ввести и погоны, как знак преемственности с русской армией Румянцева, Суворова, Кутузова и Скобелева. Но и...

Сталин подхватил мою мысль.

– ...но и революционные традиции забывать не надо, так? Я вас правильно понял?

- Так точно, товарищ Сталин, – ответил я. – Любой разрыв традиций, это катастрофа в сознании людей. Чем меньше будет таких разрывов, тем меньше шансов у тех, кто захочет объяснить народу, что капитализм – хорошо, а социализм – плохо. И заморочив всем голову, украсть страну. Традиции – это фундамент общества, и любой, подкапывающий его, должен считаться преступником.

Сталин немного помолчал, видимо обдумывая мои слова, потом

медленно сказал:

– Я полагаю, что эта тема нуждается в дальнейшем развитии и углублении. Мы займёмся этим вопросом позже, в более спокойной обстановке. А теперь, пожалуйста, покажите мне ваши знаменитые супертанки.

Я пригласил:

– Сюда, товарищ Сталин, – а сам подумал: «Человек он умнейший, трудоголик, плюс семинарское образование... Остроту момента чувствовал, как никто другой, и при этом никогда не был догматиком. Поговорить, конечно, надо в спокойной обстановке, а не как древнегреческие философы на прогулке. Тем было хорошо, у них были песок и пальмы, а у нас снег и ёлки, при минус двадцать вести философскую беседу как-то несподручно».

В танковом парке Сталина по-настоящему потрясли даже не Т-72, а САУ МСТА-С, огромные как дом. Нет, можно сказать, что 152-мм гаубица была уже и у танка КВ-2, но Боже, какой это был уродец! Короткий ствол, стрельба только прямой наводкой и только уменьшенным зарядом. А тут – длиннющий ствол с набалдашником дульного тормоза. Когда товарищ Сталин попросил полковника Искалиева показать, как высоко самоходка может его поднять, то ствол по зенитному уставился в небеса. 68 градусов – это вам не шутки. Ещё чуть круче, и снаряд прилетит вам обратно на голову.

Не надо говорить, что товарищ Сталин не разбирался в военном деле. Разбирался он достаточно для Верховного. Посмотрев сначала на меня, потом на полковника Искалиева, он заключил:

– При нынешнем уровне нашей промышленности мы, наверное, не сможем скопировать такое замечательное самоходное орудие.

И повернулся к Берии.

– Ведь так, Лаврентий?

Берия только кивнул. На невозмутимом лице полковника не промелькнуло и тени эмоции, Сталин же, прищурившись посмотрел на меня, ожидая, сдамся я или буду отстаивать свою идею.

Тогда я пожал плечами.

– В таком случае урежем требования к ТТХ. Возьмём за базу шасси танка КВ. Перекомпонуем его, как на "Мсте", двигатель спереди-справа, механик-водитель – спереди слева, боевое отделение – сзади. За основу артсистемы можно взять серийно выпускающуюся пушку-гаубицу МЛ-20. Угол поворота башни можно ограничить тридцатью или сорока пятью градусами в обе стороны. Если это сложно из-за слишком широкого погона башни, то, как вариант, можно предложить комбинацию неподвижной

рубки и подвижного артиллерийского щита со скосами. Вот так примерно...

Я набросал эскиз на снегу.

– Тогда всё обойдется установкой готовой МЛ-20 на самоходное танковое шасси. Хотя, конечно, хотелось бы иметь самоходку с полноценной поворотной башней, а не паллиатив.

Я задумался. Сталин и Берия тоже пока молчали.

– Оборудование для расточки погона большого диаметра должно быть на судостроительных заводах, где до войны строили крейсера с башенным артиллерийским вооружением. Николаев пока для нас потерян, остаётся Ленинград. Крейсеров сейчас не строят, значит, оборудование простаивает. Заказать им даже не бронекорпуса, а крышу боевого отделения с расточенным погоном. Так можно ускорить и выпуск среднего танка с 85-мм орудием, и тяжёлых танков со 100-122 мм орудием. Это на то время, пока не появится дополнительные расточные станки большого диаметра для каждого танкового завода.

Я вздохнул: ну вот, вроде и всё.

А может зря я так разговорился? Как в ТОТ РАЗ, наделают рубочных САУ, пригодных лишь для стрельбы прямой наводкой, фактически противотанковых, и будут ходить счастливые, что есть самоходное орудие. Наклепали их ТОГДА и на базе КВ-1С и на базе ИС-1 более 3800 штук... Но эту задачу прекрасно могли решить и специализированные самоходные противотанковые пушки калибром в 100-122 мм... Делать их можно на шасси средних танков, и обойдутся они куда дешевле.

Наконец Сталин кивнул головой.

– Мы подумаем над вашим предложением, товарищ Бережной. Наверное, вы правы, таким мобильным частям и соединениям, как ваше, нужна именно полноценная самоходная артиллерия. Скажите, сколько орудий вам нужно на корпус?

Я решил: наглеть, так наглеть!

– Думаю, что для решения профильных задач в составе корпуса должна быть тяжёлая артиллерийская бригада пятидивизионного состава. Но, товарищ Сталин, когда я говорю дивизион, я имею в виду по привычным мне штатам: восемнадцать орудий, а не шесть. Итого 90 орудий калибра 152-мм и столько же более лёгких самоходных орудий калибра 122-мм для непосредственной поддержки пехоты и танков. Вон, товарищи, посмотрите туда. Это плавающие самоходные орудия поддержки десанта "Нона-С". Кроме того, когда у немцев появятся более совершенные танки с мощными пушками и более толстой бронёй, то для корпуса понадобится

самоходный противотанковый арtpолк четырёхдивизионного состава. Противотанковые самоходки могут быть классической схемы, без башни и с передним расположением рубки. Делать их желательно с орудием калибра 85-100 мм, и уже на базе танка с поперечным расположением двигателя. Тогда рубку можно будет отнести ближе к центру корпуса и установить лобовой лист под острым углом...

Я говорил, зная, что и Берия, и Сталин обладают абсолютной памятью и ничего не забывают. Записи они сделают потом, уже вернувшись в свои кабинеты, когда придёт пора раздавать поручения исполнителям.

Берия вдруг спросил:

– А почему противотанковый арtpолк должен быть именно четырехдивизионного состава?

Я пояснил:

– Товарищ Берия, в корпусе четыре механизированных бригады. В случае ведения оборонительных действий можно будет либо закреплять один противотанковый дивизион за каждой бригадой, либо использовать весь полк на самом опасном направлении.

Разговаривая на артиллерийские темы, мы дошли до конца парка, где стояли БМП-3Ф.

– Те бронетранспортёры, что смогут поставить союзники или произвести наша промышленность, не будут иметь такого мощного вооружения, как те, что пришли с нами из XXI века. Крупнокалиберный пулемёт, максимум авиационная пушка – вот и всё их оружие. Значит, при встрече с вражескими танками их должны будут поддерживать противотанковые средства.

- А как же гранатомёты? – Берия поправил пенсне. – Мы уже начали над ними работу.

- Гранатомёты не панацея, – ответил я. – Дальность стрельбы танковой пушки до двух километров, а граната даже в наше время летела только на 800 метров. Причём только 150 из них прицельно. Гранатомёт хорош в городе или на пересечённой местности, где гранатомётчику легко укрыться. В чистом поле гранатомёт, как и ручная противотанковая граната, всего лишь средство противотанковой самообороны пехоты, оружие последнего шанса. А вот ПТО способно выбивать немецкие танки с замаскированных позиций на дистанции в 2-3 километра. Это совсем другая песня, так как на долю пехоты может ничего и не остаться...

Тем временем, мы дошли до конца ряда с гусеничной техникой из XXI века, обогнули крайнюю БМП, прошли мимо Т-34 и вышли туда, где стояли герои этих лет – Т-34 и КВ-1. Потрёпанные, но непобеждённые. Было тихо,

между зачехлёнными танками посвистывал ветерок. Лишь слышно, как поскрипывает снег под ногами часового и где-то за танками о чём-то спорят. Голоса доносились как раз оттуда, где располагалась танкоремонтная палатка.

Товарищ Сталин прислушался к неразборчивым словам.

– Кажется, наши инженерные светила? Интересно тут у них. Лаврентий, пойдём посмотрим?

По узкому проходу между двумя КВ-1, мы пробрались к ангару. Я ещё подумал: «А ведь в товарище Сталине до сих пор сидит лихой джигит, который устраивал забастовки и ходил на эксы... Вон, как крадётся – мастерство не пропьёшь». Только снег предательски скрипел под ногами. Но ничего, наши глухари так токуют, что ничего и никого кроме себя не слышат. Так, Морозов, Чупахин и Трашутин о чём-то спорят с капитаном Искангалиевым и подполковником Деревянко. Наших так же изредка поддерживает Шашмурин.

Огибаем палатку и входим внутрь. Товарищу Сталину сегодня и так хватало бронетанковых впечатлений. Но тут картина маслом (или в масле?). Несчастная тридцатьчетвёрка выпотрошена уже почти полностью. На земле расстелен брезент, а на нём в лужах масла элементы ходовой, фрикционы, КПП, сцепление...

Немая сцена, прямо, как у Гоголя. Увидев Вождя, коллеги-инженеры просто оцепенели. И было отчего. Даже на мой дилетантский взгляд то, что этот танк доехал до места своим ходом, было чудом. Износ деталей такой, что ни о каком ремонте и речи быть не может. Ещё лучше меня это понял Берия. Он-то по образованию был инженером. На соседнем брезенте были разложены запчасти от КПП и сцепления Т-72. На мой взгляд, их никак нельзя было отличить от новых. Явно назревает грандиозная разборка. Товарищ Сталин был в курсе, что перед рейдом на танки установлены новые запчасти, прошедшие предварительную закалку. У меня получилось нечаянно показать вождю, что с надёжностью двигателей и трансмиссии у танков явно не всё в порядке. Почему в РККА по спискам танков много, но боеготовы из них единицы? Кстати, это же касалось и авиации.

От волнения у вождя прорезался сильный акцент:

– Товарищи Дэрэванко и Искангалиев, я правильно понял?

- Так точно товарищ Сталин, – хором ответили оба.

- Харашо! – Сталин ещё раз посмотрел на разложенное на брезенте убожество. – Ваш командыр сказал, чьто ви перед рэйдом поставили новие запчасти, это так?

- Так точно товарищ Сталин, – кивнул Искангалиев. – Все комплекты

шестерней были дополнительно закалены на ремонтно-спасательном корабле "Алтай".

- И пачему тогда они в таком состоянии, товарищ капитан?

- Металл некачественный, товарищ Сталин, мягкий, закалку берёт очень плохо, – пояснил Искангалиев. – Из такой стали нельзя делать элементы ходовой.

- Другого нет, – выдавил из себя Морозов.

- Малчите! – почти выкрикнул Верховный. – Ви вэдь знали, что наши танки дэлают из дэрьма, и молчали! Так малчите и дальше, сэйчас я нэ с вами говорю.

Он снова повернулся к Искангалиеву с Деревянко.

– А еслы бы ви их не закалыли, тогда что?

- Не дошли бы даже до Запорожья, товарищ Сталин, – ответил подполковник Деревянко.

- Отлично, товарищ подполковник! В смыслэ, отлично, что ви сделали всё, что могли, и выполнили задание командования.

Сталин перевёл дух.

– Товарыши из будущего, скажите мне, что надо дэлать в такой ситуации?

Капитан Искангалиев ответил:

– Товарищ Сталин, товарищу Шашмуруну к весне 1943 года удалось решить проблему путём закалки деталей токами высокой частоты.

- Да я понял, – кивнул Сталин, – и ми сразу стали побеждать немцев, так?

Искангалиев кивнул, и Сталин продолжил:

– Спасыбо, товарищ капитан. Только ми нэ можем ждат целый год. Товарыщ Берия обеспечътэ товарышу Шашмуруну все условия для работы, эсли надо – обратитесь в Куйбышев, вопрос крайне важный. А ви, товарыш Морозов, отстраняетесь от проектирования нового среднего танка. Танк будэт дэлать коллектив товарыша Шашмурина...

Потом взгляд вождя снова упал на моего зампотеха.

– С дизэлэм то же самое, товарищ капитан?

Капитан пожал плечами.

– Ещэ не открывали, товарищ Сталин, не успели. Но думаю, что да.

- Харашо, товарищ капитан, проведёте полную ревизию техники, составите рапорт. Все вот такие вот случаи должны быть изложены с указанием причин, – Сталин задумался. – Сколько времени вам для этого надо?

Мой зампотех пожал плечами.

– Наверное, неделя, товарищ Сталин. Мы только начали, пока трудно сказать.

– Понятно, – Сталин уже почти успокоился. – Как только закончите, рапорт сразу ко мне. Всё, Лаврентий, пошли, пусть товарищи работают.

В полном молчании мы дошли до КПП. Перед тем, как сесть в машину, Сталин пожал мне руку.

– Спасибо вам товарищ Бережной и вашим людям. За то, что вы не боитесь ни Гудериана с Манштейном, ни товарища Сталина. Особенно товарища Сталина. Мы скоро опять увидимся и поговорим.

2 февраля 1942 года, Полдень. Гибралтарский пролив. Сводная эскадра особого назначения. Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

Адмирал Николай Кузнецов стоял на мостике лидера "Ташкент". Неласково встречала Атлантика русские корабли, штормовым ветром и проливным дождём. Так даже лучше. Ведь чем хуже видимость, тем легче нашим кораблям затеряться в океанских просторах.

Средиземное море эскадра прошла без особых приключений. Четыре дня штормовой погоды. Циклон удачно накрыл центральное Средиземноморье, и на всём пути от Тира до Бизерты корабли трепал жестокий шторм. Низкая облачность при штормовом ветре – не самая удачная погода для полётов авиации, но системы ПВО на кораблях находились в полной готовности. В общем, пронесло. Хотя, это смотря кого пронесло. Боевых возможностей эскадры хватило бы, чтобы отбить ещё несколько таких налётов, как то памятное всем побоище у Стамбула. А может асы Рихтгофена потому и не прилетели, что молва о безвременной кончине целой бомбардировочной эскадры дошла до большинства пилотов люфтваффе и их командиров. Желанием совершать групповые самоубийства немецкие лётчики никогда не страдали. Кроме того, оправданием им служили плохая погода и то, что разведчики так и не смогли найти цель.

Уже за Мальтой, когда погода чуть улучшилась, двум летающим лодкам всё же удалось увидеть таинственную эскадру. Ничем хорошим для них это не кончилось. Сначала куда-то внезапно пропала связь, наглухо забитая помехами. Потом две зенитные ракеты поставили точку в карьере асов люфтваффе.

А эскадра уходила всё дальше и дальше на запад, с каждым часом удаляясь от немецких аэродромов в Италии и приближаясь к Гибралтару. На пути от Дарданелл к Гибралтару гидроакустические системы эскадры засекли двенадцать объектов, идентифицированных как подводные лодки. Четыре из них прошли на безопасном расстоянии от эскадры, а остальные были уничтожены глубинными бомбами с противолодочных вертолётов. Может быть, впервые с момента вступления в строй, "Североморск", "Сметливый" и "Ярослав Мудрый" занимались той работой, для которой они и были созданы. Также при помощи корабельных радаров из XXI века эскадре удалось благополучно разминуться на безопасном расстоянии как с британским конвоем из Мальты в Александрию, так и с итальянским конвоем из Неаполя в Триполи. Кто его знает, что на уме у этих англичан?

Перед самым началом похода адмиралу Кузнецову была передана толстая папка с копией доклада, анализировавшего политическую и военную обстановку по маршруту следования эскадры. Судя по пометкам, первым этот доклад просматривал сам Сталин. Потом при помощи машины из будущего, именуемой ксерокс, с доклада была снята копия, которая и оказалась у адмирала. Основное внимание доклад уделял возможным действиям Британской империи. После внезапной смерти Черчилля власти Британской империи находились в состоянии растерянности. Вновь раздались, пока ещё немногочисленные, голоса в пользу заключения сепаратного мира с Германией. Британия не имеет союзников, Британия имеет только свои интересы.

Но подобные разговоры заглушал вой немецких бомб, падающих на английские города. Кроме того, немаловажную роль играли неудачи Британии на Тихоокеанском театре военных действий и позиция американских союзников, для которых основной головной болью стала всё-таки не Европа, а Тихий океан. По большому счету, к началу 1942 года ситуация сложилась так, что ни у кого не было выбора. Германия и Япония сами создали себе врагов. Соответственно, у Британии, САСШ и СССР тоже был выбор только между объединением усилий и гибелью.

Вот и сейчас неизвестно, что на уме у британских адмиралтейских лордов, но эсминец типа "Трайбл" под флагом "Роял Нэви", встретивший эскадру на подходе к Гибралтару, сопровождал её в открытый океан, не делая никаких враждебных движений и следуя на безопасном расстоянии по правому борту от крейсера "Москва". Никаких переговоров, вы смотрите на нас – мы смотрим на вас. Несомненно, что на борту эсминца были офицеры разведывательной службы, которые в бинокли неотрывно разглядывали корабли непривычных очертаний. Потом британский эсминец, видимо

убедившись, что эскадра следует строго на запад, поднял сигнал "Счастливого плавания", круто развернулся и, кренясь под тугим атлантическим ветром, на полной скорости направился в сторону Гибралтара. Примерно час спустя над эскадрой появился английский дальний разведчик "Сандерленд".

Обстановка была напряжённой. Неизвестно, что предпримут англичане и какие приказы германское командование отдало своему флоту, находящемуся сейчас в Бресте. Операция по прорыву "Принца Ойгена", "Шарнгорста" и "Гнейзенау" из Бреста в Норвегию уже готова, но не направит ли Гитлер свои линкоры против так досадивших ему кораблей под андреевским флагом? И что при этом будут делать англичане? Не зря же "Сандерленд" продолжает нарезать круги вокруг эскадры. Он явно кого-то наводит, но кого?

Мучаясь от неизвестности и дурных предчувствий, адмирал Кузнецов вышел на связь с "Москвой".

– Василий Васильевич, – обратился он к командиру крейсера, – что-то мне этот липкий англичанин не нравится. Ну, посмотрел на нас, и лети дальше по своим делам. А этот уже три четверти часа круги нарежает. Вот я и думаю, что у вас там радары показывают? Не обзавелись ли мы случайно какой-нибудь неприятной компанией?

– Чисто на радарах, товарищ адмирал, – спустя некоторое время ответил капитан 1-го ранга Остапенко. – Если кто и есть, то он дальше тридцати миль.

Кузнецов немного помолчал.

– Тогда, значит так, товарищ капитан 1-го ранга. Поднимите в воздух вертолёт ДРЛО, этот, как его Ка-31, пусть осмотрится с высоты. И поставьте англичанину помехи, нечего ему болтать со своим начальством. У меня предчувствия, что англичане что-то такое придумали, не совсем честное.

– Так точно, товарищ адмирал, будет сделано, – подчеркнуто старорежимно ответил капитан 1-го ранга Остапенко.

Минут через пятнадцать над "Москвой", подобный гигантскому майскому жуку, в небо начал карабкаться вертолёт. У британских пилотов в этот момент челюсти отвисли до самых педалей. Скотчем надо закреплять, господа, ценную вещь, чтоб не потерять. Одна печаль у радиста – эфир ноет, воеет и гугукает, никак не даёт сообщить по команде о важном наблюдении.

Когда вертолёт поднялся на штатные три километра и выпустил антенну, "Москва" снова вышла на связь.

– Товарищ адмирал, – капитан 1-го ранга Остапенко кашлянул, – вы были совершенно правы: в ста милях к осту от нас, курсом на вост четыре крупных боевых корабля с сопровождением. Над британским соединением замечено истребительное прикрытие. Так что можем предполагать наличие минимум одного авианосца.

- Вас понял, товарищ капитан 1-го ранга, – отключив связь, адмирал Кузнецов задумался: «Странное поведение англичан должно иметь под собой какое-то основание. В армии и на флоте такое основание может называться только приказ. Приказ эскадре под командованием вице-адмирала может отдать только 1-й морской лорд или премьер. Что бы они не приказали вице-адмиралу Тови, советским морякам от этого ничего хорошего не светит, нужно отрываться и уходить. Через четыре часа наступит полная темнота, и "Сандерленд" с ослеплённым радаром станет подобным кроту. Тогда надо будет, отключив все огни, полностью задействовать системы РЭБ, увеличить эскадренный ход до максимальных шестнадцати узлов, и отвернуть на три румба к югу... Гарантия, что англичане, потеряв нас, пойдут на север, по маршруту, огибающему Англию... Мы, конечно, тоже пойдём на север, но по большему кругу, на пару тысяч миль. Семь вёрст – не крюк для бешеной коровы. Дальше, но зато безопаснее».

А ещё в восьмистах милях севернее – "Принц Ойген", "Шарнгорст", "Гнейзенау" и шесть полукрейсеров типа "Нарвик" под общей командой вице-адмирала Отто Цилиакса ложились на курс перехвата русской эскадры. Приказ фюрера гласил: "Русские корабли должны быть уничтожены любой ценой". В случае успеха, даже последующая гибель всего соединения Цилиакса не будет считаться чрезмерной ценой. Также, к югу от Бискайского залива, были стянуты все немецкие подлодки, которые смог направить туда Карл Дёниц. Операция Кригсмарине "Искушение" началась.

**3 февраля 1942 года. Утро. Москва, Кремль, кабинет
Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича
Сталина. Генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич.**

Сегодня вождь был сама любезность.

– Садитесь, товарищ Бережной, сейчас чайку попьем, а потом уже

займёмся делами.

Явно Виссарионыч вчера хорошо кое-кому намял холку. Кто там сейчас занимается военной промышленностью? Вознесенский – Госплан, Ванников – военная промышленность, Мехлис – Госконтроль, Ворошилов – куратор от ЦК? Да и Лаврентий Палычу, наверняка, досталось на орехи. А то как же, семь нянек, а дитё-то хроменькое и придурочное. Люди на заводах стараются, работают по 16 часов в сутки, спят прямо у станков, а в результате чьего-то разгильдяйства их адский труд уходит впустую.

Но ИВС среагировал резко. Судить об этом можно по тому, что уже вчера вечером наш главный особист, дважды майор Советского Союза Иса Георгиевич Санаев принёс мне на подпись интересную бумажку. Циркуляр всем работникам особых отделов танковых, механизированных, автомобильных и авиационных частей с требованием провести анализ причин небоевых потерь и поломок техники и вооружения, а также наличие боевой техники по штату, отчёт о ней же, потерянной и повреждённой в ходе БД, а также потери и повреждения по небоевым причинам. Если за это дело взялся наркомат Лаврентия Павловича, то вся картина будет вскрыта довольно быстро. Эти люди долго возиться не любят. Ну и, конечно, оргвыводы, как же без них.

Я достал из сумки с ноутбуком несколько скреплённых степлером листов.

– Товарищ Сталин, вчера вы поручили капитану Искангалиеву провести сравнительный анализ износа дизеля В-2 и В-46-6. Вот, пожалуйста, – я протянул листки вождю. – Тут всё изложено.

Наскоро полистав рапорт, Сталин внимательно прочитал только последний лист с выводами и рекомендациями по повышению надёжности. Хмыкнул, и посмотрел на меня.

– Просто, коротко и понятно. Передайте товарищу Искангалиеву, что мы обязательно прислушаемся к его мнению.

Сталин хитро прищурился.

– Но почему он ни разу не упомянул ни Маркса с Энгельсом, ни товарища Ленина? – увидев недоумение на моём лице, он вздохнул. – Знали бы вы, товарищ Бережной, как наши местные кадры, желая показать свою политическую грамотность, всюду к месту и не к месту вставляют основоположников марксизма-ленинизма. Иногда упоминаний о товарищах Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине столько, что в них теряется смысл документа. Хотя без идеологии всё-таки никуда. А вы как считаете в своём XXI веке?

«Так, – подумалось мне. – Товарищ Сталин решил продолжить нашу

беседу на идейно-философские темы». Вслух же сказал:

– Без идеологии, товарищ Сталин, никуда. Если отбросить мишуру, то идеология говорит нам, что есть добро, и что есть зло, и как человек должен поступать в каждом конкретном случае.

- Товарищ Бережной, – Сталин взял в руки трубку, – я читал, что у вас там вообще запретили идеологию. Это так?

Я улыбнулся.

– Отсутствие идеологии – тоже идеология. Идеология потребительства для большинства и обмана, грабежа, беспардонной наживы для избранного меньшинства. Причём, меньшинство обманывает и грабит это большинство. Я думаю, вам эта картина должна быть знакома по трудам тех же классиков.

- Первоначальное накопление капитала, – кивнул Сталин. – Действительно знакомо. Но скажите мне, почему наш народ так легко отказался от социализма и решил снова вернуться в капитализм? Ведь налицо явный регресс, причём, во всех отношениях.

- Товарищ Сталин, во-первых, у большей части народа никто ничего и не спрашивал. Как и в феврале семнадцатого, всё решила столица. Во-вторых, людей убедили, что вступая из развитого социализма в недоразвитый капитализм, они сохраняют все социалистические завоевания. Кончилось же всё махровым социал-дарвинизмом. Но мне кажется, товарищ Сталин, начинать надо не с последствий, а с причин.

- И в чём же по вашему причины, товарищ Бережной? – прищурившись спросил Сталин. – Ведь идея социальной справедливости, лежащая в основе советского строя, это, как говорится, вещь на все времена.

- Первая причина, товарищ Сталин, заключается в том, что внутри бесклассового советского общества вырос новый класс, класс чиновников и партийных бонз. Которые выступали за социальную справедливость, а в свободное от борьбы за идеалы коммунизма время гребли под себя то, до чего могли дотянуться. Чем хуже работала советская экономика, тем большее влияние приобретали эти люди. Потом количество, в соответствии с теорией, перешло в качество, и мы получили на руки класс паразитов, которые стали позиционировать себя, как некую "элиту общества". Из обычных спекулянтов и казнокрадов выросла прослойка мелких и средних буржуа.

Но это, товарищ Сталин, было только началом. Мелкая буржуазия, если она взята в жёсткие государственные рамки – это даже полезное социальное явление. Ибо государство не может заниматься каждой

парикмахерской и каждым газетным или табачным ларьком.

Хуже всего было то, что внутри комсомольских, партийных и советских органов зародилась буржуазия крупная. Поскольку известный вам персонаж "Х" в нашей истории вывел руководящие структуры из-под надзора органов госбезопасности, то болезнь эта развивалась быстро и распространялась со скоростью эпидемии. Лишь порой подковерная борьба кланов выплескивалась на поверхность ворохом уголовных дел, посадками и расстрелами.

Но это была не системная санация, а всего лишь замена одних паразитов другими. Аппетиты этих господ, почему-то именующих себя "товарищами", простирались на всю страну со всеми её богатствами. И когда во власть пришло новое поколение, не знавшее ни революции, ни войны, то количество перешло в качество, и там... Страна узнала слова "эффективный менеджер". Как сказал герой одного писателя, все неприступные крепости берутся именно изнутри, и высший шик, чтобы защитники этого даже и не заметили. Крепость по имени СССР уже пала, а мы ещё пару лет этого даже и не замечали. Вы можете себе представить, чтобы в мирное время в СССР была введена карточная система фактически на всё? Люди, находящиеся у власти, имеют тысячи возможностей эту власть дискредитировать.

Не будем далеко ходить. Анатомия процесса вам самому неплохо известна. Всё то же самое было проделано в феврале семнадцатого. Но тогда была мировая война, а эти люди умудрились загнать страну в штопор в мирное время.

С резким хрустом, больше похожим на пистолетный выстрел, сломался карандаш, который Иосиф Виссарионович во время разговора вертел в руках. Отбросив обломки в пепельницу, Сталин кивнул и сказал, скорее себе самому, чем мне:

– Я так и знал!

Потом посмотрел на меня.

– Скажите, товарищ Бережной, а где же были те люди, которые отвечали в партии за идеологию? Они-то должны были видеть, что творится что-то не то. Почему не били тревогу и не поднимали вопрос?

Я кивнул.

– Во времена Леонида нашего Ильича был такой человек, Михаил Андреевич Суслов, заведовавший идеологическим отделом ЦК. Его ещё называли серым кардиналом при генсеках. За время своей долгой трудовой деятельности он превратил живое учение в засушенную мумию, забальзамированную догматикой и схоластикой. Теория перестала отражать

жизнь. С трибун в речах говорили одно, а делали совсем другое. Люди видели, что наступательный порыв советской системы иссяк и пар по большей части уходит в свисток. Нет ничего хуже для комиссара, если люди ему не верят. А не верят ему они тогда, когда человек говорит одно, а делает другое....

– Вы знаете, почему наши бойцы верят тому же самому Леониду Ильичу... Всё очень просто – он сам не раз участвовал в боях, и не было такого, чтобы в начале боя он уходил в тыл. Скорее наоборот. Один раз он забрал у раненого СВТэшку с примкнутым штыком и поднял роту в рукопашную. Правильно поднял, вовремя. Но тогда у нас примеры были как раз противоположные, когда люди говорят одно, а делают совершенно другое.

– Кроме этого страна пережила несколько сломов сознания... Сначала, в 1917 году от "самодержавия, православия и народности" – к "советской власти, атеизму, диктатуре пролетариата". Угнетённое меньшинство дорвалось до власти. Разрушали всё, что говорило о связи России советской с Россией имперской. Но люди, которые живут на территории одной шестой части суши, остались прежними, и на месте царской империи появилась империя советская. Потом война бросила на весы тяжёлый меч. Чтобы поднять дух народа, потребовалось прямо признать преемственность с прошлой историей России её славными победами. Разлом вроде бы зарос, но шрам остался.

– Остались и люди в партии, которым это врачевание было как серпом по одному месту. Кроме того, залечивая одни раны, создавали другие. Отмена петлиц и введение погон ослабила преемственность с силой, совершившей Великую Революцию и победившей в Гражданской войне. Именно в этом заключается смысл моего предложения о совмещении в рамках одной системы петлиц и погон. Не реванш белых, а окончательное примирение.

– То же самое и в примирении с Русской Православной церковью. Как общественный институт, РПЦ в начале века находилась в крайне запущенном состоянии. Бал правила фарисеи, часто священники сами не верили в то, что проповедуют и, хуже того, личным примером отвращали своих прихожан от евангельских идей христианской любви и братства. Да вы и сами об этом прекрасно знаете.

Сталин молча кивнул подтверждая мои слова.

– Кстати, структурно это очень похоже на КПСС образца восьмидесятых. То же срастание с государством, тот же догматизм в идеологии и двуличие тех, кто был призван нести коммунистическую идею

в массы. Я уже вам говорил, что если советская власть делает шаг навстречу церкви, то и церковь должна сделать шаг навстречу советской власти. Но всё это мелочи. Главная катастрофа с советским строем произошла на XX съезде партии.

Слушая меня, Сталин что-то быстро писал карандашом на листе бумаги. После этих моих слов он поднял голову.

– Благодаря вам и вашим товарищам, мы в курсе этого заговора, составленного некоторыми нашими, якобы, товарищами. Есть мнение, что тогда под фундаментом СССР была взорвана самая настоящая бомба.

- Вот именно, – сказал я, – бомба. По стенам государства пошли трещины, и когда с политической сцены сошли люди, лично помнившие, как оно было на самом деле, то всё рухнуло.

Было видно, что мои слова и задели и заинтересовали вождя.

– Так вы считаете, что сохранение любых традиций – это благо?

Я пожал плечами.

– Есть ТРАДИЦИИ, и есть традиции, товарищ Сталин. Нельзя трогать грязными руками истины, на которых покоится самосознание народа. Чеканная формула графа Уварова "Самодержавие, Православие, Народность". В советский период эта формула преломилась в народном сознании таким образом, что место самодержавия занял сакральный культ личности товарищей Ленина, а потом и Сталина. Да, был культ, но и личности тоже были первой величины. Не Николай II и не "Мишка Меченый". Место православия заняла священная вера в наступление коммунизма – будущего общества высшей справедливости, аналога Царства Божьего. Я уже вам говорил, что идейно коммунистические идеи очень близки к раннему христианству. Воплотись Христос в России в ваше время – быть ему коммунистом. Дилемма атеизм – теизм, тут вообще лежит в стороне от идеи справедливости и означает лишь наличие или отсутствие веры. Причём не только в Бога и традиции, но и веры властям, веры в людей. Ну, а народность, она как была народностью, так ею и осталась. Александр III говорил: "Хочешь быть русским – будь им". Сейчас, наверное, это можно сказать по иному: "Хочешь быть советским..." поскольку понятие "советский" включает в себя понятие "русский" плюс что-то ещё. Советская нация невозможна без русского народа, составляющего её костяк.

Вот вам альфа и омега СССР, победившего в тяжелейшей войне, разгромившего самый жуткий, людоедский режим в мировой истории, и несущего всем народам планеты лучшее будущее...

Потом, как в плохом анекдоте – пришёл Хрущёв и все опошил.

Истины перестали быть истинами, вера – верой, и даже историю каждый генсек начал переписывать под себя. Всё вокруг начало расплзаться жидкой грязью, и потому позднее случилось то, что случилось. Тому, как надо использовать чужие сакральные ценности в своих интересах, надо поучиться у православной церкви в ту эпоху, когда она находилась в процессе становления. Храмы строились на месте древних капищ, а языческие боги вдруг оказывались христианскими святыми. Положительная языческая сакральность была утилизирована почти полностью, а отрицательная по возможности уничтожена.

И нам тоже надо поступить как-то так. Не отрицать преемственность с Российской империей, а наоборот, особо подчёркивать её. При этом необходимо акцентировать те моменты, которые потребовали смену общественной формации. СССР на порядок мощнее своей царской предшественницы, а значит, является суперимперией. Наш народ в своём большинстве согласен терпеть некоторые бытовые неудобства, лишь бы жить в государстве, которым можно гордиться. Всё, товарищ Сталин, не знаю, что ещё можно сказать на эту тему.

- Хорошо, товарищ Бережной, мы вас прекрасно поняли, – Верховный Главнокомандующий посмотрел на часы. – Последний вопрос. Как вы считаете, что надо сделать, чтобы не повторилась так называемая "Холодная Война"?

- Товарищ Сталин, в ТОТ РАЗ СССР оказался в окружении американских военных баз. Южная Корея и Япония – на Востоке, Германия, Италия, Голландия, Бельгия, Дания, Норвегия, Англия – на Западе. С юга – Пакистан, Иран, Турция. Неразумная политика ваших преемников сделала враждебным коммунистический Китай. Это – с военной точки зрения.

В экономике американцы, протолкнув Бреттон-Вудское соглашение, получили под свой контроль четыре пятых всего мирового производства. Даже в самом лучшем 1975 году производство в СССР и странах соцлагеря составляло около 55 % от производства США и около 20% от мирового. Я человек военный, и могу сказать только одно: лучшее ПВО – это наши танки на их аэродромах. Чтобы избежать угрозы, мы должны включить окраины Евразии в состав СССР. Тем самым мы убьём двух зайцев – лишим американскую военщину плацдармов для разжигания войны и обеспечим экономический паритет между системами.

Сталин бросил на меня быстрый взгляд.

– Вы считаете, что это возможно с военной точки зрения?

- Да, товарищ Сталин, я так считаю. – ответил я. – В нашей истории

Красная Армия в основном проводила операции не на окружение и уничтожение, а на вытеснение противника с советской территории. В противоположность ей Вермахт с самого начала вёл войну на уничтожение, стремясь окружить советские войска и принудить их к капитуляции. Вы помните, что при такой тактике немецких войск осталось от нашей армии мирного времени примерно к середине октября? Это когда вы сказали советским генералам, что они просрали СССР. Помните?

- Помню, – угрюмо сказал Сталин, и посмотрел на меня. – Так вы предлагаете нам обернуть немецкую тактику против самих же немцев?

Я кивнул.

– Товарищ Сталин, мы не просто предлагаем. Операция "Полынь", как и освобождение Крыма, были целиком и полностью скомпонованы из немецкой доктрины мобильной войны. Это же касается планируемой "Молнии". Ни один немецкий солдат не должен вернуться в Европу иначе, чем отработав 10 лет на лесоповале. Тогда мы на фронте задолго до сорок пятого года увидим немецких стариков и подростков из фольксштурма. Да и война кончится гораздо быстрее. Надо только правильно соразмерять силы и ловить немцев на фланговых контрударах.

- Мы вас поняли, – Сталин встал и прошёлся по кабинету. – Вы считаете, что Гвардейский мехкорпус Осназа – это подходящий инструмент для подобных операций, но одного мехкорпуса мало... Нужно два, три или четыре, как у немцев.

Я тоже встал.

– На первом этапе предлагаю переформировать в рейдовый мехкорпус 1-ю гвардейскую танковую бригаду Каткова.

- Хорошо, товарищ Бережной, – Сталин пожал мне руку. – Мы обдумаем ваши слова. А теперь можете быть свободным. Идите, и оправдайте оказанное вам высокое доверие.

3 февраля 1942 года, Полдень. Атлантический океан, 100 миль на траверзе Лиссабона. Боевая рубка линкора флота Его Величества "Родней".

Атлантика сегодня явно была не в духе. Ещё с вечера погода начала портиться, а ночью разыгрался самый настоящий шторм. Огромный линкор мотало на волне как миноносец, на которых сэру Эндрю Брауну Каннингему довелось послужить в прошлом. Но хуже всего было то, что

ночью воздушная разведка потеряла русскую эскадру. Её командир, мальчишка и сопляк по сравнению с сэром Эндрю, как-то умудрился обмануть всех и потеряться на просторах Атлантики.

Около полуночи в точке, где русские должны были повернуть на норд, экипаж дежурного дальнего разведчика "Сандерленд" обнаружил, что его радар не показывает ничего кроме сплошной засветки. Связь с базой и командованием тоже отсутствовала, вместо привычного воя помех в эфире стояла гробовая тишина. Радиокompас перестал принимать сигналы приводных станций и стал бесполезен. И тогда командир экипажа кэптэн Мэтфорд принял самое правильное решение в своей жизни. Ориентируясь только по полугирокомпасу, он развернул самолёт строго на восток. Где-то там был берег и родная база.

Примерно через пятнадцать минут полёта связь восстановилась. Сэр Эндрю лично приказал кэптэну Мэтфорду совершить ещё одну попытку найти русскую эскадру и в случае повторной неудачи возвращаться на базу, чтобы вылететь на поиски уже утром. Так и получилось, что стоило самолёту повернуть на запад, как снова пропала связь и сигналы радиомаяков, а радар не показывал абсолютно ничего.

Ночью плохая погода стала стихать. Но из-за дождя и низкой облачности визуально корабли можно было обнаружить, только наткнувшись на них в море, что называется, в упор. Все утро, "Сандерленд" и две "Каталины" галсами утюжили море у побережья Португалии и ближе к полудню нашли. Но не русских уходящих на север, а немцев, спускающихся к югу. Соединение вице-адмирала Циллиакса вылезло из своей брестской берлоги и направилось в море на поиски приключений. Сэр Эндрю был шокирован: его провели как простака на ярмарке. План британского Адмиралтейства, которое собиралось со стороны посмотреть на схватку немцев с русскими, а потом затащить повреждённые русские корабли "для ремонта" в один из портов Южной Англии, этот план полетел ко всем чертям. Вместо прекрасных замыслов предстоит сражение в открытом море, где тихоходным британским линкорам-тяжеловесам "Родней" и "Рамиллиес" в сопровождении тяжёлого крейсера "Девоншир", авианосца "Викториес" и дивизиона эсминцев типа "Трайбл" придётся вести бой с быстроходными германскими линкорами "Шарнгорст", "Гнейзенау" и тяжёлым крейсером "Принц Ойген".

Первый лорд Адмиралтейства сэр Дадли Паунд в подобном случае приказал бы командующему Средиземноморским флотом уклоняться от сражения, сказав на прощание "разве что немцы сами не навяжут вам бой...". Оговорка была существенной – у старика "Рамиллиеса"

максимальная скорость была двадцать три узла, крейсерская – пятнадцать узлов, в то время как "Шарнгорст" и "Гнейзенау" выжимали из своих машин тридцать один узел в "рывке" и двадцать пять в крейсерском режиме. Зато немцы сильно уступали британцам в орудиях главного калибра. Девять 16-дюймовок "Нельсона" и восемь 15-дюймовок "Рамиллиеса" против восемнадцати орудий в 28 см на двух немецких линкорах.

"Девоншир" и "Принц Ойген" с 8-дюймовой артиллерией и тридцатью двумя узлами скорости по этим параметрам стояли друг друга. Но надо учитывать, что "Девоншир" был вашингтонским крейсером с тонкой бронёй, из-за чего его водоизмещение удалось сократить на 25%. Водоизмещение-то сократили, но зато его броня пробивалась даже 128-мм универсальными орудиями "Нарвиков". Немцы плевали на все соглашения, потому что их не подписывали, и "Принц Ойген", наоборот, носил "шкуру" нормальной толщины и мог выдержать достаточное число попаданий орудий равных калибру своего ГК. Минусом для англичан была и картузная система заряжания орудий. Малейшее возгорание в пороховом погребе, и корабль взлетал на воздух. Авианосец в такой шторм из-за качки не мог выпустить в воздух авиагруппу и превращался в большую и чертовски уязвимую плавучую мишень. Именно так эти два разбойника – "Шарнгорст" и "Гнейзенау" – уже потопили в Норвежскую операцию британский авианосец "Глориес" и два эсминца сопровождения. В тот раз это прошло для них почти безнаказанно, если не считать торпеды, которую "Шарнгорст" получил от одного из обречённых эсминцев.

Сэр "Эй-Би-Си" – так в британском флоте называли Эндрю Брауна Каннингема, – впрочем, считал, что Дадли как всегда перестраховывался, и 16-дюймовки "Роднея" запросто уделали бы оба немецких линкора..

В эфире уже звучали соответствующие приказы на немецком языке и германская эскадра увеличила скорость до тридцати узлов, уходя в сторону Бреста... И ушли бы, если бы не этот проклятый авианосец.

С палубы "Викториеса" несмотря на качку поднялось полтора десятка старичков-торпедоносцев "Альбакор". Они вылетели на перехват немецких кораблей. Выйдя в голову эскадры Циллиакса они в условиях низкой облачности атаковали немецкие линкоры. Да так удачно, что двумя торпедами поразили "Шарнхорст" и одной – "Гнейзенау". Повреждения были для немецких линкоров далеко не фатальными, но неприятными. "Шарнхорст" захромал – одно из попаданий было в носовую часть линкора, и стал зарываться носом в воду. Пришлось сбавить ход. У "Гнейзенау", наоборот, одна торпеда, попавшая в корму, вывела из строя два винта. В общем, немецкая эскадра была вынуждена сбавить ход до 14 узлов. А это

поставило их в весьма опасное положение – британцы начали догонять "хромые" линкоры Кригсмарине.

Однако немцы сумели таки нанести ответный удар. Командир подводной лодки U-125 корветтен-капитан Ульрих Фольтерс получил приказ из Лориана занять позицию в завесе у португальского побережья. Ему повезло: прямо на него выбежал британский авианосец, шедший по прямой против ветра, готовясь принять заходящие на посадку "Альбакоры". Корветтен-капитан не стал отказываться от такого подарка. Когда в перекрестье перископа вползала жирная туша самой завидной для подводника цели – авианосца, он, не задумываясь, дал залп почти в упор под острым курсовым углом из четырёх торпедных аппаратов. Три попадания и три взрыва. Авианосец повалился на правый борт. В ангаре загорелись самолёты, приготовленные для повторной атаки немецкой эскадры. После серии взрывов британский авианосец перевернулся. Корветтен-капитан Фольтерс радостно потирал руки. Он понимал, что Рыцарский крест ему теперь обеспечен.

А "Альбакоры"-победители, лишившись своего плавучего аэродрома, вынуждены были садиться на воду. В условиях сильного волнения они практически сразу шли ко дну. На волнах заколыхались оранжевые спасательные жилеты пилотов. Британские эсминцы сумели выловить далеко не всех.

Тем временем эскадра сэра "АБС" медленно, но уверенно догоняла немецкие корабли, уходившие в Брест. Адмирал Циллиакс принял решение драться до последнего, раз уж им не удастся оторваться от противника. Он понимал, что британцы сильнее. Но адмирал решил дорого продать свою жизнь и жизни доблестных моряков фюрера.

Две эскадры сошлись уже ближе к вечеру. Первыми огонь открыли немцы, сделавшие британской эскадре "Кроссинг Т". По тёмно-серым силуэтам немецких кораблей пробежал ряд вспышек – это линкоры Кригсмарине дали первый пристрелочный залп. Восемнадцать водяных столбов, подобно огромной изгороди встали перед "Роднеем" с недолетом порядка десяти кабельтовых.

Сэр Эндрю был шокирован: происходило нечто непонятное. Это выглядело так, словно болонка кинулась вдруг на бульдога. Адмирал Каннингем приказал линкорам лечь на параллельный немцам курс, а "Девонширу" и дивизиону эсминцев сопровождать линкоры, следуя вне досягаемости орудий германских тяжёлых кораблей. В свою очередь, Циллиакс приказал "нарвикам" отойти полным ходом вместе с "Принцем Ойгеном" и атаковать британские лёгкие силы.

Линкорам Его Величества было не до них, потому что второй залп немецких комендоров дал накрытие по "Роднею". Броня боевой рубки, рассчитанная на защиту от снаряда собственного 406-мм орудия главного калибра, от удара только загудела как колокол. Снаряд угодил в бронированную крышу под углом примерно сорок пять градусов, отрикошетил и разорвался в воздухе над "Роднеем". Ещё один снаряд ударил британский флагман в левую скулу, как раз за носовым траверзом, но не смог пробить брони. В ответ "Родней" дал залп по замыкающему ("Гнейзенау"), а "Рамилиес" по головному немецкому линкору ("Шарнгорсту"). Перелёты. За это время "Шарнгорст" и "Гнейзенау" успели дать по "Роднею" два залпа.

По факту более современные германские орудия были в два раз скорострельнее английских, и броня "Роднея" снова загудела подобно пустой бочке от германских попаданий. И не только броня. Один из одиннадцатидюймовых снарядов попал в небронированную носовую оконечность и разорвался внутри корпуса. В полуподводную пробойну хлынула вода. Спустя несколько минут появился чуть заметный, в пару градусов, дифферент на нос. Но в общем, хорошо бронированный британский линкор неплохо держал вражеский огонь. Сейчас он был похож на медведя, отмахивающегося от роя пчел. Сэр Эндрю недоумевал: на что рассчитывает этот безумец Циллиакс?

А безумец Циллиакс ни на что не рассчитывал. Он знал, что от берегов Метрополии на помощь сэру Канниггему уже спешил сэр Джон Тови с ударным кулаком из двух новейших линкоров "Кинг Джорж V" и "Дюк оф Уэллс". От этих не скроешься даже в тумане или в ночи, поскольку на них орудия наводятся при помощи радиолокатора. Кроме того, небо буквально кишело британскими самолётами-разведчиками. Всё это до боли напоминало картину девятимесячной давности, когда вот так же, как сейчас, британцы затравили германский линкор "Бисмарк". Вице-адмирал Циллиакс понимал, что для него и его подчинённых так же не было выбора, как и у команды "Бисмарка".

Ещё мгновение, и это подтвердилось. В очередном ответном залпе "Родней" вскрыл "Гнейзенау" борт напротив нефтяных танков. Над волнами потянулся угольно-траурный шлейф. Ещё одно, ответное, попадание с "Гнейзенау" в многострадальную носовую оконечность заставило "Родней" ощутимо клонуть носом, а снаряд с "Шарнгорста" пробил бронепалубу над котельным отделением и разорвался на уровне дымовых коллекторов. Лаки-шот? Котельное отделение стало стремительно наполняться смесью дымовых газов и перегретого пара из разошедшихся от сотрясения

паропроводов, превращаясь в грандиозную душегубку. Почти никто из несших там вахту не смог покинуть боевые посты.

Тем временем "нарвики" подошли на дистанцию открытия огня к британскому крейсеру и эсминцам, и вокруг них начали вставать высокие и тонкие водяные столбы. Крейсер "Девоншир" огрызался по нахалам из кормовых башен, но без особого успеха. Адмирал Каннингем отдал дивизиону эсминцев приказ атаковать германских "гончих". Лихо развернувшись крутыми правыми циркуляциями, британские эсминцы пошли наперерез наглým "гуннам". Моряки королевского флота на эсминцах и крейсере тоже не страдали от отсутствия мужества. Никто не хотел уступать.

Тем временем "Рамилиес" вlepил "Шарнгорсту" пятнадцатидюймовый снаряд в башню "Бруно". Крупповская броня выдержала, но от сотрясения башню заклинило. Весь её расчёт был убит, ранен или контужен. По счастью для немцев, в стволах уже не было снарядов – за пятнадцать секунд до попадания башня дала залп. Спустя положенное время один из трёх снарядов вернул англичанам долг, попав "Роднею" в подводную часть борта, аккуратно между бронепоясом и ПТЗ. В результате – подводная пробоина примерно метрового диаметра и растущий крен на левый борт. Все последующие корабли этого класса имели в этом уязвимом месте достаточно надёжную защиту. На линейных крейсерах типа "Монтана" она была выполнена как продолжение вверх противоторпедного пояса. На "Саут Дакотах", "Ямато" и "Айовах, это был продлённый вниз главный бронепояс. Британское адмиралтейство пока ещё не решило, по какому пути модернизации броневой защиты им пойти. Теперь, если "Родней" не утопнет, лорды будут думать быстрее.

Пару минут спустя британский шестнадцатидюймовый снаряд с "Роднея", попавший "Гнейзенау" под многострадальную башню "Антон", заставил немецкий крейсер вздрогнуть от клотика до киля. Снаряд весом в тонну на скорости, в два раза превышающей звуковую, пробил 95-мм бронепалубу и лопнул в подбашенном отделении. На этот раз взрыва погребать избежать не удалось. Сорванная с места башня взлетела к небесам в угольно чёрном султáне взрыва. Немецкий линейный крейсер внезапно повалился на правый борт и спустя несколько минут затонул. Командир "Шарнгорста" капитан цур зее Курт Цезарь Хоффман, видя гибель боевого товарища, понимал, что его корабль остался один против двух британских линкоров, так что шансы на счастливое окончание дела стали не просто нулевыми, а даже со знаком минус.

Команда была простой: штурвал на левый борт, башне "Антон" огонь

по "Роднею" с максимальной скорострельностью. А флагманский британский линкор с каждой минутой терял скорость и управляемость. Несмотря на полностью включённую вентиляцию, в котельном отделении творился настоящий ад. От резкой встряски работа механизмов котельной нарушилась, да и часть паропроводов была повреждена. И теперь давление пара в системе постоянно падало. К тому моменту, как "Шарнгорст" пошёл в свою самоубийственную атаку, скорость британского линкора упала с двадцати до восьми узлов.

А из собачьей схватки лёгких сил победителями вышли немцы. Большое водоизмещение и конструкционная надёжность обеспечили им повышенную живучесть. Кроме того, их было в полтора раза больше. У немцев после боя на ходу остались "Принц Ойген, "нарвики" Z-29, Z-25 и "Фридрих Инн". Английские эсминцы пошли на дно все. "Девоншир" не выдержал поединка с хорошо забронированным "Принцем Ойгеном" и очень быстро превратился в пылающую развалину.

Командир германского крейсера собрал вокруг себя свои уцелевшие эсминцы и на полной скорости направился в Брест по широкой дуге, огибая то место, где в последней схватке сцепились линкоры. Ни помочь, ни помешать им он ничем не сможет. Зато он сможет сообщить, что кригскамрады пали героями, нанеся тяжёлый ущерб британской эскадре.

"Шарнгорст" до "Роднея" не дошёл примерно полпути. Несколько тяжёлых снарядов разворотили ему бак, и он всё глубже и глубже садился на нос. К тому времени в его боевой рубке были только трупы, но это никого не смущало. Башня "Антон" продолжала стрелять частыми залпами и без команды, как без команды стояли на своих постах трюмные машинисты. Без команды аварийный дивизион стремился оттянуть гибель корабля, без команды корабельный врач оперировал раненых, которым всё равно суждено было погибнуть. Когда пятнадцатидюймовым снарядом разбило и носовую башню, дифферент на нос вырос настолько, что винты начали выходить из-под воды. Всё, конец! Линкор валится на левый борт и тонет, всем своим видом показывая, что гусь свинье не товарищ, а линкор, который в сущности своей был линейным крейсером, в бою настоящему линкору не противник.

Сэр Эндрю Браун Каннингем, адмирал флота его величества, тоже не пережил этого дня. В самом начале боя шальной осколок брони, отколовшейся от внутренней поверхности боевой рубки, ужалил сэра Эндрю в шею над ключицей, задев сонную артерию. Адмирал истёк кровью на глазах своих подчинённых.

Уже в ночи к покалеченным британским линкорам сбежались

мальчики Карла Дёница, подобно стервятникам, собирающимся на запах падали. "Рамилиес" сопровождал ковыляющего на пяти узлах "Роднея", только-только наскоро устранившего повреждения в котельном отделении и запустившего свою силовую установку. В ночной темноте британские линкоры, оставшиеся без прикрытия, были расстреляны торпедами немецких субмарин спокойно, словно на полигоне.

А те, кто стал причиной этого побоища, спокойно удалялись на юго-запад, считая свою задачу выполненной в полном объёме.

3 февраля 1942 года. Вечер, Крым, Кача. Учебный центр отдельной механизированной бригады ОСНАЗ РКК. Гвардии майор Тамбовцев Александр Васильевич.

Завтра ровно месяц, как мы тут воюем. История миновала развилку и на всех парах понеслась по новому пути. Но за этот месяц военная судьба разнесла многих из нас в разные стороны. Собрав механизированную бригаду из армейцев, морпехов и местных бойцов, ушёл громить вермахт Вячеслав Николаевич Бережной, полковник российской и генерал-лейтенант Красной армии. Как докладывает радиоразведка, теперь его имя стало для немцев синонимом больших неприятностей.

Вчера Абвер таки выяснил, что бригаду Бережного перебросили на Западный фронт к Жукову. Теперь уже второй день со стороны бедных фрицев раздаётся такой вой, будто их с неофициальным визитом посетил сам сатана. Группа армий "Центр" требует подкреплений, боеприпасов, резервов и чёрт его знает чего ещё, будто там и так не скопилось больше половины всех сил вермахта на Восточном фронте. Всего-то месяц человек резвится во всю широту славянской души, а уже такая репутация. Не знаю, если бы ему дали развернуться ТАМ, то чем бы это всё могло кончиться?

Тогда же, двенадцатого января, вместе с Лаврентием Павловичем улетели в Москву мои коллеги, бойцы невидимого фронта из СВР. Их ждёт работа в центральном аппарате нашего наркомата, скорее всего, на американском направлении. Наша прекрасная Нина Викторовна теперь уже не полковник, а комиссар госбезопасности третьего ранга Антонова.

Мой ученик, подполковник СВР РФ Николай Викторович Ильин, теперь старший майор ГУГБ НКВД. Виктор Сергеевич Ларионов, контр-адмирал ВМФ РФ и вице-адмирал РККФ, назначен командующим Черноморским флотом вместо уже почти покойного Октябрьского. Почти

покойным я его назвал потому, что в СССР в военное время с такими обвинениями долго не живут. И если при "почти покойном" наш Черноморский флот не доставлял неприятных минут немецкому командованию, то уже за месяц при участии товарища Ларионова он стал фактором, равносильным целому фронту. Почти шестьсот километров побережья от Херсона до болгарской границы стали для Адольфа Алоизыча одним незаживающим геморроем. Его верховное командование пытается натянуть одно общеизвестное резиновое изделие №2 на глобус, прикрывая и Черноморское побережье, и новообразованную линию фронта по Днепру...

А тут ещё вопли от маршала Ключе: "Ахтунг, Бережной". Если же вспомнить тот фортель, который "братушки" выкинули в нашей истории, то я знаю, где лежит хитрый лаз в гитлеровский курятник.

Почему я об этом вспомнил? Как раз вчера у нас был первый выпуск. Хотя по сокращённому курсу обучения ввиду срочности задания и немалого боевого опыта курсантов.

Готовили мы отдельный механизированный полк морской пехоты. Собранный из лучших представителей частей, участвовавших в Керченской операции и зарезервированных для несостоявшегося Судакского десанта, он представлял собой небольшое мобильное, но очень мощное конно-механизированное соединение. Механизированную основу полка составляли 64 танка БТ-7М, того самого с дизелем В-2, как у Т-34. На севастопольском морзаводе эти танки были превращены местными умельцами в некие эрзац БМП. А может, и не эрзац, поскольку в наше время внутри БМП в боевых условиях ездят только самоубийцы.

Короче, так. С каждой стороны танка на надгусеничные полки приварили по шесть решетчатых сидений, разделённых поручнями. Спереди с каждой стороны добавили по фиксатору для перевозки одного трофейного пулемёта МГ-34 в походном положении. Во время длительных маршей боец может зафиксировать себя между поручнями привязным ремнем. Все дальнейшее зависит от погоды, скорости движения и того обмундирования, в которое одеты бойцы. И от самих бойцов, конечно.

Ведь оттюнинговать танки и вооружить людей нужным количеством автоматического стрелкового оружия – этого явно мало. Нужно ещё и обучить их правильному взаимодействию в бою, отработать все задачи в ходе десантирования, на марше, в атаке и обороне. Учить их не бояться ни бога, ни чёрта не надо, эти люди и так забыли, что такое страх. Надо научить их снова и снова побеждать и возвращаться живыми после выполнения задания. Пусть в доме врага плачут над похоронками их

матери, пусть их жены сидят раньше времени, а дети забывают, кто такой был папа. Пусть. Мы их сюда не звали. Хороших парней мы выучили. Молодых, гордых, злых. И хоть я сам не обучал ни тактике, ни десантированию с танков на ходу, ни рукошество-дрыгоножеству, ни быстрой стрельбе в сложных положениях. Не бегал я с бойцами и многокилометровые марафоны по пересечённой местности в полном боевом снаряжении. Слишком стар я для этого.

Я обеспечивал учебный процесс, цельный и неразрывный, когда жизнь в учебном центре не затихала ни на минуту ни днём, ни ночью. График занятий в подразделениях сдвигался по скользящей схеме на три часа каждые сутки. Это из-того, что при восьмичасовом сне и двух часах на приём пищи, занимались бойца по семнадцать часов кряду, на износ. Гоняли не только пехоту, гоняли и танкистов, превращая танк и дюжину пехотинцев в боевую слаженную единицу. Эти бойцы не допустят, чтобы под гусеницу ИХ танка бросили гранату или бутылку с бензином на его моторную решетку. Их глаза вовремя обнаружат притаившуюся в кустах "колотушку" или зенитку, и прижмут её расчёт к земле пулемётным огнём. Танк же не только быстро доставит бойцов к месту боя, но и поддержит их огнём своего орудия, уничтожая группы противника и огневые точки.

Вот этому и много чему ещё, что нужно во время операций во вражеском тылу, наших курсантов учили сержанты-контрактники морской пехоты и спецназовцы ГРУ из XXI века. Хорошо учили, на совесть, применяя принцип: "повторение – мать учения". За общее злобство, требовательность и тяжесть тренировок, инструктор получили почтительно-неприязненное прозвище "унтера" и "шкуры". Некоторые из курсантов возрастом постарше утверждали даже, что царские унтера по сравнению с "этими" были самыми настоящими белыми и пушистыми толстовцами-вегетарианцами.

Ничего, после первого же настоящего боя, когда тело само начнёт помогать им выжить, и не только выжить, но ещё и победить, они придут и поклонятся этим самым "унтерам" в ножки. За науку и за суворовское "тяжело в учении – легко в бою". Они выживут, потому что новый командующий не бросит их неизвестно куда и неизвестно зачем. Они выживут, потому что в каждой операции на них будет работать разведка, артиллерия и авиация, объединённые общим командованием. Выживут – и снова придут сюда, потому что от Севастополя до Качи совсем близко. Кто-то из них сам станет "шкурой" и будет учить новичков нелёгкому боевому мастерству. Я надеюсь, что мы научили наших воинов самому главному – тому куражу, который позволяет навязать противнику свою волю, заставить

его делать не то, что надо ему, а то, что надо нам. Это и есть самое настоящие умение побеждать.

Сейчас мы все, и офицеры и сержанты, то есть постоянный состав, сидим в столовой и отмечаем это знаменательное событие – первый выпуск. Негромко играет музыка, бесшумно скользят между столиками официантки. Поскольку курсанты тренировались в том адском режиме, о котором я вам уже рассказывал, никаких дежурств на кухне, нарядов на чистку картошки и прочих прелестей службы в Советской армии они не знали. Все это тихо и незаметно делал обслуживающий и технический состав. В основном, женщины и бойцы старших возрастов, непригодные к строевой службе.

И в курсантов всё это время вбивалось только одно: у тебя не должно возникать никакого чувства преимущества перед этими людьми! Будь им благодарен за то, что они делают для тебя. У этих, большей частью пожилых мужчин и женщин тоже есть бессонные ночи, и тяжело трудятся они для того, чтобы ты мог хорошо воевать.

Может быть, нам и удастся таким образом выучить и сформировать новую элиту Красной Армии? По крайней мере, мы на это надеемся. С завтрашнего дня у нас начинается новый набор, придут новые курсанты. На этот раз срок обучения два с половиной месяца, но и курсантов будет много, очень много. Теперь мы работаем в интересах бригады Бережного, а если точнее – в целях её развёртывания в корпус.

Прибудет почти пять тысяч человек, причём танкистов, артиллеристов и прочих технарей будут учить где-то в другом месте. Придётся вводить принцип "горячей койки". Кроме того, сегодня меня сильно "обрадовал" адмирал Ларионов. Оказывается, завтра утром в Севастополь придёт пароход, на борту которого почти тысяча бывших белых эмигрантов. Приказано принять и обеспечить...

Во-первых, условия для работы особистов. Во-вторых, жесточайший режим тренировок. В-третьих, сохранение "Главной Тайны". Её положено хранить и от курсантов из красноармейцев и краснофлотцев. Но те – обычно люди дисциплинированные. Скажешь им, что это тайна ОВ, и они тут же исчезают, будто их и не было. А белые эмигранты, думаю, не такие. Намаемся мы ещё с ними.

4 февраля 1942 года. Утро. Севастополь, Северная Бухта, пароход "Гаронна". Бывший штабс-капитан ВСЮР Пётр

Петрович Одинцов

Вот мы и в России. Северная Бухта, памятник затопленным кораблям. Крики чаек, мечущихся над волнами, военные корабли на якорях. Даже издали видно, как сильно город пострадал от немецкой осады. Много разрушенных и сгоревших домов, повсюду видны следы бомбёжек и обстрела.

Но давайте обо всем по порядку. На рассвете, едва только на горизонте показался берег, все пассажиры нашего парохода высыпали на палубу. В Стамбуле эта старая лохань в третий раз сменила флаг, на этот раз на американский, и теперь стала "Чарльстоном". Прямо перед нами из зимнего утреннего тумана вырастал берег Красной России, загадочный и ужасный. Меня опять взяли сомнения, правильно ли я поступил, взяв с собой в это вояж сына. Но уже было поздно сожалеть о том, что свершилось. Мы были почти на месте.

На границе минных полей наш пароход застопорил ход и лёг в дрейф. Ждать пришлось недолго. Из полосы тумана навстречу нам выскочил небольшой катер под советским военно-морским флагом. Сейчас я каждый раз старательно заменяю привычные слова "большевистский" и "красный" на "советский", и учу тому же моего мальчика. Как-то не хочется, чтобы каждый встречный по моему разговору понимал, что я "беляк"...

Двое советских военнопленных сумевших бежать из рабочего лагеря в Северной Франции на юг и потом прибывшие к нашему исходу, рассказали всем желающим много интересного про советские порядки. От них же мы более подробно узнали про порядки немецкие, особенно в лагерях для военнопленных. И поняли, что немцы стали куда хуже, чем в ту войну, хотя и тогда они не могли похвастаться человеколюбием. Выбросив какие-то сигналы, катер пошёл впереди нашего парохода, показывая дорогу через минные поля. Мы медленно плелись следом за ним, приближаясь к Севастополю. Перед глазами будто запустили в обратном направлении киноплёнку двадцатилетней давности. Вот по правому борту осталась за кормой бухта Стрелецкая, где у причалов во множестве стоят такие же катера, как и наш провожатый. А вот главная база Черноморского флота: на якорях корабли, много кораблей.

Приглядевшись, мы ахнули от удивления. Ближе всех к выходу в море на бочке стоял авианосец под андреевским флангом, огромный, как плавучий ипподром. Чуть дальше, прямо за ним на якорях стоял линкор, построенный ещё в те времена.

– "Севастополь"! – вздохнул один из нашей компании, бывший морской офицер.

Справа от нас у причала один за другим, носом в сторону моря стояли два крейсера. Один под боль..., простите, советским флагом назывался "Молотов", а над другим развевался андреевский стяг, и название кораблю было "Адмирал Ушаков". Правда, от столь пасторального соседства красных и белых, простите, веяло такой нарочитостью, что невольно закрадывались подозрения.

Кроме того, название корабля под андреевским флагом было написано по правилам новой орфографии. И кроме всего прочего, что это за восемь наклонных труб у него между рубкой и носовой башней? Я хотя и не моряк, но мне показалось странным, что и все "новые" корабли под андреевским флагом, и те, что стоят в Северной бухте Севастополя, и те, что мы встретили в Средиземном море, – все они несут эти странные "украшения". Причём ни на одном корабле красн..., простите, Черноморской эскадры, такого "украшения" нет. Загадка, над которой ломают головы не только такие сухопутные крысы как я, но и кадровые военные моряки.

Буксир ткнул нас под скулу, разворачивая поперек фарватера. Вон кусок причала, оцепленный солдатами, рядом рядами стоят крытые грузовики и даже автобусы. Нас явно ждут, слышен лай собак... Куда мы попали, господи!? Неужели слова "мы предупредим кого надо", означали вот это?

Команда вывалила кранцы, ещё минута, и на берег брошены швартовы. Брошен якорь и пароход замер, возможно, на своей последней стоянке. Мы все совершенно пали духом: неужели наше стремление положить живот на алтарь отечества оказалось глупым, смешным и совершенно не нужным поступком? Зачем так с нами?!

К нашему удивлению, к нам навстречу по трапу быстро поднялся очень подвижный, несмотря на солидный возраст, красный офицер. Седоватая борода, прищуренные умные глаза. Кого-то он мне напоминает, никак не могу вспомнить. Сопровождавший его советский пограничный чин, как-то уж слишком привычно поздоровавшись с капитаном Трикуписом, ушёл вместе с тем в рубку. Неужели старый лис и до войны ходил в СССР, обделявая свои тёмные делишки? Неудивительно, что здесь его знает каждая пограничная собака.

Пожилой господин некоторое время оглядывал нашу компанию, покачиваясь с носка на каблук. Потом это занятие ему, похоже, надоело, и он заговорил.

– Доброе утро господа соотечественники! И добро пожаловать в СССР. Я, гвардии майор Тамбовцев Александр Васильевич, начальник учебного центра Особого назначения Резерва Главного командования. На ближайшие три месяца я для вас и царь, и бог, и воинский начальник. А также и проводник по так называемому "большевистскому аду".

- Учебного центра?! – присвистнул кто-то в толпе. – А что это такое?

Майор Тамбовцев усмехнулся.

– А вы думали, господа, вам с ходу вручат винтовку и бросят в бой? Говоря словами одного известного персонажа, «не дождетесь!».

Он обвёл нас прищуренным взглядом.

– Нет, господа бывшие офицеры, вас будут учить современному военному делу самым настоящим образом. По-суворовски, до седьмого пота и кровавых слез. Вы будете падать на койку совершенно без сил, чтобы через пару часов снова вскочить с неё по команде сержанта, потому что поступила новая вводная. Вы проклянете всё, но дороги обратно не будет, и вам останется только умереть или победить. Зато те из вас, кто всё-таки закончит обучение и попадут на фронт, поймут, что у них есть вполне реальный шанс дожить до конца войны.

Взглянув на наши приунывшие лица, майор добавил:

– Да, господа, я забыл сказать. Те, что заранее убоятся трудностей, могут остаться на борту и вместе с кораблем вернуться в Турцию, Алжир, Францию, хоть к чёрту на кулички. Настоящие же мужчины после трёх месяцев изнурительнейшей учёбы составят гренадёрскую бригаду особого назначения...

Тут майор Тамбовцев наугад ткнул пальцем куда-то в толпу.

– Или, вы надеялись, что вас поставят охранять склад с портянками?

В ответ на эту немудреную шутку многие засмеялись.

Через плотную людскую массу к трапу протолкался наш "дядька", полковник Игнатенко.

– Господин майор, позвольте представиться: Генерального Штаба полковник Игнатенко Виктор Петрович, до вашего появления исполнял обязанности старшего офицера среди братьев по несчастью. Слагаю, так сказать, свои полномочия...

Майор неожиданно горячо пожал руку нашему "дядьке".

– Виктор Петрович, уважаемый, вас мне сам Бог послал. Позвольте с этой самой минуты назначить вас временно исполняющим обязанности командира учебного батальона.

Полковник Игнатенко протестующе вскинул руки:

– Господин майор, может не надо, я ведь надеялся...

Майор Тамбовцев наставительно заметил:

– Во-первых, господин полковник, у нас здесь не принято обсуждать приказы...

Дождавшись, когда Виктор Петрович покраснеет, словно юнкер, получивший замечание от ротного фельдфебеля, наш новый "царь, бог и воинский начальник" добавил:

– А умереть за Россию подобно рядовому, с винтовкой в руках, – это, конечно, почётно, но не для вас. В вашем-то возрасте и с вашим опытом можно гораздо больше принести пользу Отечеству. И не смейте отказываться. Орудийным прицелом тоже гвозди заколачивать можно, но умным такого человека никто не назовёт. Если ваши люди, которые добровольно пошли на эту войну, сами выбрали вас своим командиром, то и мы тоже пока не будем с ними спорить. Разберёмся сперва в ваших делах, а потом посмотрим. К тому же кроме вашего, у меня будет ещё пять таких же учебных батальонов. Как видите, забот полон рот, так что не осложняйте мне работу своим отказом.

Генерального штаба полковник Игнатенко гордо вскинул подбородок.

– Благодарю за доверие, господин майор, разрешите приступить к исполнению обязанностей?

- Приступайте, Виктор Петрович, – кивнул господин Тамбовцев, – и позвольте поставить перед вами первую задачу

Полковник Игнатенко кивнул и майор продолжил:

– Во-первых, отделите убывающих в расположение части от остающихся на борту, если конечно таковые найдутся. Во-вторых, обеспечьте погрузку людей вон в те крытые грузовики. Оцепления не бойтесь, только во внешнем кольце стоят бойцы НКВД, с внутренней стороны находятся ваши будущие инструктора по боевой подготовке. В-третьих, по нашим сведениям, на вашем корабле находится группа французских лётчиков и авиамехаников во главе с капитаном Антуаном де Сент Экзюпери. Я сам по-французски ни в зуб ногой, вы уж объясните им, что их ждут вон те четыре автобуса с краю. Их сразу отвезут на аэродром в Саках, откуда они вылетят в Липецк, в такой же учебный центр, только для лётчиков, где пройдут подготовку к войне на Восточном фронте. Всё, господин полковник, выполняйте...

Майор Тамбовцев подтянулся, и уже строгим командным голосом обратился к нам.

– Господа, сейчас нет времени на долгие беседы. Уже в части в течение некоторого времени я поговорю с каждым из вас лично. Кроме того, с вами будут беседовать офицеры из особого отдела. Сразу предупреждаю, что их

не интересует ваше прошлое, как и то, что вы делали во время Гражданской Войны. Всё это предано забвению. Им поручено выявить тех, кто из вас в эмиграции сотрудничал с любыми, кроме советской, разведками и службами безопасности. Такая у них работа, они тоже не собираются впускать в страну иностранных шпионов. Никогда не лгите им, они нюхом чуют ложь. Всегда говорите только правду. И если за вами нет вины перед СССР, то вам нечего бояться.

На этом импровизированный митинг был закончен, и мы, пропустив вперёд французов, начали спускаться по трапу.

4 февраля 1942 года. Вечер. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер,

Глава РСХА обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих,

Гейдрих стремительно вошёл в кабинет фюрера Третьего Рейха и, прищёлкнув каблуками, протянул Гитлеру тонкую кожаную папку с бумагами.

– Мой фюрер, как это ни печально, но из информации, полученной нами из Москвы через Лондон, следует, что группу Клейста уже не спасти. Увы. Наш источник в британской разведывательной службе сообщил, что по их данным, бои идут уже в центре города. Весь вопрос в том, сдастся ли Клейст большевикам в плен или падёт, сражаясь с оружием в руках.

Гитлер быстро раскрыл папку и перелистал бумаги.

– Как такое могло случиться, Рейнхард?! Они что там, на Восточном фронте, все разом поглупели?! Манштейн, Гудериан, Гот, а теперь и Клейст! Поражение под Москвой меркнет в сравнении с катастрофой на юге.

Тут его мысль скакнула в сторону:

– Рейнхард, у тебя есть сведения о том, что происходит под Ржевом и Демянском? У тебя везде свои люди, а мне очень важно знать, что там происходит в действительности. От генералов я не могу добиться ничего, кроме детского лепета!

Гейдрих немного помолчал, драматизируя обстановку.

– Там тяжёлые бои, мой фюрер, но положение лучше, чем на юге.

Наше доблестное люфтваффе даже пытается снабжать окружённые группировки продовольствием и боеприпасами. Но мы понесли большие потери, и в целом всё напоминает Верден. Затяжные позиционные бои. Наши части вне колец окружения, чрезвычайно измотанные предыдущими событиями, пытаются прорвать фронт, чтобы вызволить своих товарищей. А большевики отбивают все их атаки, зарывшись по уши в землю. Русская тяжёлая артиллерия успешно ведёт контрбатарейную борьбу и не даёт покоя нашим полевым частям. Очень плохо со снабжением, дорог мало и все они в очень плохом состоянии. Леса вокруг Смоленска кишат диверсантами и партизанами. Охранные части сбиваются с ног – каждый день нападения на обозы и автоколонны. Партизаны пускают под откос эшелоны с боевой техникой.

Вторая и четвёртая танковые армии обескровлены, укомплектованность танковых и моторизованных дивизий техникой составляет 30% – 50% от нормы. А та техника, что имеется в наличии, не боеготова. В основном исчерпан моторесурс двигателей.

Мой фюрер, раньше середины марта восстановить боеспособность танковых частей не удастся. Проблемы со снабжением ещё больше замедляют темпы восстановления техники и пополнение личным составом.

Гитлер резким движением бросил папку на стол.

– Пусть Кейтель перебросит туда резервы и восстановит положение! У нас есть войска во Франции, Италии, Греции и Югославии...

- Мой фюрер, – пожал плечами Гейдрих, – в России "генерал Мороз" убьёт эти части раньше, чем они доберутся до фронта. У нас не хватает теплой одежды даже для действующих там частей. Морозы в России сейчас доходят до минус тридцати. Госпиталя переполнены обмороженными.

– Да, мой фюрер, чуть не забыл, – Гейдрих хитро улыбнулся. – Моей службе, кажется, удалось обнаружить потерянного людьми Канариса нашего злого гения, генерала Бережного. Сведения проверяются, но по имеющейся у нас информации, в настоящий момент его бригада находится во втором эшелоне войск Западного фронта.

Гитлер оживился:

– Рейнхард вы думаете, что следующий удар большевики нанесут в направлении Смоленска?

- Вполне возможно, – не стал спорить с фюрером Гейдрих, – но мои специалисты выдвинули другую версию. Бригада обнаружена в окрестностях Главного автобронетанкового полигона Красной Армии. Поэтому мои люди выдвинули версию о том, что именно там проводятся войсковые испытания, как новой экспериментальной техники, так и

серийно выпускающейся...

- Одно другому не мешает... – воскликнул Гитлер. – Скажите, Рейнхард, как вы думаете, раз уж положение этой зловредной бригады установлено, сможем ли мы нанести по ней такой удар бомбардировщиками, чтобы после него она уже не оправилась?

Гейдрих пожал плечами:

- Мой фюрер, попробовать, конечно, можно, только наша разведка обнаружила в окрестностях полигона несколько полевых лагерей с танками. Мы предполагаем, что лишь один из них настоящий, а остальные – пустышки, в которых установлены фанерные макеты боевой техники, а пехоту изображают статисты из ополченцев. НКВД в прифронтовой зоне свирепствует, абвер теряет агентов, да и моя служба понесла потери. Надо ехать и разбираться на месте.

- Рейнхард, – Гитлер отвернулся к окну, – не смею вас удерживать, только будьте осторожны. Это дикая Россия, а не культурная Франция или Чехия. Вас там могут убить.

- Мой фюрер, – сказал Гейдрих, – я возьму с собой лучших специалистов, как для обеспечения собственной безопасности, так и для разгадки тайны "генерала Бережного". Все тайное когда-нибудь становится явным!

- Езжайте, Рейнхард, в добрый путь, – Гитлер обернулся. – В этом сумасшедшем мире я могу надеяться только на вас. Остальные меня всё время обманывают и пытаются свалить на меня свою вину. Оказывается, это я виноват, что они не подготовились к русской зиме...

- Мой фюрер, всё то время, которое прошло между завершением французской кампании и началом русской, разведка Сталина интересовалась только двумя вещами: наличием на складах вермахта тёплых вещей и зимней смазки для оружия и техники... Если бы наши генералы заранее подготовились к зимней кампании, то фактор внезапности был бы утерян, и начало войны могло быть совсем другим. Сталину и в голову не приходило, что план "Барбаросса" будет рассчитан только на шесть недель.

- Откуда вам это известно, Рейнхард? – встрепнулся Гитлер.

- Всё очень просто, мой фюрер, – кивнул Гейдрих. – За первые месяцы войны наша армия взяла в плен большое количество большевистских старших командиров и генералов. Кроме того, по долгу службы я постоянно должен был знать, что именно интересуется противника. У меня накопилось достаточное количество материала, чтобы подтвердить сказанное ранее.

- Хорошо, – кивнул Гитлер. – Только вот что получается: не подготовились – плохо, и подготовились – тоже плохо. Запомните, Рейнхард, искусство правителя – это выбирать меньшее из двух зол. Большим злом была бы позиционная война на линии Сталина.

- Да, мой фюрер, – прищёлкнул каблуками Гейдрих. – Я запомню это. Гитлер пожал Гейдриху руку.

– Всё, Рейнхард, идите. Надеюсь, что вы и ваши люди сумеете покончить с этим Бережным. Только не пытайтесь там состязаться с новыми самолётами большевиков. Геринг недавно жаловался мне, что теперь они всё чаще и чаще встречаются, причём, как раз в полосе группы армий "Центр". Наши люфтваффе совершенно не могут с ними ничего поделать.

- Мой фюрер, командование люфтваффе, наконец, раскинуло своими заплывшими жиром мозгами и приказало рассредоточить самолёты по небольшим аэродромам. Теперь аэродромы на 3-6 бомбардировщиков и 4-8 истребителей не подвергаются ударам с воздуха – слишком мелкая добыча это для русских "хищных птиц". Это хорошо. Зато плохо, что теперь у люфтваффе не хватает аэродромных служб, средств связи и охранных частей. У меня есть вполне достоверные сведения, что на такие небольшие аэродромы стали активно нападать партизаны. Что же касается лично меня, то я просто храбрый человек, а не самоубийца, и не полезу в драку, если этого можно избежать...

- Рейнхард! – воскликнул Гитлер. – Я запрещаю вам садиться за штурвал самолёта на Восточном фронте. Нарушить мой запрет вы можете только в том случае, если на земле будет опаснее, чем в небе. Ваша главная миссия – генерал Бережной, а не состязания с русскими асами. Когда вы вылетаете?

Гейдрих склонил голову.

– Мой фюрер, ваш приказ будет выполнен. Я немедленно лечу в Берлин и в течении завтрашнего дня соберу необходимых людей. Уже завтра вечером мы вылетим в Варшаву с таким расчётом, чтобы взлетев оттуда утром шестого, к вечеру добраться до Смоленска.

- Ступайте, Рейнхард, – сказал Гитлер, дружески похлопывая по плечу начальника РСХА и тем самым давая ему понять, что аудиенция окончена. – И как всегда, возвращайтесь только победителем. Если вам что-то надо – берите это. Всё, что угодно. Скажете, что я приказал. Ради победы ничего не жалко. Я с нетерпением буду ждать ваших сообщений.

Четким шагом обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих вышел из кабинета. Мысли его были уже далеко. Ему предстоит собрать команду,

какой ещё не было в истории немецкой разведки. Фюрер прав, в любой момент на Восточном фронте может разразиться гроза. В тот раз генералу Бережному хватило всего восьми дней, чтобы после операции в Крыму подготовиться к рейду по тылам Клейста. Это значит, что сейчас Сталин в любой момент сможет бросить его против фон Клюге. Неделя, максимум две, и на Восточном фронте случится очередной кошмар, на этот раз с группой армий "Центр". Надо спешить. Необходимо разгадать направление главного удара противника и точные его силы. Лишь тогда появится шанс свести потери к минимуму.

Даже самому себе Рейнхард Гейдрих боялся признаться в том, что чувствовал интуицией профессионального разведчика – русских не удалось повергнуть наземь с одного удара, и теперь война фактически проиграна. Русские умеют вести затяжные войны. Вся их история от татаро-монголов и до наших дней – это одна сплошная затяжная война. Весь вопрос в том, насколько Рейху удастся оттянуть неизбежный конец. Но о таком было страшно даже думать, а уж высказать такие мысли вслух – боже упаси. Не поможет ни мундир СД, ни симпатии фюрера. Партайгеноссе – это такие хищники, что сожрут и не поморщатся.

4 февраля 1942 года. Поздний вечер, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Генерал-майор танковых войск Катукوف вошёл в барак, служивший нашей бригаде столовой, и остановился, не понимая – куда он попал? Помещение было забито возбуждёнными весёлыми бойцами и командирами, одетыми в полевую форму РККА, в чёрные тужурки моряков и в незнакомое Катукову пятнистое обмундирование при погонах... Играла негромкая музыка – то ли хороший радиоприёмник, то ли патефон.

Такое зрелище, да ещё в феврале 1942 года, кого угодно бы удивило. Но что поделаешь, праздник у нас сегодня – ровно месяц нашему боевому пути. Тут были не только выходцы из XXI века, но и те, кто принял вместе с нами первый бой в Евпатории и под Саками. Для присутствующих здесь капитана 3-го ранга Бузинова, майора Топчиева, капитана Борисова и многих, многих бойцов и командиров 4 января навсегда станет вторым днём рождения. В нашей истории все участники Евпаторийского десанта погибли. Те же, кто выжил в бою и раненым попал в плен, были

расстреляны немцами на месте. Правда, не стоит забывать, что сперва наши вырезали в Евпатории немецкий госпиталь...

Но не будем сегодня об этом. В новой истории, которая вот уже ровно месяц развивается своим, немного фантастическим путём, Верховный приказал создать Отдельную тяжёлую механизированную бригаду из всех частей, участвовавших в Евпаторийском десанте. Так что, это и их праздник. А товарищ Катуков должен был приехать к нам в расположение завтра утром. Их 1-ю гвардейскую танковую бригаду вывели с фронта примерно одновременно с нами – 25 января. Выяснилось, что и расквартированы они по соседству, в десяти километрах от нас. Планирование "Молнии" продвигается своим чередом, и сегодня утром я имел с товарищем Сталиным короткий телефонный разговор на эту тему. В его ходе получил разрешение на подключение 1-й гвардейской танковой бригады к процессу подготовки. А то придёт час, и выяснится, что бригаду Катукова готовили не к тому, а к совсем другому. Если уж я отвечаю за "Молнию", то позвольте, товарищ Сталин, и товарища Катукова ввести в курс дела. Вождь позволили, и даже провели с коллегой профилактическую беседу по телефону. Представьте, что вы всего лишь командир танковой бригады, хоть и гвардейской, пусть и очень успешной, а потому гвардейской, а тут вам звонит сам "товарищ Иванов"? Некоторых от такого и кондрашка может хватить.

Правда, приказ был всего лишь приехать в нашу бригаду "для обмена опытом"... Я, со своей стороны, написал записку с приглашением и приложил к ней пропуск. Я-то думал, что товарищ Катуков посетит нас завтра с утра, но, видно, Виссарионыч так раздраконил в нём любопытство, что он примчался на ночь глядя. Надо выручать человека, а то ещё убежит.

Подхожу и представляюсь ему:

– Генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич, командир Отдельной тяжёлой механизированной бригады особого назначения из Резерва Главного командования...

- Генерал-майор танковых войск Катуков Михаил Ефимович, командир 1-й гвардейской танковой бригады, – в свою очередь представляется мне гость.

– Вячеслав Николаевич, – Катуков крепко пожал мою руку, – не могли бы вы мне объяснить, что тут происходит?

- Михаил Ефимович, а что тут объяснять? – я взял генерала под руку. – Сегодня ровно месяц с начала нашего боевого пути. Так что происходит стихийный народный праздник. Неужто "товарищ Иванов" вам даже не намекнул, кто с вами будет обмениваться опытом?

Катуков пожал плечами.

– Нет, Вячеслав Николаевич, "товарищ Иванов" сказал, что мне всё объяснят на месте...

- "Товарищ Иванов" – мудрый человек, – ответил я, увлекая собеседника к своему столу. – Такие сведения не для радио и не для телефона. Только при личном контакте, и никак иначе. А насчёт объяснений...

Вот, товарищ генерал-майор танковых войск, позвольте представить вам нашего начальника особого отдела, комиссара госбезопасности 3-го ранга Ису Георгиевича Санаева. Герой боёв под Павлоградом, вместе с арьергардным батальоном НКВД удерживал железнодорожный мост через реку Самара, пока наши ударные части не вскрыли немецкий фронт в районе Барвенкова, благодаря чему конно-механизированный корпус маршала Будённого сумел в три дня преодолеть путь от Северского Донца до Павлограда. Вот наш дивкомиссар, Брежнев Леонид Ильич, в боях под Краматорском личным примером воодушевлял бойцов, поднимая их в рукопашную. Там он заработал вот этот шрам от скулы до уха и свою первую Звезду Героя Советского Союза. Так что, Михаил Ефимович, не сомневайтесь, господ тут нет, одни товарищи...

В этот момент Санаев незаметно для Катукова подозвал меня к себе.

– Вячеслав Николаевич, – шепнул он мне на ухо, – вариант два.

"Вариант два" означал, что товарищу Катукову я могу озвучить всю информацию о нашем происхождении, кроме той, которая касается краха СССР и сомнительного, с точки зрения материализма, способа нашего переноса в прошлое. Зачем лишний раз смущать малых сих.

Мы попали в прошлое в результате случайного сбоя при ударе молнии в аппаратуру противорадарной маскировки. Все!

К примеру, "вариант один" приказывал раскрыть всю информацию полностью. А "вариант три" объяснял нашу технику штучной сборкой в секретных лабораторий НКВД. Так что...

- Таможня, Михаил Ефимович, а точнее, особый отдел, дал добро, – я повернулся к Катукову. – Так что садимся за стол, раз уж вы приехали в такой час, и начинаем беседу. Серьёзную беседу.

Народ на лавке немного уплотнился, и мы с Михаилом Ефимовичем втиснулись аккуратно... Ага, между Брежневым и Санаевым. Первым делом я набулькал Катукову медицинскую норму в "писят" грамм. Слишком человек напряжён. Со стопки он не опьянеет, а вот зажатость уйдёт, говорить будет легче.

- Значитца так, – сказал я, протягивая стопку генералу, – давайте

выпьем за знакомство, и перейдем на "ты".

– Люди, мы, товарищ Катуков, не здешние. Ты помолчи и на погоны не косись. В смысле, не из другой страны, а из другого времени, из 2012 года. Хочешь – верь, а хочешь – нет. А погоны в нашем прошлом товарищ Сталин через год от этого момента ввёл, так что про отсутствие "господ" я не соврал. Тут, наверное, все по другому уже будет, но это сейчас к делу не относится... Сразу говорю, в войне мы победили... 2 мая 1945 года наши войска взяли штурмом Берлин, а уже 9 мая фашистская Германия капитулировала. Кстати, 1-я гвардейская танковая армия, которой командовал генерал-полковник Катуков захватила берлинский аэродром Темпельхов и Ангальтский вокзал. Но, как говорится, победы бывают и пирровы. Если мы победили в Великой Отечественной войне, то американцы выиграли Вторую Мировую. Образовавшийся после войны соцлагерь примерно вдвое уступал по промышленной и военной мощи американцам и их сателлитам. Новой войны не случилось, потому что уже было изобретено оружие ужасной разрушительной силы. Одна бомба могла стереть с лица земли целый город или даже небольшую страну. Единичная мощность таких зарядов исчислялась сначала десятками тысяч, а потом и миллионами тонн тротила. Ущерб от подобной войны был для буржуев неприемлем. Больше тебе ничего сказать не могу, но ситуация у нас дома зашла в тупик. У нас качественные преимущества советского строя, а у них контроль за ресурсами трёх четвертей планеты.

– Погоди, погоди, – остановил меня Катуков. – Ты говорил про две трети?

– Две трети – это только промышленная мощь, – ответил я ему. – Вот, к примеру, Африка контролируется европейскими колонIALистами, промышленной мощи не имеет, а ресурсов там хоть отбавляй. То же самое и другие недоразвитые территории. Промышленная мощь капитализма в наше время, это, грубо говоря, – США, Япония и Европа западнее реки Эльба. Соцлагерь – это СССР, восточная Европа, Китай, Северная Корея и Вьетнам. Из них серьёзная промышленность есть в СССР и нашей половине Германии. Всё.

– И что дальше? – заинтересовался Катуков, налив себе ещё "писят" грамм.

– А дальше... "Товарищ Иванов", когда узнал обо всём этом безобразии, поставил задачу, чтобы СССР не только победил Гитлера, но и выиграл Вторую Мировую войну как таковую. И то, что мы уже проделали за этот месяц, – уже часть выполнения поставленной нам задачи. В нашей истории Крым не был освобожден в январе сорок второго года, а все

десанты погибли. В нашей истории танковая группа Клейста не была окружена, а Барвенково-Лозовская операция не решила ни одной стратегической задачи. оказалось напрасной тратой резервов. И сборную панцеркампфгруппу Гудериана никто не разгромил во встречном бою.

– Вон, Михаил Ефимович, видишь того молодого командира кавказской внешности? Это гвардии капитан Бесоев, начальник разведки нашей бригады. Это он со своими бойцами перед самым началом боя под Чаплинкой взял за мягкое место генерала Гудериана вместе с его штабом. И ведь, что характерно, заставил смотреть, как танкисты гвардии подполковника Деревянко перемалывают его группировку в мелкую муку...

– Или вон, обрати внимание, гвардии майор Рагуленко. Его механизированный батальон ночью ворвался в Барвенково, где располагался штаб 17-й армии вермахта. Они там так побуянили, что тело генерала Гота не обнаружено до сих пор... Про окружение Клейста я молчу. Ради этого вся операция и затевалась... Это пока только начало... А теперь о том, почему ты здесь. Следующую операцию такого типа сейчас разрабатывают мои штабисты и особая группа офицеров Генштаба.

Катуков посмотрел мне в глаза.

– Моя бригада в ней тоже задействована?

- Да, Михаил Ефимович, – так же твердо ответил я ему. – И более того, мы с тобой должны будем... Как тебе это сказать... В общем, согласованность наших действий должна быть такая, чтобы всё было как по нотам. Поэтому и опытом мы должны обменяться, и бригаду твою придётся доукомплектовать под поставленную задачу.

– Но давай так – о делах мы с тобой поговорим завтра с утра, ибо сейчас в парк всё равно идти бессмысленно. Что тут у нас и как, лучше растолковывать на наглядных примерах. Ехать обратно тебе тоже не с руки – слишком поздно. Водителя твоего сейчас накормим, переночует он у комендачей. Для тебя тоже место в "гостинице" выделим. Там, между прочим, интересные для тебя люди живут: Грабин, Астров, Шашмурин, Чупахин, Трашутин...

Катуков помотал головой.

– Впервые слышу эти фамилии, товарищ Бережной, ну-ка просвети?

Я вздохнул.

– Грабин – это вон тот дядя, с квадратным и сердитым лицом римского legionera. Он конструктор танковых, и не только танковых пушек. По крайней мере, на Т-34 и КВ стоят его изделия. Астров – это конструктор самоходки СУ-76 и лёгкого танка Т-60. Он тоже где-то здесь, но я его сейчас не вижу. Шашмурин – это конструктор средних и тяжёлых танков...

У вас его пока ещё не знают, но он сделает так, что КВ забегают, как лёгкие "бэтэшки". Чупахин с Траштутиным – конструкторы дизеля В-2... – я задумался, – Если интересно, поговори с ними, лишним не будет. А то до товарищей ведь крайне редко доходят "вести с полей", отчего они, бывает, чуют не по детски.

– Хорошо, завтра так завтра, – потрянул головой Катуков. – Очень хочется взглянуть на танки, которые прошли через Гудериана как раскалённый нож через масло. Я с этим гадом в своё время столько намучился...

– А сейчас, Вячеслав Николаевич, скажи мне, что это за прекрасная незнакомка со знаками различия военврача 2-го ранга, которая смотрит на нас таким строгим взглядом?

Я улыбнулся.

– А это, Михаил Ефимыч, моя "половинка", жена Алёна. Ты не подумай, не ППЖ, а самая законная. Вон, Леонид Ильич нас лично расписывал, по всем правилам. Да, чего хочет женщина, того хочет Бог. Одну минуту...

Я подозвал к себе подполковника Дервянко.

– Николай Владимирович, перед тобой генерал-майор танковых войск Михаил Ефимович Катуков, тот самый, настоящий. Ты же у нас главный танкист. Расскажи ему во всех подробностях, как ты под Чаплинкой отрихтовал "шустрого Гейнца". Обменяйся опытом встречного танкового сражения и глубокого рейда.

Потом покажи товарищу генерал-майору, где проживают конструктора. Морозов съехал, так что койка его свободна. Пусть дежурный с интендантом выдадут бельё и прочее, всё как положено. А я пойду, побеседую с начальником нашей медицинской службы, может, скажет чего интересного?

4 февраля 1942 года. 23.00. Москва. Посольство США в СССР. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.

Вот и снова я в столице Советской России. Только моё нынешнее путешествие в Москву совсем не похоже на то, которое я совершил летом 1941 года. Большую часть суточного перелёта над Арктикой я тогда пробыл в хвостовом отсеке летающей лодки "Каталина", в кресле пулемётчика.

Слава Богу, что меня не заставили вести наблюдение за воздухом и стрелять из пулемёта. Продрог, помню, качественно и был еле жив, когда наша летающая лодка приводнилась в Архангельске.

В этот раз мой маршрут был более комфортным, но и более долгим. Четырёхмоторный бомбардировщик В-24 "Либереитор" с несколькими промежуточными посадками доставил меня в Москву через Аляску, Камчатку и всю Сибирь. Я даже не упомяну все те города, в которых мы совершали посадку. Маршрут через Лондон в связи с последними изменениями в британской политике был сочтён неуместным. Это дело только между нами и Советами.

Зимой русская столица выглядела так же величественно-прекрасно, как и летом. Я отметил лишь то, что по сравнению с прошлым годом москвичи стали выглядеть не такими озабоченными, как летом 1941 года. По всей видимости, это было связано с поражением немцев под Москвой и на юге России. Кстати, как мне сказали перед вылетом, активность немецкой авиации над Британией тоже упала. Вероятно, сказались большие потери люфтваффе на Восточном фронте. Встречавший меня на аэродроме в Москве 2-й помощник посла Льюэллин Томпсон шепнул на ухо, что по его данным, немецкое военно-морское командование весьма встревожено прорывом из Чёрного моря в Средиземное, а оттуда – в Атлантический океан эскадры русских кораблей. Самое удивительное в том, что часть этих кораблей шла под военно-морскими флагами СССР, а часть... под флагами царской России. Объяснения такому феномену пока не найдены.

Из американского посольства, расположенного в двух шагах от Кремля, в Китай-городе, я отправил в советский МИД просьбу о встрече со Сталиным. Помимо всего прочего, в этой просьбе говорилось, что я привез с собой послание мистеру Сталину от президента Рузвельта, которое должен вручить адресату лично. Ответ из советского МИДа пришёл в тот же день через несколько часов. Сталин назначил мне аудиенцию на следующее утро.

5 февраля 1942 года. 08.05. Москва. Кремль. Кабинет Верховного Главнокомандующего вооружёнными силами СССР Иосифа Сталина. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.

Советский вождь поздоровался со мной и пожал мне руку коротко,

твёрдо и любезно. На правах старого знакомого он поинтересовался моим здоровьем и приветливо улыбнулся, узнав, что боли в прооперированном желудке меня уже не так сильно беспокоят.

Я передал Сталину личное послание президента Рузвельта с приложенным к нему русским переводом. Советский вождь, извинившись, отошёл в сторону, и внимательно прочитал письмо. Потом вопросительно посмотрел на меня и произнёс своим низковатым твёрдым голосом,

- Итак, мистер Гопкинс, я готов дать вам все возможные разъяснения по поводу обстановки, сложившейся на советско-германском фронте. Что вас интересует в первую очередь?

- Мистер Сталин, – начал я, – нас очень удивили и обрадовали известия о славных победах ваших войск над войсками противника в Крыму и на юге России. По нашим данным, во многом такому благоприятному для вас развитию событий способствовало появление новых советских кораблей, обладающих мощным оружием, и авианосца. Кстати, ни в одном из военно-морских справочников я не встречал упоминания о том, что в СССР идёт строительство авианосца...

- Мистер Гопкинс, – сказал Сталин, при этом хитро прищурившись, – сие означает в первую очередь лишь то, что мы умеем хранить военные и государственные тайны. Не более того. А корабли, о которых вы говорите, построены в России. Кстати, вас, наверное, интересует то, что на некоторых кораблях поднят дореволюционный флаг российского флота...

Я, внимательно слушавший Сталина, кивнул, когда мне перевели последнюю его фразу...

- Так вот, – продолжил Сталин, – в этом нет никакого секрета. Просто мы решили вернуть славные традиции старой русской армии и флота. Скажу больше, в самое ближайшее время выйдут Указы Президиума Верховного Совета СССР о введении в вооружённых силах погон в качестве знаков различий, командиры снова станут офицерами, а те военнослужащие, кто был награжден во время 1-й мировой войны царскими наградами, получит право на их ношение наряду с советскими наградами.

Я стоял потрясённый, не веря своим ушам. Значит ли всё сказанное Сталиным, что СССР возвращается к тому, с чем так легко рассталась во времена Революции?

А советский вождь, улыбнувшись, посмотрел на меня, не спеша подошёл к столу, повертел в руках свою знаменитую трубку и со вздохом положил её обратно. Ещё одна странность, неужели дядюшка Джо бросил курить? Не может быть!

- Мистер Гопкинс, – продолжил он, – я хочу сообщить вам, что прорвавшаяся в Атлантику советская эскадра направляется на Север, где она будет защищать караваны с грузами для СССР, идущими в Мурманск и Архангельск. Я думаю, что американские моряки там смогут ближе познакомиться с кораблями нашей эскадры.

- Мистер Сталин, – спросил я, – а эти корабли не приняли участие в недавно состоявшемся морском бою между английской и германской эскадрами, в ходе которого обе стороны понесли ужасающие потери?

- Нет, – коротко ответил советский вождь. – В этом сражении советские корабли участие не принимали. Как я уже сказал, у них была совсем другая задача.

При этом он опять с улыбкой посмотрел на меня, и я так и не понял, действительно ли было всё так, как он сказал, или он мне чего-то недоговаривает.

- Мистер Сталин, – я задал ему новый вопрос, – мы были недавно опечалены неожиданной и странной смертью нашего коллеги по антигитлеровской коалиции Уинстона Черчилля. Не повлияет ли его кончина на взаимоотношения между союзниками в борьбе с нацистами?

- Мы тоже очень скорбим о кончине сэра Уинстона Черчилля, – сказал Сталин. – При всех сложностях его характера он был последовательным противником Гитлера. И я сомневаюсь, что мистер Эттли, который сменил мистера Черчилля у руля руководства Британской империи, сумеет так же решительно и твердо держать этот руль в своих руках, как покойный.

Я сделал в уме заметку: Сталин, чуть ли не в открытую выразил сомнение в способности мистера Эттли сохранить верность обязательствам, данным союзникам Британии. Между прочим, такие сомнения были и у меня. Слишком уж он, как бы это сказать помягче, "договороспособный". Надо будет учитывать этот фактор во время дальнейших переговоров с советским вождём.

- Видите ли, мистер Гопкинс, – продолжил Сталин, – если говорить честно, то именно СССР в настоящее время несёт основную тяжесть борьбы с гитлеровцами и их сателлитами. При этом мы ценим ту помощь, которую нам оказывают союзники. Именно для того, чтобы эта помощь поступала к нам своевременно и без потерь, мы и отправили на Север новейшие корабли Черноморского флота. Но нам бы хотелось, чтобы эта помощь была, если так можно выразиться, более целевой. Ведь часто к нам поступают образцы боевой техники, которые просто невозможно использовать на советско-германском театре боевых действий.

Взять, к примеру, английские лёгкие танки "Тетрарх". Нам предложили

партию этих машин. Но мы отказались от них – машина абсолютно не приспособлена к нашим дорогам, со слабой бронёй и 40-миллиметровой пушкой. А истребители "Харрикейн"? Они уже изрядно устарели, но те же англичане продолжают их присылать к нам.

- А к американской технике, присылаемой в СССР в качестве военной помощи, у вас есть претензии? – спросил я.

- Мы получили от вас её слишком мало, – ответил Сталин, заглянув в один из листов, лежащих на столе. – Примерно треть от того, что было нам обещано. Нам хотелось бы, что ленд-лиз был, так сказать, "управляемый". То есть, чтобы нам присылали утверждённую нами номенклатуру грузов в согласованном количестве. И ещё, помимо поставок военной техники, горючего и продовольствия, мы бы хотели покупать у вас заводы по производству автомобилей и другой техники "под ключ". Мы согласны оплачивать их строительство золотом. Думаю, что американских предпринимателей заинтересует наше предложение?

- Мистер Сталин, – ответил я, – ваше предложение, несомненно, очень привлекательное для наших бизнесменов, но вы не забывайте о том, что США ведёт напряжённую борьбу с японской агрессией на Тихом океане. А эта борьба требует огромных сил и средств. Наши заводы работают в три смены, чтобы обеспечить армию и флот США всем необходимым.

- Мистер Гопкинс, мы знаем о трудной для вас ситуации на Тихом океане. И мы готовы оказать вам всестороннюю помощь. Естественно, когда мы справимся с германской агрессией. Как глава СССР, хочу сообщить президенту Рузвельту о том, что через несколько месяцев после окончания боевых действий в Европе мы начнём войну с империалистической Японией. У СССР накопилось к ней немало счетов. Мы не желаем, чтобы и дальше на наших восточных границах был очаг агрессии.

Я чуть было не подпрыгнул от удивления. Лидер советской страны, которая в настоящий момент находится в весьма трудном, я бы даже сказал, смертельно опасном положении, делает такие заявления! Да, похоже, Сталин имеет в запасе какие-то сильные козыри, которые он ещё не выложил на стол. Надо срочно сообщить о нашем разговоре Френки, а самому попробовать поискать дополнительную информацию о том, что же произошло в СССР со времени моего первого визита в эту страну.

Видимо заметив сомнение в моих глазах, дядюшка Джо добавил:

– В ближайшее время мы организуем вам и вашей делегации экскурсию по местам боевой славы Красной Армии – в Подмосковье и на юг. Там вы сами убедитесь, какой сокрушительной силы удары научились

наносить врагу наши войска. Потом мы с вами снова встретимся и поговорим.

Сердечно распрощавшись со Сталиным, я вышел из его кабинета и поспешил к своей машине. Быстрее в посольство – надо срочно передать Президенту то, что я услышал сегодня в Кремле от советского лидера.

5 февраля 1942 года. Утро, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК. Командир бригады генерал-майор Бережной

Генерал-майора Катукова я нашёл в землянке, гордо именуемой "Наше КБ". Нашел в теплой компании с подполковником Николаем Владимировичем Деревянко, капитаном Маратом Азизовичем Искангалиевым, Николаем Фёдоровичем Шашмуриным и Иваном Яковлевичем Траштутиным. На столе перед ними стоял ноутбук, а рядом – кипа чертежей. Сбоку стола, никому не мешая, совершенно забытый остывал большой закопчённый чайник литров на пять. Люди были заняты увлекательнейшим делом – они творили концепт нового танка, А заодно – и саму историю.

- Здравия желаю, товарищи, – я повесил на гвоздь уже поднадоевшую мне папаху. – Как я понимаю, экскурсию по парку для нашего дорогого гостя успели провести и без меня?

- Здравия желаем, товарищ генерал-майор! – одновременно вскочили Деревянко с Искангалиевым. – мы...

- Вы сделали всё правильно, – я по очереди пожал руки всем присутствующим. – В конце концов, вы вдвоем разбираетесь в танках значительно лучше меня.

Я повернулся к Шашмурину.

– Николай Фёдорович, новый танк – новым танком, а вот как у нас дела с установкой по закалке деталей трансмиссии по методу ТВЧ?

- Готовимся, товарищ генерал-майор, – кивнул Шашмурин. – После звонка товарища Берии на нашем заводе все забежали как наскипидаренные. Мы тут посоветовались на самом высоком уровне и решили, что первую экспериментальную установку будем собирать прямо здесь, на базе полевого лагеря вашей бригады. Иначе мы можем не успеть с подготовкой к следующему вашему походу. Электрики уже тянут сюда временную ЛЭП.

- Ну, раз так, значит, всё в порядке, – я сел за стол рядом с Катуковым.

– Ну что, Михаил Ефимыч, посмотрели вы нашу технику и, наверное, поняли, почему мы без танковых засад обошлись, а просто и без затей врезали Гудериану в лоб.

- Понял, – повёл плечами Катуков.

– Вот товарищ подполковник сказал, – он кивнул в сторону Деревянко, – что PzKpfw IV с острия немецкого клина они вывели минут за пять.

- Так и есть, даже быстрее, – кивнул головой наш главный танкист. – Причём, с такой дистанции, что немецкие танкисты нас только матом могли крыть.

- Товарищи, – посмотрел на нас Катуков, – я, похоже, чего-то не понимаю. Зачем нам абсолютно новый танк, если вот товарищ Деревянко говорит, что у нас всё хорошо?

- Это не у нас всё хорошо, товарищ генерал-майор танковых войск, – спокойно сказал Николай Владимирович. – Это у немцев пока всё плохо. Они-то, бедолаги, думали разгромить СССР одним ударом и пройти парадным маршем по Красной площади. Дальше у них была по плану война с Англией и США, в которой мощные танковые войска без надобности. Там нужен флот и авиация. Вот Гитлер и приказал своим конструкторам свернуть все работы по танкам, мол, всё – хватит.

А в ноябре-декабре 1941 года стало ясно, что факир был пьян и фокус не удался, что война будет затяжной. Вот уже пару месяцев немецкие танковые конструктора спущены с цепи и лихорадочно ищут свой ответ на наши Т-34 и КВ. А тут ещё мы в Чаплинке показали им свою новинку – Т-72, и теперь они озадачены ещё и этим вопросом. Я могу вам рассказать, как в нашем прошлом, в июле 1943 года 5-я гвардейская танковая армия пошла в самоубийственную атаку на окопавшийся в курских степях танковый корпус СС. Т-34, который мы сейчас имеем, своей 76-мм пушкой брал немецкие тяжёлые танки Т-VI "Тигр" в борт с 300 метров, а немецкая 88-мм пушка, установленная на "Тигре" поражала Т-34 в лобовую проекцию с 1200 метров. Потери были страшные, армия потеряла что-то около двух третей от списочного состава людей и боевой техники. Правда, и немцы не продвинулись вперёд ни на шаг. Но это была уже совсем другая история. Если мы не хотим повторения подобных атак, то нам надо к этому заранее подготовиться. Товарищ Сталин в курсе проблемы. Поэтому он и дал задание нашим конструкторам, чтобы немецкие генералы лихорадочно искали ответы на наш вызов.

- Все это правильно, Михаил Ефимович, – завершил я дискуссию. – Теперь давайте пойдём и посмотрим, какой вопрос мы будем задавать примерно через полгода немецким танковым генералам.

Шашмурин покосился на меня, и вздохнул.

– Товарищ Деревенко говорит, что таким вопросом может стать разработанный в вашем прошлом в самом конце войны танк Т-44. Масса 32 тонны, торсионная подвеска, монолитный лобовой лист, поперечное расположение двигателя, литая башня и пушка от 85 до 122 мм.

- Да, всё правильно, – подтвердил я. – Именно так эта машина и называлась. Теперь напомним ещё несколько условий, поставленных товарищем Сталиным. Во-первых, переход с Т-34 на Т-44 не должен привести к уменьшению валового выпуска танков, поэтому машинокомплекты Т-44 должны быть максимально совместимы со своим предшественником.

Во-вторых, с Т-44 должны быть совместимы самоходное орудие ПТО калибром 100-мм, самоходная гаубица калибром 122-мм и самоходные автоматические установки ПВО 4х23-мм или 2х37-мм.

- Вячеслав Николаевич, – сказал мне Шашмурин, – над самоходными артсистемами мы уже думали. И поскольку все они должны иметь заднее расположение боевого отделения, то у меня есть предложение – спроектировать универсальное шасси, на которое при необходимости можно будет монтировать специализированные башни. Главное, чтобы у них совпадал диаметр погона.

Подполковник Деревянко почесал в затылке.

– Добавьте в этот список многоцелевой легкобронированный тягач для прицепных артсистем крупного калибра. Если не ошибаюсь, то ваше шасси в безбашенном варианте запросто потянет даже такую бандуру, как Б-4.

Шашмурин кивнул, а я подвел итог:

– Ну вот и хорошо. Михаил Ефимович, – посмотрел я на Катуква, – если у вас нет возражений против предложенных нашими специалистами идей, пойдёмте порешаем проблемы не столь вселенского масштаба. Не будем мешать товарищам, они создадут эскизный проект и без нас. Пойдёмте ко мне, обсудим вопрос доукомплектования и переформирования вашей бригады.

Катуков встал.

– Вы правы, Вячеслав Николаевич, наша бригада понесла в боях под Москвой большие потери, а значит, перед предстоящей серьёзной операцией переформирования и доукомплектования не избежать. Только вот...

Понимая, что сейчас Катуков спросит о будущей "Молнии", я увлек его к выходу.

– Михал Ефимыч, – прошепел я ему в ухо, – о том, что, где, когда и как

– знают только Верховный Главнокомандующий, я, мой начштаба и группа специально отобранных генерал-лейтенантом Василевским офицеров Генштаба. Всё! Чем меньше знаешь, тем крепче спишь и дольше живешь. Могу сказать одно, операция будет крайне серьезной. Куда серьезнее, чем наша прогулка по югам. Так что пойдём в мою землянку и под настоящий кофе подумаем о том, как бы нам, используя ту технику, что серийно выпускается в СССР, если не уравнивать, так хотя бы сделать сопоставимым наш бронетанковый потенциал и потенциал противника...

После нескольких часов споров и размышлений мы пришли к следующей структуре для 1-й гвардейской танковой бригады: батальон тяжёлых танков, состоящий из 10 КВ-2 и 20 КВ-1. Два батальона средних танков, каждый по 30 Т-34. Рота разведывательных лёгких танков – 10 БТ-7 и разведрота. Мотоциклистов зимой не надо, а вот летом лишними они не будут. Мотострелковый батальон на трофейных полугусеничных тягачах – тридцать штук в исправном состоянии в подмосковных завалах трофейной фрицевской техники найти можно. Самоходный артдивизион на астровских СУ-76. Их уже выпускают, и с нашим первоочередным снабжением мы вполне можем их получить. Разумеется, рембат и автобат для своевременного восстановления техники и снабжения бригады всем необходимым.

Пока всё, составим заявку и сегодня вечером я отвезу её Верховному. Планы боевой подготовки Михал Ефимыч обсудит с подполковником Деревянко. Времени в обрез, пусть об этом знаем только мы с товарищем Сталиным, но до начала операции осталось всего три недели. И если в нашей бригаде процесс сдвинулся с мёртвой точки, то у катуковцев, считай, что и конь не валялся.

6 февраля 1942 года. Утро. Таврия, окрестности пос. Чаплинка. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.

Вождь большевиков сдержал своё слово. Не прошло и суток с того разговора, а наша делегация уже бродит по полю битвы под Чаплинкой. Общее впечатление ужасное. В смысле, ужасное для немцев. Всюду трупы, трупы, трупы... Убитые одеты в серые шинели солдат вермахта, чёрные комбинезоны панцерваффе.

Ледяной ветер и низкая позёмка, я зябну даже в тёплом русском

полушубке и меховой шапке. Эту одежду выдали всем членам делегации перед поездкой на фронт. В том тонком модном пальто и шляпе, в которых я прилетел из Вашингтона, я бы давно окошел на таком ветру. А каково было немцам? Сопровождающий нас русский полковник Иванченко заявил, что у Красной Армии пока ещё не дошли руки до расчистки этого поля от трупов немецких солдат и обломков техники.

Видно, что полковник горд оказанной ему честью сопровождать нашу делегацию и, кроме того, сам удивлён представшей перед нами картиной. Стоя на этом поле, я вижу, что дядюшка Джо совсем не блефовал – русские способны самостоятельно разгромить немцев, не за год, так за два точно. Наши же дела на Тихом океане совсем плохи, и все ресурсы идут туда. С каждым днём обстановка всё хуже и хуже, проклятые джапы готовятся к высадке в Новой Гвинее, бои идут в джунглях Бирмы, пала Манила, и положение нашей армии на Филиппинах безнадежно, японские войска подступили к Сингапуру. Прекрасно обученная и фанатичная армия японского императора стоит уже на пороге Индии и Австралии. Мы, англосаксы, сами создали себе этого монстра, который, вкусив крови, обрушился на своих создателей. Вероломное нападение на русский флот в Порт-Артуре 9 февраля 1904 года стало прологом к "Дню Позора" 7 декабря 1941 года. Наши правители были слепы, как кроты, ведь сколько волка не корми, он однажды вспомнит, что он хищник, и вцепится своими клыками в твоё горло. Что мне докладывать Френки, когда мы вернёмся в Москву?

Я пнул гусеницу сгоревшего немецкого танка. Когда-то он был обычным PzKpfw IVD, с короткой, как гаванская сигара, пушкой. А сейчас он всего лишь обгорелый кусок металлолома. Русский крупнокалиберный снаряд пробил лобовой лист и, пройдя через боевое отделение, выбросил исковерканный мотор через корму на закопчённый снег. Что бы мне сказали души тех пяти немцев, которых этот снаряд в мгновение ока отправил в лучший мир? Я горько усмехнулся. Что они могут сказать, кроме самого простого: «Гарри, не связывайся с этими парнями. Да, они кажутся добродушными увальнями, любящими баню, водку и грудастых баб. Но на самом деле это не так, Гарри, на самом деле, это люди-оборотни, по зову военной трубы превращающиеся в беспощадных берсерков. Не связывайся с ними, Гарри!»

Деликатное покашливание отвлекло меня от общения с душами мёртвых немцев. Я обернулся. Это был полковник Рендолл возглавляющий военную часть нашей делегации.

– Сэр, мы можем говорить?

- Да, полковник, – кивнул я, – вы что-нибудь выяснили?

- Так точно, сэр! – ответил полковник. – Русские довольно разговорчивы, а первый лейтенант Томпсон, мать которого родом из России, прекрасно говорит по-русски. Кроме того, сэр, мы с ним облазили все это чёртово поле буквально на четвереньках.

- Слушаю вас, Рендолл? – сказал я. – Это поле просто подавляет своей монументальностью.

Полковник почесал гладко выбритый подбородок.

- Сэр, со всей ответственностью могу заявить, дело тут не чисто.

- Что вы имеете в виду, полковник? – насторожился я.

- Вот смотрите, сэр, – мой собеседник кивнул на подбитый немецкий танк, возле которого мы стояли. – Этого парня приголубили из двенадцатисантиметровой танковой пушки.

- Полковник, а почему вы считаете, что пушка была танковой? – усомнился я. – У русских есть прекрасная пушка-гаубица примерно такого же калибра.

- Да, сэр, это так, но, – полковник Рэндолл кивнул в сторону русского села, – мы с Томпсоном облазили там всё, и не нашли следов гаубичной батареи указанного калибра, выдвинутой на прямую наводку. Зато прямо по оси дороги мы нашли место, с которого вёлся огонь... Сэр, это или полноценный танк, или, по крайней мере, казематная самоходная пушка. Русские собрали гильзы, но подтаявший и окаменевший снег сохранил отпечатки.

- Вы уверены?

- Так точно сэр, уверен, – кивнул полковник. – Более того, Томпсон считает, что соплеменники его матери нарочно не стали затирать все следы, они хотят чтобы мы знали... сами. Помните, во вчерашнем фильме...

- В каком именно, полковник? – переспросил я.

Дело в том вчера в посольстве мы смотрели два фильма, фактически на одну и ту же тему. Один был специально для нас доставлен из Кремля и назывался "Разгром сводной танковой группы Гудериана", а другой был привезен на самолёте из Анкары, его снимали сотрудники нашего посольства в Турции во время прохождения по Босфору русской эскадры.

- В первом, сэр, который о разгроме Гудериана. Там на мгновение мелькнула группа слишком уж необычных танков, – полковник пожевал губами. – Буквально несколько кадров, и очень издалека. Такие низкие, широкие машины со сплюсненными башнями и длинноствольными пушками. А дальше оператор снимал только, как один за другим вспыхивают немецкие танки. Сэр, я думаю, что это всё-таки дело рук

"Старших братьев".

- Что за "старшие братья", Джеймс?! – встрепенулся я. – Никогда не слышал о них!

Рэндолл вздохнул.

– Это все мой начальник, сэр, генерал Билл Донован, это его гипотеза.

- Какая гипотеза, полковник, можно поподробнее? – неожиданно у меня закололо в боку. – Я тут в потёмках должен разгадывать русские ребусы, а армия скрывает от меня и президента какие-то сведения?

- Никак нет, сэр, ничего мы не скрываем, – полковник изобразил на лице маску оскорблённой невинности. – Просто мы немного лучше разбираемся в военных делах, чем гражданские. Удивителен не только этот показательный погром, который русские устроили джерри, удивительны все события, случившиеся в этих краях после 4-го января. Волосы дыбом встают, когда начинаешь понимать масштабы событий. Одно уничтожение всего люфтваффе на южном фронте за одну-единственную ночь представляет из себя величайшую тайну и величайшее чудо. Знаете, что русские отвечают на этот вопрос? Что, мол, действовала авиагруппа особого назначения резерва ставки Верховного командования.

Потом Гудериану не повезло на этом поле лоб в лоб встретиться с тяжёлой механизированной бригадой, того же особого назначения из резерва той же Ставки. Через Босфор в Средиземное море, потом в Атлантику вышла эскадра того же особого назначения... Сэр, это всё внешнее, но русские со своим плановым хозяйством тяготеют к порядку и классификации. Что может быть общего между флотской эскадрой, авиационной частью и механизированным соединением, маркированными буквами ОСНАЗ РГК?

-Не знаю, полковник, – пожал плечами я, – просветите.

- Общим может быть назначение и, – полковник поднял вверх палец, – ...происхождение.

- Хорошо, – кивнул я. – И, кстати, вы до сих пор ничего не сказали про этих ваших "братьев".

- Сэр, – как-то странно посмотрел на меня полковник, – "старшие братья" – это и есть ответ на вопрос с происхождением. Как считает мой начальник, люди, сотворившие все эти военные чудеса, не принадлежат нашему миру, они пришли извне. До 4-го января этого года такие люди, как контр-адмирал Ларионов или генерал-майор Бережной, просто не существовали. Но факт, что сейчас они есть, а мистер Ларионов даже назначен командующим Черноморским флотом вместо несчастного Октябрьского. К тому же совершенно точно, что корабли, идущие сейчас на

Север под андреевским флагом, на русских верфях не строились и Черноморские проливы не пересекали. За это сэр, наша служба может ручаться. Из какого "извне" они пришли – это уже другой вопрос. Можно сказать только одно: по сведениям, имеющимся у нашей службы, пришельцы искренне считают себя русскими. И более того, местные русские их за таковых признают.

- Полковник, пришельцы извне, это хорошо, – я пожал плечами. – Теперь следующая задача вашей службы узнать, откуда именно. Но скажите, почему именно "старшие братья"?

– Сэр, представьте себе, что вы мальчик, которого постоянно обижает банда малолетней шпаны с соседней улицы. Бьют, отнимают карманные деньги, по всякому унижают. Каждый из них не сильнее вас. Но их много, а вы один, и поэтому они делают, что хотят. И вот, отслужив в армии, предположим, в морской пехоте, в отчий дом возвращается ваш старший брат. Уличная шпана ведёт себя нечестно, нападая толпой на одного, и ваш старший брат начинает выравнивать шансы.

«Деритесь честно, – говорит он, ломая ноги главарю банды, который, все время ходит с кастетом. – Мой кастет, – говорит он, – в два раза тяжелее вашего».

Хороший старший брат не будет драться вместо младшего, он просто приведёт ситуацию к такому состоянию, что младший сам сможет справиться с проблемой. Но не стоит его злить, потому что тогда может появиться и дробовик, и автомат Томпсона. С таким старшим братом и его семьёй лучше жить на разных улицах, сэр, и раскланиваться при встрече. Теперь вы поняли, сэр, почему именно мы назвали их "Старшими Братьями"?

- Понял, Джеймс, – я задумался. – И вы считаете, что небольшая группка людей, пусть даже очень умных и хорошо вооружённых, в состоянии изменить всю ситуацию на Восточном фронте?

- Сэр, исходя из сил, применённых в Евпаторийском десанте, и возможной численности команд кораблей, их немного – три, возможно, две тысячи человек. Боеприпасы у них когда-нибудь закончатся, а техника придёт в негодность. Всё это действительно так, но... – полковник наклонился к моему уху и продолжал вполголоса. – Но чёрт его знает, этих русских, нам их никогда не понять. Вот Томпсон иногда простой американский парень, а иногда я не знаю просто, что с ним делать...

Нам известно, что при высадке в Евпатории численность их наземного отряда едва превышала шестьсот человек. Сейчас в той самой бригаде больше трёх тысяч. Мой генерал считает, что сейчас людей, которых можно

было бы назвать "старшими братьями", значительно больше, чем было в самом начале. Возможно, что не каждый русский способен стать "старшим братом", но они не испытывают проблем с обучением неопитов. Успех их последних действий на юге подтверждает эту мысль.

Последовательный рост масштаба операций требует такого же увеличения числа вовлечённых людей, и при этом каждый раз они достигают успеха. Немцы – противники серьёзные, и случайностью это быть не может. Мы думаем, что к сегодняшнему моменту кроме нескольких десятков тысяч рядовых бойцов и командиров в число новообращённых "старших братьев" входят такие люди, как генералы Василевский и Рокоссовский, глава НКВД Берия, адмирал Кузнецов и многие другие, которые уже инициированы, но пока себя никак не проявили.

Кстати, о Кузнецове. Совершенно непохожий на современных русских иезуитский тактический ход, в результате которого его эскадра осталась в стороне, а в смертельной схватке сцепились подглядывающие за ним кузены и охотящиеся на него джерри. Ничего личного, только бизнес. Я бы поставил мистеру Кузнецову "А" с плюсом за хитрость и сообразительность.

Как происходит сам процесс посвящения, нам пока неизвестно. Просто в один прекрасный момент на горизонте возникает новый "старший брат". А тех, кто не способны на такое превращение, отстраняют от командования, и их арестовывает НКВД, которым руководит уже упомянутый Лаврентий Берия, – неожиданно он посмотрел на меня испытующим взглядом. – И кстати, сэр, лично встречаясь с дядей Джо, вы случайно не заметили ничего странного?

– Упс! – мне неожиданно стало плохо, и я прислонился к обгорелому борту немецкого танка. В голове что-то щёлкнуло, и те мелочи, которые раньше проскакивали мимо сознания, вдруг встали на свои места. Нет, несомненно, это был всё тот же Сталин, но, во-первых, он бросил курить. Сумел бросить. Такому заядлому курильщику как он, легче бросить дышать.

Потом эти странные приборы у него на столе. Нечто напоминающее телефонный аппарат-переросток и плоский чёрный ящик, крышку которого дядя Джо закрыл при моём появлении. И самое главное было не в кабинете, самое главное в другом. Все эти стратегические и политические шаги последнего месяца: изменение стиля войны, отставка, а иногда и арест многих видных фигур, в основном придерживающихся крайне радикальных политических взглядов, и одновременно примирение с белоэмиграцией.

Полковник придержал меня за руку, и я выпрямился.

– Спасибо за откровенность, Джеймс, – сказал я, осматриваясь по сторонам. – И хоть полная ясность ещё не наступила, но всё стало намного понятней. По возвращению в Москву я немедленно доложу ваши соображения Президенту. Теперь задачей вашей службы будет выяснить, откуда именно пришли к нам столь богатые талантами гости. Я думаю, что мир, в котором строят танки с двенадцатисантиметровыми пушками и самолёты, против которых бессильно все люфтваффе, это не самое приятное для жизни место. И кстати, что означает: "жить с этими парнями на разных улицах"?

Полковник кивнул.

– В разных полушариях сэр, я...

Он всмотрелся куда-то мне за спину, в нагромождение обломков немецкой техники, сброшенной русскими на обочину шоссе, когда они освобождали проезд.

– Сэр, что-то мой Томпсон мчится сюда, как будто за ним гонится дюжина апачей с томагавками. Наверно, что-то случилось?

Я обернулся. Помощник полковника бежал по дороге, спотыкаясь с непривычки в этой русской обуви, именуемой "валенки". Если бы не они, наши ноги давно бы превратились в кусок льда. Но бегать в этих валенках по утопанному снегу, это всё равно, что скакать на бешеной корове. Вот он повернул, огибая подбитый танк, и чуть не упал с непривычки, смешно взмахивая руками. Ещё пара минут, и весь растрёпанный, покрасневший и запыхавшийся первый лейтенант предстал перед нами.

- Эндрю, – строго сказал ему полковник Рэндолл, – сначала приведите себя в порядок, вы позорите нас перед союзниками. Потом чётко и ясно доложите, ради чего вы устроили весь этот забег?

- Сэр, – сказал Томпсон, – Победа! Только что московское радио сообщило, что генерал Клейст капитулировал вместе со всем своим штабом. Сопротивление немецкой группировки сломлено, массовая сдача в плен. В честь этого завтра вечером в Москве будет артиллерийский салют в двенадцать залпов...

Мы с полковником Рэндаллом переглянулись. Лавина, сорвавшаяся с горы, набирала ход. Я на минуту задумался.

– Эндрю, пойдите, соберите всю нашу журналистскую публику, только никого не забудьте, нам в Вашингтоне за них головы оторвут. А нашему доброму ангелу, мистеру Иванченко скажите, что мы желаем посмотреть места недавних боёв в городе Сталино. В конце концов, нам было обещано показать всё, что мы пожелаем увидеть. Ступайте.

Лейтенант убежал, а я посмотрел на полковника.

– Знаете что, Джеймс, у меня вдруг возникло желание своими глазами взглянуть как на победителей, так и на живых побеждённых. Если повезёт, то нашим писакам могут разрешить даже взять интервью у немецких пленных и у советских солдат. Дядюшка Джо снабдил нас бумагой, способной проломить любые стены. Президент должен получить от нас с вами самую свежую и точную информацию. Возможно, что от этого зависит сама судьба Америки.

- Да, сэр, – кивнул полковник, – я тоже так думаю.

6 февраля 1942 года. Около полудня. Аэродром люфтваффе недалеко от Минска.

– Герр обергруппенфюрер, – толстый майор люфтваффе стоял перед Гейдрихом навтыжку. – Мы не можем выпустить ваш самолёт. Командира вашего истребительного прикрытия гауптмана Шмидта увезли в госпиталь. Наш врач считает, что у него аппендицит. Приступ начался прямо в воздухе, он едва дотянул до аэродрома.

Рейнхард Гейдрих с тоской оглядел заснеженное поле, на котором сиротливо стояли две "тётушки Ю" с его людьми и восьмёрка истребителей Me-109F из состава авиакорпуса "Германия". По приказу фюрера они должны были сопровождать трёхмоторные транспортные самолёты до Смоленска и вернуться обратно.

– Проклятая страна! – подумал Гейдрих, – Всё не как в Европе. В Варшаве сейчас плюс пять тепла, зеленеет трава и паненки ходят в лёгких демисезонных пальто. А тут – минус двадцать, ветер, снег, глушь. Говорят, что в лесах даже завелись какие-то партизаны. Надо было срочно собрать лучших специалистов и самых опасных головорезов, чтобы долететь до этой дыры и застрять из-за не вовремя заболевшего животом пилота-гауптмана. Чёрт бы побрал этого формалиста! Но, видимо, его предупредили о моём визите и хорошенько накрутили хвост, так что он теперь боится, как выпустить меня, так и не выпустить... Теперь придётся ждать сутки, пока из Варшавы пришлют замену...

– Нет, так не дело не пойдёт! – приняв решение, Гейдрих резко повернулся к коменданту аэродрома. – Значит так, герр майор, самолёт гауптмана Шмидта поведу я лично. Я боевой лётчик, прошёл всю польскую компанию. Несите сюда свой журнал полётов, я лично напишу в нём, что

беру ответственность на себя, находясь в здравом уме и трезвой памяти. И помогите надеть парашют, чёрт вас возьми.

Час спустя, "Тётушки Ю" вместе с истребителями сопровождения оторвались от заснеженного поля и взяли курс на восток. В кабине одного из мессершмиттов 109 вместо штатного пилота сидел обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Вслед им в эфир полетели радиogramмы, предупреждающие командование люфтваффе и группы армий "Центр" о визите особо важного гостя.

6 февраля 1942 года. 14:04. Штаб ГОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады генерал-майор Бережной

День начался как обычно: утром – полевой лагерь, в полдень – штаб, вечером – опять полевой лагерь. Жизнь бьёт ключом и, к счастью, не по голове. Слава всем богам и основоположникам марксизма-ленинизма – сегодня не надо ехать в Кремль.

Зато вчера вечером нас с конструктором Шашмуриным и генерал-майором Катуковым вызывали к Верховному. Именно в такой комбинации. Вчера утром, после разговора с Катуковым, и ещё одного – с Николаем Фёдоровичем Шашмуриным, – я отправил с нарочным пакет в Кремль. В этом пакете была срочная заявка (надо было ещё вчера!) на технику для пополнения 1-й гвардейской танковой бригады и эскизные проекты будущего танка Т-44, самоходной платформы на его основе под гаубицу-пушку 122-мм, противотанковую пушку 100-мм, самоходные зенитные установки 2х37-мм и 4х23-мм. "Хитом сезона" был проект тяжёлого БМП на той же базе, способного перевозить десять человек десанта и вооружённого автоматической авиационной пушкой НС-45, которая была признана слишком мощной для авиации. Ну да, для авиации – это монстр. "Яшка" после очереди из этой пушки начинает буквально пятиться, а тряска при стрельбе такая, что только первые два снаряды летят в цель, а все остальные – на кого бог пошлёт.

Но вот на 17-тонной БМП эта зверюга будет вполне к месту, особенно если ей будут ассистировать два пулемёта калибра 7,62. Но все это надо ещё утвердить. На таких эскизах должна появиться надпись знаменитым красным карандашом "И-Ст", и лишь после того бумага превращается в проекты...

Первое, что спросил вождь, выложив на стол нашу с Катуковым

заявку, было:

– А почему так мало просите, товарищи? Мы можем дать вам значительно больше.

– Больше и не надо, товарищ Сталин, – ответил я. – Наша промышленность пока не выпускает необходимые нам самоходные системы на гусеничном ходу. А разбавить парк колёсной или прицепной техникой местного производства, значит серьёзно снизить мобильность, необходимую рейдовым соединениям.

– Я вас понял, – Сталин положил руку на пачку листов с эскизами Шашмурина. – Вы имеете в виду именно эту технику. Согласен, впечатляет. Он посмотрел на конструктора.

– Скажите, а почему среди предложенных вариантов отсутствует самоходная гаубица калибром 152-мм?

Николай Фёдорович встал.

– Товарищ Сталин, 152-мм гаубицу планируется делать на базе тяжёлого танка ИС, который ещё подлежит разработке, то есть, фактически с нуля. Предложенная сейчас техника на 70-80% совместима по узлам и агрегатом с уже выпускающимся танком Т-34, что ускорит как проектирование, так и запуск в производство, и освоение в войсках.

Сталин прошёлся по кабинету.

– 70-80% вы говорите? Да вы садитесь, товарищ Шашмурин, и не надо волноваться. Нам известны те сложности, которые создавало вашей работе ваше бывшее начальство. Не успеет закончиться ваша командировка к товарищу Бережному, как мы уже решим этот вопрос.

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Шашмурин. – Т-34 хороший танк, просто он немного неудачно скомпонован. Например, на нём нет возможности установить башню с длинноствольной пушкой калибром больше ста миллиметров, так как в этом случае смещение вперёд центра тяжести станет просто неприличным. Подвеска Кристи тоже исчерпала свои резервы. Как мы уже знаем, в будущем все танки будут проектироваться с торсионной подвеской, которая при той же массе танка значительно надёжнее и не отбирает так много места у боевого отделения.

– Хорошо, – Сталин начал задумчиво перебирать эскизы, и его рука уже потянулась к красному карандашу. – За какое время вы сможете завершить проектирование, постройку опытного образца и испытание новой техники? Ну и запуск в серию...

– Если будут свободные производственные мощности, то месяц-полтора на сборку и обкатку шасси, и в варианте танка и в варианте самоходной платформы. Потом ещё месяц на сборку и испытание

предсерийных машин.

– Хорошо, – кивнул вождь. – Когда закончите свои работы по подготовке к рейду техники в бригадах товарищей Бережного и Катукова, то поедете на Сталинградский тракторный, чтобы там заниматься темой Т-44 и самоходных систем.

Я встал.

– Товарищ Сталин, у меня предложение...

– Слушаю вас, товарищ Бережной, – кивнул вождь.

Я прокашлялся.

– Товарищ Сталин, быть может, лучше направить группу товарища Шашмурина не на Сталинградский тракторный, который и без того загружен работой во восполнению потерь нашей армии в танках. Судостроительному заводу в Молотовске после начала войны был отменен заказ на строительство линкоров типа "Советский Союз", и сейчас они строят малые суда. В то же время оборудование, способное обрабатывать броневые листы, на нём простаивает. Я уже как-то говорил, что судостроительные заводы могут взять на себя часть нагрузки по обеспечению нашей армии танками, в особенности такими, диаметр погона башен которых превышает имеющийся у Т-34-76.

– Интересный вариант, – задумчиво произнёс вождь. – Мы никогда не рассматривали судостроительные заводы, пусть даже и простаивающие, как площадки для производства танков...

Он сделал пометку на листе бумаги.

– Мы пошлем запрос, и если для того нет никаких технических препятствий, то воспользуемся ценным советом товарища Бережного. Теперь дальше, к заботам сегодняшнего дня.

Сталин внимательно посмотрел на меня.

– До того момента, когда бригады товарищей Бережного и Катукова будет находиться в полной боевой готовности, у нас осталось около двух недель. Товарищ Шашмурин, ваша установка по закалке деталей токами высокой частоты готова?

Николай Фёдорович кивнул.

– Так точно, товарищ Сталин. По совету товарищей из будущего, походный вариант установки смонтирован на шасси двух грузовиков ЗИС-5, что обеспечит её работу в полевых условиях. Сегодня днём мы, можно сказать, провели пуско-наладочные испытания. А завтра приступим к работам по подготовке техники бригады товарища Бережного. Дальнейшие корректировки будут вноситься по ходу работ.

Сталин кивнул, и мы ещё немного обсудили перспективы развития

бронетанковой техники, тактику глубоких рейдов и прочие нюансы предстоящих событий.

Атмосфера была приподнятой. Совинформбюро уже разнесло по стране весть о капитуляции группировки Клейста. Мы все, и выходцы из XXI века, и люди века XX, сделали это! Фактически это была Сталинградская операция, проведенная на год раньше и с несравнимо меньшими потерями. Мы с Верховным понимали, что теперь нам предстоит последняя стратегическая операция в зимней кампании этого года, после чего и мы, и немцы будем вынуждены взять тайм-аут на время распутицы до мая-июня. Остальные присутствующие, пусть и не владели всей информацией в полном объеме, но чувствовали то же самое.

Наверное именно поэтому в самом конце разговора товарищ Сталин попросил Николая Фёдоровича сосредоточить свою работу не на танке Т-44, а на самоходных платформах. Лишние полгода на Т-34 для нашей армии некритично, тем более что у немцев "Тигры", "Пантеры" и прочий "зверинец" в массовом количестве появится только весной-летом 1943 года, и время у нас пока ещё есть.

А вот в БМП, в самоходных зенитных и артиллерийских установках наша армия нуждается уже сейчас. Тогда же товарищ Сталин, видимо приняв окончательное решение, разрешил отвезти Михаила Ефимовича в штаб бригады и ознакомить его с планом операции. Хотя, какой он Михаил Ефимович... Это я его так называю про себя, зная, что родился он примерно за полвека до меня. Вслух он просто Миша, а я для него скорее, наоборот, Вячеслав Николаевич. И это не только из-за того, что по прожитым годам я на пятнадцать лет его старше, но из-за моей славы "пленителя Манштейна". Гудериана я, слава Богу, аккуратно уступил подполковнику Деревянко и капитану Бесоеву. Пропавший неизвестно куда Гот – это дело рук "хулигана-героя" подполковника Рагуленко. Сам немецкого генерала потерял, пусть сам и ищет. Надо ведь смотреть под гусеницы – кого ты там давишь.

Короче, приехали мы на штабную дачу, а там покой и благорастворение воздухóв. Сосны до неба, птички чирикают, штабные кунги под усыпанной снегом масксетью стоят. Тишина, будто и войны уже нет. Только за домом кто-то дрова хакает – завтра суббота, а значит, и баня будет, как положено. Прошлая суббота пришлась на тридцать первое января, штаб только выгрузился с эшелона и прибыл в расположение. Но комендант дачи был уже наготове, сверху его тоже предупредили, что товарищи придут с фронта... Знаем мы, кто у нас такой заботливый – вождь и учитель, а остальные и не почешутся. Так что, пока есть

возможность, то надо пользоваться на всю катушку. Но не успели мы с товарищем Катуковым войти в дом и поздороваться, как прибегает начальник нашей службы радиоперехвата. ТАМ он проходил по моей епархии, а ЗДЕСЬ я включил этих ребят в штат бригады и никому не отдал. Облезут. Немцы на свою "Энигму" надеются и не понимают, что с нашими компьютерами эта "Энигма" всё равно, что открытый текст. А на капитана смотреть страшно – лицо красное, сам весь в мыле. Ну, я и пошутил. Посмотрел на Катукова и говорю:

– Миша, глянь, неужто к нам в гости сам Гитлер едет?..

– Не Г-гитлер, – заикаясь, проговорил капитан, – но тоже на "Г" – Г-гейдрих.

Катукову сия фамилия ни о чём не говорила, но вот я взволновался до невозможности и сделал охотничью стойку. Гейдрих, да ещё в сопровождении свиты, для перевозки которой требуется две "Тётушки Ю" – хоть убейте меня, но дело пахнет большой пакостью. Этот человек не повезёт берлинских шансонеток на случку в штаб группы армий "Центр". Это либо инспекция в связи с событиями на юге, либо какая-то пакость персонально в наш адрес.

Слава Богу, ВЧ-связь на этой даче есть. Так что первым делом – звонок в Кремль. Такие гости в дом, а Хозяин и не в курсе. Опять же, к счастью, не пришлось объяснять Хозяину, кто такой Гейдрих. Он его и сам прекрасно знал. По всем остальным вопросам наши мнения тоже совпали на 150%. Неизвестно, чего тут этот Гейдрих забыл, но ничего хорошего для нас его визит не обещал. Мочить эти гниду надо, однозначно.

Согласился вождь и с тем, что единственная часть наших ВВС, которая с гарантией достанет Гейдриха, – это особая авиагруппа, временно перебазировавшаяся на аэродром ЛИИ ВВС в Кратово. Получив санкцию "товарища Иванова", я немедленно звоню туда. Гвардии полковник Хмелёв сообщил мне, что авиагруппа в разгоне. Все Су-33 ушли бомбить авиабазу Банак в Норвегии. Скоро туда, совершив "суперкруиз" по Атлантике, прибудет эскадра адмирала Кузнецова. В таких условиях лучшее ПВО – это бомбовый ковёр, раскатанный над их аэродромом. Все четыре МиГ-29К вернулись в Саки и действуют с этого аэродрома в интересах Черноморского флота и Крымского фронта генерал-лейтенанта Рокоссовского. На аэродроме в Кратово остался – сирота-сиротой – лишь учебно-боевой Су-25УТГ и два "курсанта": капитан Александр Иванович Покрышкин и – я чуть не упал со стула – подполковник Василий Иосифович Сталин. Я сунул трубку начальнику службы, радиоперехвата, и, сказав: «Объясняй!», отошёл в сторону.

Бадан, бадан, бадан – как говорил один мой приятель. Вот и "советский принц" на горизонте нарисовался, да ещё и в одной компании с лучшим советским асом все времён и народов. Александр Иванович, несмотря на имидж "апаша" и некоторую хулиганистость, мужчина серьёзный. В аморалках и пьянках до упаду в нашей истории замечен не был. А Василий, конечно, узнал по своим каналам о существовании авиачасти невиданной престижности и не мытьем так катаньем перевёлся туда. Кроме того, он ведь у нас романтик: выше, дальше, сильнее, быстрее... Может, в этом мире Василий Сталин не останется в памяти людей, как бледная тень великого отца и оболганный Хрущёвым неудачник, а совершит что-то достойное своей фамилии. Да и Никишка, который его тогда сжил со света, уже покоится в могиле, а вождь, прочитав, что Василий не предал его памяти, предпочтя смерть, тоже, может быть, и переменит своё отношение к сыну. Тогда его перевод к Хмелёву в особую авиагруппу – это особая форма психотерапии.

Когда все необходимые данные радиоразведки были переданы в Кратово, и нам оставалось только ждать, я, приказав слушать эфир с утроенным вниманием, взял под руку Катукова и направился в столовую. Уже наступило время обеда, так что нам неплохо было бы перекусить. Я понимал, что если "Акела промахнётся", то исправлять недоделки придётся моим ребятам из группы капитана Бесоева и разбросанным по смоленским лесам как раз для таких случаев разведывательно-диверсионным группам десантников. Эти парни быстро учились, на глазах превращаясь в ночной кошмар вермахта.

**6 февраля 1942 года. 14:33. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово.
Гвардии капитан Александр Иванович Покрышкин.**

Итак, завтра ровно месяц, как я сражаюсь в одном строю с потомками. Или, точнее, не так: я учусь сражаться как они, чтобы в любой момент заменить раненого или заболевшего пилота. Но даже моя учебная лошадка Су-25УТГ по своим техническим характеристикам на две головы превосходит всё, что имеется у нас, у немцев и американцев. Да, это штурмовик, ну и что?

Скорость – восемьсот пятьдесят на прямой. Так меня ни один форсированный "мессер" не поймает! Кроме того, говорят, что её "дубовые" штурмовые движки наилучшим образом подходят для

копирования в наших условиях. Остаётся только молиться, чтобы товарищ Архип Люлька бросил маяться дурью и приступил к копированию уже проверенных образцов. Я понимаю, что это не так интересно, как создавать своё, но нам, лётчикам, такие движки нужны побыстрее и в большом количестве. Потому что, как только появится двигатель, товарищи Петляков, Яковлев, Микоян-Гуревич, Лавочкин, Туполев, Ильюшин, Сухой наперегонки начнут делать под этот двигатель самолёты. А тогда у нас авиаторов наступит, как говорят потомки, "щастье". Я почему это говорю – все вышеозначенные товарищи сейчас в Кратово днюют и ночуют. Обмен опытом идёт со страшной силой. Вы им, товарищ Люлька, только двигатель дайте, а уж дальше они сами.

А сейчас мы с напарником пока загораем на аэродроме. Он ещё зеленее меня, с нами всего три дня ... Остальные ребята сегодня вылетели в Норвегию, как они говорят, "на пальцах объяснять немцу политику партии".

Никак не могу привыкнуть к тому, что для них и 1000 верст не крюк. Объекты у них то в Норвегии, то в Румынии, то в Восточной Пруссии.

Напарник у меня, кстати, тоже не простой... Но обо всем по порядку...

Прилетели мы в Кратово 31-го, нет, стоп. Это ребята на 33-х Сушках прибыли тридцать первого января – у них дальности хватало не только до Москвы, но и до Мурманска. А я со своей каракатицей добрался до Кратово с промежуточной посадкой в Воронеже только утром первого февраля. В Воронеже, на аэродроме авиазавода меня хотели упоить вусмерть. У них перед тем немцы большой налёт хотели сделать. Но случился облом-с у гансов. Сначала выяснилось, что через окрестности города по "зеленой улице" плотно, один за другим, идут железнодорожные эшелоны с частями мехбригады генерала Бережного. Зенитчики на "Панцирях" всыпали немцам для острастки. Потом, пока юнкеры метались испуганными воронами, уже отсюда, из Кратово, прилетела пара наших – Скоробогатов-Галкин на 29-х Мигах – и ещё раз врезали немцам, приведя их в полное расстройство. А под конец со всех окрестных аэродромов в небо полезли наши истребители и довершили разгром. Местные по поводу чудесного избавления пребывали в состоянии пороссячьего восторга. Бомбить-то немцы должны были в первую очередь авиазавод. Как особисты не свирепствуют, но слона под ковёр не спрячешь – самолёты нашей особой авиагруппы узнают сразу. Да и не похожи они ни на что иное. И топливо у нас особое, при каждой бочке по чекисту приставлено.

К моему прилету водки было заготовлено столько, что мне показалось, будто в ней меня хотели просто утопить. Но не вышло у них спить

гвардейца. Отмазался, сказав, что самолёт учебный, а я всего лишь стажёр. О моих делах летом-осенью сорок первого года местная публика, к счастью, ничего не знала. Так что выпил я тогда положняковые наркомовские 100 грамм, – и на боковую. И всё-таки жаль, что меня там не было. Ну что стоило вылететь на два дня раньше, как раз бы в свалке поучаствовал.

А как прилетели в Кратово, так на второй день полковник Хмелёв подводит ко мне невысокого такого, чернявого подполковника.

– Знакомься, – говорит, – твой новый напарник, подполковник Железняк Василий Иванович.

Это потом я узнал, что Василий то он Василий, но не Железняк, и даже не Иванович, ведь всё равно шила в мешке не утаишь. Ребята потом сказали, что его отца зовут Иосифом, а дальше вы и сами догадаетесь.

Василий нормальным парнем оказался. С закидонами, правда – так у кого их нет? Подрался тут из-за официантки в столовой. Нет, не с нашими, тут ещё бомбёры на Пе-8 сидят. На губе сутки отмотал. Мог бы и больше, но драка была так, одни смехи, больше на петушиный бой похожа.

А вчера машину его соперника за сердце Танечки сбили над Брянском. Говорят, что из горящего бомбардировщика никто не выпрыгнул. Танечка плачет, Василий чернее тучи. Не стоит, Вася, нам, лётчикам, из-за официанток собачиться. Сегодня ты жив, а завтра или "пал смертью храбрых", или пропал "без вести".

Короче. Сидим, загораем, причём в буквальном смысле. Солнце яркое, небо голубое, ёлки зелёные, снег белый, аж глазам больно. Зона прифронтовая, время военное, так что Сушка наша в капонирах под масксетью стоит в полной готовности – заправленная, с подвешенными и заряженными пушками.

И тут крик дежурного по аэродрому:

– Покрышкина и Железняка – в штаб, к полковнику Хмелёву!

– Твою мать... – думаю я, быстро-быстро переставляя ноги. – И чего случилось то?!

А случилось у нас с Василием неожиданное-негаданное боевое задание. Минут через сорок на аэродроме под Смоленском должны приземлиться две немецкие "коровы", то есть, транспортные самолёты Ю-52/3м, и их истребительный эскорт. Задание Родины – уничтожить оба транспортника любой ценой. Истребители нам неинтересны. Короче – времени в обрез.

Конечно, по самому банальному советскому обычаю нам забыли сказать – кого мы с Василием должны уничтожить. А может, это забыли сказать даже нашему командиру. Не знаю.

Техник махнул рукой, и Сушка, свистя турбинами, легко выкатилась из капонира, и раскачиваясь на ходу направилась в сторону старта... Уже привычным движением дав турбинам полный газ, я поднял свою "пташку" в небо. Наскоро посоветовавшись перед вылетом, к цели мы решили идти огородами, то есть на бреющем полёте над лесными массивами.

А что, не смотрите что у Василия фамилия громкая, но он тоже боевой лётчик, как и мы грешные. Пороли его просто в детстве мало, отцу некогда было, а мать... Ну, да ладно, не будем о грустном...

Я пилотировал машину, а Вася сегодня был за штурмана. Этот район, в отличие от меня, он знал хорошо. На место мы вышли аккуратно, ещё издали заметив цели на радаре. Подойдя поближе, разглядели два транспортника в сопровождении восьмерки "мессеров". Хорошая штука – радар на истребителе, интересно, когда он у нас появится?

Пройдя чуть дальше на запад, я повернул свою машину, заходя на немецкий строй слева-сзади. Транспортники шли правым пеленгом, так что можно будет попытаться свалить сразу обоих. Оружие с предохранителя. "Мессеры" нас ещё не видят, идут по сторонам от транспортников, как приклеенные. Орднунг!

Сбивать их я решил всё-таки с одного захода – сошлись они удачно, да и четыре пушки по 23-мм – это не шутка! Ловлю заднего в прицел. "Мессы" из эскорта нас нагло игнорируют. Ясно, что пилоты на них не местные, – те давно уже знают, что на Восточном Фронте головой нужно крутить во все стороны. А уж силуэт самолёта без винтов вызывает панику, сравнимую только с переполохом при неофициальном визите лисы в курятник. Воспользовавшись беспечностью противника, огонь я открыл, когда до концевого "юнкерса" было метров триста. Дал очередь секунд на пять-семь и слегка поддернул ручку на себя, чтобы не врезаться в немца, точнее в его обломки. Ближайший ко мне "юнкерс" вспыхнул, как бенгальский огонь, и развалился в воздухе, кажется, прямо перед фонарем кабины моей машины. Я успел заметить, как головной транспортник, которому достались мои промахи по замыкающему, кувыркнулся через полуоторванное левое крыло и, оставляя за собой чёрный след, камнем пошёл вниз. Оглянувшись, Вася заорал:

– Есть!

И точно: сзади вверх поднимался жирный столб чёрного дыма. Кажется, мы слегка зацепили и один "мессер". Но это случайно, просто бедолага тоже оказался в створе пушечного огня. Оставляя белый след, немецкая машина пошла на снижение. Хочется его добить, но есть приказ "не отвлекаться на истребители", и мы его выполним. Тем более, что кроме

подранка "мессеров" ещё семь штук, а мы в одиночестве.

Пушечные же контейнеры должны быть пусты уже на 2/3 – слишком длинную очередь я дал, стремясь достигнуть результата с гарантией.

Догнать же нас по дороге домой они не смогут. У нас 850 км/час, у них – 650... Разница в две сотни километров делает погоню не только бесполезной, но и глупой.

Вернувшись на аэродром, мы узнали, кого именно атаковали... Но, как доложила радиоразведка, Гейдрих остался жив. В "юнкерсах" сгорела только его свита. Сам он был в том самом подбитом "мессере", на котором осколки нашего снаряда повредили радиатор. Ему удалось дотянуть до аэродрома и посадить "месс" на брюхо. Отделался, сволочь, лёгким испугом и шишкой на лбу. Но всё равно полковник сказал, чтобы мы крутили дырки на кителях, задание мы выполнили чётко и немецкую спецгруппу завалили. А без неё Гейдрих нам и вполтину не страшен.

6 февраля 1942 года. 15:45, Смоленск. 3 км к западу от аэродрома "Северный". Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

Оставляя за собой жирные огненные трассы, русские снаряды пронеслись мимо истребителя обергруппенфюрера. Один беглый взгляд назад через правое плечо, и сразу же в низу живота шевельнулся ледяной ком. От последней "Тётушки Ю" остался лишь жирный клубок чёрного дыма. Изрыгающее огонь, похожее на крылатую акулу русское летающее чудовище буквально разорвало транспортник на куски огнём четырёх своих скорострельных пушек, подвешенных под крыльями. Ещё одно мгновение, и у головного "Юнкерса" взрывом оторвало часть левого крыла, отчего он повалился набок. Гейдрих догадывался о том, что сейчас может произойти.

На мгновение у обергруппенфюрера мелькнула мысль, что русский хищник охотился на него. И именно его обгорелый труп должен был сейчас валяться на закопчённом русском снегу. Как раз в этот момент один из последних снарядов выпущенных русским самолётом-убийцей попал в его самолёт. Возможно, что это произошло случайно. Конус рассеивания оставался конусом рассеивания, но теорию вероятности тоже никто не отменял. Гейдрих почувствовал сильный удар, мотор его Me-109G-2 начал работать с перебоями. Почти сразу после этого русская "акула" проскочила

мимо него и ушла в сторону фронта с небольшим набором высоты, оставляя за собой шлейф копоти. «Никаких повреждений, – с разочарованием подумал Гейдрих, – это просто форсаж».

Первым делом обергруппенфюрер попытался оценить степень повреждения своей машины. На лёгкие движения ручкой и педалями истребитель реагирует – это хорошо, значит, тяги не перебиты. Спереди никаких повреждений он не заметил. Рейнхард Гейдрих оглянулся назад. И точно – за его самолётом тянулся быстро исчезающий в воздухе белый след. «Поврежден радиатор, – подумал он, – и теперь вода из системы охлаждения вытекает из него в атмосферу».

– Герр обергруппенфюрер, – раздался в наушниках голос его временного ведомого, обер-лейтенанта Питера Майстера, – вы подбиты, за вами тянется белый след.

– Знаю, – прорычал Гейдрих, поворачивая нос быстро теряющей скорость машины в сторону аэродрома. – Если не долечу, буду садиться на вынужденную, на брюхо. Прикройте меня на всякий случай.

Несмотря на минимальные обороты мотора, стрелка указателя температуры масла давно заползла в красный сектор. Тут одно из двух – или двигатель заклинит, или он загорится. Высота – менее пятидесяти метров, прыгать невозможно, парашют просто не успеет раскрыться. Группенфюрер посмотрел вниз. Лес под крылом кончился, внизу тянулось ровное заснеженное поле, покрытое растущими тут и там низенькими хлипкими деревцами и пучками прошлогодней осоки.

«Шайзе, это же болото», – подумал Гейдрих. А где-то впереди уже виднелась взлётно-посадочная полоса аэродрома.

– Что за мерзость, – скрипнул зубами Гейдрих, – утонуть в болоте меньше, чем за километр до цели...

Когда в кабину начал проникать запах палёной изоляции и жжёного металла, обергруппенфюрер резким движением перекрыл кран подачи топлива, после чего тут же обесточил самолёт. Мотор заглох, наступила тишина, нарушаемая только свистом ветра. Будто налившийся свинцом, истребитель клюнул носом. Резким движением ручки управления Гейдрих парировал и эту угрозу, выпустил шасси. Me-109 со своим тонким узким крылом планирует чуть лучше топора. Но как раз чуть-чуть и оставалось для того, чтобы болото под крылом кончилось и после узкой полоски минного поля и ограждения из колючей проволоки внизу оказалась укатанная посадочная полоса аэродрома.

Посадка была шумной. Поднимая тучи снежной пыли, истребитель с остановившимся винтом плюхнулся на аэродром, потом, накренившись на

левый борт, заскользил к финишу.

Весь мокрый от пота, Гейдрих откинулся в пилотском кресле. Кажется, все закончилось, и он остался в живых. Если бы у гауптмана Шмидта не заболел живот... Да, от каких только случайностей зависит жизнь и смерть человека...

Отстегнув ремни, обергруппенфюрер рывком откинул направо-вверх остекление фонаря кабины и на ватных ногах выбрался наружу. Его истребитель застрял примерно на середине полосы, и теперь сюда неслась целая кавалькада автомобилей. Аэродромное начальство уже было в курсе, кто именно так изящно упал к ним прямо на голову. Наверняка все подробности сегодняшнего происшествия уже были доложены в штаб группы армий "Центр" генерал-фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге по прозвищу "Умный Ганс". Так что теперь надо было прекратить мандражировать и начать изображать из себя мужественного солдата СС, которому всё нипочем.

6 февраля 1942 года. 18:05. Смоленск. Штаб группы армий "Центр". Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих и генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге

В кабинете командующего группы армий "Центр" пахло озоном. Прибором, наэлектризовавшим воздух, был телефон, соединявший штаб группы армий "Центр" с бункером фюрера.

Снимая трубку, Гейдрих немного волновался. Как-никак, а он нарушил запрет Гитлера садиться в кабину боевого самолёта. Сейчас, когда верные клеветы уже всё доложили наверх, причём каждый в соответствии со своими интересами и наклонностями, фюрер сам будет решать – насколько поверить и кому.

Гейдрих прокашлялся:

– Мой фюрер, меня спасло только то, что в Минске из-за внезапного приступа аппендицита у командира нашего истребительного эскорта я был вынужден занять его место, пересесть из пассажирского кресла транспортного самолёта в кабину боевого истребителя. Каюсь, я нарушил ваш запрет. Но именно из-за этого я остался в живых. Русская "акула" подловила нас при заходе на посадку в Смоленске. У моих людей не было ни одного шанса, против них были четыре скорострельных пушек и огромная скорость. На нас напал настоящий ас. Всего одной атакой этот

русский развалил обе "Тётушки Ю" на части, после чего беспрепятственно ушёл. Истребители его не интересовали, иначе бы я сейчас с вами не разговаривал.

– Всё ерунда, Рейнхард, – растрогался Гитлер. – Главное, что ты жив. В конце концов, в кабине истребителя для тебя оказалось безопаснее. Так ты говоришь, предатели... Я так и знал! Последние события были просто невозможны без предательства. Ничего, возвращайся, мы вместе найдём изменников и с новой силой навалимся на большевиков.

Подобный вариант Гейдриха не устраивал.

– Мой фюрер, разрешите мне продолжить мою миссию. То, что мои люди погибли – это тяжкий для меня удар. Но это фронт, и думаю, что тут найдётся достаточно храбрых и опытных солдат и офицеров вермахта и СС.

– Ну что ж, Рейнхард, разрешаю, – согласился Гитлер. – А сейчас дай трубку нашей "умной лошади". Я скажу ему пару ласковых.

Гейдрих передал трубку побледневшему фон Клюге, а сам, сложив руки на груди, застыл подобно статуе.

– Генерал-фельдмаршал, – Гитлер начал разговор тихо, но тон всё время повышался вскоре сорвался на крик, – вы найдёте и дадите обергруппенфюреру Рейнхарду Гейдриху всё, что ему необходимо для выполнения миссии. В первую очередь, это в ваших личных интересах. Или вы хотите, чтобы с группой армий "Центр" произошло то же, что и на юге?

– Никак нет, мой фюрер, не желаю, – отчеканил фон Клюге.

Но Гитлера уже несло.

– Нет, наверное, вы мечтаете выйти навстречу большевикам с поднятыми руками, как сделал этот гнусный предатель фон Клейст? А может, вам по душе судьба Гудериана, которого русские взяли за шиворот прямо на его НП? Или вы тайный гомосексуалист и, подобно Манштейну, хотите быть сфотографированным без порток в компании здоровенных большевистских полевых жандармов? У одного только генерала Гота хватило мужества пасть в неравном бою, как и подобает истинному арийцу. Из-за досадных промахов, а может быть и прямого предательства этих господ, с завтрашнего дня Германия погружается в трёхдневный траур. За месяц боёв мы потеряли свыше полумиллиона солдат и офицеров. Вы понимаете, фон Клюге, что Германия не в силах будет перенести ещё одно такое поражение?

– Так точно, мой фюрер, понимаю, – фон Клюге прищёлкнул каблуками. А в голове у него была только одна мысль: «Неужели

допрыгался?»

– Ну, а если понимаете, то тогда проявите, чёрт возьми, настоящее усердие. Обергруппенфюрер Гейдрих имеет право взять у вас всё, что ему потребуется. Вплоть до танковой дивизии полного состава. Я знаю, что таковой у вас сейчас нет, но по его требованию вы ему её обязаны сделать к указанному им сроку. Ясно?! – выкрикнул Гитлер. – А сейчас дайте трубку обергруппенфюреру.

– Так точно, мой фюрер, – выкрикнул фон Клюге, и протянул Гейдриху трубку, будто это была граната с выдернутой чекой. – Вас, герр обергруппенфюрер!

Гейдрих небрежно взял у фельдмаршала телефонную трубку, и поднес её к уху.

– Да, мой фюрер?

– Рейнхард, мой мальчик, с предателями в Берлине, решившими устранить тебя руками большевиков, я разберусь сам. Твоя забота – выяснить подробно и во всех деталях, что именно затевают большевики, и по возможности устранить угрозу. Фон Клюге можешь посвятить в самых общих чертах. Если же этот "умник" покажется тебе подозрительным и склонным к предательству, то разрешаю тебе пристрелить его, не задумываясь и без соблюдения формальностей. Всё, обергруппенфюрер, за дело.

Гейдрих положил трубку, и с иронией посмотрел на фон Клюге.

– Да не тряситесь вы так, генерал-фельдмаршал! Фюрер понимает, что лично вы к этому делу совершенно не причастны. Теперь о сути моей миссии. Здесь на вашем участке фронта... Нет, давайте по порядку. Примерно месяц назад на южном участке фронта большевики бросили в бой довольно странную элитную часть. Не буду утомлять вас описаниями их евпаторийских, симферопольских, ялтинских и прочих походов. Но могу сказать точно, что их командующий – это наш злой гений.

Крах группы армий "Юг" спланирован и большей частью осуществлён именно этим человеком. Примерно десять дней назад его Отдельная тяжёлая механизированная бригада особого назначения исчезла с южного участка фронта. Большевики предприняли беспрецедентные меры маскировки и дезинформации, чтобы скрыть новый пункт дислокации этой бригады. Люди Канариса, по-моему, до сих пор ищут их то ли в Омске, то ли в Ташкенте. Я же, поставив себя на место Сталина, после долгих размышлений с самого начала считал, что такой части нечего делать в глубоком тылу. Три дня назад мои люди обнаружили эту элитную большевистскую часть прямо у вас под носом – во вторых эшелонах

Жукова, в Кубинке. Так что, мой дорогой генерал-фельдмаршал, скорее всего вы и есть их следующая жертва. Вы только не волнуйтесь – по самым пессимистическим прогнозам у вас ещё есть месяц-полтора для подготовки к отражению наступления русских.

Эта часть только что вышла из тяжелейшего сражения и нуждается в пополнении живой силой и техникой. Но, – при этих словах Гейдрих поднял палец вверх, – никогда нельзя надеяться лишь на предварительные расчёты. Мне нужны люди, которые смогут заменить мою команду, погибшую от рук большевистских убийц. В первую очередь мне понадобятся фронтовые разведчики, потом – опытные следователи и эксперты-криминалисты СД и гестапо... Вы уже слышали, что я имею право потребовать от вас всё, что мне будет необходимо для работы.

Генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге встrepенулcя.

– Герр обергруппенфюрер, я думаю, что вы совершенно правы. Давайте сделаем так: сегодня вечером мы соберём вам всех необходимых специалистов. А завтра утром выедем в штаб 4-й полевой армии, расположенный в прифронтовом Юхнове. Я немедленно дам распоряжение собрать там лучших фронтовых разведчиков. Как правило, эти люди воюют здесь с октября месяца прошлого года и прекрасно изучили местность. А пока не откажите мне в любезности, отужинайте вместе со мной. Как мне сообщили, последний раз вы ели ещё утром, в Варшаве.

«Умный, – подумал Гейдрих про себя, – уже примазывается». Хотя, как ни странно, в пустом животе началось урчание только после его напоминания. Так, стоп! Сейчас он сказал что-то ещё, что резануло по ушам, но что же? Проклятый голод! А! Вот! Вспомнил! Он повернулся к своему собеседнику.

– Генерал-фельдмаршал, вы сказали "поедем". Значит ли это...?

– Значит, герр обергруппенфюрер, – сказал фон Клюге, – в связи с тем, что вы мне сейчас сообщили, я вместе с вами поеду сначала в 4-ю армию к Хейнрици, потом во 2-ю танковую армию к Шмидту, потом в 3-ю танковую армию к Рейнгарту. Пожалуй, воздержусь только от посещения 9-й армии Моделя – в последнее время это, знаете ли, стало не совсем безопасно...

– Ваше служебное рвение весьма похвально, – Гейдрих посмотрел на часы. – Берлинское время 17:25, а это значит, что в этой варварской России уже почти полвосьмого вечера. Давайте ваш ужин, а потом приступим к делам.

– Идемте, – фон Клюге подхватил шинель и фуражку. – Офицерский ресторан в соседнем здании, там я и представлю вас всем необходимым людям. СД и гестапо мне не подчиняются, но вы, как я думаю,

действительно сможете найти для их руководства все необходимые слова...

Часть 8. Коврики для Алоизыча

**6 февраля 1942 года. 21:35. Штаб ГОТМБ-1 ОСНАЗ РКК.
Командир бригады генерал-майор Бережной**

Да, неудобно как-то перед вождём получилось. Гейдрих-то, как колобок из сказки, и от бабушки ушёл, и от дедушки ушёл... Даже лучший ас всех времён и народов товарищ Александр Иванович Покрышкин вкупе с самим Василием Сталиным не смог его уконтропупить. Ничего... На каждого хитрого колобка есть... В общем, лиса, которая его с аппетитом скушает.

Но, к счастью, и думать ничего особенно не надо. По данным всё того же радиоперехвата, завтра утром в сопровождении конвоя Гейдрих отправится из штаба группы армий Центр в Смоленске в штаб 4-й полевой армии, располагающийся в городе Юхнове, фактически, на линии фронта. Немцы так надеются на свою "Энигму", что в радиопереговорах совсем не стесняются, сообщают мельчайшие подробности своих планов.

Но вы не думайте, что наше "Большое Ухо" работает сугубо в наших бригадных узкоэгоистических интересах. Для Разведупра Генштаба Красной армии мы "абонент номер 202", для генерала Голикова на Брянского фронте – "абонент номер 98", для генерала Жукова на Западном фронте – "абонент номер 33", для генерала Конева на Калининском фронте – "абонент номер 16". Один раз, почти сразу после нашего прибытия в Кубинку, Георгию Константиновичу с подачи нашего радиоперехвата удалось поймать немцев "на горячем" при попытке деблокировать 8-ю полевую армию Моделя. Никакого внезапного прорыва на участке, считавшемся второстепенным, у Гёпнера не получилось. Относительно легко прорвав первую линию окопов, немецкая кампфгруппа сама влезла в огневой мешок, примерно похожий на тот, в который попала банда Басаева при его попытке отойти из Грозного в январе 2000 года.

Эффект был тот же: многослойная система огня, в которой учтено всё – от могучих гаубиц Б-4 до грамотно расположенных минных полей и умело расставленных пулемётов. Ну да, проконсультировали мы немного "маршала Победы", а что такого? Зато по результатам той бойни героем стал "товарисч Жюков", а нас там как бы и не было. Наградой нам стала

устная благодарность товарища Сталина, а это, поверьте, тоже дорогого стоит! А также тот мат-перемат, которым обменялись Алоизыч, ОКХ и фон Клюге. Кто-то с нами точно наживёт язву на нервной почве задолго до Нюрнбергского или какого ещё иного трибунала.

Ну вот, потому-то мы все свои планы передаём исключительно из рук в руки и посвящаем в них ограниченное количество лиц. А всё по той же причине, по какой у японцев получился Пёрл-Харбор. Операция была абсолютно внезапной, поскольку готовилась и осуществлялась в режиме полного радиомолчания. Немцы же так носятся со своей первоклассной радиосвязью, что используют её и к месту, и не к месту. Да, летом сорок первого радиосвязь с шифрованными каналами давала им огромные преимущества перед РККА, у которой такой роскоши не было. Но сейчас перед ними уже совсем другой противник, который их плюс запросто превращает в минус.

Болтливость в эфире – это половина всех их бед. Любо-дорого было смотреть, как немецкие командиры превращались в слепых котят, когда мы на участке прорыва включали системы радиоподавления. Ни тебе совет от начальника получить, ни разведданные, ни помощи запросить. Из рации только свист и вой.

Короче, немцы в очередной раз превратили свою тайну в "секрет Полишинеля", разболтав её по радио. Но что же им делать? Ведь парашютисты из 4-го воздушно-десантного корпуса, разбитые на разведывательно-диверсионные группы и действующие от Брянска до Пскова, регулярно режут вражеские проводные линии. И не просто режут, а утаскивают полевой провод с собой, чем вводят III Рейх в разор. Медь, она, знаете ли, денег стоит. Да и в военное время это страшный дефицит.

На сей раз нам удалось избежать больших потерь воздушно-десантного корпуса под Вязьмой. Конечно, и в этом варианте многие из них погибли. Но не привязанные к одному месту, свободные в своих перемещениях, они устроили немецким охранным дивизиям "собачью карусель", совершая диверсии на железной дороге, обстреливая автоколонны и уничтожая тыловики. В своё время читал у Вершигоры про партизан Ковпака, о том, что зимой партизанский батальон на лыжах может играть в кошки-мышки с охранной дивизией на машинах. Так оно и есть, вот только не надо отдавать идиотские приказы, заставляющие партизан вступать в абсолютно ненужный им бой. С разведывательно-диверсионными группами то же самое, только масштабы чуть поменьше.

Вот эти-то парни нам и помогут разобраться с Гейдрихом. Но поскольку сами они вряд ли смогут атаковать колонну, в составе которой

обязательно будут танки и бронетранспортёры, то всю основную работу придётся делать моим людям из разведроты бригады. Конечно, с опорой на местные силы, не без того. Жаль, что нет с нами майора Гордеева вместе с двумя десятками бойцов роты СПН ГРУ. Он убыл куда-то на Урал создавать войска специального назначения для Красной Армии. Но место убитых заняли лучшие местные бойцы из состава разведывательного управления Черноморского флота. Вместе с нами они прошли от Евпатории до Изюма и Слáвянска. А вместо майора Гордеева у нас есть капитан Бесоев, Николай Арсеньевич, ему и карты в руки.

**Полчаса спустя, полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК.
Гвардии капитан ОСНАЗ РГК Бесоев Николай Арсеньевич.**

Вот тебе, бабушка, и сюрприз, да ещё на ночь глядя... Полковник, то есть генерал-майор, "Славян" по настоящему "жжот": "Бес", пойдёшь туда, не знаю куда, и непременно поймай нам живого Гейдриха".

Быстренько собираю "консилиум". У многих командиров групп опыта много побольше моего. Все десятеро мамлеи, и гордо отзываются на обращение: "товарищи командиры". Трое местные, остальные пришли с нами ОТТУДА. Вот они, кругом стоят у стола с расстеленной картой и ждут, что я им скажу. Василий Сорокин по кличке "Птиц" – с двенадцатого года. Лёха Матвеев, по кличке "Кот" – с восьмидесят пятого. Марат Зиганшин по кличке "Змей" – с восьмидесят седьмого. И тоже Марат, но Хамидов, позывной "Ласка", – с шестнадцатого. Говорят, что не братья, но очень похожи. Генка Попов, "Крест", – с восьмидесят четвёртого. Серега Бодров, "Молчун", – с шестнадцатого. Валера Битенко, "Кнут", – с восьмидесят седьмого, Артур Можайский, "Брат", – с восьмидесят восьмого. Ещё один Серега, но Ерёмин, позывной "Тихий", – с восьмидесят пятого. Стоят ровесники 1-й мировой и ровесники Перестройки. Люди, родившиеся в странах, которые почти сразу после их появления на свет, скинули старую кожу, сменив и название, и суть. Но сейчас мы в одном строю. Если нужно сделать невозможное, то мы сделаем это.

Поднимаю руку, призывая к вниманию.

– Товарищи командиры, – ребята заулыбались, – хочу сообщить вам преприятнейшее известие, к нам едет...

– Ревизор? – почти на автомате подсказал "Кот".

– Работа к нам едет, – поправил его я. – Непыльная и по

специальности. В наши края с визитом занесло наци номер четыре, ну или пять – кто их там разберет, – обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Если кто не понял, то его чин в переводе с эсэсовского на человеческий – целый генерал-лейтенант. Но и это ещё не всё. Гейдрих – любимчик Гитлера, руководитель службы безопасности СД и спец по всяким разведывательным и контрразведывательным делам.

– Серьёзный дядька, – кивнул "Птиц". – И мы его должны, того?

– Естественно, товарищ Сорокин, – кивнул я, – Когда вокруг околачиваются такие люди, то жди беды. Или вещи пропадать начнут, или вообще пожар случится. Предполагать, для чего он прибыл, можно всё, что угодно, вплоть до покушения на товарища Сталина. В нашей истории такого не было, но тут мы столько всего наворотили, что у немцев вполне могла поехать крыша. Известно, что при нём была какая-то "команда", для перевозки которой потребовалось аж две транспортных "коровы". Но могу вас утешить: эти архаровцы уже не наша забота. На подходе к Смоленску, оба транспортника были сбиты нашими истребителями. Сам Гейдрих уцелел только потому, что был не в одном из транспортников, а пилотировал истребитель сопровождения.

Итак, по данным радиоразведки, завтра утром он выезжает из Смоленска в Юхнов в сопровождении солидного эскорта. Танки будут обязательно, хотя бы потому, что сейчас идёт снег, и без предварительного укатывания дороги любая машина на ней скоро сядет на пузо.

Ребята расстилают на столе карты. Совершенно очевидно, что дороги через Вязьму ему нет, потому что линия фронта проходит через город. У Гейдриха только один вариант – сначала примерно 130 км от Смоленска до Рославля, – в наше время эта трасса будет называться А141. Потом от Рославля до Юхнова ещё 180 км по трассе А101. Сейчас они, да ещё после хорошего снегопада, не дороги, а направления. А это значит, что немцы будут едва ползти. Нужно хорошее место для засады, причём надо учитывать, что А141 сейчас – рокада, параллельная железной дороге, а вот А101...

– Товарищ капитан, – Марат Хамидов ткнул пальцем в карту, – тут мост, через Десну. А что, если мы немного обнаглеем и скрытно возьмём объект...

– "Ласка", это риск, большой риск! – покачал я головой. – Одно неверное движение, один выстрел, – и Гейдрих, развернувшись, укатит по своим делам. Кстати, мы должны ещё как-то выяснить, где именно в колонне он будет находиться. Думаем ещё!

– Товарищ капитан? – поднял руку "Змей". – А ведь "юнгерсы" со

спецгруппой СД наши из особой авиагруппы завалили?

– Да, – кратко ответил я, не став раскрывать фамилии пилотов.

Марат покачал головой.

– Вот тут дорога проходит через лесной массив, рядом есть поляны, где могут сесть вертушки. Ещё один вопрос, товарищ капитан. Если случится авианалёт, ведь немцы вылезут из машин и залягут? И самое главное, будут смотреть не по сторонам, а вверх, на самолёты...

Ребята загалдели, поняв мысль "Змея". Атаковать во время отвлекающего авианалёта – это, конечно, может дать нам фору, но лишь в том случае, если лётчики сработают точно по плану. Они должны атаковать колонну в нужном нам месте, на что местные ВВС органически не способны. Во-первых, по причине крайне дурного состояния связи, во-вторых, из-за отсутствия реального опыта подобных дел. Су-33 с аэродрома в Кратово способны размолотить всё в пыль, причём, вместе с нашей засадой... Эврика! Кто его в первый раз упустил, тот нам завтра и подсобит.

– Тихо! – говорю. – Будет вам правильный налёт. В операции участвуют группы "Птица", "Змея" и "Тихого". Остальные – резерв. Нечего идти туда всем колхозом. Разведку местности и подготовку засады обеспечивает...

Я глянул на схему с разбивкой по зонам ответственности РДГ.

– Обеспечивает группа капитана Серёгина. Они там уже месяц шастают, должны выучить, что и где лежит. Бойцы РДГ отходят вместе с нами, поэтому возьмём вместо двух – четыре вертушки... Так, не забудьте, полная зимняя экипировка, лыжи, гранатомёты обязательно, пулемёты с БК. "Птиц" берёт "Утесы", его группа будет группой огневой поддержки. "Змей" и "Тихий" – "Печенеги". На месте с транспортировкой помогут бойцы Серёгина. Всё, парни, вылет в ноль часов ноль минут. Разошлись готовиться.

Они-то разошлись, а мне ещё предстояло отправиться в роту связи и решить все вопросы с Кратово насчёт вертолётов и завтрашнего вылета Су-25-го на штурмовку. Нужно было также, используя специальный пароль и шифр, пообщаться с капитаном Серёгиным, чтобы его люди тоже зря время не теряли. А самое главное, – доложить о наших планах начальству, а то ведь оно оставаться в неведении ой как не любит!

7 февраля 1942 года. 11:45. Где-то на шоссе между Рославлем и Юхновым. Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

Бескрайние заснеженные леса сменялись такими же бескрайними заснеженными полями. После вчерашнего снегопада замело дороги, и скорость колонны едва превышала двадцать километров в час. В поездке в штаб 4-й армии обергруппенфюрера СС и командующего группой армий "Центр" сопровождало не менее батальона охраны при нескольких танках. Впереди, уминая снежную целину и превращая её в некоторое подобие дороги, шли два средних танка Т-III, потом лёгкий танк Т-II, два полугусеничных бронетранспортёра с пулемётами и два грузовика с солдатами. За грузовиками шёл ещё один бронетранспортёр, на этот раз командирский, с мощной радиостанцией, а за ним, в самом центре колонны, заляпанный белой известковой маскировкой генеральский "Хорьх". Следом за "Хорьхом" в двух "Опель-Капитанах" ехали адъютанты, ординарцы и другие офицеры рангом пониже. За "Опелями" следовал ещё один радиный БТР, потом снова грузовик с солдатами, а замыкали колонну два БТРа и лёгкий танк Т-II. Короче, всё как в русской сказке: заяц в сундуке, утка в зайце, яйцо в утке, а игла в яйце... Про дуб, то есть про немецкий тыл, мы сейчас даже и не будем вспоминать.

Но всё это так, лирика. Пока генеральский конвой полз по бескрайним русским просторам, самое интересное происходило внутри генеральского "Хорьха". Звуконепроницаемая перегородка, отделяющая пассажиров от водителя, была поднята, и "Две Очень Важные Персоны" Рейха вели между собой довольно занимательный разговор:

Генерал-фельдмаршал фон Клюге меланхолично смотрел в окно, рассуждая вслух о том, что мелькало за окнами автомобиля:

— Герр обергруппенфюрер, все эти заснеженные леса живут своей загадочной жизнью. Люди, которые скрываются в них, желают нам лишь одного — смерти. Каждый день происходят нападения на колонны и обстрелы постов, но посланные в погоню охранные части не находят ничего, кроме россыпи гильз и лыжных следов. Вы думаете, почему я взял с собой такую большую охрану? Совсем не из трусости, нет. Точно так же мы вынуждены охранять любые перемещения в наших тылах, будь то грузовики с продовольствием и боеприпасами или санитарные колонны. Эти варвары не щадят ничего и никого. Я уже просил у ОКХ перебросить к нам для борьбы с бандитами хотя бы несколько батальонов финских лыжников, но пока не получил ответа. Эти бесконечные заснеженные просторы угнетают наших солдат. Может быть даже больше, чем морозы и отсутствие тёплых вещей. Если посмотреть на карту, то видно, что несмотря на все наши успехи, мы лишь только надкусили с краю бесконечно огромный русский пирог.

Гейдрих хрустнул костяшками пальцев.

– Герр генерал-фельдмаршал, не буду вас успокаивать. Скорее наоборот, я честно и прямо должен сказать, что трудности у нас ещё впереди. Адмирал Канарис и его ведомство сделали свою работу весьма поверхностно и неаккуратно, недооценив многие аспекты большевистской военной машины, а некоторые, весьма прискорбные, вещи и вовсе проглядели. Мы сейчас мало понимаем в том, что творится по ту сторону фронта. Одни люди исчезают бесследно, зато вдруг появляются совершенно другие, нам до того неизвестные. Как чёртик из табакерки выскакивают целые армейские соединения, по своей выучке, как минимум, не уступающие лучшим частям нашей доблестной армии, а по техническому оснащению превосходящие наилучшие наши новинки. Очень точно всё рассчитав, Сталин применил свои элитные части как раз в тот момент, когда в наших войсках наступил кризис из-за неправильной оценки сроков русской кампании.

У русских нашлись генералы, не уступающие талантами нашим прославленным полководцам. Кроме того, по некоторым признакам можно судить о том, что в Кремле этим генералам выписан полный карт-бланш, лишь бы их действия приносили успех. Фюрер поручил мне до конца разобраться с этим вопросом и окончательно устранить источник угрозы нашим планам.

Поскольку эта самая пресловутая тяжёлая мехбригада, от одного имени которой у армейцев трясутся поджилки, расположилась в полосе ответственности вашей группы армий, я надеюсь, герр генерал-фельдмаршал, на полное ваше содействие. Что же касается ваших проблем с лесными бандитами, то вернувшись Берлин, я обещаю посодействовать тому, чтобы фюрер надавил на маршала Маннергейма. Правда, тут есть одна тонкость. Финны хотят себе Архангельск, а мы не отдаём – хватит с них и Карелии. Из-за этого-то они и уперлись как бараны, не желая увеличивать своё участие в этой войне. Я думаю, что мы найдём для них правильные слова. Ну, а если... Так Маннергеймом больше, Маннергеймом меньше... Неполноценные народы, такие, как финны, должны ещё заслужить своё место под солнцем после того, как Третий Рейх станет владыкой всего мира. Вы же, генерал-фельдмаршал, несомненно не сомневаетесь в том, что, в конце концов, Великая Германия одержит победу? Ведь наш фюрер сказал, что все наши трудности временные, и в летнюю кампанию 1942 года мы добъём этот большевистский колосс на глиняных ногах.

– Герр обергруппенфюрер, – кивнул фон Клюге, – я окажу вам

максимальное содействие в выполнении вашей миссии, а также выполню любой приказ фюрера, адресованный мне, как солдату. Пока же мы просим только одного – подкреплений, и не получаем ничего. Более того, у нас даже забирают самые боеспособные части и подразделения, чтобы заткнуть огромную дыру на юге. Кроме того, в ОКХ мне заявили, что есть ещё и Румыния и даже Болгария, которым постоянно угрожают русские десанты.

У нас есть полки, в которых ротами командуют унтера, а батальонами – лейтенанты. Чтобы избежать катастрофы необходимо любой ценой заранее определить направление главного удара противника и принять все необходимые меры к недопущению повторения того, что произошло на юге. Вы можете хотя бы примерно сказать, когда русские могут начать свою операцию?

– Исходя из наших расчётов, они будут готовы к сражению не раньше, чем через месяц, – несколько пренебрежительно ответил Гейдрих. – Моё мнение таково: их план предусматривает наступление примерно между первым и двадцатым марта. Позже начнётся распутица. Но вы, герр генерал-фельдмаршал, не беспокойтесь. Мы, солдаты партии, справимся с поставленной задачей, и победоносный германский дух как всегда восторжествует.

Дальше они ехали молча, и каждый думал о своём. Гейдрих размышлял над "загадкой Бережного" и о том, что же всё-таки могло произойти месяц назад в окрестностях Евпатории. Если появление на фронте танков и самолётов неизвестных конструкций хоть как-то можно было объяснить войсковыми испытаниями штучно собранной техники, то вот корабли неизвестных типов под андреевскими флагами не лезли в эту картину абсолютно. И то, что среди них был авианосец... Германия уже два года не может закончить постройку своего единственного авианосца "Граф Цеппелин", хотя причины этого больше в склоках между Герингом и Редером, но всё же... А тут вдруг у большевиков появляется огромный авианосец... Причём и загадочные корабли, и загадочная "бригада Бережного" появилась в одном и том же месте и в одно и то же время... Поневоле начнешь верить в чудеса.

Гейдрих глянул в окно машины, и ему вдруг стало неудобно. Показалось, что из-под каждой ветки на него смотрят чьи-то внимательные недобрые глаза. Захотелось выхватить пистолет и стрелять, стрелять, стрелять...

«Рейнхард, Рейнхард, – подумал он про себя, – ты явно переутомился, и тебе надо отвлечься. После возвращения с фронта нужно будет на несколько дней съездить в Швейцарию отдохнуть. А что, тишина, горы и

никакой войны...»

Командующий группой армий Центр думал совсем о другом. Именно ему, генерал-фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге, предстоит следующим оказаться на острие главного удара большевиков. Выдержат ли его армии, измотанные зимой, морозами, болезнями и почти тремя месяцами жестоких боёв? Надутый как индюк эсэсовец даже не представляет, что у люфтваффе с каждым днём всё меньше транспортных самолётов, а армия Моделя каждый день требует продовольствия, боеприпасов, эвакуации раненых и доставки хоть каких-нибудь подкреплений. Модель просил разрешения на прорыв из кольца, но фюрер с ослиным упрямством запретил ему делать это. "Держитесь, мы выручим вас", – вот каким был его ответ на просьбу Моделя.

Но не один Модель находится в таком исключительно тяжёлом положении. Последние танки 4-й танковой армии сгорели во время попытки деблокировать 8-ю армию и теперь, по сути, от армии осталось лишь название, штабы и немного личного состава. Обученные танкисты, сражающиеся в качестве пехотинцев, – это нонсенс. Армию нужно расформировывать, пехотные части передавать в 4-ю полевую армию генерала Хейнрици, а танкистов направить для формирования новых частей.

Но он, командующий, не может снять с фронта ни одного человека, потому что тогда этот фронт рухнет. А тут ещё на горизонте появился человек, который уже поставил точку в карьере Манштейна, Гудериана, Гота и Клейста. Значит ли это, что у большевиков завелись специальные охотники за головами вражеских генералов? Невероятное предположение, но оно вполне может быть верным. Если в самый канун решающей битвы армия утратит своего командующего и весь его штаб, то оставшиеся без управления солдаты станут лёгкой добычей противника.

Гюнтеру фон Клюге стало как-то неуютно. Значит ли это, что новая операция русских начнётся с попытки убить или пленить его, командующего группой армий "Центр"? Или удар в первую очередь будет нанесён по штабу армии, находящейся на направлении их главного удара? Надо будет в первую очередь предупредить Хейнрици, не забыв, конечно, про Шмидта и Рейнгарда. Хотя вряд ли большевики будут наступать, не ликвидировав Ржевский котел, как они только что ликвидировали Сталинский. Надо будет усилить наблюдение за их железнодорожными перевозками, ибо, если сюда повезут части уже разгромившие армию Клейста, то и по Моделю тоже можно будет заказывать панихиду.

Генерал фельдмаршал не обольщался. Полгода назад у русских

совершенно не было опыта. Части, которые Сталин отправлял на фронт, тут же попадали в "котлы" и погибали. Вдогонку им шли необученные резервисты, и они, как и их предшественники, гибли под гусеницами немецких танков. Теперь же всё пошло по другому.

Наступления под Москвой и на Юге дали большевикам массу бойцов, закалённых в боях и почувствовавших вкус победы. И если в своё время вермахт "тренировался" на поляках и французах, массами сдававшихся в плен, то русские "тренировались" на самом вермахте, до сей поры лучшей армии мира. И кое-в чём они сумели превзойти своих учителей.

Сейчас они победили, поймали кураж и с любопытством приглядываются, выбирая – кто станет их следующей жертвой. Фон Клюге начинал воевать ещё в ту, Великую войну. Уже тогда русские были самым неудобным из всех противников Германии. В конце концов, они сами победили себя, предпочтя войне империалистической войну гражданскую. Но сейчас такой исход исключен: Сталин – это не мягкотелый Николай II. Да и сражаются сейчас русские не "за свободу славян" и не за интересы Англии и Франции, а за своё собственное выживание как народа. Их сопротивление растёт с каждым днём, сжимая невидимую пружину, и – "Боже, спаси Германию". Эта стальная пружина, распрямившись, отбросит вермахт туда, откуда он пришёл – на запад, вглубь Европы.

Генерал-фельдмаршал выглянул в окно. Растянувшаяся колонна, миновав мост через заснеженную реку, снова углубилась в лесной массив.

7 февраля 1942 года. 15:05. Лесной массив на шоссе между Рославлем и Юхновым. Гвардии капитан ОСНАЗ РКБ Бесоев Николай Арсеньевич.

Везде, где немцы появлялись со своей "цивилизаторской" миссией, они цивилизованно вырубали лес на пятьдесят метров по обеим сторонам дороги. Тут тоже было что-то подобное. Лес вырублен, но местами ширина просеки не превышала пятнадцати метров от обочины. Здоровенная, более чем тридцатиметровая ель, упав после взрыва накладного заряда, должна с гарантией перекрыть проезжую часть. Танк через такую преграду прорвётся, хотя и с трудом, а вот легковушка наверняка застрянет. Особенно "Хорьх"...

Вспоминаю инструкцию для британских и американских парашютистов времён высадки в Нормандии: "Если вы видите "Хорьх" –

немедленно стреляйте, в 99-ти случаях из ста, вам попалась важная птица". В трёх десятках метров от этой ели стоит ещё одна, почти такая же высокая. И у её комля притаился такой же накладной заряд. Так сказать, импровизированная мышеловка для Гейдриха. Парни уже с самого утра расставлены по местам. Там, где должны остановиться голова и хвост колонны, выставлены гранатомётчики, которых прикрывают люди капитана Серёгина... Вот слышен далекий звук мотора... Всё, засада замирает...

К капитану Серёгину мы прилетели уже за полночь. Большая поляна со всех сторон была окружена высокими елями. Там, под разлапистыми ветвями и натянутыми масксетями мы до поры до времени и укрыли свои вертушки. Капитан Серёгин оказался невысоким коренастым офицером в заношенном белом маскхалате. Его люди казались копией своего командира – такие же суровые и немногословные. Этот район они "окучивали" уже больше трёх недель, и поэтому им была знаком каждый куст и каждое дерево. Спокойно выслушав суть нашего задания, капитан Серёгин не выразил никаких эмоций, будто он и его люди каждый день таскают этаких Гейдрихов пачками в штаб фронта. На самом же деле он уже решал про себя, какое место для засады подойдёт лучше всего.

По зимнему лесу передвигаться можно было только на широких и коротких охотничьих лыжах. Примерно в этих же местах в начале XXI века была наша база. Мы, конечно же, осваивали лыжи, как узкие, спортивные, так и широкие, охотничьи, подбитые шкурой северного оленя. Биатлон для людей нашей профессии – естественный вид спорта. Но я не припомню, чтобы тогда, прыгнув с лыж, можно было провалиться в снег по пояс или по грудь. Максимум, по колено или чуть выше. Сдаётся мне, что природа за эти семьдесят лет изрядно потеряла в размахе и великолепии. Или же эта зима особо выдающаяся, в смысле снежного покрова, и весной надо ждать бешеного половодья.

Из чего можно сделать два вывода. Во-первых, немцы практически не имеют никаких шансов догнать нас на своих двоих. Во-вторых, любой из нас, кто потеряет или поломает лыжи, тут же сразу и безнадёжно отстанет. Для перевозки важных пленных мы имеем с собой четверо специальных саней-волокуш. В каждые сани могут впрячься два-три бойца. К счастью, нам не надо умыкать Геринга – на его тушу потребовалась бы волокуша, которую тянет, как минимум танк. Почему четверо саней, когда Гейдрих один? Гениальная фраза генерал-майора Бережного:

«Один пишем, три в уме... Во-первых, товарищ капитан, там не только Гейдрих может быть достоин похищения – мало ли, с какой важной шишкой он едет в одной машине. Обычный полковник из штаба группы

армий "Центр" тоже тянет, как минимум, на "Красную звезду". Во-вторых, даже если кроме Гейдриха никого не удастся поймать, то у тебя или у Серёгина могут быть раненые. Это война, а не учения, и даже в состоянии крайней необходимости бросать своих нехорошо. В-третьих, если можно брать – бери, по двум первым причинам лишним не будет».

Ну, а уж если меня заставили взять эти санки, то по дороге к засаде мы по полной загрузили их оружием, боеприпасами и взрывчаткой.

– Тихо, – сказал я и прислушался – колонна приближается. Уже ясно был слышен лязг гусениц головного танка. Радист протянул мне гарнитуру с микрофоном, и я сказал в него: "Первый звонок".

Где-то далеко в небе эту фразу услышал капитан Покрышкин, и его Су-25, прекратив кружить в зоне ожидания, лёг на курс, который должен был привести машину к рубежу атаки над дорогой. Подкрыльевые пилоны Су-25 были оснащены блоками 80-мм НАРов. У пилота был только один категорический запрет – он не должен был обстреливать легковые машины. Как мы узнали от высотного разведчика, предполагаемое место нахождения нашей цели – середина колонны. Будет обидно, если Гейдриха разорвёт на куски реактивный снаряд прямо на наших глазах.

Головной немецкий танк прошёл мимо нашей засады, и я дал следующую команду: "Второй звонок".

Вскоре в ответ прозвучало: "Цель вижу", и я вернул гарнитуру радисту. Теперь "Третий звонок" прозвучит для немцев в исполнении лучшего советского аса всех времён и народов.

Покрышкин атаковал, догоняя конвой курсом с запада на восток и приглушив двигатели. Поэтому, пока не разорвался первый НАР, немцы оставались в счастливом неведении о его намерениях. Потом по немецкой колонне прокатилась волна взрывов, и всё окутал плотный белый дым. Каждый пятый снаряд в блоке был дымовым. Выждав ещё секунд пять, я вдавил кнопку подрывной машинки, и две огромные ели, подняв облако снега, легли на дорогу.

Картина получилась фантасмагорическая. Через густой белый дым было видно, как ярким весёлым пламенем горит следовавший прямо перед "Хорьхом" БТР. Ещё что-то такое горело в голове колонны и, кажется, не в единственном экземпляре. Туда же под шумок, полетела граната из РПГ и две "мухи". Одновременно длинными очередями вдоль колонны ударили "Утесы", прижимая к земле всё живое. Надеюсь, головной бронированный кулак немцев уничтожен и пехота к земле прижата. Сзади должно было происходить то же самое.

– Ну, Господи, благослови!

Я и ребята из группы "Змея" вскакиваем, суём ноги в лыжи и большими белыми птицами несёмся к дороге. Белые масхалаты, белый снег, белый дым. К счастью, он пока не рассеялся, и немцы бродят в нём как слепые. "Хорьх" до половины ушёл в сплошную мешанину еловых ветвей. Из него выбирается водитель и ещё двое. Водитель нам совершенно не нужен, поэтому один из ребят "Змея" даёт короткую очередь, совершенно неслышную в царящей вокруг какофонии, и водитель падает. Высокий худой человек в чёрном кожаном эсэсовском плаще, не спеша, как в замедленном кино, поворачивается в мою сторону и поднимает руку с пистолетом. Первый выстрел – мимо! Это точно Гейдрих! Я ухожу вниз и в подкате сбиваю его с ног. Ещё секунда, и навалившиеся на него парни бьют наци номер 4 в морду, обезоруживают, заламывают руки и защёлкивают на запястьях браслеты. Всё за какие-то секунды.

На губах вкус крови. Нет, кажется ничего серьёзного, просто, когда уходил от пули, неудачно прикусил губу. Рядом ребята пакут ещё одного типа в генеральской шинели. Это как раз тот случай, про который говорил мой друг и наставник полковник Бережной. Что это за тип, разберёмся уже дома, а сейчас – ноги!

Откуда-то рядом, от двух едва видных в дыму легковушек, хлопает несколько пистолетных выстрелов и звучит очередь из МП-40. А ну вас на фиг! "Змей" поднимает свой любимый аргумент – пулемёт "Печенег" и, как Рэмбо в известном фильме, прямо с рук проходится длинной очередью по фрицам. Ребята тащат добычу к лесу, а пулемётчики прикрывают наш отход. От легковушек больше не стреляют – "герои" то ли убиты, то ли до упора впечатлились широтой русской души. Второе вернее.

Всё, мы у кромки леса. Дело почти сделано, теперь надо только сбить со следа погоню. Пока мы привязываем свою добычу к волокушам, сапёры ставят растяжки. Пусть гонятся! С одного из уцелевших БТР бьёт МГ. Но прицел взят слишком высоко, так что пули лишь стряхивают на наши голову снег и мелкие веточки. Пулемётчики уже свернули свой "оркестр", значит, и нам тоже пора.

Капитан Серёгин тоже летит с нами – в ближайшие несколько дней в этих лесах будет весьма неуютно. Но это ничего, пусть немцы позанимаются прочёсыванием. Физические нагрузки на свежем воздухе полезны для здоровья и одновременно вредно влияют на моторесурс и запас топлива. Мы снова подселим капитана и его людей на то же место, но пусть сначала немцы перебесятся и всё утихнет.

Наше возвращение к своим по воздуху прикрывали аж два Су-33 – невиданный почёт и уважуха! Причина этого почёта был упакован в

меховой спальник, подобно "Кавказской пленнице", и совсем не разделял нашего восторга. Да и хрен с ним! А вот генерал вёл себя вполне прилично, что вызывает в дальнейшем надежду на плодотворное с ним сотрудничество.

8 февраля 1942 года. Полдень. Москва, Кремль. Помощник и личный представитель президента США Гарри Ллойд Гопкинс.

Вот уже трое суток я и мои люди мечемся по необъятной России, собирая для Френки всю необходимую информацию, на основании которой он сможет принять то самое "Единственно Верное Решение". Наша делегация облазила эти чертовы русские прерии, промёрзла насквозь и насквозь же пропиталась запахом смерти. Мне навсегда запомнится дорога Слáвянск – Сталино, по которой брели тысячные толпы немецких пленных, охраняемые немногочисленными кавалеристами совершенно монгольского вида на низких мохнатых лошадках. Тут же аккуратные штабеля трупов в фельдграу, сложенные их же товарищами из похоронных команд. Повсюду видим кладбища сгоревшей немецкой техники.

Но не только это. Мы бродили по обугленным руинам Сталино, ещё пахнущие сгоревшим тротилом. Мы познакомились с победителями. Я видел русских солдат во время своего прошлого визита в Россию, и должен вам сказать, что сейчас они совсем другие. О нет, они отнюдь не походили на храбрых солдат с вербовочного плаката, чертовски уставшими, многие в бинтах... Я долго не мог вспомнить, кого они мне напоминали... Потом вспомнил! Средневековая картина, святой Георгий стоит, попирая ногой шею убитого дракона. Он изранен и устал, его оружие иззубрено, но дракон мёртв. Он – победитель. Так же и эти бойцы, разгромившие и уничтожившие две германские армии, после чего (как нам уже доложили) в Германии был объявлен недельный траур.

– Ну, что скажете, Джеймс? – тихо спросил я полковника Рэндолла, когда наша машина разминулась с идущим по дороге русским батальоном.

– Сэр, – так же тихо ответил он мне, – это пока не Старшие Братья, но они ими непременно будут. Обратите внимание, как много у них трофейного оружия и особенно пулемётов. И учтите, это была первая немецкая армия, полностью уничтоженная в ходе нынешней злосчастной войны. Полякам и французам в 39-м и 40-м годах не удалось ничего

подобного. Те же русские в течение лета отчаянно сопротивлялись, иногда отбрасывая зарвавшиеся немецкие части контрударами, но иначе как катастрофой итоги той кампании назвать нельзя. Контрнаступление по Москвой было несомненным успехом, но решительной победы в этой операции Сталину достичь не удалось. Немцы сумели отступить в относительном порядке и закрепиться на рубежах, не таких уж далеких от большевистской столицы. Хотя, – полковник кивнул головой в сторону оставшегося за нашими спинами батальона, – кто-то из этих солдат непременно мог встретиться со Старшими Братьями. Говорить с ними о своих военных делах, пожимать руку, пить чай, как это принято у русских, из одного котелка...

– Джеймс, – спросил я его, – вы считаете это инфекцией?

– Почти, – ответил мне он. – Только инфекцией не биологической, а скорее идейно-информационной. Ведь что такой большевизм? Это своего рода идейно-информационный вирус, который заставляет своего носителя совершать невозможные вещи. Есть народы, подверженные воздействию этого вируса, а есть устойчивые. Русские относятся к первым, а мы, англосаксы, ко вторым. Немцы стоят как раз посередине. Но у них, по счастью, свой набор вирусов. Борьба против союза большевистской России и большевистской Германии была бы для нас безнадёжной. И вообще, картина распространения таких идей как христианство, ислам, большевизм, фашизм имеет сходство с течением эпидемии. Только вот заболевшие при этом не всегда делают слабее, в некоторых случаях наоборот. Старшие Братья, это своего рода супербольшевики.

– Откуда вы всё это знаете, Джеймс? – без всякой задней мысли спросил я, и добавил: – Как вы думаете, у нас, у американцев, есть свои Старшие Братья?

– Что касается эпидемий, – улыбнулся полковник Рэндолл, – в наш подлый XX век и они тоже могут быть оружием. Особенно идейные эпидемии, перевернувшие в 1917 году Россию, а в 1932 году Германию. Не стоит их недооценивать. Что же касается наших Старших Братьев, то я на эту тему пока не думал. Если будет такая возможность, наши люди в Москве попробуют навести справки и составить для нашего президента отдельный доклад.

Этот разговор состоялся больше суток назад. После него мы побывали ещё в нескольких местах, включая разбомбленные русскими железнодорожную станцию и крупный аэродром. Увиденное утвердило нас в понимании масштабов той катастрофы, что постигла вермахт в этих краях. И ведь после таких потерь немцы ещё отчаянно сопротивлялись,

дрались до тех пор, пока у них не кончились патроны! А некоторые группы эсэсовцев и сейчас продолжают скрываться в развалинах, ведя с русскими совершенно уж безнадежную борьбу. Эти дикари, русские и немцы, – они друг друга стоят в своём упрямстве. Не зря же до самой Революции немцы были единственной европейской нацией, представители которой охотно селились среди русских.

Вечером того же дня, засыпая под шум моторов в салоне самолёта, я вдруг подумал, что теперь мир ждёт совершенно другая история. И мне приснились мифические Старшие Братья русских: трёхметрового роста, с горящими, как фары "Кадилака" глазами и страшными клыками, торчащими изо рта.

Сразу же после полуночного прилёта в Москву и прибытия в Посольство я ознакомился со всей поступившей на моё имя информацией, а потом снова завалился спать. Полковник Рэндолл же прямо с аэродрома куда-то исчез и появился в Посольстве только с утра.

Первое, что я сказал ему при встрече:

– Собирайтесь, полковник, и наденьте все свои побрякушки. Мы с вами идём на приём к Сталину. Меня предупредили, чтобы я взял с собой военного представителя моей миссии.

Я сделал паузу.

– И подготовьтесь. Будет обсуждаться практический вопрос наших военных поставок по ленд-лизу и прямых закупок промышленного оборудования за золото.

– Интересно, – покачал головой полковник. – А я вам могу кое-что сказать про Старших Братьев...

– Ну, Джеймс, не томите, – поторопил его я.

– Во-первых, сэр, их здесь нет. Мой источник утверждает это абсолютно точно, – сказал полковник. – А во-вторых, сэр, ни я, ни вы, скорее всего, не подали бы руки этим мерзавцам.

Он вздохнул.

– Я не знаю, можно ли вызвать на откровенность дядюшку Джо, но он наверняка что-то знает...

И вот сейчас в кремлёвском коридоре, на полпути к сталинскому кабинету произошла одна интересная встреча. Прямо навстречу нам попала странная процессия. Первым шёл гордый как призовой петух на ярмарке какой-то чин НКВД. Ну, не разбираюсь я во всех этих ромбах, шпалах, звёздах и нашивках. Мне простительно, я человек штатский. Следом за чекистом, – как сказал мне позже Рэндолл, это был полковник, равный армейскому генерал-лейтенанту, – шёл высокий белокурый тип в

потрёпанном и рваном парадном мундире СС. Мой взгляд скользнул по нему и упёрся в его конвоиров. Крепкие, хорошо развитые парни, одетые в доселе незнакомую мне зеленую пятнистую форму. Штаны и куртка довольно свободного покроя, на голове кепи, немного похожие на те, что были в нашей армии во время Гражданской войны. На куртках слева в ряд были закреплены какие-то значки или медали. Следом за двумя солдатами, конвоирующими эсэсовца, шёл молодой офицер кавказской наружности. Его чуть скучающее выражение лица и множество наград говорили, что это опытный вояка, который наверняка и захватил в плен этого эсэсовца. Что-то внутри меня вздрогнуло, хоть встречные и скользнули по мне равнодушными взглядами: эсэсовец затравленным, а его конвоиры скучающими. За что-то ещё уцепился мой взгляд...

И тут я понял – на тех людях в пятнистом, что конвоировали эсэсовца, были ПОГОНЫ!!! В самом логове большевиков разгуливают люди в погонах, и на них никто не обращает внимания! В этот момент, первым оправившийся от ступора полковник шепнул мне на ухо:

– Сэр, это они...

– Кто они? – сначала не понял я.

– Сэр, те, в пятнистых куртках, – сказал Рэндолл, – это и есть старшие братья! Господи! Это же сущие демоны! Из какой преисподней дядя Джо вызвал их в наш мир?!

Потом он перевёл дух и добавил:

– А тот наци, что попался в их когти, ни кто иной, как четвёртый человек в Рейхе, любимец Гитлера, обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Не знаю, как им это удалось, сэр, но теперь Гитлер будет в бешенстве. В таком состоянии как раз и делаются все самые крупные политические ошибки.

– Джеймс! – в ответ я торопливо прошипел ему на ухо, ибо мы почти пришли. – Подумайте сами, зачем дядя Джо показал нам эту компанию? Не думайте, что это получилось случайно, ибо это не так. Думайте, зачем ему надо, чтобы мы знали, что у него есть... т-с-с, думайте. Мы пришли.

Ещё несколько шагов, и сопровождающий распахнул перед нами дверь в приёмную рабочего кабинета дядюшки Джо... Не мешкая, нас с полковником пропустили внутрь, и массивная дубовая дверь закрылась за нами.

В кабинете, кроме советского вождя, было ещё два человека, не считая незаметного как тень переводчика. Первым был невысокий, плотненький кавказец в пенсне. В нём я сразу же узнал наркома внутренних дел Берия. Ещё одна высокая и крепкая женщина средних лет была одета в военную

форму обычного для советов вида. То есть, конечно, вместо обычных для чекистов синих галифе на даме была синяя юбка. Волосы, собранные в пучок, и массивные очки в роговой оправе, придавали ей вид строгой школьной учительницы. Но несмотря на показную обыденность, я чуял, что в этой леди сидит такой же демон, как и у тех головорезов, что мы встретили в коридоре.

– Добрый день, мистер Гопкинс, – приветствовал меня дядя Джо. – Рад вам представить Генерального комиссара госбезопасности Лаврентия Павловича Берия и комиссара госбезопасности 3-го ранга Антонову Нину Викторовну.

– Сэр, – ответил я, – позвольте представить вам моего личного помощника по военным вопросам, полковника армии США Джеймса Рэндолла.

Дождавшись пока полковник поприветствует большевистского лидера, я продолжил.

– Сэр, если не секрет, почему вы решили познакомить нас с руководителями советской тайной полиции? – и пошутил: – Мистер Сталин, разве во время нашей поездки мы совершили что-то противозаконное?

Дядюшка Джо ухмыльнулся в усы.

– Нет, во время вашей поездки на фронт вы никаких советских законов не нарушали. Не буду скрывать, нам известно, в какой именно службе армии США работает полковник Рэндолл.

Берия при этом довольно ухмыльнулся, а Сталин продолжил.

– Дело в другом. Товарищ Берия помимо своей основной работы курирует у нас вопросы вооружений и военной промышленности, а следовательно, именно он будет с нашей стороны заниматься ленд-лизом и оборудованием для военной промышленности. Товарищ Антонова является моим личным помощником по вопросам, связанным с Северо-американскими Соединёнными Штатами. Именно она посоветовала отправить вас в эту поездку на фронт. Ведь, как говорят у нас, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И вдруг Сталин в нарушение всех протоколов, обратился прямо к моему помощнику:

– Вы довольны этой поездкой мистер Рэндолл? Вы увидели всё, что хотели?

– Да, сэр! – честно ответил тот.

– Отлично, – сказал дядя Джо и прошёлся по кабинету. – Теперь вы верите, что мои слова, о том, что СССР способен самостоятельно

разгромить нацистскую Германию, не являются простым блефом?

– Теперь мы в это верим, – ответил я вместо полковника. – Места прошедших боёв внушают ужас, а Красная Армия выстояла и победила в схватке с сильным и коварным врагом. Ещё несколько таких поражений, и вермахт покатится назад, в свою Германию.

– Не торопитесь, мистер Гопкинс, – сказал Сталин. – Эти поражения вермахт потрясли, но не уничтожили. Ведь нацисты подмяли под себя ресурсы всей Европы, с которой нам тяжело тягаться в области промышленного производства. Кроме того, мало отбросить нацистов в Германию, надо их ещё и уничтожить. А для этого необходима высадка войск союзников в Европе и полная ликвидация нацизма.

– Поскольку ленд-лиз теперь распространен и на СССР, – ответил я, – то мы, американцы, поможем вам с поставками вооружений.

Я повернулся к Рэндоллу:

– Полковник...

Тот раскрыл папку и передал советскому вождю предварительный список того, что планировалось поставить в 1942 году. Сталин взял несколько листов бумаги и, к моему удивлению, передал их комиссару Антоновой. Та раскрыла их, бегло пробежала взглядом и посмотрела на меня как учительница на шалуна, не выучившего урок.

– Это несерьёзно, мистер Гопкинс, – неожиданно низким голосом, но на прекрасном английском языке сказала она. – Мы один на один ведём тяжелейшую войну в истории, а вы что нам предлагаете?!

Я растерялся, потому что сейчас на меня из-под стёкол очков смотрел тот самый демон из преисподней. И ещё неизвестно, кто был опаснее: те головорезы в коридоре или эта женщина,

– Скажите, что же вы хотите? – оторопело проговорил я.

Антонова вопросительно посмотрела на советского вождя, и тот одобритительно кивнул, ухмыляясь в усы.

– Мистер Гопкинс, – сказала она, подходя к столу, – вот наши требования. Это то, что нам действительно нужно... – она начала быстро что-то чиркать в нашей заявке красным карандашом.

Я подошёл и посмотрел. Русские резко увеличили запросы на броневой лист от 30 до 50 миллиметров, листовой дюралюминий, авиационные и пехотные рации, скорострельные зенитные установки для кораблей. Само собой, война требовала большого количества латуни, артиллерийского и ружейного пороха, взрывчатки. Фронт, как ненасытное чудовище пожирал всё это в огромных количествах.

Кроме того, американские тяжёлые грузовики и бронетранспортёры

были нужны им в таких же больших количествах. Примерно так же обстояло дело с новейшими истребителями Р-39 "Аэрокобра" и средними бомбардировщиками А-20 "Бостон".

Однако, губа не дура! Зато они совершенно отказались от наших танков всех типов и моделей, от устаревших истребителей Р-40 "Китти-Хоук" с их ненадёжными моторами и слабым вооружением. Как жёстко сказала комиссар Антонова: "Янки не умеют делать танки".

Переданный мне в конце разговора Берией список промышленного оборудования, которое СССР желало закупить за золото, больше бы годился в качестве каталога крупной промышленной выставки. Приобретались не только отдельные станки, хоть и этого хватало, приобретались целые заводы, которые наши фирмы должны были поставить и смонтировать под ключ. Будто снова наступил 1928 год, и СССР опять начал свою индустриализацию. В каталоге были указаны не только производители оборудования, но и примерные цены на него. Я взвесил список в руке. Если всё это будет реализовано, то окажется крупнейшим контрактом для нашей промышленности. Ещё я обратил внимание на то, все поставки были рассчитаны до середины 1944 года... Над этим надо подумать отдельно.

Сказав, что мы такие вопросы решать не уполномочены и нам необходимо посоветоваться с Вашингтоном, мы с полковником Рэндоллом откланялись и вышли из кабинета дяди Джо. У меня по спине ручьем тёк пот. Такого мне ещё пережить не доводилось! Полковник тоже был не в лучшем состоянии. Немедля, сразу из Кремля, мы отправились в Посольство. Если раньше стоял вопрос, что большевики слишком быстро рухнут перед натиском немцев, то теперь все было наоборот – СССР угрожал стать самой могущественной державой мира. Если бы не эти японцы...

8 февраля 1942 года. . Москва, Кремль. Кабинет тов. Сталина. Вскоре после ухода мистера Гопкинса, полковника Рэндолла и переводчика.

– Ну, товарищи, – сказал Сталин, в раздумьях прохаживаясь по кабинету. – Не слишком ли мы сильно насели на наших американских партнёров?

– Не сильно, товарищ Сталин, – ответила Нина Викторовна Антонова.

– Янки, они такие – понимают только язык силы и ещё натуральный обмен – "ты мне, я тебе". Вот случится битва в Коралловом море, и тот же Гопкинс станет как шелковый.

При этих словах Антонова посмотрела на Берию, и тот загадочно кивнул, блеснув стеклами пенсне. Это означало, что разоблачённый и работающий под нашим контролем агент японской военно-морской разведки уже переправил в Токио информацию, что американцы имеют возможность читать японские шифры. Ответный сигнал, что этот слив был воспринят японцами совершенно серьёзно, уже поступил на Лубянку. Теперь оставалось ждать, с каким результатом закончится на Тихом океане первая в мире битва авианосцев. Если японцы не дураки, то США ещё долго будет не до Европы. Просчитав эту комбинацию, Сталин снова довольно улыбнулся в усы. Тайная война – тоже война. И не говорите, что против союзника. С такими друзьями нам никаких врагов не надо.

– Ничего, товарищ Антонова, – сказал он, – сейчас они свяжутся с Вашингтоном, согласуют списки... Как раз времени останется в аккурат узнать, чем закончилось дело у порта Морсби. И куда они потом денутся с подводной лодки-то... До свидания, товарищи, мне надо ещё поработать...

Действительно, в кабинете, а ещё больше в ноутбуке его ждали горы непрочитанных книг из будущего. Товарищ Сталин уже убедился, что даже обычная литература несёт множество ценнейшей и полезнейшей информации, как, например, идея писателя Владислава Конюшевского в его книге о попаданце Лисове, о формировании разведывательно-диверсионных террор-групп. Он отвёл себе на чтение такой литературы по полтора часа в день. Во-первых, прекрасный отдых для головы, а во-вторых, на многие вопросы потомки смотрели с несколько иной стороны. Сейчас товарищ Сталин включил ноутбук и щёлкнул мышкой по папке библиотеки: Влад Савин. "Морской Волк"

**9 февраля 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет
Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича
Сталина.**

Присутствуют:

*Верховный главнокомандующий Сталин Иосиф Виссарионович
Генеральный комиссар ГБ Берия Лаврентий Павлович
И.О. Начальника Генштаба Василевский Александр Михайлович*

Генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич.

Вице-адмирал Ларионов Виктор Сергеевич

Комиссар ГБ 3-го ранга Антонова Нина Викторовна

Сегодня в этом кабинете собрались, может быть и не самые могущественные, но зато уж точно самые осведомлённые люди на планете, прекрасно знающие, что слова Молотова из обращения к Советскому народу, сказанные ещё 22 июня 1941 года: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами", оказались пророческими. А вот знание вполне возможно перековать в могущество, чем они и собирались сейчас заняться. Это были суровые, уставшие люди, на плечах которых лежит ответственность за исход войны, будущее страны и всего мира. Даже единственная женщина среди них выглядела сейчас такой же суровой, такой же усталой и такой же закалённой. Но и через эту несмываемую усталость пробивалась простая человеческая радость. Невероятными усилиями как присутствующих здесь, так и других советских людей, враг не только был остановлен, не только отброшен назад, но и потерпел одно из страшных поражений в истории. Все присутствующие хорошо знали название битвы-аналога из другой истории. Битвы, которая должна была завершиться только через год на Волге, у города Сталинграда. Специалистам она была известна, как операция "Уран".

Последним из приглашённых на встречу вошёл Александр Михайлович Василевский, и тогда, повинуясь повелительному кивку Сталина, Поскрёбышев тихо закрыл массивную дубовую дверь, отрезав от внешнего мира и кабинет, и всех присутствующих в нём.

Первым взял слово Хозяин.

– Итак, товарищи, с победой вас. Уже очевидно, что ваша "Полынь", товарищ Бережной, привела немцев прямо к "Большому Урану". Вы, а также ваши бойцы и командиры, внесли достойный вклад в эту победу, который ещё получит оценку истории. Товарищ Ларионов и руководимый им Черноморский флот также внесли свой достойный вклад, их выпады в стиле лучших фехтовальщиков так затерроризировали немцев, что по побережью Чёрного моря от Херсона до самой болгарской границы они уже вынуждены держать почти такую же плотность войск, как и на фронте.

При том дефиците резервов, который испытывает немецкое командование, эти, с позволения сказать, "примороженные" полки и дивизии, не смогли оказаться на нашем фронте. Но на товарища Ларионова постоянно поступают жалобы.

Товарищи старшие флотские командиры во главе с контр-адмиралом Горшковым жалуются и в ЦК и непосредственно товарищу Сталину, что вы

совершенно загоняли их со своей боевой учёбой и походами к берегам Румынии. Оказывается, из-за службы некоторым товарищам некогда поспать.

Сталин немного помолчал.

– Имейте в виду, товарищ Ларионов, если эти товарищи находят время писать жалобы, значит, вы даёте им совершенно недостаточную нагрузку. А то обленились, понимаешь, при Октябрьском и думают, что война – это прятаться в базе от немецких самолётов...

Вождь повернулся к "лучшему менеджеру всех времён и народов".

– Вы, что-то хотели сказать, товарищ Берия?

Берия кивнул.

– Да, товарищ Сталин. Если вы дадите нам имена и фамилии этих несознательных товарищей, то мы проведем с ними профилактические беседы, предупредим так сказать. Армейские командиры на фронте совершенно не жалуются на усталость, хоть им и приходится в тысячу раз тяжелее.

И ещё, у меня есть одна приятная новость для товарища Ларионова. Мы смогли воспроизвести первую пробную партию в 5000 осколочно-фугасных выстрелов к 130-мм автоматической артиллерийской установке. Примерно через неделю эта партия боеприпасов поступит в Севастополь, и после пробных стрельб можно будет частично отменить режим экономии боеприпасов для столь ценной боевой единицы.

– А почему частично? – поинтересовался Сталин. – Если мы уже можем производить боеприпасы, то почему бы не воспользоваться возможностями этого корабля по полной программе?

– Износ стволов, товарищ Сталин, – коротко пояснил вице-адмирал Ларионов. – Пока мы не научимся производить точно такие же по характеристикам стволы, пользоваться ресурсом надо будет вдумчиво.

– Ну, хорошо, товарищи, – подвел итог военно-морской теме Сталин. – После полного завершения всех действий по операции "Полынь" есть мнение отозвать товарища Василевского с Юго-Западного направления для руководства Генеральным штабом. Товарищ Шапошников сейчас находится в госпитале и неизвестно, сколько ещё он там пробудет... Вы что-то хотите сказать, товарищ Ларионов?

– Товарищ Сталин, – сказал вице-адмирал, – перед вылетом я заезжал в госпиталь и интересовался здоровьем Бориса Михайловича. Ему уже сделана операция, которая улучшила его состояние. Но болезнь зашла слишком далеко. Теперь врачи могут лишь продлевать пациенту жизнь, выигрывая для него годы, месяцы, дни... Всякое возвращение к активной

работе полностью исключено. Максимально, что допустимо для Бориса Михайловича, – это написание мемуаров и анализ операций первых месяцев войны.

Сталин немного помолчал, тиская в руках неизменную трубку, которая из приспособления для курения превратилась у него в некий талисман. Потом посмотрел на Василевского.

– Тогда, товарищ генерал-лейтенант, вам надо как можно скорее сосредоточиться на работе Генерального штаба. Кстати, кого бы вы рекомендовали на должность командующего Юго-Западным направлением и, соответственно, Юго-Западным фронтом?

– Генерал-майора Толбухина Фёдора Ивановича, товарищ Сталин, – ответил Василевский. – Сейчас он совершенно бесполезно проводит время на Кавказском фронте. Угроза нападения Турции стала совсем маловероятной, и держать в тылу одного из лучших советских полководцев совершенно излишне.

– Мы подумаем над вашим предложением, товарищ Василевский, – Сталин вразвалку прошёлся по кабинету. – Что-нибудь ещё?

– Товарищ Сталин, – продолжил Василевский, – мы предполагаем, что как и в прошлый раз, немцы выберут Южное направление для нанесения главного удара в летней кампании 1942 года. В связи с этим целесообразно было бы освободить командующего Юго-Западным направлением от сиюминутных забот по командованию соответствующим фронтом и дать ему сосредоточиться на решении чисто стратегических задач. Вот смотрите.

Василевский развернул на столе контурную карту с размеченными зонами ответственности фронтов и предполагаемыми фамилиями командующих.

– Значит так. Во-первых, расформировываем нынешний Южный фронт, он свою задачу выполнил, Клейста ликвидировал. Его части можно использовать для усиления других фронтов Юго-Западного направления или вывести в резерв для отдыха и пополнения, как, например, хорошо показавшие себя штурмовые батальоны.

Крымский фронт переименовываем в Южный. Командующим фронтом оставляем генерал-майора Рокоссовского. Зонай ответственности для нового Южного фронта будет Крымский оборонительный район и фронт по Днепру от Николаева до Днепропетровска. Зонай ответственности для Юго-Западного фронта предлагаю назначить полосу от Днепропетровска до стыка с существующим Брянским фронтом. Командующим Юго-Западным фронтом предлагаю назначить

освободившегося Родиона Малиновского.

Сталин машинально подергал ус.

– Вы хотели что-то сказать, товарищ Бережной?

– Да, товарищ Сталин, – генерал-майор посмотрел на схему. – Товарищ Василевский нарезал фронтам очень широкие полосы ответственности, по триста-четырееста километров. В случае серьезной нагрузки такой фронт будет плохо управляем. Каждого осетра надо бы разрезать пополам. Сейчас, когда структура ещё не устоялась, сформировать один новый штаб фронта будет не так сложно. Да и немецкое командование сейчас находится не в самой лучшей форме и не сумеет подловить нас на оргмоментах.

Сталин задумавшись, вразвалку прошёлся по кабинету.

– Товарищ Бережной, будьте добры, покажите нам ваше предложение на карте.

Генерал-майор подошёл к столу с картой.

– Предлагаю переименовать Юго-Западное направление в Украинское и разбить его на четыре фронта. Для 1-го Украинского фронта нарезаем полосу от Курска до станции Балаклея, то есть тот отрезок бывшего Юго-Западного фронта, в полосе которого не проводились действия по плану "Полынь". 2-й Украинский фронт, возьмет полосу от Балаклеи до Днепропетровска, 3-й Украинский – от Днепропетровска до Запорожья, а 4-й Украинский – от Запорожья до Херсона. Персоналии возможных командующих товарищ Василевский знает лучше меня. Только вот полосу 1-го и 2-го Украинского фронтов следовало бы усилить особо. Есть предположение, что именно там, от Харькова и Полтавы, немцы начнут свой летний поход за нефтью.

– Хорошо, – кивнул Сталин, – мы вас поняли, товарищ Бережной, и ваши предложения кажутся нам разумными. Мы немного подумаем и сообщим вам окончательный результат. Этим летом на юге мы должны будем показать немцам мнимую слабость там, где у нас слабостью и не пахнет. Подумайте, как это лучше сделать, учитывая, что их фюрер будет просто жаждать мести за зимние поражения. Мы ещё поговорим на эту тему, но предупреждаю – сразу после завершения операции "Молния" внимание к южному направлению снова должно стать приоритетным. Товарищ Бережной, как протекает ваша подготовка к операции?

– Вот, товарищ Сталин, – генерал-майор передал вождю план-график ремонтных работ и проведения учебно-тренировочных занятий с отметками об исполнении, – тут и мои данные и бригады Катукова...

– Взаимодействуете, значит? – сказал Сталин, пролистав бумаги и удовлетворённо кивнув головой.

– Можно сказать – дружим семьями, – ответил генерал-майор. – И штаб, и командиры батальонов у Михаила Ефимыча очень хорошие. Думаю, что к часу "Ч" мы успеем полностью подготовить обе бригады к действиям в условиях глубокого рейда. 1-й и 2-й гвардейские кавкорпуса, также готовящиеся к "Молнии", пока в план операции не посвящены и готовятся по своим программам.

– Очень хорошо, – Сталин бросил косой взгляд на Берия. – Теперь мы хотели бы немного отвлечься от насущной военной повседневности и поговорить на перспективу. О науке и технике, о том, что нам разрабатывать самим, а что лучше купить у буржуев. О политике и религии, а также о партии и её роли в истории.

Сталин вздохнул, и взял в руку трубку.

– Товарищ Берия, вы начните, а я пока послушаю...

– Товарищи, – сняв пенсне, Берия стал машинально его протирать, – мы хотели бы знать, какой итог войны нам необходим, чтобы не повторилась история вашего мира с затяжной холодной войной и последующим распадом советской системы?

Выходцы из XXI века переглянулись.

– Давайте сделаем так, – начал генерал-майор Бережной, – я начну, а товарищи, если что, меня поправят...

– Пожалуйста, товарищ Бережной, – кивнул Сталин, – мы вас слушаем.

Генерал-майор обвёл взглядом собравшихся.

– Давайте начнём с того, что на каких бы рубежах не завершилась Вторая Мировая Война, во-первых, СССР войдёт в число стран-победительниц, во-вторых, после войны нашим главным геополитическим и идеологическим противником будут Соединённые Штаты Америки. Этот факт определяется даже не пожеланиями тех или иных советских или американских политиков, а фундаментальными различиями в этнокультурных доминантах русских и англосаксов, являющихся основами для советского и соответственно американского обществ.

– Что вы имеете в виду под различными этнокультурными доминантами? – спросил Берия.

– Различные способы мышления и различный набор ценностей, – пояснил Бережной. – В частности, американское общество – это общество воинствующего индивидуализма, который делает для этих людей абсолютно неприемлемым социалистический путь развития. Немногочисленные исключения только подтверждают правило: мы имеем дело с мощным империалистическим государством, имеющим поддержку

собственного населения. Один раз их общество уже было поставлено на грань краха Великой депрессией, и ради выживания они были вынуждены несколько отступить от своих принципов. Теперь они попытаются использовать Вторую мировую для установления своего контроля над большей частью промышленных мощностей и материальных ресурсов планеты. В нашей истории им это удалось. Соотношение между социалистическим и империалистическим блоками в течение второй половины XX века колебалось, как один к трём, один к двум. Мы держались, пока в нашей экономике давали себя знать преимущества социализма.

Берия поднял взгляд.

– Товарищ Бережной, скажите, а куда они делись, эти преимущества социализма?

– Товарищ Берия, об этом вам немного попозже расскажет товарищ Антонова. Могу сказать одно. В 1990-м году, безо всякой войны в СССР была введена карточная система на основные продукты питания и предметы первой необходимости, а также проведена конфискационная денежная реформа с изъятием вкладов населения в сберегательных кассах.

В этот момент в полной тишине раздался хруст сломавшегося карандаша и произнесённое вполголоса замысловатое грузинское ругательство.

– Извините, товарищ Бережной, – сказал Сталин, бросая обломки в плетеную корзину для бумаг, – не сдержался. Вы предоставили нам достаточное количество разной литературы, где описывался этот, с позволения сказать, процесс, но таких подробностей там не было. Продолжайте, пожалуйста.

– Товарищ Сталин, – сказал Бережной, – с вашего позволения, я вернусь к внешним аспектам нашего существования в послевоенном мире, ибо один и тот же человек с удавкой на шее и без неё – это всё-таки два разных человека.

– Интересная мысль, – заметил Сталин, – прямо подтверждающая марксистский тезис о том, что бытие определяет сознание.

Бережной кивнул, признавая правоту Вождя, и продолжил:

– Удавкой на шее я назвал цепь военных баз, которыми Соединённые Штаты окружили СССР и его союзников. Благодаря экономическому господству над большей частью мира, американцы могли себе это позволить. Во второй половине XX века военные расходы США регулярно превышали совокупные военные расходы всех стран мира. Единственно, что останавливало их стремление развязать новую мировую войну – это

страх взаимного ядерного уничтожения. Но давайте по порядку. Александр Михайлович, – обратился Бережной к Василевскому, – вы, как начальник генштаба, скажите – какие рубежи обороны самые устойчивые?

– Товарищ Бережной, – несколько раздражённо ответил Василевский, – наиболее устойчив рубеж обороны, опирающийся на естественную водную преграду, например крупную реку.

– Теперь, товарищ генерал-лейтенант, рассмотрим в качестве естественных водных преград три океана: Северный Ледовитый, Тихий и Атлантический. Для того, чтобы после войны разговаривать с Соединёнными Штатами на равных, СССР должен вобрать в себя фактически всю Евразию, может быть за исключением малайских джунглей. В ходе войны совершенно точно необходимо сделать две вещи: установить наш контроль над всей континентальной Европой, а не только над половиной Германии, и вызвать искусственный крах Британской империи. В конце концов, не только немецкие нацисты ответственны за развязывание этой, самой страшной войны в мире, но и находящиеся у власти французские и британские политики, решившие руками Гитлера уничтожить СССР.

– Вы совершенно правы, товарищ Бережной, – сказал Сталин, крутя в руках карандаш. – Но разве из этого следует, что мы должны оккупировать Европу?

– Не оккупировать, товарищ Сталин, а освободить, – сказал генерал-майор Бережной. – Освободить и от фашизма, и от капитализма одновременно. Да и с точки зрения политических перспектив: или мы это сделаем, или СССР будет жить в условиях постоянной угрозы с этого направления. Это как с Крымским ханством. Пока оно было независимым, то было для России ужасным незаживающим геморроем. Но как только Суворов взял Бахчисарай, присоединил Крым к России, а хана послал доживать жизнь в Калугу, то всё сразу успокоилось. Правда, стоит туда попасть каким-нибудь оккупантам, так в татарах ретивое играет, но это уже вопрос внутренней, а не внешней политики. Вот товарищ Берия дока по части объяснения правил социалистического общежития, ему и его людям там и карты в руки.

– Мы вас поняли, – Сталин прошёлся по кабинету. – Мы всем обещали, что будем строить социализм в отдельно взятой стране. Но никогда мы не говорили о том, каковы будут границы этой страны. Товарищ Василевский, есть мнение утвердить конечной целью войны на Западном направлении линию побережья Атлантического океана, включая сюда и Скандинавию. Именно Красная армия и никто другой должны освободить

Норвегию от немецких оккупантов. Что делать с Англией, мы решим позже. Теперь, товарищ Бережной, каким образом вы предлагаете достичь этой в высшей степени полезной цели?

– В нашем прошлом во второй половине войны Красная Армия проводила наступательные операции, направленные по большей части на вытеснения армии противника с нашей территории, а не на их решительное окружение и уничтожение. Тому было несколько причин объективных и субъективных. Во-первых, почти до самого конца войны Красная армия не имела бронетехники, способной на равных сражаться с новыми немецкими танками. Как вы помните, этот вопрос мы поднимали ещё десять дней назад. Тогда вами было принято положительное решение. Ибо десятью танками Т-72 войну не выиграть. Ещё одна, максимум две такие операции как "Полынь", и машины встанут на прикол. Но перед этим у них должны появиться достойные наследники. У товарища Шашмурина уже готов эскизный проект тяжёлого танка со 100-мм пушкой на основе морского орудия Б-34, который он предварительно решил назвать ИС-1.

Сталин кивнул.

– Решение по поводу Молотовского судостроительного завода принято. Пока у нас снова не возникнет нужда в океанском флоте, он будет выпускать бронекатера для нашего Северного флота и бронетанковую технику для частей особого назначения.

– Тогда, товарищ Сталин, – сказал генерал-майор Бережной, – у нас есть шанс, используя фору в развитии, наносить вермахту одно окончательное поражение за другим, не давая Германии скопить стратегические резервы для крупной битвы вроде Курской дуги, произошедшей в нашей истории. Самое главное – выбивать у немцев не танки и самолёты, а солдат и офицеров с опытом ведения победоносных компаний в Европе и на Восточном фронте летом-осенью 1941 года. Поступившие вместо них на фронт новобранцы окажут нам значительно меньшее сопротивление.

– Товарищ Василевский, – Сталин посмотрел на своего начальника Генерального Штаба, – что вы на это скажете?

– Стратегия понятная, товарищ Сталин, – ответил генерал-лейтенант. –

В принципе, именно из-за таких действий немецкого командования в летне-осеннюю кампанию прошлого года мы фактически потеряли всю нашу армию мирного времени. Если ещё наши ВВС с помощью товарищей добьются господства в воздухе, то я считаю предложенную стратегию вполне осуществимой и вполне способной привести к достижению поставленной цели. Только вот один вопрос: неужели, поняв, что мы можем

в одиночку занять всю Европу, американцы не постараются опередить нас?

– Товарищ Бережной, – кивнул Сталин, – ответьте на этот, как нам кажется, ключевой вопрос.

– Для того, чтобы американцы не вмешивались в европейские дела, необходимо, чтобы все их ресурсы были связаны войной на Тихоокеанском театре военных действий. В нашей истории первой неудачей Японского Императорского флота была битва в Коралловом море в мае этого года, а первым сокрушительным поражением – сражение у атолла Мидуэй. Опять же, сокрушительным это поражение сделали не сбитые самолёты и не потопленные авианосцы, а потеря основного костяка палубных лётчиков, имевших высококачественную довоенную подготовку. Если американский флот потерпит поражение в Коралловом море и потеряет свои последние авианосцы, то битва у Мидуэя просто не случится. Срок, в который американская промышленность сумеет восстановить потери, а флот освоить новую технику и привести её в боеготовое состояние, исчисляется полутора-двумя годами. До этого момента американцам на Тихом океане будет крайне туго, и они не смогут вмешаться в ситуацию в Европе.

Бережной остановился и посмотрел на улыбающегося в усы вождя.

– Товарищ Сталин, я сказал что-то смешное?

– Совсем нет, товарищ Бережной, – улыбнулся вождь. – Просто мы пришли к тому же выводу и товарищ Берия уже принял соответствующие меры. Теперь мистер Рузвельт вместо победы под этим самым Мидуэем получит дырку от бублика. Потом есть мнение, что после нашей победы в Европе мы, как и в вашем прошлом, развернём свою армию на восток и нанесем поражение не ожидающим этого японским милитаристам. Пусть не думают, что только они могут начинать войны первыми. Вы это имели в виду, когда говорили об освобождении от удавки?

– Именно так, товарищ Сталин, – ответил Бережной. – Для окончательного снятия угрозы американского вторжения необходим наш контроль над Британскими островами на западе и Японскими на востоке. Не стоит оставлять потенциальному противнику возможность создать у нас под боком непотопляемый авианосец.

– Мы рассмотрим этот вопрос позже, – кивнул Сталин. – Сейчас достаточно того, что мы в общих чертах определились с нашими действиями на сухопутном фронте. Товарищ Василевский, вы что-то хотите сказать?

Генерал лейтенант кивнул.

– Сейчас на повестке дня стоит определение того, в каком направлении немецкие войска нанесут удар в летнюю кампанию этого года. Гитлер

непременно попробует взять реванш за поражения рынешней зимы. Срыв этого наступления, разгром и уничтожение созданных для него войсковых группировок может оказаться следующей после "Молнии" операцией по решающему разгрому вермахта. Своего рода аналогом вашей Курской дуги, товарищ Бережной, только у немцев ещё не будет "Тигров" и "Пантер", а наши войска уже получают усовершенствованные Т-34-76 и КВ-1.

– Совершенно правильная мысль, товарищ Василевский, – кивнул Сталин. – Конечно, окончательное решение Гитлер примет уже ближе к лету, но не забывайте про две вещи. Во-первых, на немецкие планы неизбежно повлияет результат нашей операции "Молния". Какие бы планы Гитлер не имел сейчас, после её завершения они могут полностью поменяться. Во-вторых, грядущее лето будет достаточно дождливым, что затруднит немецкие операции на Ленинградском и Московском направлениях. На юге, напротив, сложится вполне благоприятная обстановка для действий моторизованных войск. Пока товарищ Бережной будет заниматься операцией "Молния", Генеральный штаб не должен глаз спускать с перемещений немецких войск. Именно в них скрыт ответ, по крайней мере, на вопрос "где?". Вам все понятно?

Генерал-лейтенант Василевский кивнул, и Сталин посмотрел на комиссара госбезопасности 3-го ранга Антонову.

– Теперь мы заслушаем доклад товарища Антоновой по вопросу исчерпания преимуществ социализма в экономике...

Заметив, что начальник Генерального штаба собрался уходить, Сталин остановил его.

– Э-э-э, товарищ Василевский, останьтесь. Лишних знаний не бывает, а если и бывают, то может они совсем не лишние. Может, окажетесь на моём месте, и вам тогда однажды пригодится...

Сказано это было как бы в шутку, но в воздухе повеяло чем-то таким, эдаким... Преемником, короче. Сталин уже знал, что в ТОЙ истории были люди, которые не предали ни его, ни его памяти, а значит, на них можно полагаться по полной программе.

Почуввав это самое веяние, Александр Михайлович молча кивнул и остался.

Нина Викторовна Антонова глубоко вздохнула. Сейчас, как в далекие студенческие времена, она вдруг почувствовала себя на экзамене перед строгими профессорами.

– Товарищ Сталин, начнём с того, что в настоящий момент социалистическая экономика СССР является многоукладной. Крупные и средние предприятия полностью находятся в государственной

собственности, мелкие и большая часть сельскохозяйственных предприятий – в артельно-кооперативной. Кроме этого имеются кустари-одиночки, которые заполняют тот сегмент экономики, который не выгоден для более крупных предприятий. В предвоенные и первые послевоенные годы Госплан СССР проводил планирование выпуска продукции в натуральном исчислении, ведь люди, в отличие от банкиров, денег не едят. Такая структура экономики как раз и позволяет реализовать все преимущества социалистического строя, не разрушая основ народного хозяйства.

Сталин кивнул.

– Именно так и должно быть, товарищ Антонова. Но вы не сказали, почему преимущества социалистической системы перестали действовать.

– А потому, товарищ Сталин, что Хрущёв, который пришёл после вас к власти, с какого-то перепуга решил за следующие двадцать лет прийти к коммунизму. Ради этого он отобрал у колхозников приусадебные участки, зарезал весь скот, находившийся в личном подворье, уничтожал деревни и свозил колхозников в эдакие мини-города, посёлки городского типа. Колхозы из сельскохозяйственных производственных артелей превратились в точную копию совхозов, лишённых всяческой самостоятельности. В результате всего этого, несмотря на освоение целинных и залежных земель, с конца 60-х годов СССР начал закупать за границей зерно и другие продукты питания.

В промышленности и сфере услуг он уничтожил артельно-кооперативное движение и кустарей-одиночек. К началу 60-х годов экономика СССР превратилась из социалистической в государственно-капиталистическую. Но и это ещё было не всё. Госплан в своей работе перешёл на планирование в денежном исчислении. И каждый год планы автоматически индексировались на 3% без учета реальных возможностей предприятий. Невыполнимые планы привели к тому, что с одной стороны, предприятия стали изыскивать пути для увеличения издержек, тем самым выполняя план по затратам средств, а с другой стороны пышным цветом расцвели приписки и коррупция, подпольные частные цеха производили продукцию и легализовывали её через государственные предприятия. Страну начала разъедать самая настоящая ржа.

Для того, чтобы восполнить недостающее производство СССР начал всё больше и больше товаров закупать в капиталистических странах. А чтобы добыть необходимую для этого валюту, на экспорт продавались нефть и природный газ. Некоторое время это работало. А потом власти США вступили в сговор с государствами Персидского залива, являвшихся

основными поставщиками нефтепродуктов, и цены на нефть резко упали. Вот тогда-то экономика СССР, уже совсем не социалистическая, и потерпела крах. А вслед за ней исчез и сам СССР.

– Спасибо, товарищ Антонова, – кивнул Сталин, – мы все поняли. В ближайшее время подготовьте расширенный доклад на эту тему, если надо, то привлечите кого-нибудь из своих товарищей, возьмите товарища Косыгина. Это не должно снова повториться. Так нам и никакой Америки не надо будет. На этом всё, товарищи, все свободны... А вот вас, товарищ Ларионов, я попрошу остаться для отдельного разговора.

Сталин едва дождался, когда уходящие товарищи покинут кабинет, потом прошёлся из конца в конец, посмотрел на карту советско-германского фронта и повернулся к единственному оставшемуся визитёру.

– Ну, товарищ Ларионов, какое у вас ко мне "совершенно важное" дело?

Вместо ответа вице-адмирал расстегнул портфель и, достав оттуда папку с бумагами, протянул её Сталину.

– Товарищ Сталин, вот это письмо вам от имени болгарского царя Бориса III было передано на борт "Адмирала Ушакова" во время визита корабля в Варну. К тому же, независимо от этого, мои разведчики по своим каналам в Болгарии установили связи с проживающими там бывшими русскими офицерами. Вот послание вам от имени организации бывших воинов русской армии.

Сталин быстро взял письмо болгарского царя и начал его читать:

Его Высокопревосходительству господину Сталину

По независящим от нас причинам народы Болгарии и России оказались во враждебных военных лагерях. К счастью, Россия и Болгария пока не воюют друг с другом, но это может в любой момент измениться.

Фюрер Германии Адольф Гитлер постоянно требует от меня, чтобы я послал болгарские войска на Восточный фронт. Как Государь, заботящийся о благе своих подданных, я не могу допустить их участия в братоубийственной войне. Но в таком случае Германское командование угрожает оккупировать нашу маленькую несчастную страну. Мы знаем, чем это грозит болгарскому народу, и заранее скорбим о нём. Всем хорошо известны зверства немцев в Греции, Югославии, Польше, России.

Взвесив все обстоятельства, я решил, что если нам предстоит выбирать между немецкой или русской оккупацией, то мы

выбираем русскую, и готовы верить себя и наш народ Вашему Высокому покровительству. В случае, если вы решите прислать в Болгарию свои войска, им будет оказано всяческое содействие, и весь болгарский народ встанет на защиту своей Родины от немецкой оккупации. В противном случае мы умоляем Господа о том, чтобы Он проявил свою милость к Нашему народу и спас его от гибели.

Передаю это письмо через людей, которые, как нам известно, пользуются полным Вашим доверием. Если изложенное здесь станет известно за пределами России, нашу Болгарию постигнут величайшие бедствия, несравнимые даже со зверствами турецких орд.

Царь Болгарии Борис III
Писано 03.02.1942

Несколько раз прочитав послание болгарского монарха, Сталин вздохнул, медленно положил бумагу на стол и прошёлся по кабинету.

– Эка его проняло! Нет, товарищ Ларионов, как говорил в своё время Владимир Ильич, это действительно архинужное и архиважное письмо! Это тоже победа советского оружия, причём достигнутая без единого выстрела. Вы сделали совершенно правильно, что передали это письмо лично мне в руки, минуя обычные для такого рода переписки каналы. У вас есть что-то ещё, что можно сказать на эту тему?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул вице-адмирал. – Болгарский царь был с вами не до конца откровенным. На самом деле его волнуют не столько угрозы Германии оккупировать его страну, сколько планы соседней Турции войти в состав антигитлеровской коалиции и на этом основании напасть на Болгарию, входящую в число союзников Третьего Рейха. Турецкие зверства там были упомянуты совсем не зря. Сведения о подготовке турецкого вторжения в Болгарию были получены путём радиоперехвата. Кроме того, самолёты-разведчики зафиксировали переброску турецких войск с Кавказского ТВД на Европейский.

– Значит не всё так просто, товарищ Ларионов? – быстро спросил Верховный Главнокомандующий.

– Совсем не всё так просто, товарищ Сталин, – вздохнул вице-адмирал Ларионов. – Кроме всего прочего, всё это крайне несвоевременно. Не та фаза войны. Сейчас Болгария для нас, как чемодан без ручки. И нести тяжело, и бросить нельзя. Как мне известно, у нас сейчас нет в наличии свободных войск, которые у нас просит царь Борис. Две армии, которые

сейчас выводятся из Ирана, наверняка понадобятся на другом участке фронта. Образно говоря, у нас сейчас нет лишних четверти миллиона солдат, а если они и есть, то они совсем не лишние.

Сталин некоторое время молча ходил по кабинету, потом посмотрел на вице-адмирала Ларионова.

– Ви совершенно правы. Действительно, сейчас у Красной Армии нет ни одного лишнего бойца, ни одного. Но и бросать Болгарию на произвол судьбы мы тоже не можем, потому что тогда ни одна страна не захочет быть союзником СССР. Придётся им помочь.

– Товарищ Сталин, тут надо подходить, как говорится "тщательнее". С одной стороны, мы должны предотвратить удар Турции по Болгарии....

Верховный кивнул.

– Вы правы, товарищ Ларионов. Турки для нас не союзники, а скорее шакалы, которые почуяли запах поживы и теперь стремятся присоединиться к сильному. Между прочим, всего пару месяцев назад эти войска готовились напасть на наше Закавказье, а сейчас поворачиваются совсем в другую сторону. Мы должны удержать их от этого шага, но без того, чтобы показать наш интерес к самой Болгарии. Что говорит об этом ваш иновременной опыт? Ведь ваше соединение готовили как раз против Турции.

Вице-адмирал Ларионов сначала задумался, потом ответил:

– Товарищ Сталин, как было сказано в одной хорошей комедии, "тот, кто нам мешает, тот нам поможет." Во-первых, угроза нападения Турции станет основанием для того, чтобы Болгария не посылала свои войска на фронт, а напротив, требовала для их усиления новейшее немецкое оружие и боеприпасы. Пусть Риббентроп устроит истерику президенту Инёню, тому полезно.

А наш НКВД, в свою очередь, должен заявить, что любые действия предпринятые Турцией самовольно, без согласования с нами, будут предприняты ею на свой страх и риск. У нас свои планы операций на советско-германском фронте, и мы совсем не собираемся их менять в угоду турецкой военщине. Кроме того, никакого формального союза между нами нет, а в таких условиях их вступление в войну будет выглядеть чистой авантюрой. Но мы его обязательно заключим, и тогда, разумеется, предпримем совместные наступательные операции. Турецкий пёс должен сидеть на цепи, время от времени гавкать и ждать, пока ему не бросят кость. Это что касается Турции. Болгария в таком варианте будет увеличивать армию, выпрашивать у Германии танки, самолёты, артиллерию, и вообще, всячески демонстрировать обеспокоенность. Пусть

царь Борис потребует размещение немецких частей вдоль турецкой границы...

– И какая в этом для нас выгода? – скептически спросил Сталин.

Вице-адмирал Ларионов кивнул.

– Всё достаточно просто. Ввод нашего экспедиционного корпуса в Болгарию надо приурочить к летнему немецкому наступлению. Точнее, к его разгрому. Товарищ Сталин, есть одно слово, которое действует на Гитлера как запах валерьянки на кота. И это слово – Нефть! Ближе к лету, по перемещению войск станет ясно, какой именно вариант наступательной операции выбрали немцы. Но совершенно очевидно, что главный удар будет нацелен на Кавказ. В том, что они ещё будут наступать и на Сталинград, я сейчас совершенно не уверен. Сил, по сравнению с нашим прошлым, у немцев значительно меньше, но с бесноватым фюрером всё может быть – подпишет директиву – и будут наступать как миленькие.

Но, товарищ Сталин, обсуждать сейчас детали этой операции бессмысленно. Товарищи Василевский, Жуков, Конев, Бережной справятся с этим лучше меня. Главное, чтобы это сражение сыграло здесь ту же роль, что и разгром немецкой "Цитадели" в нашей истории. Но на год раньше. А если одновременно с этим ввести войска в Болгарию, то, пожалуй, можно будет попробовать одновременно заставить Румынию сменить сторону в войне. Если дела у немцев пойдут скверно, достаточно будет убить или арестовать Антонеску, как король Михай совершит государственный переворот и повернет штыки своей армии против немцев и, особенно, венгров. По крайней мере, в нашей истории он именно так и сделал. А пока мы должны тянуть время, выяснять немецкие планы и готовиться, готовиться, готовиться. Лето сорок второго года решит, сколько ещё продлится война – два года или четыре-пять. Если наши генералы повторяют все свои ошибки прошлой истории, то не будет нам прощения.

– Согласен с вами, – Сталин покрутил в руках карандаш. – Поскольку царь Борис так доверяет вам, то придётся возложить на вас как переписку с ним, так руководство этой операцией. Все доклады – только мне лично, и только в этом кабинете. Подготовьте необходимые расчёты по высадке сил и средств, необходимых для обороны Болгарии. В качестве ложной цели для десанта в целях отвлечения германского командования в документах пусть фигурирует Одесса. Мы её, конечно, тоже освободим, но по-другому – с суши.

Сталин немного помолчал, держа паузу.

– Вы меня поняли, товарищ Ларионов?

– Так точно, товарищ Сталин, понял, – ответил вице-адмирал. –

Довести до болгарского царя Бориса наши пожелания по внешней политике Болгарии и приступить к планированию десантной операции.

– Правильно, товарищ Ларионов, – кивнул вождь. – А турок немного придержит НКВД. Пока вашего Громыко на это дело поставим, а потом посмотрим.

Сталин прошёлся взад вперёд по кабинету.

– Скажите, как вы видите будущее нашего флота на послевоенный период?

– Товарищ Сталин, если будет выполнена программа максимум, которую нам тут изложил генерал-майор Бережной, то для сдерживания американского флота на рубежах Атлантики и Тихого океана нам будет необходима:

Во-первых, сильная противолодочная оборона. Как ближней зоны, по охране непосредственно побережья и портов, так и дальней зоны, вынесенная далеко вперёд. Корабли должны быть дополнены противолодочными самолётами, способными длительное время барражировать над морем. Это могут быть как летающие лодки, так и обычные сухопутные самолёты морской авиации.

Во-вторых, основой противокорабельной обороны должны стать торпедные подводные лодки, самолёты с противокорабельным вооружением и береговые установки, как ракетные, так и ствольной артиллерии соответствующих калибров. Всё это должно быть сверху прикрыто истребительной авиацией, зенитными батареями и зенитно-ракетными комплексами...

Неожиданно Сталин спросил:

– Скажите, товарищ Ларионов, а что нам делать с уже заложенными линкорами типа "Советский Союз" и линейными крейсерами типа "Кронштадт"? Как я понимаю, они уже устарели?

– С одной стороны, да, – честно признался вице адмирал. – Побойце у португальских берегов, знаете ли, заставляет задуматься. С другой стороны, линкор в составе ударной и десантной эскадры – это важный элемент боевой мощи. Кроме того, и на "Советском Союзе", и на "Советской Украине" пока все застопорилось на стадии корпусных работ. Как я догадываюсь, товарищ Курчатов уже начал работу над Бомбой и Реактором?

В ответ Сталин только молча кивнул, подтверждая догадки собеседника.

– Тогда пусть у СССР будут первые в мире линкоры с атомной силовой установкой. На надводном корабле не такие жёсткие требования по

габаритам, как на подлодке, так что начинать можно и так.

Кроме всего прочего, пересмотреть комплекс вооружения. Орудия желательно иметь такие, чтоб могли стрелять как обычными снарядами, так и крылатыми, и зенитными ракетами. За образец можно взять наши гладкоствольные танковые пушки для стрельбы снарядами с отделяемым поддоном. Стреляем снарядом – имеем относительно дешевое поражение целей на дальности 20-30 км. Стреляем ракетами – дальность вырастает в десять-пятнадцать раз, но каждый выстрел влетает в копеечку. Всё это для отработки технологий и натаскивания команд. Если у нас будет военное кораблестроение всей Европы, то в случае острой необходимости два линкора превратятся в двадцать или даже сорок.

– Вы считаете, что на первом этапе опыт инженеров и моряков будет важнее количества? – переспросил Сталин.

– Так точно, – ответил Ларионов. – Немцы нам смогут наклепать большое количество кораблей и очень качественно. Но если мы не будем знать, что им заказывать...

Немного помолчав, Ларионов продолжил.

– В качестве образца авианосца необходимо использовать "Кузнецов". Для него только надо будет создать подходящую авиагруппу, ибо эта не дотянет и до конца нынешнего года. Просто выработает моторесурс. Авиагруппа может быть как поршневой, так и реактивной, хотя, впрочем, это тема отдельного разговора. Две ударных эскадры – одна на Тихом и одна на Атлантическом океане – должны обеспечить СССР возможности вести активную политику на большом удалении от своих берегов. В общем, для этого их американцы и создавали их в наше время.

– Понятно, товарищ Ларионов, – Сталин пожал адмиралу руку. – Теперь мы будем думать над этим вопросом, ибо думать на перспективу крайне полезно. Когда нам ещё понадобится ваш совет, мы вас обязательно позовем. Всего наилучшего, до свиданья.

10 февраля 1942 года. Полдень. Восточная Пруссия. Объект "Вольфшанце". Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, рейхсмаршал Герман Геринг, командующий Кригсмарине адмирал Эрх Редер, команующий подводными силами адмирал Карл Дёниц, глава ОКВ

генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, министр вооружений Фриц Тодт, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Три дня, прошедшие после пленения Гейдриха и фон Клюге русскими парашютистами, Гитлер вообще не показывался на людях. В подземелья Вольфшанце медленно, подобно ядовитому газу вползал страх... Страх перед тем, что Россию не удалось разгромить одним ударом. Страх перед необъяснимым поражением армий фон Манштейна, Гота, Клейста. Страх перед тем грозным затишьем, что наступило на фронтах в первых числах февраля. Никто не сомневался, что ещё до начала весны Восточный фронт снова взорвётся серией разящих ударов – но где и когда? Штабисты часами просиживали над картами, пытаясь понять, какое же направление выберет противник для своей последней зимней наступательной операции. ОКХ разделился. Сторонники ленинградского направления предсказывали удар Волховского фронта вдоль железной дороги Москва – Ленинград. Но их оппоненты справедливо указывали на то, что самую большую группировку моторизованных частей русские собрали против группы "Центр", а значит, последует наступление на Смоленск. Вот и Гейдриха с фон Клюге русские похитили именно там. Склоки между двумя группами штабистов достигли невероятного предела, ибо свои совсем скудные резервы III Рейх мог направить только на одно направление, либо к Москве, либо к Петербургу, как упрямо называли немцы город Ленина.

Сейчас же в зале для совещаний собрались почти все бонзы фашистской Германии. Не хватало только Бормана. Но все знали, что всё сказанное здесь будет ему известно. Настроение у собравшихся было похоронным. Они, если не понимали умом, то чувствовали задницей, что речь идёт не о простых неудачах на советско-германском фронте. Речь сейчас шла о другом: жить им всем или умереть в горниле той самой войны, которую они так необдуманно развязали. А может, для кого-то конец в подвале гестапо наступит несколько раньше, чем для остальных. Как-то невольно перед приходом Гитлера присутствующие выстроились в один ряд, как провинившиеся ученики перед приходом строгого учителя.

Гитлер вошёл, почти вбежал, и тут же, у порога, остановился как вкопанный, внимательно оглядывая собравшихся, будто выбирая с кого начать.

– Генрих! – обратился он к Гиммлеру. – Как РСХА могла допустить, чтобы в нашем тылу произошло такое? Почему эти болваны не сумели защитить одного из лучших наших людей? О фон Клюге я не говорю, но Гейдрих! Генералов у нас и так слишком много, они как тараканы, сколько

не дави – меньше не становится. А вот такие люди – наперечёт. Теперь любой из нас, выезжая на Восточный фронт, может стать жертвой бандитов.

Перед своим исчезновением Рейнхард сообщил мне, что самолёты с его командой были атакованы перед самой посадкой на аэродром в Смоленске. Тридцать лучших специалистов ОКХ, абвера, СД, гестапо, Крипо погибли в ужасной катастрофе. Он считал, что такое возможно лишь в том случае, если большевики заранее получили всю информацию о его перелёте. А это значит, что ИЗМЕНА проникла на самый верх.

Генрих, разрешаю вам самые строгие меры, но очистите нас от скверны. Та дерзость, с которой большевики начали действовать в последний месяц, говорит только об одном – мы гниём заживо.

Гитлер резко развернулся в сторону начальника ОКХ.

– Чего нам ждать дальше, Кейтель? Большевистского десанта прямо нам на голову? Это я вас спрашиваю! У вас украли командующего самой крупной группой армий, а вы ведёте себя так, будто потеряли носовой платок. Кто следующий из ваших хваленых генералов, подняв руки, пойдёт в большевистский плен? А?! Кто, не слышу?! И вы, и они, только и можете, что жаловаться на погоду, износ техники, нехватку горючего и большие потери в живой силе. Что вы будете делать, когда большевики ударят в следующий раз? Молчите. И кстати, раз должность командующего группой армий "Центр" стала вакантной, то чуть позже я сам назначу человека на этот важнейший участок работы.

Гитлер шагнул к Герингу.

– Теперь вы, рейхсмаршал. Русские истребители в нашем тылу чувствуют себя как дома. Всего один самолёт во время всего лишь одной атаки сбил два транспортных "юнкерса" и скрылся безнаказанным. Вот это ас, с холодной головой и твердой рукой. Ваши мокрые курицы из авиакорпуса "Германия" не смогли даже обстрелять его.

Я оставил бы их на Восточном фронте. Большевистские асы быстро научат их вертеть головой и думать тоже ей, а не задницей. Вас, Геринг, тоже неплохо бы отправить на Восточный фронт простым пилотом. Так сказать, вспомнить молодость. Только, к нашему несчастью, такого борова как вы, не поднимет в небо ни один истребитель.

Махнув рукой, Гитлер сменил тему.

– Да, мне докладывали, что Мессершмитт работает над новым перспективным реактивным истребителем, преимуществом которого должна стать большая скорость. Герр рейхсмаршал, вы вместе с герром Тодтом должны как можно скорее наладить серийный выпуск этой

машины. Люфтваффе в ней очень нуждается. Я сказал: как можно скорее! Потому что германские самолёты должны стать самыми лучшими. И вооружите этот истребитель самым мощным оружием, какое только найдёте. Он должен сбивать русские и английские самолёты с первой же атаки. И ответьте мне ещё на один вопрос.

Неожиданно Гитлер заорал.

– Почему вы до сих пор не разбомбили к чертовой матери этот проклятый аэродром, с которого взлетают русские реактивные монстры!

– Мой фюрер, – пропыхтел тяжело дышащий Геринг, – мы пытались. В течение последнего месяца несколько раз наши бомбардировщики атаковали этот аэродром. Кроме секретных самолётов у большевиков там базируется эскадра тяжёлых бомбардировщиков ТБ-7. Но каждый раз большевики каким-то образом заранее узнавали о наших планах. Мы потеряли более пятидесяти самолётов всех типов, но ни один наш самолёт не сумел даже близко подойти к этому аэродрому. Потеряно множество опытных экипажей, поскольку большевики сбивают наши самолёты исключительно над своей территорией.

– И что вы предлагаете, Геринг? – выкрикнул Гитлер. – Оставить их в покое? Соберите сто, двести, пятьсот, тысячу бомбардировщиков! Пусть их оборона просто захлебнется! Разнесите это гнездо вдребезги, чтобы там не осталось и камня на камне. Снимайте бомбардировочные эскадры из Франции и Голландии, на Восточном фронте они нужнее. Вы должны концентрировать свои силы на самом главном направлении, а Англия пусть подождёт, пока мы разбираемся с большевиками. Вам всё ясно?

Геринг мёртвой хваткой вцепился в свой рейхсмаршальский жезл, вытянулся и громко рявкнул.

– Так точно, мой фюрер!

– Вот то-то же

Нервным движением Гитлер поправил спадающую на глаза челку.

– Господа! С этого момента мы начинаем новый этап в нашей кампании на Восточном фронте – тотальную войну. Мне сообщили, что банды русских, польских и сербских повстанцев взрывают в нашем тылу дороги и мосты, убивают немецких солдат. Никакой жалости к упрямым русским унтерменшам. В конце концов, если нам потом понадобятся рабы, то мы сможем привезти негров из Африки.

– Герр Тодт, составьте план, где и сколько рабочей силы вам понадобится, поскольку тех, кто окажется лишним, мы обязательно уничтожим.

– Мой дорогой Генрих, – обратился теперь он к Гиммлеру, –

подготовьтесь к окончательному решению славянского вопроса. Поскольку мы не сможем перемещать такие массы недочеловеков к местам их уничтожения, то всё должно быть сделано прямо на месте. Для исполнения акций старайтесь использовать местные отбросы с расчётом на то, что позднее и они тоже будут подвергнуты экзекуции. Очистку территории начнёте с Генерал-губернаторства, после чего методично двигайтесь на восток – в Вайсрутению и Украину. Ни один славянин не должен оставаться в живых за исключением тех, кого герр Тодт отберёт для производства самых простых и тяжёлых работ.

– Вы, Редер, переведите все ваши крупные корабли в Нарвик. Большевики начали получать из Америки военные грузы – это надо немедленно пресечь. То же самое касается и вас, Дёниц. Англия после смерти Черчилля теперь не опасна. Нацельте свои лодки на русский север, на маршрут, по которому Сталин может получать помощь от Рузвельта. Ни один корабль не должен добраться из Америки до Мурманска или Архангельска. Наши японские друзья обещали нам проделать то же самое в отношении блокады Владивостока. Да, Карл, ваши мальчишки пока не обнаружили в Атлантике пропавшую большевистскую эскадру?

– Никак нет, мой фюрер, – отрапортовал главный подводник рейха. – Никаких сообщений об обнаружении этой эскадры не поступало!

А сам подумал: «Видимо никто из тех, кто увидел эти проклятые корабли в свой перископ, не прожил столько, чтоб успеть радировать об этом. Несколько лодок исчезли в центральном районе Атлантики одна за другой. Район примерно известен, и он смещается к Северу. Русские идут туда же, куда фюрер только что послал весь наш флот. И говорить об этом фюреру нельзя, иначе он прикажет искать и атаковать эту эскадру, а это вам не расстреливать торпедами беззащитный британский линкор. Поиск этой эскадры приведёт только к напрасным потерям. Пусть с ней потягуются парни Редера, а мы посмотрим. Не зря же с самого начала войны за ними не водилось никаких подвигов кроме утопленного в том безумном рейде британского линейного крейсера "Худ". Правда, англичане потом отквитались, поймав "Бисмарка" всем своим флотом метрополии. Но это была уже совсем другая история, не бой один на один, а целая свора охотничьих псов против одинокого волка».

А тем временем Гитлера несло.

– Вы, Кейтель, обеспечьте переброску резервов к Смоленску. Последние события показывают, что именно там и будет нанесён следующий удар. Пусть войска строят оборону и готовятся стоять насмерть. Вы что-то хотите сказать?

– Так точно мой фюрер! – вытянулся Кейтель. – Фронтная разведка докладывает о переброске на их Западный фронт большого количества войсковых резервов, как доставленных из Сибири, так и переброшенных с южного участка фронта и Ирана.

– Вот видите! – как ребёнок обрадовался Гитлерб – Я был прав, и напоследок большевики постараются отогнать наши войска на сотню-другую километров. Как будто это что-то решит в окончательном споре, кому жить под этим солнцем, а кому умереть. Оттяните вглубь то, что у вас осталось от 2-й и 4-й танковых армий, пополните части техникой и людьми. Нам нужно иметь наготове тяжёлый броневой кулак, который опрокинет большевиков, измотанных штурмом неприступных позиций нашей пехоты и решительным ударом, наконец, возьмет Москву.

Всё, господа. Вы все свободны. Надеюсь, вы надлежащим образом послужите Третьему рейху? Нет-нет Генрих, – окликнул хозяин кабинета Гимmlера, – вы оставайтесь. У меня к вам отдельный разговор.

11 февраля 1942 года, 02:00, Норвежское море, траверз Нарвика. Сводная эскадра особого назначения. РК "Москва". Адмирал Кузнецов Николай Герасимович

Шестнадцать суток в пути корабли сводной эскадры особого назначения. Более шести тысяч миль из Чёрного моря в море Норвежское. Сразу за Гибралтаром адмирал Кузнецов перенес свой флаг на ракетный крейсер "Москва". Визуальных контактов с так называемыми "союзниками" больше не предвиделось, а "Москва" предоставляет командующему куда больше возможностей, чем лидер "Ташкент".

Здесь, за Полярным кругом, сейчас царит вечная полярная ночь. Северный ветер периодически швыряет в корабли снеговые заряды. В такую погоду люфтваффе спокойно сидят на своих базах, и лишь шальная подлодка немецкой 11-й флотилии может оказаться на пути у каравана. Но адмирал Кузнецов убедился: не подводная лодка страшна каравану, а он ей. "Североморск", "Ярослав Мудрый", "Сметливый" – это настоящие охотники за подлодками. Да и ракетный крейсер "Москва" хоть тяжеловат для погонь за субмаринами, но тоже неплохо вооружен для борьбы с ними. А вообще, смысл его присутствия в составе эскадры не только в функциях штабного и флагманского корабля, но и как носителя двенадцати противокорабельных ракет "Вулкан", тихо дремлющих в стартовых

контейнерах. Смертельно опасные подарки для немецких тяжёлых кораблей – линкора "Тирпиц", тяжёлых крейсеров "Адмирала Хиппер", "Адмирала Шеер", "Лютцов". "Шарнгорст", "Гнейзенау" – покоятся на дне Бискайского залива, а "Принцу Ойгену" после Лиссабонского побоища предстоит длительный доковый ремонт в Бресте. А ведь кроме "Москвы" в ближайшее время сюда подтянется дизель-электрическая лодка-невидимка "Алроса" и АПЛ "Северодвинск", которая сейчас поделывает какие-то абсолютно секретные дела у берегов Северной Америки.

С самого начала этот корабль хоть и был включен в операцию, но под непосредственным руководством Самого. Адмирал Кузнецов мог только догадываться, какие задачи могли поставить в Кремле столь совершенному боевому кораблю и его команде. Но в случае проведения операции стратегического уровня адмирал чётко знал, что Верховный ему не откажет. Если, конечно, в это время "Северодвинск" не будет занят решением ещё более масштабных задач.

Пока особая эскадра шла в Северные моря, три немецких лодки типа VIIIС в Атлантике и одна в Норвежском море не сумели вовремя с ней разминуться и нашли свой конец в морских глубинах. Чуткие уши гидроакустических комплексов, изготовленных в конце XX и начале XXI века, обнаруживают противника ещё на дальних рубежах. А потом в ход идёт или артиллерия, если лодка находится в надводном положении, или реактивные бомбометы. Один раз лодка заняла позицию прямо по курсу эскадры. Немецкий подводный ас думал, что надёжно затаился. Но вылетевший в район её предполагаемой позиции противолодочный вертолёт очень быстро поставил точку в его карьере. Фантазмагорическая картина – зависнувший в воздухе вертолёт по одной аккуратной укладывает в волны противолодочные бомбы. Причём точно на подлодку, находящуюся на перископной глубине, и поэтому отчётливо видимую с высоты, словно шевелящий плавниками сом. Взрывы, среди них один, особенно сильный, – и вот уже на поверхности воды расплывается жирное масляное пятно, а акустики докладывают, что лодка получила повреждение прочного корпуса и теперь идёт на дно. Впрочем, и атака реактивными бомбометами, и пуск противолодочной торпеды тоже зрелище весьма впечатляющее. Но куда больше, наверное, впечатлились попавшие под раздачу немцы. Вот только это уже их проблемы, сами выбрали себе Гитлера в рейхсканцлеры, сами пусть и расхлебывают.

Сейчас, когда до Мурманска осталось около шестисот морских миль, соединение должно было приступить к одной из главных своих задач – морской блокаде Альпийского корпуса генерала Дитля, ведущего сейчас

бои на подступах к Мурманску. Сухопутная дорога, соединяющая Финляндию и Петсамо труднопроходима летом и почти непроходима зимой. Генералу Дитлю немцы вынуждены везти морем каждого солдата, каждый патрон, каждую пару сапог и каждую шинель. Немецкие морские конвои регулярно ходят по маршруту Гамбург – Тронхейм – Нарвик – Киркенес. Туда корабли везут всё, что необходимо для войны, а обратно – норвежский никелевый концентрат из Киркенеса и шведскую железную руду из Нарвика. Большие потери немецкой армии в танках на юге и под Москвой резко обострили так называемый "железный голод" германской промышленности.

Подбитые танки – это не такая уж страшная беда. На заводах Рура металл переплавят и изготовят из него новую, ещё более совершенную технику для вермахта. Но случилось так, что почти полторы тысячи обгорелых железных коробок остались на территории, освобожденной советскими войсками. И теперь этот металл, пройдя через мартены Магнитки, будет воевать против своих бывших хозяев.

Адмирал Кузнецов знал, что теперь только советский Северный флот, усиленный эскадрой особого назначения, сможет накинуть удавку на шею группировки Дитля и обеспечить спокойное прохождение конвоев от Исландии к Мурманску. Ещё немного времени, и то же самое поймёт Гитлер, приступив к переброске всех наличных крупных кораблей кригсмарине в Арктику. Не стоит забывать и про отстаивающихся в Тулоне французов. Правда, о них Редер с Гитлером могли бы подумать, если бы спаслись команды "Шарнгорста", "Гнейзенау", да и "Бисмарка" год назад. А так как корабли обычно тонут вместе с обученными командами, а желание французов воевать за Третий Рейх чуть меньше, чем никакое, то отстаивающиеся в Тулоне корабли – не более, чем мёртвый металл. Германия никогда не обладала ни крупным морским флотом, ни значительным кадровым резервом. Поэтому французов можно пока не опасаться. Как и итальянцев, которые, воспользовавшись гибелью двух британских линкоров, развернули в Средиземноморье лихорадочную деятельность. Роммель пока ещё не взял Тобрук и не двинулся к Эль-Аламейну, и чёрт его знает, как оно пойдёт у англичан на этот раз, после смерти Черчилля.

В той истории им удалось отбить итало-немецкое наступление в направлении Суэцкого канала, но совершенно неясно, что у них получится теперь. Нет, итальянский флот на север не придёт. Чтобы такое случилось, Гитлера должен одолеть несносный Арктический зуд.

Полуночные размышления адмирала о стратегической ситуации на

морях были прерваны экстренным звонком из ГКП. На протяжении всего похода вертолёт ДРЛО регулярно поднимался в воздух над "Москвой" ради выяснения обстановки на дальних подступах к эскадре. Именно он помог Кузнецову благополучно разминуться с парой американских крейсеров, бог знает кого разыскивавших в центре Атлантики.

Вот и теперь, именно этот вертолёт, взлетевший с палубы "Москвы" несмотря на мерзкую погоду, обнаружил впереди, в ста двадцати километрах и почти под самым норвежским берегом группу из десятка с лишним крупных морских целей под эскортом кораблей помельче. Это мог быть только один из конвоев снабжения армии Дитля, то есть цель для эскадры особого назначения вполне законная. Его выход в море из Тронхейма с заходом в Нарвик был обнаружен радиоперехватом ещё тогда, когда эскадра особого назначения проходила между Фарерскими островами и Исландией.

И Николай Герасимович сразу же решил, что армия Дитля получит вместо ожидаемых грузов дырку от бублика. Ну и, в конце концов, как только он приведёт эскадру в Мурманск, то сразу же сдаст её под командование контр-адмирала Головки, а сам вылетит в Москву исполнять свои основные обязанности главкома флота. А ведь так хочется самому принять участие, пусть не в настоящем морском сражении, так хоть в охоте на конвой! И вот теперь этот час настал.

Через четверть часа, застёгнутый на все пуговицы Кузнецов поднялся на ГКП. Из прочитанных книг он помнил, что, как правило, немцы прокладывали свои маршруты под самым берегом, на самых угрожаемых участках прикрывая их со стороны моря завесой особых противолодочных минных полей. К моменту его прихода тактическая ситуация уже была нанесена на планшет, а дистанция до цели сократилась на три километра. Двенадцать транспортных судов, выстроенных в две нитки по шесть, возглавлялись, скорее всего, эскадренным миноносцем типа "Нарвик". А с тыла и со стороны моря конвой прикрывали суда поменьше, предположительно восемь тральщиков-восьмисоттонников. Десять узлов скорости хода немецкого конвоя против шестнадцати узлов у особой эскадры.

Через десять часов немецкие корабли должны были оказаться в пределах досягаемости артиллерии ракетного крейсера "Москва", а ещё полчаса спустя – и остальных кораблей эскадры. Но никто не собирался ждать так долго. На "Ярославе Мудром" и "Североморске" было ещё одно оружие, способное поразить немецкие транспорты прямо с такой дистанции.

Ракеты "Уран" обладали не только достаточной дальностью и боевой частью, достаточной для потопления транспортного судна, но и ещё одним неоспоримым достоинством. Эти самые современные на 2012 год ракеты малого радиуса действия класса корабль-корабль были специально спроектированы с расчётом на перезарядку прямо в море. Да что там перезарядка пусковых! Поставленная в Индию на экспорт, эта система была даже смонтирована на нескольких эсминцах прямо во время несения теми боевого дежурства в Индийском океане. Было это во время очередного индо-пакистанского обострения, и индийское командование не рискнуло отзывать корабли в базы для переоборудования. И ведь получилось у российских спецов! А тут на "Борисе Бутومه", который, как известно не просто танкер, но комплексный корабль снабжения, имеется в наличие ещё два боекомплект ракет для пусковых установок "Ярослава Мудрого" и "Сметливого". Ещё несколько контейнеров, находившихся в трюмах "Колхиды", были направлены в Мурманск по железной дороге.

Этого, конечно, маловато, чтобы утопить весь немецкий транспортный флот, но вполне хватит, чтобы смешать им карты здесь на севере. В той истории, например, за весну 1942 года группировка люфтваффе была увеличена более чем вдвое и сумела завоевать полное господство в воздухе. Но какой смысл гнать самолёты туда, куда для них невозможно доставить ни топливо, ни боеприпасы. И это при том, что в тылу советских войск остаётся действующая Кировская железная дорога, связывающая Кольский полуостров со всей остальной страной.

Вот отданы все необходимые команды, и мрак полярной ночи разрывает багровое пламя стартовавшей из пусковой установки "Ярослава Мудрого" ракеты. Отгорел и упал в воду пороховой ускоритель, дальше ракету понёс к цели обычный турбореактивный двигатель. От своих братьев, установленных на самолётах, он отличался только размерами и ещё тем, что рассчитан только на один полёт, максимум десятиминутный. Головка самонаведения ракеты должна была выбрать из всех целей самую крупную. Подлётное время до цели – восемь минут.

Оставалось только подождать и через полчаса выполнить второй пуск. Такой промежуток времени выбран в расчёте на то, что за полчаса немецкое судно, получив повреждение, утонет или погрузится в воду настолько, что значительно уменьшит свой ЭПР. Эта мера должна была свести к минимуму двойные попадания. Тратилось только время, но его в запасе было достаточно. Кроме того, восемь часов издевательств, когда ровно каждые тридцать минут что-то поражает очередной транспорт, должны были совершенно свести с ума эскорт. Первое, что о чём они

подумают, это о подкравшейся на дистанцию прямого выстрела советской или британской подлодке, так что сразу же начнут "танцы" по её обнаружению и потоплению. Что, естественно, будет совершенно бессмысленно, потому что ЭТОЙ кошки в этой тёмной комнате просто нет.

Перенесёмся вместе с первым "Ураном" на сотню километров вперёд и посмотрим на немецкий конвой, который пока не подозревает о том, что обнаружен, измерен, взвешен и признан "годным к употреблению".

Ракета поразила идущий третьим со стороны берега переоборудованный в плавучую казарму пассажирский пароход "Карл Бромберг". Более двенадцати тысяч тонн водоизмещения, и отсутствие на борту взрывающихся и горючих грузов делали его малоуязвимым для ракет типа "Уран".

НО! На его борту было три с половиной тысячи альпийских стрелков, а взрыв боевой части ракеты, угодившей в борт всего в метре над ватерлинией, вызвал повреждения в машине, пожар и течь в разошедшихся от взрыва клепаных швах подводной части. Повреждённый транспорт, замедляя ход, выкатился из колонны в сторону берега. Командир конвоя не решился бросить на произвол судьбы транспорт с войсками, и остальные транспортные суда тоже легли в дрейф, а тральщики начали напрасную суету в поисках подводной лодки. Пока палубная команда тушила разгорающийся пожар и подкрепляла переборки, локализуя повреждения подводной части, механики пытались восстановить паропроводы.

Но всё было напрасно: ещё одна ракета угодила в тот же "Карл Бромберг", по-прежнему остававшийся самой крупной целью в ордере. Это случилось уже тогда, когда до немецких моряков, наконец стало доходить, что надводная пробоина никак не могла стать результатом попадания торпеды. Дальше всё пошло по безнадёжному для немцев сценарию.

Второй взрыв рядом с первым, усиление течи, крен, надводные пробоины стали подводными. Потоки ледяной воды заливают угольные ямы и стремительно растекаются по котельному отделению, гася топки. Взрыв котлов, оверкиль, взметнувшиеся в небо неподвижные винты и руль. И вот уже на поверхности чёрных вод не осталось никого и ничего.

Только немцам удалось понять, что спасти некого, и собрав транспорты, начать движение, как яркое пламя озарило небосклон. Это ракета поразила транспорт, перевозящий бочки с авиационным бензином для авиабаз люфтваффе Банак и Хекбутен. В этом случае можно было бы сказать, что с горящим бензином не спорят. Конвой даже не стал замедлять ход, пытаясь хоть кого-то спасти.

Третьим стал транспорт, перевозящий обмундирование и снаряжение,

четвёртым ракету в борт схлопотал лидер эскорта, эскадренный миноносец Z-24. Проклятие кригсмарине – котлы на высоких параметрах пара, крайне ненадёжные в эксплуатации и нестойкие к боевым повреждениям. Лопнувшие при взрыве паропроводы заполнили машинное отделение паром с температурой четырёста градусов. Стерилизация и фумигация в одном флаконе. Из находящихся там на вахте не выжил никто.

Пока отдыхающие смены машинного и котельного отделений на эсминце пытались устранить повреждения, караван опять застопорил ход. И тут как раз взлетел на воздух транспорт, перевозящий боеприпасы. Бада-Бум-с! получился такой знатный, что через положенное время его слышали даже на настигающей немецкий конвой эскадре особого назначения.

Радиовопли с избиваемого конвоя наконец-то достигли берега. После долгих и упорных согласований, командование люфтваффе, наконец, выпустило в воздух на поиски обидчиков несколько поплавковых гидропланов He-115С с авиабазы Тромсё. Это были немногочисленные пилоты, которые уже имели опыт полётов в условиях полярной ночи. Заранее скажу, что два самолёта всё-таки совершенно случайно умудрились наткнуться на эскадру особого назначения. Но счастья это им не принесло. Если система ПВО способна обнаружить и уничтожить самолёт раньше, чем его пилот визуально разглядит идущие в режиме светомаскировке корабли, то шансов у такого самолёта уцелеть нет. Этот самолёт просто бесследно исчезает, становясь ещё одной жертвой бескрайней Арктики.

В восемь часов утра, конечно же, условного – полярная ночь, она и есть полярная ночь, – до остатков немецкого конвоя стали долетать 130-мм снаряды с "Москвы". К тому времени в его составе осталось всего два транспорта и шесть тральщиков.

Ещё через два часа все было кончено, конвой был полностью уничтожен. Не спасся ни один корабль, ни один человек. Потом волны ещё долго выбрасывали на побережье Норвегии обломки судов и трупы немецких матросов и солдат. А егеря Дитля, когда им сократили пайки, вдруг узнали, что такое костлявая рука голода. Чего они пока ещё не могли даже предположить, так это то, что больше в Киркенесс не придёт ни один немецкий караван...

**13 февраля 1942 года. 10:05. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово.
Летное поле**

Сегодня утром на аэродром ЛИИ ВВС неожиданно приехал сам товарищ Сталин. Какая-то особая атмосфера чувствовалась здесь уже с самого утра. Особисты бегали по всему аэродрому как растревоженные муравьи, караулы были удвоены, а пилотам 746 БАП ДД, и отдельной авиагруппы ОСНАЗ РГК, базировавшихся на аэродроме в Кратово, было ненавязчиво предложено привести свой внешний вид в порядок.

Около десяти утра к воротам аэродрома подрулила полуторка, гружёная бойцами НКВД, за ней две эмки с офицерами охраны, "Паккард" Сталина, штабной автобус и ещё одна полуторка. Немедленно началась суета, примерно такая, как в индийской мелодраме, когда происходящее оценивается тремя словами "Все бегают и поют". В тот момент, когда суета достигла своей кульминации, из "Паккарда" появился САМ, а из автобуса тем временем начали выходить одетые в партикулярное платье люди.

И были это не художники и артисты, не прочая творческая интеллигенция, ненавязчиво именуемая в наше время медиаклассом. Это были нынешние и будущие гении советской авиапромышленности: Петляков Владимир Михайлович, Туполев Андрей Николаевич, Лавочкин Семён Алексеевич, Ильюшин Сергей Владимирович, Микоян Артем Иванович, Гуревич Михаил Иосифович, Сухой Павел Осипович, Болховитинов Виктор Фёдорович, Антонов Олег Константинович, Мясищев Владимир Иванович.

Вслед за товарищем Сталиным из "Паккарда" вышел Лаврентий Палыч Берия. Так уж получилось, что именно он с самого начала курировал проект, который носил странный для непосвящённых шифр "20-12", странно похожий на служебный телефонный номер. Тех, кто пытался любопытствовать по этому поводу, быстро отправляли далеко и надолго.

Поздоровавшись с конструкторами, товарищ Сталин направился на территорию аэродрома в окружении Лаврентия Палыча, начальника своей охраны генерала Власика и авиаконструкторов.

Снег звонко поскрипывал под тёплыми валяными сапогами. Быстро миновав стоянку стратегических бомбардировщиков ТБ-7, с первого февраля переименованных в Пе-8, товарищ Сталин подошёл к затянутым масксетями капонирам, где стояли самолёты, перенесённые в 1942 год из далекого будущего. Авиаконструкторы, собравшись в тесную группу, заглядывали под маскировочные сети. Отсюда можно было разглядеть только острые как наконечники копий носы. Пилоты особой авиагруппы выстроились перед своими машинами. Первый капонир занимал скромный учебно-тренировочный Су-25 УТГ.

Полковник Хмелёв, как полагается, отдал рапорт.

– Товарищ Верховный главнокомандующий, личный состав отдельной авиагруппы ОСНАЗ РГК построен. Четыре пилота самолётов МиГ-29К, вместе с боевой техникой, находятся на авиабазе Черноморского флота в Саках. Больных и отсутствующих по неуважительным причинам не имеется. Командир авиагруппы полковник Хмелёв.

– Вольно, товарищи, – Сталин потряс головой, показывая, что рапорт полковника его оглушил. – Скажите, товарищ Хмелёв, вы в танкистах никогда не служили? Это они обычно такие громкоголосые.

– Никак нет, товарищ Сталин, – ответил полковник. – Только это сейчас тут тихо. А стоит запустить турбины хоть на одной машине, и танковый парк покажется детским криком на лужайке.

– Хорошо, – кратко ответил Сталин и вместе с командиром авиагруппы подошёл к капониру с Су-25.

Его взгляд остановился на подполковнике "Железняке". При этом на лице Василия не дрогнул ни один мускул. Сталин повернулся к полковнику Хмелёву и спросил:

– Скажите, товарищ полковник, а что может сказать командир авиагруппы о лётчике Железняке? О его напарнике, капитане Александре Ивановиче Покрышкине, мы слышали много хорошего. Как я понимаю, попав в состав вашей авиагруппы, он только подтвердил свою репутацию расчётливого и грамотного пилота. А вот товарищ Железняк ранее совершал поступки, несовместимые с его высоким званием и положением. А как сейчас обстоят у него дела с дисциплиной?

– Товарищ Сталин, – ответил подполковник Хмелёв, – если не считать нескольких мелких происшествий, подполковник Железняк, вполне соответствует занимаемой должности.

– Драку с пилотом соседнего полка вы считаете мелким происшествием? – нахмурился Верховный Главнокомандующий.

– За неё он был наказан согласно дисциплинарного устава, – отрезал полковник Хмелёв, – и отсидел на гауптвахте ровно столько же, сколько я назначил бы любому другому своему подчинённому. Тем более, что это была и не драка, а так, выяснение отношений с рукоприкладством.

– Ладно, – махнул рукой Сталин, – если он уже наказан... – и обратился к подполковнику:

– Смотри, Василий, если ты и здесь обосрёшься, то можешь больше вообще не показываться мне на глаза. Бэри пример со своего командира. Мне докладывали, что он тоже любит побезобразничать, но страдают от его проделок исключительно немцы. А вас, товарищ Покрышкин, мы благодарим за образцовое выполнение боевых заданий особой важности.

Есть мнение, что вам пора присвоить очередное воинское звание гвардии майор.

– Служу Советскому Союзу, товарищ Верховный Главнокомандующий, – ответил товарищу Сталину гвардии майор Покрышкин, который ещё полтора месяца назад был старшим лейтенантом. – Благодарю за доверие.

– Ви его вполне оправдываете, – кивнул Сталин и повернулся к строю. – Товарищи, от лица партии и правительства выражаю вам благодарность за тот неоценимый вклад, который вы внесли в нашу будущую Великую Победу. Благодаря вашим грамотным и умелым действиям люфтваффе за последние полтора месяца понесло на фронте сокрушительное поражение. Выбиты их зубы, отсечена их правая рука и охромели они на правую ногу.

Благодаря вашей помощи, наши ВВС, сильно пострадавшие от вероломного нападения фашистов, смогут оправиться и переломить ситуацию в небе войны в нашу пользу. Поскольку все вы делали одно дело, и делали его настолько хорошо, насколько могли, Указом Президиума Верховного Совета СССР всем вам присваивается очередное воинское звание, а также звания Героев Советского Союза с награждением медалью Золотая Звезда и орденом Ленина. В дальнейшем вы будете всё реже подниматься в небо, ибо ресурс техники не безграничен. Но помните, что каждое задание, которое вам доведётся выполнять, будет носить гриф "Особой важности". И ещё раз, дорогие товарищи – спасибо вам за всё.

Сначала над аэродромом царил абсолютная тишина, через несколько секунд взорвавшаяся бурными аплодисментами и криками «ура!».

– Товарищ генерал-майор авиации, – обратился Сталин к командиру особой авиагруппы, когда наступила тишина, – распускайте людей, нечего держать их на морозе. И скажите, где тут у вас есть место, где вы с вашим начальником инженерной службы могли бы устроить небольшое совещание с прибывшими со мной товарищами конструкторами? Вы не беспокойтесь, они уже дали все необходимые расписки, поскольку и сами каждый день творят что-то секретное.

– Товарищ Сталин, – сказал новоиспечённый генерал-майор авиации Хмелёв, – давайте пройдем в наш штаб. Там можно поговорить с соблюдением режима секретности. Правда, будет тесновато, но, надеюсь, все уместимся...

13 февраля 1942 года. 10:45. Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово.

Штаб авиагруппы ОСНАЗ РГК

В доме, выделенном авиагруппе ОСНАЗ РГК под штаб, места хватило всем. Да и как его могло не хватить, если вся авиагруппа в сборе насчитывала сейчас шестнадцать человек. И при необходимости они все собирались именно в этой комнате для обсуждения задания перед совместным вылетом. Сталин и Берия демонстративно отказались садиться в "президиум", а вместо этого поставили свои стулья в дальнем углу.

– Товарищ Хмелёв, это собрание будете вести вы, – сказал Сталин, – а мы с товарищем Берия будем смотреть и делать выводы. Мы собрали здесь самых лучших конструкторов и хотим, чтобы они с учётом вашего опыта создали для СССР самые лучшие самолёты. Все, товарищ Хмелёв, вы можете начинать.

Свежеиспечённый генерал-майор авиации вздохнул и подошёл к висящей на торцевой стене чёрной ученической доске.

– Товарищи, та техника, которую вы видели сейчас на лётном поле, на настоящий момент является завтрашним и даже послезавтрашним днём нашей боевой авиации. Но всему своё время. Для начала, давайте поговорим о дне сегодняшнем. А он, что называется, не блещет.

Начнём рассматривать ситуацию с истребителей. Созданные в начале 30-х годов самолёты моделей И-15, И-15бис, И-153 и И-16 на 1941 год уже не соответствовали требованиям, предъявляемым как к истребителям ПВО, так и к истребителям поля боя. Причиной этого является малая скорость и слабое вооружение. Единственным преимуществом этих самолётов является высокая манёвренность на малых и сверхмалых высотах. То есть, их нишей в современном воздушном бою является исключительно перехват в нижней точке траектории выходящих из пикирования вражеских бомбардировщиков. Ну, в крайнем случае, ещё их можно применять в качестве своего рода импровизированных штурмовиков, основным недостатком которых будет слабое вооружение и отсутствие броневой защиты.

С новыми самолётами тоже не всё гладко. У истребителя Як-1 слабый двигатель и недостаточно мощное вооружение. Но его конструктора среди нас нет, поэтому детально разбирать достоинства и недостатки этой машины мы пока не будем. Как-нибудь в другой раз. Скажу одно: при некоторой модернизации из "Яшки" получится целое семейство неплохих, и при этом достаточно дешёвых в производстве самолётов поля боя.

Возьмем для примера истребитель МиГ-3 конструкции

присутствующих здесь товарищей Микояна и Гуревича. Прекрасная машина на горизонтах в семь тысяч метров и выше. Там она превосходит всех соперников. Но основной горизонт воздушных боёв лежит на высотах от двух до пяти километров, а там преимущество в манёвренности переходит к немецким Ме-109. Это не значит, что товарищи Микоян и Гуревич должны, сломя голову, прямо сейчас броситься делать истребитель поля боя. Совсем нет. Возможно, товарищ Сталин, есть необходимость сразу разделить КБ на рабочие и перспективные. Именно КБ Микояна и Гуревича можно сразу нацеливать в день завтрашний и в паре с товарищем Люлькой поручить им создание наших первых реактивных самолётов. По формуле: скорость, высота, манёвр, огонь. В нашем прошлом они дали нам целую, не побоюсь сказать, плеяду реактивных истребителей: МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21, МиГ-23, МиГ-25, МиГ-29, МиГ-31. В качестве летающей лаборатории, пока не готов двигатель, можно использовать наработки КБ товарища Болховитинова по БИ-1...

Сталин кашлянул в своём углу, привлекая внимание.

– Товарищ Хмелёв, мы обдумаем ваше предложение. Есть мнение, что предложенное вами разделение КБ на занимающиеся доводкой существующей техники и на те, что работают на перспективу, значительно ускорит конструирование самолётов следующего поколения. Большевики должны думать не только о сегодняшнем дне, но и заглядывать на годы вперёд. Но о реактивной авиации речь у нас зайдет немного позже. Могу лишь вам сказать, что товарищи Королёв и Курчатов уже приступили к теоретическому этапу работ над своими задачами.

– Спасибо, товарищ Сталин, – кивнул Хмелёв, – это действительно важная новость. Так, что товарищи, к теме реактивной авиации мы вернёмся чуть позже, а пока продолжим разговор об истребителях с поршневыми двигателями.

Товарищ Лавочкин сейчас имеет в своём активе самолёт, именуемый в полках Лакированным Авиационным Гарантированным Гробом № 3. Недостаточная мощность двигателя, отягощённая большим весом конструкции из дельта-древеси́ны, и слабое вооружение, делают этот самолёт достаточно лёгкой добычей немецких лётчиков. Куда более лёгкой, чем упомянутый мною ранее МиГ-3.

Лекарство от этой болезни лишь одно – самолёту надо заменить двигатель и вооружение. Лучший авиационный мотор воздушного охлаждения всех времён и народов – это АШ-82ФН. И, товарищи авиационные конструктора, прекратите вооружать свои самолёты пулемётами винтовочного калибра, пусть даже и такими скорострельными

как ШКАС. У противника почти не осталось самолётов, кроме, может быть, транспортных и курьерских, которые можно было бы поразить из подобного оружия. Идеальное сочетание вооружения – это одна пушка калибром тридцать – тридцать семь миллиметров, стреляющая через вал винта, и две авиационных пушки калибром 20-мм в корне крыла или на капоте. Для звездообразного мотора воздушного охлаждения пушка, стреляющая через вал винта, естественно, исключена. Пилот должен иметь возможность выбора: стрелять только из пушки, только из пулемётов, или же давать залп из всего имеющегося вооружения. Такой быстрый манёвренный самолёт с мощным вооружением, предназначенный для завоевания господства в воздухе, нужен советским ВВС ещё вчера. В нашем прошлом – надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю – эти ваши самолёты в куда более тяжёлых условиях позволили сломить хребет люфтваффе и завоевать победу в воздухе. Авиацией войны не выигрываются, но именно авиация определяет, чья пехота и танки, в конце концов, окажутся победителями на поле боя.

– Товарищ Лавочкин, – снова обратил на себя внимание Сталин, – вы поняли, что сказал товарищ Хмелёв?

– Так точно, товарищ Сталин, понял, – встал со своего места авиаконструктор.

– Что вам нужно для того, чтобы уже к 1-му апреля вы смогли представить новую машину на государственные испытания, а в конце мая наша промышленность смогла бы приступить к её серийному производству?

– Товарищ Сталин, – ответил немного побледневший Лавочкин, – когда мы не смогли получить для модернизации ЛаГГ-3 двигателя водяного охлаждения М-107, мы самостоятельно приняли решение об установке на наш самолёт двигателя М-82 с воздушным охлаждением. Но...

– Что это за "но", товарищ Лавочкин? – недовольно спросил Сталин.

Хмелёв решил рискнуть и, используя своё особое положение, прийти на выручку Семёну Алексеевичу Лавочкину.

– Товарищ Сталин, – сказал он, – возможно, товарищ Лавочкин, хочет сказать, что его КБ испытывает административное противодействие со стороны ГКО и НКВД, организуемое одним, хорошо знакомым вам и не присутствующим здесь авиаконструктором. Именно под производство его самолётов будут переданы заводы, выпускающие сейчас ЛаГГ-3. Должен сказать, что ровно та же политика проводится этим конструктором и в отношении фронтового пикирующего бомбардировщика Ту-2.

Сталин был вне себя от гнева. Несмотря на то, что роковая фамилия

Яковлев так и не была названа, он сразу догадался, о ком идёт речь.

– Товарищ Берия, разберитесь, и если факты подтвердятся, то примерно накажите товарища Яковлева за то, что отстаивая, как говорят наши потомки "узкокорпоративные интересы" своего КБ, он опустился до самого настоящего вредительства. Модернизировать свои самолёты он сможет и находясь под арестом.

А вы, товарищи авиаконструкторы, не должны были мириться с таким положением. Нашим ВВС нужны действительно самые лучшие самолёты. Товарищу Лавочкину приступить к работам по модернизации ЛаГГ-3 немедленно. Всех недовольных этим фактом и хоть как-то препятствующих работе, тут же посылать подальше, то есть к товарищу Берия. Он им всё разъяснит. Только результаты государственных испытаний могут быть основанием для запуска модели в серию или для отправки её на доработку. Надеюсь, что нам больше никогда не придётся возвращаться к этому вопросу. Продолжайте, товарищ Хмелёв.

– Спасибо, товарищ Сталин. – кивнул генерал-майор. – Теперь товарищи, перейдем к бомбардировщикам. На Ту-2 я уже бегло останавливался. Оборудованный моторами АШ-82 он стал лучшим фронтовым бомбардировщиком Второй мировой войны и использовался в строевых частях советских ВВС вплоть до 1950 года. Бомбардировщик Пе-2 сохранил черты своего предка, высотного истребителя ВИ-100, и уступает Ту-2 по всем параметрам, кроме двух. Во-первых, он способен выполнять фигуры высшего пилотажа, что немыслимо для бомбардировщика, и во-вторых, он дешевле в производстве.

Товарищ Сталин, должен заострить ваше внимание на том, что как Ту-2, так и Пе-2 являются пикирующими бомбардировщиками, предназначенными для нанесения мощных высокоточных ударов по позициям противника. Но бомбёжка с пикирования, она и без всякой войны связана с риском повышенной аварийности, а посему командиры в войсках этот приём не отрабатывают, а наносят бомбовый удар с горизонтального полёта. Кстати, та же самая картина и в Люфтваффе. Бомбардировщики Ю-87, сведённые в эскадры, именуемые штурмовыми, наносят свои удары только с пикирования, и делают это мастерски. Бомбардировщики Ю-88А, тоже именуемые пикирующими, находятся в составе бомбардировочных эскадр и бомбят, как и наши пилоты, тоже в основном с горизонтального полёта.

– Товарищ Хмелёв, – спросил Сталин, – вы считаете, что нам нужно выделить пикирующие бомбардировщики в отдельный подвид ВВС, подобно истребителям и штурмовикам?

– Так точно, товарищ Сталин, дивизии и корпуса лёгких пикирующих бомбардировщиков Пе-2 должны находиться в распоряжении командующих фронтами. А полки и дивизии тяжёлых пикировщиков Ту-2 вместе с авиацией дальнего действия лучше передать в распоряжение Ставки Главнокомандования и использовать только в ходе стратегических операций. И ещё желательно изменить соотношение выпущенных Пе-2 и Ту-2 в пользу последних. В нашей истории за весь период войны на одну выпущенную с завода "тушку" приходилось пятнадцать "пешек". Но мы думаем, что это соотношение лучше довести до один к пяти.

Ещё одно применение Ту-2, которое надо сделать по возможности массовым, это высотный разведчик. На высоте почти одиннадцать километров практически бессильна зенитная артиллерия и крайне проблематичен перехват Ту-2 немецкими истребителями.

Теперь должен сказать о бомбардировщиках дальнего действия ТБ-7, они же Пе-8. Моторы АМ-35 на этих машинах необходимо заменять на всё те же АШ-82, что увеличит дальность полёта с трёх с половиной тысяч километров до пяти тысяч восьмисот километров, а масса бомбовой нагрузки возрастет до пяти тонн. Если товарищ Берия сможет добиться от нашей промышленности изготовления объёмно-детонирующих боеприпасов, то гитлеровская Германия получит крайне неприятный сюрприз, по разрушительной мощности мало уступающий даже спецбоеприпасам. И никаких крайне ненадёжных авиационных дизелей.

– Скажите, товарищ Хмелёв, а почему вы считаете, что авиационные дизеля невозможно довести до того же уровня надёжности, как и дизеля танковые? – неожиданно спросил Берия.

– Во-первых, товарищ Берия, потому, что танки не летают на десятикилометровой высоте и их двигатели не испытывают в течении одного полёта сильнейших перепадов температуры и давления. Соляр – одно из самых вязких видов двигательных топлив, и на морозе он сильно густеет. А на высоте десять километров всегда стоит мороз минус сорок градусов. В то же время, если заправлять баки самолёта зимним топливом, то работа двигателя будет неудовлетворительной на малых высотах.

Но и это ещё не всё. При наборе высоты происходит падение атмосферного давления и через стыки трубок топливной системы в рабочий объём мотогондолы начинает просачиваться горючее. Просачивается немного, какие-то капли. Но если бензин и реактивное топливо тут же бесследно испаряются, то соляр остаётся на месте, образуя липкую плёнку, загрязняющую поверхность двигателя. После возвращения на землю на эту липкую плёнку прилипает большое количество пыли. И

так вылет за вылетом. К началу пятидесятых годов с появлением турбовинтовых двигателей СССР полностью отказался от экспериментов с авиадизелями как в военной, так и в гражданской авиации.

– Понятно, товарищ Хмелёв, – кивнул Берия. – Вы упомянули об этом, чтобы мы не тратили время и средства на разработки, оказавшиеся в конце концов бесперспективными?

– Так точно, товарищ Генеральный комиссар госбезопасности, – кивнул Хмелёв. – Лучше отдать эти ресурсы товарищу Люльке для ускоренного создания первых турбореактивных и турбовинтовых двигателей.

Берия что-то записал в лежащий на коленях блокнот, и генерал-майор авиации Хмелёв подумал, что теперь потомки конструктора Чаромского, эмигрировав в Америку, будут всем рассказывать, как кровавые тираны Сталин и Берия зарезали гениальное изобретение их отца.

Дождавшись кивка Сталина, он продолжил дальше.

– Теперь, товарищи, что касается особенностей мотора АШ-82. Они нам нужны в как можно большем количестве. И существующая сейчас модификация имеет детскую болезнь в виде чрезмерного нагрева головок цилиндров, требуя маслорадиатор повышенной площади.

Теперь пару слов о знаменитом Ил-2. Товарищ Сталин, штурмовику необходим стрелок, который мог бы отражать атаки противника с задней полусферы.

При этих словах Ильюшин бросил быстрый взгляд на Сталина.

– В полках для снижения потерь со стороны вражеских истребителей извращаются как могут. Кто имитирует пулемёт воткнутой палкой, а кто засовывает за спину пилоту скрюченного вдвое бортмеханика с пулемётом Дегтярева. Кроме того, штурмовику необходимо скорострельное вооружение. Весь боекомплект он должен суметь выпустить во время первого захода, пока немецкое ПВО ещё не приведено к бою. Крайне полезны были бы многоразовые подкрыльевые кассеты для пятикилограммовых противотанковых кумулятивных или зажигательных, а также килограммовых осколочных бомб. В остальном машина лучшая в своём классе... – генерал-майор подумал и добавил. – Товарищ Ильюшин, для применения в ночное время и в условиях Крайнего Севера необходимо удлинить выхлопные патрубки двигателя и оборудовать их пламегасителями. Тогда выхлоп в темноте не будет слепить пилота и демаскировать штурмовик. Теперь с позволения товарища Сталина о том, какую специализацию имело каждое КБ в нашем прошлом.

– Правильно, – кивнул Сталин, – расскажите товарищам о том, кто они

такие, чтобы не теряли зря время и не экспериментировали, а занимались тем, что у них лучше всего получается.

– Хорошо, – кивнул Хмелёв и продолжил. – КБ, созданное товарищами Микояном и Гуревичем, специализировалось исключительно на боевой истребительной авиации. КБ товарища Сухого кроме истребителей создавало фронтовые бомбардировщики и штурмовики. КБ товарища Лавочкина было переключено на космическую тематику. КБ Петлякова в нашем прошлом не существовало, но мы надеемся, что получив вторую жизнь, он нас не подведёт. КБ Туполева – это дальние бомбардировщики и созданные на их основе такие же дальние пассажирские самолёты. КБ Ильюшина – это дальняя транспортная и пассажирская авиация. КБ Мясищева – это стратегические бомбардировщики, тут он немного конкурировал с Туполевым, как Сухой с Микояном в истребителях. КБ Антонова – это ближняя пассажирская и дальняя транспортная авиация, в основном способная использовать необорудованные и слабо оборудованные аэродромы. КБ товарища Болховитинова в наше время было почти неизвестно. В основном о нём помнят лишь то, что на самолёте его конструкции в Арктике пропал знаменитый лётчик Леваневский. Не самая лучшая память.

И ещё один совет. Никогда не испытывайте ваш БИ-2 на максимальную скорость в горизонтальном полёте. На скорости больше семисот километров в час аэродинамический фокус прямого крыла с толстым профилем смещается назад, создавая пикирующий момент. А горизонтальное хвостовое оперение при этом попадает в мёртвую зону от ударной волны, создаваемой фюзеляжем, и теряет свою эффективность. С первым эффектом борются применением стреловидного крыла, меняющего соотношение вдоль воздушного потока ширины крыла к его толщине. А против второго эффекта, либо размещают горизонтальное оперение в верхней части киля, подобно букве "Т", либо делают поворотными не только рулевые поверхности, но и все оперение целиком.

В нашем прошлом во время таких испытаний на максимальную скорость разбился экспериментальный самолёт № 2 и погиб очень хороший лётчик-испытатель товарищ Бахчиванджи. Результатом этой катастрофы стало закрытие программы и уничтожение уже построенных первых серийных планеров ракетопланов. Запомните: прямое и толстое крыло – это до семисот километров в час. Для бóльших скоростей крыло самолёта должно приобретать все бóльшую и бóльшую стреловидность.

Мои слова вы можете проверить в ЦАГИ. Там, кажется, уже имеется аэродинамическая труба, способная создавать воздушный поток требуемой

скорости. К этой работе было бы желательно подключить товарищей Микояна, Гуревича, Сухого, Мясищева. То есть всех тех, кто начнёт прямо сейчас работать на завтрашний день реактивной авиации.

– Хорошо, – кивнул Сталин, – мы сможем создать такую группу. Но чем бы вы предложили заняться самому товарищу Болховитинову после того, как эта совместная работа будет закончена? Ведь у вас он там себя ничем и никак не проявил.

– Товарищ Сталин, – ответил Хмелёв, – из темы БИ-2 логично вытекают дистанционно управляемые самолёты-снаряды воздушного базирования, а затем и крылатые ракеты. Не всем же делать самолёты, кому-то надо заняться и оружием для них.

– Это тоже верно, – сказал Сталин, и подвел итог. – Ну что, товарищи, на первый раз информации предостаточно. Поезжайте в свои КБ и приступайте к работе. Примерно через месяц мы с вами опять встретимся, только уже с каждым в отдельности, и снова переговорим. Все свободны...

14 февраля 1942 года. Полдень. Полевой лагерь ГОТМБ-1 ОСНАЗ РКК. Командир бригады генерал-майор Бережной.

Наше пребывание в ближнем Подмосковье подходит к концу. Пару дней назад бригада товарища Шашмурина закончила обработку токами высокой частоты элементов ходовой наших Т-34 и КВ-1, после чего в полном составе убыла в расположение гвардейской танковой бригады генерал-майора Катуква. Его бригаду, кстати, так переформировали, что Михаил Ефимович до сих пор с удивлением качает головой. Структуру танковой бригады и её штатное расписание готовили при моём участии, и напоминает оно скорее не танковую бригаду образца начала 1942 года, а усиленный танковый полк начала 80-х годов.

Судите сами. Во первых, четыре танковых батальона, один из которых тяжёлый, состоит из десяти танков КВ-2 и двадцати КВ-1, а остальные три – средние, укомплектованы каждый тридцатью Т-34-76, образца 1941 года, изготовленными на Сталинградском тракторном. Это уже сто двадцать средних и тяжёлых танков, то есть больше, чем половина танкового корпуса по штатам 1942 года. Во-вторых, разведроты на боевых аэросанях с лёгким бронированием. Лёгкие РФ-8 и тяжёлые НКЛ-26. Все они вооружены пулемётами ДТ. Есть в составе разведроты и кавалерийский взвод. Раскосые кривоногие люди на небольших лохматых лошадках. Это

цирики, братское алаверды благодарной Монголии за советскую помощь при Халхин-Голе.

В-третьих, для охраны штаба и закрепления позиций, сформирован мотострелковый батальон, использующий всё те же немецкие полугусеничные тягачи и имеющий на вооружении немецкие трофейные пулемёты МГ-34 по две штуки на отделение. После битвы за Москву этого добра, брошенного истинными арийцами при отступлении, тут как грязи. Остальное вооружение мотострелков – это СВТ-40 и ППШ-41. Ну, и на сладкое – самоходный артдивизион, восемнадцать самоходов СУ-76. Конечно, их не сравнить с нашими "Нонами" и "Мстами", но все в мире относительно. Сейчас Су-76 – это единственный образчик самоходной артиллерии в РККА.

После переформирования Верховный, зная, кто такой Катук, и совсем недолго думая, повесил на 4-ю гвардейскую танковую тот же лейбл, что и на нас грешных. И стали они тоже ОСНАЗ РККА. Опять же дезинформация для вражеской разведки, ведь по документам она проходит, как бригада, а по боевой мощи равняется недокорпусу.

Тем временем, день за днём, подготовка к "Молнии" шла своим чередом. Собиралась и обкатывалась техника, рембат работал по двадцать часов в сутки. Наутро четырнадцатого были полностью закончены профилактические работы на Т-72, закончена сборка и обкатка всех двадцати КВ-1 и более чем половины Т-34. Николай Фёдорович Шашмурин после спецобработки обещал нам тысячу километров марша для КВ-1 и полторы тысячи для Т-34. Подверглись закалке и трущиеся детали танковых дизелей, что тоже увеличило их ресурс и хоть немного приблизило местную техническую базу к нашей по надёжности.

Но техника – техникой, а воюет-то не железо, а люди. И поэтому особо жёстким тренировкам подвергались экипажи танков, особенно наводчики и механики-водители, и мотострелки. Пехота – это вообще наше всё. Именно ей предстоит удерживать тот ключевой пункт в глубине немецкой обороны, который с налёта возьмут танки. От неё зависит итоговый успех операции. Мало взять Псков, его нужно ещё и удержать до ввода в прорыв подкреплений.

Поэтому, к удивлению бойцов, большая часть учебных задач касается не наступательных, а как раз оборонительных задач. Как выяснилось, генерал-лейтенант Василевский, уже приступивший к исполнению обязанностей начальника Генерального Штаба, не забыл о наших нуждах. И двенадцатого февраля в наш полевой лагерь прибыл сводный инженерно-штурмовой батальон майора Горового. Батальон – это громко сказано, в

строю сто пятьдесят два человека. Что и не удивительно, ведь при ликвидации группировки Клейста батальон прошёл пекло уличных боёв в Сталино (Донецке), и именно на его участок вышли немецкие парламентёры с предложением о капитуляции. Уменьшившись в ходе этих боёв почти вдвое, батальон приобрёл бесценный опыт уличных боёв и вкус к дальнейшим победам. Я видел этих бойцов, разговаривал с ними. Это уже совсем другие люди, совершенно не похожие на тех, кого мы встретили под Евпаторией всего сорок дней назад. Те местные бойцы и командиры, что сражались вместе с нами в Евпатории и после, совершенно закономерно менялись под нашим влиянием. Эти же бойцы, пройдя жестокие наступательные бои и победив в них, изменили себя сами. Тем больше им чести и славы. Самоходной техники для них пока нет, и в бой они пойдут десантом на броне танкового батальона.

А сегодня случилось ещё одно знаменательное происшествие. В полдень к воротам КПП подрулила колонна полуторок. Из кабины головной машины вылез коренастый командир с квадратным лицом и, предъявив свои документы, попросил вызвать командира бригады. Это был "Император Всея Артиллерии" Василий Гаврилович Грабин. В кузовах машин, упакованные в грубо сколоченные ящики, лежали два десятка удлинённых с 41 до 56 калибров пушек ЗИС-5 для наших танков KB-1 и столько же аналогично подросших орудий Ф-34 для Т-34. Все орудия были снабжены дульным тормозом от пушки ЗИС-3, уменьшающим отдачу и вскидывание орудия при выстреле. Товарищ Грабин вообще был известен тем, что смело использовал не нуждающиеся в изменениях детали от своих старых систем в новых разработках.

– Вот, товарищ генерал-майор, – пожал Грабин мне руку. – Готово. Сказать честно, если бы не маршал Кулик, будь он неладен, орудия сразу пошли бы в войска именно в таком виде. А то кое-кто из наших танковых генералов был уверен, что длинный ствол орудия будет цеплять землю.

– Знаю, – сказал я, – и всё равно спасибо. Нам это мало пригодится, со следующего круга мы переходим на совсем другие машины, с орудиями другого калибра. Но линейные танковые части РККА, Василий Гаврилович, будут вам весьма благодарны, ибо им на Т-34 с 76-мм пушкой ещё воевать и воевать.

– Конечно, – кивнул Грабин. – Об этом у меня был подробный разговор с товарищем Сталиным, и задачу на разработку удлинённых танковых и противотанковых орудий калибра 85 и 100 миллиметров я от него уже получил. В начале марта надеюсь выйти с прототипами на полигон.

– Быстро у вас, – кивнул я, – Будет фашистам приятный сюрприз.

И тут в голову мне пришла одна мысль.

– Кстати, а как там у вас поживает оружие ЗИС-3?

– Нормально поживает, – нахмурился Грабин, – пошло в серию. А что с ним не в порядке?

– С ним-то всё в порядке, – ответил я, – но я тут вспомнил, как немцы модернизировали трофейные Ф-22 в противотанковые пушки, получившие у наших танкистов прозвище "гадюка". Они воспользовались тем, что ствол у вас запроектирован с запасом, и растачивали камеры орудия. В 1942 г. и первой половине 1943 г. самой мощной противотанковой пушкой вермахта была ваша Ф-22. Летом и осенью 1941 года несколько сотен этих пушек были захвачены целыми и невредимыми. Пятьсот шестьдесят пушек Ф-22 были переделаны в буксируемые противотанковые 7,62-см пушки РАК 36(г). Немцы расточили камеру Ф-22, увеличили заряд в 2,4 раза, установили дульный тормоз, уменьшили угол возвышения и исключили механизм переменного отката. Товарищ Грабин, надо отметить, что немцы просто исправили капризы "товарища" Тухачевского и ряда других военных, в своё время заставивших вас в таком мощном орудии использовать гильзу обр. 1900 г., ограничивавшую вес заряда, и ввести угол возвышения 75°, дабы из него можно было вести стрельбу по самолётам. Передок у пушки немцы, естественно, исключили, так как использовали только механическую тягу. Вес РАК 36(г) в походном и боевом положениях составлял около 1710 кг, а угол вертикального наведения от -6° до $+18^\circ$. Для РАК 36(г) немцы спроектировали четыре снаряда: бронебойный калиберный Pz.Gr.39 весом 7,54 кг и начальной скоростью 740 м/с, подкалиберный Pz.Gr.40 весом 4,05 кг и начальной скоростью 990 м/с, кумулятивный HL.Gr.38 с начальной скоростью 450 м/с и осколочный Sp.Gr.39 весом 6,2 кг и начальной скоростью 550 м/с. Всего таких снарядов в 1942–1945 гг. было изготовлено 4,2 млн штук. Эти снаряды предназначались не только для буксируемых 7,62-см пушек РАК 36(г), но и для самоходных установок, оснащённых вашими переделанными Ф-22.

Бронебойный снаряд 76-мм имел начальную скорость около километра в секунду и очень высокую настильность и бронебойность. А если учесть, что масса орудия от таких изменений совершенно не изменилась... Попробуйте предвосхитить немецких коллег и сделать нечто подобное. А то Адольф Алоизыч нежно обожает разные железные игрушки, и нужда в противотанковой артиллерии с высокой бронепробиваемостью в войсках у нас будет страшная.

В нашем прошлом ваша ЗИС-3 не могла взять в лоб танки "Тигр" при

любом угле встречи снаряда с бронёй на дистанции больше ста метров. В борт дистанция пробития была не больше трёхсот метров. А уж наши танки с 76-мм пушками шли в атаку на немецких тяжеловесов чуть ли не в штыковую, при этом подвергаясь расстрелу из их 88-мм зениток с километровых дистанций. Именно поэтому речь у нас сразу зашла и о 85- и 100-миллиметровой танковой и противотанковой артиллерии. Но вес прицепных артсистем крайне критичен для пехоты, основную тягловую силу которой, как правило, составляют сами солдаты...

– Я понял вашу мысль, – Василий Гаврилович почесал свою "центурионовскую" бородку. – Конечно, мы попробуем сделать то, что вы сказали, расточив камору ЗИС-3 под удлинённую гильзу. Только вот из-за своих гибридных боеприпасов такое орудие станет чисто противотанковым и не сможет получить широкого распространения...

Я пожал плечами.

– Василий Гаврилович, самая очевидная мысль, которая приходит мне в голову, это: пусть в наших войсках будет хотя бы одна относительно компактная чисто противотанковая пушка высокой убойности. Тот же самый принцип немцы использовали, когда создавали орудие для своей самоходки "Ягдпантера", применив ствол своего родного 75 мм калибра длиной в 70 калибров с удлинённой до 640 мм зарядной каморой. Тоже, сволочь, выпила немало крови нашим танкистам. Если такими стволами модернизировать Астровскую СУ-76, то может получиться очень интересный вариант. Эдакий мобильный барбос, который пусть и не загрызёт насмерть, но серьёзно покусает.

– Мы посмотрим, – кивнул Грабин. – А сейчас давайте поставим то, что я привёз, на ваши танки. Товарищ Сталин особо настаивал, чтобы войсковые испытания нового орудия проходили именно в вашей бригаде.

Я посмотрел на лежащие в кузовах грузовиков длиннющие ящики. Вот вроде и все. Это последний шаг перед началом плана "Молния". Больше бригаду принципиально ничем усилить нельзя. Установить новые орудия, насколько дней интенсивных учений, ну а потом нам надо будет покинуть это место так, чтобы об этом не догадалась ни одна разведка мира.

Секретность – залог успеха. Именно поэтому уже сейчас готовятся фанерные макеты техники, а неподалеку расквартирован только что выведенный из боёв танковый батальон. Они займут место нашей бригады, когда она убудет в район прорыва. И дай-то бог, чтобы немцы не поняли этого, пока мы не скажем своё очередное веское слово в этой войне. У нас для этого теперь почти все готово.